

БЕРНГАРД
ГРЖИМЕК

*Наши братья
меньше*

Мы больше
не жакки

Ваша Братва
меньше

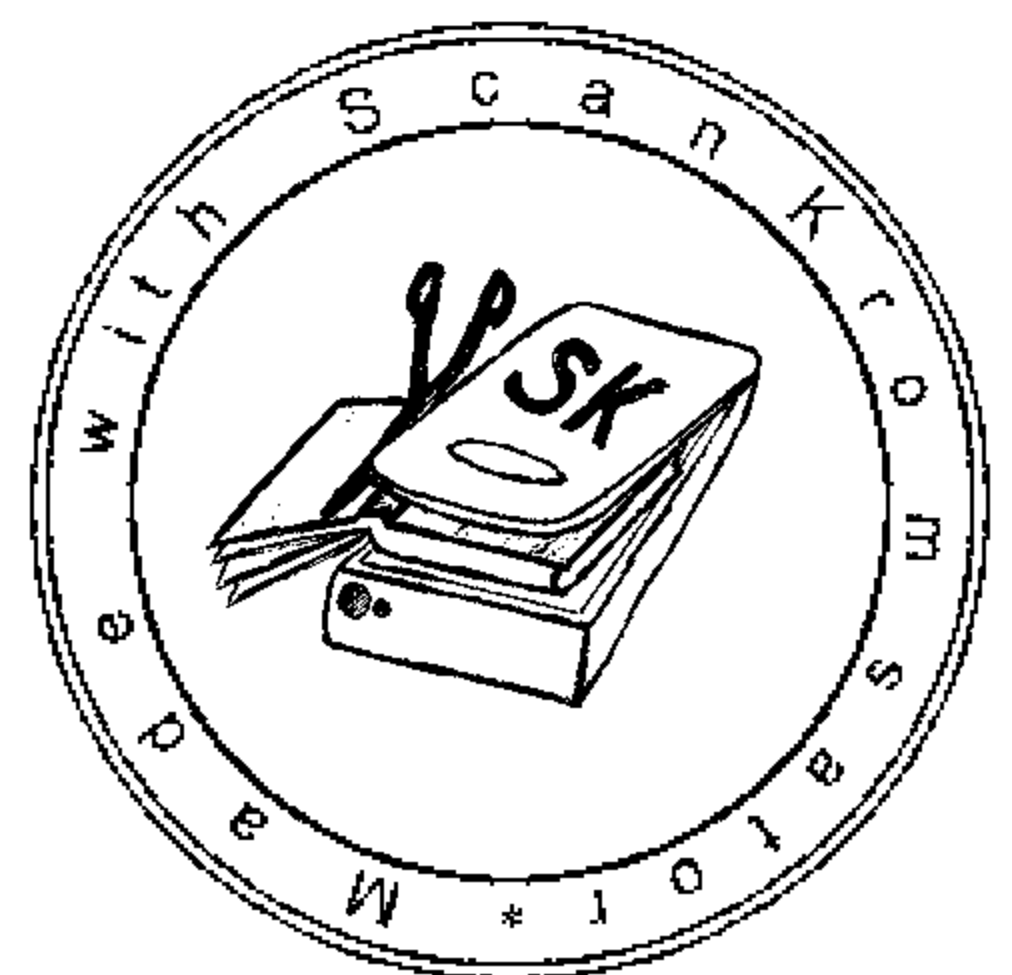
БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Перевод с немецкого
Е. ГЕЕВСКОЙ

АРМАДА
Москва
1998

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(4)-44я5

Г 81

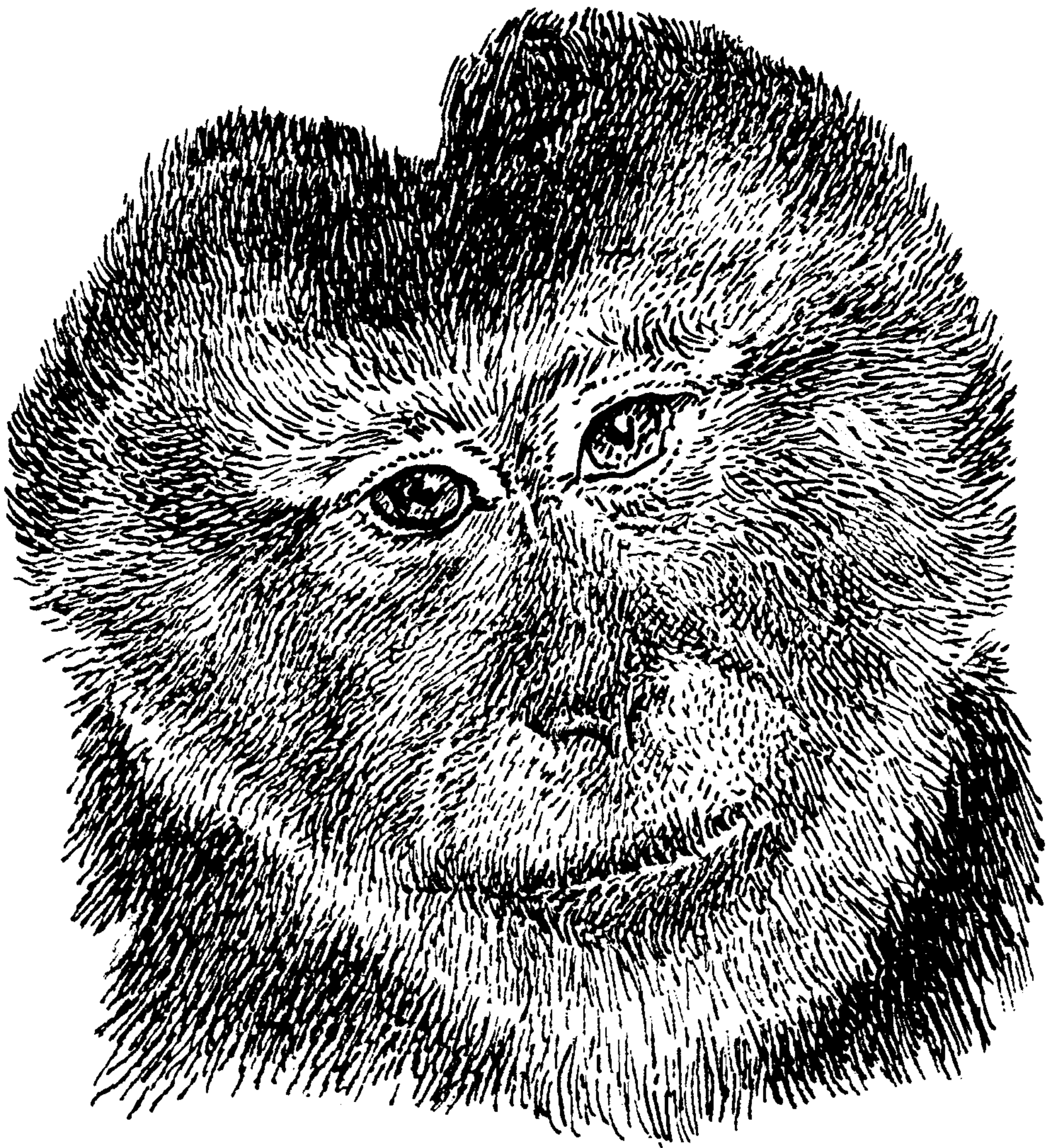
Иллюстрации
А. В. Ермакова

© Иллюстрации, А. В. Ермаков, 1998

© Сост., художественное оформление,
АРМАДА, 1998

ISBN 5-7632-0807-2

Моя любовь
не жалеет

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий человек любит животных, цветы, детей. Он способен благоговейно любоваться лилией, купающей свои нетронутые прохладные листочки в солнечных лучах. И сердце у него забьется сильнее при виде белых легких облачков, горделиво проплывающих над обновленной весенней землей...

Но можно всем сердцем любить ребенка и тем не менее вырастить из него эгоистичного и избалованного человека. Можно хорошо относиться к собакам и в то же время выводить противоестественные и уродливые породы с гипертрофированно большими головами и приплюснутыми носами. Посмотрите на толстую таксу: она перекормлена, ее мучает астма, несварение желудка, и кожа чешется из-за чрезмерного употребления сладкого — но кто же может усомниться в том, что хозяйка любит свою собачку? Нет, здесь одной лишь сердечной привязанности недостаточно; это относится и к людям, а к животным и подавно. Ты хочешь, к примеру, показать славной карликовой курочке, как хорошо ты к ней относишься, и гладишь ее при этом по ее блестящему черному каемчатому оперению. А ведь курам, как и большинству других пернатых, такое поглаживание в высшей степени неприятно! Тот, кто хочет делать добро, должен сначала узнать, кому что приятно.

Многие книги рассчитаны на то, чтобы пробудить в человеке любовь к животным. Моя, разумеется, тоже. Но вместе с тем я

полагаю, что такую любовь черпают не из книг. Ведь в жизни всегда бывает так: *либо остаешься равнодушным, либо любишь*; то же самое и по отношению к животным. Поэтому в своей книге я задался еще несколько иной целью: поразмыслить немного о них, о наших животных, побольше о них узнать. Хотя и невозможно с точностью определить, что кроется в этих головах, покрытых шерстью или перьями, но зато все же можно опытным путем доказать, что, например, в лошадином мозгу мир может отражаться совсем иначе, чем мы это предполагали. То же самое относится и ко всем другим моим подопытным животным, о которых пойдет речь в этой книге.

Разумеется, исследователи животных и зоопсихологи проводят подобные опыты, побуждаемые всегда одним и тем же вполне благородным чувством — любознательностью. Настоячивое стремление узнать «а что там внутри», мучает нас ведь уже с ранних лет, заставляя мальчишку разбирать на составные детали игрушечную железную дорогу. Да что там мы! Проживавших у меня в доме шимпанзе то же чувство любопытства заставляло выгребать шкаф с инструментами, в котором не лежало ничего съестного.

Но если исследователя, помимо любви к животным, к его опытам подтолкнуло в первую очередь любопытство, он все равно будет счастлив оттого, что это любопытство дало ему в руки такие знания, которые помогут друзьям животных не только любить своих питомцев, но и понимать их, знать, что им нужно, и приносить им пользу.

Так что я буду счастлив, если эта моя книга принесет хоть немного радости и вдохновения нашим сверхзанятым, живущим в вечной спешке и суете горожанам и заодно заставит их задуматься о своих «современниках», живущих рядом с ними на планете Земля, которых благодаря их скромности так часто совсем не замечают,— о наших братьях меньших — животных.

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Глава первая

УЛА

КОГДА В ДОМЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ДЕТЕНЫШ-ШИМПАНЗЕ

А дело было вот как. Профессор Шмидт-Хоенсдорф водил меня по зоопарку в Галле, по своему ландшафтному расположению, безусловно, одному из самых красивых немецких зоопарков. Целый час мы простояли возле львов и тигров, о которых я знал, что кое-кто из этих могучих хищников провел свои младенческие годы в доме у профессора.

— Такая пантера хоть внушает посетителям уважение! Но с каким презрением, вы бы видели, они разглядывают наших человекообразных обезьян там, напротив! Слышали бы вы, какие замечания отпускаются по адресу этих умнейших и приятнейших животных! Насколько их не принимают всерьез! Честное слово, порой пропадает всякое желание их здесь держать... Впрочем, завтра я как раз собираюсь поехать в Ганновер к Рухе, выбрать себе какого-нибудь мальчика-шимпанзе лет трех-четырех. Туда только что завезли новую партию из Африки, целых четырнадцать штук.

Всю дорогу назад из Галле в Берлин ганноверские шимпанзе не выходили у меня из головы. Вечером я не стерпел и позвонил по междугородному телефону профессору Шмидту:

— Не выберете ли вы и для меня заодно хорошенькую шимпанзюшку? Дело в том, что выбратся туда я смогу не раньше воскресенья и не хочу, чтобы мне достался последний, самый плохой экземпляр, когда директора других зоопарков уже разберут что получше!

Три дня спустя я был уже в Ганновере. Надо сказать, что Ганноверский зоопарк очень отличается от всех других немецких зоопарков. Дело в том, что он принадлежит известной фирме по закупке животных «Рухе из Альфельда», имеющей свои филиалы в Нью-Йорке и Лондоне. Поэтому там всегда может случиться, что сегодня посетителям продемонстрируют сразу более двадцати белых медведей, а завтра уже ганноверцы смогут любоваться редким видом носорога, которого через две недели, после того как завезли сюда, отправят дальше, поскольку он следует транзитом из Африки через ФРГ в Южную Америку...

Но «наших» шимпанзе посетителям увидеть не пришлось. Павильон, в который их поместили, был отгорожен от публики массивной цепью, чтобы вновь прибывшие «транзитные пассажиры» могли прийти в себя, привыкнуть к европейской пище и к зоопарковским клеткам.

Самый большой самец-шимпанзе, ростом метр шестьдесят, впал в бешенство, как только мы переступили порог павильона. Что он только не начал вытворять! Его лицо исказилось, превратившись в сатанинскую маску, его дикий визг нас буквально оглушил, он схватил какую-то деревяшку и разнес ее в щепки о железную решетку! Однако служителя такой припадок отнюдь не вывел из состояния равновесия. Он преспокойно направился к клетке, уговорил беснующегося скандалиста протянуть ему руку и вложил в нее банан. Тот повиновался, однако не выпускал нас, возмутителей спокойствия, ни на секунду из поля зрения.

Когда мы стали медленно проходить вдоль остальных клеток, сидящие в них «постояльцы», большей частью помоложе, приветствовали нас исключительно радостно: некоторые даже хватали меня сквозь прутья за штанину, стучали рукой об пол и нетерпеливо подпрыгивали, приглашая с ними поиграть и повозиться. А в последней клетке сидели «братец с сестричкой» — два трогательных черных карапуза, тесно обнявшись и оглядывая нас полулюбопытным-полуробким взглядом. Когда мы зашли к ним в клетку, «братец» завопил что было мочи, метнулся к решетке и залез по ней на самый верх. «Сестричка» оказалась храбреей: она никуда не убежала, с интересом прислушивалась к нашим уговорам и под конец даже доверчиво протянула нам крошечную ручку. Наверное, не последнюю роль здесь сыграл и апельсин, который служитель извлек из своего кармана. Но выбор был

сделан: девочка-шимпанзе поехала со мной в Берлин, а боязливый парнишка-шимпанзе — в Данию.

Врачебный осмотр показал, что Ула, так звали малышку, здоровый детеныш с ровными крепкими зубами, розовыми деснами, гладкой черной шерстью без проплешин и с упругим кругленьким пузиком. Но уж очень мала! Весит всего каких-нибудь три килограмма!

Уже готов транспортный ящик, в котором Ула должна следовать в Берлин в виде «груза повышенной скорости доставки». Но не успела закрыться задвижка дверцы, как в зарешеченном окошке мгновенно появилось испуганное, умоляющее личико с обиженно надутыми губами, прямо смотреть жалко! Обезьянка старается просунуть коричневый пальчик сквозь проволочную сетку и, как только перестает видеть возле своего окошка заботливое человеческое лицо, поднимает душераздирающий крик, ничем не отличающийся от требовательного плача грудного младенца. Пока ящик доносят из помещения приема багажа до перрона, крик этот становится таким пронзительным, что сбегаются провожающие со всего вокзала. Но стоит мне только наклониться к окошку транспортного ящика, как маленький горлопан тотчас же замолкает и мгновенно восстанавливается тишь и гладь — ну хоть не отходи!

Но вот поезд трогается, и я озабоченно пробираюсь из своего вагона в багажное отделение, чтобы посмотреть, как себя чувствует мой маленький пассажир. Это, кстати, не такое легкое дело — пробираться через переполненный поезд! Но волновался я напрасно: Улу я нашел вполне счастливой — двое приветливых проводников уже позаботились о ней и хлопчут вокруг клетки. Один как раз собирается налить ей в чашку сырой воды.

— Бедное животное, наверное, потому так и кричало, что пить хочет...

А другой уже держит наготове апельсин. И то и другое может вызвать у маленькой обезьянки, содержащейся на строгой диете, сильнейший понос, а то и еще что-нибудь похуже.

При моем следующем посещении я нахожу Улу крепко спящей. Она лежит на спине, а руки и ноги скрестила на животе. По-видимому, мерное покачивание вагона убаюкало ее не хуже, чем если бы она находилась в надежных руках своей матери-шимпанзе, покачивающейся на ветке дерева. Таким образом Ула и прибыла благополучно в Берлин.

Дома ей пришлось отвоевывать себе свое место рядом с двумя не слишком-то любезными и дружелюбными мальчишками, к тому же в это время у нас гостил еще и третий ребенок, приехавший на каникулы. Отвоевывала она это место, прямо скажем,

не самым деликатным «девичьим способом», а энергично «рас-талкивая других локтями», на правах младшего члена семьи — пуская в ход крепкие челюсти и испуская громкие вопли.

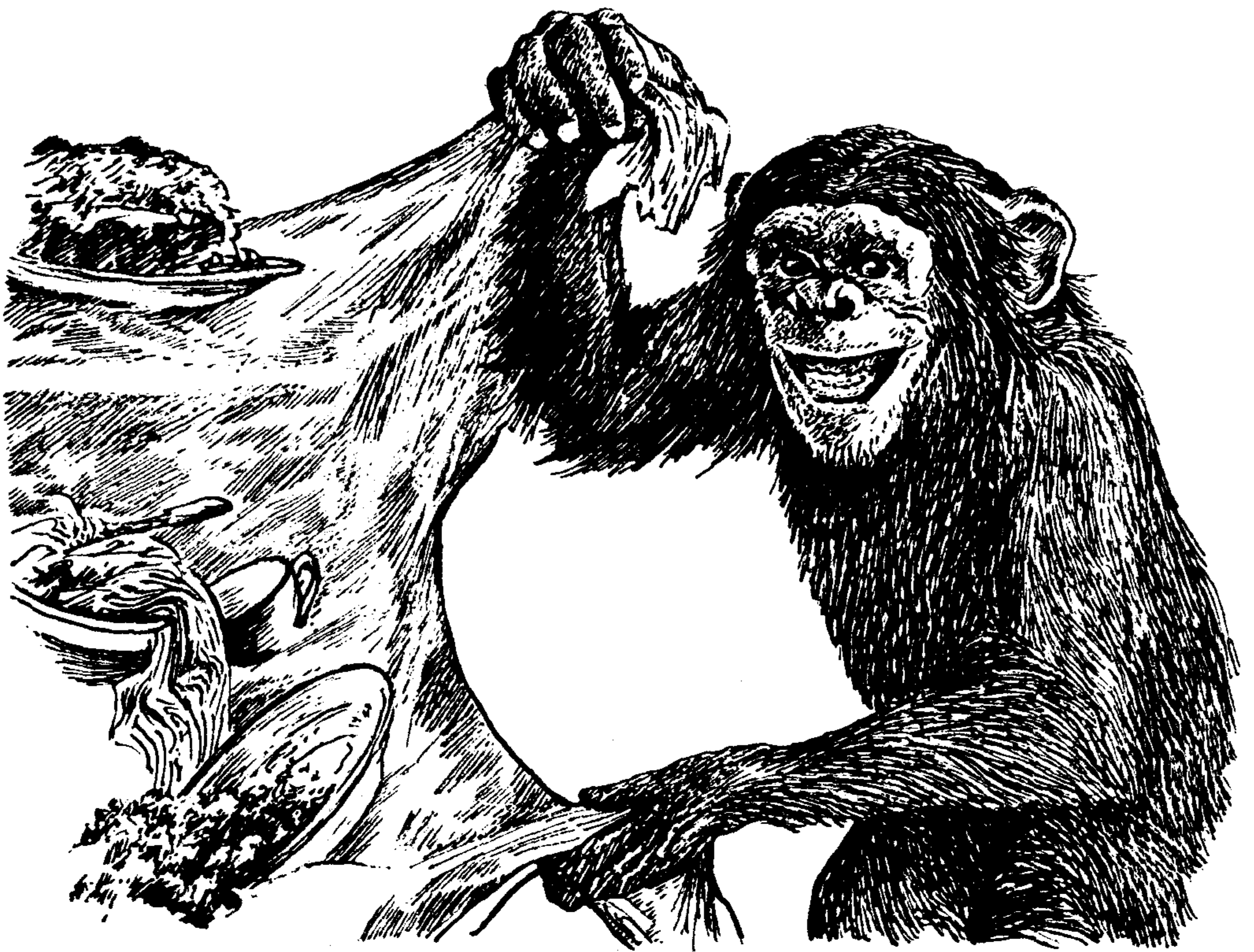
Сначала она побаивалась этих шумных и бойких низкорослых людишек: как только они подходили, она сразу же спасалась бегством, проворно забираясь по мне наверх, и судорожно цеплялась своими ручонками за шею. Но стоило ей увидеть в окно играющих во дворе детей, как она тут же принималась громко смеяться и возбужденно стучать по стеклу руками. Заметив каменщиков, работающих у нас в палисаднике (мы пригласили их прорубить дополнительное окно в «обезьянней комнате», предназначенной для Улы), она пришла в такой неопиcуемый восторг, что мы не на шутку испугались за свои оконные стекла. Охотней всего она немедленно приняла бы участие в работе этих людей.

Разумеется, Ула очень быстро сообразила, что не ей надо бояться мальчишек, а это им следует ее бояться. Теперь она зачинщик самых бешеных дикарских игр, таких, что начинает казаться, будто в доме не одна, а десять обезьян. Правда, кусается и дерется обезьянка в таких случаях только «понарошку». Но если ей захочется слезть с рук, а кто-то пытается ее удержать, или ребята отнимают у нее любимую игрушку, или уж очень чем-то досаждают и дразнят, тогда дело может закончиться настоящими кровоподтеками и слезами... Ро, наш старший, после подобных размолвок долго еще дуется на забияку и обходит ее стороной. Михаэль же не злопамятен — спустя два часа он уже забыл об укушенном месте!

Когда вся семья собирается за столом и, не дай Бог, забыли про нашу барышню, то легко может случиться, что кто-то из мальчишек с криком выронит ложку: обезьянка решила обратить на себя внимание, незаметно подкравшись под столом и предельно цапнув зубами за ногу...

Кусается она вообще во всех случаях, когда чем-нибудь недовольна: то не хочет спать ложиться и не позволяет засунуть себя в клетку; не желает отдавать полную горсть соды, которую молниеносно выхватила на кухне из пакета. Дедушку она тиранит теми же способами, как это делают наши внучата. Он обязан безропотно таскать ее на плечах, непрерывно «брать на ручки» и играть с ней по первому же требованию.

Каждую минуту Уле приходится что-нибудь запрещать. То она принимается старательно выдергивать все цветы из цветочных горшков, то самозабвенно качается на портьере, словно на качелях; особое пристрастие она испытывает к швейной шкатулке с ее столь разнообразным содержимым; несмотря на строгий запрет, она при любом удобном случае находит способ завладеть

ею и, усевшись на полу, рассыпает и раскладывает перед собой все эти роскошные драгоценности: пуговицы, катушки, тесьму, вязальные крючки и все прочее добро. Восторгу нет конца! А можно и так: вытащить из ящика с углем кусок угля и гонять его по всей квартире наподобие хоккейной шайбы. Потянуть за угол скатерть накрытого к обеду стола для нее так же заманчиво, как это было несколько лет назад для наших мальчишек, когда они были в том же возрасте, что и она. Ковры Ула охотней всего скатывает в рулон, картины на стенах заставляет опасно раскачиваться из стороны в сторону. Особое пристрастие питает она к нашему сервировочному столику на колесиках. Стоит ей им завладеть, как он уже в диком галопе несется через всю комнату под радостный визг обезьянки. В случае необходимости то же самое проделывают и стулья, хотя они и менее поворотливы. Впервые увидев, как печатают на пишущей машинке, Ула с замиранием сердца наблюдала за этим удивительным чудом. А несколько позже мы уже застали ее за тем, как она осторожно нажимала своими пальчиками на клавиши, пробуя одну за другой. Охотно она грызет углы подушек, занавески на окнах. Ула чрезвычайно интересуется всем, что способно двигаться или на чем можно прокатиться. Она хватается за дверные ручки и катается на дверях взад и вперед, отталкиваясь от стены. Самокатом ребят

обезьянка пока еще воспользоваться не в состоянии, потому что мала ростом. Но она храбро садится на него верхом и пытается привести его в движение, раскачиваясь всем телом взад и вперед. В своей клетке ее редко увидишь сидящей на полу — вечно она виснет на прутьях решетки или на канатах, свисающих с потолка.

Когда Ула обнаружила, что доски пола в ее клетке можно приподнять кверху, она в один прекрасный день исчезла из дому. Ищем, ищем — нигде нет. В саду тоже нет. Но вскоре до нас донесся ее испуганный крик из граничащего с нашим садом городского парка. Попав в совершенно незнакомую обстановку, маленькая беглянка почувствовала себя внезапно ужасно одиноко и неуверенно. Поэтому, завидев издалека сторожа парка, Ула кинулась к нему со всех ног, ища у него спасения. Однако перепуганный сторож принял широко открытый плачущий рот за «оскаленную пасть» и счел благоразумным скрыться подальше от греха — «еще загрызет образина эдакая». Он поскорей забежал в свою сторожку и старательно забаррикадировал дверь, в которую Ула с воплем начала колотить кулаками.

Живя у нас в доме, обезьянка с каждой неделей становилась благовоспитанней и вскоре уже вела себя вполне прилично с окружающими. Теперь она скорее дала бы себя четвертовать, чем причинила бы своей приемной матери малейшую боль — даже в минуту растерянности от испуга, даже в крайнем раздражении: это просто исключено. Стоит той только протянуть ей навстречу руки, обезьянка моментально, не задумываясь, бросит любого, да еще и укусит, если тот попытается ее удержать!

Ей, ее хозяйке, разрешено даже мыть Уле лицо, хотя гримасы, которые она при этом корчит, выдают ее крайнее возмущение. Зато руки и ноги она разрешает мыть вполне добровольно, протягивая их одну за другой. А уж расчесывать шерсть щеткой — это пожалуйста! Только подойдешь к ней с щеткой и расческой в руках, как она тут же с готовностью протягивает обе руки. Ула вообще весьма чистоплотна и аккуратна. «На горшочек» она просится через совершенно определенные интервалы, так что в квартире все чисто. Даже тогда, когда она, заболев, спала в настоящей человеческой кровати, то поднялась среди ночи и, подойдя к краю постели, сделала свои дела на пол. Ведь шимпанзе и на воле никогда не испражняются в своих гнездах, которые сооружают себе на ночь. Ночуя на деревьях, среди ветвей, им не сложно избавляться от своих «отходов», роняя их вниз, на землю. Охотно Ула греется под кварцевой лампой. Но и на неприятные медицинские манипуляции над собой соглашается вполне добровольно, если их только проделывает ее любимица. Она открывает рот, если надо обследовать зубы; охотно отдает своро-

ванные вещи, если ее за это пристыдят и выругают. Однажды, когда у нее случились какие-то неполадки с желудком, она, к нашему великому удивлению, не стала сопротивляться даже против клизмы.

Когда Ула пытается рассмотреть поближе патефонные пластинки, а ей это запрещают, то случается, что она из чувства противоречия старается продолжать запрещенное занятие нам назло. А за это уже полагаются шлепки. Получив по попе и выслушав нравоучения, обезьянка отправляется в угол. Там она сидит на корточках, скрестив руки на груди, страшно разобитая и недовольная. Но надолго ее не хватает. Вскоре она начинает подпрыгивать на месте и вытворять разные фокусы, а если она видит, что мы смеемся над ее проделками, то стоит только отвернуться, как она уже исчезла с места наказания.

Ула любит покушать. Когда начинают накрывать на стол, она неизменно приветствует этот процесс громким «ух, ух, ух, ух!». Вскоре она уже научилась самостоятельно подносить ко рту стакан с чаем. Однако первое время беззаботно роняла его тут же, как только удовлетворяла свою жажду или он оказывался пустым. Четверть года спустя она уже аккуратно ставила пустую посуду назад на стол. Она любит выпрашивать куски, когда кто-нибудь из нас что-то ест. Не дашь — обидится и расстроится. Когда наша собака Бобби отняла у нее однажды печенье, Ула злобно бросилась за ней через всю комнату и, догнав, вцепилась зубами в ногу.

Если зажать в кулаке какое-нибудь лакомство, она будет стараться изо всех сил просунуть туда свои пальцы или попытается отогнуть ваши пальцы. Впрочем, не «кусочничать», а есть по-настоящему она начинает только во второй половине дня, ближе к вечеру, но уж тогда с волчьим аппетитом.

Однажды как-то Уле не давал покоя торт, которого ей не разрешили попробовать во время кофепития, а ей уж очень хотелось. Однако сладкий торт такой обезьянке ничего, кроме вреда, не принесет, поэтому его Уле и не дали. Тогда она взяла в руки вилку и, как бы рассеянно играя ею, нерешительно приближала руку все ближе к блюду с тортом: вилкой туда, вилкой сюда и, наконец, с самым невинным видом втыкает ее в крохотный кусочек торта и немедленно отправляет его в рот.

Ула ведет себя у нас в доме в нашей семье совершенно свободно, так, как вел бы себя маленький ребенок. Нам нужно, чтобы она резвилась и играла как ей вздумается, а мы бы имели возможность спокойно за ней наблюдать. Ведь для нас она не просто занятая живая игрушка, а представитель высшего отряда животных с высокоорганизованным мышлением.

На какие удивительные вещи способны человекообразные обезьяны, показали недавние опыты, проведенные зоопсихологом Йорксом.

Так же быстро они научились, крепко нажимая на рычаг другого аппарата, добывать из него виноград, виднеющийся в стеклянном окошечке. С тем же старанием они нажимали на рычаг, когда в окошке вместо ягод виднелся серебряный жетон, с помощью которого они затем из другого автомата могли получить виноград. Большая часть подопытных обезьян, видя за стеклом жетон, нажимала на рычаг с тем же усердием и столь же поспешно, словно там виднелись сами ягоды. Следовательно, «деньги» для них имели цену, равнозначную «товару».

Критической становилась ситуация в тех случаях, когда автомат с ягодами оказывался запертым и добытые в другом аппарате «монеты» нельзя было тотчас же выменять на лакомства. Некоторые из обезьян в таких случаях уже через десять минут прекращали раздобывание ненужных теперь «денег», другие же продолжали свое занятие даже тогда, когда автомат с ягодами оставался запертым в течение суток и раздобытые «деньги» никак не удавалось реализовать. Как видите, «вера в прочность валюты» и у обезьян бывает неодинакова...

Различные особи отличаются и по своей жажде накопительства: когда жетоны нельзя было тут же превратить в виноград, большинство обезьян накапливало себе их впрок от пятнадцати до двадцати штук. Но были и такие, которым хватало от двух до трех. Если обезьянам заранее давали в руки «капитал», состоящий из пятнадцати монет, они «дорабатывали» к ним еще в среднем примерно пять штук и на этом останавливались. А стоило повысить их «исходный капитал» до тридцати монет, они добывали к ним еще не больше двух или трех из автомата.

Вскоре шимпанзе Йоркса научились понимать разницу между различными жетонами, оценивать их «покупательную стоимость». Когда они уяснили себе, что за серебряный жетон им удастся раздобыть из автомата *одну* ягоду, а за красный — извлекать из другого аппарата сразу *десять* ягод, они стремились уже получать только красные жетоны. Вскоре обезьяны научились почти безошибочно пользоваться жетонами разного цвета. В зависимости от того, что они ощущали — голод или жажду, они добывали себе из аппаратов либо синие (еда), либо желтые (питье) жетоны. А еще один, третий сорт жетонов служил для открывания дверей, ведущих в соседнее помещение. Стоило в их игровой комнате появиться белой крысе или оператору с камерой — и то и другое

наводило страх на обезьян, — как они тут же кидались разыскивать нужного цвета жетон, чтобы поскорей открыть дверь и улизнуть в соседнее помещение. Так же они поступали, услышав знакомые шаги в этом соседнем помещении.

Йоркс проделывал еще и следующий опыт. В одной клетке он устанавливал автомат с ягодами, а в соседней с ней клал на столик необходимые для добычи ягод жетоны. Обезьяна, сидящая в клетке с автоматом, принималась всячески выклянчивать у соседа жетоны и в конце концов получала их. Раздобыв себе из автомата ягоды, обезьяна их тут же съедала, не помышляя о том, чтобы поделиться добычей с соседом. В лучшем случае она протягивала ему сквозь прутья решетки... кожуру от апельсина.

«А вы не боитесь, что эта зверюшка от вас убежит, если дверь на улицу останется открытой?» — обеспокоенно спрашивали меня не раз мои знакомые.

Но волновались они зря. Пока что дело обстоит как раз наоборот: Ула боится, что мы от нее убежим. Когда она резвится на деревьях в саду, то тут же с криком слезает и кидается вслед за нами, как только мы направляемся к дому. С поднятыми кверху ручонками она несется к нам, чтобы ухватиться за ногу, забраться на руки и обнять за шею. Когда летом ее запирают в садовую вольеру, она, завидя кого-нибудь из нас, поднимает неистовый визг. Прокричав так в течение нескольких дней, она до того охрипла, что мы больше не решались оставлять ее в одиночестве.

Иногда я разрешаю Уле, мирно восседающей на моих коленях, тщательно меня обследовать. В таких случаях она осторожно ощупывает мои глаза, а еще охотней очки, дергает за волосы или осторожно просовывает свою руку в мой рукав. В случае какой-нибудь провинности нет никакой необходимости ее по-настоящему сурово наказывать: нескольких шлепков вполне достаточно, чтобы она их надолго запомнила. Если ее начать громко ругать, она сразу же очень смущается и старается поскорей «помириться» — складывает губы трубочкой для поцелуя. Как и большинство других обезьян, она охотней разрешает трогать себя за голову и протягивает человеку скорее губы, чем руки, если не испытывает к нему полного доверия. По-видимому, подвижные и умелые руки представляют для обезьян значительно большую ценность, которую следует беречь сильнее, чем оснащенную крепкими зубами пасть. Поэтому руки, когда животное чего-либо боится, неизменно прячутся за спину. Когда же Уле кто-нибудь нравится, она охотно протягивает к его рту свою ручку, однако

всегда тыльной стороной кверху. Жест же особого доверия — это протянутая ладонью кверху рука с растопыренными пальцами. А становясь еще доверчивей, она старается засунуть пальцы приятному собеседнику прямо в рот... Своей приемной матери она даже разрешает удерживать свои пальцы зубами и притом довольно болезненно прикусывать — той все дозволено. Случись позволить себе подобное кому-нибудь другому, обезьянка тотчас бы жутко обозлилась, а у хозяйки она лишь молча старается другой рукой разжать зубы. Но и хозяйка однажды страшно перепугала ее, подойдя к ней в необычной шляпе и черном меховом манто. Ула даже попыталась укусить ее и боязливо бросилась прочь. Меховая шуба и потом еще долгое время оставалась «опасным страшилищем...».

ОБЕЗЬЯНА И ЧЕЛОВЕК

Два месяца меня не было дома, и во время экспедиции я почти позабыл о том, что в квартире у меня живет и проказничает маленький черный бесенок — детеныш-шимпанзе. Узнает ли Ула чужого дядю в незнакомой одежде, да еще с бородой, которую я успел отрастить? Но, смотрите-ка, вот она уже несется ко мне через всю комнату, исторгая свое восторженное «ух, ух, ух», подает мне руку и даже протягивает губы для поцелуя!

Неужели узнала? Восторженные папаши, которых подобным же образом после разлуки встретил бы так их полуторагодовалый ребенок, не усомнились бы в этом ни на минуту. Но я ведь зоопсихолог, давно веду наблюдение за животными и отношусь к этому вопросу более критически. Я знаю, что все это еще не доказательство того, что Ула меня «узнала». Она ведь зачастую столь же радостно приветствует совсем незнакомых людей, которые ей чем-то показались привлекательными: садовника, пришедшего подстричь газон, прачку, которая приходит стирать белье, или навестившего нас дядю, которого увидела впервые в своей жизни.

Более взрослые человекообразные обезьяны, как правило, не скоро забывают близких людей. Так, когда профессор Брандес, прежний директор Дрезденского зоопарка, после двухлетнего перерыва снова посетил обезьянник, шимпанзиха Зана уже издали узнала его по голосу и приветствовала громкими восторженными воплями. А молодой самец-орангутан, которого Брандес вырастил из крошечного детеныша, молча, как это водится у орангов, преследовал его взглядом и без малейшего сопротивления поз-

волил ему обследовать себя, охотно открывая рот и показывая зубы.

Но Ула ведь еще очень мала. В ее полуторагодовалом возрасте мы не вправе ожидать от нее большего в смысле разумных действий, чем от ребенка чуть более старшего возраста. Такой ребенок мало в чем превосходит обезьянку.

Так, американский исследователь Келлог растил своего семнадцатимесячного сына совместно с шимпанзе четырнадцати с половиной месяцев от роду. В этом возрасте обезьянка Гуа, безусловно, превосходила по сообразительности человечка Дональда. Вот такой пример.

Келлог подвесил к нитке, свисающей с середины потолка в комнате, где играли малыши, кусок кекса. Висело лакомство на такой высоте, что достать его можно было, только пододвинув стул. У стены стоял стул, и вскоре малыши, возясь друг с другом, случайно обнаружили, что, выдвинув его на середину комнаты, можно достать кекс. Сообразив это, они в течение нескольких дней безошибочно доставали себе угощение. При этом стул неизменно передвигался справа (где он стоял у стены) налево.

Однако последующий ход событий весьма озадачил исследователя: когда стул поставили на другое место, малыши, вместо того чтобы пододвинуть его под висящее лакомство, принялись сдвигать его с исходной точки влево, так, как делали это все предыдущее время. Следовательно, они запомнили само *движение*, а не его *цель*, как это часто наблюдается и у животных, и у детей. Здесь оба — и ребенок и детеныш-шимпанзе — повторяли лишь заученное движение, а не действовали обдуманно. Правда, вскоре они, передвигая стул по комнате из стороны в сторону, нашли все-таки удобное место, откуда можно было достать подвешенное лакомство. Однако обезьянка нашла его значительно быстрее, чем дитя человеческое...

Подобные опыты показывают, что на ранней стадии развития человекообразные обезьяны в отдельных аспектах своих умственных способностей превосходят детей человека.

Обогрев под кварцевой лампой, содержание в теплой спальне и обдуманная диета — еще далеко не все, что необходимо такому беби-шимпанзе. В первую очередь ему обязательно нужна любовь. Если такая зверюшка без матери попадает в чужую, непривычную обстановку, то может докричаться до полусмерти, если никого не окажется рядом, кто бы над ней сжалился и взял на руки. Дело в том, что у каждого детеныша шимпанзе существует врожденное стремление за кого-нибудь уцепиться и прижаться, ища защиты, тепла и ухода. Новичка, взявшегося ухаживать за человекообразными обезьянами, подобная их реакция почти пугает.

Стоит лишь приоткрыть транспортный ящик, как несчастное создание, громко плача, протискивается сквозь образовавшуюся щель и с криком бросается первому попавшемуся на шею, крепко обхватывая ее руками и ногами. Только так обезьянка чувствует себя в безопасности и вскоре, успокоившись, затихает. Уложить такое существо спать в его клетку — дело совсем не легкое. Завидя свою клетку с корзинкой для спанья, обезьянка старается как можно крепче обхватить шею человека. А стоит лишь попытаться разжать эти судорожные объятия, как раздается душераздирающий плач и крик. Иной раз она в своем отчаянии может даже укусить. Оказавшись все же в клетке, малыш способен впасть в настоящее бешенство. Начинает рвать на себе волосы, лупит кулачками об пол или падает на спину, брыкая во все стороны ногами, как это делают иногда капризные дети. Но стоит лишь уйти, погасив свет в комнате, как обезьянка вскоре смиряется со своей участью и, убедившись, что никого поблизости нет, укладывается спать в корзинку, скрестив руки и ноги на груди. Стоит же лишь кому-то вновь приблизиться к клетке, как изъяснения полного отчаяния начинаются заново. Так что лучше больше не появляться!

Именно поэтому в зоопарках (если там вообще соглашаются принять таких маленьких шимпанзе) стараются взять сразу двух детенышей примерно одного возраста. И хотя их приходится обязательно обоим одновременно брать на руки, но зато, опуская на пол, можно не бояться того, что они поднимут крик. Надо только делать это очень быстро, чтобы обезьянки тут же ухватились друг за друга, — и тогда все будет в порядке.

Попытки подсунуть маленькому шимпанзе «искусственную мамашу» из меховой подушки, чтобы он мог за нее уцепиться, не дали положительных результатов: такие «куклы» в течение короткого времени оказывались разорванными в клочья.

Рожденный во Франкфуртском зоопарке детеныш-шимпанзе только к семимесячному возрасту начал отваживаться сидеть на некотором расстоянии от своей мамы, не держась за ее шерсть. До этого детеныш оказывал матери каждый раз ожесточенное сопротивление, когда она пыталась отцепить от себя его ручки и отсадить подальше. Чтобы научить его ходить, самке тоже приходилось держать его сначала за обе ручки. Затем она начала ставить его возле решетки, заставляя держаться за нее руками, а сама отходила примерно на метр и старалась подманить детеныша к себе. Но ничего, кроме отчаянного протестующего крика, из этого не получалось, и мамаше приходилось сдаваться, протягивать свою длинную руку и прижимать своего вопящего отпрыска к груди. Только очень постепенно малыш научился под-

ползать к ней, елозя попкой по полу, и лишь в возрасте одиннадцати месяцев научился наконец пробегать «на полусогнутых» пять-шесть метров.

По-видимому, непреодолимое желание виснуть с утра до вечера у кого-нибудь на шее у шимпанзенка, живущего в доме человека, в семье, постепенно ослабевает. Особенно тогда, когда ему не грозит постоянное сидение в клетке.

Ула, конечно, явно испытывает громадное удовлетворение, когда хозяйка ее повсюду таскает с собой. Она отчаянно защищает эту привилегию — и стоит только кому-нибудь попробовать ее снять, она тут же его укусит. Однако большую часть дня маленький бесенок свободно носится по дому. Да и для укладывания на ночь уже не требуются две персоны, чтобы суметь водворить ее в клетку. Теперь в большинстве случаев все обходится вполне мирно: малышка за несколько первых недель, проведенных в доме, поняла, что никакими скандалами, с криком и кусанием, ничего не добьешься.

Только так можно обходиться с шимпанзе, о которых ведь известно, что они самые вспыльчивые и нервные среди человекообразных обезьян. Битьем здесь ничего не сделаешь.

Настроение и поступки взрослых шимпанзе зачастую абсолютно непредсказуемы. Если, к примеру, каждый раз, подходя к клетке, протягивать им лакомство, они легко могут впасть в бешенство и поднять скандал, если когда-нибудь вдруг забудешь это сделать.

Когда Улу хозяйка отругает или отшлепает, она иногда может страшно разозлиться и укусить... совершенно непричастного к ее наказанию человека, просто оказавшегося случайно поблизости. Но никогда не хозяйку! Хозяйка неприкасаема. А свою злость ведь можно выместить и на ком-нибудь другом...

Исследователь животных Штеммлер рассказывает, что однажды шимпанзе, к которому он зашел в клетку, выкрал у него из кармана ключи от клетки. А поскольку обезьяна прекрасно знала, как обращаться с этим предметом, ситуация стала весьма опасной. Тогда Штеммлер начал дико кричать (на обезьяний манер), чем явно смутил воришку: тот неохотно протянул ему ключи. Но опытный исследователь знал, что попытка взять ключи из протянутой руки все же может привести к припадку бешенства у шимпанзе. Поэтому он продолжал орать не своим голосом, пока обезьяна не положила ключи ему обратно в карман. Если бы он начал тянуть за связку ключей, зажатую в руке шимпанзе, тот тут же бы стал злобно сопротивляться наглецу, посягнувшему на его «добычу».

Так что, как видите, очень важно уметь различить по поведению животного его настроение и знать, что у него на уме, а потом уже действовать, исходя из этого. Но вот чего никогда нельзя делать — это убегать от нападающей обезьяны или испуганно отшатываться перед ее ложным выпадом (которым они, как правило, стараются устрашить противника), потому что тогда такая обезьяна легко может убедиться в своем большом физическом превосходстве над человеком. А зная это, она впоследствии в каждом случае недовольства будет беззастенчиво им пользоваться.

Именно потому, что шимпанзе в возрасте восьми — одиннадцати лет, достигнув половой зрелости, обладают уже огромной силой и часто делаются агрессивными (учитывая при этом их необычайную ловкость и смекалку), неизменно приходится опасаться того, что они изыщут способ вырваться из заточения. Следовательно, при содержании шимпанзе надо добиваться, чтобы уже с самого начала быть с ними, что называется, «на ты», найти общий язык. Отношения должны постепенно стать самыми доверительными.

Так как же все-таки надо воспитывать обезьяну?

— Я предпочитаю молодых шимпанзе, которые пытаются на меня напасть, — сказал один мой знакомый, хороший знаток человекообразных обезьян, — чем тех, которые боязливо забиваются от меня в угол клетки. Потому что такие обезьянки обычно уже приобрели горький опыт от общения с людьми. А вот карапуз, который смело на меня наступает, тот еще не знает, что я такое собой представляю. Он вскоре поймет, что со мной можно подружиться и кусать меня совершенно не за что. С новичками я поступаю обычно так: сначала кладу корм в клетку и остаюсь сидеть рядом, пока он ест. Постепенно новички становятся все доверчивей и вскоре уже берут корм у меня из рук. А потом дело уже на мази — обезьянки начинают сначала робко, а потом смелей исследовать мои руки, затем лицо. Это должно происходить именно только таким образом: инициатива сближения должна всегда исходить только от них, а не наоборот. Каждая моя попытка погладить их или подержать за руки встречалась бы недоверчиво или вызывала бы даже стремление убежать. В клетку предпочтительно вползать на четвереньках, изображая из себя в некотором роде обезьяну, потому что выпрямившийся во весь рост большущий человек действует на малышей шимпанзе устрашающе. Когда животные уже попривыкнут ко мне, играют со мной или дразнят меня, тогда и я, как бы играя, могу запустить свои пальцы к ним в рот, исследовать зубы, пощупать их руки

и ноги, но вначале только во время игры, и еще не скоро наступит тот день, когда они разрешат себя спокойно обследовать всерьез.

Только тогда, когда человекообразная обезьяна разрешит врачу себя обследовать, притом дотрагиваться до болезненных мест и в неудобной для себя позе, можно считать ее по-настоящему ручной. Но именно этого необходимо добиваться, общаясь с молодым шимпанзе, потому что иначе позже, когда он заболит или поранится, его нельзя будет ни обследовать, ни лечить.

Можно только удивляться, что позволяет с собой делать обезьяна, если только она подружилась с человеком. Я, например, собственноручно вырвал зуб у моей макаки-резус по кличке Рези, и никому не пришлось ее при этом держать, а тем более связывать. Один знакомый рассказывал мне, что крупному самцу-шимпанзе необходимо было удалить очень болезненный зуб. Он расшвырял в стороны четырех слугителей, которых позвали, чтобы удержать его в кресле. Своему же слугителю он разрешил без малейшего сопротивления удалить больной зуб. А свинохвостый макак даже позволил своему владельцу ампутировать себе гангренозный хвост и героически терпел боль, пока он натягивал кожу на культю и зашивал, не издав ни одного крика и не оказав никакого сопротивления. При этом его не пришлось даже связывать.

Вот и наша маленькая Ула разрешила нам себя обследовать и лечить. Только с лекарствами ничего не получалось: все, что имело неприятный вкус, она и так всегда отвергала, но и сладкие дражированные шарики она не желала глотать, потому что, когда обезьяны болеют, они вообще ничего не едят.

От любой опасности Ула спасается не на деревьях или на шкафах, а кидается к кому-нибудь из нас и быстро взбирается на руки. Если вы хотите, чтобы ваша обезьяна впоследствии от вас не удирала, ей надо предоставить полную возможность резвиться на дереве в вашем саду, что к тому же совершенно необходимо для такого активного животного, которому требуется постоянное движение, возможность полазать, покачаться, побеситься. Если обезьяна не желает или боится спуститься с дерева на землю, за ней приходится лезть вслед, чтобы ее оттуда достать (хочешь стать воспитателем обезьян — учись лазать). Разумеется, дерево для этой цели надо выбрать предварительно: оно должно стоять особняком, чтобы обезьяна не могла перебраться с него на стоящие рядом деревья. Иначе она быстро сообразит, что при таких условиях ее невозможно будет поймать. Если же обезьяну несколько раз снять с отдельно стоящего дерева, то она вскоре начнет и сама с него спускаться на ваш зов.

Мою макаку-резус Рези в свое время сильно напугал заряд дроби, пущенный в нее из рогатки. Он произвел прямо чудо-

действенный эффект. И хотя несколько дробинок не могли причинить особой боли такой крепкой, малочувствительной зверюшке, тем не менее она в ужасе бросилась ко мне со всех ног. Впоследствии хватало уже только одного вида рогатки, чтобы Рези моментально возвратилась на зов. По-видимому, обезьян приводит в полное недоумение и нагоняет страх то обстоятельство, что человек способен причинить им боль даже тогда, когда они находятся от него на недостижимом расстоянии. Но если обезьянка добровольно вернулась, то наказывать ее за побег абсолютно неверно. Она никогда не поймет, за что же ее наказывают,— она ведь пришла! Поэтому приходится беглеца, после того как он окажется снова у вас в руках, еще в довершение и нахваливать и ласкать. Даже тогда, когда, кажется, готов лопнуть от злости!

Как часто, между прочим, пренебрегают этим правилом и в воспитании молодых собак!

Весь наш дом Ула рассматривает как игрушечный магазин, в котором она по своему усмотрению может играть любой вещью. Не обходит она своим вниманием и игрушки наших ребят. Наш старший, Ро, каждый раз чуть не плачет, обнаружив, что Ула опять, в который раз, распаковав коробку с игрушечной железной дорогой, растащила отдельные детали по комнатам и не желает отдавать...

Вот, правда, всякие заводные игрушки, которые способны двигаться сами по себе, вызывают неизменный страх у маленького шимпанзе. Зато она подолгу и самозабвенно может играть со спичечным коробком: высыпать из него и снова собирать спички. Поначалу Ула охотно задувала зажженные спички, но только до тех пор, пока не обожглась об одну из них. Она деловито выгребала все кубики из ящика, раскидывала их по всему полу, а затем, с сознанием исполненного долга, усаживалась посреди этого разгрома, прижимая к себе своего любимца — большого плюшевого мишку. Этого уже весьма потрепанного медведя Ула полюбила всей душой: повсюду таскала его за собой, втаскивала с огромным усилием на диван или кресло и усаживалась рядом. А если его отнимали, то с воплями бежала следом.

Однако поначалу Ула привыкала к этому большому, лохматому компаньону с трудом. Должно было пройти довольно много времени, прежде чем она прониклась к нему доверием. Дело в том, что обезьянка вообще страшно боялась любых кукол и плюшевых зверей. Знакомить ее с ними, насильно подсаживая их к ней или беря вместе на руки, дело абсолютно безнадежное: Ула в таких случаях судорожно вцеплялась в нас либо старалась улизнуть, да еще и укусить от волнения. Если оставить «страшное существо» в комнате и самим уйти, обезьянка будет долго наб-

людовать за ним из надежного укрытия, следить за тем, не пошевельнется ли оно. Постепенно и осторожно она подходит ближе, затем делает ложный выпад в сторону «противника» и начинает скакать как бешеная вокруг него, колотя ногами и кулаками об пол. Но если и тогда ничего не происходит, она берет какую-нибудь другую (уже привычную) игрушку или знакомый предмет и пододвигает поближе к новичку или бросает им в него. И только когда после всех этих тщательных предосторожностей ничего ужасного не происходит, Ула постепенно смелеет и, убедившись в полной безобидности новичка, начинает с ним знакомиться, а иной раз может и подружиться. Вот с деревянной лошадкой-качалкой она так и не нашла «общего языка», наверное из-за ее подозрительного качания взад и вперед...

Зато другая игрушка, а именно маленькая плюшевая обезьянка, которую принесла одна наша знакомая, завоевала ее расположение с первого взгляда. Она приветствовала ее своим восторженным «ух, ух, ух», а когда игрушку снова упаковали в пластиковый пакет, она ухватила за него руками и трясла до тех пор, пока игрушка из него не вывалилась.

Любимая игра Улы — ухватиться рукой за ножку стола и носиться по кругу наподобие аттракциона «гигантские шаги». Должен заметить, что и игра в «пятнашки» или «салочки» тоже отнюдь не наше, человеческое, изобретение. В нее ведь с упоением играют также котята, лисята и косули. А для Улы это еще прекрасная возможность нас «подразнить». Сначала она с вызывающим видом, стуча ногами и руками об пол, выбегает нам навстречу, но стоит попробовать ее схватить, как она опрометью бросается под стол или под другую мебель, куда мы не в силах последовать за ней. Если мы не расположены с ней играть, а ей очень хочется, она начинает теревать нас за одежду, может даже укусить за ногу или сотворить что-нибудь недозволенное — важно лишь вывести нас из себя и заставить за ней побегать. Если мы не выдерживаем характер и, осыпая ее проклятиями, пытаемся изловить хулиганку, она бывает очень довольна: добилась своей цели. Преследование превращается в увлекательную и азартную игру в «пятнашки»... Ну как тут на нее всерьез сердиться?

Зимой, когда не стало бананов и было мало свежих фруктов, Ула поскучнела, стала вялой и хворой. Анализ крови, сделанный ей в детской клинике, объяснил причину отсутствия у обезьянки аппетита: малокровие. Поскольку в строении организма человекообразных обезьян мало принципиальных различий с нами и, уж во всяком случае, у нас с ними значительно больше общего, чем с любым нашим домашним животным, то человеческий док-

тор, зачастую лучше может определить причину недомогания шимпанзе, чем ветеринар.

Поначалу Ула была самым сенсационным пациентом во всей клинике, но вскоре выяснилось, что она и один из наиболее послушных и терпеливых. Когда обезьянку приносили в ее белой бельевой корзинке, она с самым серьезным видом протягивала руку для приветствия врачам и сестрам и не сопротивлялась во время обследования (важно было лишь, чтобы один из членов семьи при этом присутствовал). Решено было сделать Уле переливание крови, которое должно было резко улучшить ее состояние. Определили группу крови (у человекообразных обезьян схожие с человеком группы крови). В качестве донора предложил свою кровь требуемой группы «А» наш приятель, кинорежиссер, снявший очень интересный научно-популярный фильм об Уле.

Однако влить обезьянке донорскую кровь оказалось делом отнюдь не легким. Ведь даже маленькому ребенку значительно трудней попасть иглой шприца в вену на руке, чем взрослому человеку. А у Улы не только вена была тонкой, да еще и кожа грубой: прокалывалась она с трудом, а под ней вена все время ускользала в сторону, и мы все втроем — два врача и я — целых двадцать пять минут возились с ней и никак не могли попасть куда следовало. А Ула покорно протягивала нам свои худенькие ручки, то одну, то другую, и с интересом следила за нашими манипуляциями. В какой-то момент она сама ухватила иглу, пытаясь уколоть себя в руку.

Густая, почти черная кровь, стекающая в пробирку из руки донора, оказала на обезьянку совершенно чудодейственный эффект. Во всяком случае, в тот момент. Маленькое вялое существо ожило буквально на глазах. Кровоточащие десны после всего лишь одноразового введения значительной дозы витамина С на другое утро уже пришли в норму. Во всех старых книгах об обезьянах можно найти упоминание о своеобразной «гнилостности ротовой полости», свойственной этим обезьянам. По-видимому, эта болезнь зачастую нападала на обезьян, которых прежде везли в Европу долгим морским путем. Лечили ее ежедневным втиранием в десны лимонного сока, и, как правило, спустя четыре — шесть недель болезнь удавалось побороть. Совершенно ясно, что «гнилостность рта» была не чем иным, как цингой, вызываемой недостатком витамина С в организме. Потому что на сегодняшний день, когда время перевозок значительно сократилось и обезьянам на современных судах обеспечена полноценная фруктовая диета, болезнь почти полностью отступила.

Заболевание же у нашей Улы можно было рассматривать как наглядный пример того, что обезьяны, привыкшие почти пол-

ностью питаться растительными кормами и фруктами, нуждаются в значительно большем количестве витамина С, чем мы, люди. Та порция витамина, которой хватает для нас, чтобы остаться здоровыми, для них совершенно недостаточна, чтобы уберечься от цинги.

А то, что у человекообразных обезьян схожие с нашими группы крови, многих людей весьма поражает. Но общность наша на этом отнюдь не ограничивается! Известно, что реакция связывания белка позволяет выяснить принадлежность следов крови. Зачастую человеческая жизнь зависит от того, удастся ли следствию доказать, что кровавые брызги на топоре — следы человеческой, а не куриной крови. Эти пробы крови позволяют отличить бычью кровь от свиной, кошачью от тигровой, заячью от барсучьей и так далее. Однако установить подобную разницу между ослиной и лошадиной, собачьей и волчьей кровью не удастся, потому что эти животные слишком близкородственны между собой и имеют общих предков. Вот и шимпанзе никак не отличишь от человека по анализу крови...¹

¹ Исследования доктора Шмидта, проведенные им во Франкфуртском зоопарке, показали тем не менее, что, несмотря на совпадение основных групп крови, переливание человеческой крови человекообразным обезьянам противопоказано.

Глава вторая

ПУРЦЕЛЬ И ЕМУ ПОДОБНЫЕ

Я все собирался навестить одного своего старого знакомого, да, наверное, так бы и не собрался, не скажи он мне однажды, как бы невзначай, что завел себе ферму по разведению нутрий. Я не поленился поехать за город, чтобы посетить его владения, и в ближайшее воскресенье был уже там.

Для того, кому приходилось читать книги индейского писателя Веша Квонесина, где он описывает жизнь своих «младших братьев», бобры навсегда останутся совершенно особыми существами. Даже если речь идет не о знаменитых маленьких строителях плотин с их уплощенными лопатообразными хвостами, а об их южноамериканских родичах — «болотных бобрах», или нутриях с круглыми и длинными «крысиными» хвостами. Называть их лучше все же нутриями, чем болотными бобрами, потому что они совсем не оправдывают такого названия: к болотам они не испытывают никакого интереса, а тяготеют к речным и озерным берегам, где роют себе норы в отвесных береговых склонах. Однако примитивное строительное искусство, которым владеют даже кролики, представителей семейства бобров не устраивает. Как только появляются на свет их пушистые (уже с шерстным покровом) забавные детеныши, родители строят для них плавучие гнезда из тростника, на которых и разъезжают вместе с ними, как на плотах.

Тот, кому когда-либо приходилось видеть крысиное гнездо с противными голыми и слепыми крысятами, а потом когда-нибудь держать в руках пушистый прелестный комочек — новорожденную нутрию, которой даже приятно дать поползать по своим рукам и плечам, тот всегда будет возмущаться, услышав, как некоторые люди называют их «бобровыми крысами». Более того, даже старик Брем считал, что они «ближе к крысам», чем к кому бы то ни было. И все из-за их несчастного хвоста! А между прочим, именно этот длинный голый хвост причиняет нутриям в холодные зимы излишние хлопоты и неприятности. Дело в том, что в таком хвосте мало мускульной ткани и много сухожилий, из-за чего он плохо снабжается кровью и легко обмораживается. Однако было замечено, что нутрии с обрубком хвоста вполне спокойно без него обходятся.

В прежнее время, как правило, всегда больше интересовались красивыми шкурками диких нутрий, чем образом их жизни у себя на родине. До 1800 года европейские меховщики получали из Буэнос-Айреса ежегодно не больше пятнадцати тысяч шкурок нутрии. Но постепенно спрос на них все повышался, у местных ловцов все сильнее разжигали страсть к наживе, пока к началу XIX века все норы и подземные ходы мирных маленьких зверюшек не были со всех сторон обложены капканами или затоплены водой вместе со всеми своими обитателями. К началу нашего столетия в Европу из-за океана прибывало уже ежегодно около двух миллионов этих мягких шкурок. Ну а потом, как случается при всяком хищническом отлове, палку перегнули: в последние годы удавалось добыть не больше десяти тысяч зверьков.

Но зато к этому времени в Германии появилось уже три тысячи «нутриевых фермеров». И многие из них вскоре подружился с этими добродушными маленькими гномиками в нарядных меховых шубках.

Не миновала чаша сия и меня. Я тоже подружился с одним из них. Два дня спустя после моего визита к тому знакомому, который разводил нутрий, мне вручили подарок «на память»: маленькую симпатичную нутрию. Она уже успела прогрызть огромную дыру в своем ящичке, в котором ее мне переправили, но сбежать, видно, не рискнула: уж очень непривычный и страшный мир окружал ее временное жилище. Она решила остаться в своем «доме» и только с нескрываемым любопытством высовывала оттуда свою мордочку с длинными белыми усами.

Но, по-видимому, далеко не все нутрии такие покладистые и дисциплинированные. Во всяком случае, я еще в течение нес-

кольких недель после этого получал настойчивые уведомления от железной дороги с требованием немедленно выслать в далекий Оберхаузен обитый жестью ящик, потому что якобы именно там, на вокзале, пойман убежавший от меня бобр... В то время как *мой* «бобр» уже давным-давно поселился у меня в приготовленной для него клетке, рядом с моим семейством обезьян Ромео, Джульеттой и маленьким Ромулусом.

Должен заметить, что Пурцель, как мы окрестили пушистого зверька, был самым настоящим дурачком. В комнате его невозможно было оставить без присмотра: иначе в один прекрасный день ножки стола могли бы оказаться по всем правилам ошкуренными, а ножки стульев несколько укороченными. Когда же Пурцеля (он оказался самцом) засовывали от греха подалее в его просторную клетку, он немедленно начинал искать контакта с соседями — Ромео и Джульеттой. Однако те тут же принимались громко его обругивать, просовывали руки сквозь прутья решетки и драли его за пушистую шкурку. Он не обижался. Но что еще хуже, обезьяны немедленно отнимали у Пурцеля все съестное, которое он держал в своих лапках, прижав к груди. Я надеялся, что горький опыт научит его держаться подалее от этих воришек. Ничуть не бывало. Как мы ни старались поставить лоток с едой в самый дальний угол клетки, он все равно вытаскивал оттуда то морковку, то хлебную горбушку и шел с нею поближе к смежной решетке, где его уже караулили обезьяны. А маленький проказливый Ромулус ухитрялся не только отнять у бедняги еду, но еще и дернуть хорошенько за усы!

Сначала Пурцель нас побаивался. Попав в первый раз в комнату, он тотчас же спрятался в самый укромный уголок. Если я его заставлял там, где некуда было спрятаться, он вставал «столбиком» и начинал «ругаться» — издавал нечто вроде громкого храпа. Если же я, невзирая на это, безбоязненно приближал руку к его мордочке, он быстрыми движениями лапок отталкивал, царапал ее, но никогда не кусался. Прожив несколько дней в доме, он во время обеда стал являться к столу, «служил» на задних лапках, стоя «столбиком», словно сурок, хватал выклянченные куски передними лапками и отправлялся восвояси. Позже он любил, удобно устроившись на полу возле шкафа, опершись «на локти» и вытянув задние ноги вбок, с интересом наблюдать за всем, что мы делаем. В такой позе он напоминал упитанного бургера-зеваку, расположившегося на подоконнике своего окна и наблюдающего за ярмарочной сутолокой на улице.

С собаками Пурцель не желал иметь дела. Не то чтобы он их боялся и уступал им дорогу — нет, этого не было. Наоборот, он нахально занимал мягкую подстилку таксы Вальдмана, и тот почтительно обходил стороной свое законное место, пока на нем спал Пурцель. Видимо, таксы знают, что с нутриями шутки плохи! Редкий хищник рискнет залезть в вольеру нутриевой фермы. Хорька и ласку там вообще всерьез не принимают. Похуже с кошками, но тех теснят к воде и там топят. Известны случаи, когда удравшие с фермы нутрии побеждали в многочасовой битве лис, и даже овчарок они отделявали так, что те еле уносили ноги! Тот, кто намеревается украсть нутрию, не будучи осведомлен об особенностях этих животных, рискует уйти с разодранными в кровь руками и даже прокушенными до кости пальцами! Когда вороны зимой, гонимые нестерпимым голодом, пикируют в открытую вольеру нутриевой фермы, пытаясь поживиться детенышем, то через несколько секунд оказываются уже мертвыми.

Когда у нутрий возникают какие-либо разногласия между собой, они в пылу сражения способны не обращать внимания на смертельно опасные раны: они следят лишь за тем, чтобы отбиться от страшных оранжево-желтых резцов противника. Часто они сцепляются друг с другом этими резцами, словно крючьями, и иногда могут их даже обломить. Но это не играет для них большой роли: надо лишь некоторое время питаться мягким кормом, пока резцы снова не отрастут.

Миролюбие, но в то же время обороноспособность — вот качества, необходимые для того, чтобы спокойно жить, не боясь нападения.

У одного моего знакомого дома в деревне жила взрослая самка-нутрия, которая самым настоящим образом охраняла его дом. Чужому разрешалось подойти не ближе чем до ступенек крыльца. Еще шаг — она хватала его за ногу. Не боялась она и самых больших собак. Зато очень любила мальчишек — с теми она могла самозабвенно играть часами. Завидя стайку школьников, возившихся с мячом или тузящих друг друга, она немедленно спешила к ним. Переваливающейся походкой нутрия направлялась через весь поселок к школе, где выпрашивала булочки, выдаваемые школьникам на завтрак. Если, вернувшись после вечерней прогулки, она заставала входную дверь запертой, то, нисколько не смущаясь, направлялась к собачьей будке, где спал цепной пес — большая немецкая овчарка, — и заставляла его потесниться. К сожалению, замечательное ручное животное нелепо погибло, выпав из чердачного окна.

Одним из многих качеств, присущих среди всех живых существ якобы только нам, благородным созданиям, считается способность влюбляться в совершенно определенного партнера. Что же касается животных, то, по разумению людей, они готовы спариться с любой попавшейся им на глаза самкой... Людям, утверждающим подобные вещи, стоило бы послушать жалобы тех, кто разводит нутрий, на упрямство и разборчивость своих питомцев. То самка на пушечный выстрел не подпускает подсаженного к ней самца, забивается от него в дальний угол бокса и кричит оттуда омерзительным голосом. А запусти ее к соседу — тут же приступит с ним к любовным играм. А еще какого-нибудь третьего отделает так, что бедного запуганного «жениха» придется поскорей спасать от разъяренной «невесты». Не менее разборчивы часто и самцы.

Когда самка-нутрия спустя четыре месяца и десять дней производит на свет от четырех до пяти детенышей, она каждого по очереди берет в лапы, заботливо перегрызает пуповину и до тех пор тискает, пока он не запищит. Только после этого она откладывает его в сторону и занимается следующим.

В популярной литературе можно встретить утверждение, будто бы при парном содержании нутрий самец немедленно загрызает все потомство, если оно зачато не от него... И хотя один американский директор зоопарка и отводит нутрии шестое место по умственным способностям среди всех животных, тем не менее я должен сознаться, что не верю в подобную пронизательность самцов-нутрий.

Зато нутрии обладают другими качествами, достойными ничуть не меньшего удивления. У меня есть старинная «Книга о животных», изданная четыреста лет тому назад. В ней имеются изображения китовых самок, кормящих своих детенышей. А для того чтобы этот процесс можно было получше разглядеть над водой, млечные железы у самки изображены на спине! Но как далеко ни заходила бы человеческая фантазия, какие абсурдные, казалось бы, вещи она ни измышляла, потом часто оказывается, что природа где-то их и на самом деле осуществила. Так, у мамаш-нутрий млечные железы расположены не на животе, а на боку. Им не приходится, как кроликам, собакам и другим животным, ложиться на бок, чтобы накормить свое потомство: они просто садятся, детеныши усаживаются вокруг, и трапеза может начинаться. Можно было бы предположить, что млечные железы у нутрии расположены на боку для того, чтобы детеныши могли ее сосать и тогда, когда она плавает в воде; но этого никогда не происходит. Зато нутрии обладают очень удобным приспособлением, позволяющим им грызть под водой, не заг-

латывая воду: позади их крупных резцов находятся два утолщения в виде валиков, плотно прикрывающих рот с языком и коренными зубами в то время, когда животное грызет что-то резцами. Таким способом им удастся перегрызть тростник и другие растения глубоко под водой. Рыбоводы, разводящие в своих прудах и озерах рыбу и ведущие отчаянную борьбу с зарастанием и обмелением водоемов, в последнее время стали успешно прибегать к этим добровольным помощникам, охотно поселяя их в своих угодьях. Пара семеек нутрий так тщательно расправляется с зарослями тростника, что в скором времени подрост его прекращается. При этом *ни рыб, ни их икру нутрии не трогают*: они ведь вегетарианцы.

Это надо твердо усвоить и знать всем, чтобы в газетах не появлялись подобные объявления: «В реке Биле убита нутрия. Это был выдающийся экземпляр, весящий пять килограммов. Длина тела от головы до кончика хвоста — один метр. Добыча будет использована в качестве школьного пособия. Дело в том, что это животное в течение долгого времени представляло собой опасность для окружающей местности и решалось даже появляться на крестьянских дворах».

Часто случается, что удравших с ферм нутрий путают с ондатрами, и убивший такое полуручное безобидное животное «герой» еще и горделиво красуется на страницах местной газетенки. Подобные «герои» с их абсолютным незнанием вопросов природоведения представляют собой немалую опасность и для наших почти исчезнувших европейских бобров¹. Нутрии не хищные животные, как им это часто инкриминируют. Не совершают они и никаких «подкопов» под дамбы или плотины — все это досужие выдумки. Чаще всего удравшие из вольер особи через некоторое время сами добровольно возвращаются назад. Точно так, как поступает мой Пурцель, который терпеливо ждет возле закрытой входной двери, возвратившись из очередного побега.

Необходимо довести до сведения населения, что каждый, кто убьет сбежавшую с фермы нутрию, облагается штрафом для возмещения ущерба владельцу. И притом немалым. Даже весьма ощутительным. Потому что хорошая парочка нутрий-производителей стоит уйму денег. Дороговизна нутриевого меха объясняется тем, что он необыкновенно мягок и нежен. На одном квадратном миллиметре кожи растет ни много ни мало сто пятьдесят шерстинок, толщина каждой из которых не пре-

¹ Бобры в ФРГ были окончательно истреблены и стараниями профессора Бернгарда Гржимека вновь частично реакклиматизированы. Партия бобров была завезена из Воронежского заповедника (СССР). (Примеч. перев.)

вышает сотой доли миллиметра! Между ними торчат еще и редкие остевые волосы, длинные и жесткие. На живой нутрии видна главным образом эта жесткая, слипшаяся в воде щетина, и каждый, кто это видит, только недоверчиво качает головой: неужели мягкие, бархатистые нутриевые шубки изготовлены из таких-то вот растрепанных «жесткошерстных» животных? Но дело в том, что ость при обработке меха тщательно удаляется — «выщипывается» так, чтобы остался один только мягкий подшерсток.

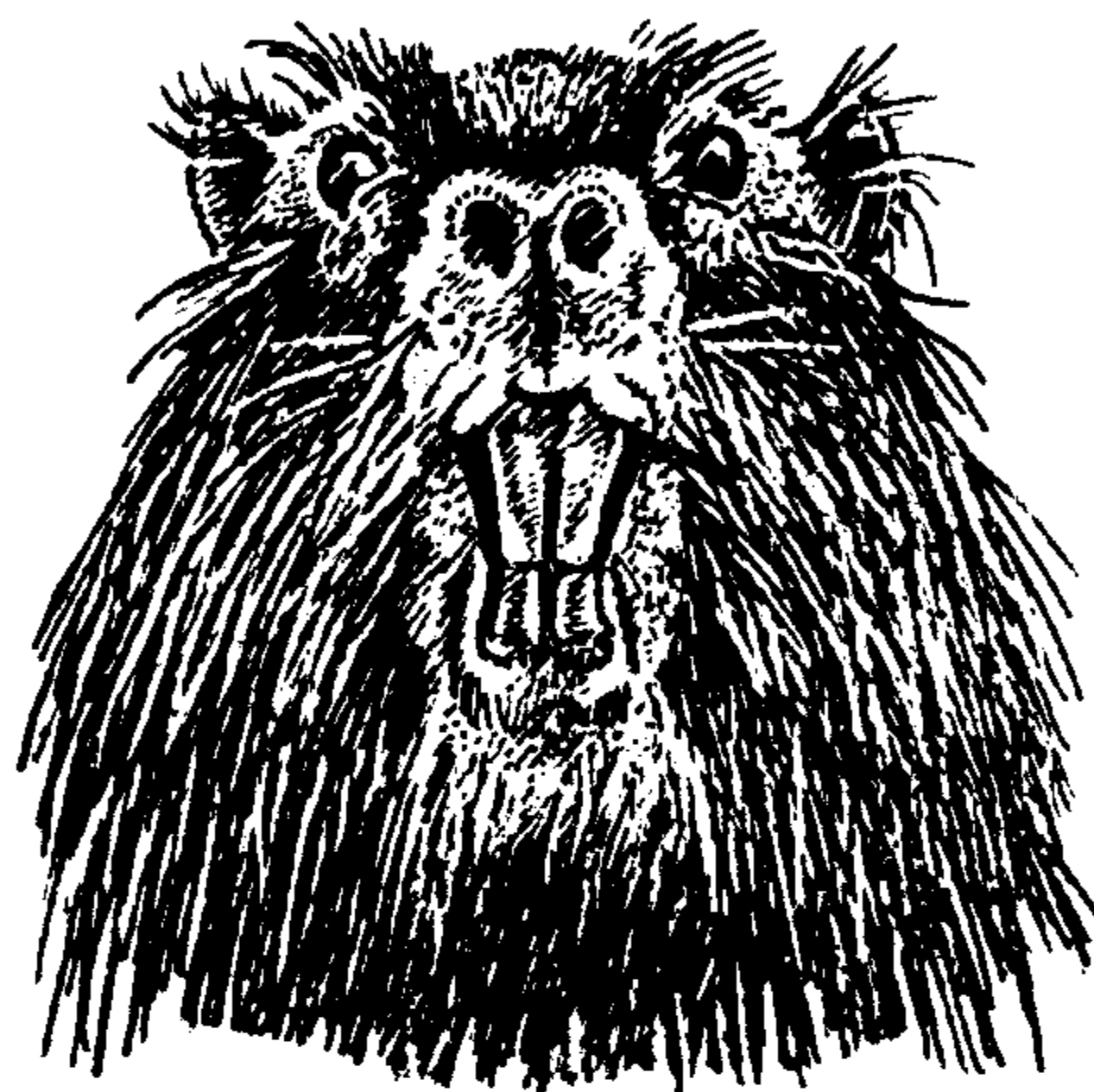
Наиболее красивый мех у нутрий на брюшке, а не на спинке, как у многих других пушных зверей. Так что тот, кто без знания дела взялся обработать нутриевую шкурку и разрезал ее наподобие кроличьей вдоль брюшка, — тот ее уже обесценил.

Когда людям, разводящим у себя на ферме других пушных зверей, удастся добиться новой, оригинальной расцветки меха, они бывают обычно рады. Среди нутрий тоже попадают порой светло-коричневые, соломенно-желтые, даже пятнистые. Однако хозяева звероферм считают такие отклонения хуже чумы. Потому что среди покупателей не находится желающих купить соломенно-желтое или пятнистое манто из нутрии — все хотят только темно-коричневое или иссиня-черное. Такова мода.

То, что нутрии обладают таким невероятно густым и теплым мехом — это тоже одна из удивительных и странных их особенностей: ведь на своей родине, в Южной Америке, они живут частично близ экватора. Скорей всего, так же как у слонов огромные уши, которыми они обмахиваются наподобие веера, так и у нутрий голые хвосты и лапы служат для охлаждения при перегреве, в особенности в воде. Зато теплая шубка делает нутрий вполне морозоустойчивыми. Правда, следует заметить, что в отличие от других пушных зверей шкурки нутрии от холода делаются не лучше, а хуже.

Как я уже упоминал, именно за эти чувствительные к морозу голые хвосты нутрии получили свое второе, довольно широко распространенное у нас неприятное название — «бобровые крысы». Такое название может стать причиной разных неожиданностей. Так, нутрии в качестве известных травоядных животных испокон веков употреблялись в пищу наравне с домашним скотом. Наши отечественные бобры в средние века причислялись даже к излюбленным «постным блюдам», подаваемым на стол высоким духовным чинам во время постов: «Ведь бобр живет в воде, а значит, может быть причислен к рыбам, и, следовательно, его мясо тоже постное, и его разрешается есть даже тогда, когда постишься...»

Да и сейчас еще существуют дорогие рестораны, потчующие клиентов «дичью». В их меню числятся такие блюда, как «Бобровые лапки с тушеной капустой», «Печень нутрии с яблоками и луком» и другие подобные деликатесы. Находятся зловредные люди, которые своему соседу по столу, после того как он уже поел, ехидно объясняют, что он только что лакомился... крысой, «бобровой крысой».

Глава третья

ТАКСА НИКСА — МИЛАЯ НАХАЛКА

— Чем, собственно говоря, такая псина занимается день-деньской? — спросил меня как-то один мой знакомый. — Еду получает бесплатно и прямо, что называется, «под самый нос», так что охотиться ей ни к чему. А читать, курить, играть в карты, выпивать или проводить время за приятной беседой с себе подобными — этого же они не умеют!

Так что же на самом деле делает живущая у нас в доме собака?

Утро. Я уже давно на ногах, умылся, побрился, оделся, но такса Никса еще не подает никаких признаков жизни. Зарылась под плед на диване, и ее не видно. Если ее потормошить, раздастся недовольное рычание. Она может себе такое позволить, эта восьмилетняя черная такса, потому что в доме, где я гощу, детям и собакам разрешается вести себя как им заблагорассудится.

Но к завтраку Никса тут как тут. Всячески привлекает к себе внимание. Никак не скажешь, что это «пожилая дамочка»: глаза блестят, стройна, бойка, бегаёт вокруг стола с живостью годовалого щенка-подростка. Кокетливо «служит»: усевшись на свой задик и сложив передние лапы вместе, старательно ими машет, умильно выпрашивая подачку. Кстати, таким фокусам, как показали многолетние наблюдения зоолога Велка, такс никто спе-

циально не обучает — они сами каким-то образом знают, как это делается!

Ну а что касается нашей маленькой персоны, то она буквально не может видеть, когда кто-то что-то ест или пьет. Сухие корки, картошку, яблоки, огурцы, даже пиво она с жадностью заглатывает — еду, к которой никогда бы и не притронулась, если бы ее положили в плоску на кухне! Случается, что от нетерпения Никса даже вскочит кому-нибудь из сидящих за столом на колени. Она знает, что ей ничего за это не будет: в худшем случае получит шлепок, а чаще наоборот — какой-нибудь лакомый кусочек.

На это воскресное утро у меня особые планы: я собираюсь в сад, возле грядок с овощами, «подстрелить» несколько певчих птиц. Не пугайтесь — конечно, фотоаппаратом, а не ружьем! Камера у меня с дистанционным спуском.

Итак, я водружаю свой аппарат на штатив перед зарослями подсолнухов, протягиваю провод дистанционного спуска к грядкам со спаржей, под прикрытием густой зелени которых и укладываюсь на землю. С собой я захватил «Определитель птиц», какой-то занимательный роман для чтения и надувную подушку — ведь ждать придется, возможно, довольно долго.

Уходя из дому, я категорически запретил Никсе следовать за мной.

Проходит минут двадцать, и птицы, которые при моем появлении стайками брызнули в разные стороны, понемногу начинают возвращаться назад. Но тут, как назло, на дорожке раздаются шаркающие шаги старого хромого садовника. А я не могу его даже предупредить, чтобы он сюда не подходил.

Господи, хоть бы его что-нибудь задержало у теплиц! Но нет, проказливый невидимка — старый языческий бог лугов и полей Пан, который наверняка живет вон там, в густых зарослях ивняка, — тот хочет иначе. Тому непременно нужно надо мной подшутить, тому бы только позлорадствовать! Он надувает щеки и дует изо всех сил на желтые головки подсолнухов, заставляя их качаться из стороны в сторону — того и гляди обломятся! И конечно же хромоногий папаша Бём заспешил к ним: надо посмотреть, не следует ли их подвязать?

Интересно, что будет? Не улетят ли мои птицы? Вообще-то не должны — они ведь его знают, старика. Но не тут-то было! Он еще за десять метров, а они уже «швыр-р, швыр-р» — исчезли одна за другой. Ну, ясно же — это проделки зловредного Пана! Я прямо-таки слышу его блеющий хохот! Интересно, думаю я, какие жертвоприношения полагается приносить такому козлиному божеству, чтобы он перестал вытворять разные подлые штучки, заставляя своих пернатых подданных плясать под свою дудку?

А старый Бём, так тот чуть не выронил мотыгу от испуга, когда я вдруг поднялся во весь свой почти двухметровый рост из зарослей спаржи. То, что я хочу подслушивать и фотографировать птиц,— нет, это никак не укладывается в его седой голове под соломенной шляпой. Несмотря на все уважение ко мне, он недоверчиво качает головой («Дурью мучается,— думает он наверняка.— Ладно еще, если бы это был мальчишка, играющий здесь, среди зарослей, в индейцев!»). Наморщив лоб, он проверяет, не затоптал ли я тут свежесейанные грядки — нет, вроде бы целы. Но затем по его морщинистому лицу пробегает хитрая усмешка. Он понял, что мне здесь надо: у меня любовное свидание! Став свидетелем моей тайны, он удаляется с видом заговорщика, но наверняка будет до обеда крутиться где-то поблизости, чтобы проследить, не появится ли в саду какая-нибудь персона женского пола...

Наконец птицы, спрятавшиеся в зарослях живой изгороди, стали снова засылать на подсолнуховую плантацию своих разведчиков. Первыми явились маленькие юркие славки, потом две парочки лазоревок, а в заключение зеленушки и дубоносы. Они проворно потрошат подряд все подсолнухи... кроме того, перед которым установлена моя фотокамера! Я жду и жду — палец наготове, держу на спуске. Наконец — лазоревка! От щелчка моей камеры она сразу же улетает, но поздно: на пленку она уже поймана. Я подхожу к треножнику с аппаратом, чтобы перевести кадр, и обнаруживаю, что поставил его как раз перед пустыми, уже полностью распотрошенными головками подсолнуха! Да, тут немудрено прождать целую вечность! Меняю положение: ставлю камеру перед парочкой крупных «тарелок», тесно утыканых черными, блестящими, очень соблазнительными зернами, и снова удаляюсь в свое укрытие.

Проходит полчаса. В романе, который я захватил с собой, уголовная семейка уже успела уकोкошить своего папашу-алкоголика. Проходит полтора часа. Ни одна птичка не появляется возле подсолнухов! Все они сидят — я это прекрасно вижу — на кустарниковой ограде вдоль забора, но почему-то боятся подлететь сюда поближе.

В чем дело? Может быть, фотокамера плохо замаскирована? Чувствую, что у меня уже затекла спина. На расстоянии полуметра от моего лица осы с грозным жужжанием то и дело вылетают из своего подземного жилища и снова в него влетают. Но я мужественно не покидаю своего поста — каждый раз, завидя невдалеке какую-нибудь птичку, решаю подождать еще четверть часика.

Однако время близится уже к обеду — ничего не попишешь, приходится уходить несолоно хлебавши. И что же? Я обнаруживаю Никсу, уютно растянувшуюся на солнышке, между клубничными грядками. Вот бестия! Она тоже встает и принимается деловито — нос у самой земли — шнырять между грядок и кустов. Шельма проходит совсем близко от моего укрытия и делает при этом вид, будто меня вовсе и не видит. Поскольку она, как и большинство собак, избегает одиночества, то, видимо, решила осчастливить меня своим присутствием. Когда я ее неожиданно резко окликаю, Никса нисколько не пугается: еще одно доказательство того, что она прекрасно знает, что я тут.

Собаки оставляют за собой право либо жаловать нас, людей, своим вниманием, либо нет. Вы спросите — почему? Да просто потому, что они собаки. Когда я, совершенно взбешенный, приказываю Никсе подойти ко мне, она преспокойно разворачивается в обратную сторону и неторопливо трусит к дому.

Потом, за обедом, все, бросив компот, кидаются сломя голову в сад: такой оттуда раздается залиvistый злобный лай и шумная возня. Оказывается, Никса обнаружила ежа и вся дрожит от возбуждения, прыгая вокруг него. Самого ежа, свернувшегося в колючий шар, ее гнев мало чем трогает, она же, лязгая зубами, все снова и снова делает ложные выпады в его сторону, каждый раз захлопывая пасть точно в нескольких миллиметрах от его колючек и оплевывая его при этом обильной слюной. В течение нескольких часов она продолжает его караулить, пока не теряет всякую надежду и решает отправиться сопровождать нас во время катания на парусной лодке.

Первый раз при крике «утка!» такса еще позволяет обмануть себя и прыгает в воду в указанном направлении. Потом нам уже приходится руками высаживать ее за борт, да к тому же очень осторожно, чтобы волны не захлестнули ее сразу же с головой. Но очень скоро ей надоедает такая «игра в одни ворота». С какой стати? Очувтившись в очередной раз в воде, она внезапно меняет направление и, не обращая больше ни малейшего внимания на лодку и наши крики, плывет к далекому берегу озера. Даже страшно смотреть, как маленькая черная головка, маячащая над водой, удаляясь, становится все меньше и меньше, пока наконец не исчезает вовсе в широкой полосе прибрежного тростника. Но Никса прекрасно найдет дорогу в этих тростниковых зарослях — ей здесь все привычно и знакомо.

«Такая собачка сразу узнает, кто любит животных, а кто нет», — гордо говорят гости за чайным столом, когда Никса бесцеремонно прыгает к ним на колени. Но мы при этом понимающе переглядываемся. Дело все в том, что у Никсы «кошачий характер»:

она привязана к дому, а не к отдельным людям и обожает всякого, у кого на тарелке кусок пирога, осчастливливая его своим назойливым вниманием...

Что касается тети Марии, то ей пришлось изменить свое мнение о Никсе в тот же вечер. Тетя мирно дремала на веранде в кресле, когда Никса прыгнула туда же и удобно улеглась рядом с ней. Маленькое собачье тельце так приятно согревало бок, и тетя Мария с удовольствием принялась гладить ее по головке, перебирая в пальцах длинные уши и проводя по твердому носу. При этом она почувствовала рукой, что собачка захватила с собой какую-то плюшевую игрушку. Желая подразнить Никсу, тетя Мария ухватила пальцами игрушку и начала дергать за нее, стараясь отнять ее у владелицы. Никса принялась рычать и сопротивляться — тянуть и дергать игрушку в свою сторону, но тетя Мария оказалась проворней и, выхватив ее, обнаружила у себя в руке — как бы вы думали что? — наполовину разжеванную, всю обслюнявленную дохлую мышь...

Последовала гротескная сцена, какую обычно можно увидеть лишь в американских боевиках. Нам пришлось срочно извлекать из домашней аптечки валериановые капли, а Никсу впоследствии всегда запирали, когда тетя Мария должна была пожаловать на чашечку кофе...

Ну не обидно ли бедной собаке? Она ведь так долго караулила на сеновале во время обмолота, когда мыши то и дело выскакивали из сложенной там соломы. Целых тридцать четыре штуки ей удалось придушить, и только одну-единственную она оставила себе!

Когда я что-нибудь читал, сидя на веранде, Никса обычно использовала меня в качестве швейцара. Она садилась под дверь и начинала так жалобно скулить, что я вынужден бывал вставать и выпускать ее в сад. Но уже через двадцать минут она стояла снаружи и желала попасть в дом именно через эту дверь. А то и еще возмутительней: пройдя через кухню в дом, она хотела во что бы то ни стало снова выйти через веранду на волю. Не исполнить ее настоятельного требования или прогнать ее было совершенно невозможно, потому что нервы у нее были, безусловно, крепче моих и больше оказывалось терпения.

Когда Никса однажды стояла на длинном половике, мне захотелось подшутить над ней, и я потянул за его конец, чтобы выдернуть половик у нее из-под ног. Вот этого мне делать не следовало! Никса в полном восхищении от неожиданной игры ухватила зубами за другой конец половика, пытаясь вырвать его у меня из рук. (На сегодняшний день половик приобрел уже весьма плачевный вид!) Она не хотела прекращать игры и тогда,

когда я уже давно был сыт ею по горло. Она хватала меня за шнурки от ботинок и штанину, приглашая продолжить это интересное занятие.

Какая заметная разница между такой вот игровой, энергичной «дамочкой» и степенным, слегка уже ожиревшим «господином» — таксой Бобби. Он частенько посещал нас вместе со своими хозяевами. Если бы его время от времени не приходилось выгонять из дома погулять, он бы так и дрых целый день в кресле под своим одеялом, и никто бы его не замечал. Как же мало понятия о животных имеют люди, говорящие: львы делают то-то, таксы поступают вот так-то, а кошки ведут себя следующим образом. О, как они далеки от истины! Ведь каждое животное — это неповторимая индивидуальность, точно так же как и человек. И нет на свете «кусачих доберманов» или «непослушных, своенравных такс», а есть только такса Бобби, лев Неро или такса Никса. И вот эта именно Никса, несмотря на все свои прегрешения и проделки, относится к тем моим знакомствам, о которых я вспоминаю с неизменным удовольствием.

Глава четвертая

СОБАКА, КОТОРАЯ САМА ВЫБРАЛА СЕБЕ ХОЗЯИНА

Такса, о которой пойдет речь, жила в Бромберге и была своего рода городской достопримечательностью. Звали этого кобелька Монд, и числился он собственностью владельца кафетерия «Грау», на самом же деле этому господину принадлежала лишь честь оплачивать налог за собаку. Гораздо чаще Монда видели где-нибудь на улице или дома у посторонних людей. Был он очень приметным: коричневый и необычайно длинный даже для таксы. Так что к его владельцу постоянно обращались с ехидным вопросом, не покупал ли он собаку «на погонные метры...».

Когда Монд на своих кривых коротких ножках степенно трусил по улице, то хвост свой гордо задирает кверху, в виде серпа. Для проходящих мимо ребятишек такой хвост, естественно, служил непреодолимым соблазном схватиться за него и подергать. Но таксу подобные дерзости не выводили из терпения: она лишь поворачивала голову в сторону обидчика и издавала назидательное рычание, не останавливаясь, однако, при этом ни на минуту, вся преисполненная собственного достоинства и важности.

По одной ему, Монду, известной причине, по какой-то, можно сказать, собачьей прихоти, что ли, он выбрал себе моего знакомого по имени Клаус в качестве «хозяина». Он проводил у него дома многие дни и даже недели. Однако обедать неизменно отправлялся в «общественные заведения», причем не в свое родное кафе, а

в ресторан «Адлер» или в пивной бар, где его хорошо знали. Там он терпеливо ждал перед входной дверью, когда появится кто-то из посетителей. Как только тот открывал дверь, Монд тут же первым степенно и важно входил в зал. Но не дай Бог, если кто-нибудь отважился не пропустить его вперед — немедленно следовал точно отработанный, молниеносный бросок к штанине!

Не обращая внимания на приветственные возгласы сидящих за столиками знакомых ему людей, Монд следовал прямым путем через весь ресторан на кухню, где, не выражая никакой особенной благодарности, быстро поглощал свой обед.

Гулять по парку с собаками без поводка, разумеется, и в Бромберге было строжайше запрещено. Само собой понятно, что Монд пренебрегал подобным запретом. Более того, он еще держал в страхе сторожевую собаку, принадлежавшую охране парка. Не дай Боже той попасться ему на глаза, когда он, в нарушение всех правил, совершал свои самостоятельные прогулки по парку! Тогда маленький коричневый песик мгновенно превращался в грозное каменное изваяние: он останавливался, весь напрягался, пошире расставив «локты» и выпятив и без того широкую грудь; шерсть на загривке и вдоль всего хребта поднималась дыбом, наподобие щетки, а хвост, пару раз мотнув из стороны в сторону, угрожающе застывал в виде поднятого кверху кривого турецкого ятагана. Губы при этом морщились, обнажая белый оскал, и Монд начинал надвигаться на своего врага мелкими шажками на негнущихся ногах. А тот, несколько сконфуженный, смущенно пританцовывал на месте, еще надеясь все превратить в игру. Но Монд шуток не любил: рывок — и вот он уже, сливаясь в длинную коричневую полосу, несется вслед за удирающим четвероногим сторожем парка, тесня его к выходу, — и спастись тому удастся, лишь выбежав на улицу.

Особое пристрастие Монд проявлял ко всякого рода транспортным средствам. Когда ему хотелось прокатиться, он терпеливо ждал на трамвайной остановке, потом вскакивал на переднюю площадку трамвая и ехал в свое удовольствие. Обычно, совершив круг по городу, он вылезал на той же остановке, где садился.

Большими приятелями Монда были городские таксисты. Время от времени он появлялся на их стоянке возле рыночной площади и охотно соглашался принять участие в поездке с первым попавшимся пассажиром. При этом он обычно усаживался на переднее сиденье, рядом с водителем.

Но однажды с Мондом произошла неприятность. Случилась она с ним в квартире у Клауса. Из-за какой-то неисправности

электропроводки жестяной водосток, окаймлявший балкон, вдруг оказался под током. Монд, которому, по ему одному известной причине, понадобилось обнюхивать цветочные горшки, выставленные вдоль бордюра, получил ощутительный удар по своему влажному черному носу. О, это было ужасно! Его оглушило, словно ударом молотка по голове, и с размаху швырнуло об стенку. Нет, это было уж чересчур, даже для такой самоуверенной персоны, как Монд! Пес взвыл, поджал хвост... но не сдался и не побежал прятаться. Проклятый заколдованный водосток непреодолимо притягивал его к себе, разжигая любопытство. Он стал с величайшей осторожностью подползать к «коварному врагу», затаившемуся там, под загнутой книзу жестью. Миллиметр за миллиметром старательно вынюхивающий носик приближается к опасному месту: ну ровно же ничем опасным не пахнет! Однако стоит лишь коснуться носом жести, как такса снова отлетает в угол. Другая бы собака смирилась с неразгаданной тайной и поспешила ретироваться, но не Монд. Тому пришло в голову, что под водостоком затаился кто-то, кто кусает его за нос. Он заливается злобным лаем, начинает скрести лапами по жести (толстые кожаные подушечки на лапах оказались, видимо, хорошими изоляторами и не пропускали разрядов). Но когда в пылу сражения нос опять попытался протиснуться в щель водостока, последовал новый удар, положивший уже конец (на этот день) неумной собачьей любознательности. К сожалению, Клаус не проследил за тем, как же Монд повел себя по отношению к водостоку, когда проводку уже починили.

Зато он отучил его жевать шнуры от торшеров, решив одним из них пожертвовать, чтобы не ругаться каждый раз заново, и притом безрезультатно. Он разрешил непослушному «дружочку Монду» насладиться разжевыванием электрошнура до конца, пока ток не цапнул его за язык и злоумышленник с громким воплем не отскочил в сторону. С тех пор Монд с неизменным уважением и опаской обходил любые электропроводки.

Зато настоящую ненависть он испытывал к каждому венику или половой щетке! Стоило только поставить самую обыкновенную швабру возле его мисочки с едой, Монд снисходил даже до того, чтобы не отправляться обедать в ресторан, а поесть прямо на кухне у Клауса. Даже нелюбимую картошку он в таких случаях поспешно заглатывал, рыча и косясь на своего «врага». И только покончив с едой, злобно набрасывался на швабру.

Большое удовольствие Монду доставляло посещение базара. Базар в городе бывал раз в неделю. Для Монда это всегда превращалось в подлинный собачий праздник. Он никогда не пропускал случая посетить базар. Возвращался же он оттуда обычно

несколько помятым, чем-то облитым и заляпанным, но счастливым от сознания «исполненного долга». Интересно было в такой день пойти за ним следом и проследить издали за тем, что он там вытворяет. При этом выяснялось, что собакам отнюдь не чуждо чувство юмора, во всяком случае таксам. То он подходил к стоящей на земле корзине с грибами и с невозмутимым видом поднимал заднюю ножку... То бросался с визгливым лаем на клеть с курами, отчего поднимался неистовый галдеж, перья летели во все стороны, и отовсюду сбегались любопытные... У каждого лотка находилось что-то, что можно было стащить, а если не удавалось, то хотя бы цапнуть жадного продавца за штанину... За злоумышленником несся вслед поток брани, а за нимением под рукой более подходящих метательных снарядов, в него летели редька, тухлая рыба, порченые апельсины и тому подобные прелести. Однажды в рыбном павильоне, когда за Мондом учинили настоящую погоню, по нему «расстреляли» столько рыбы, что стоимость ее значительно превысила цену той единственной, которую он унес в зубах, упорно не желая вернуть ее владельцу.

Между прочим, Монд честно принес ее «домой», вернее, в квартиру моего знакомого, где вместе с нею забрался на только недавно обтянутый вишневым бархатом диван...

Когда он возвращался сильно припудренным, то можно было не сомневаться, что Монд наведется, разумеется с нечестными намерениями, в пекарню кафетерия «Грау» к своему настоящему законному владельцу и его огрели по спине мешком из-под муки.

Стоило Монду каким-то образом — из разговоров или приготовлений — учуять, что предстоит загородная прогулка на машине, он моментально куда-то исчезал. Вспоминали о нем обычно уже где-то далеко за городом, когда сзади, из багажного отсека, раздавался залиvistый злобный лай: это какая-нибудь пересекавшая проселочную дорогу собака заставила Монда забыть всякую осторожность.

Однажды его решили наказать за такое самовольство и высадили незаконного пассажира где-то в шести километрах от города на шоссе. Он долго смотрел вслед медленно удаляющейся машине, склонив голову набок, и вся его фигура выражала полное недоумение: «Не могу поверить, что вы способны вот так, посреди дороги, выбросить маленькую собачку...», но затем повернулся и не спеша затрусил домой.

Такое длительное пешее путешествие для коротких ног таксы — дело отнюдь не легкое и уж никак не приятное. Тем не менее уже при следующей поездке Монд снова тайком проскользнул в машину.

Зато он всячески стал демонстрировать, что может пригодиться в качестве строгого стража автомобиля, когда все остальные пассажиры его покидают. Но и тут его однажды постигла неудача: как-то Клаус надел новую кожаную куртку, и Монд, не узнав его, вцепился ему зубами в руку, когда тот поспешно открыл дверцу, чтобы сесть в машину. Ни разу, ни до, ни после этого случая, не приходилось видеть маленького пса таким растерянным и убитым, потерявшим всякое «собачье достоинство»: как же это он мог так опростоволоситься?

Когда собакам приходит мысль покуражиться над своим хозяином, они притворяются, что перестают его замечать: нет его, и все тут. Можно звать до хрипоты, свистеть, упрашивать, подманывать, бросаться камнями — они делают вид, что оглохли, что к ним это не имеет никакого отношения. Не ясно, смеются ли они сами над нами в такие моменты, но уж случайные зрители в подобных ситуациях, те потешаются вовсю!

Однако это лишь так называемое «пассивное сопротивление» обычных собак. У Монда была своя собственная манера ставить хозяина в неловкое положение, вызывая при этом еще полное сочувствие окружающих к себе своим преданным и подобострастным видом: он просто ложился посреди тротуара на спину и, беспомощно растопырив все четыре лапки, карими глазками, полными укора, смотрел на своего хозяина. Такой спектакль он разыграл однажды, когда Клаус вознамерился после прогулки с ним идти домой, а Монд еще не нагулялся. Он лег на спину и лежал так с несчастным видом, пока Клаус не сделал вид, что сдался, и отошел от парадного. Тогда он тут же вскочил и пошел за ним. Но стоило тому повернуть назад, Монд уже снова лежал на спине.

«Вы что, не видите, что бедная собачка больна? — возмутились сердобольные прохожие. — Что же вы, не в состоянии нести ее на руках или пригласить ветеринара?» Но поднять себя Монд не разрешал — стоило протянуть к нему руку, как он начинал скалить зубы и рычать.

«Это оттого, что бедное животное испытывает невыносимые боли!» — объясняли собравшиеся зеваки.

Тогда Клаусу пришла спасительная мысль: он приоткрыл ближайшую парадную дверь и позвал:

— Киска, киска, кис-кис-кис!

Словно борзая, метнулся «больной» в парадное, а через него во двор. Но когда он, разочарованный, вернулся назад, то, вместо того чтобы прекратить притворство, снова улегся на спину посреди тротуара.

В другой раз при подобной «забастовке» Клаус остановился поблизости и молча стал смотреть на часы. Прошло двенадцать

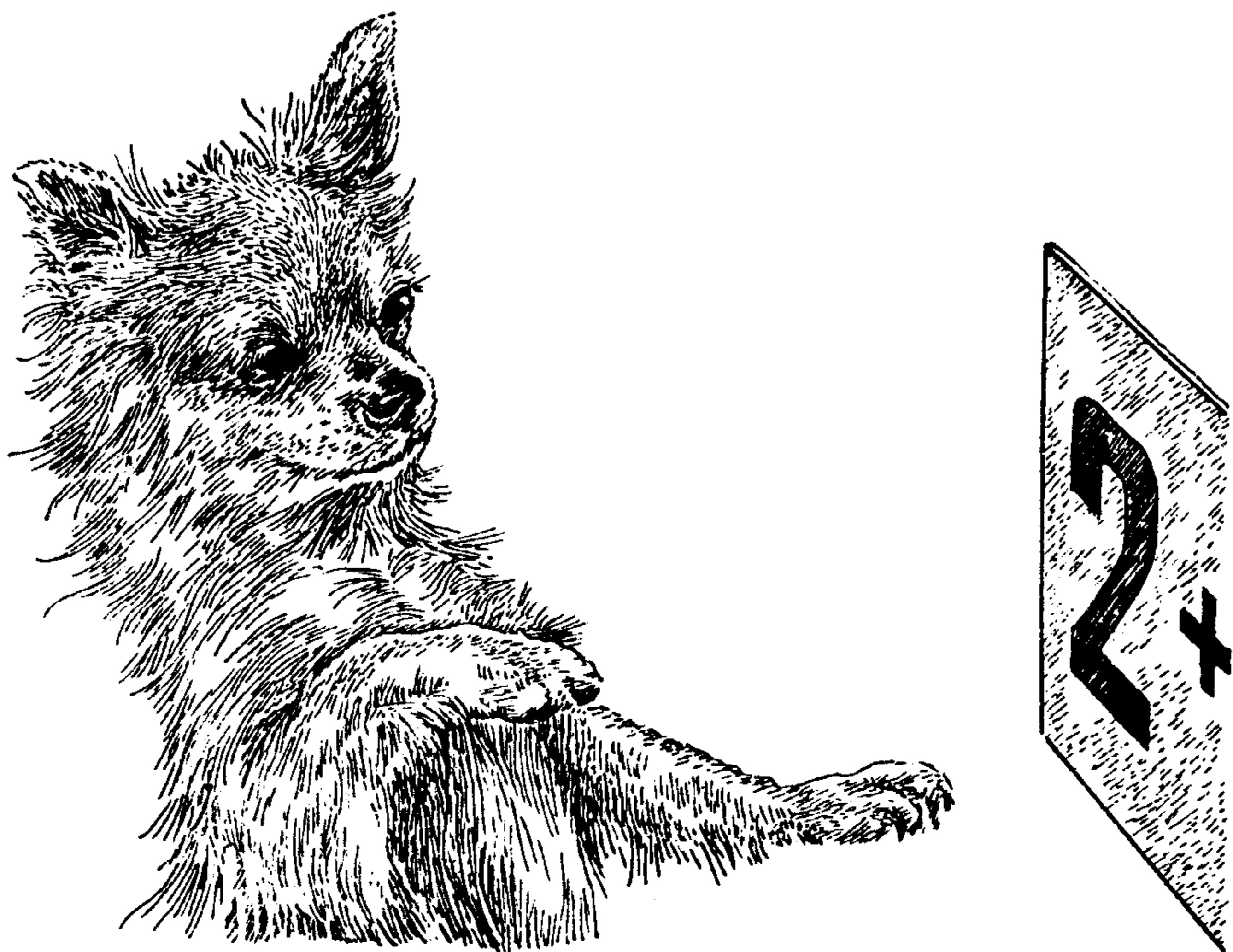
минут, пока Монд окончательно не убедился в тщетности своих усилий, встал и с видом оскорбленной невинности отправился домой. Весь этот день (а случай имел место утром) его ни просьбами, ни приказаниями невозможно было больше побудить выйти «погулять»: он обиженно сидел возле входной двери и не желал «разговаривать» с Клаусом, решив его наказать.

Не упускал Монд и случая прокатиться на мотоцикле. А для того чтобы он не соскользнул с гладкой поверхности бензобака, тот обтянули чехлом из мягкой ткани. Но стоило Монду увидеть чужую собаку, он тут же с громким лаем спрыгивал на ходу — даже во время самой быстрой езды — и порой, приземляясь, несколько раз перекувыркивался через голову. Нет уж, чего-чего, а смелости этой псине было не занимать! К счастью, многие большие собаки не принимали его всерьез.

Все, кроме одной — громадной охотничьей собаки, подмявшей маленького храбреца испытанным приемом, которым привыкла душить зайцев, молниеносно, так что никто даже не успел вмешаться, прикончившей беднягу. Когда его отняли, его черный, вечно любознательный мокрый носик сделал свой последний дрожащий вдох...

Кое-кто из его многочисленных друзей, узнав, что его больше нет в живых, незаметно старался смахнуть непрошеную слезу... Но все же надо признать, что это был достойный конец для такого отважного драчуна, каким был Монд! Уж во всяком случае, было бы хуже, если бы ему пришлось заканчивать свою собачью жизнь в виде разжиревшей старой таксы, страдающей от ревматизма и одышки и коротающей свои дни на малиново-красном диване Клауса.

Глава пятая

СПОСОБЕН ЛИ ШТРУПКА СЧИТАТЬ И УГАДЫВАТЬ МЫСЛИ?

Мое знакомство с самыми интересными личностями всегда происходило именно тогда, когда я этого меньше всего ожидал. Я имею в виду четвероногих личностей. Среди них ведь тоже встречаются особенно одаренные, смекалистые, исключительно сердечные или совсем с необычным характером особи, намного превосходящие в этом своих собратьев; и встречаются таковые, между прочим, не чаще, чем среди нас, людей...

Во время одной из своих поездок иду я как-то воскресным утром по парку Дрезденского Цвингера¹. Впереди меня сухопарый пожилой мужчина ведет на поводке двух собачек: скотч-терьера и, ну скажем так — нечто отдаленно напоминающее шпица. Никаких сомнений: здесь не собаки сопровождают своего хозяина во время прогулки — гуляют именно собаки, а старый господин только сопровождающее их лицо. Четвероногим предоставлено право выбирать, по какой дорожке идти, а человек послушно следует за ними и все время с ними разговаривает.

¹ Дворцовый ансамбль в Дрездене в стиле позднего барокко. Разрушен в 1945 году американской авиацией. Восстановлен в 1955—1962 годах. Музей фарфора, олова и др. (*Примеч. перев.*)

Потом, опустившись рядом с пожилым господином на скамейку, я узнаю, что шпицеподобную собачку зовут Штрупка и что она, между прочим, известная «цирковая звезда» (это просто в частной жизни она выглядит так скромно). И действительно, глядя на этого беспородного песика, трудно было поверить, что сегодня вечером, и вообще каждый вечер, он будет удивлять сотни зрителей своим искусством.

Штрупка оказался очень общительным, быстро со мной подружился, исследовал все мои карманы, не прочь был взобраться ко мне на колени — словом, это такая собака, которая не ведает ни страха, ни вероломства людского и привыкла к тому, что все люди обращаются с ней приветливо и ласково.

Вечером я пошел в цирк посмотреть выступление Штрупки и, увидев собачку в ярком свете софитов, признаюсь, почувствовал себя в роли кавалера, близко знакомого со знаменитой примадонной. В то время как все восхищенно ей аплодируют, он думает себе: «Любуйтесь, любуйтесь ею, вы, простофили, а я вот сегодня, после спектакля, буду с ней ужинать!»

И Штрупка действительно поражает публику своим искусством, срывает аплодисменты. Из публики ему задают несложные арифметические задачи: $2 + 2$ или $3 + 4$, и он лает ровно столько раз, сколько нужно: четыре или семь раз подряд. Он в совершенстве знает счет до десяти. Потом его хозяин уходит, а в зале прячут мячик. Когда он возвращается, Штрупка указывает ему лаем, где именно, в каком ряду спрятан мячик: один раз пролаять — означает «прямо», два раза — «влево», трижды — «вправо», а четыре раза — «назад». Потом один из зрителей выбирает из целой кучи картонных номеров две цифры и укладывает их рядом в закрытую деревянную коробку. И смотрите-ка, собачка действительно совершенно правильно угадывает полученную цифру, пролаяв сначала два, а потом шесть раз; зритель положил цифры в коробке так, что получилось двадцать шесть!

И так дальше. Штрупка наглядно демонстрирует публике свои арифметические способности и умение читать мысли на расстоянии. Что же это такое? Неужели собака на самом деле может обладать столь выдающимися способностями?

Этот вопрос еще несколько десятилетий назад задавали себе ученые, и мнения тогда резко разделились. Рассказывают, что дело доходило даже до подачи жалоб «за оскорбление личности». И все из-за собак, лающих цифры, и лошадей, выстукивающих копытом буквы. Часть профессоров, которым демонстрировали «умного Ганса», пришла к твердому убеждению, что никакого контакта между лошадью и дрессировщиком не происходит и что четвероногий артист действительно доходит до всего своим

умом. Другая часть продолжала в этом сомневаться. К единому мнению так и не пришли.

Во время выступления Штрупки я следил во все глаза за дрессировщиком и четвероногим артистом, но преуспел в этом не больше профессоров. Однако за прошедшее с тех пор время успела развиться такая новая область науки, как зоопсихология, которая в течение многих лет уже скрупулезно изучает различные формы разумного поведения животных. И тот, кто знаком с достижениями в этой новой области науки, у того на сегодняшний день не остается никаких сомнений в том, что ни *одна собака* не в состоянии с помощью букв, на которые она указывает лаем, выразить свое мировоззрение, и ни *одна лошадь* не может извлекать корень квадратный, и никакой Штрупка на свете не в силах читать мысли на расстоянии!

Поэтому мне было особенно приятно, что Штрупкин дрессировщик, артист Пауль Пильц, не стал передо мной рядиться в тогу знатока таинственной магии, дающей ему беспредельную власть над животными, а откровенно рассказал, каким образом Штрупка научился умножать и «читать мысли».

Мы сидели в маленьком ресторанчике, где на стенах были развешаны фотографии артистов и где за небольшую плату можно было прилично поесть.

Когда уже точно знаешь, как это делается, то все кажется совсем несложным: Штрупка, разумеется, сам считать не умеет, а лает ровно столько раз, сколько нужно его хозяину. Если кто-то из зрителей выкрикнул $2 + 4$, то по незаметному для публики знаку собака просто начинает лаять и лает до тех пор, пока не поступает сигнал «прекратить». Чтобы продемонстрировать это мне, господин Пильц встает, показывает Штрупке девять пальцев, и маленький смысленый песик девять раз оглашает зал своим лаем. Значит, ему не нужно заучивать какие-то тайные знаки для цифры «1», цифры «2» и последующих цифр, а надо только внимательно следить за тем, когда хозяин подаст знак «начинай», и бодро лаять до тех пор, пока не поступит вторая, незаметная для присутствующих, зато известная собаке команда «прекращай». И хотя я наблюдаю эту сцену в самой непосредственной близости и знаю, что должен быть подан сигнал, тем не менее я его не замечаю, не слышу и не ощущаю. Чудеса, да и только!

Теперь хозяин завязывает собаке глаза, она снова лает правильно — ровно столько, сколько нужно. Даже когда господин Пильц выходит в соседнюю комнату и закрывает за собой дверь, все продолжает идти как по маслу, а я по-прежнему не могу уловить ни малейшего звука, обозначающего команды! Оказывается, Штрупка знает несколько *разных* сигналов, по которым

надо начинать лаять или прекращать. Следовательно, его дрессировщик может по своему усмотрению менять их во время выступлений на арене.

Господин Пильц раскрыл мне секрет некоторых сигналов. К сожалению, я не имею права здесь их обнародовать, потому что рассекречивание подобных трюков — дело наказуемое: оно может быть обжаловано артистическим профсоюзом. Но я должен признаться, что после того, как мне сказали, как это делается, я пришел в еще большее изумление — прямо что-то фантастическое, да и только! Трудно поверить, что собака способна реагировать на столь неуловимые для нас знаки, которые мы просто не в силах заметить, что она может воспринимать их как определенные команды и исполнять требуемое. И тем не менее это так.

Тот, кто, читая эти строчки, состроил высокомерную, всепонимающую улыбку — ну что тут, мол, особенно трудного? — пускай попробует дома проделать нечто подобное со своим Гектором или Джеком. Пусть он ответит, сколько будет $1 + 1!$

А вот маленький Штрупка, тот действительно одаренней большинства своих четвероногих сородичей. Четыре с половиной года назад его нынешний хозяин взял к себе в дом на пробу семерых щенят, и только один этот лохматый песик оказался способным к артистической деятельности. Штрупка еще только начал терять свои молочные зубы, а уже усвоил основы «таблицы умножения». Ему предстояло стать преемником семнадцатилетней собаки, выступавшей со своим хозяином-дрессировщиком в сатирическом цирковом номере. И только проработав двенадцать лет с той собакой, господин Пильц совершенно случайно обнаружил, что ее вполне можно использовать для «решения арифметических задач»! Цирковые собаки, как правило, достигают более преклонного возраста, чем их обычные сородичи: мать семнадцатилетней предшественницы Штрупки даже дожила до восемнадцати лет и разъезжала с господином Пильцем еще по фронтовым театрам во время Первой мировой войны.

А когда в течение двадцати восьми лет дрессируешь собак и выступаешь с ними на сцене, то знаешь, что надо сделать, чтобы они научились «считать». Штрупку приучили начинать лаять только по команде — а лают собаки, как правило, очень охотно — и по определенному знаку, например хлопанью в ладоши, замолкать. Знак этот постепенно становился все более незаметным, едва слышным, и тем не менее собаке следовало его безошибочно улавливать или зорко следить за позами, которые принимал хозяин.

Но как же Штрупка выучился указывать своему хозяину лаем, где в зрительном зале спрятан мячик? А дело тут вот в чем. Сначала это был не мячик, а маленькая плюшевая собачка с

пищалкой в животе. Эту игрушку (вернее, все купленные взамен той, первой, давно измызганной и разорванной) Штрупка нежно любил, наверное, за то, что она умела так тоненько пищать. Потому что Штрупка в своей частной жизни, вне цирковой арены, — это особа женского пола, а не кобель, и «Штрупка» это лишь ее сценическое имя. На самом же деле дома «двуногие родители» зовут ее Дези. Наверняка самым ее сокровенным желанием было бы в один прекрасный день принести своему хозяину прямо в постель целый выводок слепых, копошащихся щенят... Но когда ты профессиональная актриса, то от подобных желаний приходится отказываться.

Перенеся свою нежную привязанность на пищущую плюшевую собачку, Штрупка всегда старательно ее разыскивала, если ее куда-то убрали, или сама ее запрятывала подальше, чтобы никто не нашел. Когда ее хозяин входил в комнату, он по поведению собаки безошибочно мог угадать, куда запрятана пищущая игрушка. Потом собачку постепенно заменили тряпочным мячом, который она и сегодня азартно разыскивает, когда он запрятан где-то среди зрителей. Господин Пильц видит, куда стремится проникнуть Штрупка, торопясь завладеть своей собственностью, и ему достаточно подавать ей знаки, чтобы она лаяла «направо» или «вперед» и т. д., пока оба они протискиваются между рядами. Демонстрируя мне этот фокус в ресторане, Штрупка сначала указала на правильный столик, а затем всем своим нетерпеливым поведением дала знать хозяину, у кого из сидящих за столом людей находится мячик.

Сколь незаметные, ну абсолютно незримые сигналы способны улавливать собаки, показывает следующий опыт. Штрупкин хозяин высказал даже подозрение, что между ним и собакой все же явно существует своеобразная передача мыслей на расстоянии. Дело в том, что Штрупка часто выполняет команды, которые господин Пильц вовсе еще не давал, а только *намеревался* дать. Он лишь сосредоточенно думал о них и собирался в следующий момент дать знак собаке. Между прочим, известный дрессировщик тигров Тогар наблюдал нечто похожее у своих тигров и тоже верил в некую передачу мыслей. Но мне кажется, что говорить о явной передаче мыслей на расстоянии можно лишь в том случае, когда человека и животное разделяет, к примеру, целая анфилада комнат, когда они полностью изолированы друг от друга и исключена всякая возможность улавливания сигналов при помощи слуха или мимики. Как часто ведь кто-то подергивает или кривит губы или сжимает пальцы, прежде чем высказать что-то словами! А животное, зорко следящее за своим учителем и все равно настороженно ожидающее команды, согласует свои

действия с такими вот «предкомандами», о которых его учитель зачастую сам ничего не подозревает.

Я это проверил на собственном опыте, когда дрессировал своего ручного волка Чингиса (уже хорошо известного моим читателям). Я приучил его исполнять определенные действия в ответ на вспыхивание электролампочки. Но к моему величайшему удивлению, он вскоре стал исполнять требуемое и тогда, когда я только *намеревался* включить лампочку (выключатель я при этом держал в руке), но лампочка еще на вспыхивала! Тогда я понял, что волк ориентировался не на свет вспыхивающей лампы, а на еле заметное движение моего большого пальца, которым я нажимал на кнопку. Животные, живущие совместно со своим хозяином бок о бок долгие годы и ежедневно наблюдающие его привычки и исполняющие его команды, способны улавливать еще гораздо менее заметные постороннему глазу или слуху сигналы. Они ведь знают все повадки своего хозяина даже лучше, чем он сам. Но вернемся к нашему Штрупке.

Так отлично усвоила маленькая безродная псина уже через пару недель, а тем более через несколько месяцев, всю программу, что ее владелец решился выступить с ней на небольшой провинциальной эстраде в Гагене. Все шло как по маслу. Но на следующем представлении, в другом городе, старая собака, у которой Штрупка перенял свое искусство и которая прежде всегда присутствовала на всех репетициях, заболела и на сей раз отсутствовала. И что же? Малышка Штрупка лишь приоткрывала рот, но никакого лая за этим не следовало! Ну буквально ни звука! Весь номер насмарку! Скандал, да и только. Дрессировщику потом пришлось извиняться перед публикой, а после этого еще и перед разгневанным директором. Маленькую собачью барышню, сорвавшую весь номер, в течение двух недель вообще не выпускали на сцену, но спустя некоторое время она уже справилась со своим волнением перед публикой и больше уже никогда не подводила любимого хозяина.

Правда, иной раз, когда Штрупке приходится выступать в небольших рестораничках, ей бывает трудно оторваться от чем-либо заинтересовавших ее в публике людей. Так, даму, усевшуюся близ самой эстрады с меховой горжеткой на плечах, Штрупка долго облаивала, пока та не сняла и не спрятала подальше свое украшение. Мужчины, не снявшие во время представления с головы своих шляп, могут испортить этим весь «коленкор». Тут уж никакие уговоры и даже угрозы со стороны хозяина не помогают: шляпу долой, и все тут!

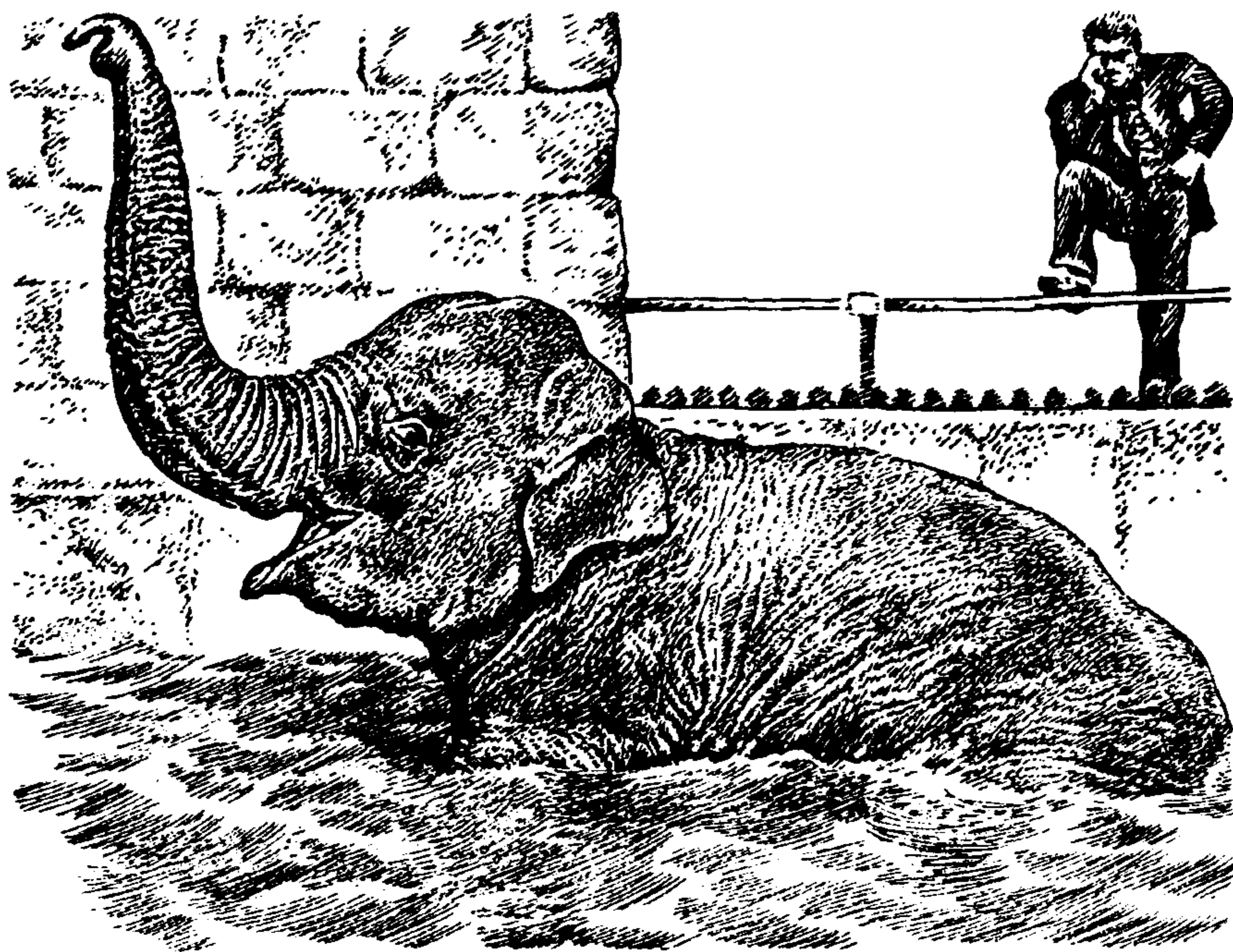
Когда я решил заснять на пленку их номер, то чуть ли не испортил все представление: маленькая, легко возбудимая «актриса» непрестанно косилась в мою сторону, преследуя глазами

каждое мое движение; несколько арифметических задач из-за меня чуть было не были решены неверно!

Гулять по улице Штрупка может только на поводке, потому что она не ведает никакой опасности и не знает злых людей. Все норовят ее погладить и приласкать: одни потому, что действительно испытывают к ней теплые чувства, другие — восторгаясь ее известностью и удивляясь тому, что такая вот невзрачная лохматая собачонка кормит всю семью. Но дома Штрупка живет не как знаменитая «звезда», а как самая обыкновенная собака. Правда, во время обеда в ресторане я заметил, как самые лакомые кусочки незаметно исчезали с тарелки хозяина и отправлялись под стол. Но тем не менее избалованной маленькую знаменитость никак не назовешь. Любит она только вареное мясо, в то время как ее коллега, скотч-терьер, который выступает в другом — юмористическом — номере, ест исключительно только сырое.

Иной раз в уличной суете нечаянно можно наступить на ногу людям, перед которыми подобострастно снял бы шляпу, если бы знал, кто они такие. С тех пор как я в Цвингере познакомился со Штрупкой, я стал внимательней приглядываться к различным собачкам, которых по три, а то и по четыре сразу с важностью ведет на поводке их хозяин или садится с ними в купе первого класса, а то и перевозит с полным комфортом в особых утепленных ящиках. Может быть, они тоже вечером выступают где-нибудь в театре «Скала» или в Зимнем саду, где мы, платящие за концерт, представляем для них лишь самую обыкновенную, не стоящую внимания публику, лица которой едва различимы в полутьме зрительного зала...

Глава шестая
ПРО СЛОНОВ

СЛОНОВЬЯ ШКОЛА

Вот они стоят, эти четыре колосса, словно серые, испещренные рубцами утесы посреди своего высокого бетонированного ангара, куда их поместили в Мюнхене на зимний постой. Зовут их Мони, Бетя, Менне и Лони. Мы подходим к самой крупной из слоних — Мони — и самой сообразительной из них, как нам сказали служители цирка, и высвобождаем ее переднюю и заднюю ноги из цепей. Мони провела двадцать пять лет своей жизни, а значит добрую половину ее, в цирке у Крона. К господину Алерсу, работающему здесь со слонами, она выказывает подчеркнутое расположение. Когда он с ней не слишком строг, она склоняет перед ним голову до самой земли, подставляет бока для почесывания, падает перед ним на колени, подтягивает его хоботом к себе или с высоко задраным хвостом надвигается на него задом, приседая на задние ноги... Она явно в него «втюрилась» и по-слоновьи с ним заигрывает. Для нее он некая замена слона-самца, что говорит о том, что не только мы склоны «очеловечивать» животных, но и животные в еще большей степени нас «оживотнивают».

Но сейчас Мони заигрывать не разрешено: она на учебе. Ей нужно научиться открывать хоботом крышку тяжелого деревянного ящика. Для этой цели мы на ее глазах прячем туда кусок хлеба, открываем и закрываем несколько раз крышку, но она не реагирует. Она отвлекается: то чешется плечом о стенку, то оглядывается по сторонам, а когда оставшиеся в своем стойле три остальных слона начинают громко трубить, она рвется к ним. Правда, интересуется она и хлебом, который мы все вновь и вновь вынимаем из ящика и протягиваем ей под самый хобот. Но заполучить его она хочет совсем другим, более подходящим ей путем (этого-то я никак не мог предусмотреть): слониха внезапно поднимает переднюю колонноподобную ногу и собирается просто-напросто растоптать дурацкий ящик! Тогда мы берем в руки ее хобот, подводим его под выступающий край крышки и вместе с хоботом поднимаем крышку кверху. К нашему большому удивлению, нам приходится проделать это всего один-единственный раз. Сразу же после этого Мони два раза подряд уже самостоятельно достает хлеб из ящика.

Таким же образом удастся обучить этому Лони и Бетю, а вот с Менне дело не ладится. Она, оказывается, не любит, когда дотрагиваются до ее хобота. Стоит только протянуть руку, чтобы взять ее за хобот, как она сейчас же отводит его в сторону. Поэтому подтянуть хобот к краю крышки невозможно, и она так и не выучивается открывать ящик. Когда наступает ее час занятий, мне приходится заранее открывать все крышки.

Менне вообще смешная особа. Она мала ростом, не больше слона-подростка Лони, хотя по летам уже совсем взрослая. Зато коренастая и сильная, с мощным, угловатым черепом. В то время как остальные слоны, как и подобает стадным животным, очень держатся друг за друга и увести одного из них бывает подчас весьма трудно, Менне — ярко выраженный слон-одиночка, действующий всегда в отрыве от коллектива. Когда цирк странствует и на какой-то подходящей стоянке этим большим животным разрешается попасть на воле, Менне, как правило, тут же обособляется. Она всегда находит себе отдельное от других занятие — стоит, забрасывает себя грязью или чешется о какую-нибудь стену. И при этом так неистово, что на коже остаются кровавые ссадины, которые ее, однако, нисколько не беспокоят. Родом Менне из маленького бродячего цирка, у которого имелся всего лишь один слон — она, Менне. Именно этим, видимо, и объясняется ее необщительное поведение. Но в то же время слушается она беспрекословно. Сразу же подходит, когда ее зовут; работая с ней, я не пользуюсь палкой с крюком, необходимой, чтобы добиться послушания от остальных. Когда цирк снимается

с места и все его имущество загружается в фургоны, Менне трудится с утра до вечера — то что-то подтягивает, то толкает. Но для манежа она абсолютно непригодна. Еще не нашелся такой человек, который сумел бы выучить ее самому пустяковому номеру.

А теперь от наших громадных «школьников» требуется постепенно научиться открывать именно тот ящик из пяти стоящих у стены, в который положен хлеб. Для этого я заставляю служителя слоновника, богемца, носящего странное имя Кафтан, бежать с куском хлеба, держа его перед самым «носом» слона — его жадно вытянутым вперед хоботом. Добежав до ящика, Кафтан проворно открывает крышку и бросает в него хлеб, иной раз чуть не прищемляя кончик хобота слона. Таким способом слоны обучаются открывать тот самый ящик, в котором находится приманка. Прodelывать все именно так, а не иначе совершенно необходимо. Потому что, если слон не бежит непосредственно за человеком, держащим хлеб, он начнет открывать крышку любого другого ящика, мимо которого будет пробегать. Как выяснилось, такую, казалось бы, само собой разумеющуюся связь между определенным ящиком и положенным туда хлебом этим толстокожим постичь не под силу.

Старый директор цирка Кроне, один из самых опытных и талантливых дрессировщиков слонов, когда-либо появлявшихся на манеже, тихонько входит в помещение, где мы проводим свои опыты, садится на стул, стоящий в углу, и наблюдает за нашими манипуляциями. Он разочарованно качает головой: неужели его любимцы не в состоянии решить такую, казалось бы, несложную «школьную задачку»? Но, к сожалению, все именно так и обстоит. Когда мы предоставляем слонам возможность самим находить и открывать ящик, в который на их глазах был брошен кусок хлеба, они чаще всего направляются к другому, пустому ящику!

А коль скоро они не в состоянии уразуметь, нам придется втолковать им правильное решение при помощи «кну́та и пряника» — вознаграждений и порицаний. Значит, так:

— Запомни, что открывать ты должна лишь тот ящик, возле которого только что побывал служитель!

Начинается мучительный, затяжной процесс обучения. Бетю (или чья там еще очередь) ставят на расстоянии шести метров от ящиков. Я занимаю свой пост возле головы слони́хи, слегка придерживая ее крюком на палке за хобот, потом Кафтан открывает один из ящиков, кричит зычным голосом:

— Бетя, иди сюда! — с треском захлопывает крышку и отбегает в сторону.

В тот же миг я убираю крюк и отпускаю слониху. Ей следует идти к ящику № 3, следовательно, к центру. Но нет, она сворачивает в сторону и протягивает хобот к ящику № 2!

— Не туда, Бетя, не туда! — кричу я резким голосом, от которого бедная слониха вздрагивает всем телом.

Я подскакиваю к ней, захватываю крюком верхний край ее уха, и трехметровый гигант весь как-то съеживается, присаживается и склоняет голову набок, словно нашкодивший школьник, которому собираются «надрать уши». Я подвожу ее к правильному ящику, и она его открывает.

— Молодец, Бетя! Правильно! — говорю я уже ласковым голосом.

Потом я заставляю ее отойти, пятась задом, на свое исходное место, чтобы начать игру заново, — десять, сто раз одно и то же. Бете достаточно легкого нажима палки, чтобы она попятилась назад. Мони и этого не требуется: она делает все самостоятельно, после того как достанет из ящика свой кусок. Менне же приходится прямо-таки пихать изо всей силы, чтобы заставить двигаться задом. Я и не стараюсь больше. Пусть разворачивается и бежит за мной вслед, раз ей так хочется.

Вот так мы и тренируемся каждый день по утрам и вечерам. Но должен заметить, что слоны не особенно выносливые ученики. Если кому-то из них пришлось пробежаться взад и вперед тридцать—сорок раз подряд — с него уже хватит. Результаты становятся все хуже, а потом такая «утомленная дама» и вовсе отказывается подойти к ящикам и просто останавливается на полдороге и стоит. Притом она еще совсем не утолила свой голод! Если я побросаю куски хлеба просто на пол — она способна съесть еще целую гору!

Честное слово, иной раз можно прямо прийти в отчаяние, когда эти здоровенные дылды все вновь и вновь хватаются не за те крышки, что надо.

— Эй, приятель! Соображать надо! — не выдерживает иногда господин Алерс, срывается с места и бежит следом.

У него вообще была такая привычка обращаться к своим слонам словами «Эй, приятель» или «Эй, крошка». А провинившаяся здоровенная «крошка», виновато поджимая зад и издавая от волнения характерный «храп», топчется возле этих «проклятых» ящиков, так ужасно похожих один на другой, что отличить невозможно...

Случается, что Бетя стоит в нерешительности между двумя ящиками, переминаясь с ноги на ногу и раздумывая, какой бы открыть. Когда она в очередной раз выбирает неправильный и бывает за это обругана, то иногда в ее животе раздаются «гро-

моподобные раскаты», которые случайные посетители, пришедшие поглазеть на наши занятия, принимают за угрозу и выражение «бешеной злобы». На самом же деле это не имеет никакого отношения ни к злобе, ни к страху. Подобные звуки слон издает всегда, когда чем-то взбудоражен, возбужден, а случается, и от радости.

Если Бетя ошибается слишком часто и ее непрестанно ругают, она в конце концов совсем обалдевает: стоит перед ящиками и не решается ни один из них открыть. Если к ней приблизиться, она смущенно надувает щеки и подгибает зад. В такие «плохие» дни может случиться, что она откроет крышку нужного ящика и, сбита с толку, не знает, что ей дальше делать. Если я ее окликну в такой момент, то она, вместо того чтобы опустить хобот в ящик и взять хлеб, начинает водить им снизу вверх, пытаясь поднять уже поднятую крышку.

У них вообще есть свои «хорошие» и «плохие» дни, у моих школьников. Случается, за один вечер Менне половину задач решает верно, а половину — неверно. А на следующее утро на шестнадцать правильных решений приходится всего одно неправильное. Каждый раз приходится гадать: как они сегодня будут работать, эти толстокожие? И чаще всего угадать невозможно.

Бетя ростом с мощную Мони, но она гораздо «тоньше», у нее впалые щеки, а главное, она более боязливая и нервозная.

— Типичная старая дева,— говорит господин Алерс.

Несколько недель тому назад Бетя выкинула фортель. Ее хотели приучить вместе с Мони возить повозку, для чего их запрягали по утрам и водили по тихим и безлюдным улочкам вокруг цирка. В один прекрасный день понадобилось оттащить в сторону тяжеленный прицеп с клетками для львов, и господину Алерсу пришла в голову блестящая мысль использовать слонов. Сказано — сделано. Но как только он запряг обоих слонов, боязливую Бетю опять что-то напугало — черт ее знает, что ей такое померещилось,— во всяком случае, она рванулась и понеслась, увлекая за собой Мони. Обе слонихи галопом выбежали за ворота, волоча за собой прицеп с четырьмя клетками взбудораженных львов! Они чуть не снесли кирпичную ограду и, конечно, понеслись бы и дальше по улицам — представляете себе такую картину! Но, к счастью, за воротами стояла припаркованная машина, за которую намертво зацепился прицеп, и слонам пришлось остановиться.

У Бети, между прочим, что-то неладно с хоботом — его движения слегка заторможены и кончик всегда повернут вправо, как раз туда, где я обычно стою. Она частенько фыркает, и тогда

следует поскорей отступить в сторону, иначе туфли будут заляпаны Бог знает чем!

Обычно считается, что слоны гладко-серые. А вот у Бети кожа на ушах и шее розоватого цвета и покрыта неровными серыми пятнами, словом, пегая, как ноздри у липицианских жеребцов. Кисточка, украшающая конец ее хвоста, состоит из красивых, длиной примерно в двадцать пять сантиметров, черных, жестких, как толстая проволока, волос. Мне приходится остерегаться, стоя рядом с нею: если ей вздумается махнуть хвостом и она случайно шлепнет им вам по голове, то ощущение будет такое же, как от удара резиновой дубинкой... Славная моя Бетя визжит при каждой возможности, да так пронзительно, словно кто-то впервые решил поупражняться на трубе. Умеет она издавать и храп, нетерпеливо переступать с одной ноги на другую — словом, «ей всегда есть о чем порассказать». За то время, что я прозанимался с этими колоссами, постоянно, раз за разом повторяя одно и то же, я вообще стал замечать разные мелочи, касающиеся их поведения. Так, Бетя и громадная Мони, отступая назад, всегда переступают одновременно правой передней и левой задней ногой, в то время как Менне и Лони передвигают обе ноги одной стороны почти одновременно, как иноходцы.

Понемногу моя маленькая черная записная книжечка начинает заполняться наблюдениями. Сотни, тысячу раз слонам приходится бегать взад и вперед. Постепенно едва заметные достижения моих учеников несколько улучшаются. Конечные результаты таковы: в среднем на три-четыре правильных ящика — один неправильный. Дальнейших улучшений, как видно, ждать не приходится.

А теперь мы перейдем к тому, ради чего мы, собственно, и затеяли весь этот эксперимент и провели столько часов за подобным занятием: мы хотим проверить память наших четвероногих «абитуриентов».

Итак, Кафтан кладет приманку в ящик, захлопывает крышку, а я удерживаю Лони крюком за хобот, не даю сразу же кинуться бежать. Я тихо считаю:

— Двадцать один, двадцать два,— и только потом отпускаю ее.

Интересно, запомнила ли она за эти две секунды нужный ей ящик?

Молоденькая слониха, которой еще нет даже восемнадцати лет, «Малышка», как мы ее между собой называем, срывается с места и опрометью кидается к ящикам. В то время как три другие слонихи всегда так степенны и неторопливы, Лони несется прямо рысью. Более того, к моему постоянному удивлению, по-

следнюю пару метров перед ящиками она скользит, прямо как на лыжах, по гладкому бетонному полу, потому что иначе не в состоянии затормозить. У этой малышки вообще вечно одни шалости в голове. Ей лишь бы похулиганить! Так, она часто по дороге к ящикам вдруг останавливается и начинает старательно подбирать хоботом с пола оброненную там соломинку, чтобы затем удовлетворенно отправить ее в рот. Это одну-то единственную соломинку! Подобные фокусы позволяют себе время от времени и другие три слона. Мне приходится внимательно следить за тем, чтобы пол каждое утро был тщательно выметен. Потому что, если кто-либо из слонов только на мгновение отвлекся, подумал о чем-нибудь другом, начал подбирать что-то с пола, тогда все: правильного решения уже не жди!

Когда Лони по утрам отвязывают для учебы, она начинает с вожделением скрестись и тереться о стенки. Особое удовольствие она получает тогда, когда предварительно успеваешь обсыпать себя песком, чтобы он во время трения так и скрипел на коже. Звук, от которого особенно чувствительные люди поскорей затыкают пальцами уши... В иные дни Лони бывает особенно игривой и безобразничает сверх всякой меры. Тогда она «скользит на лыжах» даже задом наперед, садится на свой зад, громко трубит, хватая меня хоботом и тянет за собой. Мне бывает очень жалко ее строго одергивать, эту «малышку» Лони, и заставлять снова переходить к серьезной учебе.

Три и три десятых верного решения приходилось на одно неверное, когда слонов отпускали тотчас же после того, как только захлопывалась крышка. Теперь же, когда их заставляли пережидать две секунды, верных решений оставалось не больше, а то и меньше *одного* на каждое неверное! Но это не значит еще, что слоны при таких условиях совсем не в состоянии вспомнить правильный ящик: ведь пустых ящиков-то четыре, а с хлебом всего один. Если бы они выбирали любой, первый попавшийся ящик, то по теории вероятности на одно правильное приходилось бы четыре неверных решения. Ну что ж. Я вынимаю секундомер и заставляю своих четырех красавиц постепенно пережидать все больший срок после того, как Кафтан опустит хлеб в ящик. О, ожидание не в правилах такого гиганта, желающего получить свой кусок хлеба! Я прямо чувствую, как могучая Мони осторожно надавливает на крюк, которым я удерживаю ее за ее толстый, словно древесный ствол, хобот.

А я наблюдаю за ней. Моя славная любимая ученица стоит, сонливо прикрыв глаза. Я имею полную возможность из самой непосредственной близости любоваться ее роскошными длинными

ресницами — они достигают одиннадцать—двенадцать сантиметров в длину! У Мони они особенно хороши — гораздо длинней, чем у трех остальных слоних. Ей могла бы позавидовать любая кинозвезда! Во время ожидания слониха иногда надвигает на глазное яблоко так называемую мигательную перепонку, розоватое третье веко, закрывающее глаз в направлении от носа к уху. И уши у слонов отнюдь не у всех одинаковые. Так, верхний задний край уха у Мони загнут внутрь, и окаймлены эти уши розовато-дымчатой каймой. Длинная мочка как бы специально создана для того, чтобы было удобно за нее водить, и Мони охотно разрешает водить себя именно таким образом. Что касается шикарной черной кисти — украшение слоновьего хвоста, — то у Мони она просто отсутствует. (Очень возможно, что какому-то вождю племени в Индии понадобился султан для украшения шлема и он просто отрезал у нее конец хвоста. С тех пор как я прочел, что у некоторых африканских племен принято загонять жирафа в болото, чтобы иметь возможность спокойно и беспрепятственно отрубить у него кончик хвоста для подобных же целей, я уже ничему не удивляюсь!)

Когда Мони становится чересчур уж скучно, она поднимает переднюю ногу, согнув ее в колене, и подталкивает меня ею под локоть, приглашая с ней поиграть. Хорошая ты моя! С каким удовольствием я бы поиграл с тобой, но я ведь здесь на ролях учителя, обязанного заставлять озорных первоклашек зубрить таблицу умножения. Вот так-то, Мони! А теперь стрелка на моем секундомере доскакала до тридцати.

— Топай, Мони! — И Мони направляется своим размеренным, бесшумным шагом к заветным ящикам — разумеется, опять к неправильному!

— Не отвлечетесь ли вы на минутку, чтобы подписать вот такую бумагу? — раздается за моей спиной.

Это сзади тихо подошел господин Плат, бессменный администратор и представитель прессы цирка Кроне. Бумага, которую я должен в очередной раз подписать, — это обычное в таких случаях гарантийное соглашение, в котором я обязуюсь не причинить слонам никакого вреда, а в случае если они мне таковой причинят, то я сам, мои наследники, мои дети и дети моих детей обязуются, в самой торжественной форме, не предъявлять цирку Кроне никаких претензий и не требовать с его администрации какого-либо возмещения нанесенного ущерба.

«Эх, людишки, к чему такие формальности?» — думаю я.

Пока мы беседуем, Мони, томясь от безделья, стоит позади меня и старается обнять меня хоботом за талию. А мы обсуждаем различные случаи со смертельным исходом, происшедшие в зо-

опарках и цирках по вине слонов. Однако почти во всех этих случаях убийцами оказывались самцы. Кроне же, как и большинство других современных цирков, держит у себя исключительно одних только слоних. Они гораздо миролюбивей и покладистей самцов. Был, правда, у Кроне и самец-слон по кличке Сиам — поначалу добрый и безобидный, как овца, но потом его все же пришлось обменять на жирафа, потому что он стал показывать свой норов. Его преемник — слон-подросток Боско, не превышавший в холке полутора метров, — ухитрился во время одной из гастрольных поездок сломать своему служителю ногу!

Ну ладно. Вернемся к нашим экзаменам «на память». Теперь очередь Бети. Во время ожидания, пока я смотрю на секундомер, она хватает меня игриво хоботом «под ручку» и отодвигает в сторону: я, видите ли, не должен загораживать ей дорогу. Пока мы упражняемся, то и дело открывается дверь и кто-нибудь из служителей-богемцев проходит через наш павильон за кормом — так короче. В такие моменты Бетя провожает глазами пришельца, и с вниманием к нашему эксперименту напрочь покончено. Я этим парням уже не раз говорил, чтобы они со своими тачками обходили павильон снаружи, но они не понимают немецкого языка и продолжают делать по-своему. Да еще ругаются.

«Круцификси»¹, — бормочет один из них в ответ на мою просьбу. Видимо, это первое баварское слово, которое он успел выучить.

Когда я на тридцатой секунде отпускаю Бетю, она движется в сторону ящиков, как при рапидной (замедленной) съемке — едва-едва.

— Бетя — крадущийся слон, — шутит господин Алерс. — Ей-богу, отличное название номера для афиши нашего господина Плата!

Но внезапно наш «крадущийся слон» совершает почти трехметровый прыжок назад! Что с ним? Что случилось? Оказывается, его напугал катающийся по полу клочок свалявшейся верблюжьей шерсти. Упал он с линяющего верблюда, стоящего в своем боксе, в углу павильона, где мы работаем, и часами с нескрываемым интересом наблюдающего за всем происходящим. По-видимому, Бетя приняла комок шерсти за кусок хлеба, протянула к нему хобот и, наткнувшись на что-то мягкое, податливое и щекочущее, смертельно испугалась. А я, значит, опять прождал эти полминуты напрасно! И вот итоги нашего «слоновьего экзамена»:

¹ Проклятие, употребительное в немецком языке, идентичное «черт подери». (Примеч. перев.)

Если время ожидания не превышает двух секунд, на одно правильное решение приходится полтора неправильных, при пятнадцати секундах одно правильное приходилось на одно и восемь десятых неправильных. Если же ожидание доходило до полминуты, то дело не клеилось совсем. Наши четыре огромные первоклашки не могли запомнить даже на тридцать секунд, возле какого из ящичков только что находился человек!

«L'elephant est l'animal le plus intelligent» («Слон — наиболее умное из всех животных») было написано в моем учебнике французского языка. Странно. А наш проверочный экзамен дал такие неважные результаты. Прямо верить не хочется! Попозже мы еще посмотрим, не окажутся ли Мони, Бетя, Лони и Менне все же умней, чем это можно подумать после нашей первой проверки.

КАК НАДОЛГО МОНИ МОЖЕТ ЗАПОМНИТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ЯЩИК

Итак, наши четыре подопытных слона — могучая Мони, упрямая Менне, боязливая Бетя и игривая «маленькая» Лони — показали себя во время экзамена не с лучшей стороны: не могли даже на полминуты запомнить, в который из пяти одинаковых ящичков служитель на их глазах только что положил корм! Поэтому вначале наши занятия в «школе слонов» дали весьма скромные результаты. Но нам даже не верится, что у наших «школьниц» такая короткая память. Как же это может быть? Ведь нам приходилось читать много историй о том, что именно слоны способны надолго запомнить причиненное им зло и затем страшно отомстить!

Ну что ж. Я решил задать им свой вопрос в несколько иной форме. Перед тем как вести Мони рано утром в наш «ангар» на занятия, я подвешиваю к дверям на веревке полбатона хлеба и сверху набрасываю пустой крафтмешок. Через несколько минут в проеме двери появляется громадная Мони, заполняя его собой почти целиком. Я указываю ей на хлеб. Она приподнимает мешок, срывает с веревки угощение, кладет его хоботом себе в рот и с удовольствием жует.

То же самое я проделываю со всеми остальными слонами. Теперь я с нетерпением ожидаю момента, когда их поведут после занятий обратно. И хотя они проходят через те же двери, и, безусловно, *видят* мешок, тем не менее ни одна из слоних не запускает под него хобот! Правда, в их оправдание надо сказать, что видят они его теперь в другом ракурсе, проходя с обратной стороны через двери.

Но когда Мони после обеда снова ведут в «ангар» и она подходит к двери, она все-таки запускает хобот под мешок! Остальным же мне пришлось заново показывать куда подвешено угощение, даже несколько раз подряд, пока они наконец сообразили, что, входя и выходя через двери, надо запускать свой хобот под мешок. Но потом Бетя делает неожиданные успехи: она вспоминает, где висит хлеб, даже через воскресенье, через целых сорок восемь часов! «Маленькая» озорная Лони все время старается вместо хлеба заправить в рот крафтмешок. Тем не менее все наши четыре толстокожие дамы запомнили на сей раз, где можно найти спрятанный корм, притом помнили об этом в течение нескольких часов и даже дней, что после наших сомнительных успехов с ящиками было весьма удивительно и отраднo. Однако мы из-за этого все равно не вправе утверждать, что Мони вспоминает нечто вроде: «Под этим мешком я сегодня утром обнаружила хлеб». Или более того: «Под этот мешок человек на моих глазах подвесил хлеб». Вероятней всего, мешок для нее просто-напросто приобрел «пищевую окраску», вызывает приятные воспоминания о пище.

Нечто подобное случается ведь и у нас, людей. Если мы сидим в кафе с девушкой, в которую «жутко влюблены» и она тоже явно выказывает нам свое расположение, а музыка в это время играет приятную знакомую мелодию, то может случиться, что еще долгие годы после этого у нас беспричинно будет возникать хорошее настроение, как только мы услышим по радио этот веселый мотивчик. Притом мы уже совершенно не знаем почему. Случай в кафе давно позабыт. А песенка для нас просто приобрела «радостный настрой». Я уверен, что и слоны наши еще в течение многих лет будут открывать каждый ящик, похожий на тот, что мы использовали в своем опыте. А вот *какой именно* ящик открывал служитель только что на их глазах — вот это они забыли уже через тридцать секунд...

Остальные слоны, принадлежащие цирку Кроне, содержатся на «зимних квартирах» за пределами Мюнхена. Я еду туда, чтобы на них взглянуть. Меня встречает господин Филадельфия, знаменитый артист, дрессировщик, объехавший в свое время с группой дрессированных морских львов весь мир. После того как я представился, он все равно не понял, кто я такой (просто потому, что у меня такая трудно выговариваемая фамилия!). Я рассказываю ему, что мне разрешено поработать со слонами цирка Кроне и я хочу выбрать себе парочку из тех, что здесь, у него.

— Не воображайте только, пожалуйста, что это так просто, — говорит мне на это господин Филадельфия. — Слоны очень при-

вязаны друг к другу, и вообще общаться с ними отнюдь не так легко, как вам может показаться. Вам бы следовало поговорить предварительно с доктором Гржимеком, прежде чем взяться за такое дело. Тот ведь однажды даже полез выступать на манеже с чужими тиграми! Правда, я-то уверен, что там было больше газетной шумихи вокруг эдакой сенсации, чем дела! Не сомневаюсь, что все выглядело значительно скромней, чем это потом раздули!

Я стараюсь как следует «разговорить» своего собеседника, и он еще некоторое время продолжает в том же духе. Затем я еще раз, уже более внятно, ему представляюсь, после чего следует бурная сцена со всякого рода извинениями, воплями восхищения, удивления и безудержным хохотом! Затем на столе появляются всякие заморские деликатесы (из Англии и Америки). Я узнаю, что отец господина Филадельфии выступал в цирке Саррасани со слонами и что это именно его схватила за руку слониха Роза (которую циркачи до сих пор вспоминают как исчадие ада) и несколько раз подбросила в воздух, а потом с размаху швырнула на землю. Через несколько часов он скончался.

А потом я снова занимаюсь с Мони. На сей раз ее прикрепляют за заднюю ногу цепью к полу. И я кладу перед ней три одинаковые деревянные планки, на дальнем конце каждой из которых вбит гвоздь. На эти гвозди попеременно накалывают кусок кормовой свеклы — то на левую, то на правую, то на среднюю. Положены планки таким образом, чтобы Мони едва могла дотянуться до них хоботом и подтянуть к себе. Казалось бы, она тотчас же должна подтянуть к себе планку, на которой наколото лакомство, снять его и съесть. Она и на самом деле это делает — подтягивает правильную планку, но при этом старается всю ее, вместе с гвоздем и свеклой, запихнуть себе в рот! Не вмешайся я вовремя, она бы начала жевать деревяшку. Когда мы отнимаем у нее планку и снова кладем на прежнее место, слониха пробует расправиться с ней по-иному: она приподнимает ее хоботом за один конец и собирается наступить на нее посередине передней ногой, чтобы разломать. Но потом Мони все же усваивает, что от нее требуется: подтягивает планку рывком к себе, оставляет ее лежать на земле и осторожно снимает хоботом «наживку». Бетя тоже постигает эту нехитрую науку.

Но не Менне. Та никак не поймет, чего от нее хотят. Она охотно подбирает свеклу, брошенную ей под ноги, но догадаться подтянуть к себе планку с «наживкой» не в силах. Наконец после долгих уговоров она хватает планку хоботом, мы — все присут-

ствующие — радостно переглядываемся, но радость наша преждевременна: Менне, не обращая ни малейшего внимания на свеклу, просовывает планку меж передних ног под себя и чешет себе живот...

Между прочим, подобное «использование орудий труда», которое считается очень редким у животных, меня лично несколько не удивляет. У нас в зоопарке есть слониха, которая забрасывает в кроны деревьев камни и палки, чтобы сбить зеленые листья и веточки. Кроме того, она еще развлекается тем, что закидывает камнями гигантскую черепаху, живущую в соседнем загоне, стараясь метко попасть в цель, чтобы погромче грохнуло о панцирь. Вот и Мони однажды отняла у меня папку с насаженным на нее крюком, чтобы почесать им себе плечо.

А мне ведь с помощью моих трех планок нужно выяснить только одно: как далеко видят слоны. Могут ли они вообще различить такую маленькую приманку на расстоянии нескольких метров? Когда я укладываю перед слоном планки не более двух с половиной — трех метров в длину, то они, как правило, еще видят насаженный на конец кусок свеклы и тянут к себе именно нужную планку, а не пустую. Если увеличить расстояние до четырех-пяти метров, результаты уже значительно ухудшаются. А чтобы слоны не могли ориентироваться по хорошо различимой фигуре человека, насаживающего «наживку» на гвоздь (не видя самой «наживки»), я в это время закрываю им руками глаза. Трогательно наблюдать, как эти громадины уже после нескольких проб сами, добровольно низко наклоняют голову, чтобы облегчить человеку положить им руки на глаза!

Однажды во время моих занятий со слонами я попросил вывести мне Мони во двор, чтобы покататься на ней верхом. Должен, между прочим, заметить, что залезть на трехметрового слона гораздо легче, чем можно подумать. Для этого мне достаточно ухватиться правой рукой за верхний край его уха, а левой — за нижний и тихо скомандовать: «Ногу!» После этого Мони сейчас же послушно поднимет переднюю ногу, согнув ее в колене, я быстро на нее становлюсь и без труда «вспархиваю» наверх. Надо еще только закинуть свою собственную ногу через шею слона, и вот уже сидишь удобно верхом. Восседавая там, на верхотуре, я ощущаю себя настоящим магараджей...

— В цирке Конраде у нас был слон, — рассказывает мне второй дрессировщик, господин Вильсон, — который работать соглашался только тогда, когда его служитель сидел на нем верхом, никак не иначе. Это было вообще довольно злобное животное, и его все побаивались. И вот, представляете себе, надо репетировать, а служитель лежит с тяжелейшим гриппом в больнице. Ну что

делать? Сначала решили, что работать со слоном должен я, но потом директор решил сам попробовать с ним справиться. Юмбо, так звали этого слона, еще разрешил кое-как запрячь себя в тележку, но двинуться с места и повезти ее за собой не пожелал. Когда один из служителей замахнулся на него хлыстом, он в одно мгновение швырнул его в дальний угол, а затем погнался за убегающим директором. Тот в страхе нырнул под брезент (это был цирк шапито) и выскочил во двор; слон за ним, прорвав огромную дыру в брезентовой стенке, но, не найдя спрятавшегося от него человека, начал крушить все подряд: подбрасывал кверху деревянные ящики, железные прутья, сорвал палатку, в которой находилась столовая цирка, и в довершение всего ухватился за дышло какой-то повозки и стал безостановочно вертеть ее по кругу. Не оставалось ничего другого, как бежать за его служителем в больницу — грипп не грипп, все равно надо же как-то справиться с разбушевавшимся громилой! Тот явился с высокой температурой, закутанный в шерстяное одеяло, и только один раз крикнул: «Юмбо!», как слон сейчас же остановился и прекратил безобразничать. Служителю пришлось весь день, запеленатому в одеяло, сидеть верхом на слоне — только так Юмбо соглашался работать как положено. Вел он себя мирно, как будто ничего и не произошло. Правда, спустя некоторое время этого слона все равно пришлось пристрелить.

И все-таки остается загадкой, что же все-таки происходит в толстой черепной коробке такого слона? Я помню историю, рассказанную мне об одном индийском махауте¹, работавшем десятки лет с одним слоном, с которым жил душа в душу. Однажды слон впал в бешенство и буквально растоптал своего старого друга. Потом он встал над трупом, как бы охраняя его от всех, и никого к нему не подпускал!

А мне нарезали три новые планки. Но на сей раз концы их закрыты коробками, так что насаженная на гвоздь кормовая свекла слону не видна. Теперь я действую примерно так же, как тогда в опыте с пятью ящиками. Вильсон накалывает на одну из планок кусок свеклы, накрывает ее коробкой, зовет слона по кличке и отходит в сторону. Я же стою рядом со слоном и придерживаю его за хобот. В руках у меня секундомер, и только через определенное время, скажем десять секунд, я отпускаю хобот и разрешаю слону подтянуть к себе планку. Однажды во время занятий я замечаю, что Мони как-то явно потеряла интерес к наколотой на гвоздь приманке. Даже не собирается ее доставать при помощи

¹ М а х а у т — погонщик слонов (*Прим. перев.*).

планки. Вдруг Алерс и Вильсон раздражаются громким хохотом: пока Мони мирно стояла рядом со мной в ожидании, когда мы закончим все манипуляции с планками, она незаметно задней ногой толкнула пластмассовое ведро с нарезанной свеклой с табурета и потихоньку подбирает хоботом раскатившиеся по полу куски... А я и внимания не обратил на ее возню задними ногами, потому что у Мони вообще есть привычка чесать задние ноги одну о другую, особенно ту, на которую на ночь надевается цепь.

Как вы полагаете, что делает слон, когда получает свеклу, наполовину гнилую? Он ведь не может отрезать испорченную часть. Ну так вот, Мони показала, как это делается: она берет хоботом свеклу, кладет ее на пол, а потом осторожно, чтобы не раздавить в лепешку, наступает на нее передней ногой. Свекла распадается на несколько кусков, и слон выбирает из них непорченные.

Однажды, когда я занимался с Бетей, из стойла, где оставались остальные слоны, раздались тревожные трубные звуки. Вскоре выяснилась и причина: оказывается, Менне понадобилась для какой-то работы во дворе и ее увели. А Мони и Лони остались вдвоем, что для таких стадных животных, как слоны, равносильно одиночеству. За последние недели они привыкли к тому, что на занятия забирали всегда только кого-нибудь одного из них, а тут вдруг сразу двоих — а это непорядок!

Итоги опытов с планками оказались схожими с предыдущими — с ящиками. Слоны подтягивали правильную планку только в тех случаях, когда могли схватить ее хоботом сразу же после того, как ее «наживляли» свеклой. Стоило же им только какое-то время переждать — пускай даже только несколько секунд, — результаты становились все хуже и хуже. Одной лишь Мони удалось добиться «приличного результата» — сорок пять секунд. Лошади, с которыми я месяцами проделывал схожие опыты, вели себя почти подобным же образом. Им тоже было невдомек, что корм надо искать именно в том ящике, куда его только что положили. Когда же их этому обучали методом дрессировки, они запоминали нужный ящик на срок от шести до шестидесяти секунд.

Мой волк Чингис однажды твердо запомнил на целых шестнадцать часов, куда он зарыл свой кусок мяса. Но можно ли по одной этой причине утверждать, что слоны особенно тупые животные? Это еще абсолютно не доказано, и то, что у них просто короче память, чем у волков, собак, ворон или галок, тоже не доказано. Дело ведь совсем в другом: волку и на воле приходится замечать, куда, в какую нору нырнул убегающий от

него кролик; вороне свойственно от рождения прятать остатки пищи про запас. У слона, там, где он обитает, его корм — зеленая листва и трава — растет повсюду, от него никакой корм не прячется, не стремится от него убежать. Для травоядного животного исчезновение корма — не жизненно важное событие, каким оно является для волка. Может быть, у них тогда на другие события — например, на «потасовки», на «опасность для жизни» — гораздо более твердая память? Вот так один, с таким трудом добытый ответ сразу порождает новые вопросы. Но что касается наших ящичков и планок, то тут она действительно на удивление короткая, эта слоновья память!

Очень удивилась этому и фрау доктор Гаупт, откомандированная к нам крупным берлинским издательством для освещения в печати наших опытов. Специально для нее я проделываю еще и следующий эксперимент: у стены устанавливают огромный, четырехметровой высоты, щит с великолепным изображением слона в натуральную величину. Прежде мне уже приходилось наблюдать, как лошади к нарисованному на стене изображению своего собрата относились совершенно точно так, как к живому.

Интересно, как поведут себя слоны по отношению к своему изображению? А никак. Мы вводим Мони — она и внимания не обращает на картину, хотя и стоит в течение целых пятнадцати минут возле нее. Точно так же и Бетя — боязливая Бетя не обратила ни малейшего внимания на незнакомого «пришельца», а Лони и Менне — те и подавно. А вот наш берберийский жеребец, которого подводят к этому монументальному полотну, увидав его, тут же закладывает назад уши, упирается всеми ногами и отказывается подойти поближе. Точно так же он ведет себя, когда я велю подвести его к Лони, живому слону. Злая собака, нарисованная на большом плакате, несколько не пугает наших слонов, более того, они протягивают к бумаге хобот и по своему обыкновению охотней всего бы ее сжевали... Зато живая такса (которую мне с великим трудом удалось одолжить на время у ее хозяйки) производит на Бетю такое впечатление, будто она начинена взрывчаткой и вот-вот взорвется! Никакими силами невозможно заставить ее подойти к собачке ближе чем на четыре-пять метров. Слониха в ужасе оттопыривает уши, приседает, «делает страшные глаза», грохочет и трубит от волнения. Храбрая собачка же и не думает удирать от невиданного страшилища.

Потом мы выносим изображения животных из павильона во двор, чтобы повторить свой опыт при ярком солнечном освещении. Незадолго перед этим дрессировщик Клаузер купал здесь

в большом деревянном чане своих бурых медведей. Эти жизнерадостные толстяки от души плескались и резвились, после чего вокруг образовалось целое «море». Бетя, обрадовавшись неожиданной возможности, тут же начинает размазывать грязную лужу передней ногой. Я хочу ей запретить это занятие, но за нее заступает сердобольная фрау Гаупт:

— Доставьте же, доктор, ей хоть такое маленькое удовольствие!

Ну ладно, пусть развлечется немножко! Но только мы отвернулись полюбоваться на медведей, которые еще не успели обсохнуть после купания и напоминают пушистые мокрые губки, как сзади раздается какой-то громкий звук и мы с фрау Гаупт оказываемся выше колен забрызганы жидкой грязью. Бете, видите ли, захотелось чихнуть, и при этом она изо всех сил топнула по грязной жиже ногой. Тут уж ничем не поможешь — не отчистишься, пока не обсохнет. А нам уже пора ехать домой.

Несколькими минутами позже мы сидим в трамвае, углубившись в научный диспут, и не замечаем, с каким удивлением и осуждением нас оглядывают окружающие пассажиры: фу, какое безобразие — говорят их лица. Грязь к этому времени подсохла, приобретя подозрительно желтоватый цвет, — вид у нас поистине ужасный. Бедная фрау Гаупт выглядит словно леди, которая в шелковых чулках была вынуждена пересечь сточную канаву с нечистотами. Ну да ладно — кто уж нас тут знает, в Мюнхене...

Итак, по части памяти слоны показали успехи, схожие с лошадьми, зато по отношению к картинам они проявили себя совершенно иначе. Задумчиво я отвожу на другой день Бетю назад, в стойло. После того как ее прикрепили цепью к полу и я остаюсь один с моими четырьмя красавицами, я решаю доставить себе и им удовольствие и покормить их хлебом просто так, не требуя выполнения за это каких-либо задач. Когда они обступают меня со всех сторон и начинают теснить своими хоботами, я приказываю им поднять хоботы кверху (они приучены выполнять такие команды). Четыре розовых рта с одним-единственным (но зато с целый кирпич!) коренным зубом в каждой половине челюсти открыты в ожидании угощения. Но ревнивая Бетя не выдерживает, хватает меня за руку и тянет к себе — она не терпит, чтобы я в ее присутствии уделял слишком много внимания другим. Однако стоит мне лишь тихо приказать ей отпустить меня, как она тотчас же послушно подчиняется. Так она воспитана. Но мне в этот момент в голову пришла такая вот мысль: как же, в сущности, беспомощен человек против такого вот серого колосса, если в руках у него нет палки с крюком! Ведь слонам приходится вырабатывать у себя для нас, людей, совсем особые, не свойственные им осторожные формы

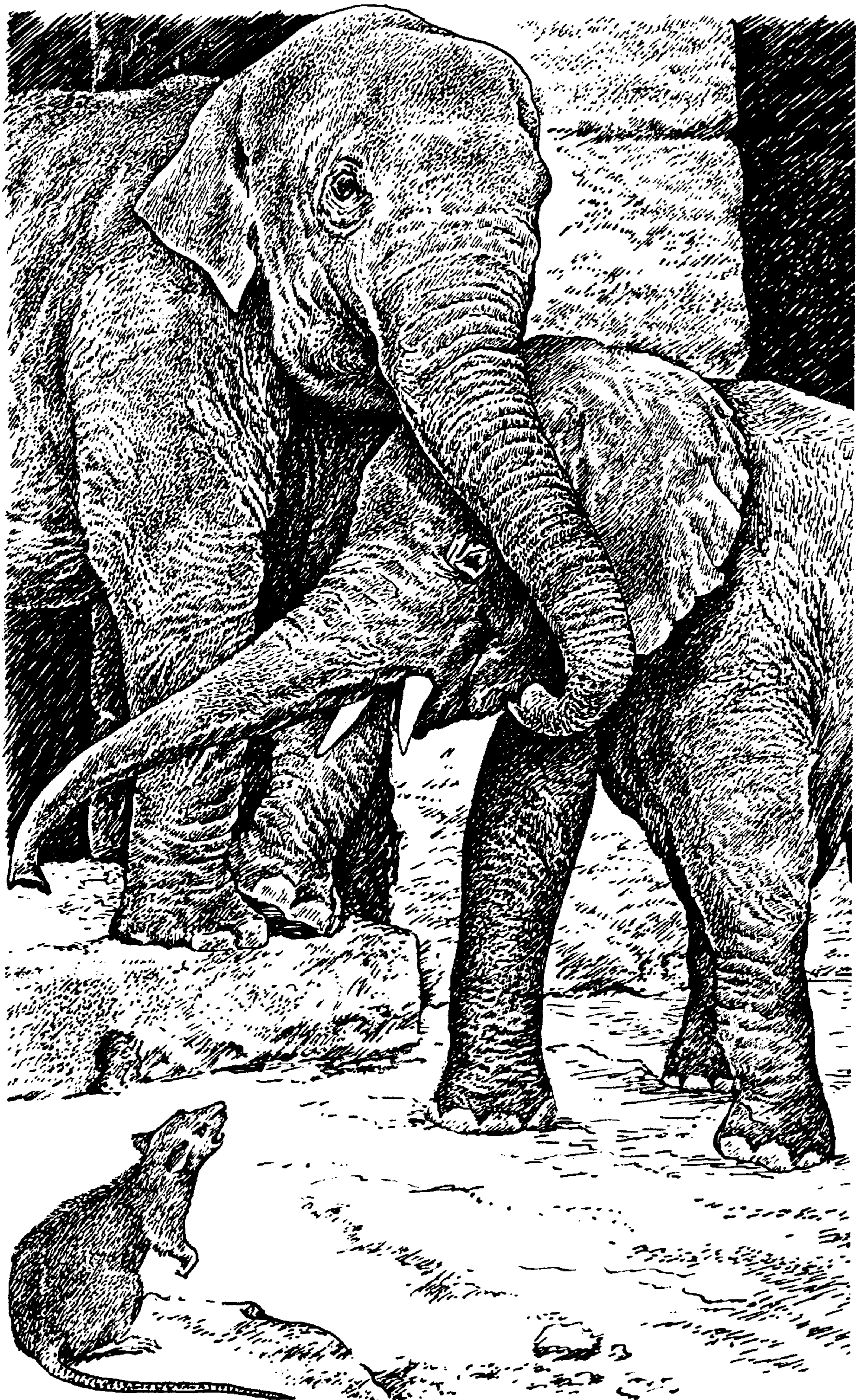
обхождения. Не один работник слоновника уже расстался с жизнью лишь потому, что слон на мгновение забылся и отвесил ему дружеский пинок, какой принят между слонами, обычен в их обиходе и носит абсолютно невинный характер, или из-за того, что слону захотелось потереться как раз о ту стенку, возле которой случайно очутился его верный служитель. Наверное, мы, маленькие людишки, с нашими острыми крючьями на палках, являемся для этих серых громадин чем-то таким, чем являются для нас пчелы или осы: маленькие, очень слабые и хрупкие и их можно было бы запросто раздавить двумя пальцами... если бы они только так ужасно не жалили!

БОИТСЯ ЛИ СЛОН МЫШЕЙ?

То, что слон испытывает смертельный страх перед мышами, почти уже стало прописной истиной. Даже владельцы слонов, которых я об этом расспрашивал, отвечали на мой вопрос утвердительно. Так к чему, казалось бы, перепроверять эту всем известную истину? Однако триста лет тому назад также твердо верили в то, что орлица от невыносимой жары спасается холодными камнями, за которыми летает на Кавказ... Еще двести лет назад никто и не сомневался в том, что лошадей можно запросто скрещивать с рогатым скотом: об этом можно было прочесть во всех старых учебниках по коневодству, а сто лет назад все были уверены, что человек от страха или горя может за одну ночь полностью посесть — проснуться со снежно-белой головой. Поэтому, в особенности когда это касается животных, можно верить только тому, что действительно доказано чистыми опытами и экспериментальными данными.

И если уж мы взялись скрупулезно, что называется, «под лупой» проверить ставшую нарицательной мудрость слонов, то весьма важно узнать и о том, действительно ли этим гигантам свойственна врожденная боязнь мышей. Ведь подобное унаследованное от предков «узнавание» определенных врагов в природе довольно известно. К примеру, дикие гуси, которых вывели из яйца в инкубаторе и которые никогда не жили вместе со своими сородичами, при первом же появлении в небе орлана-белохвоста прижимаются к земле.

Но почему, интересно, слон должен бояться мышки? Неужели действительно потому, что она может залезть к нему в хобот? Но ведь он способен целые ведра воды выбрызгивать через хобот сильной струей, так что ему ничего не стоило бы таким же способом выдуть забравшуюся туда мышь! Ведь уже не раз бывало, что то,

что принимали за врожденный страх, на поверку оказывалось отнюдь не врожденным, а благоприобретенным поведением.

Когда во время своих опытов в Венском зоопарке профессор Антониус показывал обезьяньим и человеческим детенышам змей, те не проявляли ни малейшего страха, а лишь одно любопытство и никакого «врожденного отвращения» у них не возникало. И то, что мелких грызунов и лягушек взгляд змеи гипнотизирует и парализует, тоже сказки.

Поэтому я использовал свои занятия со слонами (в общей сложности слонов было семнадцать) в цирках Кроне и Франц Альтхоф, а также в зоопарках Берлина и Кёнигсберга¹ еще и для того, чтобы проверить отношение этих толстокожих к мышам и разным другим мелким зверюшкам.

Поначалу дело это оказалось несколько затруднительным из-за того, что слонов во избежание простуды держат не на холодном цементном полу, а на специально подстеленных толстых дубовых половицах, под которые выпущенные мной мышки моментально прятались и исчезали из виду. Тогда мне пришлось изобрести особый способ «заарканивания» мышей: я приклеивал им к хвосту с помощью лейкопластыря длинную бечевку, конец которой просто держал в руке. Таким образом, у мышек сохранялась свобода передвижения, однако улизнуть от меня они не могли.

Пять индийских слонов, принадлежащих цирку Альтхоф, стояли в ряд в своем шатре стреноженные и привязанные цепями к ввинченным в пол крюкам, когда я вошел и прямо у них на виду опустил на пол свою мышку.

— Боюсь, поднимется большая паника,— предупредил меня слоновник.

И что же? Колоссы, правда, поначалу несколько попятнулись от неведомой крохотной зверюшки, но вовсе не от страха, а скорей от неожиданности и удивления, потому что вскоре снова подступили к ней, разглядывая с нескрываемым интересом. Они не спускали глаз с быстро шныряющей во все стороны мышки и хоботы свои отнюдь не закрутили боязливо кверху, а опустили вниз, до самого пола. Более того, они подносили широко открытый кончик хобота к мышке на расстоянии четырех сантиметров и спокойно обнюхивали ее: что это еще за штуковина такая? Ни малейшей боязни того, что зверек может проскользнуть к ним в открытый хобот! Самая юная из слоних — подросток по кличке Беби — попробовала достать мышонка ногой. Это удалось ей не сразу, потому что слоны ведь были стреножены цепями

¹ Название города Калининграда до 1946 года. (Прим. перев.)

за две ноги — одну переднюю и одну заднюю. И тем не менее, когда я на минуточку отвлекся, то бедная мышка оказалась уже раздавленной. После этого все хоботы потянулись к окровавленным останкам и тщательно их обнюхали.

Тогда я выудил из своей клетки кусачую серую крысу. Удлинить ее голый хвост при помощи бечевки оказалось отнюдь не так просто, как у мышки: так и норовила цапнуть за палец! Эта серая нечисть все же напугала одного из слонов, молоденькую Маузи. Слониха попятилась назад и принялась размахивать правой ногой взад и вперед, причем очень странным образом: каждый раз она топала ногой об пол и, вынося ее вперед, скребла ею по доске. Что должно было означать именно такое движение слона, я понял только значительно позже, когда мы перенесли свои опыты под открытое небо. А «маленькая» Бэби и старая слониха Мэри, те принялись совершать прямо-таки уморительные прыжки, стараясь достать ногами крысу.

Потом я велел отвязать храбрую маленькую Беби и вывести ее во двор. И вот здесь, оказавшись в одиночестве, без своих сородичей, она вдруг начала испытывать страх перед крысой; более того — перед крошечной белой мышкой! Она отворачивала голову в сторону и лишь очень нерешительно пыталась наступить на грызуна задней ногой. Когда же мы взяли Беби за ухо и стали подтаскивать к крысе, она подвернула под себя хобот, оттопырила уши и стала вырываться. Только пару раз она решилась развернуть хобот и «швырнуть» его в сторону «врага», с силой выдувая при этом воздух.

Тому, что Бэби вела себя так различно по отношению к грызунам в зависимости от обстановки, несколько не приходится удивляться. Ведь и с нами происходит нечто подобное: совсем иное ощущение мы испытываем, когда встречаем оборванного бандита в пустынном горном лесу или его же на оживленной улице Франкфурта...

А вот кто вывел все это слоновье общество полностью из равновесия и вызвал небывалую панику — это, представьте себе, черный кролик! Да, мирный пушистый черный кролик. Все слоны как по команде попятились назад и громко затрубили. Через несколько минут отдельные смельчаки хотя и решились подойти поближе к незнакомцу, однако хобот при этом оставался опасливо подвернутым. Только очень постепенно и нерешительно слоны перешли к атаке: однако явно было заметно, что охотней всего они бы удрали, не будь привязаны. Что касается кролика, то на него громко трубящие гиганты не произвели, по-видимому, никакого впечатления. Насторожив свои длинные уши, он уселся на задние лапки в ожидании морковки. Между прочим, такую же безмятежность проявляли в присутствии слонов и крысы и

мышь: спокойно усаживались и чистили себе лапами усы, как будто бы грозных великанов, стоящих совсем рядом с ними, вовсе и не было!

А вот белая курица не произвела на толстокожих ни малейшего впечатления. Мы сначала удивились, а потом поняли, что они ведь привыкли к курам, которых циркачи обычно возят с собой ради свежих яиц.

Поскольку уж крыса у меня все равно была на привязи и не проявляла по этому поводу особого беспокойства, то я не смог противостоять искушению продемонстрировать ее еще и другим животным цирка и посмотреть, как они на нее отреагируют.

Гуанако¹ с большим интересом стали обнюхивать серого незнакомца, после чего принялись неистово чихать. Львица, к моему большому удивлению, осторожно, не выпуская когтей, сгребла крысу передними лапами и принялась ее облизывать! Крыса это восприняла абсолютно спокойно. Когда я ее за бечевку вытянул назад из клетки, она была совершенно невредима, только страшно мокрая.

Индийские и африканские слоны в Берлинском и Кёнигсбергском зоопарках повели себя по отношению к мышке точно так же, как слоны цирка Альтхоф. Правда, поскольку они стояли во дворе на песке, то, проделывая передней ногой те самые странные, шаркающие движения, которым я прежде не мог найти объяснения, соскребали верхний слой песка и забрасывали им мышку. Вот значит что должны были означать тогда эти движения! Но проделывались они «вхолостую», поскольку те слоны стояли не на земле, а на деревянных досках. Правда, должен заметить, что мышка на подобный «песочный дождь» не обращала ни малейшего внимания.

Итак, значит, мы установили: никакого врожденного страха перед мышами у слонов нет. Просто слоны пугливые и осторожные животные, часто паникующие по разным поводам, и поэтому они могут испугаться любого незнакомого предмета, не важно, большого или маленького, и, в частности, им может оказаться и мышка.

СЛОН ПРОЛАМЫВАЕТ КАМЕННУЮ СТЕНУ ЗООПАРКА

С тех пор прошли годы. Я взял на себя заботу о восстановлении пострадавшего во время войны Франкфуртского зоопарка. Мне пришлось сражаться с городской управой, которая уже вынесла было решение ликвидировать зоопарк вообще, потому что он

¹ Г у а н а к о — животное из рода лам. Живет в высокогорьях Анд в Южной Америке. (Примеч. перев.)

был полностью разрушен. Печальное мне досталось тогда наследство.

И вдруг я получаю радостное известие: «В Мюнхене вы сможете наверняка раздобыть для себя нескольких слонов».

Было это осенью 1945 года. Весть меня прямо наэлектризовала! Дело в том, что цирку Кроне удалось сохранить довольно основательную часть своих слонов, а в первые послевоенные месяцы было трудно раздобыть для них необходимое количество сена. Еще не ходили поезда, на машине не разрешалось отъезжать от города более чем на тридцать километров. Но тем не менее я ухитрился уже на другой же день добраться на машине до Мюнхена. Я снова повидался со старой госпожой директоршей цирка Кроне. В тот же вечер мы договорились о покупке мной трех слонов, в чем меня потом еще в течение многих лет упрекали звероторговцы, утверждавшие, что якобы этих трех толстокожих я вытащил у них прямо из кармана... Таким образом, мне удалось раздобыть для Франкфуртского зоопарка трех прекрасных, рослых слоних за четыре года до того, пока в нашу страну прибыла новая партия слонов из Индии.

Когда я в тот вечер у Кроне вошел в слоновник, чтобы познакомиться со своим приобретением, то увидел и свою старую знакомую, слониху Мони, с которой я много лет назад делал свои опыты по проверке памяти у слонов. А вот боязливой Бети больше не было — она погибла в Вене во время бомбежки. Те трое, которым предстояло поехать со мной во Франкфурт, — Китхани, Мунду и Симла — встретили меня весьма приветливо. По своей обычной хитрой слоновьей привычке они обнимали меня хоботом и притягивали к себе с тем, чтобы получить за меня «выкуп» в виде какого-нибудь лакомства. Только получив его, они отпускали своего пленника.

Американцы согласились выделить для нас вагон, чтобы отправить слонов во Франкфурт. Переправка слонов — дело отнюдь не простое, потому что эти гиганты на редкость пугливы. Внезапно взлетевшая у них из-под ног курица или выехавшая на дорогу детская прогулочная коляска (если они раньше ничего подобного не видали) могут заставить их кинуться в паническое бегство. А уж если они побегут, остановить их бывает очень трудно.

Несколько лет назад при аналогичных обстоятельствах слон-подросток Туффи, принадлежавший цирку Альтхоф, просто проломил заградительную стенку Вуппертальского моста и свалился с высоты восьми метров в реку Вуппер. К своему счастью, он попал как раз в глубокую яму в русле реки, которая вообще-то почти на всем своем протяжении страшно обмелела. Поэтому

вопреки всем ожиданиям слоненок, попав в воду, остался цел и невредим.

Хорошо, что Китхани, Симла и Мунду в качестве опытных цирковых слонов были привычны к тому, чтобы их водили пешком по улицам больших городов. Со слонами из зоопарка такие номера обычно не проходят. Выгрузив своих слонов во Франкфурте, мы прикрепили их цепями за шею к трем тяжелым грузовикам. Такой автомобиль в случае чего и слону не под силу опрокинуть или потащить за собой. Наши путешественники послушно и смиренно потопали за грузовиками и к вечеру уже прибыли к месту назначения, в зоопарк.

А вот теперь начались неприятности. Дело в том, что открытая смотровая площадка слоновника, окаймленная глубоким рвом, не имела непосредственного входа снаружи. Ворота ее вели сначала в открытый загон бегемотов, и поэтому, чтобы попасть в слоновник, нужно было сначала провести слонов через соседний загон — дело достаточно трудное. Прежде чем снять с шеи Мунду цепь, мы, осторожности ради, привязывали ее длинными цепями за ноги к деревьям и тумбам и шаг за шагом заманивали в слоновник животное, которое в новой, незнакомой обстановке начало держаться особенно пугливо. Там слонихой занялись несколько служителей, а мы таким же сложным путем препроводили туда Китхани. С ней, правда, было несколько полегче, потому что она видела свою сестру Мунду, уже спокойно стоящую в слоновнике.

Тем временем начало смеркаться, а электрического освещения в нашем зоопарке тогда не было. Поэтому мы старались закончить дело побыстрее, будучи тем более уверены, что Симла, последняя слониха, без особого сопротивления последует за своими двумя сестрами. Ведь слоны — животные стадные и «липнут» друг к другу точно так же, как лошади в табуне. Каждый наездник знает, как трудно бывает заставить какую-нибудь лошадь отделиться от эскадрона.

Но раз уж суждено было случиться неприятности, значит, чему быть — того не миновать. Только мы успели открепить самые тяжелые цепи с мощных ног Симлы, как две ее сестрицы зашли за угол слоновьего павильона, и Симла перестала их видеть. Она жутко разволновалась, громко завизжала, начала вырываться и, оборвав последнюю цепь, кинулась бежать по внешней дорожке для посетителей, опоясывающей загон для слонов. Мы были вынуждены поскорей отскочить в сторону, один из служителей запутался у нее в ногах и чудом не был растоптан. Другой перепрыгнул через ограду бассейна для тюленей, а остальные жались по кустам или прятались за грузовиками, чтобы не попасться

под ноги взбудораженному слону, который пронесется мимо по второму кругу, огибая слоновий загон.

А потом Симла вдруг исчезла. Пропала, и все. Тем временем уже совсем стемнело. Казалось бы, слониха не иголка, не могла же она так бесследно пропасть? И тем не менее, рыская по парку, мы поначалу нигде не могли ее обнаружить. Отчасти это объясняется тем, что на ступнях этих животных имеются особые жировые подушки, на которых они ступают почти бесшумно.

Мы со служителем Кольманом общаривали задние дорожки парка, когда услышали крик другого служителя, бегущего нам навстречу. Он кричал, что Симла «совсем взбесилась»: она схватила служителя Шера за воротник и зашвырнула далеко в кусты. (Слава Богу, тот отделался только переломом ключицы!) Пока мы все втроем бежим к месту происшествия, мы узнаем от прибежавшего еще и то, что сейчас слониха как раз занимается тем, что разносит в щепу маленький домик, где помещалась касса проката пони...

Внезапно перед нами в сумерках зловещей горой вырастает силуэт слонихи. Она старается нас изловить, а мы очень прытко скачем перед ней вокруг группы деревьев, обегаем их дважды или трижды, она за нами, и мне становится невольно смешно от комичности всей ситуации: три здоровенных мужика, словно зайцы, улепетывают от одной слонихи!

Между гаражами и рестораном Франкфуртского зоопарка есть узкий длинный проход, в котором даже двум взрослым людям трудно разойтись. Пока слониха пыталась нас догнать, гоняя вокруг островка с чахлыми деревцами, мимо проходил служитель с фонарем в руках. Симла тотчас же отстала от нас и занялась «фонарщиком» — нечего тут еще светить! Человек бросился в узкий проход возле гаражей, и слониха туда же за ним! Она стала протискиваться через этот узкий туннель и, представьте себе, пролезла! Никогда в жизни нам бы не удалось заставить слона проделать нечто подобное, если бы нам это зачем-либо понадобилось! Человек с фонарем быстро пересек задний двор, где валялся всякий хлам и виселись шаткие нагромождения ящиков, а слониха, круша все это, устремилась за ним. Служитель нырнул на окаймленную высоким густым кустарником тропинку и совершенно исчез из виду, однако Симла чуяла его, видимо, безошибочно, потому что последовала за ним и туда. Тогда человек кинулся к выходу с территории зоопарка, выскочил за железные ворота и с грохотом захлопнул их за собой. Вы думаете, слониха отстала? Ничуть не бывало! Потеряв свою жертву из виду, она просто-напросто снесла

каменную ограду парка и выскочила на улицу. Когда мы, запыхавшись, добежали до ворот, за ними собралось уже человек сорок—пятьдесят зевак, но Симлы нигде не было видно. Она, как оказалось, побежала напрямик по улице, ведущей к центру города, но, куда именно завернула и где исчезла из поля зрения, никто нам достоверно сказать не мог...

Больше всего меня волновало в тот момент то обстоятельство, как бы американские солдаты, патрулирующие по улицам, скорые на руку и любители попать по любому поводу, не стали бы стрелять по этой живой мишени. Я уже было выхватил у кого-то велосипед, чтобы объездить на нем ближайшие улицы, как кто-то прибежавший из города сообщил, что слон пристроился к трамваю и все время бежит рядом с ним. К счастью, Симла уже утихомирилась, а то я начал опасаться, как бы она не задумала расправиться с трамваем так же, как с кассовой будкой... Но нет, к трамваю слон явно испытывал самые теплые чувства, потому что, когда тот останавливался, он останавливался вместе с ним. Под конец вагоновожатый проявил сообразительность и остановился вообще. Так что, когда мы подоспели со своими цепями, канатами и хлебом, толстокожий вполне мирно стоял, прислонившись к трамваю. Мы раздобыли грузовик, снова привязали Симлу за шею прочной цепью к кузову и не спеша поплелись назад к зоопарку.

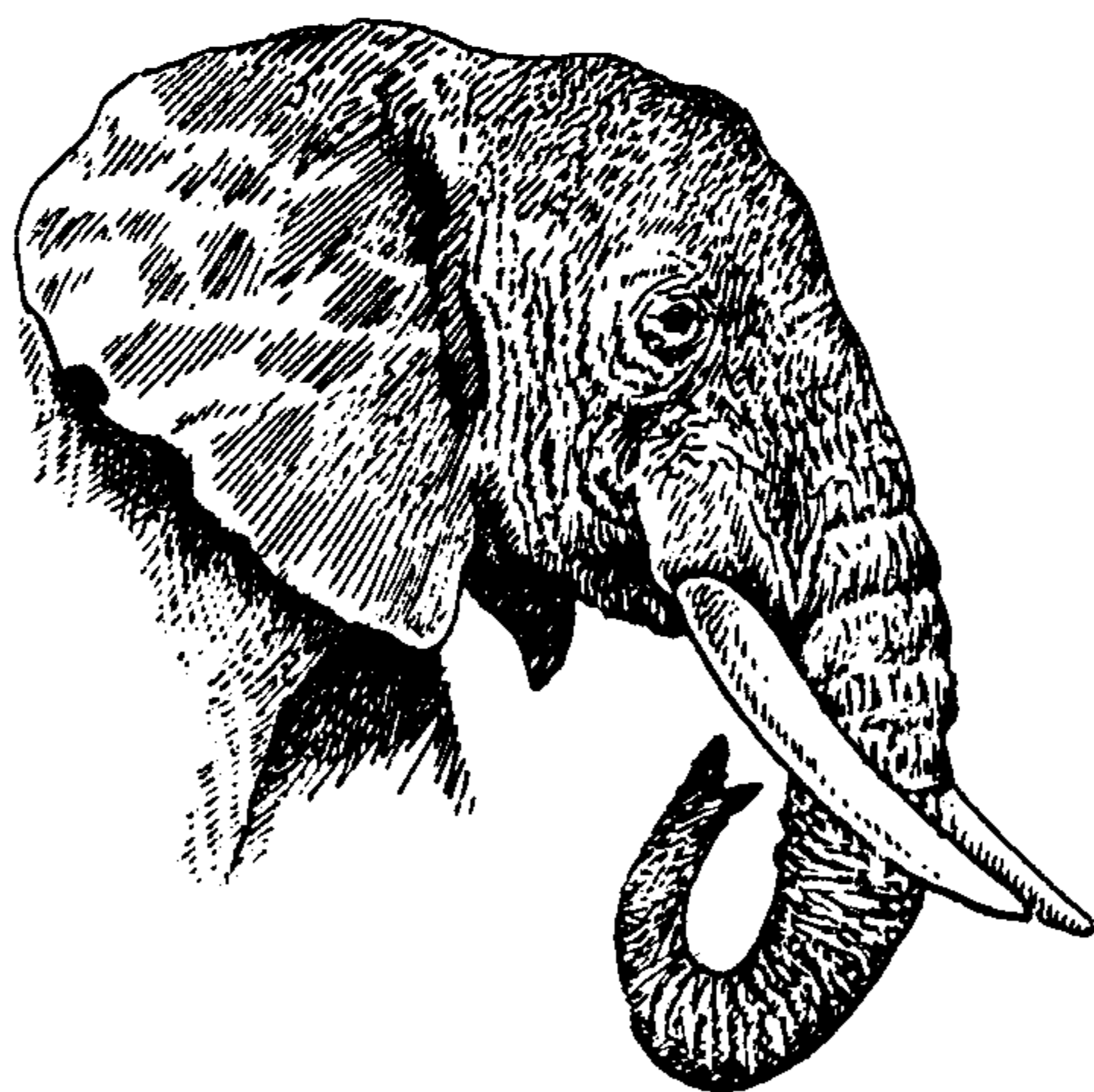
Мы шли сопровождаемые удивленными взглядами редких прохожих, а у меня словно камень с сердца свалился, когда мы в конце концов водворили беглянку в слоновник нашего зоопарка, где она умиротворенно присоединилась к своим сестрам.

Когда такое вот животное вырывается из зоопарка, администрации всегда становится не по себе. И не из-за того, что оно может кого-нибудь поранить или убить, такое очень маловероятно. Правда, зоопарковские животные отнюдь не безобидны. Наоборот! Зоопарковский белый медведь, вероятней всего, гораздо скорее решится напасть на человека, чем живущий на свободе; это относится в равной степени и к большинству других зверей зоопарка, если только они не стали особенно ручными. Они ведь, как правило, теряют естественный страх перед человеком, присущий большинству диких животных. Но если такие звери случайно ухитряются улизнуть из помещения, в котором провели уже много времени в неволе, они обычно бывают весьма подавлены и ведут себя на редкость боязливо.

Тигр, который тут же схватил бы любого человека, осмелившегося проникнуть к нему за ограду, как правило, не делает этого, очутившись за ее пределами. Почему? Да потому, что все,

что находится внутри ограды, — это его владения, его, если хотите, дом, где посторонним делать нечего, а попав в чужую, незнакомую обстановку, он теряется, чувствует себя неуверенно, и поведение его соответственно меняется тоже. Во время войны в городах, где имелись зоопарки, после бомбежек обычно начинали распространяться самые невероятные слухи. Что там только не творили вырвавшиеся на волю львы и слоны! Страшно подумать! И с какой достоверностью подобные измышления передаются из уст в уста!

В послевоенные годы мне часто приходилось объезжать немецкие и часть других европейских зоопарков, и я всегда интересовался тем, как вели себя там животные во время воздушных налетов. И ни разу нигде мне не довелось услышать, чтобы вырвавшиеся при таких обстоятельствах на волю животные убили или ранили хотя бы одного человека. В то же время всегда возникает опасность, что в них начнут стрелять полицейские, а затравленные подранки могут действительно стать опасными. А поскольку павильоны и загоны для животных в наших зоопарках, кое-как залатанные и подремонтированные, были в то время весьма ненадежны, то меня не покидала постоянная тревога за своих беглецов.

Глава седьмая

НЕЖДАННЫЕ ПОСТОЯЛЬЦЫ

КАК ОНИ КО МНЕ ПОПАЛИ

После пожара в Берлинском зоопарке в живых осталось очень мало содержавшихся там ценных животных. А тех, что уцелели, надо было срочно куда-то расселить. И тогда директор Берлинского зоопарка обратился ко мне с просьбой приехать и забрать к себе домой хоть кого-то из выживших животных. Как я мог ему отказать?

В своем доме я мог предоставить этим «погорельцам» два помещения в цокольном этаже, где прежде содержал своих ручных волков. Директор после минутного раздумья — кого в первую очередь спасти? — решил так:

— Возьмите, пожалуй, Муши, нашего пятилетнего орангутана. У бедняги теперь не осталось ни отца ни матери, и он совершенно растерян. Мы пока засунули его в деревянный ящик из-под холодильника, и я не знаю, как он это перенес — нам некогда было даже взглянуть на него ни разу за целый день.

Хорошо, я согласен забрать ящик с орангом. Но как перевезти — вот в чем вопрос. У зоопарка своего автотранспорта больше нет. Но я знаю, что мой сосед, мастер-каменщик, в

нужный момент всегда готов прийти мне на помощь. Вот и на сей раз его пикап с прицепом вскоре подъезжает к воротам, и мы втискиваем в кузов громоздкий ящик с орангутаном. В перевернутую проволочную мусорную корзину мы засовываем самого ценного попугая — черного австралийского какаду. Служитель приносит в коробке еще одну редкость: красноголового шлемоносного какаду. Еще много лет назад, когда его приобрели, он стоил баснословно дорого: свыше двух тысяч марок!

Мы уже собрались отъехать, как вдруг снова прибежал взбурдаженный директор:

— Не могли бы вы взять еще двух шимпанзе — Ову и Бамбу? Мы их временно заперли во внутренней клетке павианника, но там сильно дует — окна ведь все выбиты.

Я знал, что директор любит этих двух обезьян, он собственноручно привез их детенышами из Камеруна. Но я колеблюсь, потому что знаю, что такое половозрелый самец-шимпанзе. Мне еще ни разу не приходилось слышать ни об одном вполне ручном и обходительном самце-шимпанзе. Те обезьяны, что выступают в цирках и варьете, всегда только самки или самцы-подростки. Но директор успокаивает меня:

— Они ведь еще совсем молоденькие, им всего восемь или девять лет! Половозрелыми стали лишь совсем недавно, ну честное слово, коллега, чего вы опасаетесь? Вы ведь уже не раз имели дело с этим «товаром» и знаете, как с ними справляться! Хоть Бамбу иной раз и принимается танцевать свои «воинственные танцы» и задирать кого-нибудь, но, ей-богу, пока это все носит дружеский характер, он просто шутит, хочет, чтобы с ним поиграли. А старая наша Титина теперь мертва, остались только эти двое, жалко, если и они погибнут, уж больно славные ребята!

Ну что делать? Приходится погрузить еще один ящик с Овой и Бамбу на прицеп, и только после этого мы отъезжаем.

В то ноябрьское утро ни одному из служителей зоопарка некогда было нас сопровождать — там сейчас дорога каждая пара рук. Что ж, придется справляться самим. Моросит мелкий противный дождик, и мы натянули поверх ящиков с обезьянами брезентовый полог. Он спускается и на открытую зарешеченную стенку транспортного ящика с шимпанзе — чтобы предохранить их от сквозняка. Однако время от времени высовывается длинная черная рука и решительно отодвигает полог в сторону — это Бамбу хочет знать, что происходит. Два черных лица затаились там за решеткой и озабоченным взглядом всматриваются в пролетающие мимо улицы и дома.

Когда мы подъезжаем к дому, то выясняется, что громадный транспортный ящик не пролезает в узкий пролет лестницы, ве-

душей в цокольное помещение. Коротко посоветовавшись, приходим к выводу, что другого выхода нет: я хватаю цепь, свисающую с ошейника Бамбу, моя жена — ту, к которой привязана Ова, и — хоп! — решетка кверху, и обезьяны на воле! Обе черные согнутые фигуры покорно, вперевалочку, следуют за нами сначала по дорожке сада вниз по лестнице, а потом в открытую дверь клетки — их нового жилища. У нас прямо гора с плеч. Ведь мы заметили, как служитель нам вслед удрученно покачал головой:

— Лишь бы все обошлось благополучно! За Бамбу-то теперь совершенно нельзя поручиться — прямо псих какой-то стал!

И действительно, есть чего опасаться: Бамбу вырос среди людей, нисколько их не боится и не ставит их ни в грош...

Но, как выяснилось, рано мы обрадовались, что обезьяны надежно упрятаны в клетку! Точно так же спокойно и уверенно, как они только что зашли в свое новое жилище, они в следующее же мгновение просунули руки сквозь решетку и, отодвинув со знанием дела задвижку, вышли на волю. Да, это не волки — с теми никогда ничего подобного не происходило! Я грозным голосом приказываю им вернуться назад. Ова слушается. Но Бамбу — нет. Шерсть на его плечах и руках поднимается дыбом, он принимается раскачиваться из стороны в сторону, словно боксер на ринге, в бешенстве пинает ногой здоровенный чемодан, стоящий неподалеку, а затем внезапно бросается на меня и кусает за ногу. Мне не остается ничего иного, как обороняться пинками, потому что в спешке я не захватил с собой даже палки; следуют еще два укуса: за коленку и за надбровье левого глаза. Наконец кто-то протягивает мне через щелку в дверях бельевою скалку (ничего другого, очевидно, в этой суматохе найти не удалось), и я с размаху ударяю ею буяна по голове. Тогда он вдруг сразу приходит в себя, садится на чемодан и просяще протягивает руку моей жене. Теперь он разрешает ей без малейшего сопротивления отвести себя снова в клетку. На сей раз мы уже умней и тут же вешаем на задвижку висячий замок. Уф-ф!

Что же мы имеем в результате? Рану на лбу, синяк на ноге, вырванный клоч на коленке старых брюк.

А Ова и Бамбу тем временем изучают свое новое жилище. Это клетка, состоящая из двух отсеков. Каждое отделение имеет свою дверь наружу, и меж собой они тоже соединены задвижной дверкой, которую снаружи можно за проволоку приподнять кверху. Дощатый пол клетки приподнят над цементным полом помещения примерно на полметра. Не один волк уже ночевал у меня в этом надежном убежище. Окажется ли оно столь же надежным для наших новых постояльцев? Ова моментально обнаружила выдвигающую дверцу и с ловкостью специалиста, при-

подняв ее кверху (а весит эта железная штукавина немало!), переползла в соседний пустой отсек. Волкам такая возможность никогда и в голову не приходила! Ничего не поделаешь: приходится мне закрепить дверцу еще второй проволокой так, чтобы она приподнималась лишь на очень незначительное расстояние, через которое можно просунуть плоску с едой, но нельзя удрать.

А мои новые жильцы тем временем, словно два профессионала, продолжают обследовать клетку. Нашли непрочный закрепленный прут в решетке и повисают на нем по очереди всей тяжестью тела, пытаюсь его расшатать. Ова, словно опытный карманник, вытаскивает у меня из кармана халата клещи и тут же засовывает один их конец в замок, пытаюсь его открыть. Но убедившись, что ничего не получается, защемляет их между двумя прутьями решетки и пытается использовать в качестве рычага. Когда я присаживаюсь возле клетки с сигаретой в зубах, Ова бесцеремонно вынимает ее у меня изо рта и с невозмутимым видом курит ее сама. Дым она при этом выдыхает, словно настоящий курильщик: то через рот, то через нос, и видно, что это занятие доставляет ей явное удовольствие. Когда сигарета нечаянно выпадает у нее из мундштука, она осторожно подбирает ее, стараясь не обжечь пальцы, и ловко засовывает назад, притом именно тем концом, каким надо. Обе обезьяны самостоятельно расстегивают на себе ошейники и по моему требованию протягивают их мне через решетку вместе с пристегнутыми к ним цепочками.

Теперь, успокоившись, я имею возможность разглядеть их повнимательней. У Овы иссиня-черное лицо с веселыми и лукавыми карими глазками, два ряда безукоризненно здоровых зубов сверкают завидной белизной. Она значительно хитрей и ловчей своего супруга. У Бамбу лицо гораздо светлей, и, когда на него не находят приступы буйства, он вполне добродушен и даже несколько ленив.

Оба умеют от души радоваться и смеяться (особенно когда видят, что им несут что-то покушать). Вскоре они уже усвоили часы кормежки и терпеливо ждут, сидя на корточках возле раздвижной дверцы. Завидя человека, спускающегося по лестнице с подносом, они встречают его дружным «ух, ух, ух». Ова берет Бамбу за руку, и они вместе танцуют радостный танец, нежно при этом покусывая друг друга и громко смеясь. Потом они поспешно и услужливо приподнимают заранее дверцу, ведущую в соседний отсек, через которую им должны просунуть плоски с едой. Но мы заставляем Ову сначала принести и отдать нам пустую посуду, оставшуюся от предыдущей трапезы. Я узнал от зоопарковского работника, обслуживавшего обезьянник, что она

этому обучена. Однако в первые дни своего пребывания у нас Ова не очень-то соглашается это делать. Но мы до тех пор не даем ей желанных наполненных плошек, пока она нам не отдаст пустых. Вот так. Ест Ова жадно и быстро, Бамбу же берет свою плошку осторожно обеими руками и уносит ее куда-нибудь в дальний угол. Идет он выпрямившись, на двух ногах. Едят они часто словно дети, со всякого рода баловством: сначала объедается внешний край каши, затем слизывается верхний слой или, наоборот, плошку осторожно наклоняют так, чтобы нижний слой переместился наверх. Бамбу охотней всего съедает свою порцию, лежа на боку и крепко придерживая посудину согнутой в локте рукой.

Что касается молоденького орангутана Муши, осиротевшего за одну ночь, то тот всего на свете боится. Никак не может освоиться с новой обстановкой. Его ящик установлен в том же помещении, крышка отперта, но никто оттуда не появляется. Во всяком случае, когда я стою рядом. Стоит мне отойти на пару шагов, крышка осторожненько приподнимается на самую малость, и высовывается рыжая волосатая ручка и такой же рыжий хохолок на голове. Если я делаю попытку приблизиться — хлоп! — крышка тут же захлопывается, и лесной чертенок исчезает в ящике. Не удастся его вытащить оттуда и силой — он намертво упирается длинными руками и ногами в стенки, цепляется за перекладины, и оторвать его нет никакой возможности. Но проходит время, и Муши уже не закрывает каждый раз крышку своего жилища, когда я ее открываю. Более того, девочка-орангутан принимается дразнить меня, даже заигрывает со мной, хватая за руку и тащит к себе. Я каждый раз заново дивлюсь железной хватке этих маленьких цепких ручек. Во время игры она то и дело пробует запихнуть мои пальцы в свой смеющийся, широко разинутый рот, но я ей пока еще не полностью доверяю и поэтому каждый раз резким рывком отдергиваю руку. После чего она серьезно и вдумчиво начинает обнюхивать свои пальцы, которыми только что за меня держалась. Есть у Муши и другие игры: например, защемить мою руку между щекой и плечом или протянуть мне пучок сена в надежде, что я брошу ей его на голову — обезьянке это почему-то очень нравится; она все снова и снова протягивает мне пучки сена, но, расшалившись, начинает уже разбрасывать их по комнате, а это мне совсем не к чему — лишняя уборка.

Охотно Муши дразнит нашу собачонку Питта — карликовую таксу. Она забрасывает пса сеном из своего ящика, лупит по нему шнурком, плюет в него через решетку. Но стоит мне взять Питта на руки и подержать над ее клеткой, как выясняется, что

они друг друга боятся: такса, которая только что так храбро облаивала обезьянку, замолкает и вся напрягается от страха, а та забивается в дальний угол, опускается там на четвереньки и, забавно надувая щеки, плюется и издает своеобразное хрюканье.

Когда меня нет в комнате, Муши явно совершает более длительные вылазки, потому что в сене, которым выстилается ее ящик, я нахожу все, что за последнее время было утеряно: одежные щетки, ключи, инструменты, собачьи плетки, расчески и т.д.

Но меня все время мучает сознание, что с Бамбу мне приходится общаться только через решетку. Мне это ужасно неприятно, а ему наверняка тем более. Кроме того, мне праздновать труса перед ним постыдно: во мне как-никак метр девяносто, а в нем от силы полтора метра! Неужели же я не справлюсь с этим бузотером? Не сумею его заставить подчиниться?

Итак, я вооружаюсь толстой палкой и собачьей плеткой, открываю дверь в клетку и готов к поединку. Завидя это, Бамбу тоже становится «в позицию»: он опускается на четвереньки, слегка опираясь на подогнутые пальцы рук, плечи его прямо на глазах становятся вдвое шире, потому что черная шерсть на них встает дыбом. (Удивительно похоже на то, что происходит с нами! Ведь от бешенства, страха или восторга у нас тоже пробегает озноб по спине и плечам, мы покрываемся «гусиной кожей», которая заставляет вставать нашу скудную растительность дыбом.)

Итак, Бамбу готовится со мной сразиться. Он нервно чешет ногтями левой руки вздувшийся бицепс правой, и наоборот. Это типичный для самца-шимпанзе жест, которым он демонстрирует злобу и нетерпение. Твердые серые ногти скребут по грубой, жесткой шерсти, издавая звук, напоминающий потрескивание электричества. Глаза его загорелись коварным огнем, лицо исказила дьявольская гримаса. Следует прыжок прямо на меня, который я едва успеваю отразить своей палкой. Еще и еще раз. Теперь он уже взбудоражил себя не на шутку, разбегается и бодает меня в живот своим твердым обезьяньим черепом, да так, что я отлетаю в сторону, не успев попасть по нему своей дубинкой. А он тут же кусает меня за икру ноги, проносится мимо меня в комнату, сбивает там с ног мою жену и прыгает по ней, исполняя воинственный танец. Я вскакиваю, бросаюсь за ним вслед, он подпрыгивает и кусает меня в бровь, точно в то же самое место, как в прошлый раз, затем отскакивает от меня, врывается в свою клетку, захлопывает за собой дверь и, тяжело дыша, устремляется в самый дальний угол. Ни одним ударом я не смог себя защитить, до того молниеносно, с необыкновенной обезьяньей сноровкой все это было проделано.

Когда я его окликаю, он подходит к решетке и, устало привалившись к ней, протягивает мне руку, а затем со знанием дела и с большим интересом исследует мою рану, только что им же самим нанесенную. Она основательно кровоточит (несколько дней я хожу с отечным глазом), но заживает быстро и довольно безболезненно. Лишь маленький, почти незаметный шрам останется на память об этом неприятном происшествии...

У Бамбу вообще, я бы сказал, «спортивная», благородная манера бороться. Казалось, только что он еще весь кипел от негодования и злобы и охотней всего разорвал бы меня на части. А уже пару секунд спустя он горит желанием залечить мои раны и готов снова дружить со мной как ни в чем не бывало. Разве мне в таком случае можно оставаться злопамятным? Конечно же нет. Ведь он при всей своей вспыльчивости, в сущности, отличный, добрый малый. Так что я надеюсь, что мы с ним еще найдем общий язык...

БАМБУ, ОВА И МУШИ

— Во время своих дальних поездок по Камеруну, по его дорогам, проложенным сквозь девственные леса, я внимательно рассматривал в каждой деревне людей и животных,— так рассказывал мне директор Берлинского зоопарка историю приобретения Бамбу и Овы.— Внезапно на пороге одной из глинобитных хижин я заметил греющегося на солнце детеныша шимпанзе. При приближении нашей машины он тотчас же исчез в глубине темной хижины. «Стойте! Стойте!» — закричал я водителю, заскрипели тормоза, мы выпрыгнули из машины и бросились к той хижине, где я увидел шимпанзе. Детеныш оказался самцом, весом примерно восемь килограммов, в безукоризненной форме, только несколько грязноватый. Привязан он был за затянутый вокруг бедер пояс из нервущихся прочных волокон какого-то растения.

Начались обычные для этих мест торги, предшествующие каждой купле-продаже. Когда после долгих переговоров мы наконец ударили по рукам, владелец обезьянки потребовал с нас еще в придачу «даш», своеобразную премию в виде сигарет и дешевых цветных бус. После этого я взял детеныша на руки и вышел с ним из хижины. В это время из-за угла откуда ни возьмись выскакивает обезьяна — красноголовый мангобей, которого тоже, по-видимому, приручили и держали в качестве домашнего животного. Ловким движением отец семейства хватает его за шиворот и сует мне в руки в качестве «чаевых». Так что мы расстались очень довольные друг другом.

Наш маленький шимпанзе оказался очень славным малым, веселым и озорным. С нами очень быстро подружился и несколько не горевал о прежней жизни. Часто он забирался на какое-нибудь дерево и не желал оттуда слезать. Никакие уговоры не помогали. Лишь проголодавшись и увидев у нас в руках что-нибудь вкусненькое, сорванец наконец спускался вниз. Но никогда он не ожесточался. Его темные глаза на светлокожей мордашке смотрели на нас доверчиво и без малейшей фальши. Мы дали ему благозвучное имя Бамбу, которое на языке племени яунде означает шимпанзе. Через день после того, как мы приобрели Бамбу, нам обещали раздобыть еще второго детеныша шимпанзе. От одной старой женщины я узнал, что в деревне, расположенной в пяти километрах от того места, где мы разбили лагерь, живет хорошенький маленький шимпанзе. Уже спустя несколько минут наша машина остановилась возле указанной хижины; действительно, перед дверью сидела пузатенькая обезьянка весом примерно семь килограммов, на сей раз женского пола. Первоначальное смущение и недоверие по отношению к чужим дядям улетучилось удивительно быстро. Обезьянка позволила себя тщательно осмотреть и даже добровольно открыла рот, чтобы показать зубы. Сидящие в хижине на корточках пять женщин с нескрываемым любопытством и удивлением следили за всеми нашими манипуляциями. Наконец появился седовласый старик с белыми усами на черном лице и принялся с нами торговаться. Договорились мы на сей раз довольно быстро. Получив свой «даш» и явно считая нас форменными идиотами, женщины хихикали и улюлюкали нам вслед.

Второго детеныша мы назвали Ова. Эта была нежная и привязчивая маленькая девочка-шимпанзе, которая лучше всего чувствовала себя у нас на руках. Она охотно сидела у кого-нибудь на закорках, уцепившись ручонками за рубашку. Все, что бы я ни делал, привлекало самый живой интерес обезьянки. Когда я менял кассеты в своей камере, она с таким вниманием и упорством следила за каждым моим движением, что начинало казаться, будто она что-то в этом понимает. А когда я садился обсудить планы наших дальнейших действий с инспектором Мезге, она тут же к нам подсаживалась, как бы желая принять участие в беседе, и переводила взгляд с одного говорящего на другого... — так закончил свой рассказ директор Берлинского зоопарка.

Потерпев фиаско с Бамбу, я решил подружиться сначала с Овой. Служитель зоопарка предупреждал, что и она не прочь куснуть, если что не по ней. Я поднимаю кверху дверцу между двумя отсеками клетки, пропускаю Ову в пустой отсек и снова опускаю дверцу. Вот так. Теперь обезьяны надежно отделены

друг от друга. Затем я, вооружившись плеткой, захожу в клетку к Ове. Она явно побаивается плетки, ведет себя очень послушно и безоговорочно выполняет все мои команды. Тогда я присаживаюсь рядом с ней, и она принимается гладить меня ладонью по лбу и по волосам. Жгучий интерес вызывает у нее пластырь, которым я заклеил рану на брови — подарочек от ее муженька Бамбу. Она старается его аккуратно отлепить, но я ей не даю этого сделать. Тогда ее внимание переключается на мой нос. Она зажимает его между двумя большими пальцами рук и старается «выдавить», как это делают с чем-то вроде фурункула. Поскольку у шимпанзе совсем плоские, маленькие носы, Ова, по-видимому, принимает мой достаточно крупный розовый нос за какой-то болезненный нарост, требующий медицинского вмешательства. В доказательство моего предположения она берет мою руку и тянет ее к своему плоскому носику. По моей просьбе она с готовностью протягивает мне одну за другой свои руки и ноги и позволяет их внимательно осмотреть. А когда она осторожно приподнимает пальцами мои веки и разглядывает глазное яблоко, я считаю себя вправе проделать то же самое с ней. У вошедшей следом за мной в клетку жены ее особенно заинтересовала юбка. Она даже пробует под нее залезть.

Ова явно намеревается выйти из клетки, но я этого еще побаиваюсь и кричу: «Ко мне!», не зная, что такая команда означает для нее совсем другое. Не успеваю я очухаться, как увесистое животное уже уселось ко мне на закорки и крепко ухватилось за шею, чтобы не упасть. Вот так номер! Должен признаться, что с непривычки ощущать страшную челюсть так близко от своей шеи все же неприятно! К счастью, по команде «уходи» она тотчас же послушно слезает.

Ова отъявленная плутишка и хитра как бес. Когда моя жена делает уборку в помещении, где стоят клетки, и при этом невольно подходит слишком близко, Ова быстрым движением хватается за юбку и притягивает к решетке. Тут уж никакая ругань и никакие команды не помогают; хитрая bestия широко разевает рот и смеется от души! А потом она внезапно отпускает юбку, так что пленница с размаху отлетает к противоположной стене и садится на пол. Радости нет конца! Карликовой таксе, кобельку Питту, она протягивает сквозь решетку указательный палец, а когда тот с любопытством начинает его обнюхивать, дает ему основательный тычок в нос, так что собачка аж взвизгивает. А Бамбу, чтобы напугать таксу, иногда рывком бросается к решетке и начинает барабанить костяшками пальцев по доскам пола.

Чтобы немножко развлечь Ову, я протягиваю ей сквозь прутья клетки палку. Она с готовностью за нее хватается и, уперевшись

ногой в решетку, тянет к себе. Так мы некоторое время играем в «перетягивание каната». Потом я внезапно отпускаю, и Ова, совершив кульбит через голову, отлетает к задней стенке клетки. Но шутки она понимает, не обижается и снова протягивает мне конец палки. На сей раз палка легла на железную перекладину решетки, и обезьяна, усевшись на свой конец, предлагает мне покачать ее на качелях. Качается она с большим восторгом. Потом вдруг вскакивает, вырывает палку у меня из рук и тычет ею в собак, подбежавших посмотреть на наши развлечения.

На дверях цокольного помещения прибита вешалка, на которой на достаточном расстоянии от клетки висят разные вещи: рабочий халат, плетки, цепочки, ошейники. Когда моя жена в одно прекрасное утро входит в комнату, дверь оказывается пустой — на ней ничего уже не висит, а все имущество обнаруживается в клетке у Бамбу с Овой. А клетка, между прочим, заперта! Как же эта банда изловчилась снять все вещи и втащить их к себе, спрашивается? Потом мы поняли как. Оказывается, они сняли у себя перекладину для сиденья и, просунув сквозь решетку, сбросили с ее помощью все висевшие на вешалке вещи на пол. Затем, используя ту же перекладину, «выудили» их, подтаскивая постепенно к клетке. Ничего не скажешь — дело не из легких, и наверняка это выдумка шустрой Овы! Никакие приказания и просьбы жены не помогают: Ова ни за что не желает вернуть мой халат. Только несколько гвоздей она вытаскивает из его кармана и великодушно протягивает «просителю». Она уж было собралась разорвать его пополам, так, как сделала это недавно с половиком, который ей удалось затащить в клетку. Но тут, к счастью, подоспевший Бамбу отнимает у нее халат, обследует сначала все карманы, отстегивает пряжку на хлястике, а потом заворачивается в него и укладывается в нем спать.

Если я приношу корм и неосторожно подсовываю под дверцу одновременно два лотка, Ова старается поскорей схватить один из них первой. Она не желает уступать его своему супругу. А тот в таких случаях сразу начинает «психовать» (по выражению его служителя). Он принимается танцевать свой воинственный танец, стуча руками и ногами об пол, да так, что все кругом сотрясается, лупит по Ове кулаками, старается укусить. Ова при этом изо всех сил пронзительно кричит, однако не сопротивляется, принимая «мужнины побои» как должное. Потом она подходит к решетке совсем сникшая и показывает мне следы побоев.

Бамбу бушует по несколько раз в день, как и положено самоутверждающемуся здоровому взрослому самцу. Но мои волчьи клетки не приспособлены для такого бурного раскачивания, и крепления в стене уже начинают подозрительно расшатываться

от безумных прыжков тяжеловесного силача. Чтобы усмирить его и прекратить один из его ужасных ритмичных воинственных танцев, я решил пригрозить ему железным прутом. Но стоило мне только появиться возле решетки со своей железякой, как у меня ее молниеносно выхватили. Обезьяна схватила ее в свои громадные лапищи и в диком бешенстве сгибает в дугу — я вижу, как набухают бицепсы под кожей, покрытой черной шерстью. И ей это действительно удастся, словно цирковому силачу! Но на этом гнев Бамбу иссяк; он подходит к решетке и протягивает мне губы для поцелуя. Только что готов был разорвать меня на части и — смотрите-ка — сменил гнев на милость! Я пользуюсь случаем и быстренько обследую руками его челюсть. И он совершенно миролюбиво позволяет мне засовывать пальцы ему в рот. Ничего не скажешь, хороший он парень, этот Бамбу!

У Овы, когда она внезапно с силой швыряет свою алюминиевую миску о стенку или размахивает палкой во все стороны, — это обычно лишь озорство. Женщинам она палку ни за что не соглашается отдать, привыкла к властным мужским голосам, подающим команды, так что меня слушается с полуслова. Однако штопор, который она взяла у меня из рук, слишком пленяет ее воображение — эдакая чудесная вещица! И она ни за что не желает с ним расстаться. Я грожу, ругаюсь — никакого впечатления. Потом я вижу, как она незаметно бросает его сквозь щелку в задвижной дверце в соседнее помещение. Когда я раздражаюсь громкими проклятиями, она скоренько приподнимает дверцу, просовывает под нее свою длинную руку, выуживает назад штопор и подает его мне. Ова такая девочка, которую следует воспитывать в строгости.

Теперь о Муши, осиротевшем бедняжке орангутане. Она все еще не хочет покидать при нас своего убежища. Но ведь надо же и у нее прибраться. Я переносу ее ящик в пустующий отсек двойной клетки с шимпанзе. Жду, когда маленький орангутан наполовину высунется из своего ящика, вытаскиваю его и захлопываю крышку ящика. Так. Теперь оба отсека заселены. А это вносит новые трудности. До сих пор мы на время уборки перегоняли Ову и Бамбу в соседний отсек, а опустевший выметали и мыли. Теперь для этого приходится сначала выпускать Муши из ее отсека в комнату. Муши, как все орангутаны, привыкла больше лазать по деревьям, чем пребывать на земле, в то время как шимпанзе и гориллы больше передвигаются пешком. Вот она и здесь, будучи выдворена из клетки, цепляется за нее с наружной стороны и, словно по шведской стенке, ползает по ней взад и вперед. Но это в свою очередь раздражает соседей-шимпанзе, и они стараются стукнуть ей кулаком по пальцам рук или ног.

Те, у кого имеются маленькие дети, которые ведут себя медлительно за едой, выматывая все нервы окружающим, нашли бы у этой зверюшки много общего с ними. Ова и Бамбу берут бутерброд нормальным образом, в руку, и откусывают от него по кусочку, как это и полагается приличным особам, живущим уже более восьми лет в Европе, да еще в Берлине. Муши же съедает сначала все то, что лежит сверху, а потом уже медленно и задумчиво заправляет в рот остальное. Суп или кашу она вообще самостоятельно есть не желает: кормите ее с ложечки, видите ли! Так она привыкла. Первые несколько глотков проходят гладко. Но затем рот за щеками наполняется все больше и больше. Начнешь ее понукать, она открывает рот и показывает, какой запас провианта у нее там уже накопился. Ей-богу, прямо хоть начинай уговаривать: «Ну еще ложечку за папу, а еще одну— за маму»... Но несмотря на то, что Муши «погорелец» и что она была общественной собственностью и радостью всех берлинцев, тем не менее я занятой человек и у меня нет времени для ухода за «обезьяньими младенцами». Когда Муши пьет из чашки, она любит набрать полный рот, выплюнуть все назад в чашку, а потом снова выпить. Пока в ее клетке идет уборка, она, ползая по комнате, крадет все, что только можно украсть, чтобы потом запрятать у себя в сене. Как-то она нечаянно разбила оконное стекло, очень обрадовалась осколкам и, набрав их полную горсть, начала прыгать с ними по комнате. Взять себя на руки малышка не дает. Словно клещами, она хватается всеми четырьмя «руками» за решетку своей клетки, и даже крепкому мужчине не под силу ее оторвать. Угрожая кому-нибудь, Муши смешно надувает щеки и издает своеобразное хрюканье; от страха же она пищит.

Через весь отсек клетки, в котором поселили Муши, я протянул канат, и она, довольная, непрерывно на нем висит, достает своей длинной рукой с пола пучки соломы и бросает их сквозь прутья клетки Ове. А та по одной соломинке возвращает ей их обратно. Есть у Муши еще одна особенность: она плюется. Причем довольно метко. Как-то раз она плюнула даже в меня. Но служители зоопарка очень просили не отучать ее от этой дурной привычки, потому что «посетителям это ужасно нравится».

Так что и радость и горе мне с этими постояльцами. Однако пока я еще не решаюсь выпускать Бамбу и Ову из клетки, а им ужасно хочется, они дают мне понять это ежедневно, да мне и самому их жалко — сидят там, как узники, взаперти. Я обдумываю, как с ними поступить, а они в это время обдумывают, как им вырваться из заточения, и, как вы дальше увидите, небезуспешно. Их хитроумие доставит нам еще немало хлопот и волнений.

КАК ВЕРНУТЬ БЕГЛЕЦОВ В КЛЕТКУ?

Из-за находчивой Овы, которая непрестанно все кругом исследует, развинчивает и расшатывает, я для перестраховки пристегиваю короткую цепочку с карабином к задвижной дверце, разделяющей отсек Муши от шимпанзинового, и обматываю ее конец вокруг прутьев клетки. Пока я манипулирую цепочкой, ко мне внезапно подскакивает Ова и вырывает конец цепочки у меня из рук. Она проделывает это дважды, так как в голове у нее постоянно одни только шалости. На третий раз я заранее хватаю цепочку крепко обеими руками, и, когда Ова, несмотря на мой запрет, снова за нее берется, я резким рывком выдергиваю ее у нее из рук. Дважды мне приходится повторить этот педагогический прием, после которого Ова сидит и озабоченно разглядывает свои ссадины на пальцах. Больше она никогда уже не пытается дернуть за цепочку, когда я ею манипулирую. Но именно только я. С моей женой она позволяет себе и дальше подобные выходы.

Разумеется, карабин не мог не привлечь самое пристальное внимание любопытной обезьяны, не разжечь ее исследовательскую страсть. И разумеется также, что в один прекрасный день она защемила в нем себе палец. Все старания высвободиться из проклятых тисков терпели неудачу. Завидя мою жену, Ова тут же указала ей на свой несчастный палец и терпеливо перенесла его довольно болезненное высвобождение из карабина. Когда черный палец наконец освободился, обезьяна серьезно со всех сторон осмотрела его и больше не дотрагивалась до карабина... но только в течение нескольких дней.

А вот следующий эпизод. Моя жена одна дома — убирает в клетке у Муши. Внезапно она замечает, что Ова уже не у себя в клетке, а разгуливает по комнате! (Оказывается, она забыла запереть висячий замок и он просто болтался на открытой дужке!) Надо поскорей выскочить из комнаты, пока Бамбу, этот бузотер, который уже дважды на нас нападал, не сообразил тоже выбраться наружу. Но поздно: вот он уже вышел из клетки и занялся шкафчиком с инструментами — сбрасывает их с полок на пол. Поскольку он так углубился в свое занятие, моей жене удается за его спиной благополучно проскочить к выходу и задвинуть тяжелый засов на дверях. Она хотела захватить с собой и Муши, но эта упрямая глупышка, конечно, как всегда, железной хваткой уцепилась за свою клетку.

Удрать на улицу беглецы не могут, потому что окно прочно зарешечено железными прутьями, погнуть которые не под силу даже льву. Но и в самом подвальном помещении они могут

натворить Бог знает что! В «глазок» видно, как Ова развинчивает задвижку печной дверцы (а печка топится!) и осторожно вытаскивает еще тлеющие головешки, беря их за черный обугленный конец, и раскладывает на цементном полу. Вместо них она засовывает в печку кнут. Затем ее внимание привлекает настенная лампа. Заботливо, со знанием дела, обезьяна свинчивает с нее матовый стеклянный плафон, а затем вывертывает и электрическую лампочку. То же самое проделывается и с софитами, установленными здесь для фотографирования. Их тоже укладывают на пол. Затем Ова отправляется помогать Бамбу выгребать шкафчик с инструментами. Каждый пакет с гвоздями тщательно надрывается, и содержимое рассыпается по всему полу. Бамбу решает ускорить процесс выгрузки: хватает шкаф обеими руками, наклоняет его вперед, и весь скарб оттуда с грохотом высыпается на пол.

Муши, как всегда, захлопнула дверь своей клетки и с интересом следит за событиями. Эти двое сейчас слишком заняты и, к счастью, совершенно забыли про детеныша орангутана, но дверь в его клетку ведь не заперта, и они безо всякого могут туда проникнуть!

Но тут Ова обнаружила выключатель. Какое-то время она забавляется тем, что включает и выключает верхний свет, но вскоре ей это надоедает, она вырывает выключатель из стены, получает удар током и после этого больше электропроводкой не интересуется.

Тем временем я уже вернулся с работы и увидел в «глазок» весь этот разгром. А между прочим, уже вечер, темнеет, но в подвальном помещении свет зажигается только изнутри. В темноте же я ничего не смогу предпринять. Однако нельзя же оставить Муши на всю ночь наедине с этими двумя разбойниками! А кроме того, и печку необходимо растопить заново. Значит, действовать надо быстро, но как?

Пока мы совещаемся, раздается звонок у входной двери. Открываем и видим знакомую супружескую пару с букетом в руках. Этого еще не хватало! Мы и забыли в такой суматохе, что пригласили их в гости! Не успевают они опомниться, как мы заталкиваем их вниз по подвальной лестнице — они должны будут покараулить за дверью, пока мы будем разбираться со своими беглецами. Я приношу недавно приобретенный пугач, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что у него такой тугой курок, что спустить его можно, только нажимая изо всех сил обеими руками! Черт бы его побрал! В сердцах отбрасываю его в сторону. Совещаемся снова. В «глазок» видно, как Бамбу сооружает себе из моего плаща спальное ложе под окном и соби-

рается там улечься. Я открываю дверь и зычным голосом приказываю ему отправляться «на место». Никакого впечатления. Тогда я начинаю забрасывать его коробками из-под яиц, но это приводит лишь к тому, что шерсть на нем встает дыбом и он принимается плясать свой воинственный танец. Он поднимает тяжеленный транспортный ящик, в котором перевозили Муши, и с грохотом швыряет его об дверь, за которой я, разумеется, уже благоразумно скрылся. Потом он разбегается и изо всей силы наваливается на дверь, и так несколько раз подряд. Чтобы было легче открывать и закрывать дверь, я запер ее только на один засов (вообще-то их здесь три), и при каждом ударе тяжелого тела об нее она сверху опасно прогибается наружу. Жена моя, которая прильнула к «глазку» и наблюдает за действиями обезьяны, получает ощутительный удар по носу и вскрикивает от боли — ведь известно, какое болезненное место переносица. Наш гость отпускает по этому поводу ехидное замечание вроде того, что «не было у бабы хлопот, купила поросся...». Ну что же поделать — любовь к животным не каждому понятна.

Еще раз посоветовались. Так дело явно не пойдет. Надо менять тактику. Нужно хотя бы Муши обезопасить от этого буяна. Ведь она последний орангутан в Берлинском зоопарке. А оранг еще и раньше стоил очень дорого! Теперь же ему вообще цены нет.

Итак, пока Бамбу снова орудует у окна, я быстро врываюсь и в два прыжка подскакиваю к двери, ведущей в отсек Муши. Хлоп — и я уже внутри и запираю за собой клетку. Теперь каждый раз, когда Бамбу проносится мимо меня, чтобы с размаху кинуться на входную дверь, я отвешиваю ему чувствительный удар палкой по спине. Ему это явно не нравится, и на третий раз он уже прекращает свои атаки и садится на мой плащ, расстеленный возле окна. Не спуская с него глаз, я затаскиваю в клетку транспортный ящик, чтобы запереть в него Муши. Я глажу, умоляю ее — все напрасно. Не хочет. Тогда я отвешиваю ей пару пощечин (она мне их никогда окончательно не простила!), но результат все тот же.

Мне не остается ничего другого, как постараться перебазировать Муши во второй отсек, более отдаленный от входной двери в комнату. Я знаю, что ее не устраивает мое общество и она охотно от меня избавится, поэтому осторожно выпускаю ее из клетки, и она действительно, как я и предполагал, цепляясь за наружную сторону решетки, перебирается в другой, дальний отсек клетки. По дороге, правда, ее замечает Бамбу и игриво хватает за ножку. Однако, когда она издает свой громкий писк и замахивается на него ручонкой, он великодушно ее отпускает. Бум! — и дверь соседнего отсека с треском захлопывается за ма-

леньким орангутаном. Теперь все в порядке — можно приступать к дальнейшим военным действиям.

После переговоров «с дверной охраной» я в подходящий момент выскакиваю из клетки и скрываюсь за дверью. Теперь задача состоит в том, чтобы загнать Бамбу в передний, ближний к двери отсек клетки. Наш гость стоит наготове, держа в руках поливальный шланг. К дверям уже подтащили насос и ведро с теплой водой. Приоткрыв щелку в двери, целимся в Бамбу. Резкая струя воды поначалу производит на него сильное впечатление. Но у шимпанзе ведь нет врожденной водобоязни, и, опомнившись от первого испуга, Бамбу снова переходит в атаку: бросается на дверь с новой силой, а мы ее не успели еще даже запереть! Приходится втроем навалиться на нее снаружи, а гость наш, полюбопытствовавший, что делается внутри, и заглянувший в этот момент в «глазок», украшен теперь здоровенной ссадиной на носу и на время выбывает из игры.

Я меняю тактику. Пока Бамбу передыхает, сидя на корточках в дальнем углу комнаты, я быстренько заносу в клетку плошку со сладкой кашей. Проголодавшийся Бамбу тут же заходит в клетку, но не принимается есть, а берет плошку осторожно двумя руками и выносит ее наружу, ставит на подоконник и принимается преспокойно ужинать. А мне приходится ждать, пока он доест.

Тем временем наш раненый гость смазал пугач и он все-таки заработал. Ну что ж, попробуем так. Я начинаю забрасывать в клетку кусочки нарезанного яблока. Они столь малы, что выносить каждый из них наружу обезьяне не захочется. Бамбу и не выносит их, но, подбирая кусочки одной рукой, другой держится за дверь. Вот теперь надо действовать, если вообще хочешь надеяться на какой-нибудь результат. Я захожу в комнату и наступаю на Бамбу, держа наготове палку. Его лицо искажается, превращаясь в злобную маску, он начинает раскачивать дверь своей клетки взад и вперед. Тогда я поднимаю пугач и стреляю ему прямо в лицо. Он пугается, отскакивает назад, но все еще не сдается, а собирается на меня напасть. Еще один выстрел — и он наконец отпускает дверь, а я тут же ее запираю и навешиваю сверху висячий замок. Уф-ф!

Только теперь я вспоминаю об Ове, а она уже бежит ко мне, приветливо смеясь всем лицом, и обнимает меня. Наконец мы можем праздновать победу, а нашим гостям уже пора идти домой. Они впервые у нас в доме, но успели ознакомиться только с передней и лестницей в подвал. Мокрые и запачканные с головы до ног, а муж еще вдобавок с разбитым носом, они отправляются восвояси. Вот так им повезло.

Мы же с женой падаем без чувств в кресла и еще долго не можем прийти в себя. Мы ужасно боялись за маленькую Муши! Ведь взрослый самец-шимпанзе — очень опасное животное. Так, в Мюнхенском зоопарке жил один шимпанзе по кличке Юлиус, очень злобный и вспыльчивый. Когда он однажды удрал из клетки, только ручному слону удалось его загнать обратно. Одна из жен Юлиуса родила детеныша, и ее оставили вместе с ним в одном помещении. Юлиус проявлял себя долгое время как заботливый и нежный папаша. Черное «лесное страшилище» ласково брало малютку в свои огромные лапищи и даже помогало ему при его первых шагах по земле. Но однажды, когда он играл с малышом, мамаша потребовала его отдать. А он не пожелал. Маленькая семейная неурядица перешла в потасовку, и на Юлиуса накатил приступ необузданной злобы, характерной для половозрелых самцов. Он швырнул своего детеныша изо всех сил об стенку, и тот через два дня скончался из-за перелома основания черепа.

К чему самцам-шимпанзе эти приступы бешенства? А ведь в них есть определенный смысл: они должны способствовать тому, чтобы держать свое окружение в страхе. И они действительно этому способствуют! На воле, в местах их естественного обитания, самки с детенышами в таких случаях спасаются, залезая высоко в кроны деревьев, на более тонкие ветви, туда, где тяжеловесные самцы их не в состоянии преследовать. Наша Ова обычно залезает в такие моменты вверх по решетке и, скорчившись, висит там в каком-нибудь углу, вопя от страха душераздирающим голосом. Чаще всего Бамбу тогда беснуется внизу, не обращая на нее никакого внимания.

Когда у Овы насморк, она сморкается, зажимая пальцем попеременно то левую, то правую ноздрю. Когда я протягиваю ей свой носовой платок, она использует его именно так, как полагается. Потом прикладывает его мне к носу, чтобы я тоже высморкался.

Я бросаю кусок хлеба сквозь решетку, и Ова тотчас же прикрывает его ладонью. Но Бамбу уже увидел это и преспокойно вытаскивает хлеб из-под руки своей супруги. А та верещит что есть мочи, но сделать ничего не может. Если Бамбу намеревается что-то взять, Ова никогда не решается выхватить это у него из-под носа. Когда я подаю ей еду недостаточно, по ее мнению, быстро, она начинает издавать громкие вопли, следующие быстро один за другим и заканчивающиеся протяжным, на высокой ноте визгом. Такой же спектакль устраивается, если я дам что-нибудь одному Бамбу, а ей нет.

Но вот настает день, когда я решаюсь выпустить Ову из клетки и взять ее наверх, в жилые комнаты. Увидев, что я подхожу

к ней с ошейником и цепочкой в руках, Ова бежит мне навстречу, вся сияя, и подставляет голову, чтобы мне было удобней застегнуть на ней ошейник. По дороге наверх она быстренько заскакивает в ванную комнату, кидает в воду сорванное с крючка полотенце и мимоходом крадет яблоко. Перед зеркалом в передней она испуганно отшатывается, но только на один миг, затем, не удастая его больше вниманием, тянет меня через открытую дверь в столовую. На всякий случай я убираю подальше фигурку «Присевшая» скульптора Кольбе, но забываю спрятать кое-что не менее существенное для нас — пакетик с выданным по карточкам маслом (недельный паек). Он не ускользнул от пытливых глаз Овы, и вот она уже запихивает его в рот.

Теперь надо ей показать, что меня она должна слушаться по крайней мере так же, как своего Бамбу! Я ударяю ее собачьей плеткой, она издает злобный визг, поворачивается и хочет на меня напасть! Я стегаю еще раз, и с нее довольно, она решает со мной не ссориться. Плача, возвращает мне надкусанный пакет масла, даже вытаскивает изо рта откусанный кусок и возвращает его мне! Должен сказать, что после этого инцидента мне никогда больше не приходилось наказывать Ову. Она слушалась меня с первого слова, даже с первого взгляда.

В комнате, лежа на ковре, мы с ней возимся, как два щенка. Я хватаю ее за ноги и кружу вокруг себя. Потом мы с женой хватаем ее за руки и за ноги и раскачиваем вверх и вниз так, как это проделывают и с маленькими детьми. Ова смеется, ликует, она счастлива безмерно. Разыгравшись, она прыгает мне на колени вниз головой и ногами попадает в лицо. Смущенно берет мою руку, а затем и подбородок в свой широкий рот, чуть придавливая великолепными, ослепительно белыми зубами.

Ова боится щекотки. Я чувствую, как ее сотрясает беззвучный хохот, когда я щекочу ей шейку под подбородком. Но справиться с ней совсем не просто — у нее ведь четыре «руки», которыми она отталкивает мои две. Когда я, уже совсем обессиленный, лежу на полу, она — бултых! — сваливается на меня с ближайшего стула и отпускает мне напоследок пару шлепков.

Но наконец и у нее иссякли силы. Ова присаживается возле меня на ковре, бережно убирает своей жесткой рукой мои волосы с разгоряченного лба и все снова и снова гладит по голове. При этом она причмокивает губами (точно так же, как это делают маленькие дети, когда исполняют что-то особенно старательно). Потом она расстегивает одну за другой все пуговицы на моем пиджаке и на рубашке, закатывает кверху рукава и брючины, исследует содержимое всех карманов.

Очень довольный, я отвожу ее наконец назад к Бамбу. Ова наверняка легко впишется в наш дом. А вот Бамбу? Как нам быть с Бамбу, ее вспыльчивым супругом?

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ОБЕЗЬЯНЫ ВСЕГДА «ОБЕЗЬЯННИЧАЮТ»?

К сожалению, «побеги» Овы и Бамбу на этом не закончились. Дело в том, что, как я уже упоминал, крепкие железные клетки, годами верой и правдой служившие моим подопытным волкам, не рассчитаны на силу, а главное, на изобретательность таких животных, как человекообразные обезьяны, в особенности на такого шалопая, как Ова, которая непрерывно только и занята тем, чтобы разыскивать слабые места в этой железной конструкции. В один прекрасный день дужка висячего замка оказывается согнутой: Ова раздобыла себе на пару часов, которые оставалась без присмотра, крепкую палку и, разумеется, тут же использовала ее в качестве рычага. В другой раз обе обезьяны вместе так долго и дружно трясли решетку, что крепления, соединяющие две решетчатые стенки клетки, постепенно расшатались и соскользнули вниз. В образовавшуюся щель и протиснулась наша предприимчивая парочка. Уже спустя час в цокольном помещении все выглядело так, словно кто-то бросил туда бомбу. Даже зацементированные в стене болты эти архаровцы умудрились вырвать! После этого мне пришлось специальными болтами укреплять всю стену.

Потом в отсеке у Муши, маленького орангутана, с одного бока отстал лист жести, которым были скреплены доски пола. Запустив туда Ову с Бамбу на время уборки их отсека, я еще подумал о том, что надо бы побыстрее прибить отставший конец листа к полу. Но Бамбу меня опередил, стремительно он подходит прямо к чуть загнутому листу, отрывает его еще дальше, приподнимает под ним одну-две доски, пропускает Ову проползти первой и вслед за ней выбирается наружу.

Питт и Мики, две карликовые таксы, в это время как раз находятся в комнате. С возмущенным лаем они сразу же скрываются под клетками. А шимпанзе, вооружившись железным прутком и шваброй, тычут ими туда, стараясь попасть в собачек. Под конец уже все, что не прибито и не спрятано, летит со свистом под клетки: половик, цепи, совок для угля, опилки, жестяные плоски, все, все. Обе партии явно в восторге от сражения, дым стоит коромыслом. Обезьяны хотя и заползают наполовину под клетки, но дальше пролезть не решаются, потому что Питт, несмотря на свой маленький рост, может обозлиться не хуже Бамбу

и недавно прокусил ему руку до крови. А кроме того, самец-шимпанзе только тогда герой, когда на него накатывает приступ бешенства. Поэтому эти двое и не решаются протиснуться дальше в тесное «подземелье» к неистовствующим там собачкам.

В качестве следующей возможности побега Ова находит в решетке железный прут, который сверху оказался неприваренным. И сразу за дело. Она высвобождает верхний его конец из поперечной перекладины и сгибает его. Сначала она удовлетворяется тем, что чинит всяческое безобразие: ведь просунув свою длинную руку через образовавшееся отверстие, можно кого угодно замечательно напугать — разве не удовольствие для такого сорванца? Так я, например, стою спиной к клетке и вдруг меня сзади кто-то хлопает по плечу, а когда прохожу мимо, меня железной хваткой удерживают за штанину так, что я чуть не падаю. Расшалившись вконец, Ова разрывает юбку на моей жене пополам и из добытого куска сооружает себе нечто вроде чалмы. И только после моего сурового окрика она, плача, возвращает свою добычу владелице.

Приходится принимать срочные меры. Я звоню знакомому слесарю. Да, он готов прийти, но не раньше понедельника утром, то есть послезавтра. Но через два часа лихорадочной работы Ова и Бамбу отогнули уже и соседние два прута, расширив отверстие так, что в него пролезает голова, только плечи еще не проходят. Но тогда уже выезжает ко мне сам господин Ремм, владелец слесарной мастерской и любитель животных, собственной персоной. В ожидании его я пока могу через образовавшееся отверстие поближе пообщаться с Бамбу. Я подзываю его к решетке, просовываю в отверстие руку, заставляю открыть рот и показать зубы, обследую глаза, уши, все тело. Он в хорошем настроении и на все согласен. Более того, он тоже просовывает руку и гладит меня по голове точно так же, как это делает обычно Ова, пробует «выдавить» мой нос, только у него это получается поглубей. Он, в сущности, добрый малый, этот Бамбу!

Когда приходят мастер с помощником, Ова тут же стаскивает у парня шапку с головы. Мне приходится «стоять на часах», чтобы не подпускать обезьян к работающим слесарям. Но и издали они безумно интересуются слесарной работой, и четыре темных глаза замороженно следят за каждым движением человеческих рук. С большим трудом удается при помощи слесарных инструментов разогнуть и выправить согнутые обезьяньими руками железные прутья. А в жарко натопленном «обезьяннике» приходится к тому же и изрядно попотеть. Когда прутья уже были установлены на прежнее место, их решили скрепить для прочности еще двумя шинами — прилаженными изнутри и сна-

ружи и скрепленными меж собой болтами и гайками. А поскольку мы не можем зайти в клетку — Бамбу то и дело впадает в истерику от присутствия посторонних, — нам приходится каждый болт просовывать между двух прутьев вовнутрь, а оттуда вправлять в просверленное заранее отверстие в шине. Это очень утомительно и неудобно. Один болт падает на соломенную подстилку, и мы уже считаем его потерянным, но Бамбу подходит, подбирает его и протягивает нам. Мы роняем еще один, и тут Ова не только поднимает его, но и *всовывает в нужное отверстие и заворачивает!* Это нам сильно облегчило задачу. Теперь мы ей просто подаем болт за болтом, и она аккуратно вставляет их в отверстия.

Такому поведению обезьян только тот может не удивиться, кто знает этих животных лишь по разного рода рассказикам и считает поэтому само собой разумеющимся, что они всегда готовы все «обезьянничать». На самом же деле серьезные исследователи, изучавшие обезьян, и в особенности человекообразных обезьян, вовсе еще не пришли к единому мнению по этому вопросу. Большинство из них отрицает стремление обезьян повторять человеческие жесты и поступки. То, что в зоопарках обычно воспринимается как «обезьянничание», на самом деле таковым не является. Все дело в том, что вещи, которые в обиходе у нас, точно так же хорошо подходят существам, имеющим руки и сходным с нами телосложением. Обезьяна с ее по-детски пытливым умом, проявляющая интерес к любому новому предмету, попавшему в ее поле зрения, пытается его как-то применить и уж обязательно постарается засунуть ногу в чулок или ботинок. Старый зонтик, который долго крутят в руках, в какой-то момент непременно раскроется, а шляпа приземлится на голове, потому что именно для этого и приспособлена. То, что обезьяны используют карманное зеркальце именно как зеркало — тоже само собой разумеется: ведь эти животные интересуются всем новым, а не только едой и продолжением рода. И делают они это отнюдь не потому, что видели, как мы пользуемся этим предметом, а именно потому, что эта маленькая гладкая штучка так удивительно отсвечивает. Впрочем, обезьяны, как правило, пользуются зеркалом совсем иначе, чем люди. Они держат его близко, на расстоянии двух-трех сантиметров от глаз, несколько вкось, и наблюдают за тем, что творится у них за спиной. Я, например, научился этому у своих макак-резусов и понял, что таким способом можно многое очень ясно разглядеть и что это в некоторых случаях бывает весьма полезно...

Что касается Овы, то она совершенно ясно поняла, что замок и ключ служат для того, чтобы запирасть и отпирасть дверь. Правда, она сообразила лишь, что ключ для этого следует вставлять в

отверстие, но, к счастью, не додумалась, что его нужно еще и повернуть. Так что она подбирает различные острые предметы, засовывает их в отверстие замка и ковыряет ими там. Когда я ей показываю, как это делается, она все равно не в состоянии это повторить. Правда, интерес ее к замку как к предмету в таких случаях возрастает, она крутит его в руках, дергает за дужку, двигает ее вверх и вниз, вешает на него свою цепь. Приди она в такой момент к нужному решению, то не слишком внимательный наблюдатель непременно стал бы утверждать, что Ова просто-напросто копирует мои движения, именно то, что ей показывают. На самом же деле показ лишь стимулировал ее к усиленным попыткам прийти к собственному решению, которые в конце концов наверняка должны попасть в точку.

Как мы видим, определить в каждом отдельном случае, является ли данное действие чистым «обезьянничанием» или самостоятельным решением, не так-то просто. Вот когда Ова заходит в ванной комнате и с видимым удовольствием окунает в воду и выкручивает половик, словно заправская прачка; когда она, боясь щекотки, не дает причесать себя щеткой, а потом срывает с палки швабру и сама себя ею охорашивает; когда выросший у меня в доме детеныш-шимпанзе Ула «шила», «замачивала белье» или «чистила» оконные стекла, то есть когда

эти животные проделывают с вещами, пригодными для разных других целей, именно то, что мы на их глазах с ними делали,— вот тогда только я могу говорить о подражании. Притом дело усложняется еще тем, что для обезьян (впрочем, как и для людей) каждая вещь, находящаяся в руках родича, приобретает необыкновенно притягательную силу. Во всяком случае, «обезьянничание» у обезьян можно наблюдать значительно реже, чем это можно было бы ожидать, несмотря на то что такое понятие стало уже общеупотребительным. Умей они лучше «обезьянничать», они были бы уже давно гораздо более человекообразными...

Простые наблюдения за животными, какими бы добросовестными они ни были, зачастую не могут дать ответа на подобные вопросы. Здесь необходимы умно поставленные опыты, при которых животное само должно дать на них однозначный ответ. Ведь при простом наблюдении поведение животного всегда можно растолковать и так и эдак. Один англичанин по фамилии Раселл отозвался о подобных наблюдениях весьма иронично:

— Всякое животное, за которым наблюдают, ведет себя так, как будто бы стремится доказать именно ту философию, в которую уверовал данный наблюдатель еще прежде, чем приступить к опытам. Более того, подопытные животные демонстрировали особенности и способности, свойственные национальной принадлежности наблюдателя. Так, животные, изучаемые американцами, развивают бешеную энергию, носятся как оголтелые, проявляя невероятную деловитость и предприимчивость, и под конец, чисто случайно, наталкиваются на желаемое решение. Животное того же самого вида, за которыми наблюдают немцы, спокойно, сидя на месте, обдумывают ситуацию и приходят к нужному решению совершенно сознательно.

Я нахожусь в своем кабинете вместе с Овой. Открываю дверь и впускаю таксу Питта. Они уже успели подружиться раньше и мирно играют друг с другом. Питт даже пытается лизнуть ее в лицо, но она отшатывается от подобных непрошенных ласк и отстраняет его от себя рукой. Потом хватает таксу поперек туловища, заворачивает в детское одеяло, которое я им дал, а затем заворачивается в него и сама. Берет Питта на руки, стараясь удержать, чтобы он не смог вырваться. Вскоре ей уже надоедает с ним играть, а собачка все прыгает и прыгает вокруг нее, махая хвостом, и вскакивает к ней на колени. Но наконец и Питт выдохся: ложится на пол и, высунув язык, дышит часто и возбужденно. Теперь обезьяна вызывает его поиграть с ней в «пятнашки»: она отбегает от него на несколько шагов и поджидает, стуча пятками об пол. Но стоит лишь ему приблизиться, как она тут же вскакивает на стулья или на стол, свешивается сверху

и старается достать его рукой. Свисающая с ошейника цепочка мешает ей — она решительным жестом обматывает ее вокруг шеи. Тогда я отстегиваю у нее ошейник, да он и не нужен теперь больше — вожу я Ову исключительно только за руку, так безукоризненно она теперь себя ведет.

В кабинете она любит опрокинуть мусорную корзину для бумаг. Но стоит мне приказать, как она тотчас же все соберет с пола до последнего клочка и сложит назад в корзину. Часто она вынимает какую-нибудь книгу со стеллажа, садится на ковер и листает страницу за страницей в поисках картинок. Когда две страницы слипаются, она их очень аккуратно, действуя двумя большими пальцами, разнимает. Углубившись в такое «чтение», это непоседливое, шkodливое существо по крайней мере на некоторое время затихает.

Как-то раз, когда моя жена вела Ову после прогулки по квартире вниз по лестнице в клетку, та внезапно у нее вырвалась и кинулась назад в прихожую, оттуда в комнату и через открытое окошко на крышу. По крыше она пробралась к мансарде и стала заглядывать в окошко к соседям. Как же хорошо, что у них никого не было дома, а то можно себе только представить, как бы они испугались, увидев такого «черного дьявола», заглядывающего к ним в окно! К счастью, вскоре начался ливень, поднялся шквальный ветер, и Ова, сама изрядно напугавшись, вопя во все горло, кинулась домой.

Я должен позаботиться о том, чтобы моя жена пользовалась у обезьян таким же авторитетом, как и я, — это необходимая предпосылка для успешных дружественных отношений с ними. Ведь она проводит с нашими постояльцами гораздо больше времени, чем я. Ну что ж, попробуем. С железным прутом ничего не получается. Черная парочка значительно проворней и сильней. Они запросто вырывают палку из женских рук, оставляя на них еще и болезненные ссадины. Еще хорошо, что они потом возвращают палку мне по первому требованию. Я могу без всяких опасений протягивать им в клетку все, что угодно: ножницы, перочинный нож, иголки, кошелек с деньгами. Они только «исследуют» их внимательно и сейчас же возвращают, как только я об этом попрошу. Тогда я вооружаю свою жену большой рогаткой, и оба шимпанзе вынуждены обращаться с этим «слабым существом в юбке» несколько почтительней, когда она подступает к ним с этим орудием в руках. Что же касается пугача, то на Бамбу он произвел впечатление от силы два-три раза, не больше. А потом он уже плевать на него хотел...

Но нельзя же вечно общаться с Бамбу только через решетку, ну куда это годится? Однако сначала мне необходимо добиться

лучшего взаимопонимания с Бамбу, потому что, если он от меня убежит, найдется немало трусливых стрелков, готовых подстрелить удирающее зоопарковское животное и после утверждать, что оно им угрожало. А потом они всю жизнь будут похваляться тем, что им «однажды пришлось застрелить взбесившуюся человекообразную обезьяну», если даже должно будет поплатиться за это жизнью такое ручное и приветливое животное, как Ова, любимица всех зоопарковских посетителей.

Итак, я приоткрываю дверь клетки на ширину ладони, страхую ее крепкой цепью так, чтобы ее нельзя было рывком открыть шире. Бамбу тотчас же подбегает ко мне, просовывает руку в образовавшуюся щель, гладит меня по волосам, ощупывает мои глаза, обследует содержимое моих карманов. Большая веснушка на моем запястье почему-то особенно сильно заинтересовала этого здорового «парня». Сначала он пробует сковырнуть ее ногтем; потом старается ее «выдавить», сжимая с двух сторон большими пальцами. Чтобы отвлечь его от этого занятия, я протягиваю ему мундштук от сигареты. Бамбу всасывает разочек через него воздух, но затем тотчас же пробует использовать его... для удаления веснушки!

Я приказываю ему отойти от двери. Он послушно отходит, но я вижу, как опасно вздыбилась шерсть на его плечах, и, когда я снова подзываю его, он уже готов — запсиховал. Бешеным прыжком он кидается на дверь и захлопывает ее. Но я за это время, что мы с ним знакомы, уже кое-чему научился. В частности, тому, что нет никакого смысла дожидаться, пока он взбудоражит себя до полного бешенства. Во-первых, мне не устоять в этих тесных помещениях против такого проворного «четырёхрукого» молодца, и, кроме того, когда он впадает в полный раж, он почти уже не чувствует боли от ударов.

Значит, надо действовать незамедлительно. Я снова приоткрываю дверь и просовываю туда руку с палкой. Как только Бамбу перестает слушать мои команды и принимается раскачиваться в своем воинственном танце, я отвешиваю ему основательный удар палкой. От отлетает в угол. Но как только он встает и пытается снова напасть, я его опять опережаю.

Потом я ухожу и приношу плоски с едой. Бамбу ест из одной и крепко придерживает свободной рукой другую. Ова сидит поодаль и кричит. Я уговариваю ее покушать. Тогда она подходит к Бамбу, гладит его по голове, причмокивая, обследует его глаза, перебирает шерсть и, отвлекая такими маневрами его внимание, потихоньку придвигает к себе тем временем свою плоску. И он ей в этом не препятствует. О, женская дипломатия!

Тогда я решаюсь на такой шаг: как ни в чем не бывало открываю преспокойно дверь клетки, захожу туда с совком и веником в руках и начинаю прибираться. Бамбу продолжает сидеть и есть. А я опускаюсь рядом с ним на пол, и вскоре мы уже на шимпанзиный манер заняты тем, что «ищем друг у друга блох» — он у меня, а я у него. А Ова хочет воспользоваться тем, что дверь осталась открытой, и улизнуть. Я велю ей сейчас же вернуться, а сам беспокоюсь, как бы Бамбу не задумал к ней присоединиться. Но нет, он рад моему обществу. Даже совершенно равнодушно взирает на то, как я отвешиваю его предприимчивой супруге пару шлепков.

С этих пор я частенько по вечерам, когда возвращаюсь с работы, наношу визиты Бамбу. Он уже начинает к ним привыкать. Позволяет мне брать себя за руку и даже откусывать от яблока, которое он как раз ест. Так что наконец настает день, когда я принимаю решение: завтра мы выведем из клетки Ову вместе с Бамбу. Обоих.

МИР С БАМБУ ЗАКЛЮЧЕН

Сказано — сделано. После того как я уже несколько раз побывал в клетке у вспыльчивого Бамбу и подружился с ним, я взял его за руку и вывел из клетки. Мне всегда было ужасно жалко, что ему приходится сквозь решетку наблюдать за тем, как Ова резвится с нами «на воле».

Бамбу несколько смущен. Он поднимает мешковину, которая служит собакам подстилкой, набрасывает ее себе на плечи и усаживается в собачий ящик. Шерсть на его плечах и руках начинает медленно подниматься дыбом. Назревает очередной скандал. Что мне делать? Ударить его заранее, пока не поздно? Но я пробую сначала иначе, по-хорошему: обнимаю его за плечи, ласково уговариваю, и — смотрите-ка — он успокаивается и уже протягивает мне губы для поцелуя. Мир.

Потом он вознамеривается залезть на клетку попугая Агаты, хочет открыть шкафчик для инструментов, но каждый раз его удается спокойно «отговорить» от этого и увести. Ова в это время шаловливо бегаёт вокруг на двух ногах и размахивает руками. Потом она хватает клетку с маленьким какаду Джеки и осторожно несет его через всю комнату. Джеки от страха громко орет. Затем Ова обнаруживает кофейник, выпивает все, что в нем осталось, но, когда Бамбу толкает ее под руку, роняет кофейник на пол, и он разбивается. Это впервые. Обычно Ова с посудой обращается чрезвычайно аккуратно. Я ее ругаю. У нее делается такое вино-

ватое, несчастное лицо, что мне стоит немалых усилий остаться серьезным. Я велю ей собрать осколки и отнести их в помойное ведро. Она понимает. Берет один осколок и несет его через всю квартиру на кухню, потом приходит за вторым и несет его туда же, но на третий раз она решает поступить иначе: *берет в левую руку самый большой осколок, а правой сгребает на него все мелкие. Потом несет весь мусор на кухню.* Это маленькое происшествие произвело на меня большое впечатление. Ведь это был пример самого настоящего разумного поведения у обезьян, пусть в самом его зачаточном, скромном виде.

Только что я запретил Ове тыкать палкой в попугая Агату. Но пока я занят с Бамбу, разбойница уже опять стоит возле клетки с попугаем, и прямо видно, как ей не терпится снова ткнуть туда палкой. Ну просто руки чешутся! Раз, другой она приподнимает палку, воровато на меня оглядывается, но в этот момент Бамбу на четвереньках веселым галопом подскакивает к ней, и начинается дикая погоня. Обезьяны ловят друг друга за ноги, хохочут от удовольствия, лупят друг друга мешками. Меня чуть не сбивают с ног. Я жду, когда они немножко перебесятся и спустят пар. Тогда я беру самца-шимпанзе за руку и отвожу его в клетку. Он послушно идет со мной рядом и без всякого сопротивления возвращается в свое заточение.

После этого я стал его часто выпускать на волю, и мне кажется, будто его подменили — такой он стал веселый и довольный. Но когда я однажды вечером приношу обезьянам еду и хочу просунуть им ее в дверь, Бамбу вдруг силой протискивается мимо меня, и вот он уже снаружи. Я ругаюсь и пытаюсь его задержать, но тут он начинает беситься, набрасывается на меня и кусает за руку. Поскольку я очень неудачно стою в самом углу, то от его натиска не могу удержаться на ногах, скольжу и медленно оседаю назад, пока не оказываюсь распластанным на спине во всю свою длину. А этот черный бес вскакивает на меня верхом и расцарапывает мне лицо. Тогда и я начинаю по-настоящему злиться и, поскольку ноги у меня свободны, принимаюсь изо всех сил отбиваться ногами. Бамбу получает хороший пинок и отлетает в сторону, но пытается снова атаковать. Получает второй увесистый пинок, от которого отлетает к окну и испуганно там прячется. Я встаю, иду вслед за ним, хватаю его за руку, и он беспрекословно отправляется в клетку. Так мне во время этой непристойной потасовки удалось хоть частично одержать верх.

Абсолютно незлопамятный, как всякий порядочный шимпанзе, Бамбу уже минуту спустя подходит ко мне, чтобы осмотреть мои раны — в данном случае царапины на лице — и по-своему их «поврачевать». Сердце его еще бешено колотится, я вижу,

как пульсируют жилки у него на шее. Бамбу жалуется мне, что он тоже пострадал в этой потасовке, раскрывает рот и показывает шатающийся зуб. Я, признаться, здорово струхнул: это, наверное, я ему ногой выбил! Пока я ощупываю зуб, Бамбу сидит смирно, широко разинув рот. Зуб держится еще достаточно крепко, и я решаю пока оставить его на месте. Но Бамбу решает иначе. Он сам хватает зуб двумя пальцами и резким рывком его вырывает! Это был, как выяснилось, его последний молочный зуб. Он долго и тщательно осматривает его со всех сторон, а затем «дарит» мне — сует в руку, потом снова отнимает и засовывает в нагрудный карман моего пиджака (чтобы не потерял, по-видимому). На следующий день, когда я уже давно забыл об этом «подарке», Бамбу снова вытаскивает его у меня из кармана и пытается засунуть мне в нос.

Как только я приношу в шимпанзиный отсек свежую солому и впускаю туда эту парочку, Бамбу тотчас же сносит ее охапками в угол и устраивает себе пышное, мягкое ложе, на котором и укладывается с явным удовольствием. Лежит он, развалившись на спине и закинув ногу на ногу, а руки вольно разметав в стороны. Для Овы остается лишь какое-нибудь незначительное местечко с самого краю. Зато Ова любит сооружать себе «крепости» из соломы. Для этого она садится на голый пол и укладывает вокруг себя соломенный «веночек». Каждую соломинку, которую Муши протягивает ей из соседней клетки, она старательно вплетает в этот «веночек». Часто она в довершение еще сгребает краем ладони опилки и дополняет ими свою «крепость».

А детеныш орангутана Муши, тот на ночь полностью зарывается в солому. Когда он спит, то в клетке не увидишь ничего, кроме кучки соломы в углу. Если его окликнуть, солома зашевелится немножко, верхний слой приподнимется и из-под него выглянет пара любопытных карих глазок.

Дверь клетки Муши в отличие от шимпанзе обычно не запирается: она и так никуда не стремится уйти из своего «дома». Но однажды она вышла, целенаправленно подошла к ящику с опилками, набрала полный совок, снесла его к себе в клетку и там высыпала на пол. Значит, понадобились опилки.

Алюминиевую миску она часто надевает себе на голову в виде шлема. Муши вообще охотно напяливает себе на голову что попало: тряпку, бумагу или просто солому. Так делают все орангутаны. На воле для этой цели используются большие листья. Поскольку у них на затылке лысина — сквозь длинные редкие волосы виднеется голая кожа, — оранги, по-видимому, подобными головными украшениями спасаются от укусов насекомых, которыми кишат их родные влажные тропические леса.

Однажды я зашел в клетку к маленькому орангу, растянулся во весь рост на полу и притворился спящим. Перед тем как лечь, я выбросил тлеющий окурок сигареты через решетку на цементный пол. Муши тут же открывает дверь, подбирает окурок, трясет рукой, мнет в пальцах — старательно гасит огонь. Потом с удовольствием... съедает его. Поскольку я продолжаю делать вид, что сплю, Муши подкрадывается ко мне, исследует мой костюм, приподнимает полы пиджака. Под конец она больно щиплет меня за ногу — вот тебе! — и поскорей удирает прочь.

Поскольку Муши отъявленная домоседка, то я не только ее клетку, но и дверь в цокольное помещение оставляю открытой, когда чем-нибудь там занимаюсь. Но в один прекрасный день на Муши неожиданно подул «ветер дальних странствий». Вприпрыжку она пересекает всю комнату и карабкается вверх по лестнице в переднюю. Там она забирается на шкаф и не желает больше оттуда слезать! Никакие просьбы и угрозы не помогают. Она надувает щеки, дует на меня и замахивается руками, когда я пытаюсь ее силой стащить со шкафа. Я напяливаю коврик на половую щетку и тычу ею в орангутенка. Он ужасно пугается страшной штуковины, однако не удирает от нее, а храбро пытается с ней сражаться, пуская в ход руки и ноги. Когда мне наконец удается схватить Муши за ноги и силой стащить со шкафа, она вместо того, чтобы бежать по лестнице вниз к своей спасительной клетке, судорожно вцепляется в настенный шкафчик, в котором находятся электросчетчики. Шкафик почти срывается со стены, до того крепки объятия такого испуганного орангутана. Потом эта упрямица пробует залезть по перилам внутренней лестницы на второй этаж. Я загораживаю ей дорогу, и тогда Муши, без всякого видимого для этого повода, бросается ко мне, повисает, обхватив меня своими длинными руками вокруг бедер, и в таком висячем положении позволяет отнести себя вниз по лестнице в свою клетку. Наверное, все же трудно такому осиротевшему детенышу разобраться одному в этом большом и непонятном мире!

Оба наших шимпанзе, Ова и Бамбу, как я уже говорил, для директора Берлинского зоопарка не просто обычные зоопарковские животные, они его «дети». Он ведь собственноручно привез их из Африки и всячески заботился о них, пока они были еще маленькими. Поэтому, когда он четыре месяца спустя решил нанести нам визит, мне было особенно интересно, как встретят его питомцы. Узнают ли?

Когда раздался звонок, я взял Ову за руку и повел вверх по лестнице. Но стоило мне лишь открыть дверь, как она с воплем радости бросилась директору на шею. Потом уселась у него на коленях, обнимала его и гладила по голове. Было очень трогательно.

тельно на это смотреть. Что касается Бамбу, которому сквозь решетку протянули руку для приветствия, то тот не очень любезно встретил своего благодетеля.

Директор обрадовался, увидев, что взрослая самка-шимпанзе в жилой комнате, где можно было бы здорово набедокурить, ведет себя так прилично и воспитанно. Разумеется, под присмотром, конечно! Одну ее нельзя оставить даже на пять минут. А так, сидя в нашем обществе, она лишь нерешительно и скромно протягивает руку к стакану с пивом, очень довольна, когда ей разрешают поднять его и отпить глоток. Потом она снова осторожно ставит его на стол. Ее пристрастие к курению и алкогольным напиткам вообще вызывает удивление. Когда ей в руки попадает кусок мыла, она тоже всегда норовит от него откусить. Может быть, ее просто привлекает все запретное? «Запретный плод», как известно, сладок — с детьми ведь тоже происходит нечто подобное.

Есть люди, приходящие в восхищение от львов, тигров и волков, но несколько презрительно улыбающиеся, когда речь заходит о человекообразных обезьянах: смешные, мол, какие-то существа. А что в них, собственно говоря, такого смешного? Интересного — да. Удивительного — тоже. Но что смешного в том, что они по своему телосложению больше всего напоминают человека? Что по своему умственному развитию они превосходят всех других животных, значительно перегнав в этом отношении наших любимых друзей — собак? И в том, что у нас с ними так много общих характерных черт? Что тут смешного?

Я приглашал некоторых таких «скептиков» к нам домой и сажал Ову вместе с нами за стол. И тогда многих из них брала прямо-таки оторопь, когда они видели, как привычно и уверенно вела себя за общим столом обезьяна, с какой спокойной серьезностью брала в руки сумочку рядом сидящей дамы, открывала ее и выкладывала на стол и рассматривала один за другим находившиеся в ней предметы. Может быть, это и выглядит очень забавно, точно так же, как если бы это делал маленький ребенок. Обоими в подобных случаях движет отнюдь не шаловливость, а исследовательский инстинкт, острая любознательность по отношению к незнакомым предметам, столь характерная для маленьких детей и обезьян. Все вновь и вновь возникают ситуации, когда начинает казаться, что за столом с нами сидит не животное, а какой-то доисторический человек, который с удивлением и вождением ощупывает висящее на шее у гостя красное ожерелье. Увидев такое, некоторые из гостей начинают предполагать, что человекообразные обезьяны наверняка и говорить умеют, и бывают очень разочарованы, узнав, что это не так. И все же

должен признаться: неумение говорить у обезьян мне значительно милей, чем бессвязное бормотание говорящего попугая. Когда я вечером прихожу домой, Ова и Бамбу уже поджидают меня, сидя на корточках возле дверей своей клетки. Я говорю им «добрый вечер», и Бамбу начинает со мной «беседовать». Сначала он тихо произносит «ух, ух, ух», причем «у» на выдохе, а «х» на вдохе. Я отвечаю ему тем же образом, он постепенно все убыстряет темп, «говорит» все громче, пока не доходит до восторженного крика, и затем пускается в радостный пляс, ритмично пристукивая пятками об пол. Стоит мне просунуть руку меж прутьев, держа ее открытой ладонью кверху, он во время танца то и дело хлопает по ней своей большой черной лапой. Никогда в жизни Бамбу при таких обстоятельствах не укусит и не ударит меня. Об Ове и говорить нечего. Но и мы их тоже никогда не дразним и не смеемся над ними. Так что они нам полностью доверяют, и, когда у них случаются какие-нибудь маленькие неприятности — ссадины или царапины, — они сейчас же обращаются к нам за помощью, что меня всегда очень трогает.

Мне подарили лимон для обезьян. Каждый получает половину. Ова тут же впивается зубами в свою и смачно жует, хотя лицо ее и кривится от кислоты. У Бамбу же маленькая ранка на руке, и кислый сок начинает ее разъедать. Он лижет больное место, а потом и совсем откладывает лимон в сторону. Ова не теряется и сразу же берет его себе. Я приказываю ей сейчас же отдать похищенное Бамбу, но требую от нее явно слишком много: она не в силах этого исполнить. Зато *мне* она готова отдать половинку лимона без разговоров. Я снова протягиваю лимон Бамбу, который на сей раз берет его с большой осторожностью и ест дальше.

Бамбу вообще ест всегда спокойно и смакует то, что ест. Если я даю ему две вкусные вещи одновременно, он берет одну в левую, а другую в правую руку и откусывает попеременно то от одной, то от другой. Ова в отличие от него ест всегда поспешно и жадно. Настроение у нее тоже быстро сменяется. Только что она мирно играла в отсеке орангутана с таксой Питтом и маленькой Муши. Но тут я открываю снаружи задвижную дверцу между двумя отсеками и велю Ове перейти к Бамбу. Ее дико возмущает мое вмешательство, и, чтобы сорвать на ком-нибудь зло, она швыряет Питта, которого только что нежно держала на руках, с размаху на кучу сена, дергает Муши как следует за ногу и исчезает в соседнем отсеке. Поведение тоже очень схожее с человеческим: вымещать зло на более слабом...

Или такой случай. Ова находится у меня в кабинете. Моя жена решила с ней пошутить и, переодевшись в шубу, с мохнатым

полотенцем на голове и в маске входит в комнату; при этом она еще и в гонг ударяет. Увидев такое чудище, Ова сначала, разумеется, удирает. Но потом, подняв руки кверху, осторожно начинает приближаться к непонятному существу. Любопытство, видимо, взяло верх над страхом. Я отзываю ее, а моя жена, присев на корточки, подзывает к себе. Ова подходит и хочет сорвать маску с ее лица. Тогда моя жена внезапно издает громкий писк, и Ова огромным прыжком отскакивает назад, почти перелетев через стол. Я подхожу к ней, успокаиваю, она набирается храбрости и снова подкрадывается к «незнакомцу», правда, на сей раз сзади. Внезапно перейдя в атаку, она отвешивает этой странной, присевшей на корточки фигуре сильный пинок, так, что та, потеряв равновесие, летит вперед и сильно ушибается об угол письменного стола. При этом моя жена громко вскрикивает уже своим обычным голосом, и Ова тут же убегает. Обезьяна совершенно сбита с толку и страшно расстроена, губы у нее дрожат. Она садится в угол, а обе таксы, Питт и Мики, обрадовавшись такому повороту дела, подбегают к ней и начинают изо всех сил ее облаивать. Собачий лай злит обезьяну, она хватается в руки половик и замахивается на пустобрехов. Ова так напугана и расстроена, что мне приходится поскорей отвести ее в клетку. Но и там она никак не может прийти в себя и успокоиться. От волнения у нее начался понос. Значит, и это у нас с ними общее: от испуга у нас ведь тоже иногда случается «расстройство внутреннего устройства»...

Но настает день, когда павильоны зоопарка уже снова вчерне отремонтированы и мои постояльцы могут вернуться обратно. К дому подъезжает зоопарковская машина. Ова и Бамбу, распираемые любопытством, повисают на окне. Когда они увидели Пауле, старого служителя обезьянника, восторгу не было конца. Правда, когда он вошел, Бамбу было набросился на него, но, услышав грозный окрик, которому с малолетства привык подчиняться, тут же успокоился.

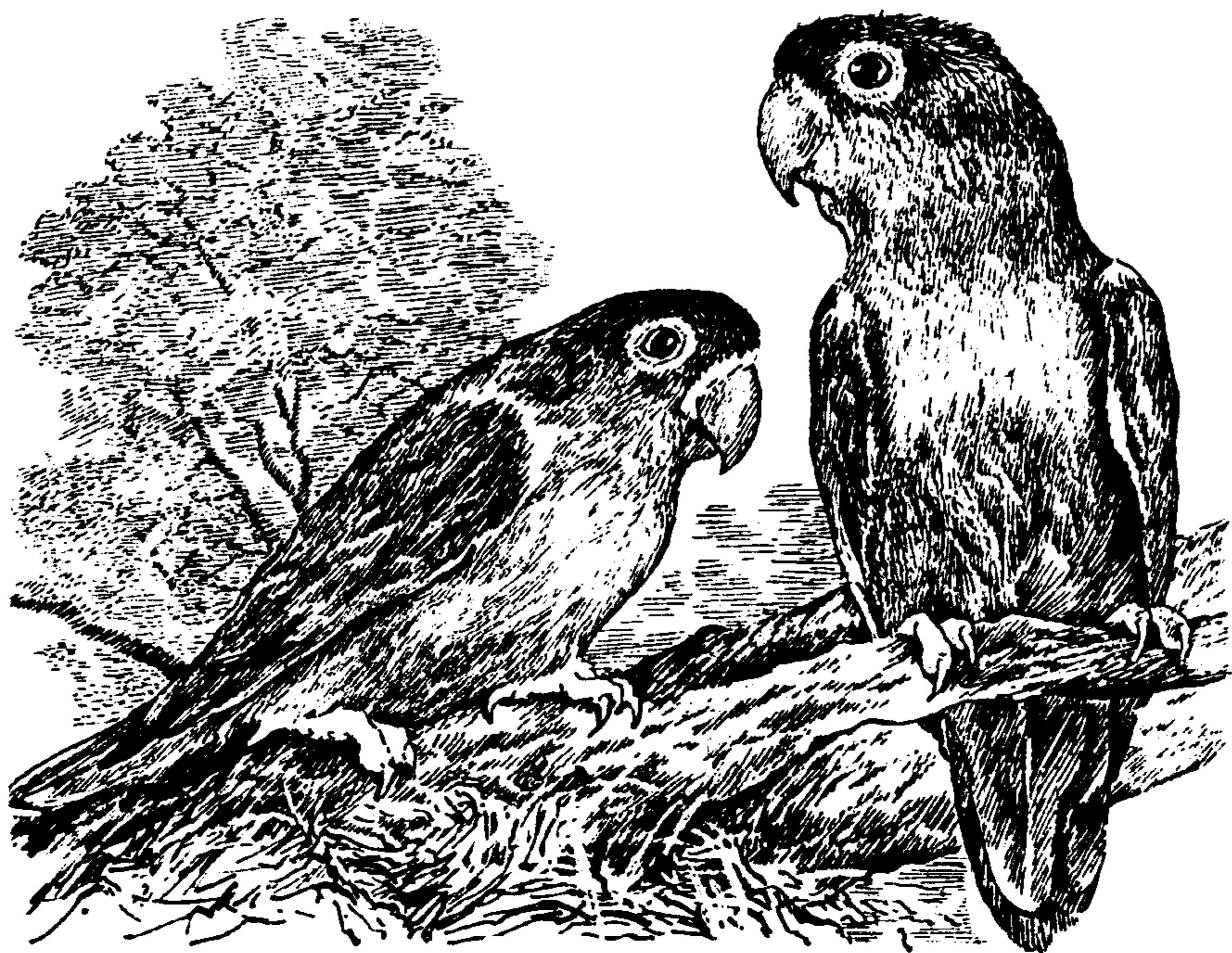
Перед домом стоит большой транспортный ящик, в котором обезьянам предстоит ехать. Ова упорно сопротивляется — она не желает уезжать. Пауле приходится наградить ее парой увесистых шлепков. Она жутко обижается, кричит, ее приходится насильно втаскивать за ошейник, и под конец она, надувшись, сидит внутри: отказывается принять любимое лакомство, никому не дает на прощанье руку, даже мне. Не хочет с нами иметь дела. А Бамбу на удивление безропотно заходит в транспортный ящик. Маленькую Муши четверо здоровых мужиков с трудом водворяют в ее «купе». Потом все присутствующие дружно хватаются за ящики и зад-

вигают их на платформу грузовика. Все. Заработал мотор, машина отъезжает.

К людям, с которыми вместе пришлось пережить тяжелые времена, быстро прирастаешь душой. То же самое относится и к животным. Как часто мои мысли возвращались к Ове, Бамбу и Муши! Как мне их не хватало!

И тем не менее мне не суждено было их больше увидеть. Три месяца спустя оба шимпанзе внезапно погибли от инфекционного желудочного заболевания типа дизентерии. Муши же увезли в Копенгаген, где она прожила еще несколько лет под опекой заботливого директора зоопарка доктора Ревентлоффа.

Глава восьмая

ВЕРНЫ ЛИ НЕРАЗЛУЧНИКИ?

Во всем виновата, собственно говоря, старая клетка. В один прекрасный день я наткнулся на нее, когда искал что-то на чердаке. Она была все такой же красивой и прочной, покрытой красным лаком, как много лет назад, когда я, будучи еще студентом, собственноручно ее изготовил. Кто только с тех пор в ней не перебивал! Целая семейка канареек, которая потом, во время переезда, разлетелась по всему мебельному фургону, и толстый грузчик, изрыгая проклятия, был вынужден в темноте елозить по всем столам и шкафам, чтобы их снова изловить! Через год в клетке осталась лишь одна нахальная самочка-канарейка, к которой подселили пятерых волнистых попугайчиков. Я все удивлялся, почему у них у всех такие короткие обтрепанные хвосты, пока не выяснил, что эта негодяйка, оказывается, вцепляется им клювом в длинные хвостовые перья и заставляет возить себя по всей клетке! А потом в ней жила еще белочка, которую я за пятьдесят пфеннигов освободил от ее мучителей — трех уличных мальчишек.

Так что именно красная лакированная клетка была виновата в том, что, обнаружив ее, я несколько дней спустя купил пару неразлучников. Их научным названием ученые попали прямо в точку: *Agarornidae* (от слова *agarein* — любить и *ornis* — птица, значит «Птицы любви»; а французы дали им имя *inseparables* —

неразлучники. Но в то время как волнистыми попугайчиками на сегодняшний день уже никого не удивишь — они есть почти у каждого, неразлучники, эти толстенные коротышки с их ярко-красными клювами, иссиня-черными, а иногда зелеными головками, с белыми ободками вокруг глаз, сверкающей желтой грудкой, продолжают вызывать у людей неизменное удивление. А поскольку для таких редких красавцев старая клетка оказалась явно мала, я притащил домой еще другую, огромную клетку, в которой можно было свободно летать, да притом еще с «ванной», гнездовым ящиком, множеством перекладин и тремя фунтами чистейшего белого песка.

Жоринда и Жорингель в зоомагазине, где я их приобрел, таких удобств явно не имели. Поэтому, завидя гнездовой ящик, они мгновенно его обследовали со всех сторон, потом — шмыг туда, и прощайте! С тех пор они меня уже больше не посвящали в подробности своей семейной жизни, хотя я поставил клетку рядом с письменным столом, чтобы иметь возможность лучше за ними наблюдать. Но меня ведь целыми днями не было дома, а когда я вечерами или ночами сидел и писал за письменным столом, то все, что мне удавалось увидеть, был обведенный белым ободком глазик, который сквозь леток наблюдал за мной весьма недовольно и подозрительно... Стоило же мне выйти из комнаты, как оттуда уже слышалась их возня и громкое щебетанье. Чаше всего они при этом ссорились. Сквозь замочную скважину мне удавалось подглядеть, как они купались, обедали, нежно «целовались» клювами, как Жорингель падал перед Жориндой «ниц», то есть бросался грудкой на песок и трепетал крылышками, а она благосклонно внимала его мольбам. Но стоило мне взяться за дверную ручку, как оба — швыр-р! — кидались сломя голову в свой гнездовой ящик, чуть не опрокидывая его, и там затаивались. И только обведенный белым глаз сердито преследовал каждое мое движение...

Однако когда моя жена ложилась у меня в кабинете на диван, чтобы вздремнуть часок после обеда, они вели себя уже отнюдь не так застенчиво: выскакивали в клетку, прыгали, галдели и устраивали такой спектакль, что она вскоре просыпалась от этого шума. Но не успевала она протереть глаза, как они уже исчезали, и только стража бдительно следила в «глазок». Прямо черт знает что за досада! Я ведь собирался фотографировать этих нарядных франтов! Но, честное слово, легче подкрасться в лесу к пугливой серне и поймать ее в кадр, чем снять этих продувных бестий, проживающих всего лишь в полуметре от моего письменного стола! Стоило мне только поставить камеру на треножнике наизготове перед клеткой, как настороженный глаз впивался в объ-

ектив, и можно было ждать часами — птицы не появлялись из своего убежища. Если же я, потеряв всякое терпение, открывал крышку гнездового ящика и вытаскивал оттуда этих упрямец, они в молчаливом отчаянии забивались в какой-нибудь угол клетки и со съемкой опять ничего не получалось. В конце концов мне пришлось снимать их буквально «скрытой камерой», задрапировав ее ковром и нажимая на спуск дистанционного управления из соседней комнаты. Вот до чего дошло! Прямо как настоящая охота с фоторужьем на крупных хищников в самых диких джунглях!

Правда, прошло какое-то время, и Жоринда с Жорингелем сделались постепенно доверчивей. А добился я этого совсем несложным способом: я просто-напросто поставил их клетку в столовую, куда целый день кто-то постоянно заходил. И тут им их игра в прятки быстро надоела. Вскоре уже все было наоборот: когда они своим громким щебетанием мешали нам говорить по телефону, их буквально невозможно было загнать в ящик. Они тут же, сердито ругаясь, появлялись из него снова.

Теперь, между прочим, у них было и дел по горло. Каждый день им приносили пучок тонких ивовых веточек, которые к вечеру бесследно исчезали. Они вдвоем хватали их клювами, тянули и затаскивали в ящик, потом выносили снова наружу и работали так неистово дотемна, пока, наконец, все не лежало аккуратно в гнездовом ящике, расщепленное на мельчайшие кусочки. Просто не верилось, что в таком небольшом ящичке может исчезнуть ну буквально воз ивовых веток!

В один прекрасный день в нем появилось маленькое белое яичко, а потом и второе. Теперь оставалось подождать три недели и... Но я прождал еще лишнюю неделю, затем посмотрел яички на свет — они все оказались болтунами! Когда потом в течение нескольких месяцев и все последующие кладки оказались неоплодотворенными, я рассердился, упаковал неплодовитую парочку в две картонные коробочки и снес назад в магазин, к торговцу птицами. Он подул Жоринде на брюшко, заявил, что она прямо создана для производства потомства, а Жорингеля обменял на другого самца — Жорунгеля.

Я легко согласился на такой обмен, а Жоринда — нет. Что за ругань и свара поднялись в клетке, как только их туда выпустили! Шесть недель Жоринда не желала знать своего нового партнера и хранила верность Жорингелю. Каждый раз, когда Жорунгель приближался к летку, ведущему в их «спальню», оттуда стремглав высывалась злющая и кусачая фурия...

Супружеские пары, бывающие у нас в доме, тут же, конечно, делали далеко идущие сравнения: «Вот посмотри-ка! Небось если бы я умер, ты бы никогда так...» и т. д.

Верная своему прежнему супругу, Жоринда стала пользоваться всеобщей симпатией. Но время залечивает раны, и в один прекрасный день Жоринда и Жорунгель уже сидели рядышком в своем гнездовом ящике. Однако яйца по-прежнему оставались неоплодотворенными. Я уже стал было сомневаться в своих познаниях в качестве ветеринара, поэтому пошел на такой скверный шаг, как повторное разрушение безжалостной рукой только что наладившейся супружеской жизни. У каменщика, живущего напротив меня и так часто приходящего мне на помощь, когда надо было что-то починить, дома имелся такой же попугайчик. Самочка. Она сидела в клетке вместе с очень редким карликовым попугаем из Африки и уже неоднократно пыталась его «соблазнить». Мы решили поменяться: я отдал ему свою Жоринду, а он мне свою самочку, которую тут же окрестили Жорундой.

Надо сказать, что Жорунгель быстро утешился и очень скоро забыл свою бывшую «половину»...

«Ну вот, видите!» — возмущались дамы нашего окружения.

И Жорунда с Жорунгелем превратились в символ супружеской неверности, заслужив всеобщую антипатию.

А наша Жоринда, между прочим, попав в клетку к дорогостоящему африканскому попугаю (привезенному непосредственно из Африки, а не выведенному здесь, в стране!), в первую же ночь его зверски уколошила!

В ту же ночь, когда я страшно усталый уже собирался рухнуть в постель, я вдруг услышал, что попугайчики выбрались каким-то образом из клетки и летают по кабинету. Когда я вошел, Жорунгель сидел наверху, на стеллажах. А стеллажи у меня занимают полностью две стены в комнате, и боковые стенки их скреплены между собой болтами. И вот именно за такой стеллаж провалился с испугу Жорунгель! Когда я попытался выудить его оттуда, шаря сверху между стенкой и стеллажом палкой от швабры, внезапно сорвалась со стены картина с изображением моего родного города Нейсе и соскользнула вниз как раз в том месте, куда провалился несчастный попугайчик. Он не издал даже писка. Но оставалась все же надежда, что он жив. Скорей пиджак долой и давай выгружать книжные стеллажи — сначала средний, потом два по бокам, — чтобы добраться до скрепляющих их болтов; потом тяжеленный стеллаж пришлось отодвинуть от стены, и все это посреди ночи, а завтра на работу. Под конец оказывается, что попугайчик все-таки погиб под тяжестью города Нейсе... Я взял

его за хвост, положил на письменный стол и, опечаленный его бесславной кончиной, залез наконец в постель.

Но на другое утро Жорунгель сидел живехонький, как ни в чем не бывало, на клетке и всячески пытался пробраться внутрь, к своей Жорунде. Значит, все же не зря я потрудился этой ночью!

С тех пор много воды утекло, и с нашими неразлучниками еще всякое бывало. Так, они изорвали, например, тюлевую занавеску, которую ветер поднес слишком близко к их клетке; они обкусили до крови ноги волнистому попугайчику Петеру, которому иногда разрешалось свободно полетать по комнате и который, подыскивая себе компанию, все снова и снова садился на клетку неразлучников. А когда я ставил его клетку на ту, в которой жили неразлучники, они всячески старались скинуть его вместе с клеткой на пол. И небезуспешно. Иной раз клетка с волнистым попугайчиком висела уже на честном слове, сдвинутая совместными усилиями этой воинственной парочки на самый край. А вот потомства у них так и не появилось, хотя прошло уже несколько лет с тех пор, как они «поженились».

«Но уж эти двое должны остаться вместе навсегда!» — решили все наши знакомые, и так тому и быть.

Значит, не суждено мне вывести у себя дома маленьких неразлучников.

Глава девятая

МОЙ ДРУГ СЕНТА

Не знаю, много ли на свете людей могут утверждать, что у них есть или был *настоящий* друг. Я имею в виду не просто человека, к которому ты привык и привязался душой. А такого, который остается твоим другом и тогда, когда вы оба хотели занять одну и ту же должность, а получил ее ты. Вот такого. То же самое касается собак. Настоящего верного и преданного друга среди собак встретишь в жизни в лучшем случае один раз, не больше, это я знаю точно.

И приобретаешь такого друга, как правило, совершенно случайно, неожиданно, как это бывает обычно и с людьми.

Был я тогда еще студентом и подрабывал для заработка приглядывать за одной усадьбой, расположенной примерно в тридцати километрах от Берлина. А поскольку находилась она прямо в лесу и два работника жили в отдельной пристройке, то я счел благоразумным приобрести себе цепного пса. Вскоре мне сообщили, что в соседней деревне один человек готов продать мне такую собаку. Я сел на велосипед, поехал туда и быстро договорился с хозяином о покупке. Красивой эту собаку никак нельзя было назвать. Скорей всего, это была неудавшаяся овчарка, слишком приземистая, и к тому же хвост свой она большей частью носила гордо загнутым кверху... Но для меня

тогда это роли не играло. Я заплатил свои пять (!) марок за собаку вместе с цепью, сел на велосипед и покатыл с ней вместе домой. Звали ее Сента.

На другое утро на собачьей будке висела только цепь. Собаки не было.

Через некоторое время явился ее бывший хозяин, ведя на веревке Сенту и в придачу ее маленького сына, заявив, что без него она все равно у меня не останется. Таким образом, я за свои пять марок приобрел сразу двух собак!

Теперь я уже и не помню, как звали щенка и как он вообще выглядел. Но вот что я хорошо запомнил, это то, что он на другое же утро задушил двух моих черных антверпенских карликовых кур, разведением которых я как раз в то время занимался. Эта редкая прелестная порода сохранилась тогда в моей стране только у двух владельцев, и каждая курочка стоила около тридцати марок. Отпрыск Сенты подтащил их к будке своей мамы, где и состоялся праздничный обед, о чем свидетельствовали валявшиеся на земле крылья. По всей вероятности, Сента сочла этих крошечных черных пернатых за ворон или еще каких-нибудь диких птиц, во всяком случае, не за домашних кур. Значит, о наказании, по правде говоря, не могло быть и речи, потому что кто же может обвинить собаку в том, что она не способна отличить редкую бельгийскую породу кур от обычных? Но я был так взбешен, что не стал пускаться с ней в объяснения, а тут же преподал ей урок «того, что нельзя делать». Во всяком случае, и мамаша и сынок получили изрядную трепку. И это был один из тех двух раз в жизни, когда мне пришлось наказать Сенту.

Никогда больше Сента не тронула ни одну из моих карликовых курочек, будь то антверпенские или японские хабо с их вертикально поднятыми хвостами, или пестрые Mille fleurs, или «тысячелистники» с их пушистыми «сапожками» на ногах. Более того, Сента очень быстро уразумела, что именно только этим маленьким благородным персонам разрешено разгуливать в саду перед домом, а назойливым белым леггорнам вход туда запрещен. Эти нахальные простушки, которых в имении было сто пятьдесят штук, содержались отдельно на птичьем дворе с одной лишь скучной целью получения от них яиц. Целыми толпами они старались проникнуть через забор в сад. По-моему, «в душе» они надо мной потешались: стоило мне их прогнать, как они только для проформы не спеша отбегали в сторону с тем, чтобы сразу же возвратиться, едва я повернусь к ним спиной.

О Сента, та умела с ними справляться! Мне даже не пришлось ее этому обучать, она сама сообразила, что нахальным белым курам в саду делать нечего и их надо оттуда выгонять. Она исполняла эту службу с таким рвением, что белоперый народец, громко кудахча, бегал взад и вперед вдоль забора, ища выхода, и, не найдя его, с отчаянным криком перелетал через ограду, причем перья так и брызгали во все стороны. А на коротконогих маленьких «японцев», которые во время такой баталии опасно жались где-нибудь в углу, Сента не обращала ни малейшего внимания — те неприкасаемые. Надо сказать, что и леггорнов она по-настоящему никогда не кусала, а лишь гнала их прочь. Вскоре сад перед домом сделался для белых кур табу: они обходили его стороной и опасались хуже чумы.

Но у этих леггорнов были еще и другие вредные привычки, которые приносили мне немало огорчений. Например, многие из них не желали класть свои яйца на специально приготовленные для этой цели насесты, устланные мягкой соломой. Нет, отдельные, романтично настроенные особи предпочитали нестись где-нибудь под сиреневым кустом или в зарослях терновника. Из-за этого мы бывали вынуждены устраивать изнуряющие поиски яиц, словно на Пасху, когда для развлечения детей в разные места прячут шоколадные яички. Сента же, которую давно уже не привязывали на цепь, и здесь проявляла свою смекалку и всегдашнюю готовность помочь. Она быстро находила все «контрабандные» яйца и приносила нам их одно за другим в своей пасти, причем целехонькими! Редко когда на каком-нибудь из них оставалась маленькая вмятинка от ее острых зубов.

Но это не значит, что она не знала достойного применения своим зубам. Еще как знала! Но только тогда, когда получала на это разрешение. Стоило появиться кому-то чужому, как шерсть на ее загривке поднималась дыбом, она смотрела то на него, то на меня, опять на него, и, если я подавал ей тайный знак (сжимал за спиной пальцы в кулак), собака тут же набрасывалась на пришельца. Но после того как мне пришлось неоднократно оплачивать разорванные брюки и бинтовать покусанные ноги, я стал осторожней с подобными «шутками». Тем не менее я и сегодня продолжаю придерживаться мнения, что «настоящая» собака должна уметь в нужный момент уку-сить. Большинство современных изнеженных собак даже забыли, как это делается!

Тот, кто постоянно живет в городе, даже представить себе не может, как по-разному чувствует себя человек в глухой, отдаленной местности — с собакой и без собаки. Тот, кто в городе

что-нибудь натворил, мог не бояться, что его выследят сельские жандармы или узнают по расклеенным приказам о разыскиваемых преступниках с указанием их примет. Достаточно ему было сесть в трамвай, и через сорок минут он уже исчезал, затесавшись в толпу на Александерплаце. Так что, возвращаясь после лекций в университете ночью домой через лес (а с конечной остановки электрички надо было пройти лесом еще восемь километров), у меня порой появлялось ощущение, что вот сейчас из-за дерева кто-то выскочит и даст мне дубиной по голове. Темные, высокие и узкие кусты можжевельника чертовски напоминали фигуры затаившихся людей. Как раз через эту самую лесную дорогу год назад один преступник в темноте протянул веревку и ждал своей жертвы. Однако маляр, который первым зацепился и упал, уже держал наготове пистолет и выстрелил, не долетев еще до земли, так что ему удалось прострелить разбойнику руку.

Когда же я добирался до своего двора, то чувствовал себя уже значительно уверенней. Если ночью собаки начинали разоряться, например, из-за того, что воры приходили срезать вербу внизу возле пруда (и срезали ее под самый корень с тем, чтобы продавать в городе на Пасху), я обычно лишь совал поскорей ноги в сапоги (босиком я чувствую себя всегда как-то неуверенно) и в одной ночной рубашке, в сапогах и с пистолетом в руках обшаривал весь участок. И ничего не боялся, зная, что за дверью никто не может стоять, а тень напротив не может быть кем-то, потому что тогда собаки вели бы себя совсем иначе.

Однажды при подобных обстоятельствах Сента прямо-таки спасла меня от несчастья. Ночью я услышал шум в конюшне, выбежал во двор в своем обычном экзотическом наряде и увидел, что какой-то парень вывел из стойла нашу сивую кобылу и запрягает ее в бричку. Вот негодяй проклятый! Если я его сейчас окликну, он тотчас вскочит в повозку — и поминай как звали. Тогда стреляй в пустой след — какой толк? Так что лучше уж сразу выстрелить, ничего не дожидаясь. Но когда я уже начал целиться в него своим маузером, то внезапно сообразил, что тут что-то не так: почему Сента не бесится от негодования, а только слегка лает «для порядка»? Мне это показалось странным. Решил подойти поближе, окликнул и что же? Это, оказывается, наш сосед из ближней усадьбы.

— Я не хотел вас будить и беспокоить, — объясняет он, — вам ведь и без того рано вставать! А тут, видите ли, мой папаша в деревенской пивнушке перебрал лишнего. Там, за лесничеством, он свалился и не может даже ногой пошевелить. Вот я и решил

быстренько за ним съездить на вашей голубой таратайке; надеюсь, что вы не против, правда же?

А я прямо онемел от ужаса — что я мог натворить! Теперь я почувствовал необыкновенное облегчение и даже был не в силах выругать этого дурака. Не будь Сенты, я бы нажил себе заклятого врага на всю жизнь, а могло еще и похуже для меня кончиться...

Сента — здоровая и крепкая собака. Каждый год у нее бывал хотя бы один помет. Причем от самых разных деревенских кобелей, которые по ночам прибегали издалека и подкрадывались к нашей усадьбе. Первый раз, когда Сента собралась щениться, она, словно лисица, выкопала себе для этой цели глубокую нору, и мне пришлось заползть туда по самый пояс, чтобы вытащить ее шестерых щенят, еще мокрых и обвалянных в песке, словно в панировочных сухарях...

Все эти щенята и все последующие отправлялись в никуда еще до того, как их слепленные глазки успевали открыться и увидеть Божий свет. Только один раз суждено было случиться иначе.

Я был молод. И влюблен. Предмет моей страсти был прелестен и безнадежно глуп, с пышной светлой шевелюрой и восемнадцати лет от роду. И надо же было ей как раз гостить у меня, когда у Сенты ожидалась очередная щенка. И хотя гостья не умела отличить пшеницу от ячменя, а быка от коровы, тем не менее я ни в чем не мог ей отказать. Каким-то образом она прослышала о предстоящем «убиении младенцев» (хотя ей совершенно незачем было об этом знать), ужаснулась — ах, бедные щенятки! — взмолилась их не трогать, и я, дурак, конечно, согласился.

Ну разумеется, такие маленькие смешные существа, когда им всего пара недель от роду, могут доставить немало развлечений. Правда, проснувшись утром и спустив босые ноги на холодный пол, обнаруживаешь, что тапочки твои исчезли, а когда, чертыхаясь, идешь их искать, то находишь растерзанными в клочья на навозной куче. Когда белье для отбеливания на солнце разложено на траве, Сентины детки непременно пройдутся по нему грязными лапами. Схватив рубаху за оба рукава, они играют в «перетягивание каната» и рвут каждый в свою сторону. Когда сидишь за столом, то внезапно чувствуешь, что кто-то с аппетитом смачно жует шнурки от твоих ботинок.

Но щенки имеют тенденцию расти. Сента вскоре решительно «отлучила их от груди», и я, ей-богу, мог бы выкормить двух свиноматок всей той картошкой, хлебом и молоком, которые поглощали эти семь собак. Что с ними станет, когда они вы-

растут? Куда их девать? Так что в один прекрасный день их стало уже только шесть и моя маленькая гостья — сама наивность — узнала, что одного унес ястреб...

Но этот злой «ястреб» на том не остановился. Он стал прилетать каждый день и уносить по одному щенку. Мне приходилось отвечать на недоуменные вопросы. А потом, когда оказалось, что «ястреб» в образе конюха унес и последнего, шестого щенка, голубые глазки вдруг прозрели и я был подвергнут жесточайшему допросу, после чего понес жестокое наказание...

А Сента, та, казалось, нисколько не огорчилась, что кончилась бесконечная возня в доме и установился прежний порядок. Для нее материнская забота заканчивалась в тот момент, когда она отлучала свое потомство «от груди», и, если щенки после этого еще пытались лезть к ней, желая повозиться и неуклюже побороться, она умела довольно сурово поставить их на место. Они ей быстро надоедали. То же самое, между прочим, относилось и к человеческим деткам. Когда они слишком назойливо к ней приставали, она молча поднималась с места и уходила в сторону. Если же какой-то ребенок с ревом прибежал пожаловаться на Сенту, показывая кровоподтек на коленке, то я точно знал: он собаку мучил или дразнил. Ничего так не вредит воспитанию характера у детей, как собака, прощающая им любое бездумное мучительство.

Иной раз, подняв голову от письменного стола и глядя, не отрываясь от своих мыслей, на дикую грушу, одиноко возвышавшуюся посреди ржаного поля, я вдруг чувствовал, что Сента положила мне голову на колени и терпеливо ждет, когда я обращу на нее внимание. Сидит она так, вероятно, уже давно, и поза для нее не самая удобная, но она не шевелится. Лишь заметив на себе мой взгляд, она благодарно притискивается поближе ко мне и ее лучистые карие глаза смотрят на меня нежно и преданно. Чтобы не отрывать голову от моих колен, ей приходится, глядя на меня, забавно морщить лоб, и это меня всегда очень трогает. Она не просто привязана ко мне, она меня любит.

Когда я уезжал в Берлин на пару дней, то Сенту с собой никогда не брал — она мне казалась для города недостаточно авантажной, такая дворняжка. И что же это каждый раз было за душераздирающее прощание! Сента никак не могла, не хотела меня отпускать.

Владельцу усадьбы, к которому я тогда нанялся, пришла в голову блестящая идея завести вместо пикапа моторную лодку. На таком модном транспортном средстве очень приятно кататься

воскресными летними днями по озерам. Но когда на подобной штуковине приходится добираться с вещами до места назначения, да еще если это происходит ноябрьским вечером, когда в темноте не видно ни зги, тогда такое «морское катание» превращается в настоящее бедствие. Поднимаясь вверх по реке Мюггельшпрее, из-за клочьев молочно-белого тумана часто не знаешь, как объехать торчащее из воды дерево — то ли слева, то ли справа; именно там, где предполагалось быть воде, оказывалась трава, а сев на мель, приходилось брести по шиколотку в воде через болотистые луга, чтобы призвать кого-нибудь на помощь. Словом, большое «удобство».

Каждый раз, когда я уезжал на лодке, Сента бежала по берегу, стараясь не терять меня из виду. А поскольку моторная лодка вниз по течению летела с молниеносной быстротой, то собака забегала сначала намного вперед, кидалась в ледяную воду и плыла наперерез лодке. И так несколько раз подряд, напрасно расходуя силы и ничего не добиваясь. Пока я наконец, стараясь не глядеть в ее умоляющие глаза, не приказывал ей вернуться домой. Тогда она садилась где-нибудь на возвышении в излучине реки и смотрела мне вслед до тех пор, пока я, оглянувшись в последний раз, мог уже различить одни лишь острые кончики ее ушей. Я понимал, что расставание для собаки было всегда значительно тяжелей, чем для меня, потому что я-то знал, что через несколько дней вернусь назад и мы снова увидимся. А ей, безусловно, каждый раз казалось, что мы расстаемся навсегда...

Пока она действительно не наступила, эта «разлука навеки». Я переезжал в город, а Сента оставалась там. Я утешал себя тем, что в тесной городской квартире из двух с половиной комнат она бы не чувствовала себя так привольно, как здесь, да и забот в Берлине мне хватало и без нее. Но через два с лишним года мне весной захотелось съездить снова в милые моему сердцу места. И я поехал. Интересно, жива ли Сента? Там ли она еще?

Когда я подошел к воротам, за забором раздался обычный в таких случаях злобный лай. Но когда я крикнул: «Сента!», лай этот внезапно перешел в радостный визг, а затем в дикое завывание — я слышал, что собака прямо беснуется; быстро вошел, отстегнул цепь, и Сента, моя добрая старая Сента, с диким воем, чуть не разрывая на мне костюм, пытается меня опрокинуть, лижет мне лицо, руки, танцует вокруг меня от переполнивших ее чувств дикарский танец...

Одну и ту же несправедливость нельзя совершать дважды. Я привязал к ошейнику Сенты бечевку и, ведя ее за тонкую вере-

вочку, привез в Берлин. К этому времени я уже снимал отдельный домик с садом. Привыкнет ли Сента, этот деревенский цепной пес, к городской жизни? Я никогда не мог предположить, что затрапезная деревенская псина так быстро способна превратиться в образцово-показательную городскую собаку! Ни разу Сента не испачкала паркета. Более того, через несколько дней она уже твердо знала (без того, чтобы ее кто-нибудь этому учил), что определенные комнаты в доме для нее — табу. Если ее не приглашали, она никогда туда не заходила, а останавливалась на пороге и смотрела. Спала она в передней на жестком половике из кокосовых волокон, несмотря на то что двери в комнаты с соблазнительными коврами и мягкими диванами стояли открытыми. Никогда она не попрошайничала возле стола. Да мне достаточно лишь взглянуть на собак многих наших знакомых, чтобы вспомнить еще много других достоинств, которыми моя Сента от них отличалась.

Ее любовь ко мне была безгранична. Она, наверное, разорвала бы в клочья собственного щенка, чтобы защитить меня! Когда я в прежние времена, еще там, в усадьбе, развлекался тем, что прятал ее щенят в разных местах дома, чтобы она их потом разыскивала, она охотно, не сердясь и не огрызаясь, играла со мной в эту игру, вряд ли доставлявшую ей удовольствие, и терпеливо собирала свое потомство в кучу.

Причем любовь ее отнюдь не зависела от желудка¹. Я никогда сам Сенту не кормил. Собака просто сделала меня своим идиолом, и никто уже был не в силах тут что-нибудь изменить. Вот и раньше, когда я часто отлучался из усадьбы и иногда неделями отсутствовал, Сенту кормила прислуга, ведущая в доме хозяйство. И тем не менее собака неизменно брала мою сторону, если мы при ней делали вид, что ссоримся.

А что касается ее неаристократического внешнего вида, то он меня больше не смущал. Я нашел прекрасный выход из положения: всем, кто, завидя мою собаку, пытался скорчить презрительную гримасу, я доверительно объяснял, что это редчайшая порода — чистокровная исландская овчарка и что я заплатил за нее огромные деньги. И еще много лет спустя после того, как Сенты не стало, многие знакомые осведомлялись у меня, куда же делось то прекрасное и ценное животное...

Гулять мы ходили с ней в Грюневальд, и там я ее, шутя и играя, научил такому трюку: стоило мне ей совсем тихо, шепотом скомандовать «место!», Сента немедленно ложилась, где бы она

¹ Немецкая поговорка гласит: «Любовь приходит через желудок» (то есть муж любит жену, которая его вкусно кормит). (Примеч. перев.)

ни была. Никто не мог заставить ее сдвинуться с места, если я ей приказал лежать, даже члены моей семьи. Она считала себя именно моей собакой. Моей, и только моей. Если я укладывал ее прямо где-нибудь посреди дорожки парка и отходил в сторону, то мог издали наблюдать, как прогуливающиеся там люди осторожно обходили ее стороной или вообще боялись пройти мимо нее, останавливались и всячески уговаривали ее встать и идти домой. Но Сента ни на какие уговоры не поддавалась. Однажды я решил проверить, сколько же времени она будет лежать, если я уйду и спрячусь? Прошло больше часа, прежде чем она поднялась и потрусилась домой.

Потом, когда ее уже не стало, я часто сокрушался о том, скольким вещам я мог бы играючи ее научить, если бы только выделил хоть пару часов на то, чтоб с ней позаниматься. Она была такая умница! Но нам же всегда некогда! Ведь пока она еще была, я никогда не относился к ней особенно всерьез. Даже сколько-нибудь стоящей фотографии у меня не осталось: казалось, чего уж там стараться снимать беспородную дворняжку, купленную за пять марок...

Но настал день, когда Сента ночью... напачкала в комнате. Я был крайне удивлен, возмущен, я просто негодовал! Как же так? Моя гордость владельца образцовой, воспитанной собаки была посрамлена. Собаку надо наказать! И я ее наказал. Второй раз в ее жизни. Она не защищалась, не скулила, не рычала. У меня возникло неприятное ощущение, что в той же смиренной безропотной манере она дала бы мне себя задушить, забить до смерти. Но нельзя же, черт возьми, оставлять безнаказанным такой мерзкий поступок: старая собака, и вдруг начинает пачкать в комнате!

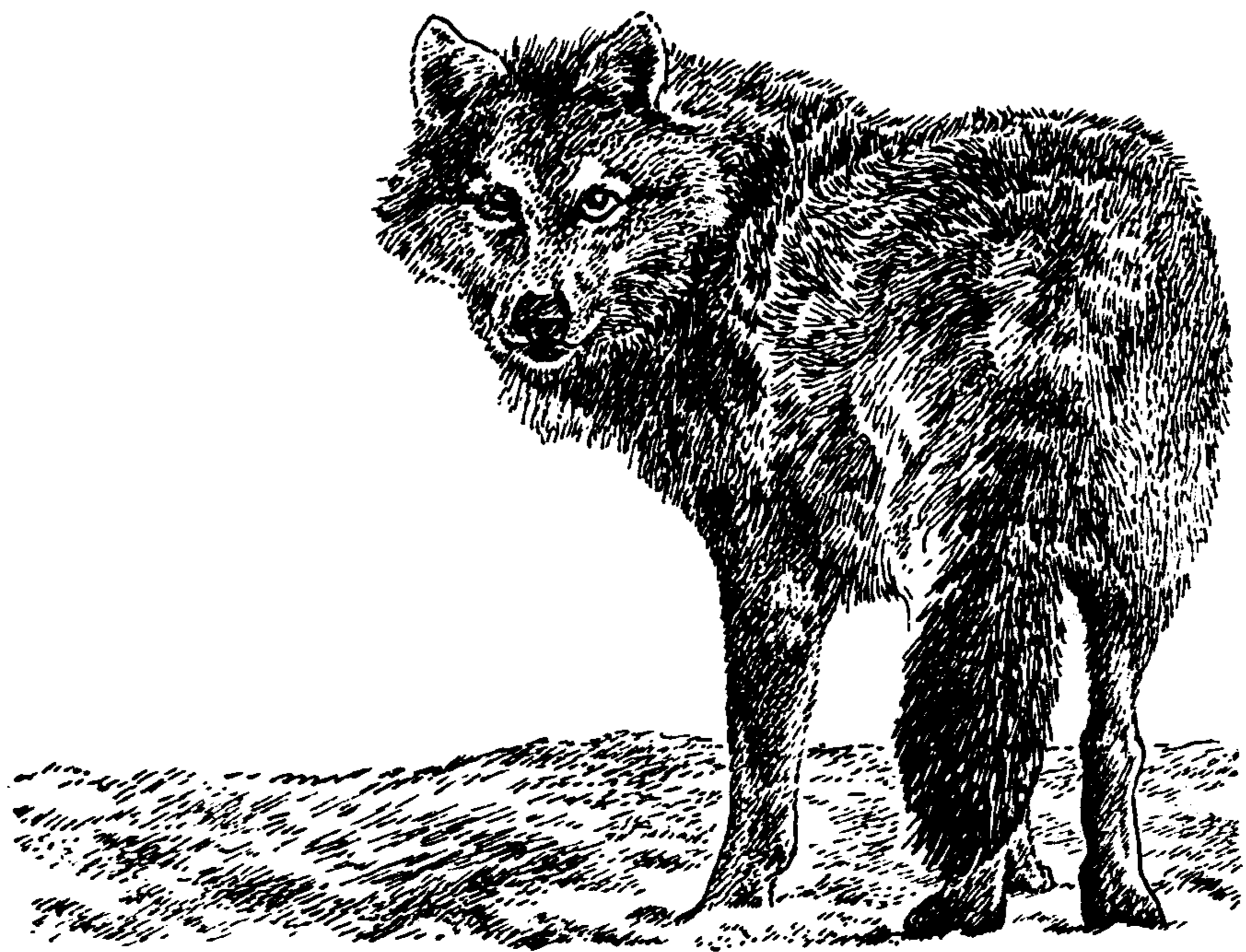
На следующее утро обивка дивана в столовой оказалась изодранной в клочья. Пружины торчали из развороченного нутра во все стороны, а лоскутья обивки были разбросаны по всему ковру. Сенту я нашел на кухне возле водопроводного крана, и, когда я открыл его, она принялась жадно лакать воду.

Оказалось, что она неизлечимо больна, моя Сента. Злокачественная опухоль уже поразила почти все внутренние органы и доставляла ей, по-видимому, невыносимую боль. Пришлось ее усыпить. Заснула она тихо и спокойно. Но каждый раз, когда я вспоминаю о том, что наказал ее, больную, перед смертью, я чувствую себя словно судья, который узнает о невиновности осужденного после того, как тот многие годы провел в тюрьме по его милости. Я прямо не мог простить себе свое ослепление, я мучился и казнил себя...

Потом возникли еще и трудности с захоронением. Собачьи трупы у нас полагается сдавать на специальный ветеринарный приемный пункт. Но этого я не в силах был сделать. Не мог, вот и все. Поскольку теперь уже прошло много лет с тех пор, как происходили эти события, я могу сегодня признаться: ночью я прокрался в Грюневальд и там захоронил Сенту. Я один знаю, где ее могила.

С тех пор у меня дома перебивало немало животных. Однако собаку я долго не решался завести. Правда, позже у нас все же появилась новая собака. А спустя некоторое время и другая. Но это были собаки, принадлежащие всей семье. Это были не мои собаки. Моей была только Сента.

Глава десятая

ВОЛК ЧИНГИС

МОЖНО ЛИ ВОЛКА «ОДОМАШНИТЬ»?

Теперь он покоится на высоте 2300 метров над уровнем моря, там, наверху, в Доломитовых Альпах, где буйные ветры гоняют мокрые тучи, раздирая их в клочья об острые зубчатые края гранитных скал... Там, где в древние времена горные волки загоняли овечьи стада к обрывам, с которых они срывались в пропасти, там теперь лежит Чингис, мой первый ручной волк. Ребятишки нашего хозяина, горца Палузелли, водрузили у изголовья его могилы деревянный крест и несколько дней подряд играли в «похороны»: сносили на могилу целые охапки альпийских роз и синей горечавки, которые собирали на окрестных лугах. Потом им игра надоела, и они принялись играть в другие игры. Но все равно я уверен, что, когда они вырастут и станут взрослыми, они обязательно будут иногда вспоминать и рассказывать про «самого настоящего волка», который в течение нескольких недель жил в их затерянной в горах и Богом забытой хижине.

А вот что вспоминаю я. Должен признаться, что я тогда несколько своеобразным, если не сказать легкомысленным, об-

разом приобрел своего первого волка. Вообще-то я собирался завести собаку. Но меня возмущало то, что за собаку взимают налог — с какой, спрашивается, стати его платить? А кроме того, мне, зоологу, всегда хотелось узнать что-то новое, до тех пор неизвестное о животных. Собак же уже вдоль и поперек изучили известные ученые, не мне чета, и какие только знаменитости не заключали с ними самую тесную дружбу! Что уж о них можно узнать особенно нового? Но волк — другое дело. Волки ведь предки всех существующих собачьих пород. Иметь дело с маленьким волчонком, вести за ним повседневные наблюдения, должно быть, безумно интересно! А если он впоследствии действительно «озверевает» и захочет меня сожрать, то ведь его всегда можно заблаговременно отдать в зоопарк. Значит, решено: я заказываю себе волчонка.

Ждем его с нетерпением. Но ничего не привозят. За это время я давно бы мог выбрать себе любого из четырех волчат в Галльском зоопарке, но я ведь хочу дикого, из леса. Я настойчиво шлю напоминания в зооцентр, бью телеграммы. Вместо ответа в один прекрасный день к дому подкатывает повозка и четыре дюжих мужика, кряхтя и отдуваясь, стаскивают с нее огромный и тяжеленный ящик. Большими буквами на нем написано: «Живые хищники! Осторожно!» Вся улица собралась вокруг этой здоровенной «посылочки» — в таком просторномместилище вполне свободно мог бы разместиться взрослый лев! Но внутри очень тихо. После того как мы пододвинули ящик вплотную к клетке, подняли задвижную дверцу и стали манить спереди куском мяса, а сзади тыкать палкой, оттуда появился, нет, не волчонок, а крупный волчище, ничуть не уступающий по своим размерам волкам Берлинского зоопарка... Вот так номер! Я просто в недоумении. Ведь выступать на ролях дрессировщика диких зверей совершенно не входило в мои планы...

Поначалу он очень пуглив. Шкурку от кровяной колбасы, которую я ему бросаю, он зарывает носом в опилки. Зато выпивает две миски воды — очень пить хочет. Когда я протягиваю ему руку, он пробует ее цапнуть, но очень нерешительно. Получив щелчок по носу, тотчас же отступает.

Мы начинаем подыскивать для него подходящее имя. Волк ведь из Сибири, значит, это должно быть что-нибудь азиатское. Может быть, Чингисхан? Но это означает что-то дикое, необузданное и жестокое. Нет, лучше просто Чингис.

— Чингис! — подзываю я его к себе.

Он опять щелкает зубами — хочет цапнуть, но, получив снова по носу, делается любезней и, во время того как пьет, даже

разрешает почесать себе шею. Вечером я слышу из подвала высокий и протяжный волчий вой.

Должен признаться, что все же страшновато, когда Чингис щелкает зубами в мою сторону, стараясь схватить своими мощными, усаженными острыми «шипами» челюстями мою руку. Звук при этом такой, словно защелкивается капкан. Мою жену он на другой же день цапнул за указательный палец, и хотя ранка не столь велика — длиной всего в сантиметр, — однако такая болезненная, что приходится обратиться к врачу. Тем не менее эта бесстрашная женщина уже вскоре снова отважно залезает к нему в клетку (оказывается, она поспорила с продавцом из гастрономического отдела на три бутылки шампанского, что сделает это уже через три дня после появления у нас волка...). Впрочем, наш «злой волк» уже сильно «подобрел». Теперь он все чаще разрешает чесать себя за ушами и обследовать. При этом выясняется, что это не волк, а волчица! Но имени уже менять не будем: как был «волк Чингис», так пусть и останется. Вечером он снова кусает мою жену, на сей раз впивается ей зубами в предплечье.

Я приношу ошейник и цепь, но Чингис ничего и слышать о них не хочет: стоит мне к нему приблизиться, как он начинает как бешеный щелкать зубами, стараясь меня ухватить за руку. Тогда я пошел на хитрость: приоткрываю дверь клетки, перегородив ее цепью на уровне головы волка, и как только он пытается выйти, попадает шеей на цепь, я защелкиваю карабин — и он попался. А уже вне «своего жилища» Чингис делается весьма скромным, теряет всякое «волчье достоинство» и боязливо ползет на брюхе по комнате. Завидя транспортный ящик, в котором его привезли, он мигом запрыгивает в него и затаивается в этом единственно знакомом ему предмете среди всех других чужих, абсолютно никогда не виданных и потому внушающих страх.

Вечером в столовой моя новая «собачка» осчастлиливливает нас одновременно и лужей и кучей... Зеркало в передней Чингис явно принимает за дыру в стене. Во всяком случае, пугаясь чего-либо, а это случается с ним нередко, он тычется головой в стекло, пытаюсь удрать.

Пришли два малыша — соседские дети: нельзя ли посмотреть на волка из «Красной Шапочки»?

— Пожалуйста.

— А что. Красная Шапочка еще у него в животе?

— Нет.

Почтительно разглядывают серого. Недоверчивое сомнение.

— Как же так? Если Красную Шапочку уже вытащили, то волк ведь должен быть уже мертвым?

— Нет, ведь брюхо потом снова зашили.

— Но тогда ведь у него в брюхе должны быть камни!— возмущаются мои оппоненты.

И мне невольно приходится отступить от фабулы замечательной сказки Шарля Перро:

— Этот волк оказался хорошим, и камни срочно вынули обратно.

Полное недоумение: как же так? Разве бывают хорошие волки? Значит, этот волк не злой, а добрый?

Тяжело вздохнув, Джо и Петерхен берутся за руки и топают к себе домой, обдумывая только что услышанную новость. Да, жизнь уготовит им еще немало сюрпризов, думаю я, глядя вслед удаляющимся фигуркам.

Чингису семь месяцев. До того как попасть к нам, он жил только среди себе подобных, никогда не имел случая принюхаться к человеку, не давал никому до себя дотронуться. И хотя пространство, ограниченное четырьмя стенами, не больно-то велико, тем не менее волк мог свободно по нему передвигаться. Теперь же что-то жесткое схватило его за шею и тянет вслед за этим «двуногим». Чингису страшно, он ложится плашмя на брюхо, а эта несносная удавка волочит его вверх по лестнице — ужасному, никогда не виданному сооружению, на котором можно запросто поломать себе ноги!

В саду он делает попытку вырваться и сбежать. Однако цепь рывком опрокидывает его на землю. Он подпрыгивает кверху на целых два метра, но и оттуда цепь срывает его на землю, больно ударив о нее головой, так что из носа капает кровь. Бедный волк! Все-то тебе придется постигать на собственном опыте, ничего-то тебе не объяснишь на словах! Впрочем, и с нами, людьми, происходит обычно ничуть не лучше — пока сам лоб не расшибешь, не научишься...

Итак, надо приучить Чингиса ходить на поводке. Вперед он еще кое-как соглашается бежать. А вот тянуть себя на цепи он ни за что не разрешает. Упирается всеми четырьмя лапами в землю — и ни с места. Как-то раз в подобной ситуации ошейник так сдавил ему горло, что его вырвало всем тем, что он съел на обед, — хорошей порцией конины (которую, правда, на следующее утро подобрал и с большим аппетитом съел снова).

Каждый вечер, возвратившись домой, я прогуливаю мою «строптивую собачку» в темном саду. Когда моя жена сама отваживается вывести его на улицу, то пускает его вперед, а сама идет сзади и подгоняет ремешком. Как же тебе, Чингис, привить всю остальную собачью науку, когда ты не в состоянии постичь самое простое из нее — ходить на поводке?

Но вот спустя десять дней мой волк уже сопровождает меня утром во время прогулки по пустынному, безлюдному парку. Ведет он себя как более или менее воспитанная собака, даже соглашается бежать со мной вместе бегом. Только вот в калитку сада нашего дома его на обратном пути никак не затащишь, приходится тащить волоком. И так еще в течение нескольких недель. Это выглядит всегда настолько глупо, словно он боится моего жилища! Но волки, обитавшие в моем доме после Чингиса, поступали точно так же. Они почему-то всегда испытывают страх перед открытыми дверьми, если их туда пытаются завести силком. Привыкнув ко мне, мой волк Чингис уже совершенно самостоятельно, с волочащимся по земле поводком, проходил мимо всех, похожих одна на другую калиток соседних с нами домов и заворачивал безошибочно в нашу, а затем спокойно заходил и в дверь дома. Мой дом наконец-то стал его «волчьей норой». Правда, когда я однажды оставил его на несколько минут с пристегнутым к ошейнику кожаным поводком в сетчатой вольере, в саду, то, вернувшись, обнаружил только жалкие огрызки от поводка. А волчица, жившая у нас несколькими годами позже, та за три дня научилась ходить на поводке, и я мог спокойно разъезжать с ней в электричке. Так что волк волку рознь. Все они разные, и у каждого свой характер. Правда, и у меня к этому времени поприбавилось опыта в обращении с волками; ту волчицу я никогда не волочил за собой на поводке, а предоставлял ей возможность бежать туда, куда ей захочется, а сам шел следом, держась за длинный поводок.

Во время ужина Чингис является в столовую. Чего тут только нет! Какие запахи разносятся по комнате! Надо срочно все обнюхать. Волк беспокойно бегает из угла в угол. Висящие на стенах картины почему-то привлекают его пристальное внимание; только висят очень высоко — не добраться. Стоящие на серванте предметы тоже никак не достать, не обнюхать. Он поднимается на задние лапы, скребет когтями по обоям и полировке — нет, так дело не пойдет. Мой окрик действует на него отрезвляюще, он прекращает свою исследовательскую деятельность, но зато одаривает нас большущей кучей, наложенной посреди комнаты... Кусочки мяса, которые мы ему протягиваем, он берет из рук очень осторожно и аккуратно, не хватая с жадностью.

На следующий день волк намеревается напачкать на том же месте, что и вчера, хотя только недавно он вернулся из сада, где гулял почти целых два часа. Безобразие какое-то! Забираться на стулья и столы он перестает, очень скоро поняв, что это запрещено. Зато достает из корзинки приготовленные для штопки носки и заставляет меня побегать за ним вокруг стола, прежде

чем мне удастся их у него отнять. Но не успеваю я положить носки на место, как он их снова выхватывает, и игра повторяется. Приходится унести носки в другую комнату и спрятать. Тогда расшалившийся волк хватается платяную щетку и носится с ней вокруг стола.

На улице я встречаю соседа.

— Вы тоже слышали какое-то странное завывание сирены, которое раздается все эти последние дни? — спрашивает он. — Я уже сказал моей жене, что это удивительно напоминает вой волков, который мне приходилось слышать в России долгими зимними ночами во время Первой мировой войны. Но откуда здесь-то могли бы появиться волки? Ума не приложу!

Я скромно молчу в ответ. Теперь Чингис не пропускает ни одного нашего завтрака и ужина. Сегодня он положил передние лапы на подоконник и с огромным интересом разглядывал проходившую мимо дома собаку. Зато наш карликовый кенгуру Муппи интересуется его не больше, чем любой пакет или мебель: он небрежно обнюхивает его, сидящего в корзине, и отходит прочь. Чингису ведь еще никогда в жизни не приходилось умерщвлять ничего живого, разыскивать и добывать себе пищу. Вот посмотрим, как он поведет себя по отношению к собакам?

Моя жена проделала такой опыт: легла на пол и притворилась мертвой. Чингис подбежал к ней, обнюхал и стал настойчиво поддевать ее носом. Видя, что она не реагирует, он слегка цапнул ее зубами за ляжку — не притворяйся!

Постепенно Чингис становится все игривей, он охотно с нами возится, разрешает тянуть и приподнимать себя за хвост. Однако, внезапно испугавшись, все еще способен больно укусить, оставляя на теле болезненные кровоподтеки. Подталкивание носом — это вообще своеобразная форма исследования и подбадривания у волков. Моей жене однажды отвешивается такой бодрящий пинок носом ниже спины, что она буквально отлетает к противоположной стене комнаты.

Когда я сижу как-то за ужином, в другой комнате звонит телефон. Чингис всего лишь на минуту остается один в столовой. Результат: заварочный чайник вместе с нахлобученной на него вязаной водогрейкой сорван со стола и лежит разбитый на полу. В другой раз на кухне засвистел чайник, пришлось выйти потушить газ. Возвращаюсь — Чингис похитил у меня с тарелки бутерброд, а заодно и полотняную салфетку, которую не желает отдавать, и носится с ней вокруг стола. Спасаясь от меня, он с невообразимой ловкостью огромным прыжком проскакивает через раздаточное окно прямо в кухню.

Интересно, чувствует ли себя Чингис все еще у меня в плену или он теперь уже «дома»?

На семнадцатый день своего пребывания Чингис внезапно срывается с цепи в саду. Когда я отправляюсь его ловить, он ведет себя отнюдь не так, как вырвавшееся на волю животное, стремящееся удрать. Явно довольный и веселый, он беснуется и прыгает вокруг клетки с ежом, призывая и меня принять участие в его игре. Когда мне удастся его схватить, он безо всякого сопротивления разрешает надеть на себя ошейник с поводком. Двумя днями позже он опять срывается с привязи и на сей раз протискивается через щель в заборе в соседний сад, где внимательно обследует каждый стул и каждый цветочный горшок; но, прежде чем соседи успевают его заметить, мне удастся выманить его оттуда, подкрепив свою притягательную силу куском мяса...

Но когда что-нибудь несколько раз подряд проходит гладко, становишься легкомысленным и беспечным. Вернувшись через три дня поздно вечером домой, я узнаю, что Чингис уже полтора часа как пропал. Исчез бесследно. Причем вместе с цепью. В соседских садах его нет и не было. Моя жена ищет уже долгое время и вся окоченела — у нее зуб на зуб не попадает, ведь дело происходит в декабре. Наконец я обнаруживаю, что забор между нашим садом и граничащим с ним городским парком поврежден. Значит — в погоню! Придется мне, словно какому-нибудь индейцу, при лунном свете обшаривать всю округу в поисках следов. Однако широкие лапы волка нигде не вдавливались в заиндевевшую почву. Что делать? Но тут я обнаруживаю на ухоженной дорожке парка след от волочившейся за беглецом цепи. Ура! За цепь-то я его мигом ухвачу! А изловить Чингиса совершенно необходимо до наступления утра, до того как отопрут ворота парка. Иначе ситуация станет просто опасной: шутка ли — волк вырвался на волю! Сколько тогда найдется услужливых «смельчаков», готовых пристрелить «дикого зверя», даже если это совершенно безобидное животное!

Мне вспомнился случай с двумя ручными орлами, происшедший несколько месяцев назад в Альпах. Это были две прекрасно обученные птицы, которых спокойно можно было выпускать летать на воле, потому что на зов своего хозяина они тотчас же возвращались и садились ему на руку. Вот такие это были птицы. Тысячи зрителей любовались на высокой горе Хафелекар, близ Инсбрука, плавными полетами этих изумительных, величественных птиц в прозрачном как стекло горном воздухе. Когда же владелец орлов однажды решил продемонстрировать их в другой местности, они заблудились и не нашли дороги назад.

— Ничего страшного,— утешал себя их хозяин,— как только откуда-нибудь сообщат, что их видели, я сейчас же туда поеду, и они, конечно, тут же прилетят и сядут мне на руку, как всегда!

Но хотя в газетах и на специально вывешенных плакатах было обещано вознаграждение за возврат птиц, через несколько дней пришло сообщение, что одного орла уже пристрелили. Он доверчиво полетел навстречу людям, уселся на забор — и тут же один восемнадцатилетний паршивец сбегал за ружьем и с расстояния в несколько метров застрелил орла наповал. Правда, потом он испугался ответственности и зарыл благородную птицу в навозной куче. А еще пару дней спустя подобная же участь постигла и второго красавца. Правда, по новым охотничьим и природоохранительным законам подобные «отважные стрелки», похваляющиеся тем, что подстрелили орла, не отделяются так легко, как прежде, просто денежным штрафом. Но чудесных птиц ведь все равно этим не воскресить!

Однако вернемся к Чингису. По следу, оставленному волочащейся цепью, я отчетливо вижу, что мой дорогой волк проследовал именно по всем тем дорожкам, по которым мы вместе с ним гуляли здесь неделю назад. Наконец я обнаруживаю в темных кустах две светящиеся серебристые точки: вероятно, волк следит за мной уже некоторое время, но не подает признаков жизни. Я его окликаю, но светящиеся точки тут же исчезают — их снова поглотила тьма. А потом я обнаруживаю, что цепь он потерял. Как же мне его теперь изловить? За что хватать?

Иду домой, беру на кухне жаркое на завтра — приличный кусок свинины (завтра должна прийти прачка, и теперь неизвестно, чем ее кормить!). Нарезаю мясо на маленькие кусочки. Когда я выхожу из дому, замечаю, что Чингис следовал за мной до самого забора нашего сада, однако, завидя меня, снова убежал в парк. Черт бы его побрал! Я снимаю перчатку и, положив на ладонь мясо, маню, подзываю, уговариваю, а рука на ночном морозном воздухе жутко мерзнет, прямо болеть начинает! Наконец от близлежащих кустов нерешительно отделяется едва видная тень, Чингис подкрадывается ко мне и берет с руки кусочек мяса. Но когда я пытаюсь другой рукой удержать его за шею, он злобно щелкает зубами. Нет, так дело не пойдет.

Тогда я медленно начинаю отходить к забору и раскидываю за собой кусочки свинины. Там, где духовитый след проходит меж низеньких елочек, волк в нерешительности останавливается; приходится удваивать порции. Волк не сразу соблазняется, опасаясь какого-то подвоха с моей стороны, но жареная свинина — это ведь не надоевшие конские потроха, которыми приходится довольствоваться каждый день; и он решается пройти еще шаг,

ну еще последний, ну еще один кусочек схватить и незаметно для себя оказывается уже в нашем саду, а моя жена быстро заслоняет приготовленным заранее щитом отверстие в заборе.

Тем временем уже полночь. Завтра у нас обоих будет насморк, а на обед придется есть картошку в мундире. Зато Чингис снова на месте. А на той неделе нам привезут изготовленную для него прекрасную просторную клетку, из которой не под силу будет вырваться даже льву.

Вчера я забыл как следует запереть засов на клетке Чингиса, установленной в цокольном помещении дома. У Чингиса появилось два часа времени на то, чтобы выйти и ознакомиться на свой манер со всей комнатой. После этого «ознакомления» она выглядела так, словно десяток чертей справлял в ней свои оргии. Все стулья опрокинуты, ножки их надгрызаны. Все содержимое шкафа вытряхнуто и рассыпано по полу: бинты размотаны, поводки разжеваны, а сверху все посыпано гипсом из разорванного бумажного пакета, полотенца и халат сорваны с крючков — не осталось ничего такого, что не привлекло бы внимания волка. А сам он стоит посреди этого разгрома с таким глупо-невинным и довольным видом, что у меня даже не поднимается рука его наказать. Я же сам виноват, что забыл его запереть. А он ведь стал уже такой послушный! Когда открываешь дверцу его клетки, терпеливо ждет, пока на нем застегнут ошейник, а потом вполне чинно семенит рядом со мной на поводке во время прогулок. Молодец, Чингис! Даже все запреты, касающиеся жилых комнат, он усвоил. Он уже не устраивает там никаких безобразий и ничего не утаскивает (правда, до тех пор, пока в комнате кто-нибудь есть).

Словом, я не теряю надежды, что из Чингиса еще получится приличный и благонравный «домашний волк».

ВОЛКИ И СОБАКИ — КРОВНЫЕ ВРАГИ?

В семидесятых годах прошлого века ныне покойный директор цирка Карл Кроне был еще сыночком владельца небольшого зверинца «Менажери континенталь». Вместе со своим старшим братом ему приходилось участвовать в выступлении вместе с «дикими волками». Чаще всего при этом им удавалось отделываться парой царапин. Но старшему брату не повезло: несколько лет спустя его так отделал «ручной» медведь, что он вскоре умер. Если из такого зверинца когда-нибудь убежит волк, то из-за этого не станут поднимать такой шумихи, как из-за убежавшего льва или тигра. Потому что бегающего по улицам волка всегда

примут за овчарку, а поскольку его ценность не очень велика, то владелец не станет особенно стараться изловить беглеца. Однако вырвавшийся на волю волк может иногда причинить серьезный вред. Так, известен случай, когда в 1947—1948 годах одинокий волк, обитавший среди болотистых мест Лихтенмора, нанес ущерб в несколько сот тысяч марок!

После номера с волками, с которым выступал дрессировщик вышеупомянутого зверинца, насколько мне известно, волков больше нигде не дрессировали. Да и это выступление в «Менажери континенталь» представляло собой, как тогда было принято, «дикую дрессуру»: взбудораженных зверей, щелкая кнутом, просто гоняли по манежу, никаких сложных трюков они не исполняли.

«Вот увидите,— говорили мне, когда я приобрел своего первого волка, Чингиса,— волки не поддаются дрессировке, их невозможно приручить, если не воспитывать в доме с первых дней жизни. Даже если поначалу что-нибудь и получится, в один прекрасный день разбойничья натура все равно проявится». Ну, посмотрим.

Дело в том, что мнения специалистов на этот счет расходились. Ведь волков еще и потому так редко показывают в цирке, что они по сравнению со львами и тиграми выглядят значительно менее опасными. Пантер тоже редко увидишь в цирке (несмотря на то, что они значительно агрессивней и злей крупных хищников), потому что публика разочарованно заявляет: «Ну что это за хищники! Вдвое меньше тигра».

Словом, я решил на свой страх и риск проверить, как обстоит дело с приручением волков.

Во время прогулок моего Чингиса интересуется каждая валяющаяся на земле бесхозная бумага, каждая пустая коробочка из-под папирос. По полкилометра он готов таскать их за собой в пасти, и мне приходится зорко следить за тем, чтобы он все это богатство не затаскивал ко мне в дом. Лучше уж пусть несет в зубах мою шляпу, что он делает, кстати, весьма охотно. Правда, от пребывания в волчьей пасти шляпа лучше не делается...

Когда Чингис впервые повстречал на улице чужую собаку, крупную черную овчарку, он радостно направился к ней навстречу. Но собака зарычала, и Чингис хотел было броситься наутек, да поводок не пустил. В другой раз во время нашей ночной прогулки Чингис познакомился через забор с терьером. Тот радостно подбежал, а Чингис просунул нос меж прутьев железной ограды, скреб по ней лапами, вилял хвостом, а когда я захотел уйти, все снова и снова тянул меня за поводок назад к новому знакомцу. Ни о какой вражде с обеих сторон и речи не было.

У меня создалось такое впечатление, что собаки принимают волка за самую обыкновенную собаку.

В другой раз с угольного склада выбегает его страж — большой доберман-пинчер; взаимное тщательное обнюхивание; когда носы при этом приходят в слишком близкое соприкосновение, Чингис скалит зубы, избегая, по-видимому, излишне тесного общения. Потом он поддает кобелю носом «под дых», и тот испуганно отскакивает назад. На этом взаимное любопытство удовлетворено.

Иной раз и маленькие собачонки, виляя хвостом и ничего не подозревая, подбегают к волку. В то время как для них это как раз отнюдь не безопасно. Во время одной нашей ночной прогулки Чингис схватил подбежавшую к нему таксу за шею и стал трясти, как фокстерьер пойманную крысу. Мне еле удалось отбить несчастную собачонку, колотя в темноте по волку чем попало; однако мне стало известно, что собачка после этого нападения вскоре испустила дух...

Но я думаю, что волки и по отношению к волкам, не принадлежащим к собственной стае, ведут себя немногим лучше. Так, моя следующая волчица — Катя — без зазрения совести сразу же покусала волчонка-подростка, который с самыми невинными намерениями поскакал к ней навстречу поиграть. Первый раз она ухватила его зубами за морду, а когда он по неосторожности еще раз приблизился к ней, она чуть не оторвала ему палец на ноге, который потом даже пришлось ампутировать. Поэтому взаимоотношения между дикими волками и домашними собаками, по-видимому, аналогичны.

Так, полярный исследователь Леден, кочевавший три года вместе с эскимосами, услышал однажды ночью вой волков, на который ездовые собаки тут же отозвались ответным воем. Исследователь с помощью двух находящихся с ним вместе эскимосов прорезал несколько глазков в стенке своей снежной хижины (иглу) и увидел большую стаю волков, бегущую по льду замерзшего моря. Примерно в ста метрах от иглу они остановились и стали ждать.

«Только один белый волк нерешительно начал приближаться к нашему лагерю,— записал в своем дневнике Леден.— Несколько раз по дороге он останавливался и садился. Однако затем, набравшись храбрости, подбежал вплотную к лагерю и затесался в свору наших собак. Кобели принялись его с любопытством и вполне приветливо обнюхивать. Я уже не мог отличить, кто тут волк, поэтому не решался выстрелить, боясь убить ездовую собаку. Только когда эскимосы, у которых глаз наметан, точно указали мне на волка, грянул выстрел. Волк упал».

Однажды во время очередной ежедневной прогулки с Чингисом случился неприятный инцидент. Вернее, не «ежедневной», а «еженощной» прогулки. Дело в том, что я стараюсь каждый день выводить волка на улицу, хотя бы на один час, но домой прихожу поздно вечером, как правило, тогда, когда уже стемнело. Вот нам и приходится разгуливать с ним по улице почти в полночные часы. Представляете себе картину? Долговязый тип в старомодном дождевике почти до пят (ведь хорошего пальто не наденешь, возясь с волком!) и рядом сверкающий глазами волчище — прямо сюжет для фильма ужасов! Так вот это самое страшилище — серый волк — подбегает в приступе игривости к проходящей мимо пожилой тетке с хозяйственной сумкой в руках. Внезапно в темноте раздается громкий треск и звон. Пустой бидон с грохотом катится по асфальту.

— Мои яблоки! Мои яблоки! — вопит возмущенный женский голос.— Уберите сейчас же свою собаку!

Чингис сначала ни за что не хочет отпустить сумку, в которую вцепился зубами. Другая прохожая успокаивает:

— Ну что вы так кричите? Вы же видите, что это молоденькая, шаловливая собачка!

Но тетка с сумкой успокаиваться не намерена. Нет, она не желает терпеть такой ущерб из-за какой-то паршивой собаки: эмаль на бидоне отбилась в нескольких местах и ручка у сумки надорвана! Я лезу в карман и поскорей сую ей в руку первую попавшуюся купюру. По внезапно наступившему молчанию я понимаю, что в темноте и суматохе вытащил непомерно большую, но делать нечего. Поспешно ухожу. Как бы она стала орать, если бы разглядела, что на нее напала не собака, а «самый настоящий волк»!

Я всегда поражаюсь, как удивительно скудны познания в области зоологии у большинства людей. Что это не овчарка, распознают во время наших дневных прогулок разве что трое или четверо. Но кто это именно — тут можно услышать самое разное: «Посмотри-ка, рысь идет!» или «Какая красивая лисичка!» Иногда даже подозревают, что это... пантера. Самое излюбленное восклицание: «Посмотрите, собака выглядит почти как волк!» Я заметил, что даже маленькие четырех-пятилетние дети чаще догадываются, что это не собака. Видимо, потому что бывали в зоопарке.

Поскольку я не забыл свою тогдашнюю ночную погоню за волком, улизнувшим через дыру в заборе, я стал теперь предусмотрительней. Еду даю Чингису только из рук и держу его при этом за ошейник: он должен привыкнуть к тому, чтобы не кусаться, когда его хватают за ошейник. Неделями я по утрам и

вечерам тренирую его заходить в клетку и выходить из нее — двадцать, тридцать раз подряд. Пока наконец дело не налаживается и уже негромкой команды «ко мне» или «уходи» достаточно, чтобы волк послушно исполнил требуемое. Теперь он и куски, протянутые ему рукой или специальными щипцами, берет только по команде «можно». Два дня как я приучаю его при этом взбираться на низенькую табуреточку. Но она оказалась очень неустойчивой, и после того как Чингис два раза с нее свалился, он больше не решается на нее залезать. Пришлось мне прибить ее ножки к дощатой подставке. В то время как вначале мой волк ел только конские потроха и другие мясные отходы, теперь он соглашается при случае съесть даже кусок черствого хлеба. Но для этого он должен здорово проголодаться. И в то время как всякую мясную пищу он заглатывает без разбора, «с волчьим аппетитом», хлеб жует долго и тщательно. Впрочем, он с удовольствием возьмет и сахар и конфеты (если ему дадут), а также вишни, сливы и другие фрукты.

Отметка в моем дневнике: «Вчера в сочельник была сумрачная, промозглая погода. Гуляли с Чингисом. Я пробовал с ним разговаривать, и наконец он тихо заскулил мне в ответ. Это было впервые за все время нашего знакомства. Потом он внезапно остановился, поднял голову, приоткрыл пасть и завыл сначала на высокой ноте, а затем постепенно снижая голос. Тогда я тоже завыл. Он сначала очень удивился, но потом дважды ответил мне воем».

Вскоре я уже мог заставлять его выть «по приглашению», начиная первым. Он сразу же подключался. Некоторые места во время прогулок были нашими любимыми «музыкальными площадками». Например, под окнами наших знакомых. Там мы останавливались и не сговариваясь принимались концерттировать. Иной раз Чингис для этой цели очень ловко перелезал (именно виртуозно перелезал, а не перепрыгивал) через забор сада или через живую изгородь высотой в полтора метра.

Как трудно, однако, предсказать, как поступит волк в том или ином случае. По высоченной эстакаде, переброшенной через железнодорожную сортировочную станцию, Чингис идет спокойно и уверенно, несмотря на то что между досками в полу щели, сквозь которые просвечивает бездна, а перила (на высоте волка) вообще отсутствуют. Но когда я прохожу с ним по подземному переходу и две встречные электрички с грохотом проносятся у нас над головой, мой волк в панике чуть не сбивает меня с ног. Я поражен. Но не его совершенно естественным испугом, а нашей, ставшей привычной глухотой и притупленностью, приучившей нас не слышать и не замечать этого оглу-

шительного шума и грохота, среди которого нам приходится жить. И хотя мы с Чингисом потом еще много раз проходили по подземному переходу, волк никогда так и не смог до конца преодолеть свой страх перед ним.

Я поместил в журнале портрет Чингиса и стал получать много читательских писем. Так, оказывается, у некоего господина Валха, прожившего сорок лет в России, «гастролировали» подряд три волка. Один из них жил у него целых два года, причем по выслеживанию дичи во время охоты превосходил по своим качествам всех охотничьих собак. Но использовать его в одиночку было невозможно — всегда только в общей своре собак, потому что он не умел лаять. Он подружился с двумя собаками и вместе с ними по ночам отправлялся на свою «персональную» охоту, без охотника. Когда однажды охотничьи собаки подрались между собой, волк вступился за своего приятеля и так отделал двух других, что они отправились на тот свет. После этого случая было решено волка пристрелить. Но дети пожалели его и выпустили ночью из сарая, в котором его заперли до утра. Перед тем как окончательно исчезнуть, волк еще некоторое время бесчинствовал среди пасущихся в окрестности стад.

«Второго волка, тоже самца,— писал мне автор письма,— я вырастил в 1911 году из маленького волчонка. Тем не менее он так и не стал никогда по-настоящему ручным, признавал одного только меня, а остальных всегда норовил цапнуть. Птицы, сидящие на деревьях вокруг нашего дома, всегда поднимали страшный галдеж, когда молодой волк выходил погулять. Это было очень удивительно. А вот с волчицей, которая тоже выросла в нашем доме, дети могли возиться, бороться, и чем более буйно протекала игра, тем ей было приятней. Она была в состоянии учуять на расстоянии двухсот шагов при совершенно безветренной погоде, кто подходит — друг или враг».

Да, удивительно. Здесь у нас птицы и внимания не обращают на Чингиса. Видимо, потому, что они никогда в жизни не видели живых волков. Когда я надел Чингису, впервые в его жизни, намордник, он хоть и пробовал его сначала соскрести лапой, но потом очень быстро к нему привык, гораздо быстрее, чем обычно свыкаются с ним в подобных случаях собаки. То же самое наблюдал я с теми волками, которые жили у меня после Чингиса. Когда его чесали щеткой, он тоже всегда стоял смирно и не оказывал сопротивления.

Я решил испробовать, не убежит ли от меня мой послушный волк, если я его выпущу на волю. С этой целью я пристегиваю к его поводку еще и длинную, десятиметровую веревку. Он скачет галопом вперед, но каждый раз покорно возвращается назад,

когда я его зову (правда, сначала я каждый раз подкрепляю его послушание кусочком мяса, завернутым в бумажку). Вообще-то Чингис обычно не слишком разборчив в еде и заглатывает поспешно все, что ему дают. Здесь же он каждый раз старательно разворачивает пакетик, действуя при этом зубами и лапами; если бумага ему все-таки попадает в рот, он ее потом выплевывает. Удивительно, как мало такой волк при разыскивании пищи пользуется своим зрением! Брошенный на пол кусочек мяса может лежать на самом виду, а Чингис будет нюхать вокруг да около, пока на него не наткнется.

Постепенно Чингис уже обучен почти тем же фокусам, которые демонстрируют со львами. Когда ему приносят еду, он по команде совершает головокружительный прыжок через стол, достает со шкафа деревянную гантель, садится, держа ее в пасти, на табуретку, дает лапу и послушно отдает мне гантель. Поначалу он никак не соглашался приносить эту штуковину — я должен был ее давать ему обязательно из рук. Потребовались сотни упражнений, когда я руку с гантелью опускал все ниже, а затем клал гантель на пол, а руку лишь держал поблизости. Но и отдавать ее он соглашался далеко не сразу, а только после того, когда в моих руках появлялось мясо. Потом все это выглядит всегда так просто и естественно, но поначалу требует от нас обоих терпения, терпения и еще раз терпения.

Размышляя о поведении своего волка, я как-то вспомнил о том, что Чингис, в общем-то, никогда мне по-настоящему не радуется и не приветствует меня, когда я приношу ему еду или приглашаю на прогулку. Вот собаки в таких случаях умеют выказывать свою радость от всей души — бурно и восторженно. Но когда я, вернувшись после восьмидневного отсутствия, подошел к волку, с тем чтобы взять его на привязь, он принялся возбужденно плясать и прыгать вокруг меня, как самая настоящая домашняя собака. С тех пор он частенько это проделывал.

На время уборки клетки волка вывели в сад и посадили на цепь. И снова ему удалось вырваться на волю. Но на сей раз весь сад покрыт пушистым снежным одеялом. Какой восторг! Наш волк пропахивает носом в снегу длинные канавки, катается с боку на бок, хватает снег зубами, набивает им полный рот, носится галопом по кругу! Лыжник, которому из-за недельной оттепели пришлось бессмысленно проторчать в горной лачуге, не мог бы больше обрадоваться внезапному снегу, чем Чингис. Это ведь к тому же его первый в жизни снег! Теперь я смог убедиться в том, что мои труды не пропали даром: на мой зов Чингис немедленно перестает носиться по саду, подбегает ко мне, садится, подает лапу и разрешает пристегнуть к ошейнику

поводок. Вот так. Это не то, что тогдашняя моя ночная погоня за волком! Даже вспоминать неприятно!

Живущая на воле стая волков способна за ночь играючи пробежать от пятидесяти до восьмидесяти километров. Я осознаю свою вину перед Чингисом за то, что не могу предоставить ему возможность как следует побегать. Ему приходится все время, словно какой-нибудь болонке, гулять на поводке. А мне хочется, чтобы ему у нас жилось лучше, чем его сородичам в зоопарке. Самым полезным делом для него была бы пробежка за велосипедом, но сейчас ведь зима. (Между прочим, и для собак это чрезвычайно полезно, хотя многие, кто видит бегущих за велосипедом собак, высказывают им всяческое сочувствие, а то и начинают громко возмущаться, понося «бесчувственного» хозяина.) Так что ничего не поделаешь — придется мне самому начать бегать рысцей. Поначалу волк пускается вскачь и озорными прыжками тянет меня за собой на длинном поводке, потом бежит медленней, потом немного отстает и заставляет себя почти тянуть. Первые дни наш бег на длинной дистанции длится не более четверти часа, но постепенно я все дольше и дольше не выдыхаюсь и вскоре совершаю уже довольно приличные пробежки. Как же благотворно может отражаться выгуливание волка на собственных легких!

Во время прогулки на пути попадается ужасно много такого, что следует хорошенько изучить и осмотреть со всех сторон. Каждый припаркованный автомобиль надо быстренько оббежать и обнюхать, в пустые грузовики Чингис забирается даже внутрь, чтобы их тщательно обследовать. Теперь он перестал останавливаться и выть во время прогулок. Вероятно, потому, что больше не чувствует себя одиноко в моем обществе.

Но зато все чаще на него в квартире нападает безудержное веселье. То он схватит детский пуловер и вызывающе смотрит на меня, приглашая за ним побегать, чтобы отнять. Но Чингис теперь ведь уже умный волк, и, как только я начинаю ругаться, он тотчас же роняет свою «добычу» на пол. Потом он с задранной от восторга кверху хвостом прыгает вокруг стола и «смеется». Уж очень ему хочется поиграть со мной в «пятнашки». То и дело он норовит схватить что-нибудь недозволенное: скатерть, хлебницу, салфетку, грелку для чайника — и смотрит вопросительно на меня. Он все больше входит в раж, и вот уже из скатерти вырван клочок, а ковер вместе со стоящим на нем тяжеленным столом совершенно сдвинут вбок.

От того, кто чего-то достиг, всегда требуют еще большего. Теперь Чингис должен давать не только одну лапу, но и другую; должен «служить», сидя на задних лапах! Сначала ему это трудно

и непривычно — с досады он даже хватает меня зубами сперва за рукав, потом за руку, но, слава Богу, не прокусывает кожу до крови. Двух дней тренировок вполне достаточно для того, чтобы Чингис одолел такую премудрость, как «служить», сидя на табуретке. Правда, мне приходится протягивать ему руку, чтобы он мог опереться на нее своей широкой лапой. Постепенно я убираю руку все дальше и дальше, и очень забавно смотреть, как Чингис размахивает лапой в воздухе, ища опоры и боясь опрокинуться. Славное он существо все-таки!

Правда, после обеда это «славное существо» вцепляется мне зубами в ногу за то, что я на время уборки пытаюсь засунуть его в маленькую клетку, которая ему не по вкусу. Приходится его отлупцевать. Но он не обидчив. Вскоре после лупцовки волк уже весело играет со мной в саду. Из целой кипы газет, лежащей под лестницей, он вытаскивает по одной и разрывает на мелкие клочки, которые затем разбрасывает по земле. Вскоре сад выглядит так, как после сильного листопада, но только если бы вместо листьев на вишневом дереве росли страницы из «Морген пост», а на яблоне — из «Нахтаусгабе»... Заметив, что я подбираю обрывки бумаги, Чингис тут же начинает выхватывать их у меня из-под рук; кладет их перед собой, смотрит на меня и ждет, пока я подойду. А как только я подхожу, он их хватает в зубы и в последний момент уносится с ними прочь. Или по-другому: с газетой в зубах он несется прямо на меня, но пролетает мимо, да так близко, что чуть не задевает мои ноги. Но когда я пытаюсь его схватить или хотя бы опрокинуть на землю, он начинает описывать вокруг меня круги, подскакивает и отскакивает назад, делает ложные выпады. Как же он при этом радуется! Как же он доволен! Хвост, словно победный стяг, поднят кверху и мотается из стороны в сторону. Но я-то не всегда бываю рад этим играм. Иной раз он их затевает, когда я страшно тороплюсь по делам, а он хватает мою шляпу или шарф и не отдает. Однажды был случай, когда Чингис несся мне навстречу со скоростью курьерского поезда, а газета, которую он держал в зубах, накрыла ему глаза. Потеряв ориентировку, он изо всей силы ударился плечом о железный косяк калитки. Я, ей-богу, подумал, что он уже не встанет. Но нет, волки крепко сколочены: три минуты похрамал — и все уже забыто.

А вот еще захватывающий эпизод из нашей совместной жизни с волком: я решил попробовать отпустить Чингиса в безлюдном месте побегать без поводка (правда, в наморднике). Неужели он захочет от меня совсем удрать? Но нет, он ведь уже привык ко мне и послушно семенит рядом. А вот когда я припускаюсь рысцой, он вдруг внезапно отстает, я оглядываюсь — нигде его

нет. Пропал! Зову, свищу — нет. Кинуться назад его искать — гордость не позволяет: я ведь вожак его «стаи» и мне такое делать не полагается. Стою в некоторой растерянности. Но тут вдруг по узкоколейке, вдоль которой мы гуляем, надвигается с шумом пыхтящий и плюющийся паром паровоз. Чингис мгновенно вскакивает (лежал, оказывается, в высокой траве) и молниеносно бросается мне в ноги, ища спасения. Намордник у него сдвинут набок, и в зубах он держит огромную кость, которую, видимо, и грыз там, где лежал.

Так что первая попытка, можно считать, удалась довольно сносно. Может быть, уже можно решиться на то, чтобы мой волк шел рядом со мной по улице без поводка как самый настоящий благовоспитанный пес?

ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВОЛКИ СТРАДАЮТ МОРСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Темной ночью я затаскиваю Чингиса вверх по лестнице на безлюдную платформу электрички (согласно предписанию, конечно, в наморднике). Когда мимо промчался электропоезд, мой волк, разумеется, испугался и вознамерился убежать, но я его держу крепко. Признаться, я ожидал, что все будет проходить гораздо хуже, и даже удивился, когда он уже неделю спустя почти без сопротивления вошел вместе со мной в электричку. Правда, когда поезд тронулся и начало сильно трясти, мне пришлось его всячески отвлекать разговорами, я принялся негромко уговаривать его, как прекрасно вот так ехать вдвоем в совершенно пустом вагоне и т.д. Правда, потом я обнаружил, что мы не совсем одни и что в противоположном конце вагона сидит, тесно прижавшись друг к другу, парочка.

На обратном пути волк уже без колебаний зашел в пустой вагон. На сей раз мы действительно оказались одни, и я решил спустить Чингиса с поводка. Он тут же кинулся обнюхивать каждый угол вагона, возбужденно вскакивал даже на сиденья и водил носом по стене. Между прочим, двухгодовалая волчица, которая жила у меня после Чингиса, уже через четыре дня, после того как попала ко мне совершенно дикой, вошла как ни в чем не бывало со мной в поезд и преспокойно разлеглась у меня в ногах, словно привычная ко всему старая городская собака!

Убедившись во время наших ночных пробных поездок, что Чингис в чужом месте способен вести себя вполне прилично, я решил отважиться съездить с ним в гости к друзьям. Правда, Ансгар и Шарлотта отнюдь не приглашали меня приходить вместе с волком, но почему бедное животное должно тосковать в клетке,

в то время как я буду развлекаться в гостях? Решено — я беру его с собой. Надеваю ему импозантный намордник, который привез с собой из Италии; выглядит он весьма устрашающе, но на самом деле висит на переносице на мягком, подбитом поролоном ремешке, не стягивая пасть и позволяя животному свободно дышать.

В электричке все проходит чинно и благородно. В Шарлоттиной квартире ему сначала все надо тщательно «инвентаризировать», и он старательно в течение получаса обнюхивает все: мебель, одежду, стены, человеческие ноги, словом, все-все. Когда очередь доходит до вязальной корзиночки, то Шарлоттин клубок шерсти в одно мгновение уже в зубах у волка, и он не хочет его отдавать. Он соглашается выменять его обратно только на кусок сахара. Потом Чингис мирно укладывается в углу на пол, и только когда кто-нибудь из нас встает, он настораживает ухо или вопрошающе поднимает голову.

— Какая хорошая, послушная собачка! — восхищается Шарлоттина пухлая домработница, входя в комнату.— Можно ее погладить? Это ведь настоящая овчарка, правда?

Удивительно, какая метаморфоза может произойти с человеком буквально за считанные мгновения. Услышав от своих хозяев, что это вовсе не «собачка», а один из моих волков, женщина, обычно такая бойкая и веселая, внезапно вся как-то цепенеет, бледнеет, она уже не в силах пошевелить ногами, а руки начинают трястись мелкой дрожью, глаза ее закрываются — она вот-вот упадет без чувств. И все это из-за бедного, безобидного Чингиса, который к тому же теперь еще встал и медленно приближается, желая «познакомиться» с новой персоной. А персона не в силах вымолвить и слова, хотя охотней всего дико закричала бы: «Уберите это чудовище!» Но губы лишь безмолвно шевелятся от ужаса.

Раньше мне о подобном парализующем человека страхе приходилось читать только в книжках, и я, откровенно говоря, не верил, что такое в жизни бывает, что от испуга можно потерять дар речи. Поэтому я с удивлением наблюдал эту сцену и не сразу спохватился отозвать Чингиса. А после того как отозвал, женщина еще в течение пяти минут никак не могла прийти в себя. Мы все вместе принялись уговаривать ее погладить волка, который совсем не страшный, но она и слушать нас не захотела. Однако, забегая вперед, должен сказать, что после нескольких наших посещений она все-таки перестала бояться Чингиса и даже полюбила его.

А в тот первый свой приезд я не захотел в часы пик ехать назад на электричке. В это время она бывает так набита, что в

нее и самому-то не втиснуться, не применив силовых приемов, а тут еще с волком! Да и Чингис ни за что и не согласится тесниться между таким множеством чужих ног. Так что я решил поехать на трамвае, пусть с пересадкой и немного дольше, но зато без толкотни. Ехать нам надо на шестьдесят девятом номере. Шарлотта поехала с нами — ей все равно к зубному врачу, а это в ту же сторону.

Стоя на остановке, мы поспорили, у кого лучше зрение — кто раньше разглядит издали номер подъезжающего трамвая. Шарлотта утверждала, что шестьдесят девятый она ни с одним другим не спутает, потому что «он качается как ненормальный из стороны в сторону». И действительно, она оказывается права — старый бравый вагончик, сохранившийся, скорее всего, еще с кайзеровских времен, устраивает такую качку, словно это четырехмачтовая шхуна при легком бризе...

— Вот видишь, только в этом чертовом шестьдесят девятом такая болтанка, — заявляет Шарлотта, и я не пытаюсь ее разубедить.

Чингис не раздумывая вскочил вместе с нами на площадку и проследовал в вагон. Нам даже достались два свободных места, а Чингис заполз под нашу скамейку и спокойно там улегся. Замечательно, все идет хорошо, никто из пассажиров и не догадывается, что в трамвае едет волк.

— Нам, пожалуйста, два билета и один за провоз собаки.

— Получите, пожалуйста.

Чингис, оказывается, стоит всего десять пфеннигов. Совсем недорого.

Виляя из стороны в сторону, наш трамвай следует по Потсдамерштрассе, затем пересекает Потсдамерплац; когда мы проезжаем уже по Ляйпцигерштрассе, Шарлотта начинает морщить носик — чем-то воняет! Я тоже замечаю неладное, но толкаю ее в бок: не показывай, мол, вида — ведь это, может быть, Чингис...

Какой-то толстяк тоже что-то унюхал и начинает возмущенно озираться. В вагоне нарастает недовольство. Запах сделался уже омерзительно скверным и не замечать его просто невозможно. Сейчас начнется скандал. Я наклоняюсь, заглядываю под скамейку, и извольте радоваться: Чингиса стошнило. Он отрыгнул здоровенный кусок проглоченного еще вчера мяса! Шарлотта бежит на площадку и рывком открывает дверь, чтобы впустить свежий воздух. Но тут два пассажира, стоящих на площадке, начинают возмущаться.

— Хотелось бы знать, у кого это сыр с собой такой вонючий? — интересуется один из них.

Теперь остается только одно: делать вид, что ничего не слышишь и не видишь! Я встаю с невозмутимым лицом и волоку

упирающегося всеми четырьмя лапами Чингиса за собой к выходу. Трамвай останавливается, но кондуктор меня не выпускает: оказывается, это не остановка, а только перекресток со светофором, где выходить не разрешается. Вот проклятие! А кондуктор уже сообразил, в чем дело, и требует с меня штраф:

— Эй вы, это удовольствие вам будет стоить одну марку!

Я еще подумал, что, в общем, совсем недорого, Шарлотта лезет в сумочку, а я соскакиваю с подножки, быстро пересекаю тротуар возле остановки и влетаю в первые попавшиеся двери, чтобы не привлечь любопытство зевак. Я оказался в тамбуре кондитерской. Там я быстро снимаю с Чингиса намордник и вытряхиваю оттуда содержимое, но в тот же момент возникает хозяин кондитерской и, подозрительно принюхиваясь, грозно спрашивает:

— Что это вы, собственно говоря, здесь делаете?

Ничего не попишешь — дальше играть в прятки не придется; я и ему сую в руку одну марку, и после этого он уже готов навести порядок в углу тамбура. Через десять минут я сажусь в следующий шестьдесят девятый, но теперь уже из предосторожности остаюсь на передней площадке, чтобы в случае чего быстро выскочить.

Вагон на сей раз так переполнен, что мы с Чингисом едва отвоевываем себе местечко. Правда, Чингис, без особого стеснения пустив в ход свою волчью силу, бесцеремонно отодвигает от стены какого-то прислонившегося к ней человека и усаживается ему прямо на ноги. А тот не возражает, даже доволен: так теплее! Пусть, мол, греет ему ноги. Мужчина пускается со мной в пространную беседу, рассказывает, каких только собак он не держал. Упоминает даже о недавней сенсации, вычитанной из иллюстрированного журнала:

— Какой-то тип держит у себя дома настоящего волка! Читали?

Меня так и подмывает сказать, кто ему сейчас греет ноги. Но я тут же вспоминаю о той женщине и молчу. Не хватало мне еще одного обморока, да к тому же в трамвае!

Я представляю себе, что пришлось выслушать бедной моей Шарлотте, оставшейся в предыдущем трамвае. Чего ей там только не наговорили, наверное. Уж лучше бы вылезла. Но ей ведь было назначено к определенному часу к зубному, и она боялась опоздать. Я подумал, что поступил с ней так, как поступают с ездовыми собаками, бросая, чтобы спасти свою собственную шкуру, одну из них на съедение волкам, которые гонятся за упряжкой.

Уж представляю, что она потом будет рассказывать всем своим знакомым! От этой мысли мои губы невольно начинают растягиваться в улыбку... но в тот же миг меня охватывает ужас;

взглянув на Чингиса, я замечаю, что он делает головой характерные движения и люди, принюхиваясь, начинают подозрительно от него отодвигаться... Но, к счастью, вагон уже замедляет ход, а вот и остановка. Я хватаю своего волка в охапку — и на улицу. Оказывается, мы находимся на Франкфуртер-аллее. Подвожу Чингиса к дереву и снова снимаю намордник. Он быстро приходит в себя, ему уже легче. Какой-то мужчина интересуется:

— Простите, пожалуйста, не скажете, что это за порода?

— Немецкая овчарка.

Недоуменное покачивание головой.

— Странно. У нее такая необычная форма головы...

Я поскорей иду дальше; надо же добраться до следующей остановки шестьдесят девятого. Какой-то рабочий кричит мне:

— Эй, ты! Это что у тебя — волк?

— Почему волк? Обыкновенная собака!

— Ври, ври — волк это. Что я, не вижу, что ли?

Вот теперь уж точно соберутся зеваки. Но, к счастью, подходит шестьдесят девятый трамвай. Я влезая, Чингис за мной; плачу в третий раз за проезд. Подозрительно поглядываю на серого — неужели снова опозорится? Нетерпеливо считаю остановки и мысленно подгоняю время. Еще задолго до нашей остановки благоразумно решаю вылезти и пройти большую часть дороги пешком — так все-таки спокойней.

На ужин я выпиваю только чашку чаю и больше ничего: аппетит пропал. Заразился, что ли, морской болезнью от своего волка?

«Да разве у животных бывает морская болезнь?» — удивленно спрашивают меня на другой день все, кому я рассказываю о своем неприятном приключении. А как же! Стоит только спросить об этом ловцов диких животных, и они расскажут про обезьян, которые во время морской качки болеют морской болезнью не хуже нас с вами. Даже тюлени не переносят корабельной качки, хотя на воле привыкли постоянно качаться на волнах. Дело в том, что есть существенная разница между корабельной качкой и покачиванием на волнах, когда вы плаваете сами. Кто когда-нибудь видел пловца, которого в море начало бы тошнить? Подобного просто не бывает. Даже такие водоплавающие птицы, как глупыши (*Fulmarus glacialis L.*), которые обычно покачиваются на волнах и для которых «эффект лифта» должен быть абсолютно привычным, и те, по сообщению одного зоолога, во время перевозки в клетках на корабле заболели морской болезнью. А знаменитый ловец диких животных Дельмонт рассказывал, что во время перевозки морем в Европу в штормовую погоду у него погибла роскошная пантера, и именно от морской болезни. При

вскрытии он обнаружил у нее в двенадцатиперстной кишке маленькое серебряное украшение, из тех, которые индийские девушки вдевают себе в ноздри. Значит, животное было людоедом...

Операторы, снимавшие научно-популярные фильмы в высокоствольных лесах, устраивали себе так называемые засидки высоко в кронах деревьев, чтобы оттуда удобно было снимать семейную жизнь в птичьих гнездах, расположенных на вершинах соседних деревьев. Однако во время порывов ветра эти огромные деревья вместе с закамуфлированными засидками, людьми и камерами раскачивало из стороны в сторону с такой силой, что операторам посреди самой что ни на есть суши приходилось «приносить жертву морскому богу Нептуну»!

Значит, совсем не обязательно для этого плыть по морю. А для особенно чувствительных организмов достаточно проехаться на шестьдесят девятом трамвае от Потсдамерштрассе до Франк-фуртер-аллее...

ПУСТЬ НАУЧИТСЯ ПЕЧАТАТЬ НА МАШИНКЕ

У меня в гостях несколько коллег. В дальнем углу кабинета лежит Чингис и наблюдает за нами. Время от времени он встает, расхаживает по комнате, обнюхивает спину кого-нибудь из сидящих и потом снова ложится на место. Одному из гостей явно не по душе находиться в одной комнате с «хищником», он недовольно поеживается и наконец, решившись, лезет в карман, достает оттуда бумажник, вытаскивает вырезку из газеты и протягивает ее мне:

— Вот полюбуйтесь.

Я читаю: «По официальным данным, только за один год добычей волков стали: 3169 лошадей, 6866 жеребят, 2890 коров, 9655 свиней, 22 109 овец и 26 380 штук домашней птицы. В тот же год (1924/25) отмечено 168 случаев нападения волков на людей, из которых одиннадцать со смертельным исходом. Застрелить за этот промежуток времени удалось 3099 волков (включая волчат)...»

Ну разумеется, волки не агнцы и питаются не травой и не сеном. Однако статистика — это всегда двойная бухгалтерия. Никто ведь не станет считать наши деревни опасными из-за того, что там держат скот. И тем не менее по подсчетам, проведенным профсоюзами в Западной Германии в 1953 году, зафиксировано 36 549 несчастных случаев, происшедших по вине наших смирных домашних лошадок, коров и свиней, из них 169 со смертельным исходом! А кроме того, около тысячи человек

погибает ежегодно мучительной смертью из-за бруцеллеза, которым заражаются через молоко.

Нельзя волков считать и отъявленными людоедами. Ну разумеется, нельзя также сбрасывать со счетов тот факт, что в 1814—1815 годах в Германии, в одной из провинций, по их вине погибло двадцать восемь детей, а в 1820-м еще девятнадцать детей и взрослых. Все это верно. Но заметьте, это случилось всегда после войн. Во Франции волков так и не истребили до конца. По сей день они обитают на юге Пуатье, на северных берегах реки Дордонь и вокруг Ла-Бреса.

После окончания Второй мировой войны волки снова проникли в западные районы своего прежнего ареала. В начале пятидесятых годов в округе Целле был убит третий по счету волк в ФРГ. Первым был волк, ставший своего рода знаменитостью и получивший название «лихтенморское чудовище». Его никак не удавалось выследить, несмотря на то что он зарезал скота более чем на двести тысяч марок! И только в 1948 году с ним наконец расправились. Швейцарская пресса тоже в течение целых двух лет держала своих читателей в напряжении, потому что и в Ваплисе среди овечьих стад свирепствовало какое-то крупное хищное животное. То писали, что это рысь, то пантера, сбежавшая из цирка. Полиция не потрудилась снять отпечатки следов животного, с тем чтобы дать их для определения зоологам. Когда в ноябре 1947 года разбойника наконец удалось подстеречь и им оказался волк, все стали ломать себе голову, откуда он мог появиться в Швейцарии? Ведь последнего отечественного волка там подстрелили еще в 1872 году. Это было общеизвестно.

В 1949 году только в одной Черногории волки зарезали 11 300 голов скота. В Югославии этот бич после окончания войны стал настолько невыносимым, что правительство было вынуждено объявить о выплате премии в восемь тысяч динар за каждого убитого волка. Тем не менее за шесть лет удалось избавиться только от 6400 волков. В Мериде, в Испании, волки за одну только ночь разорвали в клочья стадо в 110 овец. Но особенно угрожающие размеры приняло засилье волков в Северной Португалии: там в 1945 году волки загрызли в общей сложности одиннадцать ребятишек. В 1949 году в Испании, близ Авилы, жители тридцати восьми деревень устроили совместную облаву на волков с участием сорока автомобилей. Но все это мощное «войско» сумело обезвредить не более двадцати волков и подстрелило... двух лис. А за год до этого во всей Испании удалось убить только 738 волков. Да, бороться с ними непросто. А три года тому назад на севере Финляндии проводились облавы

на волков с самолета и с машин, потому что они страшно бесчинствовали среди стад домашних северных оленей.

На сегодняшний день волки постоянно обитают в некоторых районах Чехословакии и Польши. Они вторглись и дальше на запад, и время от времени их отстреливают в Восточной Германии.

Но все равно я должен напомнить, что из-за кровожадных автомобилей за один только день погибает больше людей, чем от всех львов, тигров, леопардов и ядовитых змей всего мира за целый год! Самыми опасными все равно остаются изобретения человека...

А вот что говорит о волках доктор Шефер в описании своих научно-исследовательских путешествий по Тибету. Волки, по его мнению, самые осторожные, пугливые и в то же время наиболее умные среди всех диких животных. Однажды он при тридцатиградусном морозе просидел целый час возле убитого кианга (тибетский кулан) в надежде приманить волка и застрелить. Но тот все крался кругами вокруг охотника, хитрец, не решаясь подойти поближе. Наконец волк издал тоскливый вопль и убежал. «Подлый, трусливый хитрец, дурачивший меня в течение целого часа», — аттестует его в своем праведном гневе доктор Шефер только за то, что волк оказался недостаточно вежливым, чтобы дать себя спокойно пристрелить...

Да, волки значительно превосходят по своим умственным способностям наших хитрых лис, смывленность которых вошла уже в поговорку. Зимой, когда пугливому волку в одиночку невозможно добывать себе пропитание, волки собираются в стаи и тогда, гонимые голодом, могут превратиться в настоящих бестий. Так, из вьючных лошадей Шефера волки по ночам выдирали целые куски мяса, а тибетские проводники врачевали эти раны несчастным животным не менее варварским способом, заливая их кипящим маслом.

Охота волков на кианга выглядела следующим образом: сначала один волк из стаи вырывался вперед и гнался за жертвой, в то время как остальные, не особенно поспешая, трусили сзади, чтобы в нужный момент перерезать жертве дорогу, если она вздумает свернуть в сторону. Когда измученное, истекающее кровью животное останавливалось, целясь копытами в своих преследователей, волки усаживались вокруг и по очереди подскакивали к жертве, кусали ее. Измотав ее вконец, они уже всей стаей набрасывались на свою добычу и разрывали ее на части.

Вчера я опять отпустил своего волка побегать на пустынной улочке. Вдруг откуда ни возьмись навстречу старичок с канистрой. Чингису он чем-то очень приглянулся — он прыгает и пританцовывает вокруг него, провожает его, а тот гладит его по голове и хвалит «хорошую собачку». Идем дальше. Чингис подбегает к заснеженной канаве и начинает скрести лапами, откапывать что-то из-под снега. На мой зов не идет. Приходится взять его на поводок и силком оттащить от злополучной канавы. Когда, отойдя на довольно большое расстояние, я решаю его снова отпустить, он поначалу смиренно идет рядом, но потом останавливается и возвращается назад. Причем бежит не той дорогой, что мы прошли, а описывает огромную дугу по незнакомой местности и приходит точно к той канаве, от которой я его силком оттащил. Оттаскиваю его вторично, при этом обнаруживаю, что он откопал замерзший труп кролика из норы, скрытой под снегом. Неужели же он сумел учуять его с расстояния, превышающего, наверное, триста метров?

Впервые увидав в своей жизни на канале лед, волк несколько не опешил. Абсолютно спокойно сошел на гладкую и скользкую поверхность и стал по ней прохаживаться взад и вперед. А вообще он обычно идет со мною рядом; правда, только до тех пор, пока его не отвлечет что-нибудь более важное, например тухлая рыба, помойка или брошенное кем-то старое тряпье...

Его пристрастие к дурно пахнувшим (на наш взгляд) предметам выводит меня порой из равновесия. Так, однажды во время прогулки он отстал и никак не думает меня нагонять. Оглядываюсь и вижу, что он валяется на спине, вернее, катается с боку на бок. Когда я подошел к нему, чтобы посмотреть, на чем он там валяется, то обнаружил, что на... ну как бы это сказать, на оттаявшей от снега кучке сами понимаете чего. Хорошо еще, если на собачьей... Чингис так себя ею «продушил» и вообще привел себя в такой вид, что я опасаясь даже идти с ним рядом — держу за поводок по возможности подальше от себя. Дома я завожу его сразу в комнату для стирки, приношу ведро теплой воды, щетку и начинаю его драить, чтобы привести в божеский вид. Ему это, видимо, неприятно, и он испуганно щелкает зубами в мою сторону, стараясь вырвать из рук щетку. Но я уже так привык к нему, так доверяю ему, что не принимаю его угрозы всерьез. Когда я несколько неловко хватаю его за шею, чтобы оттереть ее как следует жесткой щеткой, он уже нешуточно кусает меня за руку. Сначала я ничего не чувствую, только вижу, как из-под кожи внезапно выбрызгивает тонкая струйка крови. Оказывается, он пропорол мне своими острыми белыми клыками основание большого пальца. В следующий момент Чингис уже осознал содеянное, он весь как-то съеживается, убегает и прячется в угол. Я же прижимаю к ране носовой платок и отпускаю ему хорошую порцию порки еще прежде, чем подумать о дезинфекции. Потом я ради предосторожности вкатываю себе еще и противостолбнячный укол. А Чингис выглядит таким расстроенным и подавленным, что мне становится его по-настоящему жаль. Но показывать этого я не имею права — иначе он не усвоит, что меня, своего «вожака», кусать нельзя.

Можно ли вообще бить животных? И если да, то в каких случаях?

Вообще-то на подобный вопрос сразу же хочется ответить «нет», и можно быть уверенным, что публика пылко вас поддержит. Совершенно несомненно и то, что битьем ни одно животное ничему невозможно *научить*, разве что *отучить* от чего-нибудь. Я считаю абсолютно невозможным приучить собаку с помощью порки хотя бы только «давать лапу»; не думаю, что так поступают дрессировщики диких животных, но не потому, что считаю их всех без исключения очень милыми и добрыми людьми (всякие среди них попадаются), а просто потому, что сами животные при таком методе ничему не научатся. Для дрессировки важно использовать разные добровольные устремления животных. Например, волку, который любит улизнуть через окно в соседнее помещение, нужно подставлять обруч, чтобы он был

вынужден прыгать сквозь него; а когда он к этому привыкнет, начинать этот обруч поджигать. И разумеется, за каждый такой прыжок ему следует выдавать вознаграждение. Очень важно, чтобы животное добровольно делало что-нибудь, что потом можно превратить в «номер». Однако здесь требуется огромное терпение и выдержка. Животное будет отвлекаться, играть, убегать, и его придется наказывать, чтобы отучить от этого. И в то же время наказания могут запугать ученика, сделать его боязливым. А ведь в дрессировке всегда значительно важнее то, что животное *делает*, чем то, чего оно делать не желает. Кстати, с агрессивным животным часто можно большего достичь, чем с запуганным, забитым.

У меня была волчица, которая после длительной разлуки со мной (ее пришлось временно отдать в чужие руки) казалась совершенно растерянной. Я ее никогда не бил, не наказывал, а тем не менее она пряталась от меня по углам, голодная, отказывалась взять у меня из рук мясо. Даже когда я подносил его к самому ее носу, она отворачивала голову. Как бы я был рад, если бы она оскалила зубы и попробовала на меня кинуться! А так мне пришлось ее несколько недель подряд брать к себе в комнату, кормить, что называется, «с ложечки», уговаривать, гладить, всячески ублажать, пока эта забитость не прошла бесследно.

Если я хочу с каким-нибудь животным найти общий язык, быть с ним, как говорится, «на ты», необходимо добиться того, чтобы оно принимало меня за особь своего вида. Точно так же как мы — вольно или невольно — считаем собаку, живущую в нашем доме, за члена своей семьи, так и волк постепенно должен привыкнуть принимать меня за своего родича, члена своей стаи. И он делает это точно так же, как всякая собака, которая защищает своих хозяев, бежит за ними вслед, радуется вместе с ними точно так, как делала бы это с собаками в своей своре. Важно тут только то, за кого меня принимает волк: за высшего по рангу волка или за подчиненного. Совершенно необходимо всегда соблюдать свое старшинство, иначе это заканчивается тем, что взятую в дом обезьяну или хищника объявляют злобным, капризным или неуправляемым и возвращают туда, откуда взяли, а то и усыпляют...

Надо помнить: в волчьей стае нет двух равноправных, дружески расположенных волков. Всегда один сильнее другого, и тот, что слабей, должен ему подчиняться. Когда волк делает попытку на меня напасть — может быть, пока еще не всерьез, а только для пробы — и я ему не противодействую, испуганно отшатываюсь, то это послужит для него знаком, что он вправе претендовать на роль «вожака стаи», и он станет все чаще и

жестче «ставить меня на место». Волк, который на воле у себя в стае или в вольере зоопарка был вожаком среди своих сородичей, непременно попробует и по отношению ко мне играть ту же роль. В таком случае непременно разразится борьба, настоящий поединок, где в ответ на укусы последуют удары, и так будет до тех пор, пока он не признает меня за «вожака». Выяснение отношений протекает обычно в довольно грубой форме, потому что среди волков не принято соблюдать каких-либо дипломатических правил, они не привыкли к особым тонкостям: законы у них волчьи, а шкуры дубленые. На нанесенные противником раны они не обращают почти никакого внимания.

Так, взятый мной в дом и еще ничему не обученный взрослый волк хотел во что бы то ни стало стащить у меня с тарелки бутерброд с колбасой. И невзирая на то, что я отвесил ему пару ощутимых затрещин, он не отказался от своей затеи. Не оказывая мне никакого сопротивления, а только потеряв лапой ушибленное место на голове, он не смущаясь все-таки схватил со стола мой бутерброд и стал его жадно заглатывать, не обращая ни малейшего внимания на мою лупцовку...

Но зато уж после того, как роли распределены и узаконены — кто «босс», а кто «подчиненные», — обычно бывает достаточно лишь легкого шлепка, чтобы добиться послушания. С Чингисом я добился этого достаточно быстро, хотя надо сказать, что у него и с самого начала не было тенденции к «захвату власти». Теперь же у волка выработались уже вполне приятные формы обхождения: он охотно «служит», дает лапу, приносит «апорт», по команде садится. Хочу, чтобы он запомнил также команды «лежать» и «ко мне».

Какие же все-таки у Чингиса железные мускулы, должен вам сказать! Когда я надавливаю ему на спину, чтобы он лег, а он не хочет, то он словно деревенеет. Да еще и зубы скалит. Но я не отступаю и, продолжая давить ему на холку, начинаю его ласково уговаривать, но он все равно упирается, не желает ложиться, и все тут. Ноги свои я из предосторожности ставлю от него подальше. Наконец мне все-таки удастся добиться своего: Чингис лег. В руках у меня кусок мяса, и я медленно отхожу на пару шагов в сторону. Волк тут же приподнимается. Я снова к нему, опять та же борьба, я назад, он снова вскочил, я опять к нему — и так десятки раз подряд! Когда он наконец на какой-то момент остается лежать, я тороплюсь скорее выкрикнуть «ко мне!». Он кидается ко мне и буквально чуть не вместе с рукой вырывает у меня мясо. И так днями, неделями подряд: утром — тридцать раз, вечером — тридцать раз. Я нарезаю подходящего размера куски про запас. А в промежутках мы повторяем с ним

еще и другие «номера», чтобы не забыть. Постепенно его сопротивление становится все слабее. Теперь уже достаточно бывает погладить его по голове и тихо шепнуть: «Лежать». До пяти минут он в состоянии пролежать в напряженном ожидании желанной команды «ко мне!».

Но когда я собрался продемонстрировать знакомым его новые достижения и вместо привычной комнаты вывел его для этого в сад — ничего не получилось: у волка все словно бы стерлось из памяти! Понадобилось несколько дней на то, чтобы привыкнуть проделывать все то же самое только на свежем воздухе.

Когда Чингису дают кости, то становится несколько не по себе, наблюдая, как крепкие лошадиные ребра с треском раскалываются и крошатся в зубах волка. Невольно я в такие минуты вспоминаю о своем собственном гораздо более хрупком скелете... После такого «костного» блюда Чингис часто стоит в странной, застывшей позе, воет и стонет. Иной раз все, что он проглотил, отрыгивается назад, в еще не переваренном виде, размельченное лишь на кусочки размером с кукурузные зерна; все отрыгнутое тут же съедается по второму разу.

«Ах, какой же это замечательный волк, какой он умный, какой понятливый и ученый», — не могут нахвалиться на Чингиса мои гости.

Поэтому меня подмывает учить его все новым и новым «фокусам». Я решил научить его печатать на машинке. На специальной «волчьей» пишущей машинке. Честное слово, я это сделаю! Начинаю я для этого с самых азов. Велю сесть ему на табуретку и дать лапу. Но вместо руки протягиваю ему деревянную дощечку, вырезанную в форме клавиши. Сразу же в первый день он изловчился выхватить у меня эту клавишу и в два счета размолот ее зубами в труху. Но поскольку я знаком с его повадками, я заготовил себе сразу несколько запасных клавиш. Таким образом, класть лапу на клавишу мы обучились очень быстро. Мешает только нервозность Чингиса, из-за которой он в своем возбуждении все время встает на все четыре лапы, вместо того чтобы спокойно сидеть на своем пушистом хвосте. Он вообще со временем стал проявлять такую жадность к еде, что несколько раз буквально нападал на меня, вырывал плоску с мясом и мгновенно опустошал ее. Я, разумеется, в таких случаях тоже не остаюсь в долгу, между нами начинается «волчья» потасовка, с погоней друг за другом, с дикими прыжками через мою голову, со скрежетом зубов, рычанием, моей руганью и громкими проклятиями. И заметьте, все это происходит ночью, в цокольном помещении нашего дома.

Во время одного такого скандала является моя жена в ночной сорочке и с застывшими от ужаса глазами смотрит в «глазок» запертой изнутри двери. Но должен вам сказать, что такая потасовка для непосвященного зрителя выглядит гораздо страшней, чем она есть на самом деле. И к твоей чести, мой бедный, давно уже умерший Чингис, я обязан заметить, что ты в подобных случаях *ни разу* не укусил *меня*, а всегда только палку в моих руках и старался выхватить у меня большой кусок мяса, которого я тебе не желал отдать добровольно.

Впоследствии я стал нарезать мясо на более мелкие кусочки, чтобы они не так сильно возбуждали жадность моего друга, и тогда наши занятия приобрели снова более благопристойную форму.

Теперь Чингис должен опускать лапу на клавишу не по команде «дай лапу», а по другому сигналу: когда вспыхивает электрическая лампочка. Восемь раз подряд я включаю лампочку и одновременно произношу команду. На девятый раз он исполняет требуемое уже без команды, а по световому сигналу. На следующий день он кладет лапу на клавишу, даже не дожидаясь светового сигнала, и потребовалось немало времени на то, чтобы он понял: слепое усердие может только повредить — тогда ничего не получишь!

Прошло уже пять месяцев, как Чингис у нас, и я каждый день с ним общаюсь, и только теперь он постепенно становится наконец несколько ласковей в обращении со мной. Он чаще подходит ко мне без всякого моего зова, садится возле меня, лижет мне руки, а если достанет, то и глаза, охотно разрешает почесывать себя за ушами. Когда я за ним прихожу, он выказывает неподдельную радость, а вчера так даже издал от восторга короткий лай. За последние месяцы Чингис это делает уже второй раз; но в тот первый он залаял от испуга и гнева, когда я внезапно подошел к нему, к спящему, и он от страха и неожиданности подскочил кверху на целых два метра!

Кто-то когда-то выдвинул теорию, что волки способны только выть, а их потомки — собаки — научились лаять как бы в ответ на человеческую речь. Но тот, кому приходилось иметь дело с волками и кто их приручал, непременно должен был заметить в какой-то момент это короткое взлаивание, эдакое тьяканье. Так что собаки лишь «развили» эти звуки, которые, безусловно, относятся к «волчьей речи», доведя их до оглушительного лая. Но ведь и среди собак встречаются такие, которые не умеют лаять; я, например, подобных молчаливых собак встречал в Конго, у местных жителей; то же самое рассказывают об эскимосских собаках.

Приехал навестить меня двоюродный брат. По его же собственной просьбе я выпускаю из клетки Чингиса. Через несколько минут захожу в столовую и замечаю, что мой волк не отрываясь смотрит куда-то в угол за моей спиной. Оборачиваюсь и вижу своего дорогого братца, в страхе забравшегося на стол. Поскольку Чингис никак не может оторваться от столь непривычного для него зрелища и не собирается уходить, Карл сдавленным от волнения голосом просит «сейчас же запереть хищника в клетку», а иначе он ни за что не согласится слезть со стола.

Я заказал себе хитроумное сооружение с несколькими деревянными клавишами, своего рода огромную пишущую машинку. Поначалу клавиш было только четыре. Каждая клавиша соединялась проводом с электрической лампочкой, которую я нажатием на соответствующую кнопку выключателя мог по своему желанию включать и выключать. Лампочки были разноцветные. Но ей-богу, легче научить волка писать, чем правильно соединить все эти проволочки и проводочки, которые должны получать ток от общей батареи, чтобы функционировать. Вот уж игра на испытание терпения!

Увидев незнакомый «страшный» предмет, Чингис не на шутку испугался. Он ни за что не соглашался подойти к нему поближе. Но потом я день ото дня придвигал его табуретку все ближе к машинке, и, наконец, он уже сидел на нужном от нее расстоянии. Сначала я ему предлагал ударять все по одной и той же клавише. Однако у него такой «сильный почерк», что клавиша после нескольких ударов уже вылетела из машинки и шлепнулась куда-то в угол.

Однако спустя десять дней дело пошло на лад. Оно спорилось даже в тех случаях, когда проклятая лампочка не хотела загораться, то есть когда волк не успевал получить от меня сигнала, а я только *намеревался* его дать. Я был прямо поражен! Что это? Передача мыслей на расстояние? Мне припомнилось утверждение дрессировщика тигров Тогара, будто его животные часто исполняли команды, которых он еще не произнес, а только хотел произнести. И что это, безусловно, самая настоящая телепатия. Неужели такое правда может быть?..

Но очень скоро разгадка этого удивительного явления у меня в руках. Оказывается, волк и раньше не обращал никакого внимания на вспыхивание лампочки, а лишь следил за моим пальцем, которым я нажимал на кнопку выключателя. При каждом нажатии ноготь белел... Так что ларчик просто открывался. Как часто дрессировщик, перед тем как дать команду своему «ученику», непроизвольно делает какое-нибудь свойственное ему движение: легкое сжатие пальцев, переступание с ноги на ногу, сощуривание

глаз и многое другое. Животные, которые и без того не спускают глаз со своего учителя, со временем начинают улавливать подобные, незаметные для постороннего вещи раньше услышанных приказаний; и вот уже налицо удивительнейшее, «необъяснимое» явление — «передача мыслей на расстояние».

Когда я однажды зашел в клетку к Чингису и присел рядом с ним на пол, то, к моему удивлению, он тут же сам, без всякой моей просьбы, протянул мне лапу. Он клал мне ее настойчиво на руку и на ногу и подолгу так держал, хотя поза для него была явно неудобной. Три дня спустя я обнаружил, что волк хромотает на эту ногу. Значит, она у него болела, и он показывал мне ее, а я не понял. Подушечки его лап оказались сильно стертymi, причем я понял отчего: из-за грубого и неровного шлакобетона, которым был покрыт пол в поставленной в саду большой клетке. Я пригласил каменщика, и он покрыл пол гладким слоем цемента. Через пару дней после этого лапа уже зажила и все было в порядке.

Мою жену волк, по-видимому, считает за существо более низкого ранга. Во всяком случае, каждый раз, когда она просит дать ей лапу, Чингис вместо этого щелкает зубами в ее сторону. Невзирая на то что он живет у нас уже восемь месяцев.

Вечером, лежа в постели, я обдумываю планы усовершенствования своей «пишущей машинки». Каждая клавиша при нажатии будет теперь поднимать кверху большую букву. Проблема состоит лишь в том, чтобы найти кого-нибудь, кто изготовит мне такое хитроумное деревянное сооружение. Лампочки в нем постепенно будут светиться все слабее и должны быть запрятаны куда-то внутрь, так чтобы они были видны одному только волку из непосредственной близости, а публике — нет. Тогда Чингис, если я буду нажимать на нужные кнопки, начнет давать потрясающие ответы на вопросы, выстукивая их на машинке. Это будет просто умопомрачительно! А если на демонстрацию наших опытов начнут приходить различные умники, чтобы проверить степень развития волка и расспрашивать его (как в свое время «лающих ответы собак» и «отстукивающих ответы копытом лошадей») относительно его мировоззрения или предлагать вычислять логарифмы, тогда Чингис будет отстукивать на машинке: «Чую человечину! Чую человечину!» или для разнообразия: «Здесь пахнет ослом!»

Но это пока в мечтах. А в суровой действительности еще далеко до подобных успехов! Мой волк никак не может освоиться с «пишущей машинкой» и то и дело старательно ударяет не по той клавише, по которой нужно. Трах-тарарах!

Хотел я его приучить кататься со мной в автомобиле, но он сопротивлялся как бешеный. Страшно пугался, когда машина

трогалась с места, и пытался вырваться наружу. Между нами опять завязывалась отчаянная борьба, да еще в такой тесной клетушке, кончавшаяся расцарапанными сиденьями и заляпанными стеклами. Но опять же в своем смертельном страхе волк не пытался меня ни разу укусить, и это ему высоко зачтется!

Но тем временем разыгрались новые события в жизни моего волка. Из товарища по прогулкам и объекта научных опытов, проделываемых над ним никому тогда еще не известным молодым ученым, проживающим в одном из самых заурядных домов Берлина, Чингис в один прекрасный день превращается в знаменитую кинозвезду. Судьба властно врывается в маленькую волчью жизнь, всю ее переворачивает вверх дном и переносит далеко через горы и долины в Италию.

ЧИНГИС В ИТАЛИИ

В тот раз я вышел после обеда прогуляться с Чингисом в районе Берлин-Иоханнсталль. Вдруг меня нагоняют двое мужчин. Оказывается, они заходили ко мне домой, не застали и отправились меня искать. Они представились, и я узнал, что это деятели известной кинокомпании, которая как раз в то время снимала фильм «Равнина» по одноименной опере. В этом фильме главный его герой, пастух, борется с волком, после чего решает спуститься с гор на равнину, где среди людей попадает еще в худшую переделку... Киношники, оказывается, в прошлом году уже пробовали отснять эти кадры, одолжив в каком-то цирке волка и увезя его в Альпы, но ничего хорошего из этого не получилось; один из итальянских участников фильма даже поплатился во время съемок жизнью.

Для меня тогда, как и для большинства непосвященных смертных, мир кино казался чем-то загадочным, необычным, за кулисы которого так любопытно заглянуть; поэтому я дал свое согласие. Приучить моего волка «понарошку» бороться с человеком было для меня пустяковым делом. Напасть всерьез он не решится — для этого я его воспитал слишком «человеколюбивым». Но я мог заставить его, например, вцепиться кому-то во время игры в рукав или даже прыгнуть на грудь и начать вырывать куски из одежды. Я даже придумал, как я это сделаю: на актера наденут толстый ватник, который волк не в состоянии прокусить, а на груди будет закамуфлирован кусок мяса, и Чингис начнет жадно рвать его зубами. Гораздо больше меня беспокоило, не убежит ли волк от нас там, наверху, в горах. Тем не менее бесплатная поездка в Доломитовые Альпы была для нас с женой тогда не-

обычайно привлекательной — мне бы никогда и во сне не приснилось, что придется принимать участие в музыкальном фильме-опере!

Киношники, правда, изображали все значительно серьезней и опасней, чем оно было на самом деле. Там, на своей киностудии «УФА-фильм», представляющей собой целый городок наподобие маленького Голливуда, они содержали в клетке волчицу по кличке Инка, которую собирались как раз пристрелить. Киностудия откупила ее у одного цирка, но со временем она, по их словам, сделалась настолько злобной и неуправляемой, что никто уже не решался даже задвигать ей в клетку миску с едой. Я дал себя уговорить взять ее временно к себе в дом с целью «перевоспитания».

Это была канадская волчица темной окраски, почти черная. Поначалу она делала вид, что ужасно злая, но после того как я несколько раз поговорил с ней в ласковом и доверительном тоне, да еще подсел к ней поближе, прислонившись с наружной стороны к решетке, она неожиданно сделалась вполне сговорчивой, даже хвостом завиляла. Тогда я на другой же день принял смелое решение: открыл дверь и просто вошел к ней в клетку.

Однако тут я должен заметить, что далеко не каждое животное, которое за прутьями своей клетки ведет себя очень приветливо с окружающими, останется таким же дружелюбным, если решетки не будет. Ведь не только нам спокойней, когда они за решеткой, но и они чувствуют себя за ней в большей безопасности.

Но Инка обрадовалась, когда я к ней вошел, как я и ожидал. Она радостно запрыгала вокруг меня, положила мне передние лапы на грудь, старалась лизнуть в лицо. Мы с ней сделались на всю жизнь друзьями и оставались ими даже в очень опасных ситуациях. Когда я стал гладить Инку по спине и бокам, то прощупал на ее коже струпья и шрамы; как видно, работники киностудии охаживали бедняжку палками и железными прутьями. Тогда, конечно, не приходится удивляться, что от подобного обращения дикое животное делалось все озлобленней и агрессивней.

Потом мне предложили выбрать себе еще самого большого и красивого волка из содержащихся в Лейпцигском зоопарке. У того, которого я выбрал, была густая пышная шерсть, в особенности на загривке и вокруг шеи, и назвал я его Липс, потому что он прибыл из Лейпцига. И вот представьте себе, что, несмотря на то, что это было сильное взрослое животное, никогда до тех пор не приходившее в соприкосновение с человеком, а жившее только среди сородичей своей зоопарковской стаи, я через восемь дней уже настолько завоевал его доверие, что он разрешал мне

застегивать на нем ошейник с поводком и гладить его по голове. После таких успехов я до того расхрабрился, что готов был на спор взяться приручить любого волка за две недели. Надо только проводить с ним вместе побольше времени, вот и все. Если с волками обращаться, как с собаками, и не показывать вида, что боишься их, то с ними вполне можно справиться и даже подружиться. Хотя они, безусловно, сильно отличаются от собак, причем больше по своему поведению и привычкам, чем по внешнему виду.

Я не собирался устраивать большого шума вокруг подготовки волков к съемкам в фильме, но киношники навязали мне «помощника», утверждавшего, что он был дрессировщиком диких зверей в цирке.

— Волки, поверьте мне, гораздо, гораздо опасней львов!— заявил он мне, делая страшные глаза, и настоял на том, чтобы в моем саду была выстроена арена, обнесенная деревянными стенами пятиметровой высоты с длинным решетчатым проходом в нее, по которому волков следовало «загонять» из клеток на арену. «Гнать» их он собирался, сидя наверху с длинным кнутом в руках, но через восемь дней я уже отказался от его услуг.

Что же касается несуразного деревянного сооружения у меня в саду, то от него все же была некоторая польза: я мог в нем загорать совершенно нагишом и никто из соседей меня не видел...

Туда же я запускал по очереди то Чингиса, то Инку, и они, побегав немного по кругу, тоже ложились позагорать на солнышке. Если я засыпал, то волк подбегал ко мне и «по-волчьи» толкал носом в бок. А если я и после этого продолжал притворяться мертвым, встревоженное животное осторожно щипало меня зубами за руку: вставай, мол, нечего дурака валять! Хорошие они все-таки ребята, эти волки!

Вскоре мы с женой поехали в Доломитовые Альпы, где нам до тех пор никогда еще не приходилось бывать. По приезде в Бозу нас ожидала телеграмма от режиссера, что съемки откладываются на восемь дней. Так что выдалась удобная возможность съездить еще и в Венецию, причем в такую Венецию, какой мне ее никогда уже после видеть не приходилось: повсюду одни только итальянцы, без вездесущих американцев, немцев, французов и англичан; пляж Лидо — полупустой, а не набитый до отказа, так, что яблоку упасть негде...

Однако вернуться в Бозу нам пришлось на день раньше намеченного срока — вызвали телеграммой. В чем дело? Багажное отделение Бозенской таможни оказалось заблокированным: Чингис, прибывший багажом два дня тому назад, прогрыз деревянную стенку своего транспортного ящика и выбрался наружу. Теперь

он с независимым видом расхаживает между контейнерами и прочим багажом, а итальянские таможенники наблюдают за ним через маленькие смотровые оконца, но войти туда никто не решается. Не вернись я вовремя, они бы его пристрелили — нельзя же, чтобы из-за одного волка прервалась деятельность такого учреждения, как таможня!

Наш волк приветствовал меня с бурной радостью, тут же позволил взять себя на привязь, а после этого все таможенники пожелали с ним сфотографироваться на память.

Сначала мы поселились у перевала Ролле на высоте 2000 метров над уровнем моря. Кинокомпания арендовала там хижину, которая зимой обычно сдается лыжникам. Жили мы там вместе с оператором Зеппом Алгайером, снявшим первые фильмы с участием лыжников еще для немого кино («Чудо лыжни», «Охота на лис в Энгадине»).

Алгайер много чего мог порассказать о съемках в Альпах. Так, однажды его вместе со швейцарскими проводниками и носильщиками занесло снегом в лачуге, расположенной высоко в горах. В течение нескольких дней никто не мог до них добраться и им пришлось форменным образом голодать. Когда они единственной среди них женщине — актрисе, играющей в этом фильме главную роль, — пытались выделить большую порцию хлеба (потому что для съемок необходимо было сохранить совершенство ее форм и аппетитную привлекательность), швейцарцы устроили чуть ли не форменный бунт. Наконец появился летчик и стал сбрасывать на маленьких парашютиках пакеты с продовольствием. К сожалению, большинство из них сносило ветром в пропасти или завалы, делая недосыгаемыми. Один большой пакет швейцарским скалолазам удалось с невероятным трудом, после четырехчасовой операции, во время которой они спускались на канатах в глубокую трещину ледника, все же извлечь наверх. Когда они его развернули, в нем оказался роскошный букет цветов для исполнительницы главной роли! Трудно представить себе, что тут началось — чуть до драки не дошло.

У Зеппа была отвратительная манера будить всю киногруппу по утрам. За час до восхода солнца он прохаживался по узкому коридорчику, куда выходили двери всех комнат, и... играл на трубе различные сигналы и мелодии. Это звучало еще противней, чем настырное «по-о-дъем!», которое сержант в казарме орет по утрам призывникам. Потом мы все вместе отправлялись вверх по горе, ежась от утреннего холода и тяжело дыша из-за разреженного воздуха, с тем чтобы с первыми лучами солнца уже все было приготовлено к съемкам. Я шел без поклажи, ведя только своего волка на поводке, в то время как все остальные несли

еще порядочный груз на спине. И тем не менее я едва за ними поспевал, пробираясь среди нагромождения камней,— ведь все они были опытными альпинистами, а я нет. Так что приятным отпуском мое времяпрепровождение там, наверху, никак не назовешь.

Некогда даже было полюбоваться на всю эту красоту кругом: желтые лиственницы на фоне невероятно синего неба! Необозримые долины внизу, а наверху по утрам и вечерам вспыхивающие контуры диких замков — резных вершин гор. Работать приходилось до тех пор, пока светило солнце, а, к досаде всех участников, светило оно каждый день с раннего утра до позднего вечера.

Чингису надо было подкрадываться меж скал, а затем нападать на пастуха, который защищал от него свое стадо. Чтобы заставить волка насторожиться и ползти на брюхе, я привез с собой разные разности, которые волк никогда в своей жизни не встречал: скачущие и пищание детские игрушки. И они сделали свое дело: Чингис насторожил уши и начал по-пластунски, на брюхе, подбираться к непонятному предмету — весь внимание, чтобы под конец, изловчившись, прыгнуть и подмять его под себя. Я был страшно доволен артистическими способностями моего волка, но тут оказалось, что оператор взял не ту приставку, ему следовало навинтить другой фильтр на объектив. Значит, еще раз все сначала. А Чингис уже не был на сей раз так заинтересован моей игрушкой, он ведь уже узнал, что это такое.

На следующий раз режиссеру вдруг пришло в голову, что те облака были на фоне кадра, так что сцена не будет как следует стыковаться с предыдущими. И никто не хотел понимать, что волк не актер, его хоть и можно приучить давать лапу и приносить поноску, прыгать сквозь обруч и исполнять тому подобные трюки, но не по команде подкрадываться ползком, потому что это чисто инстинктивное поведение.

С одной этой пустяковой сценой нам пришлось провозиться долго-долго, и, когда так ничего путного и не получилось, я был вынужден вытащить свой последний козырь — большую деревянную овцу, обтянутую настоящей овчиной, которая пищала, когда ей надавливали на грудь. Увидев овцу, мой волк кинулся на нее очертя голову и впился мертвой хваткой, не желая отпустить. Никакие мои окрики, проклятия, пинки и удары не помогали: он разорвал овечку на части. А чтобы вырвать ее у него из пасти, мне пришлось воспользоваться дубовым суком, применив его в качестве рычага, чтобы разжать намертво сжатые челюсти волка. Надо отдать ему должное: даже во время этой дикой потасовки он ни разу меня не укусил!

На время перерыва я привязал обоих волков проволокой к дереву. Когда мы сидели за завтраком, над плечом режиссера вдруг просовывается волчья башка и забирает у него бутерброд, который он только что поднес ко рту. Один из статистов заорал:

— Волк на свободе!

И вмиг вся киногруппа разлетелась кто куда, стараясь вскарабкаться повыше, на обломки скал. Только режиссер остался сидеть на месте, боясь пошевелиться, в то время как обнаглевшая волчица Инка спокойно принялась лакать красное вино из его бокала. Когда я ее взял на привязь, режиссер тоже поспешил укрыться в надежное место.

— Вот посмотрите на этих режиссеров,— принялась выкрикивать одна из актрис,— какими они становятся трусливыми, когда дело касается их самих! Когда им самим приходится участвовать в рискованных сценах! Посмотрите только на него! А нас в этих проклятых «горнолыжных» фильмах заставляют работать без дублеров, исполнять Бог знает какие безумные трюки! Лени тогда, помните, себе обе ноги сломала! А в «SOS-айсберг» главному герою пришлось двенадцать раз подряд прыгать в ледяную воду и там барахтаться среди льдин — что ж с того, что в резиновом водолазном костюме все равно холодно! И все только из-за того, что, видишь ли, солнце не так сверкало и отражалось в воде, как тебе этого хотелось! Тьфу!

За время моего пребывания в киногруппе я узнал еще много разных подробностей относительно храбрости киногероев. Так, один очень известный актер тогдашнего кино — блондин с изумительной спортивной фигурой, который всегда играл особо «бесстрашные» головокружительные роли — был, оказывается, известен тем, что боялся пройти по доске через овраг, если не было перил. За него это обычно делали дублеры. А такой артист, как Гарри Пиль, большинство трюков исполнял сам — даже ко львам в манеж выходил без перегородивающих клетку невидимых зрителю стекол. Я знаю, это чистая правда: меня самого однажды одно страховое агентство пригласило в качестве эксперта, когда он во время съемок ездил верхом на слоне и вывихнул себе при этом руку.

Немножко поволноваться пришлось и нам во время наших съемок, притом уже в одну из первых ночей. Причиной этих волнений явилась Фурба.

Фурба была шотландской овчаркой, охранявшей стада овец. Она тоже участвовала в нашем фильме. Средней величины, с отвислыми ушами и с густой, не слишком длинной шерстью. Собаке пришлось несколько месяцев прожить у меня в доме в Берлине в качестве гостя, потому что на время перерыва в

съемках ее никто не хотел брать к себе. Фурба была веселая и преданная собака, но вскоре нажила себе массу врагов среди наших соседей. Дело в том, что Фурба не могла спокойно видеть убегающих людей, она обязательно их догоняла и хватала за ногу. Ни одному велосипедисту не удавалось проехать мимо нашей калитки, чтобы она не стащила его с велосипеда (ничего серьезного, впрочем, ему при этом не причиняя). Да она и не могла бы ни во что крепко вцепиться, потому что пастухи, чтобы не пострадали овцы, сточили ей острые концы верхних и нижних клыков.

Здесь, наверху, на просторных альпийских пастбищах, я понял, почему она хватала за ноги каждого бегущего. Она была специально обученной овчаркой, которая не должна была допускать, чтобы какая-нибудь из овец отбилась от стада. Собака до тех пор с громким лаем бежала вслед за отбившейся овечкой и хватала ее за задние ноги, пока та не возвращалась назад к своему стаду. Фурба была профессионалом в своем деле, была с детства этому обучена, поэтому и в Берлине не могла отступить от своих повадок, несмотря на то что там ее за это не больно-то хвалили, а, наоборот, только ругали и проклинали. Теперь, задним числом, я очень жалел бедную Фурбу, видя, как привольно она бегаёт по горным склонам, и понял, как же ей грустно было в городском доме и на всех этих асфальтированных дорогах. Я решил никогда больше не забирать ее отсюда — пусть всегда живет в привычных для себя условиях.

Когда съемки были на пару недель прерваны, волчица Инка, которая принадлежала киностудии, должна была остаться здесь, наверху, в горной хижине. Когда я вернулся, реквизитор сообщил мне, что волк тяжело болен и его, наверное, придется пристрелить.

Я тотчас же пошел к Инке. Ее поместили в маленьком хлеву, к дверям которого была привинчена тяжелая железная решетка. Инка превратилась в собственную тень. Все ребра проступили наружу, бока запали, задние ноги подгибались. Она с трудом поднялась и подошла ко мне; для того чтобы прыгать от радости, она была слишком слаба.

Я никак не мог понять, что довело волчицу до такого ужасного состояния, и спросил об этом потихоньку хозяина хижины, итальянца Палузелли.

— Отсутствие корма, — был его ответ. — Все время, пока вас не было, из Бозы вообще не подвозили мяса.

Разумеется, реквизитор, которому кинокомпанией было поручено во время отсутствия основной съемочной группы обеспечивать провиантом животных, утверждал как раз обратное. Правда, он всего один раз съездил в Бозу, но зато привез сразу

целую корову, которую и заложил в глетчер, как в холодильник. На чем ездил в Бозу? Ну разумеется, на машине. На какой? На легкой, на какой же еще? Значит, он не мог привести корову, в лучшем случае это был теленок, а в худшем... словом, Инка отошала от голода, а вовсе не была больна.

Умиравшей от голода волчице высоко зачтется, что она не набросилась на меня, когда я к ней приблизился, а, наоборот, обрадовалась. Ведь нельзя забывать о том, что это волк, а голодный волк — это страшный зверь. Через десять дней я ее снова откормил и она вернулась в нормальное состояние. Но сам я с тех пор решил никогда в жизни не одалживать для съемок своих собственных или вверенных мне животных, ни при каких, даже самых заманчивых, предложениях. Если уж соглашаться на съемки, то либо я сам, либо моя жена должны неотступно при этом присутствовать. А этого, как правило, нельзя себе позволить из-за отсутствия времени.

Кинодеятели очень щедры на обещания. Крестьянин в живописном, далеком от города хуторе, согласившись, ни о чем не подозревая, на съемку в своем саду, внезапно обнаруживает, что часть забора от палисадника снята с места и сдвинута в сторону, а липа, которая росла перед домом, спилена и прислонена сбоку от входной двери — «потому что так живописней». В один прекрасный день киношники исчезают, а он остается посреди всего оставленного ими разгрома...

Между прочим, Инку я потом в своей жизни случайно встретил еще раз. Было это три года спустя в одном зверинце. Сначала она меня не признала среди других посетителей, толпящихся вокруг ее клетки. Но когда я ее окликнул, радость встречи была велика. Меня впустили к ней, и она так восторженно кинулась ко мне, что чуть не сбила с ног. А потом мы с ней еще довольно долго играли, возились в соломе, тузили друг друга. Ее новые владельцы даже не подозревали, что она такая ручная. Мне с трудом удалось выбраться из клетки — Инка ни за что не хотела меня отпустить. С какой бы охотой я взял ее с собой, но в то время у меня не было возможности поселить ее у себя в доме. Интересно, какова была дальнейшая судьба этого прекрасного животного?

Но вернемся к съемкам нашего фильма. Чингис быстро усвоил, как нужно на меня «нападать» и намертво вцепляться мне в руку. Для этой цели я заказал изготовить специальную железную шину, которую оборачивал куском конины, а сверху еще и старым мешком. Ведь и по сценарию пастух Педро, прежде чем сразиться с волком, оборачивает себе руку мешковиной. Со стороны «поединок с волком» выглядел довольно устрашающе, но вся слож-

ность состояла именно в том, что Чингис привык вести себя по отношению к людям слишком приветливо. Я поначалу предполагал, что исполнитель главной роли сам должен будет провести эту сцену, но оказалось, что режиссер счел это чересчур «опасным». Так что мне пришлось заниматься одним из самых забавных дел в своей жизни: стать дублером кинозвезды!

Главную роль играл молодой австриец по имени Айхбергер, которого для съемок в кино окрестили Францем Айхом, потому что так лучше звучит... Он не был профессиональным актером и никогда до этого еще не стоял ни на сцене, ни перед кинокамерой, и ему пришлось срочно обучаться литературному немецкому языку и сценическим приемам. Но он был славный малый. Из-за того что у него начались какие-то неполадки с желудком, ему запретили курить, и директорша бдительно следила за тем, чтобы он не вздумал «стрельнуть» у кого-нибудь сигаретку. Так что иногда мы с ним, выбрав подходящий момент, спрятавшись за какой-нибудь скалой, делали пару затяжек.

Лохмотья одежды итальянского пастуха не годились на меня ни в длину, ни в ширину, а в курчавом парике я казался себе ужасно смешным, просто до неузнаваемости. Что же до Чингиса, то он меня все равно сразу узнал, даже в этом маскарадном костюме.

Если бы речь шла только о «нападении волка», то это не составило бы для меня никаких трудностей: я ведь достаточно долго разучивал его с Чингисом. Но теперь режиссер начал от меня требовать такое, о чем прежде не было и речи: оказывается, я должен схватить волка за горло и «удушить», при этом мы с ним вместе должны кубарем катиться с откоса. Мне-то ничего не стоило сделать вид, что я душу волка. Но вот как объяснить Чингису, Инке или Липсу, что я не всерьез собрался их задушить, что это просто шутки такие и что мы ни за что не сорвемся вместе в пропасть, а только сделаем вид, что нам это угрожает?

Что делать? Я надел Чингису намордник — он ведь уже привык носить его в берлинской электричке, так что не сопротивлялся. Потом лег на спину, потянул его сверху на себя и затем схватил за горло. Это пока было нетрудно. Но теперь я должен был опрокинуть его на бок и прижать сверху своим телом. Попробуйте опрокинуть волка, у которого четыре устойчивых ноги и стальные мускулы! Нет, так дело не пойдет: Чингис встал надо мной, широко расставив ноги, твердо уперевшись ими в землю, зарычал мне в самое лицо и грозно оскалил зубы, не давая сдвинуть себя с места ни на один сантиметр. Он словно бы приклеился лапами к земле.

Я начал его спокойно уговаривать, гладить, ничего, мол, страшного здесь не происходит, а сам незаметно защемил каждую из его передних лап у себя под мышками, а ногами обхватил его вокруг туловища и теперь, когда он потерял устойчивость, опрокинул его на бок. Когда мы оба очутились рядом, лежа на боку, я улегся поудобней и продолжал дальше с ним беседовать до тех пор, пока он не сделался снова приветливым, как обычно, и перестал скалить зубы. Тогда я рывком перевернулся на него, прижав сверху своим телом, потом снова сполз на бок и закинул его на себя и так продолжал с ним «играть» десять, двадцать, сорок, шестьдесят оборотов подряд, пока ему самому не понравилась такая игра и мы вместе покатались вниз с пологого откоса.

Намордник я снял с него уже раньше, чем мы покатались, потому что понял — он и не собирался меня покусать, просто пугал. Но вот чего я совершенно не ожидал, это того, что осилю «нападение», «борьбу с волком» и «удушение волка» всего за один день. Все оказалось отснято. Какой же Чингис был все-таки умный и способный волк! Просто поразительно!

Среди итальянцев, которых кинокомпания наняла на время съемок, был один чудаковатый малый по имени Аугусто. Он утверждал, что принадлежит к Мальтийскому ордену, поэтому не пил алкогольных напитков, не курил и заявлял, что и женщинами абсолютно не интересуется. Зато к животным он относился очень хорошо и заботливо. Он был единственным из персонала, кого Чингис слушался и кому мы вообще могли доверить волков.

Однажды ночью раздался неожиданный стук в мою дверь. Встревоженный голос Аугусто сообщил:

— Волк вырвался на волю!

Все постояльцы хижины мигом оказались на ногах. Выяснилось, что Чингис прогрыз дыру в штакетнике своего загона и тотчас же набросился на Фурбу, которая свободно, не привязанная, бегала по двору. Собака кинулась наутек, и ее отчаянное завывание слышалось теперь то близко, то далеко с альпийских пастбищ, уходящих к вершинам гор.

Бедная Фурба! Я натянул сапоги и, забыв, что кругом люди (а главное — дамы), кинулся очертя голову в одной ночной сорочке вниз по лестнице, чтобы ей помочь. В тот момент, когда я рывком открыл дверь, Фурба, словно снаряд, пролетела у меня между ног в дом и, едва живая, поползла вверх по лестнице, оставляя за собой кровавые следы. А я едва успел ухватиться за волчью голову с окровавленной пастью: он тоже намеревался проскочить мимо меня в дом. Я вцепился Чингису в шерсть,

изрыгая проклятия до тех пор, пока он постепенно не начал приходить в себя после охватившего его внезапного приступа кровожадности.

Только теперь, задним числом, я удивляюсь, что мне удалось так легко усмирить волка, вошедшего в такой раж! А ведь именно так оно и было — кто-то протянул мне сквозь чуть приоткрытую дверь кусок бечевки, которую я и повязал бушующему зверю вокруг шеи (а веревка, между прочим, была самая хлипкая — скрученная из бумаги, даже не шпагат!). Но Чингис дал себя заарканить этой эфемерной петлей — добровольно позволил отвести себя в коровий хлев, где я запер его в другое, не поврежденное его зубами отделение. Он сделался снова контактным и кротким.

Утром мне пришлось целый час отмывать его теплой водой от запекшейся у него на голове, шее и передних лапах Фурбиной крови, чтобы придать ему снова чистый, причесанный «кинематографический» вид. Как же охотно он разрешал мне все это с собой проделывать! Как доверчиво смотрел на меня своими янтарными, с зеленоватым отливом глазами! Глаза эти имели несколько раскосый разрез, а крепкие, роскошные зубы сверкали снежной белизной.

Фурба же оказалась в довольно плачевном состоянии. Она удираала от волка во все лопатки, спасая свою жизнь, но тем не менее Чингис, видимо, то и дело нагонял ее, потому что задние ноги и бока у нее оказались сильно покусанными. Отыскать и обработать раны в ее густой темно-серой шерсти оказалось делом отнюдь не легким. Волк наверняка отделал бы собаку еще похуже, будь она короткошерстной. Мы вливали ей в рот молоко и угощали самыми вкусными лакомствами, но она была не в силах встать. Когда мы поднимали ее и ставили на ноги, она не могла пройти и двух шагов — валилась на пол. А это было ужасно, потому что Фурба была занята в фильме. Если через два-три дня она не придет в себя, съемки придется прервать, что для игрового фильма означает большую неприятность. Выплата заработной платы актерам и другим членам съемочной группы, денег за арендованные помещения и прочее на это время не прекращается и оборачивается тысячными убытками.

Но к счастью, пастушеская собака из Доломитовых Альп, привычная к суровым условиям жизни — испепеляющей жаре, снежным бурям и жгучим морозам, — способна перенести гораздо большее, чем четвероногие и двуногие городские жители. Фурбу погрузили в корзину, привязанную на спину одному из носильщиков, которые ежедневно по утрам втаскивали всю аппаратуру

и реквизит на 1500 метров вверх по горе, а вечером снова спускали назад в лагерь.

Славному итальянскому парню явно было не по душе таскать на себе в гору какую-то обыкновенную пастушескую собаку. Еще более неуютно чувствовала себя при этом сама Фурба, которая не привыкла, чтобы люди проявляли к ней такое повышенное внимание, устраивали вокруг ее персоны так много шума. В корзине на спине носильщика она сидела с самым несчастным видом и время от времени делала попытки спрыгнуть на землю. Пришлось ее связать бечевками и самым настоящим образом пришвартовать к корзине. Всю дорогу до съемочной площадки она жалобно скулила. Все ее жалели, со всех сторон ублажали, ласкали и закармливали лакомствами, отчего она не становилась счастливей. Уже на следующий день она, прихрамывая, трусила за нами сама на своих ногах, а два дня спустя нельзя было заметить, что она побывала в такой передрыге.

Для съемок я мог использовать только часть своих каникул, и поэтому, когда наступил следующий перерыв в съемках, я вынужден был уехать домой. Брать с собой Чингиса смысла не было: зачем ему томиться в тесной транспортной клетке всю долгую дорогу до Берлина, а потом назад? Ни к чему ему утомительное пребывание в багажном отделении таможни и все другие тяготы перевозки. Аугусто ведь все равно будет ухаживать за двумя другими волками, принадлежащими кинокомпании; он на все это время останется с ними здесь, наверху. Чингис к нему очень привязался, и Аугусто хорошо с ним справляется. Так что решено: оставляю Чингиса на время перерыва здесь, в Доломитах.

Я часто вспоминаю день нашего прощания. Мы спускались на грузовике по серпантинной дороге вниз, к городу. Аугусто прошел с волком немного вперед, и мы их перегнали. Они стояли на скале, нависшей над дорогой, и смотрели нам вслед.

Чингис наострил уши, и его силуэт четко вырисовывался на фоне оранжевого от утренней зари неба. Под нами раскинулся неестественно прекрасный, как в сказке, дикий скалистый пейзаж Доломитовых Альп. И еще долго виднелась его фигурка, все уменьшаясь и уменьшаясь, пока наша машина катила вниз по серпантину...

Мне не суждено было его больше увидеть. Но тогда я этого не почувствовал и беспечно катил вниз на грузовике. Ровно через неделю один из киношников приехал в Берлин, позвонил моей жене по телефону и попросил, чтобы она как-то подготовила меня к прискорбному известию: наш волк Чингис мертв. Как же это могло произойти?

У собак иногда случаются тяжелые ранения языка из-за того, что его обматывает во время еды петля из сухожилия, два длинных конца которого проглатываются и попадают в пищевод. Пищевод затягивает концы все дальше и дальше вниз, так что жила все сильнее врезается под язык, сжимая его и лишая притока крови. Если вовремя не прийти животному на помощь, результат может быть весьма плачевным.

Нечто подобное случилось и с нашим Чингисом. Кольцо хряща от пищевода овцы или коровы, который ему дали вместе с другими потрохами, нанизалось ему на язык и на нем заклинилось. Хрящевой капкан стиснул язык, отчего прекратился отток крови от него по венам к сердцу. Застой крови вызвал отечность языка, он посинел и на глазах становился все толще, пока не начал вываливаться изо рта. Разумеется, никто не мог понять, в чем дело, стали думать и гадать, предполагая, что это киста или еще какое-нибудь заболевание. Обеспокоенный этим, Аугусто тотчас же повез волка к итальянскому ветеринару в близлежащий город. Но когда тот услышал, что речь идет не о собаке, а о волке, следовательно, о диком хищнике, он наотрез отказался его лечить. Даже не захотел осмотреть бедного пациента.

Так что Аугусто в панике бросился искать другого врача и нашел такого в Бозе. На сей раз немца.

И вот представьте себе такое несчастное стечение обстоятельств. Во время одной из предыдущих попыток заснять «борьбу с волком», когда с цирковыми волками боролись местные дублеры, у одного из них оказалась разорванной артерия; он истек кровью прежде, чем сюда, на такую высоту, подоспела медицинская помощь. Поскольку я знал об этом печальном эпизоде, я на всякий случай захватил с собой маленький чемоданчик с самыми необходимыми хирургическими инструментами, зажимами, нитками и перевязочным материалом; лежали в нем и анестезирующие средства. Уезжая ненадолго, я оставил этот чемоданчик наверху, и Аугусто прихватил его с собой, когда поехал к ветеринару. А тот обнаружил в нем новое, в то время еще малоизвестное в Италии средство для наркоза, очень им заинтересовался и решил тут же применить.

Средство нужно было вводить внутривенно, точно соразмерив дозу с весом тела, с тем чтобы оно очень медленно, в течение минуты, подмешивалось в кровяное русло. Было ли все это точно учтено при введении наркоза, я не знаю. Во всяком случае, Чингис погиб во время инъекции.

Мы с женой горько упрекали себя за то, что оставили Чингиса с чужими людьми. Будь мы на месте, никакого наркоза и не понадобилось. Достаточно было открыть Чингису пасть, обна-

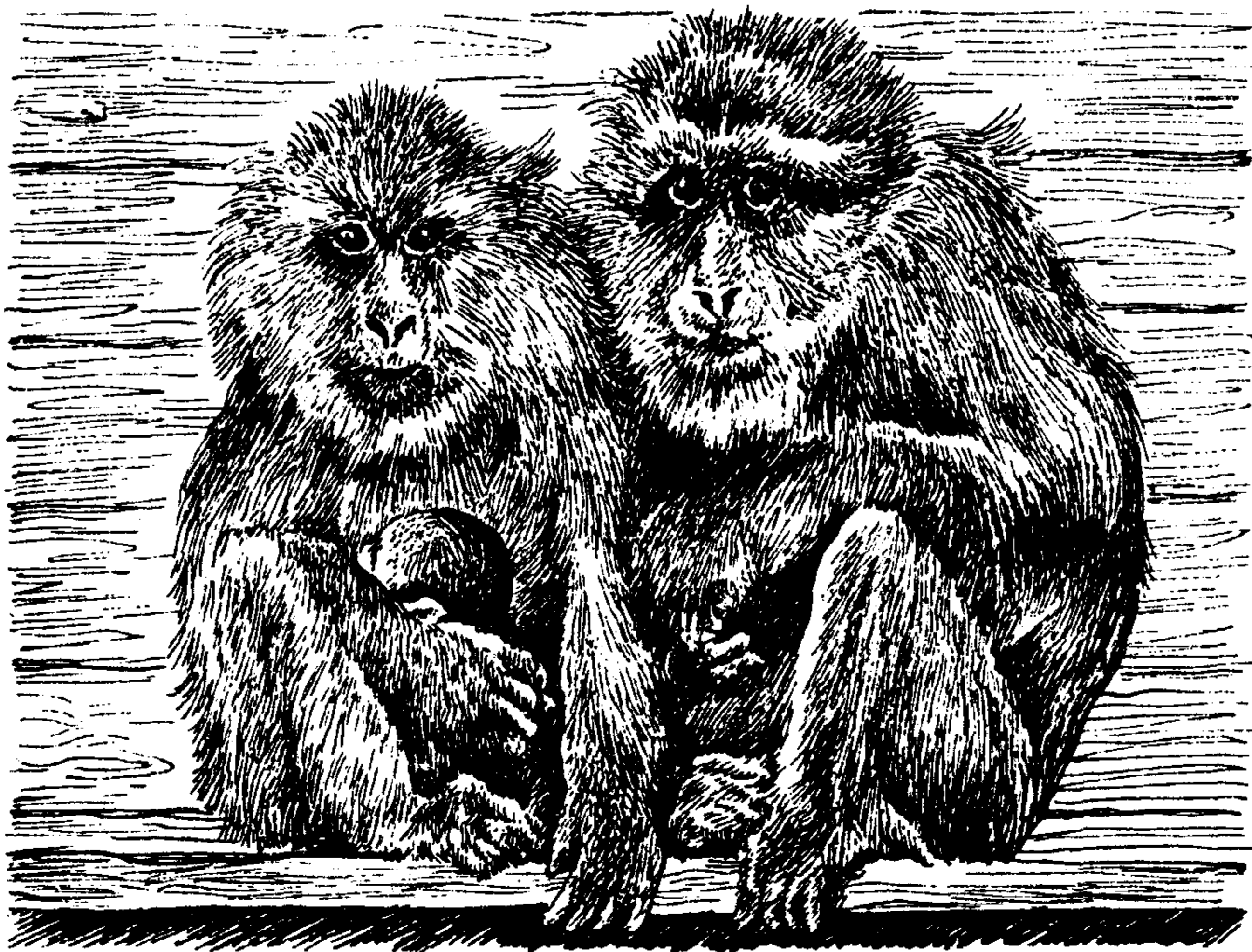
ружить обхватившее язык хрящевое кольцо и перерезать его ножницами. Если бы речь шла о собаке и ветеринар не испытывал страха перед мнимым «хищником», он действовал бы точно так же.

Так мы потеряли своего волка Чингиса. Пропали мои труды, все, чего я сумел добиться, приручая и обучая его, одомашнив и изменив за короткий срок его повадки — то, на что эволюции понадобились тысячелетия...

А теперь он покоится на высоте 2300 метров над уровнем моря, там, наверху, в Доломитовых Альпах, где буйные ветры гоняют мокрые тучи, раздирая их в клочья об острые, зубчатые края гранитных скал...¹

¹ Когда во время одного из приездов профессора Бернгарда Гржимека в Москву мы водили его по Московскому зоопарку, он особенно долго останавливался возле клетки с волками, задумчиво их разглядывал, заговаривал с ними. Конечно же, он вспоминал своего замечательного волка Чингиса. (Примеч. перев.)

Глава одиннадцатая
СЕМЕЙКА РЕЗУС

РОМЕО, ДЖУЛЬЕТТА И РОМУЛ

Большая клетка уже несколько дней как готова к приему гостей: задняя стенка заново побелена, пол празднично посыпан густым слоем желтых опилок. Белые эмалированные лотки для корма стоят, чисто вымытые, наготове. И вот сегодня они наконец прибыли всем семейством: папа, мама и детеныш.

Путешествовали они отдельно: в одном транспортном ящике самец, а в другом — кормящая самка с детенышем. Я поддеваю ломом прибитую гвоздями крышку, приподнимаю ее, и вот они уже протиснулись наружу. У всех троих красивая, блестящая шерстка, а на шее у самца кожаный ошейник с большим металлическим кольцом. Я замечаю, что ошейник ему уже довольно тесен, но он не дает его снять, не позволяет даже дотронуться до себя. Он делает вид, что очень дик и зол, кидается ко мне, широко разинув пасть и демонстрируя мощные клыки: он явно старается меня запугать. Но поскольку мне известны формы обхождения с макаками-резус, то я уже заранее обзавелся кожаной плеткой, которая в случае чего обеспечит должное почтение ко мне. Папаша-резус хотя и напихал себе полный рот картошки,

тем не менее не решается притронуться к лотку с едой, который я ему протягиваю.

А мамаша-резус с детенышем тем временем залезает назад в свой транспортный ящик, который я еще не успел вынести из клетки. В этом тесном, но зато знакомом закутке ей кажется, что она здесь в большей безопасности, чем в просторном чужом помещении, да еще рядом с каким-то долговязым субъектом, наводящим на нее ужас. Мне приходится ее вытаскивать оттуда силой, что не так-то просто, пробую и так и эдак и под конец просто опрокидываю ящик вверх дном, а затем сразу же выношу его из клетки. У детеныша, как и у всех детенышей других пород мелких обезьян, старческое, сморщенное личико. Он висит на животе своей матери, уцепившись за ее шерсть руками и ногами. Мамаша разрешает себя гладить, следовательно, она более ручная, чем ее муж. Однако до детеныша она мне дотронуться не дает. Когда я открываю дверь, чтобы выйти, самка с детенышем внезапно вскакивает мне на спину, а оттуда через плечо выбирается наружу, в комнату цокольного этажа, в которой установлена клетка. Она гораздо нахальней своего супруга.

В соседней клетке сидит маленькая нутрия, самец по кличке Пурцель, отделенный от обезьян лишь прутьями смежной решетки. Пурцелю в последние дни, когда соседняя клетка пустовала, было довольно скучно, и он теперь проявляет жгучий интерес к соседям-новоселам. Он снова и снова подбегает к решетке и поднимается возле нее на задние лапки. Однако глава обезьяньего семейства чувствует себя еще не совсем в своей тарелке, незнакомая обстановка действует ему на нервы. Ему все время приходится вертеться из стороны в сторону: то оглядываться на нутрию, то на меня, потом на остальных зрителей, стоящих снаружи, возле решетки. Должно быть, ему кажется, что вот-вот кто-нибудь из нас набросится на него или на членов его семьи.

Поскольку на нем надет ошейник, я предполагаю, что он даст пристегнуть к нему цепочку. Ведь разрешил же он кому-то застегнуть на себе этот ошейник. Однако совершенно не ясно, сколько времени он его уже носит. Моя попытка подойти поближе кончается тем, что он бросается наутек, опрокидывает с грохотом свой транспортный ящик, который еще не успели убрать из клетки, а затем становится в «позу угрозы», сверля меня злобным взглядом своих маленьких карих глазок, широко разевает рот, оскалив острые клыки, и поводит головой из стороны в сторону (характерная для этих обезьян форма угрозы). Потом он с быстротой молнии запрыгивает в транспортный ящик, в который предварительно уже забралась и самка с детенышем.

Ну что ж, так даже лучше. Я беру свои длинные каминные щипцы и захватываю ими кольцо на ошейнике самца. Но когда я вот так, крепко держа щипцами за ошейник, вытаскиваю его наружу, он издает громкий вопль и впадает в бешенство. И в тот же миг самка с детенышем на груди, словно чертик из табакерки, стремглав выскакивает из ящика, прыгает мне на голову, вцепляется руками в волосы и расцарапывает ногтями лицо. Я чувствую, что по мне течет кровь, отпускаю ее супруга, чтобы заняться этой бестией, но она мгновенно соскакивает с моей головы и скрывается в ящике.

Я вынужден покинуть клетку, чтобы помыться и смазать царапины квасцами. Из головы я вычесываю целые пучки вырванных волос. Ну и дела! Присутствовавшие при этом волнующем инциденте дамы были просто в восторге от подобной супружеской преданности. Правда, они засомневались в том, станет ли и «он» в подобной ситуации столь же рьяно и бесстрашно за «нее» заступаться? На другое же утро мои дамы сообщили мне с возмущением, что «этот неблагодарный» даже не подпустил свою жену к лотку с едой, пока сам не наелся. Только детенышу великодушно было разрешено вытащить из лотка несколько маленьких кусочков.

Зато меня на работе с ехидной улыбкой расспрашивают, кто это меня так отделал и за что... А когда я отвечаю: «Маленькая обезьянка», мне не больно-то верят... Но и в глазах тех, кто верит, это тоже не придает мне особого авторитета. Вот если бы тигр меня так расцарапал — тогда другое дело!

И тем не менее я должен сказать, что такая обезьянья семейка вносит в дом массу интересного и необычного. Ежедневно узнаешь о них что-нибудь новое и еще никому неизвестное.

Мы называли супружескую парочку Ромео и Джульеттой, их сыночка Ромулом. Папаша Ромео постепенно привык к новой обстановке, стал спокойней относиться к моим вторжениям в их клетку и больше мне не угрожает. Когда я теперь туда вхожу и протягиваю ему руку, он безбоязненно кладет на нее свою руку или ногу (правда, чаще всего затем, чтобы оттолкнуть мои пальцы, потому что гладить себя он не разрешает). Зато, как ни странно, он соглашается взять губами кусок хлеба, который я держу, зажав в зубах. При этом я явственно ощущаю, что его верхняя губа покрыта нежным пушком.

Малыш Ромул во время еды постоянно старается отнять у матери кусок из рук, а еще охотней вытащить прямо изо рта, несмотря на то что абсолютно то же самое лежит перед ним в лотке. При этом Джульетта отнюдь не охотно и добровольно отдает ему то, что уже держит в руке. Часто она поднимает руку вверх, чтобы он не мог дотянуться, и тогда можно наблюдать

забавные прыжки и прочие усилия Ромула добраться до вождьенного кусочка. Оба — и мать и детеныш — помногу и с удовольствием пьют воду.

Вскоре семейке пришлось подавать еду в двух разных отдельных лотках, потому что Джульетте практически мало что доставалось: как только вносили в клетку полный лоток, Ромео побыстрее выгребал руками все, что повкусней, не подпуская жену к еде.

Меня попросили на время взять к себе маленького лисенка. Потом он поедет дальше. Звали лисенка Стикс. К сожалению, я не уследил за тем, как он выбрался из своей клетки и, проявив излишнюю для своего возраста самостоятельность, убежал в подвал, где спрятался в куче угля. Зверек оказался очень боязливым и необщительным: во всяком случае, никакие уговоры и выманивания не помогли — он не вылез. Но не может же он все это время прожить у меня в подвале, а кучу угля у меня нет ни малейшего желания разгребать, поэтому я решил поставить в подвале ловушку. Внутри я положил кусок конины и начал испытывать лисенка голодом, чтобы заставить его зайти в ловушку. Но сдался лисенок отнюдь не сразу. Вначале, когда я входил в подвал и зажигал свет, то видел только что-то рыжее, мелькавшее в углу и тут же исчезающее. Удивительно, ведь мне выдавали его за совершенно ручного! Наконец спустя два дня лисенок попался. Чтобы он до своего отъезда снова не сбежал, я посадил его в соседний с обезьянами отсек, где прежде сидел Пурцель — ручная нутрия.

Обезьяны дико возмутились появлением нового соседа. Они долго ругались и «хрюкали» и никак не могли успокоиться, до того такое соседство пришлось им не по вкусу. Чтобы отвлечь их от лисенка, я принес им редкое для них лакомство — пару груш, правда уже слегка подпорченных, но зато им будет чем заняться — выбирать хорошие, неподгнившие места. Однако, к моему удивлению, они принялись объедать именно придавленные, коричневые пятна на грушах.

На другое утро лисенок шарахнулся к задней стенке своей клетки, испугавшись двух детей, пришедших на него посмотреть. И хотя я осторожности ради (во избежание баталии) прислонил к решетке, отделяющей его от соседей, деревянный щит, тем не менее недооценил длину обезьяньих рук и их необыкновенную проворность. В мгновение ока Ромео схватил лисенка за кончик рыжего пышного хвоста и не успел я вмешаться, как он уже вырвал из него пучок волос вместе с кусочком кожи! Довольный своей удачей, он спокойно уселся в угол, хорошенько рассмотрел со всех сторон «добычу» и затем... съел ее. Что поделать — у обезьян, к сожалению, не слишком хорошие манеры!

До сих пор Джульетта ни разу не отпускала от себя своего отпрыска в моем присутствии. Но сегодня они не прекратили игру, когда я зашел в комнату, и маленький бесенок прыгает и носится один по клетке как оголтелый. Он бросается сверху матери на спину, а та хватается его за чуприну и тянет через свою голову вперед так, что он, перекувыркнувшись, со всего размаху шлепается на спину. Но, по-видимому, никакого вреда ему это не причиняет. В следующее же мгновение он подскакивает к стене и принимается зубами соскребать известку. Она так и скрипит у него на зубах! Мать не только не запрещает Ромулу этим заниматься, а, наоборот, подсаживается к нему, отколупывает кусочек штукатурки и, с треском расколов его зубами, словно орех, с удовольствием жует. Прямо смотреть страшно! Но намек понял: завтра же раздобуду для обезьян кормовой мел.

Ромул с каждым днем становится все озорней. Теперь он в один миг взбирается вверх по решетке и с высоты примерно одного метра прыгает матери на голову. Он носится вокруг с такой бешеной энергией, что просто задыхается и громко сопит. Он разгрызает деревянную планку на мелкие кусочки и расшвыривает их по клетке. На отца Ромул не обращает ни малейшего внимания, а для того он, по-видимому, тоже не больше чем воздух, во всяком случае, Ромео не проявляет к сыну никакого интереса. Не то что мамаша. Когда малыш Ромул, завидя меня, из любопытства подбегает к самой решетке, Джульетта тут же хватается его, тянет к себе и прячет на груди. Однако любопытство берет верх, и через пару минут Ромул уже опять направляется в мою сторону. На сей раз мамаша хватается его за шерсть, а затем и за хвост и изо всей силы оттаскивает назад.

В то время как я раскладываю корм в клетке Пурцеля, маленькой нутрии, Ромул вдруг поднимается на задние лапки и, вытянув вперед ручки, издав воинственный писк, бросается ко мне. Никаких злых намерений у него нет, он, Боже упаси, не собирается меня укусить. Но когда я оглядываюсь, то вижу, что папаша Ромео подоспел к нему «на подмогу», причем забрался повыше, под самый потолок клетки, чтобы оттуда было удобней наблюдать за происходящим. Как только я подошел поближе к Ромулу и протянул к нему руки, Ромео неожиданно отвешивает мне пощечину, просунув руку между прутьев решетки. Я угрожаю ему палкой, но, бросив взгляд на Джульетту, вижу, как у нее бледнеет лицо, а рот широко раскрывается: вот-вот опять бросится на меня, чтобы защитить своего супруга. Мне приходится ее успокаивать, гладить по головке. Я ведь еще не забыл, как она меня в тот раз отделала...

Ромео явно имеет что-то против моей жены. То ли он почувствовал ее беспомощность, но, во всяком случае, каждый раз,

когда она входит с полным лотком еды в обезьянью клетку, держа его двумя руками, он, изловчившись, бросается всей своей тяжестью на полуоткрытую дверь, так чтобы она стукнула вошедшую по затылку. А у моей жены после этого целый день головная боль. Или наберет полные руки грязных опилок и швыряет ей в лицо. Однажды, когда она что-то говорила, попал ей даже в открытый рот. А самое неприятное, что этот паршивец старается сходить по маленькому через прутья решетки непременно на пол комнаты. Приходится ей каждый раз за ним подтирать.

Был последний погожий осенний день. Мы решили переместить всю семейку до вечера в садовую вольеру — пусть понежатся на солнышке. Но как их туда доставить? Поводок пристегнуть они не дают, следовательно, надо попробовать запихнуть их снова в транспортный ящик. Я уговариваю их наилюбезнейшим образом, заманивая в ящик, но моя семейка — ноль внимания, притворяется, будто оглохла. Тогда я решаю использовать другой метод: внезапно вскакиваю, начинаю громко орать и размахивать руками как ненормальный. Ромео с испугу бросается в спасительное убежище — транспортный ящик. Я быстренько подбегаю и задвигаю снаружи дверцу, хотя Ромео изнутри пытается этому помешать, упираясь в нее руками и ногами. Однако я не принял в расчет его преданную супругу — ой! — черт бы ее побрал, она вцепилась мне в ногу, порвала носок и даже поцарапала кожу. Когда я поднимаю ящик с Ромео и выношу его из помещения, она злобно ругается мне вслед. Но в саду, в незнакомой вольере, Ромео выходит из ящика вполне степенно, без всяких фокусов — он, видимо, страшно напуган, лицо его побледнело, он тут же принимается детально обследовать новое помещение. Когда я возвращаюсь за Джульеттой, она, как ни странно, по первому моему требованию без излишних пререканий соглашается зайти в свой транспортный ящик, прихватив сына, и через минуту вся семейка снова в сборе, на новом месте. Я приношу им еду, но они так взволнованы новой обстановкой — солнцем, шумящей листвой липы над головой и танцующими тенями, — что забывают даже поесть. Что касается Ромула, то он еще до того мал, что свободно пролезает меж прутьев решетки. Яркая зелень кустарников явно привлекает его внимание. Но на испуганный зов озабоченной мамы он послушно возвращается назад. Однако пестрый неизведанный мир властно притягивает маленькую обезьянку, и Ромул совершает постепенно все более рискованные и «дальние» вылазки. Вот он добежал уже до клумбы с осенними лиловыми астрами и принюхивается к их нежному аромату. А Ромео и Джульетта тем временем просовывают руки сквозь прутья решетки, срывают траву и с наслаждением ее жуют. Трава, свежая

зеленая трава, оказывается, их самое любимое блюдо! Даже сочные листья салата они оставляют лежать в лотке, если могут добраться до травы. Джульетта старается набрать травы про запас и запихивает себе за обе щеки столько, что потом страдает расстройством желудка.

Вечером снова начинается борьба с обезьянами: ни за что не соглашаются они зайти в транспортные ящики, чтобы вернуться в дом. Правда, сначала Ромео заскочил в свой ящик, но сразу же захотел из него снова выбраться, а я не даю. Он просовывает наружу свои пальцы и не дает задвинуть дверцу. Когда я наконец все же ухищрюсь ее закрыть и, облегченно вздохнув, оглядываюсь в поисках Джульетты, то обнаруживаю, что она исчезла — нигде ее нет. Но потом оказывается, что она вместе с детенышем забралась под самый потолок и висит там, не желая слезать. Я и так и эдак ее уговариваю, но она даже смотреть на меня не хочет. Тогда я прошу принести мне цепочку и накидываю ее Джульетте через голову. Но цепочка соскальзывает вниз до самого живота, где висит, прицепившись к шерсти, Ромул. Приходится цепочку снять и попытаться надеть как следует на шею. Но на сей раз Джульетта захватывает ее зубами и не отпускает. Тогда я начинаю ее ругать, и она, устыдившись, роняет цепочку, та соскальзывает под подбородок, а я поспешно защелкиваю ее на карабин. С этого момента Джульетту словно бы подменили: она берется рукой за цепочку (чтобы не стягивала ей шею) и послушно вышагивает рядом со мной, прижимая к себе своего детеныша. По-видимому, там, где Джульетта жила прежде, ее водили на цепочке, и она к этому приучена. Когда все трое уже снова в своей клетке, установленной в цокольном помещении, Ромео неожиданно приходит в игривое настроение. Он ведет себя благодушно и даже готов поиграть с моей женой, протягивая ей руку меж прутьев решетки. Но тут внезапно подлетает Джульетта и своими грязными, испачканными в каше ручками вцепляется ей в волосы. Неужели ревность? Но тогда почему на следующий же день во время уборки клетки Ромео подбегает сзади к моей жене и оставляет ей зубами на память здоровенный синяк?

ОЗОРСТВО РОМУЛА

Совсем не просто бывает подружиться с такой семейкой обезьян, в особенности если у нее есть дети. У меня уже жила когда-то самочка-резус, которая вела себя со мной исключительно мило и приветливо. Она спала у меня на руках, искала у меня в голове «блох», радовалась, когда я приходил домой, и набрасывалась на каждого, кто делал вид, что хочет меня побить. А нашему семейству резусов — Ромео, Джульетте и Ромулу,— тем

вполне достаточно собственного общества. Им больше никого не нужно. Они очень привязаны друг к другу, несмотря на то что обращение отца семейства со своими домочадцами нельзя назвать чересчур обходительным. А я для них не более чем навязчивый чужак. Никогда никто из них не станет таким ручным и доверчивым, как моя прежняя Рези, разве только в том случае, если я кого-нибудь из них заберу и буду содержать отдельно. Но на это у меня рука не поднимается: не хочется ради этологического опыта разрушать такую дружную семью. Пускай уж лучше держатся друг за друга и воюют вместе против меня, раз им так хочется.

А я веду свои наблюдения дальше. Сегодня утром они — кто его знает, как им это удалось, — затащили к себе в клетку комнатный термометр и на обезьяний манер тщательно разобрали на составные части. Даже деревянная подставка разгрызена на тысячу щепочек. Лишь бы они только не проглотили еще в довершение ртути!

Я выгоняю Джульетту с детенышем из клетки в комнату, а Ромео запираю одного. Когда Джульетта предоставлена сама себе, она ведет себя значительно сговорчивей, чем рядом со своим супругом. Поэтому мне без труда удастся надеть на нее цепочку и привести в столовую, где я привязываю ее к дверной ручке. Вот так. Как же часто здесь в давно прошедшие времена сидела ее предшественница — моя любимая Рези!

Агата, серый попугай, чрезвычайно взволнована неожиданным визитом. Она наклоняется вперед, ерошит перья и целится клювом в обезьян. Если бы я сейчас, в такой момент сунул бы к ней в клетку палец, она бы и меня долбанула, уж я знаю ее повадки! Джульетта, однако, не обращает никакого внимания на птицу. Ей необходимо сначала рассмотреть все, что находится в комнате: стулья, белые двери, стол и посуду на нем. Еще больше любопытства проявляет Ромул, ее сыночек. Ей никак не удастся удержать его возле себя. Он совершает вылазки во все стороны, но когда он отходит слишком далеко, хотя бы только до печки, мать издает похожий на тихое хрюканье звук, и Ромул беспрекословно сразу же возвращается назад, прижимается к ней и ловит ртом сосок. Хотя я внимательно прислушиваюсь, но ни разу не замечаю, чтобы ей пришлось дважды повторять свой зов. Если бы наши собственные детки были бы такими же послушными!

Пока Ромул бегает по комнате, его мать недоверчиво следит за каждым моим движением. Не важно, близко ли я нахожусь от ее сокровища или далеко, она все равно широко разевает рот, сверкает злыми глазками, шерсть на ней встает дыбом, и охотней всего она бы прыгнула мне на голову, если бы не цепь. Прыгая вокруг печки, Ромул задевает каминные щипцы, те падают и

ударяют обезьянку по спине. Он кидается к матери в объятия и начинает «плакать»: издает хныкающие и ноющие звуки. Но, как и все малыши, быстро успокаивается, и через пару минут неприятность уже забыта, он снова возле печки, куда его привлекает блестящий гладкий синий кафель.

Этот кафель очень пришелся обезьянам по вкусу. Помнится, моя Рези тоже приходила от него в полный восторг. Вот и этот маленький непоседа встает перед кафельной стенкой на четвереньки, пригибается как можно ниже, так что подбородок и грудь касаются пола, а затем подпрыгивает кверху и скользит растопыренными ладошками и ступнями по гладкой кафельной поверхности вниз. Все это он повторяет десяток раз подряд с неослабеваемым восторгом.

Постепенно он все смелеет: прыгает со стула на стул, карабкается вверх по витым колонкам старинной голландской кушетки в стиле барокко, а озабоченный взгляд карих глаз матери неотступно следует за ним.

Новым открытием Ромула оказался софит, установленный здесь для съемок (я ведь не просто наблюдаю, а снимаю на пленку все его проделки). Колпак софита снаружи никелированный, блестящий, и все в нем отражается словно в зеркале. Обезьянка просто потрясена этой находкой. Удивлению нет конца. Она никак не может оторваться от своего отражения: приседает, пританцовывает перед колпаком, пробует даже лизнуть его языком. Но это явно неудачная выдумка, потому что колпак софита во время съемок страшно накаляется.

Стоило мне только на минутку отвлечься, как поднялся страшный переполох. В чем дело? Оказывается, этот маленький наглец прыгнул со стула на Агатину клетку. И хотя он тут же с нее соскочил, перепуганная насмерть Агата свалилась со своей перекладины на пол и лежит там в полнейшей прострации. А Ромул, наверное поразившись собственной храбрости, теперь перепуган не меньше попугая и больше не решается приблизиться к клетке. Агата же, чуть-чуть опомнившись от потрясения, распушила перья и целится клювом в непрошеного гостя. (Мой сынок Михаэль утверждал потом, что Джульетта во время этой суматохи подскочила к клетке и выдрала у попугая перо из хвоста.) Но я этого не видел. Когда же я повел Джульетту назад, «домой», ее в полумраке страшно напугало настенное зеркало.

Ромул постепенно становится форменным нахалом. Разумеется, у него есть с кого брать пример: проделки его родителей ему, по-видимому, очень импонируют, и он всячески старается их скопировать. Когда моя жена, подметая пол, наклоняется слишком близко к клетке, малюсенькое существо бесстрашно

подскакивает к решетке, вцепляется ей в волосы, дергает за них изо всех силенок и вопит при этом совсем как его папочка: «Ее-ее»! И это уже не игра, нет, это настоящая злоба, которая исходит от него самого; никто его не науськивал, потому что мамаша вначале ничего не заметила и только уж потом подбежала из дальнего угла клетки, чтобы приобщиться к разбойничьему нападению.

Да, он, пожалуй, еще понахальней своих родителей! Отец и мать не осмелились бы проскользнуть у меня между ног, в то время как я вхожу к ним в клетку. А он осмеливается. Как чертик из табакерки, с быстротой снаряда он несется мне навстречу, прошмыгивает у меня между ног или перелетает через голову, а потом заползает под клетку и начинает играть со мной в прятки. Бузотер прекрасно знает, что его родители начеку и всегда готовы за него заступиться, принимая всерьез его крики о помощи, которые он то и дело издает. Они так взбудоражены каждый раз, словно я собрался их отпрыска зарезать...

Так что мне приходится доставать Ромула из-под клетки длинным шестом, а самому зорко следить за тем, чтобы держать голову вне пределов досягаемости рук его возмущенных родителей. А маленький шалопай тем временем внезапно вылетает из-под клетки, проносится по комнате и снова исчезает в своем убежище. Прямо наказание какое-то! Причем ему эта возня доставляет явное удовольствие, чего не скажешь обо мне. Хорошо еще, что клетка состоит из двух отсеков, которые я могу при помощи задвижной дверцы снаружи отделить друг от друга. Так что я запираю Ромео и Джульетту в одном отсеке, а дверь в другой широко раскрываю, после чего мне вскоре удастся загнать в него их расшалившегося сыночка. А уж когда он внутри, мне надо действовать весьма расторопно и мгновенно запирать дверь, чтобы этот бесенок не успел снова выскочить у меня из-под рук наружу.

Когда нам срочно понадобилось отлучиться на пару недель (чтобы проводить в Мюнхене опыты со слонами), возникли неожиданные трудности с обезьянами. На кого мне оставить свое семейство резус? Всех наших знакомых, которые до сих пор так охотно приходили полюбоваться на обезьян, вдруг взяли сомнения: одним врач сказал, что дети могут заразиться от них какими-то страшными болезнями, другим понадобилось самим срочно уезжать, словом, желающих взять на себя уход за обезьяньей семейкой не находилось. А казалось бы, ничего сложного делать и не надо: ставить тарелки с едой в пустой отсек и открывать снаружи задвижную дверцу — вот и все. Да, не так-то просто быть главой обезьяньей семьи из трех голов! Но в конце концов я все-таки нашел храброго человека, согласившегося взять на

себя мои обязанности на время нашего отсутствия, и смог спокойно уехать.

Однако в Мюнхен через некоторое время пришло взволнованное письмо с неожиданным известием: у Джульетты родился еще один детеныш! Вот это сюрприз! Значит, мне предстоят еще новые наблюдения за жизнью этих обезьян, далеко не все о них я успел узнать. Как отнесется Ромул, который до сих пор еще подолгу висел на материнской груди, к новому члену семейства? Как будут вести себя по отношению к *нему* родители? Жаль, что меня не было в момент появления нового отпрыска.

На обратном пути домой я обдумываю, как назвать младшего члена семьи. Если это мальчик, наречем его Ремом, по имени брата Ромула, основателя Рима. А если это девочка, пусть зовется Рея, по имени легендарной матери Ромула и Рема, выкормленных впоследствии волчицей. Эти классические имена подсказал мне один из читателей нашего журнала, учитель средней школы, преподающий историю. Ну что ж, поглядим, кто же у нас родился: Рем или Рея.

БЕДНЯЖКА РОМУЛ

Вернувшись из своей поездки, я действительно убеждаюсь в том, что у нас прибавление семейства: кроме Ромео, Джульетты и Ромула, в клетке находится еще одно малюсенькое существо, крепко вцепившееся в шерсть матери. Но, несмотря на свой младенческий возраст, существо уже способно проявлять любопытство. Оно откидывает назад головку и, свесив ее таким образом, разглядывает меня своими темными карими глазками. При подобном способе разглядывания окружающий мир для малышки должен, наверное, стоять вверх ногами.

Старший сынок Ромул явно со своего места оттеснен. Только в самых редких случаях он еще бросается к матери, ища спасения на ее груди, и пытается уместиться там рядом с новорожденным. Но Джульетте это не нравится, и она решительно отстраняет старшего рукой. Бедный Ромул! Но тем не менее материнская любовь к старшему сыну у Джульетты отнюдь не иссякла, и мне очень скоро предстояло в этом убедиться.

А тем временем уже весна, и в траве тут и там поднимают свои желтые головки навстречу пригревающему землю солнышку цветки одуванчика. А небо ясное, синее и воздух прозрачен. Надо и обезьянкам дать возможность подышать свежим воздухом, хватит им сидеть в подвале!

Тогда, осенью, я переносил их в садовую вольеру в транспортных ящиках, но это слишком сложно. Теперь, когда им предстоит каждый

день путешествовать из дома в сад и обратно, совершенно необходимо приучить их к хождению на поводке. Сказано — сделано. Я опускаю задвижку, разделяющую два отсека клетки, в такой момент, когда папаша сидит в одном, а мамаша с двумя детенышами — в другом. Так. Чтобы разозленный «саблезубый» папаша Ромео не мог меня схватить через решетку, я выгоняю Джульетту из клетки в комнату. Там я пытаюсь застегнуть на ней ошейник (и раньше это всегда удавалось), но теперь она в таком страхе за новорожденного, что не только отталкивает мою руку, но еще и прокусывает ее до крови. Тогда я пробую накинуть ей на голову петлю из тонкой цепочки. Но обезьяньи руки проворней наших: каждый раз, перед тем как петле соскользнуть на шею, обезьяна успевает ее уже схватить и стащить с головы.

Тогда я призываю на помощь себе подкрепление. Теперь мы с разных сторон одновременно накидываем на голову обезьянке кожаные ремешки, и, когда она уже в двух руках держит по ремешку, мне не без труда удается наконец набросить на нее петлю из цепочки. Почувствовав себя на привязи, Джульетта прекращает всякое сопротивление и послушно следует за мной в садовую вольеру.

Ромул, ее старшенький, бежит за ней следом. Но как только они входят в вольеру, возникает новое затруднение. Как и тогда, осенью, Ромул все еще так мал и худ, что свободно протискивается сквозь прутья клетки. Соседские дети, наблюдающие за нами из-за своего забора, в полном восторге от прелестной «игрушечной» обезьянки, малыш проскальзывает между штакетинами на соседний участок, дети кидаются с громким криком за ним в погоню, он в испуге через открытую дверь чужого дома вбегает в квартиру, мы все за ним, и там Ромул принимается играть с нами в «прятки». Под конец он забирается под кушетку, откуда я его и вытаскиваю за хвост под громкие протестующие вопли. Хорошо еще, что Джульетта их не слышит, а то бы она устроила невообразимый скандал!

Приходится мне отнести Ромула назад в подвальное помещение и соорудить для него ошейник из ремешка с большим никелированным кольцом для карабина. Когда он уже готов, я прохожу, держа его в руках, слишком близко от клетки отца семейства, Ромео. А тот, оказывается, начеку. Просовывает руку меж прутьев, выхватывает у меня ошейник, в мгновение ока отрывает от него кольцо и разламывает пополам! Мне приходится подыскивать новое.

Ромул, привязанный теперь за ошейник, поначалу сидит на кухне, а затем на балконе второго этажа. Выглядит он при этом весьма несчастным — ему ведь еще никогда в жизни не приходилось сидеть одному, да еще привязанным за шею! Однако, когда меня нет поблизости, он все же как-то развлекается и устраивает разные фокусы. Я это вижу по лицам прохожих, когда

обедаю в столовой на первом этаже: они останавливаются, указывают друг другу на балкон. Лицо полной женщины с детской коляской, словно зеркало, отражает все происходящее наверху: по тому, как оно делается то комично озабоченным, то радостным и смеющимся, я легко представляю себе, что Ромул там вытворяет. А когда я работаю наверху, в кабинете, за письменным столом, Ромул тихонько сидит, спрятавшись за балконной дверью, и только головка его с любопытством время от времени оттуда высовывается: два карих глаза под озабоченно наморщенным лбом с самым серьезным интересом следят за тем, чем я тут занимаюсь. Мне жаль Ромула, и я приношу ему поесть. Но он капризничает и заставляет меня кормить его с ложечки. И даже таким способом соглашается есть только самые вкусные вещи.

Мне хочется немного развлечь малыша. Я протягиваю ему свой палец, и он осторожно хватает его зубами, но не кусает, а словно бы хочет проверить, что я дальше собираюсь с ним делать. Постепенно он смелеет. На него находит даже приступ злобы, как это случается с его папашей: он скалит свои крошечные зубки, широко разевает рот, словно бы зевает, и рывком двигает головой из стороны в сторону — ну вылитая копия отца! Затем он прыгает на меня, пытаюсь укусить. Я отпускаю ему легонький подзатыльник. Это ничуть его не смущает и не портит ему задорного настроения. Уже через минуту он подтягивается вместе со своей цепочкой вверх по балконной двери, отталкивается ногами и с восторгом качается из стороны в сторону на им самим изобретенных качелях. Когда я вечером привожу его назад в клетку к Ромео, он не желает туда входить, проскальзывает у меня между ног наружу и опять принимается играть со мной в прятки. Приходится привести сначала Джульетту с новорожденным из сада, и только вместе с ними он соглашается войти в клетку.

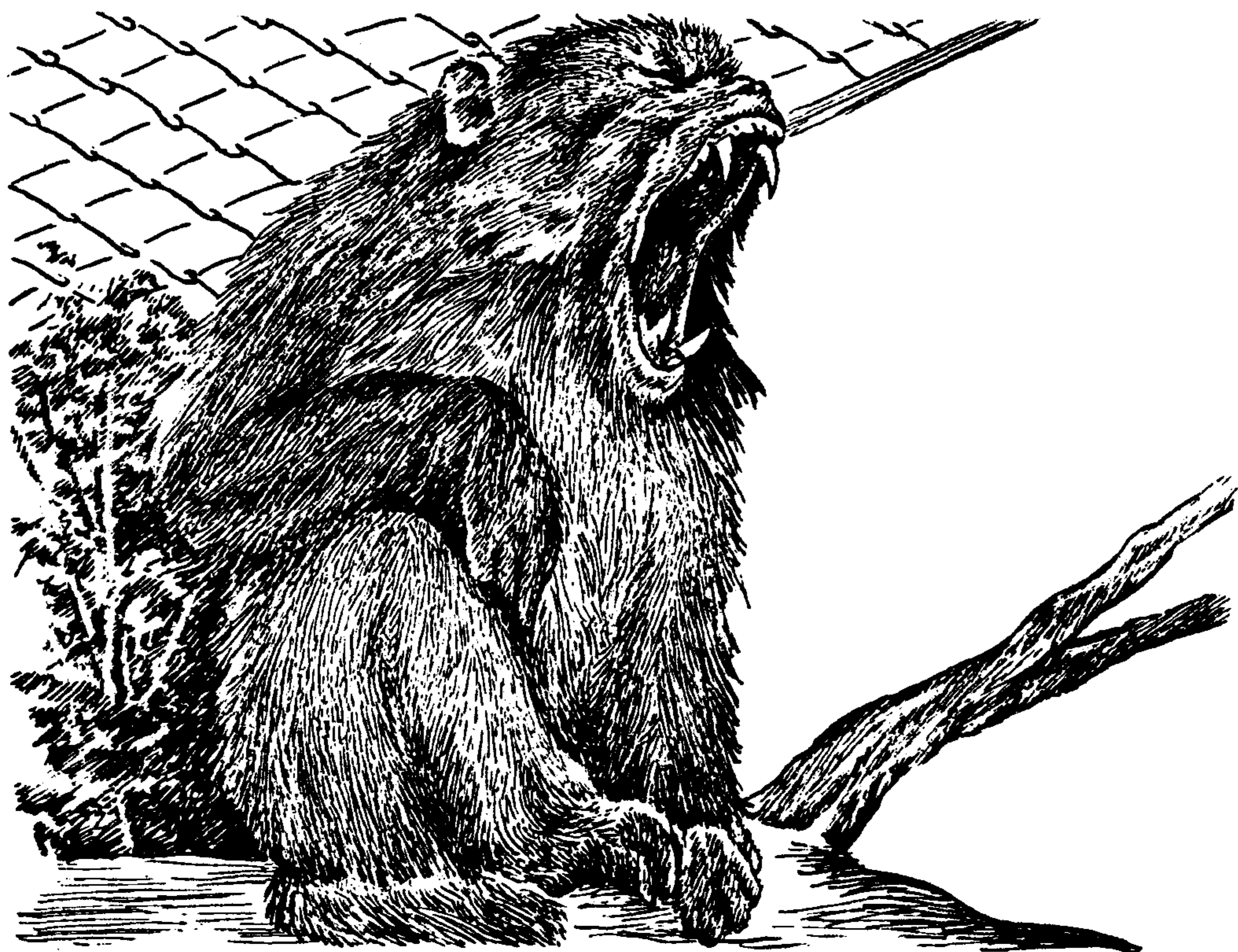
Хотя обезьянья семейка, действуя против меня, крепко держится друг за друга и выступает единым фронтом, тем не менее их отношения между собой никак не назовешь нежными. У Джульетты вдоль всей спины сильные царапины — следы побоев ее муженька.

Вы помните, наверное, загадку, где одному человеку надо было перевезти на лодке на другой берег волка, козу и капусту? В свою маленькую лодку он может взять каждый раз только одного «пассажира», но не может оставить вместе на берегу волка с козой или козу с капустой, потому что чего-нибудь одного не досчитается. Как же ему быть? В подобном положении оказался и я, когда мне во все последующие дни приходилось переводить Ромео, Джульетту и их детей в садовую вольеру и обратно. Если я первым беру Ромео на цепь, Джульетта мгновенно вскакивает мне на голову и дерет за волосы. Если я первой хватаю Джульетту, на меня нападает

Ромео. А уж протяни я только руку в присутствии родителей к этому шалопаю Ромулу, как мне тут же придется обороняться одновременно от обоих родителей. Тяжелая ситуация!

Утром — из подвала в сад — дело еще кое-как ладится, потому что там я могу с помощью задвижной дверцы в смежной решетке между двумя отсеками отделить эту парочку друг от друга. Правда, и это не так легко и просто, как может показаться: ведь они прекрасно понимают, чего я добиваюсь, и боязливо следят за тем, чтобы все время непременно оставаться в одном отсеке. Когда я стараюсь перегнать одну из обезьян в другой, они всегда наблюдают за моей рукой, держащей проволоку от задвижной дверцы. Потом они словно вихрь проскакивают в другой отсек, причем обязательно все вместе. Однако, проявляя терпение и хитрость, наконец удается их разъединить. Теперь, когда Джульетта изолирована, я приступаю к обузданию главы семейства, Ромео. Мне необходимо пристегнуть к его ошейнику цепочку. При этом нельзя забывать, что сила и клыки у него немногим меньше, чем у пантеры, а вспыльчивости и агрессивности хватит на целых трех пантер! Тем не менее, когда супруги нет рядом, мне с ним справиться гораздо легче. Я тесню его в угол, пробуя накинуть ему петлю из цепочки на шею. Разумеется, он тотчас же хватается ее руками. Я стучу его ремешком по пальцам, и он вынужден отпустить цепочку, но зато пытается ускользнуть вверх по решетке. А я его не пускаю. Настороженными глазами рыси он следит за тем, чтобы я не мог накинуть ему цепочку через голову. Тогда я прошу присутствующих, стоящих по ту сторону решетки, чем-нибудь его отвлечь. С ним заговаривают, дотрагиваются до спины карандашом; он на секунду оборачивается, теряя бдительность, и — трык! — цепочка уже у него на шее! Ромео бледнеет, делается сразу каким-то маленьким и послушным, берет в левую руку цепочку, чтобы она не сдавливала ему шею, и идет покорно рядом, словно воспитанная собачонка. Даже охотно заходит вместе со мной в жилые комнаты. Здесь ему все интересно и ново — его голова едва успевает поворачиваться во все стороны. С любопытством разглядывает свое отражение в полированной мебели.

Железную дверцу в садовой вольере я стараюсь открыть лишь настолько, чтобы Ромео мог в нее проскользнуть, потому что Джульетта, завидя, как я веду его на цепочке, снова начинает буйствовать, прямо съесть меня готова! Цепочку со своей шеи Ромео через некоторое время снимет сам. Правда, спустя недели и даже месяцы он так и не сообразил, что для того, чтобы избавиться от цепочки, достаточно лишь потянуть за короткий конец; нет, он каждый раз принимался ожесточенно тянуть за длинный, затягивая этим петлю на своей шее все сильнее и сильнее. То, что ему все же каждый раз удавалось в конце концов

избавиться от цепочки, носило скорей характер случайности, а не обдуманного действия.

Когда Ромео и Джульетта уже сидят в садовой вольере, я отправляюсь за Ромулом, их сыночком. Он забрался под самый потолок клетки и висит там весьма смущенный и растерянный. Поймать такого проворного бесенка — дело отнюдь не легкое. Когда же наконец он у меня в руках и пристегнут за карабин к поводку, я ему в утешение предлагаю вишню. Он не берет. Тогда я силком заталкиваю ее ему в рот, а он, распробовав, как это вкусно, забирает у меня из рук и все остальные вишни и запихивает их себе за обе щеки «про запас».

Когда я с их сыночком на руках подхожу к вольере, папа с мамой приходят в ярость. Они хватаются за свисающий с его шеи поводок и с такой силой начинают за него тянуть, что чуть не душат бедняжку. Мне приходится пригрозить им плеткой, чтобы они отошли в сторону, пока я привязываю поводок Ромула к прутьям клетки. Пусть выходит свободно наружу, лишь бы не мог убежать.

Но эта видимость свободы оказалась для маленького Ромула не большим удовольствием. Он уселся возле решетки и принялся неутешно плакать, приоткрыв ротик и издавая тягучее «у-у-у», очень напоминая при этом человеческого младенца. Время от времени он издавал резкий «воплъ о помощи».

Родители обычно на его крики не обращали особого внимания, но стоило мне в это время случайно зайти к ним в вольеру, как они тотчас же накидывались на меня, хотя я к его воплям не имел ни малейшего отношения и никоим образом не был их причиной.

Как только Джульетта попадает в пределы досягаемости ручонки своего сына, несчастный малыш тотчас же судорожно в нее вцепляется. Но тем самым он беспокоит грудного младенца, и Джульетта вырывается из его рук и отходит на такое расстояние, чтобы он не мог до нее дотянуться. Это каждый раз приводит к громким душераздирающим крикам.

Зачастую маленький Ромул настолько запутывается в своей поводке и тот становится таким коротким, что обезьянке почти невозможно пошевеливаться. Но в то время как со своей собственной цепочкой Джульетта прекрасно знает, как обращаться, своему беспомощному сыну она почему-то даже не пытается помочь распутаться! Странно даже. Ведь когда я позволяю ей полазить по дереву, держа внизу за длинный конец цепочки, она на мой зов непременно старается спуститься так, чтобы цепочка не запуталась за ветки. Если Джульетта пойдет неправильно и цепь застрянет, она непременно вернется и спустится по другую сторону ветки, чтобы высвободить цепочку. Почему бы ей, казалось, не помочь распутаться бедному Ромулу? Но нет, она остается безучастной к его беде. Зато, если я сделаю попытку его распутать, мать и отец приходят в крайнее возбуждение — мне не разрешается дотрагиваться до их сына. Однако распутать-то несчастного все равно надо, и я принимаюсь за дело. Тогда Ромео хватается за другой конец поводка и тянет его к себе. Ему ужасно хочется меня укусить, но он боится палки, которую я держу в руке. Злость его захлестывает настолько, что он вместо меня внезапно хватается своего собственного сына и кусает его за голову! Ромул поднимает страшный крик, и папаша тотчас отпускает его, но ранки на его голове все же кровоточат.

Это опять такой случай, когда животное вымещает свое зло на ни в чем не повинном, но слабом третьем, потому что боится напасть на действительный предмет своего негодования.

Когда у меня выдается хоть полчасика свободного времени, я усаживаюсь в саду возле вольеры с обезьянами и наблюдаю за «своей семейкой». Так я обнаружил, например, что маленький Ромул отлично ловит мух рукой, тем же жестом, как это делаем мы. Но в один прекрасный момент он не учел, что муха села как назло на кучку, которую он сам только недавно сфабриковал. Таким образом, у него в руке очутилась не только муха, но и еще кое-что лишнее. Он всячески старается очистить свою добычу от неприятного «гарнира», но затем, несколько раз понюхав, все

же решает ее выбросить. Джульетта же, когда ловит муху, разрывает ее на части, но не съедает.

Постепенно мне удастся поближе приглядеться к нашему самому маленькому. Вначале Джульетта его не отпускала ни на шаг от себя, когда я находился поблизости. Теперь же она иногда разрешает ему проявлять некоторую самостоятельность. Так, к своему удивлению, я однажды вижу, как эта маленькая «игрушечная» обезьянка бесстрашно взбирается по железному пруту решетки под самый потолок. Правда, иногда она еще неуверенно хватается ручками воздух вместо прута, но когда имеешь четыре «руки», то это не так уж опасно! Ручки еще совсем розовые, и пальчики чаще всего растопырены, а не тесно прижаты друг к другу, как у взрослых обезьян; поэтому они гораздо больше напоминают человеческие. Теперь я могу уже точно определить, что малышка — девочка и поэтому будет называться Рея.

Должно быть, у обезьян очень прочные и нечувствительные корни волос, потому что малышка часто хватается своими лапками за шерсть над материнским лбом, подтягивается на ней кверху и лихим броском перемахивает через ее голову к ней на спину. Затем она сбоку съезжает вниз, обегает мать кругом, и все повторяется сначала — гимнастика, которая доставляет обезьяньему детенышу массу удовольствия. Сплошь и рядом Рея своей растопыренной ручкой шлепает по голове своего братца Ромула и дергает его за волосы. Но Ромул своей сестричке прощает подобные проделки — ей все разрешено.

Он просто рад, что Джульетта под села к нему поближе, туда, куда достает поводок, за который он привязан. Он лег плашмя на живот и положил голову к матери на колени. Она перебирает его гладкую серовато-бежеватую шерстку («в поисках блох», сказали бы мы, если бы у него водились хоть какие-нибудь паразиты, но у него их нет). А он блаженствует: вся его поза, благодарное выражение глаз говорят об этом. И хотя он вздрагивает, когда ее пальцы касаются рубцов на его голове, оставленных зубами бесноватого папаши, но он готов терпеть и не уходит, потому что так хорошо почувствовать снова ласку и заботу своей любимой матери...

Когда я вечером пришел в сад забрать обезьян на ночь в дом, Ромео резким коротким прыжком вскочил мне на спину. И несмотря на то что он так же быстро соскочил обратно (испугавшись, по-видимому, собственной наглости), тем не менее успел вырвать зубами клочок из пиджака. Хорошо хоть не из моей собственной кожи! Как это меня угораздило не надеть поверх костюма рабочий халат!

Но проходит пять дней, и моя семейка становится сговорчивей: теперь вывести их из дома в сад почти уже не составляет особого

труда. Ромео сопротивляется разве что для порядка или для видимости. Но при возвращении назад — из сада домой — все еще приходится устраивать на них охоту. Родители удирают под дождевой навес, который я им соорудил в вольере. А оттуда их достать очень трудно. Я пробовал отгораживать этот закуток специальным щитом на время отлова обезьян, однако Джульетта с ее дерзкой предприимчивостью каждый раз ухитряется сдвинуть его в сторону и протиснуться в спасительный закуток. Она использует самую небольшую щелку, чтобы просунуть туда пальцы и затем рвануть щит в сторону. Силенок для этого у нее предостаточно.

Поскольку бедному Ромулу теперь все время приходится сидеть на привязи, пока вся семья находится в садовой вольере, мне его очень жалко, и я стараюсь его хоть чем-нибудь порадовать. Так, я каждое утро собираю под вишневыми деревьями в саду сброшенные дроздами вишни и приношу ему. Джульетта, которая обычно негодует, когда я подхожу к ее сыночку, в таких случаях это мне милостиво разрешает. А он запихивает себе за обе щеки столько вишен, сколько только может. Щеки у него при этом раздуваются, как у хомячка, и вид становится очень потешный. «Добрая душа», которая тогда, в наше отсутствие, взяла на себя уход за обезьянами, страшно испугалась, увидев Ромула в таком виде: она решила, что у него «распухли гланды», и уже готова была бежать за ветеринаром. Между прочим, Ромул, точно так же, как и его родители, съев вишни, разгрызает косточки и съедает ядра. Папаша Ромео каждый раз норовит отобрать у малыша часть ягод, если я его не прогоняю, а мамаша Джульетта обычно подобного себе не позволяет.

Когда я однажды сидел возле клетки и занимался с Ромулом, рассерженный Ромео внезапно, одним прыжком, подскочил к решетке, запустил обе руки мне в шевелюру и несколько секунд не отпускал, несмотря на мои угрозы. Более того, он еще и расцарапал мне при этом уши и шею! Тут уж и я впадаю в бешенство — почему, собственно, только у обезьян есть подобная привилегия? Я вырываюсь из его цепких рук, хочу войти в вольеру и задать ему хорошую трепку, но обнаруживаю, что ключ от двери остался в доме. Поэтому мне приходится довольствоваться тем, чтобы облить его струей воды из шланга, которым мы поливаем цветы. Он сразу делается очень несчастным и мокрым с головы до пят, а меня конечно же потом мучают угрызения совести...

Мне хочется заснять эту парочку на пленку во время их разбойничьих нападений на меня. У Ромео в это время шерсть встает дыбом и он становится вдвое больше, а у Джульетты глазки делаются злыми, как у ведьмы. Поэтому я выбираю погожий, солнечный день и поручаю своему помощнику дразнить обезьян палочкой.

Разумеется, с воспитательной точки зрения это не лезет ни в какие ворота, но как иначе получить хорошие фотографии? Результаты этой педагогической ошибки не преминули сказаться.

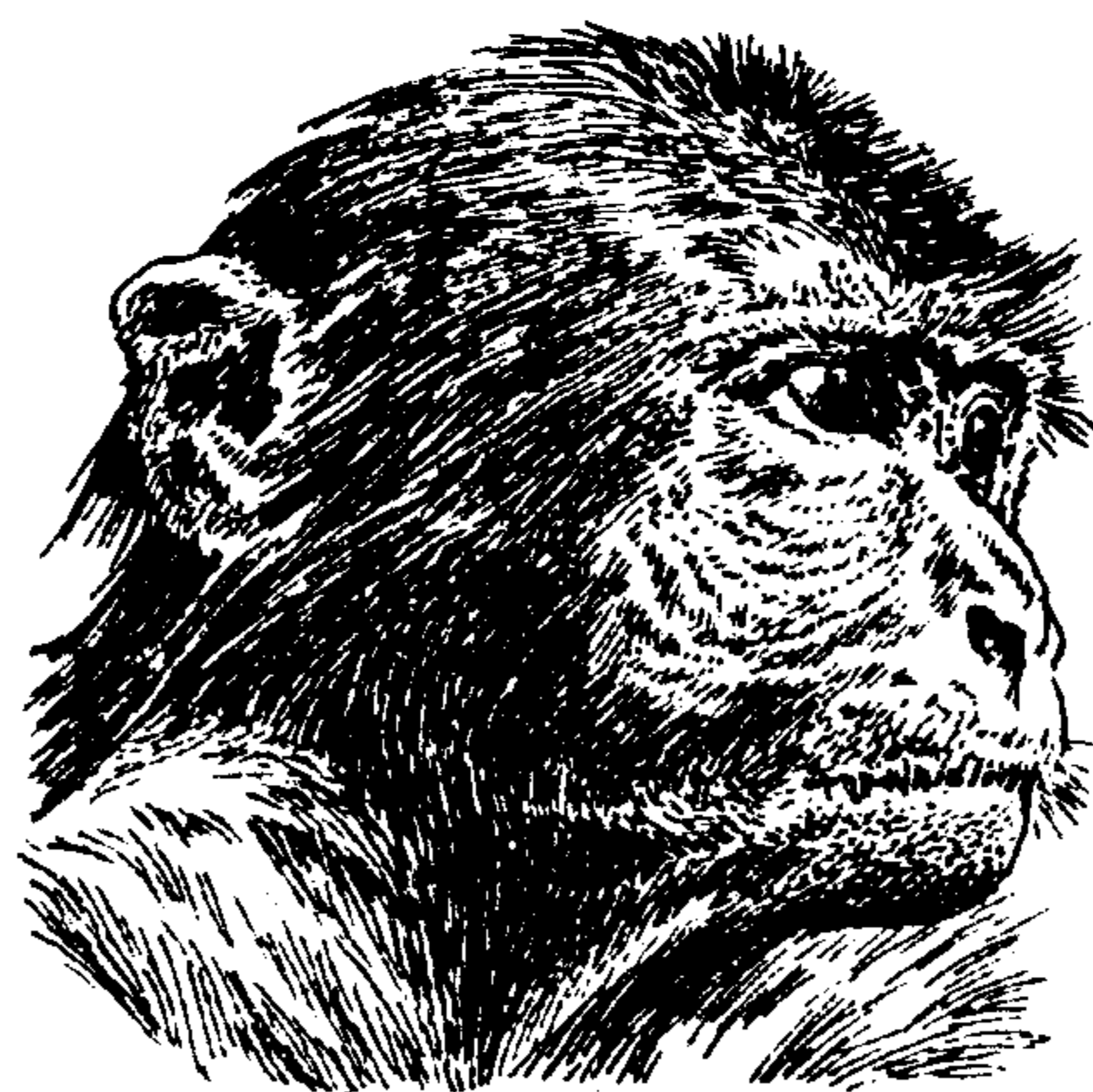
Вечером, после съемок, я прихожу за обезьянами, чтобы забрать их домой. Первая на очереди Джульетта. Но как только я берусь за ее ошейник, чтобы защелкнуть на ней карабин, она издает резкий короткий «сигнал тревоги» или «крик о помощи» — как хотите. В один миг ее разъяренный супруг вскакивает мне на спину и впивается в меня зубами. Джульетта, воспользовавшись моим минутным замешательством, прыгает мне на плечо и тоже начинает кусаться и царапаться. Я сбрасываю Ромео на пол и прижимаюсь спиной к решетке. Но он не унимается, набрасывается на сей раз на мою ногу, разрывает брючину и вцепляется клыками в левую голень. Я принимаюсь дико размахивать руками во все стороны — сейчас важно стать хозяином положения, и, когда животные наконец более или менее утихомириваются, я не хочу трусливо покидать поле боя. Я обязан «сохранить лицо», как любят говорить китайцы; поэтому я решительным жестом пристегиваю Ромео на цепочку и, прихрамывая, отвожу его в дом. Ранение он мне на сей раз нанес нешуточное: нога прокушена до кости и здорово припухла. Несколько дней после этого я еще хромаю, но потом рана в течение двух недель хорошо заживает.

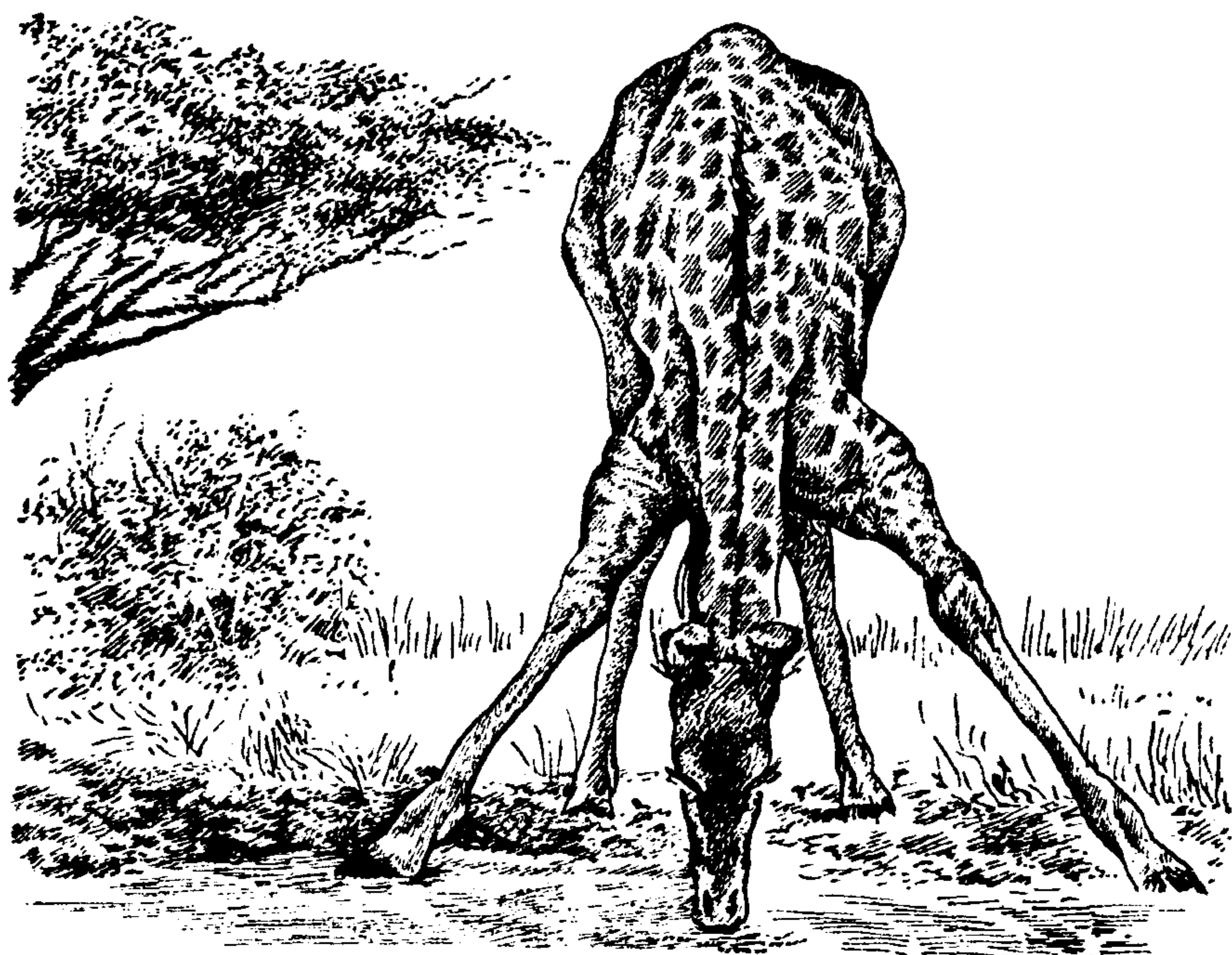
Однако гордиться шрамами, оставленными вам «на память» хищными животными или даже обезьянами, ни в коем случае не приходится. Когда в цирке Кроне какой-нибудь вновь поступивший дрессировщик, гордо закатав рукава, демонстрировал старые шрамы, директор цирка имел обыкновение говорить:

— Ах вот как? Вы разрешаете себя кусать? Нет, тогда вы мне не подойдете...

А я продолжаю свои наблюдения. Так, я впервые вижу, как Ромул, до тех пор почтительно обходивший отца стороной и неизменно уступавший ему дорогу, вдруг внезапным быстрым броском вскакивает ему на спину! Правда, он так же быстро соскакивает назад, как только тот на него оглядывается, но все же поступок, прямо скажем, был рискованный. Ромео явно рассержен и нервно расхаживает взад и вперед по клетке, каждый раз отталкивая Ромула в сторону, как только тот к нему приближается. Когда же папаша наконец усаживается на пол, Ромул тотчас же подбегает, прижимается к нему боком и принимает «позу покорности»: опускает голову на пол, а зад с высоко вздернутым хвостом поднимает кверху, как бы предлагая себя отшлепать. Это поза свойственна всем «провинившимся» обезьянам. Ромео же не обращает на него никакого внимания — явно игнорирует его.

Когда я спустя две недели после разбойничьего нападения на меня впервые захожу в клетку, чтобы вывести оттуда Джульетту, маленький чертенок Ромул проскакивает у меня меж ног и начинает метаться по комнате. Родители, вообразив, что он в опасности, тут же вдвоем накидываются на меня. Перед более неуклюжим Ромео я еще успеваю захлопнуть дверь клетки, но проворная Джульетта уже у меня на голове, вмиг расцарапывает мне ногтями лицо, да к тому же еще впивается мне зубами в затылок! Я стряхиваю ее, но она снова взбирается по мне наверх и кусает за то же самое место! Вот фурия! Мне приходится отрезать ножницами кусок свисающей на затылке кожи, и моему терпению, кажется, уже приходит конец. По-видимому, вредная маленькая обезьянья семейка собирается оставить на мне больше дыр, чем это когда-либо удавалось моим волкам или тиграм. Правда, царапины на коже имеют способность заживать, но зато у дыр на брюках такой способности нет. И даже если брюки старые, все равно я не могу каждый раз переодеваться после того, как переселяю этот маленький злой народец из дома в сад и затем обратно. Но когда кто-то из супругов находится в садовой вольере один, то он ведет себя вполне прилично и беспрекословно разрешает пристегнуть к ошейнику цепочку. Ну что ж. Придется оставлять их попеременно в саду на свежем воздухе: то папу Ромео, то маму Джульетту с детишками. Решение проблемы, правда, не столь мудрое, как у того лодочника с волком, козой и капустой, но поскольку ничего лучшего я придумать не смог, то пришлось так и поступать.

Глава двенадцатая

ТУЛО, ИЛИ ВОКРУГ ЖИРАФА

Вот как появился на свет наш детеныш жирафа — Туло.

Было это в ноябре. Уже с лета то и дело у нас, работников зоопарка, возникали ложные тревоги. Но кончались они ничем. Дело в том, что родители-жирафы Отто и Лиза с юных лет содержались вместе в общем загоне и поэтому мы не знали, когда именно произошло оплодотворение. А следовательно, тем более не могли высчитать, когда же истекнут эти положенные на беременность у жирафа четырнадцать с половиной месяцев. Вот и сегодня эта парочка совместно с молодой самочкой Лотхен с утра разгуливает по своему просторному, ничем, кроме рва с водой, не огороженному загону. Мы для них построили там нечто вроде стеклянной веранды — высотой с трехэтажный дом, — светлое строение, в котором они совместно с антилопами-каннами могут находиться на свежем воздухе даже в самую ветреную или холодную дождливую погоду. Так что практически не бывает ни одного дня зимой, когда бы наши «африканцы» не могли погулять на воздухе.

На сей раз, кажется, тревога не ложная: служитель Айхгорн во время уборки павильона обнаружил необычную лужицу. Задрав голову, он стал задумчиво разглядывать брюхо Лизы, которая, как обычно, во время его утренних занятий стояла рядом и с интересом за ним наблюдала. Он заметил, что ее желтый, в

коричневых пятнах живот время от времени судорожно сжимается явно от схваток. У Айхгорна от волнения бешено заколотилось сердце: ведь ему предстояло присутствовать при родах у жирафа в неволе; более того — это будет детеныш жирафа, впервые появившийся на свет во Франкфуртском зоопарке за все сто лет его существования!

Айхгорн откатил в сторону высокие раздвижные двери, и Лиза шагом иноходца на своих длинных ходульных ногах прошествовала во внутреннее помещение, залитое нежно-зеленым светом, исходящим от стеклянной стены, за которой поднимается к потолку целое буйство зеленых тропических растений.

Обычно внизу, у ног этих башнеподобных существ, движется бесконечный поток посетителей, словно извилистая колонна странствующих муравьев. Однако в эти ранние утренние часы посетителей еще не бывает, и это очень хорошо: по крайней мере молодой мамаше ничто не мешает спокойно произвести на свет свое потомство.

Надо сказать, что первые роды у разных видов животных нам, работникам зоопарка, часто приносят немало огорчений и забот. Детеныши зачастую появляются на свет ослабленными, нежизнеспособными, а матери подчас от них отказываются или обращают на них мало внимания.

Когда несколько лет назад в Базеле появился на свет первый «швейцарский» жирафчик, молодая мамаша повела себя так, словно бы не имела к нему никакого отношения! Она не стала его облизывать, а принялась метаться по вольере взад и вперед, причем наступила при этом на ногу новорожденного, которая с хрустом переломилась пополам. Малышу пришлось наложить шину и выкармливать его из рожка. Но спасти жирафчика все равно не удалось: он был столь ослаблен, что спустя полгода его пришлось из милосердия усыпить — все равно не жилец. У себя дома, в Африке, он наверняка не прожил бы и одной ночи. Я подозреваю, что первые роды у некоторых видов животных происходят «вхолостую»: материнский инстинкт к этому времени еще окончательно не развился.

Нашей Лизе тоже предстояли первые роды. Вела она себя как обычно: хрупала сеном из душистой люцерны, которое ей кладут в корзину и на «лебедке» поднимают на высоту пяти метров до уровня ее головы.

Мы собрались вокруг Лизы и ждали событий. Схватки стали повторяться каждые десять—пятнадцать минут. Мы гадали, каким образом такие длинные ходульные ноги и длинная шея детеныша могут быть так компактно упакованы в относительно

коротком туловище матери (живот ее во время беременности практически совсем не увеличился в объеме!).

В 11 часов 45 минут показалась передняя ножка новорожденного с мягким пока еще копытцем, которым нельзя было поранить мать во время родов. Затем показалась вторая ножка. Взволнованный служитель Айхгорн вцепился своему рядом стоящему помощнику в плечо и стал давить на него изо всей силы так, что тот даже вскрикнул. Правильное ли положение принял плод перед родами? Все ли пройдет гладко, как положено?

Без пяти двенадцать, после легкого толчка, показалась головка. Короткие еще мягкие рожки прижаты вниз, к мордочке. Ни одно рогатое животное не появляется на свет со своими головными украшениями, и понятно почему. Вот только жираф. У большинства других животных рога начинают расти лишь спустя некоторое время.

Роженица беспокойно вышагивает взад и вперед по вольере. Дойдя до стены, она рывком вскидывает голову вверх и поворачивает назад, не касаясь ею стены. А шея новорожденного тем временем выдвигается все дальше и дальше вперед. Детеныш еще не дышит. Но он жив! Длинный темный язык шевелится, облизывает нос и рот. Еще один неслышный толчок (а нам показалось, что мы его услышали), и появились плечи, а затем и задняя половина тела: детеныш целиком выскользнул наружу.

Удивительно, что именно у жирафов, при их огромной высоте, роды происходят стоя, детеныш с двухметровой высоты падает на матушку-землю! Но мы заметили, что падает он все же не на голову. Наш детеныш, во всяком случае, перевернулся во время «полета» и приземлился на спину, или, вернее, на бок. Грудная клетка его при этом задрожала, и он сделал первый свой вдох — воздух проник в легкие, и они (до этого момента маленькие и сморщенные) расправились и приняли ту самую форму, которую теперь уже будут сохранять в течение многих лет, до самой смерти.

А воздух этот был особенный, совершенно африканский, искусственно нами созданный. Сейчас объясню, каким образом. Я пришел к выводу, что нашим экзотическим питомцам при содержании в зоопарках вовсе не требуется такая уж высокая температура воздуха. С тех пор как я езжу в Африку, я всегда беру с собой термометр, и когда мне начинает спирать грудь от духоты и жары, то вытаскиваю его и смотрю, сколько градусов. Результат бывает самым неожиданным: 26, 28, 30 градусов, а иной раз и вовсе только 18. А в саванне, где обитают жирафы и большинство антилоп, по ночам даже довольно холодно. А то, что заставляет нас там так сильно потеть, — это вовсе не жара, а высокая влажность воздуха. В нашей климатической зоне воздух

гораздо суше, а уж зимой в павильонах зоопарка, с их центральным отоплением, и подавно. Поэтому в нашем новом павильоне для жирафов повсюду, незаметно для глаз, встроены специальные увлажнители, которые с помощью сжатого воздуха распыляют мельчайшую невидимую водяную пыль. Особые автоматы следят за тем, чтобы увлажнители включались через определенные промежутки времени и на определенный срок, в зависимости от того, какое содержание влаги в воздухе показывает гигрометр. Такие гигрометры установлены у нас в каждом павильоне для животных, вывезенных из тропиков.

Установки для увлажнения воздуха я высмотрел на сценах современных оперных театров. Говорят, что они там сильно улучшают условия работы певцов. Невидимый для глаза мельчайший водяной дождичек прибывает пыль на сцене, раздражающую в обычных условиях голосовые связки оперных примадонн.

К сожалению, мне самому это новое изобретение принесло немало неудобств. Дело в том, что на время капитального ремонта служебных домов для персонала мне пришлось покинуть свою квартиру и переселиться вместе с женой на пару месяцев на верхний этаж павильона для жирафов. Но там же находится и все машинное отделение, приводящее в действие систему увлажнителей воздуха. От помещений с животными оно надежно отделено звукоизоляцией. Здесь же, наверху, эта система включается каждый раз, как от мощного удара по барабану, а затем зудит и жужжит столько времени, сколько работают распылители. Первое время мы чуть ли не падали с постелей каждый раз, когда начинался этот концерт.

Итак, в 12 часов 40 минут во Франкфурте появился на свет детеныш жирафа. Для нас, зоологов, это событие особой важности, достойное быть записанным в историю нашего старинного города. Во Франкфурте родился Гёте, здесь короновались многие немецкие кайзеры, но вот детенышей жирафа здесь никогда еще на свет не появлялось. Туло — это первый, который открыл свои глазки на гессенской земле.

Мокрый, лохматый детеныш немного полежал на соломе, потом длинная шея, неуверенно пошатываясь, словно змея, стала медленно подниматься кверху. Голова, покачавшись из стороны в сторону, затем снова опускалась на землю. Грива торчала торчком, а отдельные волосики на ней были склеены между собой словно бумажные спички. И весь он был такой мягкий и приятный, как игрушка. Затем с высоты пяти метров к детенышу опустилась огромная голова матери и принялась облизывать своего первенца.

Вскоре он начал делать попытки встать. Однако метровой длины тонкие ножки не желали слушаться, расползались в сто-

роны, и маленький жирафчик все снова и снова шлепался на пол. В 16 часов служитель Айхгорн не вытерпел и подставил свою ногу под задние копыта неуклюжего существа. Детеныш уперся в его ногу, и вот он уже стоит пошатываясь и вихляя на своих четырех длинных ножках. Между прочим, тут мы обнаружили, что «малыш» уже выше нас ростом — в нем целых два метра! Базельский жирафчик имел метр двадцать сантиметров в высоту и только к шести месяцам достиг двух метров. А наш прямо богатырь!

Неуклюже Туло направился к своей матери. Необъяснимая тяга, заложенная в него природой, заставляла его все снова и снова протискиваться между ее передних ног. А Лиза обеспокоенно отшатывалась в сторону, не зная еще, что ему нужно. Но затем детенышу все же удалось просунуть свою голову и шею под материнское брюхо и добраться до вымени. В 20 часов 45 минут он впервые принялся сосать молоко, громко причмокивая и чавкая. А мать разрешила ему кормиться и при этом умиротворенно лизала его спинку.

Мы все облегченно вздохнули. Детеныш родился здоровым, стоит на своих ногах, мать его приняла — все вроде бы в порядке. Что касается нашей Лизы, то та, как ни странно, волновалась значительно меньше нашего. Сразу же после родов она принялась безмятежно жевать сено и запивать его водой.

Попробуй тут разобраться, что творится на такой высоте в голове жирафа! Наш самец Отто и служитель жирафника Айхгорн, правда, хоть и терпят друг друга, но никак не скажешь, что любят.

Во время уборки помещения, хождения взад и вперед Айхгорну необходимо соблюдать никем не установленные, но строгие правила: последовательно проходить из одной клетки в другую и предупреждать свое появление громкими окриками. Все это с годами уже вошло в привычку и неукоснительно соблюдается. А то, если Отто окажется чем-то недоволен, он начинает самым невинным образом надвигаться задом или боком на служителя, стараясь прижать его к стене или загнать в угол. Потом медленно опускается со своих высот голова и начинает примериваться, с какой стороны стукнуть по «нарушителю». Но Айхгорн обычно не дает делу зайти так далеко — кто умней, тот уступит или не даст поставить себя в такое положение, когда приходится признать себя побежденным. Поэтому Айхгорн заранее, вроде бы совсем случайно, уступает дорогу забияке.

Силой тут ничего не сделаешь. Отто даже не понимает, что ему следует бояться кнута. В таких случаях он сейчас же старается доказать, что хозяин в своих владениях он и что сил у него

побольше, чем у этого нахального двуногого существа, размахивающего какой-то палкой у него под носом. Отто и на самом деле хозяин положения: что может сделать карлик против такого великана?

Отто и все члены его «семьи» получают в день по четыре килограмма овса и сколько душе угодно самого лучшего люцернового сена. Помимо этого, им дают еще мелко нарезанные яблоки, лук-порей, редьку, иногда бананы и главным образом морковь. Осенью и зимой в рацион жирафа добавляется еще молодой овес, который мы специально проращиваем целыми центнерами в необыкновенной электрической машине, установленной в отдельном помещении при кормовой кухне зоопарка. Что касается питания, как видите, им здесь отнюдь не хуже, чем у себя дома, в Африке. Но для того чтобы они окончательно не отвыкли от своего «домашнего» корма, наши садовники каждое лето срезают целые охапки зеленых веток акации, вяжут из них «веники» и вывешивают для просушки на хозяйственном дворе под крышами сараев, в которых аккуратно высятся целые башни из транспортных ящиков с их английскими, французскими, испанскими надписями, таможенными штемпелями и приклеенными квитанциями пароходных компаний из всех частей света.

Листья акаций необходимы жирафам еще и по другой причине. Когда такой гигант поднимает кверху свой хвост, увенчанный массивной кистью из черных волос (по форме напоминающий мухобойку), то из-под него должно сыпаться на землю так, словно кто-то высыпает из кастрюли сырой горох. «Горох» этот должен раскатиться по земле в разные стороны. Если этого не случается и шарики склеиваются между собой словно вареный горох, то с жирафом что-нибудь не в порядке — он болен. И вот тогда-то пара веников из акации, которые служитель приносит посреди зимы из сарая, может совершить чудеса; посмотришь на другой день — уже все нормально. Что касается жирафов, то они не так придирчивы к еде — преспокойно съедят листья вместе с основной частью веток. Окапи, те «аристократичней»: обирают с веток одни только листочки.

Каждый раз, когда я возвращаюсь из Африки домой, я вспоминаю, что опять не сумел многого узнать в отношении поведения животных на воле, что так необходимо для лучшего ухода за ними в неволе. Так, к примеру, мне давно хочется установить, что означает взаимное облизывание, или скорей «обсасывание» гривы у жирафов. Что это? Ласка? Или они ведут себя так только в условиях зоопарков, потому что им не хватает какого-то вещества в кормах? Иной раз они способны заниматься этим в течение

четверти часа, и волосы на их гриве стоят после этого торчком и бывают совершенно мокрыми, как у дамы после мытья головы.

Должен признаться, что мне до сих пор так и не удалось выяснить, занимаются ли жирафы и в Африке, на воле, подобными «головомойками».

Мамаша Лиза, барышня Лотхен и маленький Туло гораздо добродушней, чем Отто, и сговорчивей, чем он. Они обычно без всякого сопротивления идут туда, куда им велят. Отто же злится из-за каждого нового служителя, который замещает Айхгорна, когда у того выходной. Завидя «новичка», наш самец рывком вскидывает голову и тычет в его сторону передней ногой. Правда, надо отдать ему должное: он больше «делает вид», что хочет ударить, просто пугает. Всерьез напасть он, пожалуй, не решится. К счастью, в нашем жирафнике повсюду есть двери или навесы, где можно укрыться в случае опасности. А на открытой смотровой площадке можно спастись в огораживающем ее рву. Достаточно спуститься по ступенькам ведущей к воде косо́й лесенки, и ты в безопасности: жирафы никогда не решатся туда ступить. Они с величайшей осторожностью остановятся у края рва.

В течение всего дня вместе с жирафами на открытой смотровой площадке разгуливают и антилопы-канны. Ганс — так зовут самца, вожака стада, — персона необыкновенно важная и полная достоинства. К счастью, он еще не уяснил себе, что у Отто бывают весьма недобрые намерения, когда он становится бок о бок с ним, размахивает своей головой с короткими рожками и ударяет ею плашмя по лбу оторопевшего от неожиданности Ганса. Он воспринимает это как игру. Даже когда в него целятся ударить одной из невероятно длинных ног. Тогда он тоже опускает голову и старается отразить атаку своими крепкими витыми рогами.

Однако однажды, во время подобного «турнира», задняя нога Отто застряла меж крепких рогов Ганса и он никак не мог ее выдернуть. С тех пор мы лишь очень неохотно выпускаем этих двух вожаков гулять одновременно. Ганса запирают летом на целый день в хлеву, но зато ночью он становится полновластным хозяином площадки и разгуливает по ней вместе со своими двумя женами — Ольгой и Гретель.

Таким образом, днем у Ганса достаточно времени для того, чтобы «метить» свое внутреннее помещение. Собаки, как известно, метят границы «своего» участка мочой, опрыскивая ею стволы деревьев; бегемоты маркируют границы своих владений, разбрызгивая экскременты по кустам и откладывая кучи на земле. У самцов же антилопы-канны на лбу под густой шерстью имеется специальная железа, выделяющая черноватую мазь. Этой мазью Ганс и наносит черные пятна на стены своего жилища. А стены

эти, между прочим, светло-зеленые, чистые и гладкие, и служителю Айхгорну совершенно неинтересно их вытирать без конца. Но у Ганса в этом противоборстве выдержки оказалось побольше. И теперь, чтобы посетители зоопарка не думали, что у нас не следят за чистотой, на помещении Ганса вывесили табличку с надписью, поясняющей, что грязные пятна на стене — это вовсе не грязь, а пограничные столбы.

Некоторое время мы держали вместе с жирафами газелей Томсона, или «томми», как их зовут дома, в Африке. У них такие веселые черно-белые полосы на рыжих боках. Но тут опять же козлик, их вожак, оказался совершенно безрассудным и дерзким субъектом. Поскольку он являлся обладателем острых, как шило, рожек и к тому же вообще был, по-видимому, маленьким нахалом, он старался задирать всех и каждого. Он отходил на пару шагов назад, разбегался и вонзал свои острые рожки жирафам в ноги или миролюбивым антилопам-каннам в брюхо! Даже мощного самца Ганса он бесстрашно вызывал на бой! Разумеется, тот не приходил в восторг, когда к нему подбегала такая мелюзга и всаживала рожки ему в физиономию. Дважды мы бывали вынуждены спасти наглеца, когда Ганс прижимал его своими мощными рогами к земле. Кончилось тем, что антилопа Ольга однажды отвесила задире задней ногой такой удар по носу, что переносица оказалась переломанной.

Я подумал, что драчуну пришел конец. Нос его до того распух, что козлик напоминал теперь скорее антилопу-сайгу, чем африканскую газель Томсона. Он не мог как следует жевать, и нам приходилось скармливать ему супы и каши.

«Это послужит тебе уроком, мой малыш!» — подумал я, но, оказывается, ошибся.

Как только спустя несколько недель козлик оправился и снова встал на ноги, к нему тут же вернулось прежнее нахальство. Ничего не помогало, даже резиновые наконечники, которые мы надевали на его острые рога. Пришлось ему перекочевать вместе с женой и ребенком в другой зоопарк. Теперь он устраивает свои безобразия в Ганновере.

Этой весной на очереди павильон жирафов: его предстоит побелить от крыши до подвала. Как ни странно, возведенные вдоль стен леса нашим жирафам ничуть не помешали — они не обращали на них никакого внимания. Все, кроме «маленького» Туло. Тот не пропускал ни одного маляра без того, чтобы с ним не «поздороваться». И нагонял на них при этом немало страху. Стоило появиться какому-нибудь маляру с лестницей на плече, жирафчик галопировал ему навстречу даже из самого дальнего угла загона. Он торопился при этом изо всех сил и едва успевал затормозить, не добежав двух шагов до насмерть перепуганного

мастера. А ведь он совершенно не хотел никого пугать и, наверное, здорово удивлялся, когда они от него убегали, а один даже бросил на пол лестницу. Детенышу всего-навсего хотелось поиграть, ведь у него здесь не было никаких приятелей-сверстников, как это бывает в любом большом стаде жирафов в Африке. Он бы ужасно обрадовался, если бы какой-нибудь маляр с лестницей на плече согласился галопировать вместе с ним наперегонки по загону.

Иногда наши постояльцы устраивают странные процессии, шествуя по кругу. Случается это чаще всего под вечер, и возглавляет процессию Отто. За ним следует Лотхен, за ней Лиза, за ней Туло, но это еще не все. Антилопы-канны со всеми чадами и домочадцами тоже пристраиваются к процессии и чинно шествуют друг за другом в строгой последовательности. Поскольку они и в Африке привыкли выстраиваться в цепочку и идти «в затылок» друг за другом, то этим и объясняется, что в саванне постоянно натыкаешься на плотно утопанные тропы, которые всегда принимаешь за специально проложенные человеком дорожки. А это не так.

Когда у Ольги или Гретель появляется детеныш, мы выжидаем, пока он твердо встанет на свои ножки и научится ходить. Для этого должно пройти не более одного-двух дней. Потом мы выпускаем детеныша вместе с матерью в общий загон. Как только он туда входит, обычно удивлению и восхищению нет конца: все обитатели загона подходят им полюбоваться. Головы всех жирафов непременно спустятся со своих высот, чтобы обнюхать нового гражданина зоопарка. Ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь из них хоть чем-то обидел малыша, даже если тот неуклюже наступит кому-то из них на ногу или перепутает с матерью и начнет протискиваться между ног жирафа в напрасных поисках материнского вымени.

Что касается самца Ганса, то тот считает себя, по-видимому, вполне подходящим кавалером для самок жирафа. Иной раз он принимается настойчиво их преследовать своими ухаживаниями, что Отто, к счастью, всерьез не воспринимает.

Мы заметили, что все жирафы без исключения любят воду. Когда идет дождь, они часто выходят под открытое небо и стоят там, явно блаженствуя. Мне даже кажется, что они после такого душа становятся гораздо желтей и чище. Они бывают довольны и тогда, когда служитель поливает их из шланга.

Недавно служитель заметил, что, оказывается, и окапи по кличке Эпулу такой же любитель душа. У окапи ведь только туловище блестящего черного цвета — сверху его ноги полосатые, как у зебры, а книзу кончаются снежно-белыми «чулочками». Содержать эти «чулочки» в чистоте в условиях зоопарка дело отнюдь не легкое. Ведь Эпулу не дает скрести себе ноги щеткой —

он, по-видимому, боится щекотки. А меня всегда огорчает, когда он укладывается на грязную солому, а потом расхаживает перед посетителями с желтыми неопрятными ногами. Поэтому очень кстати, что служитель как-то обнаружил, что вечно удирающий от щетки и мыла окапи с удовольствием подставляется под струю бьющей из шланга воды. Он даже подойдет поближе на пару шагов, чтобы она в него обязательно попала. Таким способом нам теперь удастся содержать в чистоте белые «чулки» нашего окапи, как это и положено такому редкому и важному заморскому гостю.

Вот так протекает жизнь наших четырех жирафов в их новом доме; здесь у них и любовь, и ссоры, и появление на свет детенышей, и так до самой их кончины. Потому что покинуть наш зоопарк они уже не смогут: для этого они стали слишком высокими. Ведь и в Африке отлавливают только молодняк, а взрослых особей снова отпускают на волю, когда они вместе с молодняком попадают в специально построенные краали-ловушки. Потому что для перевозки годятся лишь особи не выше трех метров тридцати сантиметров. Если они больше, то с ними не проедешь под железнодорожными и автострадными мостами. В цирках иногда применяли особые фургоны для перевозки жирафов, в которых крышу с мягкой обивкой при необходимости можно было опускать вниз с тем, чтобы стоящему внутри животному приходилось наклонять голову и держать ее в таком положении, пока крышу не поднимут снова вверх. Однако к таким манипуляциям жирафа надо приучать путем долгой дрессировки. На подобное соглашаются лишь очень ручные, привыкшие к частым переездам с места на место животные. А когда несколько лет тому назад одного жирафа перевозили в Лондонский зоопарк, ему на шею накинули канат и каждый раз, когда грузовик, в котором его везли, проезжал под мостом, служитель тянул за канат, заставляя жирафа опускать голову. Так они и добрались благополучно до места назначения. Служитель подсчитал, что Нелли пришлось «кланяться» сорок три раза!

За последнее столетие нас, европейцев, ознакомили не только с такими чудесами, как железная дорога, самолеты и электрическое освещение, но и с животным миром далеких континентов. Это, безусловно, заслуга зоопарков. Сегодня почти каждый ребенок в городе может похвастать тем, что видел живого жирафа. Но трудно вообразить себе тот переполох и столпотворение, когда в 1828 году такое удивительное, ни на что не похожее создание прибыло в Вену в качестве подарка немецкому кайзеру от паши

Египта Мухаммеда Али! Незадолго до этого тот же Мухаммед Али послал двух жирафов в Англию и одного в Париж; но это был первый, ступивший на немецкую землю.

Животное перенесло почти месячную (с 30 марта по 27 апреля) качку на парусной шхуне от Египта до Венеции. А оттуда уже (после небольшой передышки) оно отправилось пешком через всю Венгрию до Австрии.

В те времена всех крупных животных, предназначенных для зверинцев, водили пешком. В первые дни жираф очень уставал, потому что у него не было привычки к длительным переходам, так что приходилось подвозить его время от времени на плоской телеге. Но потом египетскому служителю, сопровождавшему животное, снова удавалось побудить его встать и идти дальше своим ходом. Под конец жираф уже преодолевал за день около пятнадцати километров. Кайзер отрядил нескольких солдат из морской пехоты, которые составляли нечто вроде почетного эскорта при «заморском госте». Шестого августа жираф прибыл наконец в пригород Вены и был представлен кайзеру и придворным.

А «парижскому» жирафу французский король Луи Филипп даже вышел навстречу и в качестве угощения преподнес корзину, наполненную лепестками роз. Поэтому, когда наши три жирафа въезжали в новый, построенный для них павильон, франкфуртский бургомистр доктор Лайске решил повторить эту церемонию и, стоя на увитой цветами лестнице, приветствовал вновь прибывших таким же изысканным образом.

Что творилось тогда, первый раз, в Шёнбруннском зверинце в Вене, где экспонировался первый «венский» жираф, даже трудно себе представить. Из сохранившихся описаний видно, что колоссальные массы посетителей, желающих посмотреть на заморскую диковинку, было трудно удержать в узде. Так, одна дама защемила себе голову между прутьями клетки, и только с большим трудом ее удалось высвободить оттуда. Специальные выпуски газет были целиком посвящены этому необычайному событию. В одной из крупнейших гостиниц был организован бал, на котором каждой из участвовавших в нем дам преподнесли букет цветов, из которого торчали голова и шея жирафа, искусно изготовленные из рафинада. Парикмахеры тотчас же изобрели новую прическу «а-ля жираф», кондитеры стали выпекать новое печенье, которое до самого конца столетия продолжало называться «жирафельки», а в театре долго еще шел водевиль под названием «Все как у жирафа», с участием знаменитого тогда актера Фердинанда Раймунда.

Венскому жирафу не суждено было стать взрослым — он прожил всего три четверти года. В те времена эти прекрасные животные часто страдали от деформации суставов ног, потому что

тогда еще не знали, чем их нужно кормить. Потом, когда зоопарки уже набрались опыта, отдельные особи доживали в неволе до двадцатипятилетнего возраста и умирали просто от старости. Первое время, когда их еще показывали в зверинцах и возили по разным городам, то по улице всегда водили пешком, привязанными веревкой за шею. Тогда зачастую случались разного рода происшествия, потому что никак не удавалось помешать зевакам бежать следом. Так, старого Гагенбека¹ жираф, испугавшись крика и свиста толпы, поволок за веревку, которую тот неосторожно намотал себе на руку, галопом по улице. Несчастному пришлось совершать гигантские прыжки, чтобы не упасть, иначе жираф потащил бы его волоком за собой по булыжникам и мог разломить ему голову о камни. При подобной же ситуации в Суэце другой жираф чуть было не зашвырнул Гагенбека на свалку, на которую выбрасывали разбитые бутылки.

В восьмидесятых годах прошлого века наш Франкфуртский зоопарк продал одного жирафа в Рио-де-Жанейро. Поскольку там раньше ни разу не содержали подобных животных в неволе, то полагали, что его можно поместить в вольеру, огороженную тонкой проволочной сеткой, которую обычно применяют в курятниках. Жираф с легкостью проломил сетку и исчез в лесу. Но нашелся умный человек, который догадался, как вернуть беглеца. Он привязал себе на спину охапку сена, на грудь повесил фонарь и пошел ночью в лес. Полуручное животное, привлеченное светом фонаря, с любопытством стало приближаться, а заметив сено, принялось с удовольствием его уплетать. Человек этот начал медленно двигаться в сторону зверинца, и жираф последовал за ним.

Один из жирафов, прибывших в Лондон, уже два года спустя тоже погиб от мучительной болезни суставов. Дело в том, что несчастное животное в Африке долгое время везли крепко-накрепко стреноженным и связанным на спинах верблюдов. Это ужасно жестокий способ транспортировки. Теперь зоопарки позаботились о том, чтобы их постояльцы путешествовали со значительно большими удобствами.

А между тем лишь с помощью тех жирафов, которые стали с начала прошлого века попадать в европейские зоопарки, нам удалось поближе познакомиться с этим видом животных и узнать хоть что-то о жизни самых высоких созданий на земном шаре. Джонстон, один из первых исследователей Африки прошлого века, весьма относительно разбирающийся в зоологии, описал их

¹ Г а г е н б е к Карл (1844—1913) — основатель крупнейшей в мире немецкой фирмы по торговле дикими животными и Гамбургского зоопарка. (Примеч. ред.)

коротко, в двух словах, так: «Животное выше слона, но не такое толстое».

А много десятилетий спустя среди ученых стали возникать споры о том, ложатся ли жирафы ночью спать на землю или дремлют ночь напролет, стоя на ногах. Поскольку мне в течение нескольких месяцев пришлось прожить на верхнем этаже над павильоном для жирафов, то я, возвращаясь поздно вечером домой, каждый раз проходил по темному проходу мимо их клеток. Они всегда лежали с подвернутыми под себя ногами, только шеи были вертикально подняты кверху. «Наверное, интересуются, кто это ночью пробирается мимо их жилища», — объяснял я себе это явление.

Но уже полгода спустя мы решили все же проверить, как все-таки обстоит у жирафов дело со сном. В полночь мы уселись в кресла напротив клеток с жирафами и стали ждать. Мы — это доктор Петерсон, известный педиатр, мой ассистент доктор Фауст, наш зоопарковский ветеринар доктор Клёппель, главный врач Университетской детской клиники доктор Хёвелс и я. Пять докторов наук да еще в придачу два добровольца — любителя-натуралиста. Правда, находились мы здесь не из-за жирафов, а из-за умиравшего двумя этажами выше детеныша человекообразной обезьяны.

Дело в том, что там, наверху, я устроил лазарет для обезьян. Мне показалось разумней разместить его здесь, чем в обезьяннике, потому что нет таких болезней, которые распространялись бы с жирафов на обезьян или с обезьян на жирафов. Кроме того, в павильоне для жирафов часто живут студенты или любители-натуралисты, которые охотно и добросовестно по нескольку месяцев подряд работают у нас в зоопарке. Они, в случае надобности, и ночью приглядят за нашими пациентами.

А это дитя обезьяны, там, наверху, — тяжелобольное. Уже несколько дней, как организм у него ничего не принимает: ни пищи, ни лекарства, ни даже чая. Он все отрыгивает назад. Детей в таких случаях инъецируют снотворным, чтобы они впали в длительный сон, и кормят искусственно или вливают им литрами специальный раствор, не дающий усыхать желудочно-кишечному тракту. Мы знали, что человекообразным обезьянам, чтобы они впали в глубокий сон, требуется гораздо больше морфия или другого снотворного, чем людям одинакового с ними веса. Но ни один из нас не решался впрыснуть нашему маленькому пациенту дозу, для человека заведомо смертельную. Так что нам пришлось начать с небольшого количества и ждать три четверти часа после этого — не заснет ли наш больной. Когда же он снова открыл свои карие грустные глаза, как только мы вошли в его комнату, мы удвоили дозу. И так несколько раз подряд.

Вот истинная причина того, что мы собрались все вместе и просидели эту долгую ночь в слабо освещенном зимнем саду жирафника, в то время как наверху медицинская сестра наблюдала за нашим пациентом. Четверо из сидящих играли в карты. С сочных бромелиевых листьев за моей спиной то и дело скатывались тяжелые капли и растекались на полу. Окапи непрерывно вышагивал взад и вперед за своей стеклянной перегородкой, зато тяжеловесные антилопы-канны лежали спокойно и жевали жвачку. Большой куду в сумерках развлекался своим любимым занятием: просовывал кончик витого рога между стеной и задвижной дверцей, заставляя ее дребезжать. Снаружи время от времени глухо доносился звук проезжающего трамвая. Глаза лесных антилоп ситатунга и маленьких, ростом с зайца, дукеров отсвечивали в темноте красноватым светом. Я люблю бывать по ночам в хлеву. Еще ребенком я часто по вечерам засиживался среди коров.

Нашим четверем жирафам волей-неволей пришлось смириться с непрошеными ночными гостями. Две самки уже улеглись так, как я это обычно видел по вечерам,— высоко подняв голову кверху. Отто еще продолжал вышагивать по вольере.

И вот где-то в половине второго мы обратили внимание на то, что самка Лиза приняла какую-то странную позу: шея, словно смычок, или скорей, баранка, выгнулась назад, голова оперлась на заднюю ногу и частично на пол. Это была поза сна, которую мне никогда еще не удавалось наблюдать. Да и в книгах не приходилось встречать подобного описания. Вот, значит, как спят жирафы! Не успели мы как следует все рассмотреть, как голова Лизы уже снова поднялась кверху.

Среди наших добровольцев работали в то время молодые Клаус Иммельман и Герберт Геббинг (сын прежнего директора Лейпцигского зоопарка). Оба они выразили готовность покараулить возле жирафов со вспышкой и камерой. Им-то и удалось впервые заснять на пленку взрослых жирафов, спящих крепким сном в такой вот необычной позе. Кроме того, они вели записи, сидя (не замечаемые жирафами) возле специально прорезанного в стене окошка для наблюдений,— когда и на сколько времени каждый из наших жирафов ложится отдыхать. А также когда и на сколько минут они опускают голову на пол, то есть впадают в крепкий сон.

Вот Отто, к примеру, лег в день наблюдения уже в 18 часов 37 минут, затем встал в 21 час 03 минуты, в 21 час 51 минуту снова лег, а с 22 часов 34 минут до 22 часов 36 минут опустил свою голову на землю. С 23 часов 19 минут до 0 часов 47 минут он ходил по своему боксу и еще раз — с 1 часа 41 минуты до 2 часов 23 минут. Потом он дремал с поднятой головой до 5 часов 57 минут, и в течение этих трех с половиной часов шесть раз

опускал голову на землю. Но каждый раз не больше чем на три-четыре минуты. Только в это время он впадал в глубокий сон. В общей сложности он спал, следовательно, 21 минуту. Мамаша Лиза той же ночью спала глубоким сном (опустив голову на пол) только 20 минут в пять приемов. Зато подросток Лотхен спала в общей сложности 30 минут, а четырехмесячный Туло проспал 63 минуты в восемь приемов.

В другой раз Отто опускал свою голову в общей сложности на 23 минуты, Лотхен — на 19, Лиза — на 35, а Туло — на 70 минут. Наш окапи Эпулу зато впал в ту ночь в глубокий сон на целый час, правда в десять приемов.

Полностью расслабиться всего на 20 минут в сутки — не кажется ли вам, что это мало для взрослого жирафа? Но ведь и слоны, как установил известный зоолог Хедигер, ложатся спать всего на один-два часа после полуночи. Все остальное время эти мощные колоссы либо стоят на ногах, либо расхаживают взад и вперед. Вероятней всего, они, подобно лошадям, способны дремать стоя, а настоящий сон у них короток, но зато очень глубок. Известно, что лошади способны заставить свои ноги при помощи сухожильного аппарата как бы оцепенеть, так что мускулам при этом напрягаться почти не приходится. Подобным же образом спят фламинго, стоя на одной ноге и спрятав голову под крыло. Я полагаю, что и жирафы, лежа во время дремоты на земле, могут с помощью особых сухожильных связок удерживать свою голову в вертикальном положении и от этого не уставать. Ведь жираф у себя дома, в саванне, вряд ли может себе позволить впадать часами в глубокий сон, зная, что вокруг бродят львы и леопарды. Это врожденные, инстинктивные действия. И даже если мы вырастим у себя в зоопарке пятое поколение жирафов, все равно они будут почти всю ночь держать голову кверху, несмотря на то что наши львы и леопарды надежно заперты в своих клетках...

В такой жирафьей шее кроются еще и другие удивительные особенности. Физиологи разных стран долго бились над решением этих задач: ведь в шее поднявшегося во весь рост жирафа должен стоять умопомрачительно высокий кровяной столб.

Когда подобная долговязая фигура вытянется во весь рост с поднятой кверху головой, чтобы достать своим длинным языком до облюбованной веточки, высота кровяного столба может достигнуть добрых семи метров! Это соответствует давлению в пятьсот миллиметров ртутного столба. А для того, чтобы преодолеть эту разницу в кровяном давлении между мозгом и сердцем, сердцу жирафа приходится создавать давление примерно в триста мил-

лиметров. Когда жираф, чтобы напиться, опускает свою голову к земле, а затем рывком поднимает ее, то, казалось бы, в его мозгу должно резко изменяться давление. По человеческим меркам животное при этом должно было бы упасть в обморок. Кровь из мозга должна была бы с невероятной скоростью обрушиваться по шейным венам в сердце. Механизм этого явления представляет особый интерес для медиков, изучающих изменения в кровообращении у летчиков на больших высотах при сверхзвуковых скоростях. Им очень важно было узнать, как организм жирафа справляется с подобного рода трудностями.

Профессор Р. Гэтц из Института физиологии Кейптаунского университета уже после окончания Второй мировой войны собирался заняться серьезным исследованием необыкновенных особенностей кровеносных сосудов шеи жирафа. Однако для этого ему пришлось бы закупить в Восточной Африке по меньшей мере трех жирафов да еще доставить их в Лондон, что обошлось бы ему в десятки тысяч марок. Но уже несколько лет спустя методы исследования кровообращения и особенно соответствующая аппаратура получили неожиданно быстрое развитие. Теперь, вместо того чтобы тащить жирафов в Институт физиологии, оказалось возможным привезти в африканскую саванну сам институт, вернее, транспортабельные измерительные приборы. Кроме того, Гэтц узнал из газет, что «быстрое развитие северо-восточных районов Трансвааля в качестве удобных для сельского хозяйства земель потребует уничтожения большого количества обитающих там жирафов». Он тотчас же отправился на джипе с двумя грузовиками аппаратуры в ту область, где как раз проводилось массовое уничтожение диких животных, как это уже случалось в те времена в разных африканских странах.

Разумеется, ему там предоставили возможность заполучить для своих исследований столько только что убитых жирафов, сколько душе угодно. Он мог их спокойно анатомировать и изучать.

Раньше ученые предполагали, что кровь у жирафа особенно густая, теперь же выяснилось, что она почти не отличается по своей консистенции от человеческой. Зато в ней, как, впрочем, и в крови верблюда и ламы, вдвое больше красных кровяных телец — эритроцитов, — чем у нас.

Одна только голова жирафа имеет подчас в длину целый метр. Кишечный тракт — девяносто один метр, сердце может весить свыше одиннадцати килограммов, в сорок раз больше человеческого. Когда измерили толщину стенки сонной артерии, ведущей от сердца к голове, оказалось, что она составляет полтора сантиметра!

Для измерения кровяного давления у жирафа Гэтцу были необходимы все же живые, а не мертвые животные, так что ему

пришлось нескольких жирафов изловить. В Восточной Африке это делается весьма несложным способом, без особых хлопот. Их либо загоняют в крааль-ловушку, либо едут на джипе рядом с бегущим животным и с помощью длинного шеста набрасывают ему на шею петлю¹. Профессор Гэтц применил, однако, на мой взгляд, гораздо более сложный и не слишком надежный способ. Он выдалбливал отверстие в обычной ружейной пуле, закладывал туда усыпляющее средство, быстро растворяющееся в воде, а следовательно и в крови, и всаживал такую пулю из обыкновенного ружья с расстояния примерно пятьдесят метров в круп жирафа. «Лук и стрелы были бы удобней, — делился он потом своими впечатлениями, — потому что тогда получалось бы меньше легких ранений, когда попадаешь не в то место, куда целился».

Спустя три четверти часа после выстрела жертва уже лежала на земле. Гэтц возил с собой огромную кучу разборных стальных труб, из которых быстро свинчивали клетку вокруг обездвиженного животного; затем он вводил ему лекарство. Как только жираф был снова на ногах, можно было приступать к обследованию — убежать пленник уже никуда не мог. С помощью электрокардиографа удалось выяснить, что сердцебиение у жирафа, несмотря на необычный внешний вид животного, не сильно отличается от нашего: сто ударов в минуту. То же относится и к шумам, прослушиваемым в сердце. Он делает пятнадцать вдохов и выдохов в минуту.

Потом ученый со своими помощниками приступал к измерению кровяного давления. Для этого обезболивали участок у основания шеи и вводили через надрез в сонную артерию тонкий резиновый зонд длиной в два с половиной метра. В наконечнике этого зонда находилось немного радиоактивного кобальта, с тем чтобы можно было снаружи с помощью счетчика Гейгера проверять, до какого места в шее поднялся зонд. Таким образом удавалось доводить его вверх по сонной артерии до самого основания черепа и измерять там соответствующей аппаратурой кровяное давление. В поднятой вертикально шее оно составляло двести миллиметров ртутного столба. Когда животное опускало голову к земле, кровяное давление вопреки ожиданиям не поднималось, а, наоборот, даже снижалось до ста семидесяти пяти миллиметров. Объяснение этой загадки кроется, по-видимому,

¹ Догнать жирафа на машине или на лошади не представляет особого труда. В Институте физиологии в Ленинграде были сделаны замеры, в результате которых выяснилось, что легкие жирафа набирают за один вдох только двенадцать литров воздуха, в то время как легкие лошади — тридцать. Если за убегающим жирафом долго гнаться, он либо остановится, либо даже рухнет на землю. (*Примеч. перев.*)

в особых клапанах, перекрывающих большую шейную вену. Они способны прерывать поток крови таким образом, чтобы в этой вене сохранялось повышенное давление даже в тех случаях, когда в более мелких артериях (которые в свою очередь тоже могут быть перекрыты клапанами) наблюдается пониженное давление. Так что мощная шейная вена, функция которой, вообще-то говоря, обеспечивать отток крови к сердцу, временами служит своеобразным кровяным депо, наличие которого выравнивает кровяное давление в мозгу.

Даже когда эти жирафы, пройдя через подобные исследования, затем с защитой маленькой ранкой на шее продолжают разгуливать по саванне, мне все равно их жалко. Особенно когда я думаю о том, что тысячи этих интересных животных и так бесцельно пали от руки бездумных стрелков, «развлекающихся» в Африке. А ведь их нигде больше не встретишь, эти удивительные «башни на четырех ногах», — ни на одном другом континенте их нет.

Исследования доктора Гэтца, возможно, и принесли какую-то пользу людям, летающим в самолетах, но самим жирафам, их спасению, мало чем помогли. Однако все же я извлек из его опыта некоторую для себя пользу: я понял, что можно с небольшого расстояния усыплять на время диких животных с тем, чтобы их метить. Как удобно и легко можно таким способом метить цветными метками антилоп, бегемотов, даже слонов, чтобы затем иметь возможность проследивать их миграции, границы их «владений», семейную жизнь, субординацию в стаде и многое другое. Ведь нам еще так много надо узнать о крупных диких животных Африки, чтобы сберечь их в национальных парках и создать им благоприятные условия для выживания.

Жирафы и дома, на своей родине, отличаются большим любопытством. В местах, где охота запрещена, они зачастую подходят вплотную к автомобилям, чтобы хорошенько рассмотреть эту странную штуковину. В резервате Натал один особенно любознательный самец-жираф сделался своего рода местной знаменитостью. Сотрудник, занимавшийся опылением насекомых-вредителей на плантациях, решил избавить этого жирафа от паразитов и стал из машины опрыскивать его ДДТ. Не знаю, была ли подобная обработка так уж необходима жирафу, но, во всяком случае, он охотно на это согласился, потому что подождал еще, пока предприимчивый «благодетель» залез на крышу своей машины, чтобы дотянуться распылителем до верхней части шеи великана. В другой раз, когда какой-то вертолет приземлился на аварийной посадочной площадке посреди резервата, тотчас же

появился этот жираф, чтобы познакомиться с неожиданным пришельцем. Сначала он сверху внимательно осмотрел плоскости винта, затем нагнул шею и засунул голову в кабину, хорошенько обследовал все изнутри, потом облизал со всех сторон хвостовой пропеллер и мирно поплелся прочь.

Иногда в эти головы, маячащие где-то на головокружительной высоте, начинают приходить непонятные и странные мысли и желания. Так, однажды в ЮАР, близ Рузерми, один врач, ехавший вместе со своей семьей в машине, заметил на дороге двух жирафов. Они шли прямо ему навстречу. Происходило это на рассвете, когда еще было довольно темно, поэтому врач притормозил и выключил фары, чтобы не ослепить животных. Заметив машину, один из жирафов тут же сошел с дороги, но другой, нисколько не испугавшись, двинулся ей навстречу спокойным и решительным шагом. Подойдя вплотную к автомобилю, он повернулся задом и принялся «обрабатывать» капот своими копытами. Прежде чем растерявшийся врач успел опомниться и, включив полную скорость, удрать, животное умудрилось нанести машине по меньшей мере три столь полновесных удара, что они оставили на ней довольно внушительные вмятины.

Врач потом необыкновенно гордился тем, что именно жираф так отделал его машину, и поэтому еще долго разъезжал на ней в таком виде, не уставая рассказывать о своем приключении. Починил он ее только тогда, когда рассказывать стало уже некому.

В том же году вездеход геологоразведочной партии ехал как-то после наступления темноты в Морото, главный город района Карамоджа (северо-восточная Уганда), и по дороге тоже подвергся нападению жирафа. Когда водитель выехал из-за поворота, он увидел примерно в двадцати пяти метрах впереди себя стоящего на дороге жирафа. Шофер притормозил перед самым его носом, а жираф повернулся и изо всей силы брыкнул задними ногами. При этом разлетелись вдребезги обе фары, ветровое стекло и погнулся руль. В довершение всего животное перескочило через машину, полную людей. К счастью, никто при этом не пострадал.

Сам я бесчисленное множество раз встречался с жирафами и в саванне, и на дороге, и ни разу у них не возникло ни малейшего желания «драться» с моей машиной. Следовательно, в обоих этих случаях речь идет о поведении, совершенно нетипичном для этих мирных животных. Поэтому-то описанные происшествия и получили столь широкую огласку.

Когда я три года тому назад приобретал жирафов для нашего нового жирафника, то старался выбрать самых высоких, каких только можно было найти (следовательно, более взрослых), потому что мне хотелось как можно скорей получить от них по-

томство. Перевозить нам их пришлось по автостраде на прицепе с очень низкой платформой. Везли мы их ночью, чтобы не привлекать особого внимания, и в сопровождении полицейских на мотоциклах, которые на границе каждой из земель федерации сменялись.

Во время этого переселения самец Отто сильно поранил себе ногу. С двух сторон обнажилась кость. Мы пробовали наложить ему повязку и вообще лечить. Но в подобных случаях никогда не знаешь, что опасней: болезнь или врачевание.

Все хирурги, с которыми я консультировался, утверждали, что если кость дольше двух недель оказывается обнаженной, то она отмирает и разрушается. Поэтому мы построили узкий, пятиметровой высоты ящик с мягкой обивкой внутри, куда и загнали Отто. Но когда зоопарковский ветеринар всадил ему шприц с пенициллином, жираф так разбушевался, что чуть не свернул себе шею — во всяком случае, голову его заклинило, и нам срочно пришлось разламывать свое сооружение.

Потом доктор Клёппель, свесившись из смотрового окошка, проделанного во внутреннем помещении на уровне ног жирафа, попробовал смазать рану лечебной мазью. Но Отто так молниеносно отреагировал на это, брыкнув ногой в сторону врача, что промахнулся всего лишь на какой-то сантиметр, иначе размозжил бы ему голову! Нет уж, спасибо. Я решил отступить и предоставить Отто самому залечивать свою рану. Что он и сделал.

Я заметил, что Отто даже не хромает, вышагивая взад и вперед по своему загону. С больной ногой он обращался так, словно бы и не чувствовал никакой боли, как будто она деревянная. И действительно, спустя два-три месяца раны на ноге полностью затянулись. По-видимому, жирафы и в Африке зачастую повреждают себе свои длинные ноги, и поэтому природа снабдила их очень хорошей, здоровой, быстро заживающей тканью.

Некоторое время спустя я прочел в одном медицинском журнале, что американские врачи изобрели совершенно новый способ залечивания ран: держать пораженное место открытым, не смазывая никакими эмульсиями и не бинтуя. Просто на свежем воздухе. Прочтя это, я понял, что мы можем гордиться тем, что вылечили нашего Отто наимоднейшим способом — просто ничем!

Когда наши жирафы галопируют по своей открытой смотровой площадке (между прочим, самой большой из всех, на которых содержат этих животных в других европейских зоопарках), то это всегда выглядит так, словно их сняли замедленной съемкой. Нет, проворными их никак не назовешь. Но в этом есть и свои преимущества, потому что и брыкается жираф без особой поспешности (если только не очень взбешен). Поэтому обычно можно

вовремя увернуться от удара. А уворачиваться от ног жирафа совершенно необходимо: говорят, что одного удара его мощным копытом достаточно, чтобы разнести череп льву.

Во внутреннем помещении лондонского павильона для жирафов, существующего уже с 1836 года, можно увидеть глубокую вмятину в стене, отгороженную стеклом. Ее оставил там в 1865 году самец-жираф, размахнувшись шеей, точно кувалдой, и всадив тяжеленную голову в стену. Целился он при этом, между прочим, в своего служителя, но, к счастью, промахнулся.

Когда в этом павильоне случился пожар, задохнулись самка-жираф с детенышем. «Подобное могло произойти только потому,— писали газеты,— что жирафы — немые животные. Если бы они кричали, удалось бы заблаговременно заметить пожар».

А что, жирафы на самом деле немые? Такой вопрос нам задают очень и очень часто. В то время как уже сто лет назад профессор Оуэн, описывая появление на свет первого «европейского» детеныша жирафа, упоминал о том, что он время от времени издавал тихое, похожее на телячье мычание — звал мать. Однако опубликовано это было в старом, уже покрывшемся вековой пылью научном журнале, о котором теперь никто и не вспоминает.

Зато несколько лет назад Персифаль сообщил о более свежем факте. Он утверждал, что наблюдал в Африке за одной определенной самкой, которая, приходя на водопой, всегда издавала глухой зов, звучащий примерно как «уэ-э-рэ-э».

Однако подобные единичные наблюдения еще мало о чем говорят. Иногда болезненные изменения в дыхательном горле или разросшийся зуб могут привести к тому, что животное совершенно произвольно начнет издавать какие-то не свойственные данному виду звуки. Ведь уже не раз сообщалось о «поющих мышах», при обследовании которых всегда выявлялись болезненные отклонения в строении гортани.

Ловец диких животных Стентон слышал, как заарканенный им с помощью лассо шестимесячный детеныш жирафа издавал громкое мычание, приоткрыв рот. Потом, в загоне, он уже больше никогда не издавал ни звука. А другой, еще меньший детеныш, наоборот, во время отлова оставался нем как рыба, но зато потом, в краале, часто можно было услышать его грустное, мягкое, звучащее как бы издавека мычание. Рот его при этом оставался закрытым.

Когда самец-жираф находится в состоянии «влюбленности» и старается оттеснить своего соперника от самки, он порой издает короткий, похожий на кашель звук — их воинственный клич. Бой самцов выглядит таким образом: соперники стоят рядом и, размахиваясь длинной шеей, наносят головой, увенчанной короткими рожками, сопернику удары в бок.

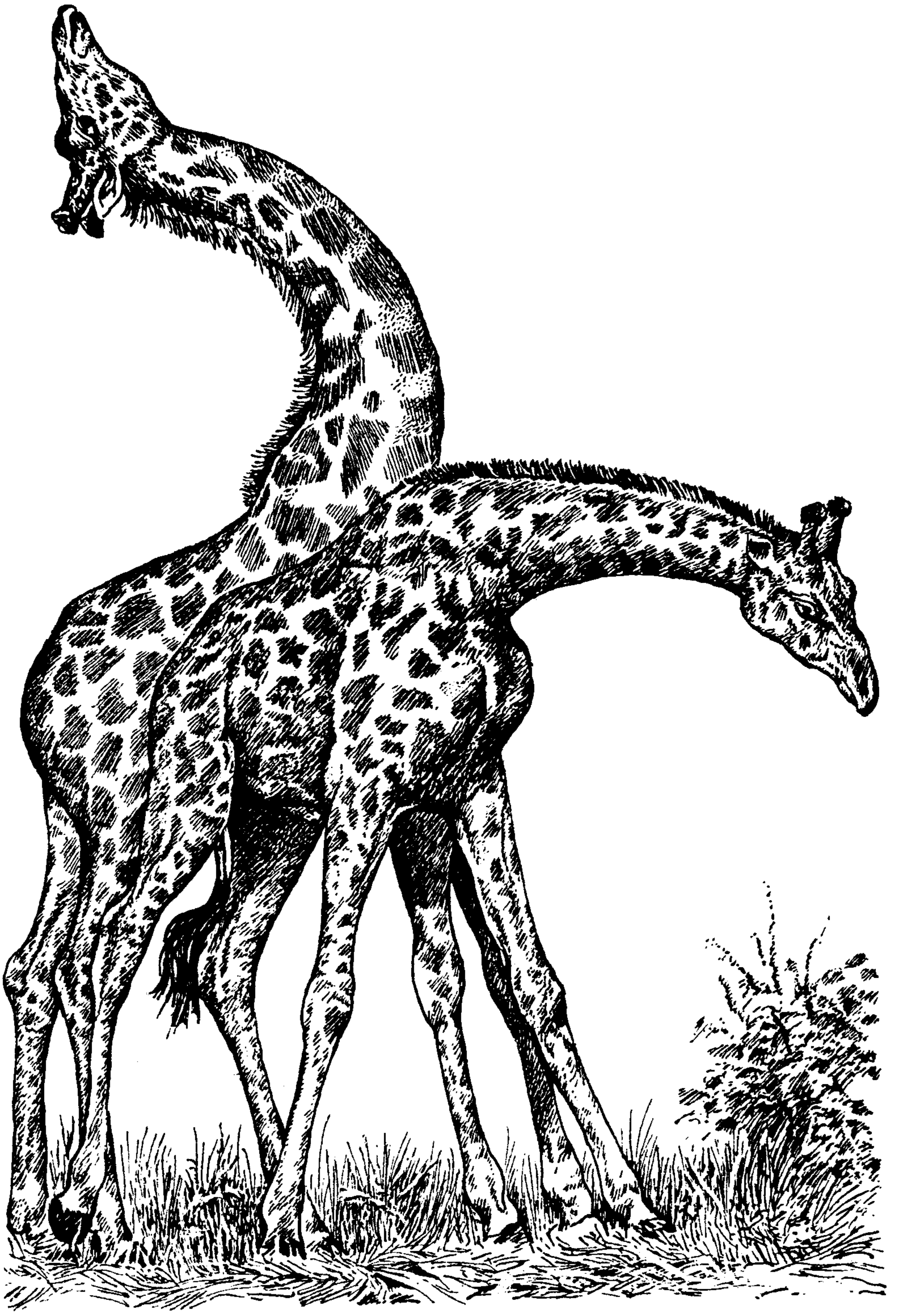
Ловцы жирафов иной раз загоняют в крааль-ловушку одновременно по двадцать—тридцать животных. Надо сказать, что пленники довольно быстро осваиваются в новой обстановке. Этому способствует их природное любопытство. Так, они уже через пару дней начинают брать сено из рук. Тем не менее полностью доверять им нельзя — всегда надо быть начеку, чтобы успеть вовремя увернуться от внезапного тычка ногой.

Когда из пойманной группы отсортировывают слишком высоких для транспортировки особей, то частенько можно наблюдать странную картину. Выпущенные из крааля взрослые жирафы, вместо того чтобы воспользоваться неожиданной свободой и радостно ускакать прочь, остаются стоять снаружи вокруг крааля и завистливым взглядом наблюдают за тем, как оставшимся в неволе приносят корм «с доставкой на дом».

А одну взрослую самку чете Стентонов пришлось вернуть в крааль, так как в тот же день, когда ее изгнали, она произвела на свет детеныша. Эта самка вскоре сделалась очень ручной. Жена Стентона нашла ее однажды спящей глубоким, безмятежным сном, причем она издавала даже самый настоящий храп! Миллионы лет тому назад жирафы, как это показывают их ископаемые останки, обитали на севере Италии, Греции и даже в Китае! И на сегодняшний день они населяют еще значительную часть Африки — южнее Сахары, и почти что до Кейптауна (правда, только в тех местностях, где их еще не успели истребить...).

Когда такое стадо группами по тридцать особей (а прежде бывало и по сто) стоит посреди открытой саванны, то не увидеть их практически невозможно: они как-никак самые высокие существа на нашей планете — пять-шесть метров высотой. А само тело у них сравнительно короткое — 2,25 метра, и весят они не так уж много (всего 600—750 килограммов) по сравнению с колоссальным весом бегемотов и слонов. Когда же они стоят не на открытом месте, а, например, среди засохших деревьев, то становятся невидимыми, их легко можно не заметить: пятнистая шкура сливается с корой стволов и игрой теней, отбрасываемых причудливым переплетением веток.

Жирафы, как и большинство других обитателей саванны, охотно проводят время в компании животных других видов. Сплошь и рядом они пасутся совместно со страусами, зебрами и различными антилопами. В этом есть определенный смысл: повышается общая безопасность такой разношерстной группы животных. В то время как жирафы животные очень зоркие, антилопы и зебры больше полагаются на свое чутье. Таким образом, каждый член сообщества вносит свой вклад в общее дело: вовремя сигнализирует о какой-либо надвигающейся опасности. Кроме того, обо-

нянию жирафа на его «башенной» высоте доступны совсем другие слои воздуха, чем низкорослым животным у самой земли. Такие виды прекрасно ладят друг с другом; более того, низкорослые животные стараются затесаться в стадо жирафов и там пастись.

Ведь у такого великана врагов почти нет. Кого ему опасаться? У кого возникнет охота связываться с подобной «башней на четырех ногах»? Да и защитить себя жираф способен неплохо: достаточно пары метких ударов мощных передних копыт — и враг повержен. Говорят ведь, что хищнику, напавшему на детеныша жирафа, его мать способна ударом ноги разmozжить череп. А Черри Кэртону пришлось однажды наблюдать, как в суматохе потасовки самка в возбуждении попала ногой не по хищнику, а по собственному отпрыску, сломав ему при этом позвоночник.

А вообще-то в стаде жирафы держатся между собой весьма миролюбиво: иногда какая-нибудь из самок берет на себя роль няньки, присматривая сразу за всеми малышами стада. Когда те, расшалившись, отбегают слишком далеко в сторону, она бежит их собирать и загоняет назад в стадо.

В большинстве районов Африки жирафы находятся в относительной безопасности от охотников, поскольку фактически не наносят сельскому хозяйству никакого вреда. Поэтому они зачастую и бывают такими непугаными — подпускают человека на расстояние до ста пятидесяти метров, а автомобили даже на пятнадцать метров. В прежних английских колониях редко кто изъявлял желание приобрести лицензию на отстрел жирафа, хотя в Кении она стоит недорого — сто шестьдесят марок, причем в самок стрелять не разрешается.

Должен сказать, что не надо обладать особым искусством или мужеством, чтобы застрелить такое высоченное животное. И никому это доблести не прибавляет. И вообще всякую охоту «на крупных диких животных» в тропиках, обставленную на сегодняшний день с полнейшей безопасностью для «клиента», следует считать делом недостойным и просто неприличным для порядочного человека. Дело в том, что жираф, например, не старается убежать от людей и скрыться из виду, нет, он лишь отбежит на определенное расстояние, чтобы сохранить безопасную, на его взгляд, дистанцию между собой и двуногими существами, и снова принимается спокойно пастись. Одного выстрела в основание шеи совершенно достаточно для того, чтобы жираф незамедлительно испустил дух, что связано, по-видимому, с высоким кровяным давлением в сонных артериях и диаметром больших вен.

На воле жираф пасется не на траве, а в кронах деревьев. Ведь до травы ему достать чрезвычайно трудно — передние ноги слишком длинны. Достаточно уже того, что во время

питья (без которого они, кстати, могут обходиться по несколько дней) им приходится широко расставлять передние ноги или даже опускаться на колени, чтобы дотянуться головой до воды. Страшно неудобная поза. Но ничего не поделаешь: долговязые создания запрограммированы лишь на то, чтобы скусывать листья и ветки в кронах деревьев, в первую очередь с разных видов акации, но могут довольствоваться и самыми разнообразными другими листьями. Они не привередливы. Своим длинным языком они захватывают ветки, словно рукой, и подтягивают к себе.

Если проследить за удирающим жирафом, то можно заметить, что бежит он иноходью, точно так же, как их единственная более или менее близкая родня — окапи. Окапи ведь нечто вроде короткошеего жирафа, но обитающего не в саванне, а в лесу, очень пугливого и потому редко попадающего на глаза людям.

Бегать жирафам довольно тяжело, так что они редко переходят на галоп, да и то только на короткое расстояние. Со стороны это выглядит довольно своеобразно. Дело в том, что жираф лишь тогда может оторвать от земли одновременно обе передние ноги, если откинет свою длинную шею назад, чтобы уравновесить тяжесть тела. Галопирующие жирафы напоминают тогда парусники, которые с раскачивающимися мачтами ныряют в волнах моря. Особенно трудно им приходится, если надо удирать в гору. И тем не менее на горы они взбираются. Их встречали даже на высоте две тысячи метров над уровнем моря.

Жирафы отнюдь не похожи один на другого. В различных районах Африки обитают своеобразные формы, которые долгое время считались самостоятельными видами животных; однако такое мнение было впоследствии опровергнуто тем фактом, что все они легко между собой скрещиваются и производят на свет плодовитое потомство. В одном и том же стаде зачастую можно увидеть совсем светлых и совсем темных животных. Севернее, в Сомали например, встречаются «сетчатые» жирафы. Глядя на них, создается впечатление, что это не темные пятна на светлой шкуре, а что темно-коричневое животное затянуто в тонкую белую сетку. Зато у жирафов, обитающих в самых южных частях Африки, по белой шкуре неравномерно разбросаны лишь мелкие рыжие пятна.

Слышали ли вы когда-нибудь о животных с пятью рогами на голове? Наверное, нет. А между прочим, именно у жирафов можно встретить нечто подобное, и не так уж редко. У северных форм иногда между двумя их короткими рожками вырастает еще и третий в виде бугорка. Случается, что таких бугорков даже целых три. У животного нечто вроде короны на голове. Все рога у жирафа почти до самого верха покрыты шерстью.

Пешком, разумеется, такое длинноногое животное не догонишь, но верхом на лошади это не составляет никакого труда. Через пятьсот—шестьсот метров будешь уже рядом с ним, и тогда можно набрасывать ему на шею петлю из кожаного ремня, прикрепленного на длинном шесте. Чтобы животное не задушить, ременная петля устроена таким образом, что не затягивается до самого конца. Конечно, определенная доля ловкости при ловле жирафов все же необходима. Это занятие не каждому по плечу. Нельзя и слишком долго за жирафом гоняться, иначе у него легко может случиться инфаркт. Так что если сразу не вышло — лучше отстать.

Теперьшние ловцы въезжают на небольшом грузовичке прямо в стадо жирафов и там отлавливают себе кого хотят. Правда, сразу же непосредственно после поимки им первым делом дают сердечные лекарства, чтобы избежать гибели этих ценных животных.

В отдельных местностях Африки, где шел отстрел диких животных для освобождения земель под пашни, охотники часто удивлялись, что у отстрелянных самцов-жирафов не хватает их пышной кисти на конце хвоста. Сначала подозревали, что это хищники во время погони в нее вцепляются и отрывают. Но потом местные жители внесли ясность в это дело. Оказывается, вожди некоторых племен высоко ценят подобные кисти в качестве головного украшения и носят их в знак своего высокого положения. Они-то и посылают специальных людей загонять жирафов в болота, где животным трудно сопротивляться, и там им обрубают хвосты. Однако их не убивают, и весь остаток жизни они расхаживают уже без хвоста.

Во второй половине прошлого столетия жирафы вошли в моду в европейских зоопарках. Каждый старался их себе раздобыть. Старинная фирма по отлову и продаже животных Гагенбека импортировала в 1876 году целых тридцать пять штук, а другая немецкая фирма доставила в Европу двадцать шесть жирафов. Это привело к своеобразной «жирафовой инфляции» и падению на них цен. Зоопарки вскоре поняли, что содержать этих экзотических животных в европейских условиях вовсе не так сложно, как вначале казалось. Надо только уметь с ними обращаться и знать, что им нужно для здоровья. И они узнали много такого о жирафах, о чем раньше никто и не подозревал.

Так, например, жирафов в неволе никогда нельзя поить или кормить из ведра с ручкой. Уже случалось, что они нечаянно поддевали ручку своими короткими рожками и, подняв, затем напяливали ведро себе на голову. Испуганное животное, пытаясь сбросить «страшный грохочущий предмет», начинало метаться из стороны в сторону. Еще хорошо, если ведро не закрыло жирафу

глаза и он мог разглядеть поверх его края, что кругом делается; иначе, решив, что его ослепили, он мог бы натворить Бог знает что в своей вольере. Жирафа, попадавшего в такое положение, приходилось загонять в тесный бокс, а затем влезать на лестницу, чтобы снять с него ведро.

В то время как в средние века еще верили в то, что жираф не что иное, как гибрид между верблюдом и леопардом или верблюдом и гиеной (ведь до сих пор они носят научное название (*Giraffa camelopardalis*¹), эти животные вскоре после их появления в европейских зоопарках стали приносить потомство, доказав этим, что они являются совершенно самостоятельным видом.

Для многих животных совсем не так просто сохранять равномерную температуру тела. Чтобы не слишком сильно охлаждаться, у них имеется теплая шкура или толстый подкожный жировой слой. Но часто им грозит совсем обратное, а именно перегрев, когда внутренняя температура тела поднимается слишком высоко. У слонов для охлаждения служат их огромные уши, которыми они обмахиваются, словно опахалами. Другие виды животных помогают себе в таких случаях тем, что потеют; тюлени — тем, что прогоняют больше крови через разветвленную сеть кровеносных сосудов под кожей в определенных местах тела и таким образом легко отдают излишнее тепло в окружающую воду. Можно было бы подумать, что жираф, прекрасно переносящий любое облучение солнцем и стоящий на таких длинных и относительно тонких ногах, не должен испытывать особых трудностей с отдачей избыточного тепла в окружающий воздух. Но это не так. Форма тела животного — округлая или вытянутая — здесь не играет решающей роли. Важно другое: сколько квадратных сантиметров кожи приходится на каждый грамм веса тела. Несмотря на то что округлый тюлень действительно имеет форму бочки, у него на один квадратный сантиметр кожи приходится 4,7 кубических сантиметра массы тела, в то время как у поджарого долговязого жирафа на один квадратный сантиметр кожи приходится 11 кубических сантиметров продуцирующей тепло массы тела. Как видите, определяющим тут является не округлость или сухопарость, а в основном лишь величина и вес.

Именно поэтому у мелких животных относительная поверхность тела гораздо больше, чем у крупных. Маленькие животные «оттапливают» окружающий воздух сильнее, чем большие, и для этого им требуется значительно больше корма. Если бы какому-нибудь

¹ Camelus — верблюд (лат.). (Примеч. перев.)

зоопарку вздумалось выкармливать стаю воробьев общим весом, равным весу слона, то он бы разорился на покупке корма.

У жирафов под кожей совершенно особая сеть кровеносных сосудов, служащая для того, чтобы регулировать теплоотдачу. Когда какому-нибудь животному, например после длительной погони за ним, становится жарко, то его кровеносные сосуды под кожей расширяются, а кровь, протекая по ним, «отапливает» окружающий воздух, словно включенная на полную мощность батарея центрального отопления. Между прочим, точно по расположению этих кровеносных сосудов и нервов под кожей снаружи располагаются темные пятна на шкуре. Именно таким образом и возникает удивительная пестрая «одежда» жирафа.

На рисунках в египетских гробницах иногда изображались жирафы без каких-либо следов пятен на шкуре. Поскольку рядом с ними были нарисованы и пятнистые, то это нельзя считать простой случайностью или недосмотром художника.

Именно поэтому не стоило так сильно поражаться тому, что профессор Гудвин из известного Американского музея Естественной истории в Нью-Йорке в один прекрасный день повстречал в Кении почти совсем белого самца-жирафа. У него были темные глаза, так что альбиносом он не был. Этот белый самец ходил в паре с совершенно нормально окрашенной самкой. Гудвину удалось снять его на кино пленку с довольно близкого расстояния. А два европейца в 1952 году, пролетая над Угандой примерно в сорока километрах от водопада Мерчисон, тоже обнаружили с самолета белого жирафа, бегущего рядом с самкой обычной окраски.

Известно, что египтяне в свое время приручали антилоп, страусов и многих других диких африканских животных, одомашнивая их, в то время как для негритянских племен они служили лишь объектом охоты. Вполне возможно, что египтянам тогда же удалось вывести белую форму жирафов, точно так же как мы разводим белых оленей и голубей. Ведь у многих диких африканских животных, таких, как слоны, антилопы-канны, зебры, кафрские буйволы, наблюдается прямо-таки естественное предрасположение к одомашниванию.

Но мы, люди, мечтаем сейчас о сверхновых самолетах, моторах, тракторах, а не об увеличении числа видов домашних животных. А ведь именно животные помогали нам в течение сотен тысяч лет становиться все могущественней. Но это уже в прошлом. Теперь нам четвероногие помощники больше не нужны...

Козы и антилопы, стараясь добраться до какой-нибудь ветки, встают на задние ноги и пританцовывают на месте. Жираф этого

никогда не делает. Он всегда остается твердо стоять на всех четырех ногах. Каким же образом животное, столь прочно «прикрепленное» к земле, преодолевает проволочные ограждения?

Когда в Трансваале фермеры начали огораживать свои плантации проволочными изгородями, жирафы сначала прорывали их грудью и шли дальше, волоча за собой обрывки проволоки. Но после трех-четырёхлетнего опыта жирафы, к большому удивлению фермеров, научились просто перескакивать через эти ограждения. Заборы из колючей проволоки даже высотой почти в два метра перестали представлять для жирафов непреодолимое препятствие. При прыжке они резко отбрасывают назад голову и шею и заносят передние ноги через ограду. Только молодняку такие прыжки иногда не под силу. Так, однажды детеныш жирафа остался по ту сторону ограды, в то время как все стадо, включая его мамашу, через нее перемахнуло. Мать вернулась к своему малышу и целых шестнадцать часов металась вдоль ограждения, однако она так и не додумалась до того, чтобы перескочить назад. В конце концов детеныш исчез где-то в кустарнике и, по-видимому, потерялся.

Жирафы даже не боятся пить из цементных корыт с водой, установленных для водопоя домашнего скота. Не всякое дикое животное решится на такое.

В январе 1963 года охотничье управление Кении с немалыми трудностями перевезло четырех жирафов из района Эль-Дорет в древний кратер Мененгаи, расположенный в ста шестидесяти километрах от столицы Найроби.

Прибыв на новое место, самец-жираф решил «попасться» в кроне одного из деревьев, но там оказался леопард, прилегший поспать после обеда. Леопард ужасно рассвирепел и тотчас же прыгнул на незваного гостя, причем так сильно порвал ему шею, что тот вскоре погиб. Обычно же жирафы живут в мире с окружающими их животными.

Определенные сложности возникают для этих «четвероногих башен», когда они попадают в холмистые районы. Правда, в такие места они стараются не забираться, однако недавно в новом национальном парке Аруша, созданном правительством независимой Танзании, наблюдали такую сцену. Самец-жираф пытался вылезти из сплошь заросшего зеленью кратера Нгурдото, карабкаясь по крутой буйволоковой тропе. Но так как дело было после сильного ливня, а тропинка становилась все круче, ноги животного скользили все сильнее и сильнее, пока оно наконец не упало на грудь. Побарахтавшись, как большой жук, на одном месте, жираф с превеликим трудом снова встал на все четыре ноги. Но тут он увидел перед собой целое стадо павианов. Обезьяны сидели полукругом и с любопытством рассматривали стран-

ную башню, преградившую им дорогу к водопою. Спустя какое-то время, которое ушло на взаимное изучение, один нахальный павиан-подросток проскочил под брюхом жирафа и покатился кубарем вниз. Жираф брыкнул ногой, однако промахнулся, потому что хитрец бросился на живот и полз по-пластунски. Когда другие павианы это увидели, они все как по команде, словно водопад, ринулись вниз, проскакивая мимо жирафа и под ним, а тот так испугался, что стоял как вкопанный. Когда все павианы проскочили, он медленно повернулся и «грустно» заскользил назад по тропе.

Жирафов редко можно встретить в одиночку. Обычно же, если увидишь одного из них, то, хорошенько осмотревшись кругом, обязательно обнаружишь поблизости в кустах или между деревьями еще нескольких пасущихся животных. Однажды в 1962 году близ Серонеры нам удалось увидеть гигантское стадо из пятидесяти одного жирафа. Но такое случается редко.

Если жираф бродит в одиночку, на него может рискнуть напасть лев. Но вообще-то львы неохотно связываются с такими большими и «оборонеспособными» животными.

Правда, лесничий Делабат наблюдал в Этоша-Пан¹, расположенном в Намибии, как лев напал на пасущегося в одиночестве жирафа. Когда тот увидел подкравшегося льва, он кинулся бежать. Но лев в несколько прыжков догнал его и вскочил на загривок. Вцепившись в жирафа когтями, он, по-видимому, тут же перегрыз ему шейные позвонки, потому что огромное животное зашаталось и упало на землю.

А другое сражение с жирафом закончилось для льва весьма плачевно. На этот раз лев, собравшись напасть на жирафа, не сумел подкрасться к нему незаметно, и тот увидел его еще издали. Поэтому хищнику слишком долго пришлось за ним гоняться, прежде чем он его догнал, и к моменту прыжка лев был уже основательно измотан. Вместо загривка он приземлился на круп животного, сполз вниз да еще получил от жирафа удар в бок обеими задними ногами. Удар был настолько сильным, что лев в течение нескольких последующих часов так и не смог подняться, и лесничему пришлось пристрелить хищника, чтобы прекратить его мучения. При осмотре убитого льва выяснилось, что вся грудная клетка его вдавлена и почти все ребра поломаны.

Я думаю, что и между жирафами существует определенная субординация, однако живут они обычно столь мирно, что трудно определить, кто высший, а кто низший по рангу. Это можно заметить разве что по тому, как один жираф переходит другому

¹ Солончак, лежащий в обширной бессточной котловине. (Примеч. ред.)

дорогу: если он прямо «срезает ему нос» (как это принято говорить у водителей машин), значит, это «вышестоящий начальник». Кроме того, более важные особи держат голову высоко, подбородок их несколько сильнее приподнят кверху. «Подчиненный» же непременно немного опускает голову, когда мимо него проходит «начальник». Когда жираф хочет произвести на кого-нибудь впечатление или напугать, будь это его сородичи или служитель зоопарка, он всегда рывком поднимает голову.

Ни одному молодому жирафу не позволено «улыбаться» в присутствии высшего по рангу. Эта гримаса очень распространена среди лошадей, верблюдов, медведей и многих других животных. Голова при этом слегка приподнимается кверху, рот приоткрыт, верхняя губа вздернута и обнажает десны. Такая гримаса имеет, по-видимому, какое-то отношение к брачным играм.

Бои между самцами за место на иерархической лестнице могут длиться довольно долго — полчаса, а то и дольше. Часто при этом вокруг стоят «зрители»: самки и другие самцы. Но бывают драки, при которых самки не присутствуют. В Серенгети, близ Серонеры, мне удалось заснять на киноплёнку три пары дерущихся самцов. Сражающиеся пары находились в восьмидесяти или ста метрах одна от другой и не проявляли друг к другу ни малейшего интереса. Остальная часть стада мирно паслась поодаль.

Во время драки один из самцов может прижать другого к дереву или они оба могут кружиться вокруг ствола. Когда кто-то из противников признает себя побежденным, он отходит на несколько шагов в сторону, а победитель с гордо поднятой головой следует за ним, но не для того, чтобы прогнать, а просто так, для порядка. В то время как олени, антилопы и многие хищные кошки стараются изгнать побежденного соперника из своих владений и не пускать его туда больше, самцы-жирафы сразу же после поединка мирятся и зла друг на друга не таят. Для них важно было лишь выяснить, «кто главнее», а дальше им уже все равно. Иногда недавних соперников вскоре после драки можно увидеть мирно пасущимися рядом и, более того, потирающими друг о друга шею.

Серьезных ранений или смертельных исходов при этих драках почти не бывает. Если же такое все-таки происходит, то это можно рассматривать как несчастные случаи.

Вероятно, что опухоли и ссадины, которые нередко можно увидеть на шее у жирафов, имеют именно такое происхождение. Мне самому несколько раз в северной части национального парка Серенгети встречались такие раненые животные, но я тогда еще не знал, кто бы это мог их так отделать.

Из национального парка Крюгера как-то сообщили, что там появился жираф со сломанной шеей. Перелом находился не-

сколько ниже головы, и кость, по-видимому, уже срослась. Во всем остальном животное было отменного здоровья.

Там же в другой раз нашли мертвого жирафа, «погибшего от укуса мамбы». Такое часто утверждают, когда находят умерших животных хорошей упитанности и без каких-либо видимых повреждений.

Я не очень этому верю. Конечно, если большое животное, весящее около тонны, укусит ядовитая змея, то оно может в конце концов умереть, но будет это выглядеть совсем иначе. Яд мамбы способен мгновенно убивать только мелких животных: ведь именно они — обычная добыча змеи. Укушенный же человек мучается часами, иногда даже днями, прежде чем умрет. Труп в таких случаях выглядит отнюдь не неповрежденным, наоборот, на месте укуса образуется страшная отечность, видны следы кровотечений из всех отверстий тела, часто отмирание ткани приводит к отслоению мяса от костей, а кожа из-за кровоизлияний синееет. А у крупного животного, у которого яда в расчете на каждый килограмм веса тела приходится еще меньше, прежде чем наступит смерть, отравление произведет еще большие разрушения организма. Перелом же основания черепа или шейных позвонков от метко направленных ударов противника — это более правдоподобное объяснение смерти внешне неповрежденных жирафов, которых находят, кстати, весьма и весьма редко.

В 1958 году видели самца-жирафа, который во время поединка упал в обморок и в течение двадцати минут не мог прийти в себя. В том же году близ Хейлбронна, в ЮАР, группа туристов нашла в тридцати метрах от дороги неподвижно лежащего на земле взрослого жирафа. Люди решили, что он убит, и вылезли из автобуса, чтобы поближе его рассмотреть, но, к своему большому удивлению, обнаружили, что он дышит и смотрит на них широко открытыми глазами. Поскольку животное не шевелилось, мужчины набрались храбрости и решили помочь несчастному подняться на ноги. Они перекатали жирафа на живот и подогнули ему ноги, чтобы тому легче было подняться. Они и не подозревали, какой смертельной опасности себя подвергают. Работники зоопарка в аналогичных обстоятельствах повели бы себя значительно осмотрительнее. Но в данном случае жираф не оказывал ни малейшего сопротивления своим нежданым помощникам. В конце концов он самостоятельно встал на ноги и «высокомерно» посмотрел сверху вниз на людей, копошившихся где-то у его ног, щелкающих фотоаппаратами и жужжащих кинокамерами. Затем он взмахнул хвостом и спокойно побрел в лес. Время от времени он еще оборачивался и удивленно смотрел на своих спасителей.

Сами же мы в Серенгети как-то нашли мертвую самку жирафа без видимых повреждений. Было это в апреле 1963 года, и умерла она от неудачных родов.

Молодые самцы-жирафы часто устраивают и просто шуточные бои. Во Франкфуртском зоопарке это любил делать наш жираф Отто со своим сыном Туло. За неимением настоящего противника Отто часто сражался с высоко подвешенной корзинкой для корма, осыпая ее мощными ударами своей «каменной» головы.

Трудно узнать, что происходит в такой высоко посаженной массивной голове, каким отражается мир в этих больших, расположенных словно на башне глазах.

Недавно доктор Бакхауз провел во Франкфуртском зоопарке тщательные исследования органов чувств у жирафа, и кое-что ему уже удалось выяснить. Теперь, например, точно известно, что жирафы обладают цветовым зрением, во всяком случае они способны различать основные цвета: желтый, синий, зеленый и красный.

А теперь немножко подробней о «лесных жирафах» — окапи. В 1838 году в Греции, близ Марафона¹, были найдены какие-то древние кости. Среди них особенно часто встречались кости неизвестного ученым животного, нареченного ими *Helladotherium* («греческий зверь»). Больше всего оно напоминало жирафа, хотя у вымершего вида ноги были значительно короче, да и шея не шла ни в какое сравнение с жирафьей...

Вымерло животное миллионы лет тому назад и бесследно исчезло: *Helladotherium* не оставил на Земле никаких потомков, никакой родни. Так, во всяком случае, думали в течение шестидесяти лет, пока...

Пока история этого загадочного, легендарного существа не начала приоткрываться снова, но теперь совсем с другого конца.

Шел 1888 год. Как раз в это время Генри Стэнли, миновав центральноафриканские озера, проник в неисследованные девственные леса Конго. Он встретил там пигмеев и в своем очерке «В самой черной Африке» очень наглядно описал их образ жизни. При этом он упомянул, что в их языке есть слово, обозначающее либо «осел», либо «лошадь». Дело в том, что их, как ни странно, несколько не удивили лошади из его каравана, более того, они стали утверждать, что похожие животные попадались в их ямыловушки и что они их едят.

¹ Древнее селение в Аттике, северо-восточнее Афин. (Примеч. ред.)

Это в свою очередь немало удивило Генри Джонстона, назначенного несколькими годами позже губернатором соседней, пограничной с Конго, тогдашней английской колонии Уганды¹. Дело в том, что ослы и лошади — степные животные, избегающие лесов. Следовательно, в густых лесах Бельгийского Конго² действительно обитает либо какой-то неизвестный доселе вид «лесной» зебры, либо другое животное, чем-то напоминающее зебру.

Генри Джонстон расспрашивал и самого Стэнли об этом загадочном чудо-животном, и любопытство его от этого разгорелось только еще сильнее.

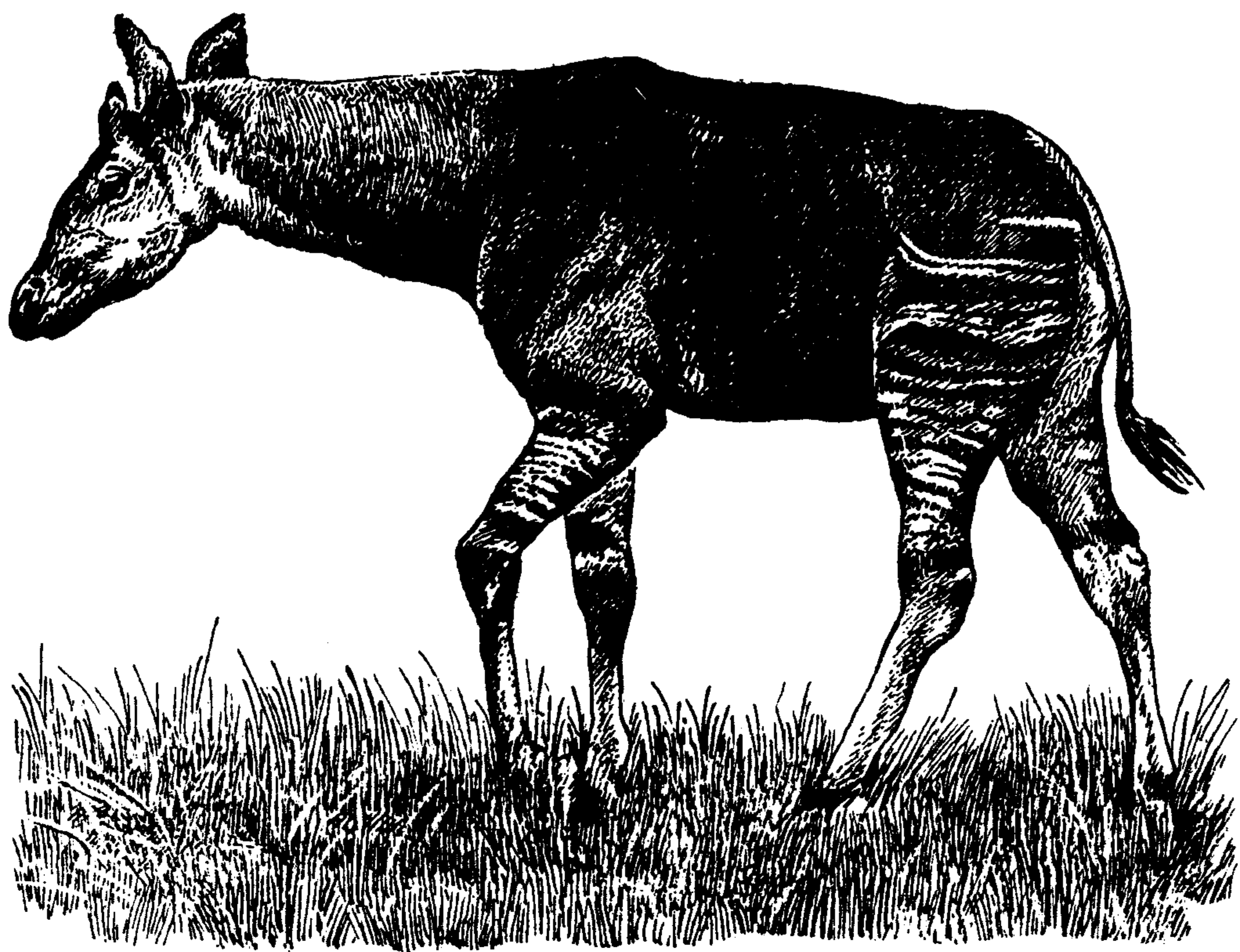
Во время поездки в Форт-Бени англичанин хорошенько расспросил пигмеев о том сказочном, никому не ведомом животном, которое якобы живет в их лесах. И они ему рассказали, ничего не утаивая, что это за животное, как выглядит, что они называют его окапи, что передняя половина тела у него коричневатого или темно-серого оттенка, а задняя, брюхо и ноги — в белую полосу. Все это казалось неправдоподобным, однако бельгиец из Фор-та-Бени полностью подтвердил такое описание и даже пообещал найти шкуру этого животного, валяющуюся где-то в служебном помещении. К сожалению, выяснилось, что солдаты уже разрезали ее на ремни и патронташи. Нашлось лишь два небольших куска от этой шкуры, которые Джонстон и забрал с собой.

Прибыв домой, он направил их в Лондон, Королевскому зоологическому обществу. Было ясно, что шкура не могла принадлежать ни одному из известных науке видов зебр. Поэтому в декабре 1900 года было опубликовано об открытии нового вида крупного млекопитающего, получившего латинское название «*Equus (?) johnstoni*» — «лошадь Джонстона». Вопросительным знаком давали понять, что науке еще не ясно, относится ли вновь открытое животное действительно к роду лошадей или нет.

Сомнения эти рассеялись уже полгода спустя, притом самым неожиданным и ошеломляющим образом. В июне 1901 года в Лондон были доставлены совершенно целая шкура и два черепа этого животного: любезные бельгийцы из Форт-Бени сдержали свое обещание и прислали Генри Джонстону эти трофеи. По костям черепа безошибочно можно было определить, что животное это отнюдь не сродни ни лошади, ни ослу, но и не антилопам или рогатому скоту — словом, никому из ныне живущих на Земле животных. Но зато оно потрясающе походило на того самого *Helladotherium*, жившего миллионы лет тому назад в Греции...

¹ С 1962 года — Республика Уганда. (Примеч. ред.)

² С 1971 года Республика Заир. (Примеч. ред.)

Зоологам пришлось выделить это животное в особый род *Okapia*— *Okapia johnstoni*. Именно это название и можно прочесть на табличке, висящей на вольере, в которой содержатся эти редчайшие животные у нас во Франкфуртском зоопарке.

Так что же такое окапи?

Это нечто вроде «лесного» жирафа, только с укороченными ногами и шеей, как бы доисторический предок жирафа. Несколько таких вот древних видов животных, которые в других местах давно уже были вытеснены более совершенными и «современными» видами, по-видимому, нашли свое последнее прибежище под защитой густого полога влажнотропического леса Конго. Кроме окапи, это еще конголезский павлин и нигде больше не встречающаяся большая лесная свинья.

Тот факт, что такое крупное млекопитающее причудливой формы, да к тому же так ярко раскрашенное, столь долго оставалось неизвестным зоологам, стал во всех странах мира одной из главных газетных сенсаций начала нового столетия. И когда теперь начинают утверждать, что в снегах Гималаев живет снежный человек, а в шотландском озере Лох-Несс — чудовище, то в ответ на презрительное недоверие ученых их всегда стараются уязвить тем, что ведь и о существовании окапи они еще недавно тоже ничего не подозревали...

Словом, открытие окапи вызвало большой шум. Знаменитые охотники соревновались между собой, кому удастся стать первым европейцем, добывшим это осторожное, неуловимое животное. Все ведущие музеи жаждали скорей получить скелеты и шкуры.

Герцог Адольф Фридрих Мекленбургский, в то время один из самых известных путешественников по Африке, считавшийся метким стрелком, целый год (с 1907 по 1908) пытался поймать на мушку это чудо-животное, но тщетно — у него ничего не получилось. И хотя он и привез с собой пять шкур и один скелет окапи, но все это он выменял у пигмеев. Точно так же не везло и многим другим претендентам.

Чем недоступнее и загадочнее проявлял себя окапи, тем сильнее возрастало нетерпение с ним познакомиться. Американские и европейские директора зоопарков уже мечтали о том, как они станут содержать это редчайшее животное в своих зоопарках.

Долгие годы потратила экспедиция под руководством Герберта Ланга на попытки раздобыть живых окапи для Бронкского зоопарка, крупнейшего из четырех зоопарков Нью-Йорка. Сотрудник Ланга доктор Джеймс Чепэн в своем докладе Нью-Йоркскому зоологическому обществу очень убедительно объяснил, почему окапи так долго не попадались на глаза европейцам.

Дело в том, что это животное нашло свое последнее пристанище на Земле в самом недоступном и неудобном для европейцев месте. Оно обитает в узкой полосе леса протяженностью около тысячи и шириной не более двухсот двадцати километров. Кроме того, это место удалено от ближайшего побережья на добрую тысячу километров. Необозримость этих лесов действует пугающе: они тянутся на две тысячи двести километров, причем сплошным непроглядным пологом, без прогалин, через половину всего континента, от побережий Гвинеи до покрытой снегом вершины Рувензори. И несмотря на тропическую пышность такого зеленого ковра, это одна из самых малонаселенных областей на земле. Беспощадное солнце не переставая выкачивает влагу из этой зеленой губки, удушающая влажность накаленной атмосферы делает пребывание здесь невыносимым. А кроме того, по всей этой области почти ежедневно прокатываются, громяхая и круша все на своем пути, сильнейшие тропические грозы. Здесь все явления природы страшно гипертрофированы.

И действительно, бледные, изможденные, с блуждающим взглядом лица тех, кто возвращался из экспедиций в западную половину Экваториальной Африки, никак не располагали жаждущую сенсаций публику к увеселительным прогулкам по этим местам. Даже выносливые спортсмены, посещавшие самые разные районы Африки, не находили для себя ничего притягательного в этих лесах.

Так, во всяком случае, описывал эти места доктор Чепэн. Мы же много недель провели в этих лесах, и я должен честно признаться, что нам они не показались такими уж страшными, как тем двум американским искателям окапи сорок лет тому назад.

Впрочем, Лангу и его людям так и не удалось тогда достичь своей цели. Первый окапи, которого поймали живым близ реки Итури, разумеется, был детенышем. Он прожил очень недолгое время у одного бельгийского чиновника. Когда же в 1909 году Лангу повезло поймать второго детеныша, тот погиб лишь из-за того, что запаса консервированного молока хватило только на четыре дня. А он не мог достаточно быстро добраться со своим маленьким пленником до ближайшего населенного пункта.

И вот ирония судьбы: вскоре после возвращения Ланга и Чепэна, после стольких лет бесплодных блужданий по непроходимым тропическим лесам, в декабре 1918 года поймали третьего детеныша окапи, которому суждено было попасть живым в зоопарк. Поймали его местные жители, когда ему было всего несколько дней от роду, близ Буты, в четырехстах километрах севернее Стэнливиля¹. Жена одного из правительственных чиновников выкормила найденныша консервированным и парным коровьим молоком, и 9 августа 1919 года его сдали в зоопарк Антверпена. Прожил он там, к сожалению, только пятьдесят дней.

Следующий живой окапи попал в тот же, единственный в те времена, бельгийский зоопарк девять лет спустя. Этот экземпляр прожил там пятнадцать лет; погиб он 25 октября 1943 года от недоедания, когда Бельгия находилась под немецкой оккупацией.

А те экземпляры окапи, которые поступали в зоопарк Антверпена с 1931 по 1932 год, умирали спустя четыре недели после прибытия. Аналогичная судьба постигла двух других, попавших в 1935 году в Лондон и Рим. В зоопарке Базеля окапи тоже прожил только с июня по август 1949 года.

Дольше всех продержался в неволе самец-окапи по кличке Конго. Его привезли в Нью-Йорк 2 августа 1937 года, и прожил он там семнадцать лет, после чего 2 мая 1955 года его пришлось усыпить, чтобы избавить от мучительной боли в суставах ног.

К тому времени, когда мы поехали в Конго, чтобы привезти к себе во Франкфуртский зоопарк окапи, в Европе их было всего четыре экземпляра: в Париже, Лондоне, Копенгагене и Антверпене и один в Нью-Йорке. Наш окапи должен был стать первым окапи в ФРГ и шестнадцатым за пределами Африки. Помимо посетителей Антверпенского зоопарка, окапи видела только публика в Англии

¹ С 1966 года город Кисангани. (Примеч. ред.)

(1935), США (1937), Франции (1948), Швеции и Дании (1949). В Антверпене содержалась парочка окапи: он и она.

С 1933 года эти редчайшие млекопитающие находятся под охраной закона. Отлавливать их разрешается только государственным уполномоченным, и те несколько экземпляров, которые за это время были отловлены, распределялись бельгийским правительством только между зоопарками, ведущими научную работу.

Конго¹ обладает известной монополией на окапи. Область их распространения занимает площадь, равную всей Швейцарии. Однако точно определить, каково поголовье этого вида, который уже в течение тысячелетий находится на грани вымирания, не может никто. Но, во всяком случае, они встречаются все же чаще, чем этого опасались еще несколько лет назад. Об этом свидетельствует число следов, а также шкуры, то и дело появляющиеся у местных жителей. От чиновников по делам охоты в лесу Итури я узнал, что на каждый квадратный километр приходится примерно два окапи. Если это так, то в общей сложности их должно быть несколько десятков тысяч, следовательно, больше, чем, например, горилл.

Однако, несмотря на эти цифры, старания привезти живых окапи из Африки долгие годы оставались совершенно безрезультатными, хотя этих животных отлавливали так осторожно и бережно, как ни одно другое. И все-таки они в большинстве случаев не могли перенести тягот длительной транспортировки. Ведь с места поимки и приручения их нужно было сначала сотни километров везти в транспортных клетках до реки Конго, затем около трех недель их доставляли речным пароходом до Леопольдвилья², потом погрузили на железнодорожный состав и довозили до портового города Матади. А там зачастую приходилось несколько дней ждать, пока их заберет какой-нибудь океанский пароход, на котором им предстояло плыть неделями, чтобы добраться до Европы или Америки.

В 1949 году с места поимки было отправлено десять окапи. Только пять прибыли живыми в Леопольдвиль, а из четырех погруженных на палубу океанского теплохода два умерло по дороге, а из двух оставшихся один погиб уже в Базеле, через два месяца после прибытия.

Отдавая себе отчет в том, что пигмеи испокон веков постоянно охотились на окапи, следовало задать себе вопрос: а стоит ли

¹ С 1960 года — Республика Конго, с 1969 года — Народная Республика Конго. (Примеч. ред.)

² С 1966 года — город Киншаса. (Примеч. ред.)

при таких трудностях доставки вообще продолжать их отлов для зоопарков? Не лучше ли оставить их там, где они есть?

Но нельзя забывать, что на родине окапи тоже многое изменилось за последнее время. Банановые плантации все глубже врезаются в девственный лес, а из горных областей местные жители переселяются в новые поселения вдоль дорог, ведущих через лес. На расстоянии всего нескольких сот километров от мест обитания окапи возникли целые районы рудных разработок, так как там обнаружили уран, золото и другие ценные металлы. Не дай Бог, если на самой родине окапи обнаружат уран! Тогда им конец.

Следовательно, окапи находятся под угрозой вытеснения хозяйственной деятельностью человека ничуть не меньше, чем другие дикие животные на Земле. Поэтому с целью их охраны и (в случае необходимости) акклиматизации в каких-либо других районах Африки необходимо заблаговременно изучить их образ жизни и потребности. А это пока удавалось проделать только в условиях неволи, в зоопарке, что для такого скрытно живущего вида, как окапи, особенно важно.

И несмотря на то что многие окапи вскоре после прибытия в зоопарк погибали, именно они помогли ученым многое понять и продвинуться вперед в вопросе изучения их биологии и образа жизни. В специализированных европейских и американских институтах погибшие экземпляры вскрывали и тщательнейшим образом изучали. При этом выяснилось, что большинство животных погибало от паразитов, которые из-за тягот длительного путешествия, перемены питания и ослабления организма брали над ними верх.

Дело в том, что области девственных лесов совершенно свободны от трипаносом, а во время длительной поездки окапи подвергаются укусам кровососущих насекомых, которые и заносят им в кровь этих паразитов. В своих тесных клетках животные все время приходят в соприкосновение с собственным пометом и заглатывают при этом яйца кишечных и печеночных паразитов; личинки гельминтов могут проникать в организм и сквозь кожные покровы.

Окапи питаются только определенными видами растений своей родины. Во время же транспортировки они вынуждены привыкать к другим сортам зеленой листвы, которую срезают для них на редких привалах. А на пароходе им приходится приспособиваться есть сено люцерны, кукурузу, хлеб и морковь. Это неизменно нарушает привычное равновесие между животным-хозяином и паразитом.

Если бы при первых неудачных случаях привоза этих животных в Европу не была бы обнаружена подверженность окапи заражению определенным видом трипаносом, к которым почти все прочие дикие африканские животные невосприимчивы, то

при переселении в другой район Африки (необходимость в котором когда-нибудь может возникнуть) их могли бы завести в совершенно неподходящую для них в этом смысле местность. Предназначенные для акклиматизации животные тотчас бы погибли, а вид исчез с лица Земли.

До недавнего времени из Африки вывозили преимущественно самцов окапи. Поскольку животные эти на воле живут обычно в полном одиночестве и самки только во время гона громкими криками призывают к себе самцов, то отлов нескольких самцов не наносит урона всей популяции в целом.

И все же каждое такое перемещение этого редчайшего животного из родных лесов в зоопарк умеренной зоны всегда рассматривалось как рискованное предприятие. Директору зоопарка, приобретшему такого редчайшего питомца, предстояло пережить не одну бессонную ночь. Но отдельным зоопаркам все равно вновь и вновь приходилось идти на такой риск, если они серьезно относились к своей задаче — с помощью тщательных исследований найти путь к спасению редких животных от исчезновения.

Очень мало кто из белых людей, всего только двое или трое, могут похвастать, что видели окапи на воле. Тем не менее поймать окапи все же можно благодаря их привычке следовать всегда одними и теми же тропами. При этом ловить таких ценных животных надо так, чтобы как можно меньше причинить им вреда.

Сколько было смеху (особенно веселились пигмеи, сопровождавшие нас), когда мой сын Михаэль, вскрикнув от неожиданности, вдруг погрузился по самые уши в землю! Оказывается, он провалился в искусно замаскированную ловчую яму. Нам пришлось его вытаскивать оттуда за руки, притом довольно перепачканного. Но когда наши маленькие провожатые указали мне место, где находилась следующая ловчая яма, я при всем желании не мог ничего разглядеть, настолько равномерно и естественно была уложена густая лесная подстилка.

Такая ловчая яма глубиной обычно немногим больше двух метров. Книзу она несколько сужается и имеет очень гладкие отвесные стенки. Поверх нее вдоль и поперек вплотную укладываются длинные прутья, а сверху настилаются ровным слоем прелые листья. Антилопы, даже маленькие дукеры, из такой ямы без всякого труда выскочат. Но окапи прыгать почти не способны, в чем проявляется их родство с жирафами. Они будут всячески тянуться шеей, головой и длинным языком к лакомой ветке, но никогда при этом не оторвут передних ног от земли, то есть не встанут на задние ноги, как это делают в таких случаях почти все четвероногие, даже слоны.

Отлов окапи — целое искусство. «Государственная группа по отлову окапи», стационарный лагерь которой находится на пересечении реки Эпулу с автомобильным шоссе Кисангани — Ируму, выкопала более двухсот таких ловчих ям. Расположены они на маршруте протяженностью примерно в шестьдесят километров. Все многочисленные западни надо каждое утро заново осматривать. С этой целью двадцать пять обходчиков постоянно курсируют между ними.

Когда какой-нибудь окапи проваливается в западню, обнаруживший его обходчик первым делом обязан нарубить побольше зеленых веток и старательно прикрыть ими яму, чтобы животное успокоилось. Потом он должен сбегать за остальными, и они уже все вместе воздвигают вокруг западни сплетенный из тонких веток и лиан двухметровый плетень, чтобы пленник ни в коем случае не мог удрать. Потом приезжает отряд из двадцати рабочих, которые тут же приступают к сооружению для себя жилищ, необходимых им на несколько недель, потому что, как вы сейчас увидите, им придется с этим одним-единственным животным немало повозиться прямо здесь, на месте.

Поблизости от ловчей ямы сооружается круглый загон или вольера диаметром около тридцати метров, огороженная все той же плетеной двухметровой оградой. Она густо утыкается свежими зелеными ветками. Потом от ловчей ямы к загону строится «коридор», тоже с обеих сторон огороженный плетеным забором, замаскированным густой зеленью веток.

Затем один из участников операции очень осторожно подползает к яме и начинает сбрасывать с одного края землю на дно. Земля осыпается к передним ногам животного, а край ямы делается все более отлогим. Вскоре получается нечто вроде сходней, по которым окапи рано или поздно вскарабкивается наверх и по узкому зеленому проходу попадает из первого «отсека» во второй. В этой круглой, достаточно просторной вольере животное хотя и находится в заточении, но тем не менее чувствует себя в привычной обстановке, потому что ограждение внешне выглядит как густой зеленый кустарник. Стоящим вокруг африканцам, наблюдающим за окапи, предписано закрывать рот обеими руками, чтобы они от восторга не начали кричать или смеяться.

Но на этом работа отнюдь не заканчивается. В нескольких метрах от большого загона строится такой же второй, соединенный с первым узким проходом. Все это тоже тщательно маскируется зеленью. Теперь животное можно легко перегонять из одного «отсека» в другой, не показываясь ему на глаза. А в пустующем «отсеке» производится основательная уборка: его очищают от навоза и утыкают свежими зелеными ветками.

Если животное во время своего падения в яму поцарапалось или поранилось, то поврежденные места обрабатываются ватным тампоном, который просовывают на длинной палке сквозь ограду. Однако применяемые при этом лекарственные препараты не должны быть слишком ядовитыми или едкими, потому что окапи своим длинным темно-синим языком достает до любого места своего тела — он моется тщательнее, чем кошка!

Пока пленник постепенно привыкает к присутствию людей и к своему заточению, строится новый, на этот раз очень длинный коридор, ведущий к шоссе или к какому-нибудь месту, к которому можно подъехать на грузовике. Длина такого узкого прохода превышает иногда километр! Кончается он искусственной насыпью как раз такой высоты, чтобы она оказалась вровень с кузовом. Грузовик задом подъезжает к этой насыпи, и стоящая на нем транспортная клетка пододвигается открытой стороной к самому краю платформы. Клетка тоже замаскирована зеленью.

Окапи не гонят насильно по этому длинному коридору; в один прекрасный день он сам добровольно туда заходит и из любопытства идет дальше. Очутившись в этом узком проходе, где он не может развернуться, окапи вынужден прошагать все расстояние до другого его конца, то есть до самого выхода, ведущего в транспортную клетку. Как только он в нее вошел, за ним опускается дверца.

Грузовик отвозит пойманное животное в лагерь, и здесь оно тем же способом выходит из транспортной клетки в плетеный проход и, пройдя его, попадает в загон, в котором ему предстоит жить. Интереснее всего то, что за время всей этой длительной процедуры ни одна человеческая рука не касается окапи!

И вот рядом с этими загонами, в которых жили пятнадцать окапи, мы в тот раз и разбили свою палатку, чтобы иметь возможность за ними наблюдать. Ведь одного из пятнадцати постояльцев лагеря мы собирались увезти с собой во Франкфурт. Но какого?

Департамент охоты тогдашнего Бельгийского Конго начиная с 1946 года проводил планомерный отлов окапи в лесах Итури. В прежние времена в руки европейцев попадали только детеныши окапи, пойманные пигмеями, и случалось это крайне редко.

Такой мастерски разработанный способ отлова окапи, который я здесь описал, — исключительно заслуга начальника лагеря Ж. Медины, возглавлявшего группу по отлову.

За время с 1946 по 1950 год Медине удалось отловить пять или шесть окапи; их и разослали по зоопаркам. После длительного перерыва мы были первыми, кто прибыл с целью увезти одного из окапи, пойманных за последние два года.

Целых пятнадцать окапи, собранных в одном месте, — это такое зрелище, от которого у работника зоопарка может просто закру-

житься голова! Здесь было восемь самцов и семь самочек. Нам разрешили выбрать себе любого из самцов. Но которого же взять?

Находился здесь Непоко — светло-рыжий самец, широкий в груди, статный и горячий, как чистокровный жеребец. Лоис, совсем ручной, позволял себя гладить и обнимать за шею, что меня особенно привлекало. Ведь ручное животное гораздо легче лечить, если оно заболит.

Каждый раз, возвращаясь после нескольких дней отлучки в лагерь, мы часами просиживали в загоне у окапи и изучали их. Ведь, как говорит пословица: «Кому выбирать — тому и голову ломать». Мы уже совсем было остановились на Лоисе, но тут заметили, что он время от времени прихрамывает и высоко при этом подтягивает заднюю ногу, как это можно иногда наблюдать у лошадей. Андуду казался нам уже довольно старым, у Байо была несколько отвислая нижняя губа, а Эпулу хотя и был совсем молодым, но пойман недавно и поэтому покрыт множеством ссадин и царапин.

В двух загонах жили самки окапи с детенышами. Поведение этих маленьких окапи явилось для меня неожиданным. Если я бежал за ними по загону или пересекал им дорогу, они тотчас же бросались на землю, вытягивали голову, прижимали уши. В это время до них можно было, конечно очень осторожно, дотронуться рукой, и они не убегали. Мать и детеныш вообще как будто не слишком стремились держаться рядом.

Подобным же образом поступают наши европейские косули: когда детеныш еще не в состоянии так быстро бегать, как мать, он затаивается в траве, а самка удирает, отвлекая внимание врага на себя, и, заманивая его все дальше и дальше, уводит в сторону от спрятавшегося детеныша.

Когда гуляющие по лесу находят такого одинокого детеныша, они думают, что мать его покинула, и забирают с собой. Поэтому я думаю, что и для пигмеев не представляет особого труда поймать молодого окапи. А то, что все же так мало окапи попадало в руки европейцев, скорее всего, объясняется тем, что пигмеи охотнее их съедали, чем продавали.

Оба живущих в лагере детеныша появились на свет не в результате размножения окапи в неволе — такого в те времена еще нигде не случалось. Первый детеныш окапи от родителей, содержащихся в неволе, увидел свет только 15 сентября 1954 года в зоопарке Антверпена. Впоследствии это удавалось и некоторым другим зоопаркам. Из немецких зоопарков потомство от окапи в неволе получали только во Франкфуртском зоопарке, и притом неоднократно. А эти двое родились в лагере потому, что их матери попали в ловчие ямы уже беременными. Это только показывает, с какой осторожностью производится вся процедура отлова. Так, сам-

ка, пойманная 16 июля 1953 года, через четыре дня родила здорового детеныша.

Надо сказать, что персонал проявлял исключительную заботу о своих питомцах: навоз из загона убирался по несколько раз в день, чтобы окапи не могли заразиться яйцами паразитов. Из подобных же соображений кормовые пучки зеленых веток подвешивались высоко, на уровне головы животных. В каждом загоне всю ночь напролет горела лампа, чтобы окапи чего-нибудь не испугались. Между прочим, огня они не боятся: когда посреди загона зажигали костер, чтобы сжечь хворост и бумагу, окапи не обращали на это ни малейшего внимания.

Тем временем мы приняли решение забрать с собой во Франкфурт Непоко — самого большого и роскошного самца окапи. Но в один прекрасный день посыльный принес телеграмму из Момбасы, в которой говорилось, что нам дается свобода выбора между самцами окапи, «за исключением Непоко». Так что снова надо было начинать гадать и выбирать. В своем воображении мы рисовали себе страшные картины, что именно то животное, которое мы выберем, умрет еще на пути к самолету, в то время как все оставшиеся здесь будут припеваючи жить дальше.

Методом исключения мы уже остановили свой выбор на двух экземплярах. Это были Андуду и Эпулу. Андуду был взрослый самец, который уже два года прожил в лагере и с тех пор не подрос. Но кто мог знать, сколько ему было лет, когда он попал в западню? Ведь вполне могло случиться, что через год или два он будет глубоким старцем. У Эпулу еще не было даже рожек, а молодняк более восприимчив к паразитарным заболеваниям: зато молодые животные легче приспосабливаются к новой обстановке. Мы останавливались то на Андуду, то снова на Эпулу, и дело дошло до того, что мы готовы были решить эту проблему таким вульгарным способом, как подбрасывание монеты: орел или решка? В конце концов мы все же взяли с собой Эпулу.

Ваша братва
меньше

ПРЕДИСЛОВИЕ

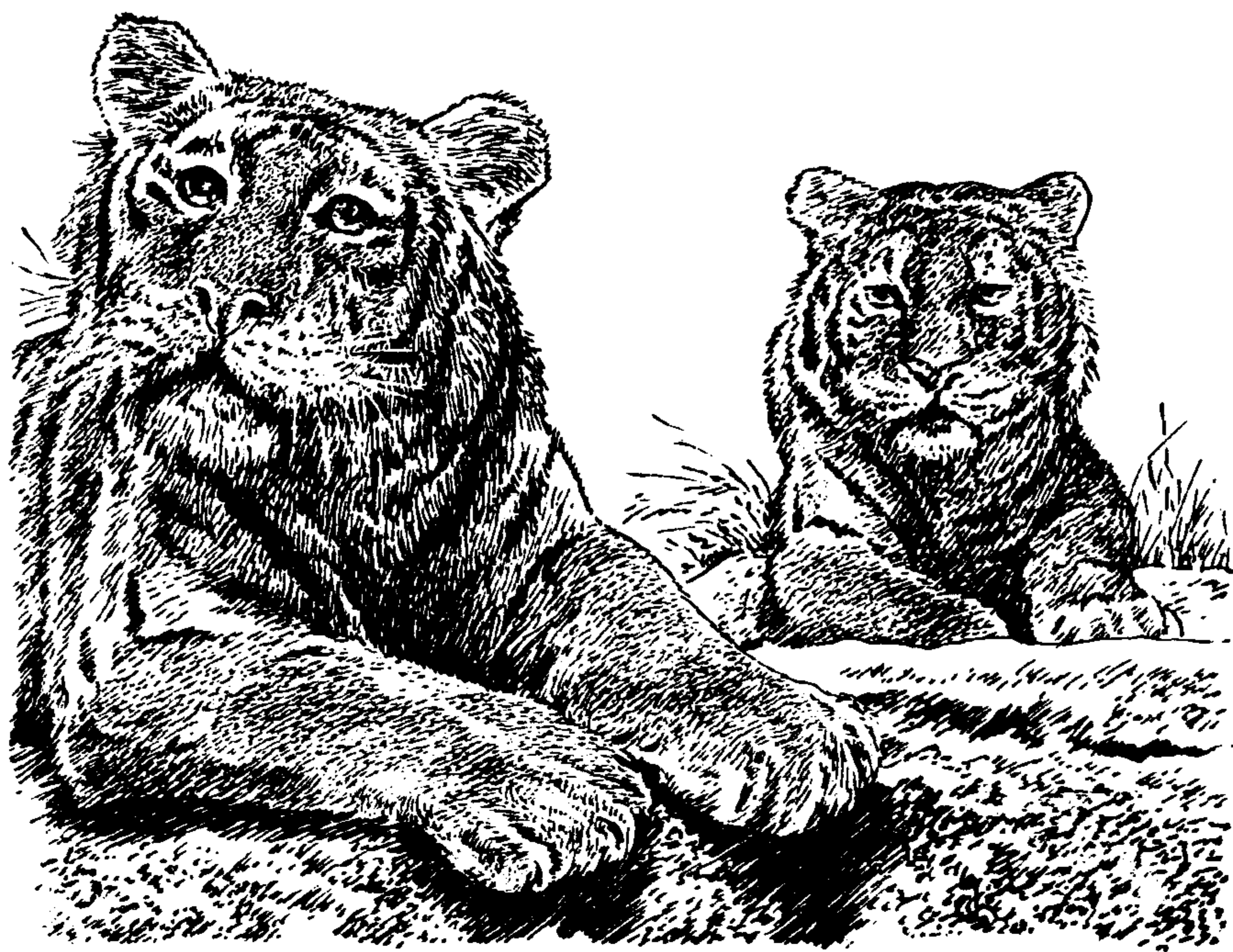
С какими только животными мне не приходилось иметь дело в своей жизни! Кого тут только нет! Но наиболее, на мой взгляд, захватывающая история — это как я сорок лет назад в Берлине, в цирке Саррасани, взялся выступить с группой тигров. Чужих, незнакомых мне тигров!

Вот, оказывается, как это все тогда было! А я и позабыл совсем. Эти полосатые огромные кошки, смотревшие сквозь меня своими холодными янтарными глазами... Они, а вместе с ними и многие мои тогдашние заботы и волнения снова ожили и обступили меня. Интересно, взволнует ли и вас, дорогие мои читатели, все, что здесь будет рассказано? Почувствуете ли вы все то, что чувствую я, перелистывая страницы этой книги?

Мне и позже не раз приходилось иметь дело с артистами цирка. Многие из них замечательные люди, и я подружился с ними на долгие годы. В частности, когда я после войны восстанавливал своими силами Франкфуртский зоопарк, они мне действительно помогали. Как-то однажды я (из простого лихачества) поспорил с группой канатоходцев, что пройду по канату, натянутому под куполом цирка. И выиграл это пари! Потому что это совсем не так уж трудно, как может показаться непосвященному, важно только держать при этом в руках тяжелый шест-балансир. Мой старший сын Рохус однажды повторил этот трюк (тоже на

спор). Но все же это не идет ни в какое сравнение с теми днями, проведенными мною в цирке Саррасани.

В этом новом издании книги многие главы пришлось заменить, потому что за последние десятки лет нам, зоологам, удалось узнать о животных такую массу нового, что многое из того, что нам тогда казалось незыблемыми истинами, просто не соответствует действительности. А многое, что нам вначале казалось новым и удивительным, теперь все воспринимают как обычное и само собой разумеющееся. Таким образом, в этой книге появились главы, которых не было в предыдущих изданиях. Очень надеюсь, что чтение ее доставит вам удовольствие.

Глава первая

ПОДОПЫТНОЕ ЖИВОТНОЕ — ТИГР

Помню, мы стояли однажды вечером в темном переполненном вагоне берлинской подземки — профессор Кёлер, тогда еще ординатор зоологического факультета университета, и я. Было это в 1942 году. Он только что прибыл в город, весь день бегал по различным ведомствам, а вечером заехал за мной на работу. Оба мы были достаточно измотаны за день.

Но ничто так не взбадривает, как приятная болтовня с человеком своей специальности, вдобавок настроенным, как говорится, на ту же волну. Сначала мы поговорили об удивительных результатах, полученных им в опытах с голубями и другими птицами, а потом незаметно перешли на мои опыты с волками, лошадьми и собаками. Ведь у каждого в конце концов есть свое любимое занятие, которое согревает ему сердце, даже в такие суровые времена, как тогда.

— Ужасно жалко, что нам, исследователям, приходится большей частью довольствоваться всякой мелкотой в качестве подопытных животных, — говорил профессор Кёлер. — А все потому, что для таких объектов, как птицы, белые мыши, насекомые и тому подобное, еще кое-как хватает тех более чем скромных помещений, денежных средств и малочисленного персонала, которые нам в состоянии выделить наша высшая школа. Даже для лошадей уже потребовалось бы построить конюшни и держать

конюхов. А о слонах, тапирах, а тем более львах и говорить нечего! В то время как именно опыты с крупными млекопитающими дали бы массу новых сведений по зоопсихологии! Ведь они нам, что там ни говори, значительно более сродни и стоят к нам гораздо ближе по своему развитию, чем дрозофилы, вороны или почтовые голуби!

Мы въезжали как раз под навес вокзала. Мимо нас промелькнули вагоны поезда дальнего следования. Матовые огни паровоза поблескивали в темноте, словно глаза подкрадывающегося хищника.

— При этом я не многого бы добился,— продолжал мой друг Отто Кёлер,— раздобудь я даже пару лошадей для своего института и начни с ними экспериментировать. Это может позволить себе только тот, кому прежде приходилось жить с ними бок о бок и вообще иметь дело с лошадьми. Для этого надо быть или коннозаводчиком, или кучером, или наездником, или служителем зоопарка, или дрессировщиком — словом, надо хорошо разбираться в повадках и особенностях того или иного вида животных. При этом знать их досконально, и не одного представителя вида, а как можно больше, потому что каждый из них индивидуален. А этого можно достичь только при долголетнем постоянном общении с животными. И лишь после этого надо приступать к таким опытам, как наши. Ведь, согласитесь, среди немецких зоопсихологов только те достигли значительных успехов, которые поступали именно таким образом: жили рядом со своими подопытными животными. Старый Хайнрот, который поселил у себя в ванной чомгу и лысук, а в столовой разводил воробьев, только поэтому и написал свой пухлый трехтомник о птицах — настоящий клад для зоопсихологов. А Конрад Лоренц, который нам, собственно говоря, и дал в руки современные методы, позволяющие спокойно и честно оперировать таким заезженным и запутанным понятием, как инстинкт, он ведь тоже начал с чердака дома своего отца в Вене. Именно на этом чердаке он сделал свои первые открытия и разрешил первые из тех проблем, которыми занимается и по сей день. На этом старом чердаке, где он развел колонию галок, будущий ученый проторчал несколько лет, наблюдая все галочки ссоры, примирения и галочью любовь. Его серая гусыня Мартина спала в семейной спальне Лоренцов и каждый вечер поднималась вслед за ними по лестнице на второй этаж, чтобы важно прошествовать к своему спальному месту. Вскоре весь дом, двор и сад Лоренцов превратились в настоящий «рай для животных». Его институт сравнительной психологии состоял в основном из аквариума.

Нет, нам еще далеко до постановки настоящих этологических опытов со слонами или тиграми, для этого мы еще слишком мало их знаем. Нам следовало бы поближе с ними пообщаться, установить хоть какой-то контакт, а не перекладывать такое общение на плечи цирковых дрессировщиков или служителей зоопарков...

Извините меня, дорогие читатели, что я докучаю вам этой профессиональной беседой, которую мы вели тогда, стоя в вагоне берлинской подземки. Но мне кажется, что человек, притом серьезный ученый, обязан объяснить, каким образом ему пришла в голову странная идея превратиться на некоторое время в циркача, дрессировщика диких животных. И если уж он решился на нечто подобное, то должен точно мотивировать свой поступок, чтобы о нем не подумали, что он «того»... А идея эта пришла мне в голову на следующее утро после нашей беседы, когда я увидел огромную афишу цирка Саррасани с изображением головы тигра. Если уж нет возможности спокойно наблюдать за животными во время их ежедневных занятий (добычи пищи, семейных скандалов, рождения детенышей, неурядиц и любви, что в обычных зоопарках сделать невозможно), то наилучший способ познакомиться поближе — это работать с ними в цирке. Ведь объездчик диких мустангов за несколько дней узнает несравненно больше о лошадиной душе и повадках, чем тот, кто в течение двух недель будет слоняться вокруг загона и наблюдать за лошадьми. И кто может глубже вникнуть в характер тигра, почувствовать признаки его хорошего или дурного настроения, чем дрессировщик? Да ему просто необходимо знать это каждую секунду, которую он проводит в клетке (если ему жизнь дорога!).

В прежние времена цирки шапито все время переезжали с места на место, не задерживаясь нигде подолгу. Такие цирки, как цирк Альтхоф или цирк Кроне, сегодня могли появиться в Штутгарте, а завтра в Вайхингене. Однако цирк Саррасани многие месяцы давал представления в Берлине (притом при постоянном аншлаге!). Так что времени было достаточно, чтобы на досуге завести знакомства с его четвероногими обитателями.

Я выжидаю момент, когда этот огромный кочевой город, состоящий из бесчисленных фургонов и гигантских тюков брезента, переезжает из одного района Берлина в другой. Затем пережидаю еще одну неделю, за которую администрация, по моим расчетам, должна уладить такие необходимые дела, как подключение к городской электросети, подвоз кормов и т. д., после чего все это хозяйство снова войдет в налаженную колею. Вот тогда-то я звоню по телефону директрисе цирка, госпоже Труде Саррасани, и договариваюсь с ней о встрече.

История цирков, как правило, богата самыми удивительными человеческими судьбами. Известны случаи, когда владельцы маленьких зверинцев или даже клоуны заканчивали свою жизнь влиятельными чиновниками, под началом которых работало более тысячи подчиненных. Но чтобы молоденькая, хорошенькая девушка, поступившая в качестве танцовщицы в один из самых больших и знаменитых тогда цирков, сделалась в один прекрасный день владелицей самого замечательного и огромного театрального здания в Дрездене, хозяйкой сотен диких зверей, руководительницей разъезжающих по всему свету цирков шапито — этих гигантских кочевий, начальницей над целым войском рабочих сцены и балетных трупп, колоннами грузовиков, оркестрами и быстроногими табунами лошадей — это редко кому приходилось видеть. Такая история достойна быть записанной в пестрой книге жизнеописания этого «кочевого племени».

А случилось все вот как. В новомодном ноевом ковчеге — на современном океанском лайнере, забитом до отказа слонами, верблюдами, акробатами и клоунами, молоденькая танцовщица познакомилась с сыном «короля цирка». Добравшись до Южной Америки, Ханс Стош-Саррасани обручился с избранницей своего сердца — Труде, а после окончания гастролей, когда пароход с «цирковым городком» двинулся на северо-восток, юная госпожа директорша осталась с частью труппы в Аргентине и уже самостоятельно руководила ею. Когда же молодой Саррасани несколько лет спустя неожиданно скончался в берлинской гостинице, Труде Саррасани за одну ночь стала руководителем одного из крупнейших цирков Европы.

— Ваша просьба, доктор, меня, по правде говоря, огорошила,— сказала мне эта молодая дама, когда мы уже сидели вместе в ее уютном жилом фургончике, стоящем посреди кочевого царства. — Признаться, наилучшей рекламой для нас было бы, если бы они вас сожрали! Ведь удайся ваша затея, многие зрители могут подумать, что наши тигры — самые что ни на есть безобидные киски, к которым каждый кому не лень может зайти в клетку... Правда, ваша работа с волками — свидетельство того, что вы не первый встречный и имеете отношение к дрессировке животных, не правда ли?

Беседа наша была не из коротких, но в конце концов фрау Саррасани дала свое согласие на мой эксперимент, вызвала администратора господина Штрома и велела препроводить меня к дрессировщику хищных зверей Герману Гаупту.

Тот как раз кормил зверей. Мое предложение он выслушал с хитрой усмешечкой. Такая хитрость и недоверие невольно вы-

рабатываются у каждого, кто провел более сорока лет в цирках и варьете самых различных стран.

— Чего вы крутите, — заявил он, когда мы изложили ему свой план. — Сказали бы прямо, что я должен познакомить этого человека с животными, чтобы он потом мог отнять у меня мой номер! Почему не сказать об этом прямо и честно и не выдумывать какую-то ахинею? Я-то буду только рад отделаться от этой работы с тиграми — с меня и медведей хватает, волынка предостаточная! А вот в прятки со мной играть нечего — этого я просто терпеть не могу!

Было совсем не просто убедить Германа Гаупта в том, что я и не думаю стать дрессировщиком. Но когда он окончательно поверил в это, то честно и с искренней готовностью стал помогать моему эксперименту. Мы договорились, что большая круглая клетка будет воздвигаться на манеже специально для меня в шесть утра. Почему в такую рань? Да потому, что днем у меня не будет времени для экспериментирования, а по вечерам идут представления. Но для меня это означало вставать в половине пятого утра, а господину Гаупту и десятку рабочих сцены тоже предстояло рано покидать свои вагончики. Но все шло как по маслу: когда я ровно в шесть снимал веревочную петлю с калитки дощатого забора, выкрашенного в зеленый цвет, большая железная куполообразная клетка уже стояла в манеже, а проход для тигров, составленный из железных решеток, тянулся до самого входа в их клетки.

Однако до первой пробы пришлось уладить еще множество формальностей, пожалуй, не менее сложных, чем обхождение с тиграми. Так, вскоре после нашего разговора с фрау Саррасани я получил документ на цветастом бланке, в котором администрация цирка торжественно уведомляла меня в том, что снимает с себя всякую ответственность за возможные последствия моего предприятия. Я должен был расписаться на всех копиях. А когда я впервые собирался переступить порог клетки, откуда ни возьмись возник администратор, господин Штром, не поленившийся в столь ранний час покинуть свою перину. В руке он держал очередную бумагу, на которой я должен был расписаться в том, что отказываюсь от какой бы то ни было компенсации в случае неблагоприятного исхода. Бумагу эту ему продиктовал по телефону юрисконсульт цирка, находящийся в Дрездене. Я должен был письменно подтвердить и торжественно заверить администрацию цирка в том, что ни я, ни мои близкие и родственники никогда не станут претендовать на возмещение ущерба, связанного с моей гибелью или повреждением здоровья, и что я при

любом исходе не буду иметь никаких претензий ни к цирку, ни к администрации, ни к одному из служащих Саррасани.

— Извините меня ради Бога,— смущенно пробормотал Штром,— что я вынужден единственно для этой цели пригласить вас в свой служебный вагончик,— смотрите только, не поскользнитесь, пол еще не просох после мытья... Я сам тут недавно чуть не растянулся, поскользнувшись. Но тогда все было залито кровью, потому что господин Гаупта поцарапала одна из его «кошечек» и его, беднягу, у меня в фургоне перевязывали... Просто удивляться приходится, сколько человек может потерять крови!..

Королевских тигров Саррасани мне прежде еще ни разу не приходилось видеть во время их выступлений. Поэтому наша первая проба началась с того, что господин Гаупт продемонстрировал мне, что умеют его подопечные.

Итак, полосатые кошки бесшумно появляются одна за другой на манеже. Какое-то мгновение они беспорядочно снуют по клетке, но затем аккуратно рассаживаются по своим местам — трое слева и трое справа. Один из тигров легко вскакивает на высокую тумбу, оттуда великолепным прыжком перемахивает на другую, расположенную в нескольких метрах, разворачивается, прыгает назад, на первую, и отправляется на свое место. Тогда тумбы соединяют меж собой узкой планкой. Роскошный самец степенно взбирается наверх, балансируя, словно канатоходец, переходит по узкой планке на другую тумбу, поворачивает и не спеша проделывает обратный путь. Затем планка отбрасывается в сторону, а между тумбами становится дрессировщик, подняв двумя руками над головой изогнутый дугой бич. Огромная девятилетняя тигрица на его зов, медленно и нехотя, приближается к высокой тумбе; поразмыслив некоторое время, она все же решает взобраться на нее. Все тело ее напрягается: она готовится к прыжку. Прыжку через голову своего хозяина.

— С ней надо быть особенно осторожным,— предупреждает меня Гаупт.— Это особа, которая не может сама за себя поручиться. Был случай, когда она загрызла взрослого тигра-самца прямо в проходе, ведущем из клеток на манеж. Восемь тысяч убытку одним махом, представляете себе? Не выпускайте ее из поля зрения даже тогда, когда занимаетесь другими тиграми и стоите к ней спиной.

Вот в этот момент, когда я увидел здоровенную тигрицу Гитту на расстоянии одного метра от головы Германа Гаупта и подумал, что через пару дней буду сам стоять вот так лицом к лицу с этим злобным животным, мне сделалось несколько неуютно. Но должен сказать, что это был единственный неприятный момент за время всех «проб». Потому что в действительности человек,

вошедший в клетку к тиграм в одиночку, абсолютно беспомощен против этих могучих зверей независимо от того, что у него в руках — пистолет или железные вилы. Бросок их так молниеносен, а хватка такая железная, что если вы и остались живы, лежа под такой желтой машиной, то воспользоваться своим оружием вам все равно уже не придется. Тигр просто не даст вам пошевелиться. Так что в подобных ситуациях может выручить только вмешательство ваших помощников, которые, тыча снаружи сквозь прутья клетки железными шестами и поливая водой из брандспойтов, отгонят тигра от его «добычи». Иногда он может отбежать и при появлении в клетке второго человека.

Но Гитта, не коснувшись дрессировщика, послушно и с удивительной легкостью перебросила свое тяжелое, сильное тело через его голову. Потом Гаупту сквозь прутья клетки подали горящий обруч — Гитта прыгнула и сквозь него. Затем она величественно отправилась на свое место. Три других тигра тем временем поднялись на задние лапы и уселись «столбиком», словно собачки, которым приказано «служить». В такой позе они застыли на несколько минут, как каменные изваяния. Первой отправилась «домой» Гитта, притом в гордом одиночестве: она слишком заносчива, чтобы потерпеть кого бы то ни было рядом с собой в узком проходе к клеткам. После этого на манеже был воздвигнут высоченный барьер, через который одно за другим в великолепном прыжке перемахнуло три гибких, упругих тела, и только два тигра, еще не усвоивших эту науку, ушли просто так.

Вот, значит, как выглядит этот номер. И все это я должен буду самостоятельно повторить, если мне посчастливится осуществить свои намерения.

Ну что ж, попробуем. А ну-ка в клетку! Но сначала надо развязать ремень, которым тщательно привязана дверь. Его почему-то страшно долго распутывают, но вот я уже стою посреди манежа на желтых опилках, которые оказываются плотно утоптаннкими. Странно: издали они казались мне такими рыхлыми и рассыпчатыми! Ведь в конном манеже они и на самом деле такие. Ну что ж, надо поосторожнее двигаться: ведь споткнуться или, не дай Бог, упасть в клетке с хищниками не рекомендуется! Первая жена дрессировщика Гаупта в 1915 году была растерзана львицей только потому, что споткнулась о сучок. Звали ее Мицци, но известна она была под своим сценическим именем Texas-Girl (девушка из Техаса). Они тогда, вспоминает Гаупт, как раз заканчивали свои гастроли в Палас-театре, в Берлине, а до следующих, в Будапеште, оставалось еще десять дней, и поэтому решили немного передохнуть у моря, в Лихтенберге. Там же они

и пристроили клетки со своими четырнадцатью львами. Одним погожим воскресным утром, во время уборки клеток, когда всю группу львов согнали в общую большую круглую клетку, Мицци, как обычно, вошла к ним, чтобы присмотреть за порядком. Вскоре до ее мужа донеслись крики о помощи. Прибежав туда, он увидел несчастную распростертой на земле и подмятую львицей. Он с помощью своих людей выгнал из клетки взбесившихся от этой сцены львов, но спасти жену так и не удалось: через несколько дней она скончалась в больнице.

Подобные случаи никак нельзя отнести за счет злобности или коварства этих огромных кошек. Не это их толкает порой на убийство. Известный дрессировщик Шнайдер продолжал подчеркнуто доверчиво относиться к львице по кличке Европа, которая во время съемок фильма «Нерон» разорвала статиста. Во время своих выступлений он показывал публике шрамы и следы пулевых ранений, полученных животным во время этого происшествия. Одну пулю так и не удалось вынуть. На подобные поступки животных толкает врожденный инстинкт, я бы даже сказал, рефлекторное поведение. Хищник *должен* стремглав бросаться на все, что от него убегает или падает на землю. Степень благоприобретенной привязанности или прирученности не играет здесь ни малейшей роли, потому что в такие моменты животное «думает» столь же мало, как и мы, когда поднимаем руку, чтобы защитить глаз от брошенного в нас камня...

В тот момент, когда я впервые стоял на манеже, в клетке с тиграми, у меня были более насущные заботы, чем обдумывание подобных вопросов. Мне предстояло поближе познакомиться с участниками этого номера. Господин Гаупт представил мне своих «сотрудников»:

— Вот, запоминайте, слева направо: это Гитта, которая прыгает через обруч. Это Фатма, она «служит» на задних лапах, причем стоит в центре группы, с ней вы должны держаться обходительнее, она не терпит ни шелканья бича, ни грубого слова; Фатма работает наилучшим образом, когда с ней любезно обращаются. А вот за этой — Тибет — нужен глаз да глаз, ей спуску не давайте и ни секунды передышки; и — внимание! — не подходите к ней слишком близко: она пойдет вам навстречу! Дейзи, что рядом с ней, — эта еще похлеще. Она вообще не желает работать. Сидит здесь от начала и до конца просто в качестве статиста. Если эта сатана начнет к вам приближаться, ни в коем случае не отступайте! То, что она слезет с тумбы и сделает два-три шага вам навстречу, пусть вас не пугает — это еще ничего не значит. Протяните вперед палку, она в нее вцепится. А это ее двое детей, наши милые малютки, которых мы вырастили у себя

в жилом вагоне. Видите, как они скалятся и громко фырчат — это они нас приветствуют. Зовут их Дейли и Цейлон (это единственный самец в группе). Следите только за тем, чтобы они не переходили на другую сторону, к Гитте. Тогда начнется нечто невообразимое — бешеная погоня по всей клетке, драка с возможным смертельным исходом! Ну-ка, Дейли, ты, маленькое чудовище, куда это ты слезла? Марш на место!

Я стараюсь себе вдолбить: Гитта, Фатма, Тибет, Дейзи, Дейли и Цейлон. Вот так, когда они сидят по порядку, это легко запомнить. Но когда они начнут беспорядочно бегать по клетке — что тогда? Пока что они для меня все на одно «лицо». Вот только у Цейлона, пожалуй, голова побольше, потому что он «мужчина». Да еще у Фатмы усы покороче, чем у ее соседки Тибет. У меня и на человеческие-то лица ужасающе плохая зрительная память, многие даже обижаются, а уж тут... Удастся ли мне отличить эти тигриные лики?

Мы начинаем весь номер сначала — балансирование, сидение на задних лапах и прыжки сквозь обруч, — с той только разницей, что теперь я стою рядом с дрессировщиком. Тигры явно удивлены: что это за новое существо появилось в клетке да еще бичом хлопает? Они оглядываются на него, следят за ним, шипят, чем несколько затрудняют работу дрессировщика, но тем не менее исполняют все то, чему их обучили. И вот они уже элегантно перемахнули через барьер и исчезли в проходе, ведущем к их клеткам.

Манеж опустел. Но время незаметно прошло, и уже без четверти восемь. Неумолимо близился час начала моего рабочего дня, и надо было поспешать в министерство продовольствия.

На другое утро чуть свет, еще нет и шести, я уже сижу в электричке и еду в цирк на вторую пробу с тиграми Саррасани. Не скрою, что настроение у меня тогда было какое-то необычное, я был несколько возбужден, взволнован, как это случилось со мной лишь много лет назад, перед экзаменами на аттестат зрелости. Это был отнюдь не страх перед тиграми, а скорее опасение, что из этого дела ничего не получится. И не сопротивление тигров может сыграть тут решающую роль — с ними-то я справлюсь, это я чувствовал, — а скорее сопротивление дрессировщика может создать непредвиденные трудности. Ведь стоит только ему заявить: «Я не в состоянии больше управляться с тиграми после того, как господин профессор побывал у них в клетке, — он их нервирует!» — и никакая цирковая администрация на свете не возьмет после этого на себя ответственность разрешить мне про-

должать работу с тиграми. И главное, было бы вполне объяснимо, если бы Гаупт себя так повел! Осуждать его за это трудно! Он буквально сросся со своими тиграми и, несмотря на все шрамы и ранения, предан им душой и телом. Да он просто любит их! А тот, кто любит, тому не чуждо и чувство ревности. И если человек в свои шестьдесят три года сорок лет проработал в цирке с дикими животными, прожив годы, полные успеха и неудач, оваций и славы, то его гордость и самолюбие, безусловно, будут задеты тем, что какой-то посторонний человек вот так, запросто, через пару дней собирается выйти на манеж с *его* тиграми и продемонстрировать все, чему *он* их с таким трудом и терпением научил.

Конец прошлого столетия. Четырнадцатилетний Герман Гаупт слоняется по улицам Лейпцига. Родом он из деревенской семьи, но отец определил его учеником в гостиницу большого города. Однако маленькому Герману там не нравится. Поэтому, когда незнакомый человек на улице обращается к нему со словами: «Ты, наверное, работу ищешь? В зоопарке требуется помощник официанта», он сейчас же соглашается, и его зачисляют на это место. Поскольку старшего официанта уже зовут Германом, младшего Германа нарекают Фрицем. Это имя приклеивается к нему на долгие годы, и он не против.

В те времена Лейпцигский зоопарк был еще частным предприятием и принадлежал некоему господину Пинкертту. Хозяин вскоре заметил, что «пикколо» (младший официант) гораздо больше интересуется животными, чем подносами. В один прекрасный день он спрашивает его, не хотел бы тот стать помощником одной молодой дамы, которая как раз начала работать со львами его зоопарка. Парнишка с восторгом соглашается, а два дня спустя уже получает свое «боевое крещение» в качестве служителя при клетках с хищными животными. Старший служитель вместе со своим братом устраивают ему такой подвох: во время чистки клеток они хватают его и бросают в клетку с гиеной. Гиена была ручной и достаточно миролюбивой, но тем не менее мальчишка долго не мог опомниться от испуга. Между прочим, подобные шуточки порой могут иметь и весьма плачевные последствия. Так, в том же зоопарке его теперешний директор держит гиену, которая позволяет себя гладить сквозь прутья клетки. Когда он водил приехавших к нему с визитом директоров других зоопарков по своим владениям, то решил продемонстрировать им этот трюк. Однако он не знал, что служитель поменял гиен местами, и в результате оказался с порванным рукавом и окровавленной рукой. Причем надо сказать, он легко отделался, потому что челюсть гиены по своей крепости почти не уступает челюсти льва! Ведь

гиене приходится перемалывать огромные кости, остающиеся после трапез крупных хищников.

Молодую даму, у которой Герман Гаупт начал свою карьеру в качестве подручного, звали Клер Элиот. Старшее поколение моих читателей, возможно, еще припомнит это имя.

— Это самая красивая женщина, когда-либо стоявшая в клетке с хищными зверями! — вспоминает теперь уже седовласый дрессировщик, и по его глазам заметно, что мысли его уплывают далеко назад, в годы его романтической юности. — В то время она еще была женой берейтора на лейпцигских бегах и имела абонемент на посещение зоопарка. Директор любовался, любовался ее красотой и в один прекрасный день предложил ей попробовать свои силы в дрессировке львов. И представьте, она мужественно согласилась!

Таким образом, и пикколо приобщился к этому занятию.

— Сегодня мне остается только недоуменно пожимать плечами, когда я вспоминаю, каких только глупостей мы не делали по причине своего полного невежества в этом деле, — рассказывает Гаупт, в то время как его подручные таскают на манеж тяжеленные тумбы. — У нас в Лейпцигском зоопарке тогда было тридцать львов, и для дрессировки была выстроена хорошая просторная четырехугольная клетка. Мы не нашли ничего лучшего, чем кормить их всех вместе в этой клетке. Большого идиотизма нельзя было и придумать! Ведь при подобных обстоятельствах легче легкого могут возникнуть ссоры, которые кончаются страшной грызней, иногда даже со смертельным исходом. Но этого мало. Когда львы заканчивали свою трапезу, я входил к ним с одной лишь палкой в руках и отбирал у них кости!

Спустя год парнишка отправился вместе со своей хозяйкой, госпожой Элиот, путешествовать. Гастроли эти длились десять лет. Поначалу они выступали в зоопарках Лейпцига, Дрездена и Штутгарта, потому что в то время было принято демонстрировать группы дрессированных животных прямо в зоопарках. Зимой Клер Элиот со своими львами (которые, впрочем, как и прежде, принадлежали не ей, а Лейпцигскому зоопарку) выступала в различных варьете или в помещениях стационарных цирков. Все большую известность приобретала красивая смелая женщина, все ширились ее гастрольные поездки — теперь уже в Париж, Чикаго, Стокгольм, Копенгаген. Ее подручный постепенно приобретал не меньшую известность, чем сама дрессировщица, потому что работал «смешно». Он вносил тяжеленные тумбы на манеж, но стоило одному из львов зарычать, как он с истошным криком бросал все на пол и с быстротой молнии исчезал за дверью клетки. А публика радостно аплодировала и тем больше

восхищалась мужеством дрессировщицы, чем большим трусом казался ее помощник. При этом никто даже не замечал, как этот же «трусливый малый» за несколько минут до того загонял животных в клетку на манеже. В то время еще не существовало составленных из решеток проходов, по которым львы из своих жилых клеток выбегают прямо на манеж. Тогда зверей по двое загоняли в тесную транспортную клетку на колесиках и подвозили в ней к дверям большой круглой клетки на манеже. Зачастую, когда задвижка открывалась, они не желали выходить на ярко освещенную прожекторами арену, окруженную громко выражающей свой восторг публикой, и тогда «трусливому» подручному приходилось сзади залезать в тесную клетку и палкой выгонять непокорных артистов на сцену.

В наше время с этими крупными хищниками обращаются несколько осторожнее. Но что правда, то правда: можно многого добиться, если только не показывать вида, что ты их боишься. Вести себя надо смело и решительно. Только тогда они будут слушаться. Известен случай, когда маленькая собачонка, увязавшая за охотником в джунгли, вцепилась в хвост тигру и заставила того кинуться в позорное бегство! Однако здесь следует оговориться: в таких случаях у животного действительно должен быть путь к отступлению, возможность скрыться, уйти от преследования. Если же зверь загнан в тупик, а человек все продолжает наступать, то даже самый боязливый тигр перейдет в атаку, причем не столько из злобы, сколько из страха. Немало несчастных случаев с дрессировщиками случилось именно по этой причине. Когда нетерпеливый учитель хочет принудить дрессируемое животное сделать нечто такое, чего оно никак еще не может понять, например прыгнуть на высокую тумбу, а человек все вновь и вновь бичом и вилами теснит его туда, оно в своем отчаянии способно в конце концов напасть. Другой же дрессировщик сначала угощает тигра кусочками мяса, которые он кладет на тумбу совсем низенькую, и, только постепенно повышая ее, добивается желаемых результатов почти без труда, во всяком случае без единого шрама.

Подручному Герману приходилось работать весьма проворно, чтобы все львы из передвижных клеток один за другим быстро попадали на манеж. Как только последний «царь пустыни» оказывался в круглой клетке, Герман мчался за тумбами и, «дрожа всем телом», расставлял их по местам.

Госпожа Элиот знала цену своему помощнику! Он получал неслыханный для того времени (перед Первой мировой войной) гонорар — четыреста пятьдесят марок в месяц. А ведь он был не более чем конюх, в то время как артисты цирка получали

тогда примерно от двухсот до двухсот пятидесяти марок в месяц. На рождество ему выплачивали еще сверх того триста—четыреста марок премии.

Однажды случилось так, что два знаменитых дрессировщика — Клер Элиот и Джулиус Сит выступали одновременно в одном и том же городе — Блэкпуле. Увеселительные заведения, где демонстрировались эти группы дрессированных животных, находились друг против друга, на одной и той же улице. Сит тогда одним из первых в мире выпускал на арену одновременно двадцать четыре тигра! Создалась напряженная конкурентная борьба между двумя гастролерами. Но когда Сит однажды пришел посмотреть «вражеский» номер, он был так восхищен ловкостью подручного, что после окончания выступления пришел за кулисы и вручил ему два фунта стерлингов.

«Ловкий конюх» совершал вместе со своей госпожой Клер Элиот самые настоящие триумфальные шествия по Европе — через всю Англию, затем в Париж, Ригу, Одессу, и публика буквально неистовствовала от восторга, особенно в восточноевропейских странах. Артистам там дарили и бриллианты, и золотые украшения, а цветочные корзины были таких размеров, что не пролезали сквозь узкую дверь клетки.

Но вернемся к моему эксперименту. Самым сложным для меня почему-то оказалось хлопанье бичом. Когда я был мальчишкой, то отлично правил упряжкой и щелкал при этом кнутом. Но, как оказалось, щелкал неправильно: снизу вверх. А господин Гаупт считал, что этими красивыми белыми бичами надо щелкать, заводя кнутовище назад и выбрасывая бич вверх, так как это выглядит значительно элегантнее. Но я почему-то умею только снизу вверх, иначе у меня не получается. Мы тренируемся и тренируемся, причем Герман Гаупт водит моей рукой словно мамаша, помогающая первоклашке выводить буквы. На следующий день я едва мог шевелить рукой. У меня появилась невыносимая мышечная боль. Но бич, применяемый для дрессировки хищных животных, — это детская игрушка по сравнению с длинным толстым бичом, изготовляемым для дрессировки слонов. Там нужна недюжинная сила!

— Когда дрессировщик слонов, Оме, однажды уехал в отпуск на пару месяцев, — смеясь, рассказывала мне фрау Саррасани, — а потом снова возобновил свои выступления, ему первое время пришлось носить руку на перевязи — до того его замучили эти мышечные боли!

Как видите, если собираешься стать укротителем зверей, то трудности могут подстергать тебя там, где ты их совсем не ждешь.

Сегодня мы должны второй раз повторить весь номер вместе, Герман Гаупт и я. Гитта долго раздумывает, прежде чем бесшумно вскочить на высокую тумбу, ее смущает присутствие незнакомца, стоящего рядом с ее хозяином. Пришлось ее долго и умильно уговаривать:

— Иди, Гитта, ну давай же, Гитточка, иди сюда!

Мне почему-то все время хочется сказать «старая Гитта», в то время как ей всего от восьми до девяти лет, что для тигрицы означает самый расцвет сил. Вот тигр Султан, например, подаренный в 1915 году Копенгагенскому зоопарку магараджей из Джохора, лишь в октябре 1930 года в возрасте двадцати одного года был усыплен хлороформом из-за старческой немощи. Уже у Брема имелись указания на то, что в Индии были известны тигры, терроризировавшие население деревень в течение двадцати лет кряду.

Дейли, эта «малышка» или «озорной дьяволенок», как ее любовно называет дрессировщик, снова соскочила со своего места и бежит по арене.

— Дайте-ка я попробую загнать ее на место! — говорю я.

Однако Дейли, по-видимому, еще не принимает меня всерьез. На мои выкрики и хлопанье бичом она не обращает никакого внимания, она даже не удостоивает меня взглядом — точно я невидим. Дейли смотрит мимо меня на своего хозяина, который выходил и выкормил ее. Она даже раскрывает свою пасть — я чуть не написал «ротик» — и испускает звуки, напоминающие мяуканье. Кажется, что она жалобно и с укором спрашивает:

«Папа, что нужно этому чужому дядьке у нас в клетке?»

Ее носик при этом морщится, мордочка покрыта короткой желтой шерстью, словно бархатом, а сам «пяточок» совершенно розовый и нежный, как у светлой домашней кошки. Я бы ее мог, наверное, крепко полюбить, эту малышку Дейли. Но полагаю, что мои чувства остались бы без взаимности...

Ее мать, Дейзи, тем временем особенно злобно шипит в мою сторону и оттуда, со своей тумбы, замахивается на меня лапой. Дейзи скандалистка от природы, а вовсе не оттого, что испортила себе нервы, родив в неволе двух своих детенышей — Дейли и Цейлона. Да и от материнской любви сейчас уже мало что осталось. Шипит она просто так, из-за дурного характера. Когда расшалившаяся Дейли пробегает мимо нее, она, выпустив все когти, запускает их ей в спину, да с такой силой, что у любого из нас в подобных обстоятельствах вместе с куском костюма оказался бы вырван добрый кусок кожи. Но таково уж обхождение у тигров. И если какому-нибудь дрессировщику в течение четырех недель приходится носить свою руку на перевязи, то это вовсе

не означает, что на него «напали». Чаще всего это бывает результатом совершенно обычного выяснения отношений с тигром, когда не совпадают мнения. Ну а рука? Что ж... Тигриные когти рассчитаны на шкуру тигра, а не на непрочную человеческую кожу...

Многие тигриные мамы разрешают людям брать в руки своих детенышей, ласкать их, играть с ними, а потом отдавать им обратно. Но осторожности ради их перед тем, как отдать, натирают сеном, взятым из материнской клетки, чтобы мамаша из-за «чужого» запаха, чего доброго, их не загрызла.

Различие между тигром и львом особенно заметно во время брачного периода. С «владыкой пустыни» в такие дни лучше не связываться. Куда деваются его инертность и лень! Подходить к нему следует с величайшей осторожностью. Совсем обратное мы видим у «владык джунглей»: у них во время брачного периода, как у тигриц, так и у тигров, начинает проявляться подчеркнутая потребность в ласке, они становятся добрыми и контактными. Даже те, которые никому не разрешали до себя дотрагиваться, в такие дни подходят к самым прутьям клетки и урча трутся об руку и просят их погладить. Лев, как правило, по мнению известного дрессировщика Тогара, «личность» высокопорядочная, с простым и понятным, обычно неизменчивым складом характера. Как только он вырастает из детского возраста, в нем проявляется какая-то прямо-таки барская надменность; шутить, играть и беситься он считает для себя уже невозможным, чем-то ниже своего достоинства. Львица несколько игривее, но до тигра ей далеко. Тигр — ярко выраженный холерик. В душе он мягок и ласков, но запальчив, и из-за малейшего пустяка в нем может вспыхнуть внезапная злоба. Тогда он с грозным рыком кидается навстречу объекту своего недовольства с таким видом, будто собирается проглотить весь мир. Но таким вот устрашающим рыком и молниеносным ударом лапы, вооруженной страшными когтями, тигр обычно и ограничивается: злость его проходит, он «спускает пар» и через минуту уже готов снова ласкаться. Разумеется, бывают и более серьезные случаи нападения на дрессировщика, однако даже такой «короткий» приступ злобы представляет порой очень серьезную опасность для человека. Лев же, по утверждению того же Тогара, более злопамятен. Он как бы затаивает и вынашивает в себе свою злость до определенного момента и тогда уж нападает всерьез.

Я подхожу поближе к маленькой Дейли. По правде говоря, она не такая уж маленькая: размерами она не отличается от всех остальных. Но в сердце своего приемного отца она осталась все той же «малышкой», которую он выкормил и выводил у себя в доме. Ее и ее братика — Цейлона.

— Вот видите, какая она нежная,— говорит Гаупт,— видите, как она хочет, чтобы я ее погладил, и Цейлон тоже. Подойдите-ка, доктор, к Цейлону и погладьте его, пока он в хорошем настроении. Он еще не понял, что вы вовсе не член нашего семейства.

Я почесываю мощную тигриную голову. Это нечто совсем иное, чем чесать за ушком у домашней кошечки! Но через минуту, заметив, что тигр забеспокоился, я благоразумно отступаю на несколько шагов назад.

— Правильно сделали,— одобрил Гаупт.— Вот сейчас он только заметил, что вы, собственно говоря, не имеете к нему никакого отношения. Еще момент, и он мог бы показаться вам не столь приветливым!

Цейлон и Дейли, выкормленные собакой-кормилицей, считались самыми ручными в группе. И тем не менее я уверен: если бы мне пришлось в течение длительного времени работать с этой группой тигров, то именно с ними двумя у меня были бы самые серьезные трудности. Все остальные взрослые животные, хотя рычат на меня и, возможно, с удовольствием бы занялись мной основательно и всерьез, тем не менее меня боятся и отступают, когда я к ним приближаюсь. Для Цейлона же и Дейли ничего не значит, что человек к ним подошел слишком близко, более того, даже дотрагивается до них рукой, гладит. Они и сами охотно подбегут к человеку — они ручные. Но в то же время они его не боятся. Что же касается привязанности детских лет, то у хищных животных на нее полагаться нельзя. Притом это отнюдь не признак коварства или неверности, это просто заложено в тигриной натуре. Ведь даже тигрица-мать обращается со своим выросшим потомством как с соперниками или настырными, досадными конкурентами по добыче пищи. Ни о какой материнской любви тут уже и речи быть не может — она улетучивается, как дым.

Так, у Гауптов однажды был лев, который ездил верхом на лошади по манежу. Этого льва в детстве выкормила маленькая фокстерьерша, и животные остались трогательно привязанными друг к другу. Дрессировщик заметил, что этот роскошный, увенчанный пышной гривой лев гораздо спокойнее работает на манеже, если его маленькая «мамаша» при этом присутствует. Публика зачастую выражала протест, жалея «несчастную собачку», которая «дрожала от страха», стоя на манеже в таком грозном соседстве. Чтобы разубедить самых негодующих, Гаупт после представления приглашал их за кулисы, где хватал фокстерьершу за шиворот и совал в клетку со львом. Через секунду собачка уже лежала, нежно прижавшись к своему «сыну», а тот умиротворенно ее облизывал огромным языком. Но поскольку этот

шершавый, как рашпиль, язык порой причинял собачке неудобство и даже боль, то она иногда взвизгивала и дерзко хватала льва зубами за шкуру. Удивительные и вызывающие полнейшее восхищение у зрителей сцены. И тем не менее все это закончилось плачевно: в один прекрасный день лев все-таки загрыз свою маленькую кормилицу и сожрал. Так почему же ждать от тигров и львов, что по отношению к человеку они станут проявлять такие чувства, которые не питают друг к другу, к своим сородичам?

Но если уж нельзя положиться на «детскую привязанность», то, наверное, можно отучить тигра убивать, не давая ему с малолетства возможности научиться этому у других своих сородичей? Воспитывая в полной изоляции от них?

Один американский зоопсихолог еще тридцать лет назад проделал обнадеживающий в этом отношении опыт на обычных домашних кошках. Котята обнюхивали мышей и спокойно играли с ними. И лишь после того, как взрослая кошка несколько раз на их глазах поймала и слопала мышку, они тоже стали ей подражать. Но когда два других любознательных исследователя вырастили несколько кошачьих пометов без материнского примера, один из котят пяти недель от роду тем не менее загрыз мышку, и вскоре семь других котят проделали то же самое: извечная страсть к мышеловству пробудилась в них сама собой, без какого-либо обучения. Разумеется, имея перед глазами материнский пример, они обучаются этому быстрее и лучше; котята подражают всем приемам старой кошки и пользуются ими затем всю свою жизнь.

То, что характерно для наших домашних кошек, относится и к другим хищникам. Старый волк, которого я по просьбе одной кинокомпании приручил, прежде, в зоопарке, где он родился, никогда не получал живой добычи. Но когда он во время съемок фильма, согласно сценарию, попал в стадо овец, то молниеносно зарезал подряд трех взрослых овец, причем все было проделано с такой ловкостью, умением и кровожадностью, что оставалось только разводиться руками. И было в этом зрелище не столько жестокости, сколько первобытной красоты...

То, что у тигров все происходит точно так же, как у наших кисок, Цейлон и Дейли, самые юные «звезды» этой группы, наглядно доказали пару месяцев назад. За десять минут до демонстрации животных зрителям Дейли, по недосмотру, удрала из своей клетки, и спустя минуту эта «нежная малышка» уже висела на шее верблюда, вцепившись в него мертвой хваткой. В мгновение ока она перегрызла верблюду сонную артерию, да так «профессионально», словно бы и не была выкормлена из рожка, а проохотилась все свое детство рядом с кровожадной

матерью-тигрицей... Прежде чем ее успели изловить, она сумела ранить еще одного верблюда.

И тем не менее эту молодую тигрицу можно было бы воспитать так, чтобы она никогда не нападала на верблюдов. Для этого достаточно было бы с малых лет держать ее в совместном с верблюдами помещении. Восемнадцать кошек, которых японский зоопсихолог Куо воспитывал совместно с крысами, никогда впоследствии не нападали на крыс! Когда они выросли и наблюдали за тем, как другие кошки охотились на крыс, только одна из восемнадцати соблазнилась их примером и сделалась крысоловом. Выращенные на растительной пище хищники, между прочим, ведут себя отнюдь не миролюбивее тех, кого кормили мясом; так же и голод мало влияет на кровожадность. Я ведь своих волков кормил исключительно только сырым мясом, так же как кормят здесь, в цирке, этих тигров. Тем не менее я никогда не опасался работать с ними даже тогда, когда они в течение нескольких дней голодали (это иногда необходимо делать из медицинских соображений). Между прочим, этим шести тиграм ни вчера, ни сегодня еще ничего не давали, потому что сломался грузовик для подвозки кормов.

Выращенные в неволе тигры, как правило, не пожирают людей, потому что привыкли к ним точно так же, как те японские кошки к крысам. Однако пример льва с его «собачьей мамой» показывает, что на подобную благоприобретенную привязанность полагаться нельзя. Ведь крысы, живя в одном помещении с кошками, ведут себя обычно скромно, послушно уступая им дорогу. Я не знаю, что сказала бы такая кошка, если бы какая-нибудь из крыс внезапно надела белые перчатки, взяла в руки хлыст и потребовала, чтобы кошки повскакали на крыши своих спальных домиков и в довершение еще «служили» там на задних лапках! А ведь в глазах этих шести тигров, сидящих сейчас вокруг меня, я и есть именно такая нахальная крыса! Поэтому-то люди, работающие с животными, не слишком полагаются на «безразличие» к себе своих «учеников», а больше на чувства другого порядка, более надежного!

Одному зоопсихологу удалось добиться от своих кошек даже того, что они стали *бояться* крыс. Каждый раз при появлении крысы кошка получала легкий удар током. Эти кошки вскоре стали пугаться одного вида крысы и уж наверняка не решились бы так легко на нее напасть. И хотя дрессировщики перед тиграми столь же беспомощны, как крысы перед кошками, тем не менее они сумели внушить своим ученикам, при помощи хлыста, веру в то, что они «электрически заряженные крысы». А это в работе

как с маленькими, так и с самыми большими «кисками» наилучшая гарантия от возможности быть съеденным...

Уже самые незначительные вариации в опыте могут резко изменить кошачье отношение даже к гораздо менее обнаглевшим крысам, чем я. Когда к кошкам, приученным пожирать только голых, новорожденных крысят, но не трогать взрослых животных, в порядке эксперимента подсадили обритых наголо взрослых крыс, тех немедленно загрызли!

Вот таково первое, самое скромное пока ознакомление с тем, что же именно происходит в голове таких хищников. Вот они сидят передо мной полукругом, эти красивые огромные бестии, и смотрят на меня. Когда я иду влево, двенадцать холодных, ясных глаз провожают меня налево, если я наклоняюсь, веки этих глаз немного опускаются, а когда я перехожу в правую сторону клетки, эти глаза следуют за мной, словно привязанные ко мне невидимой нитью...

Интересно, что ты сейчас обо мне думаешь, Тибет, и что ты, меланхоличная Фатма? Что происходит сейчас за твоим желтым лбом, всегда как бы слегка нахмуренным? Если бы вы только умели говорить! Тысячу раз это пожелание вырывалось у любознательных, раздумывающих над этой проблемой ученых мужей! Но сколько вас ни просвечивай рентгеном, ни вскрывай ваши трупы и ни изучай ваш мозг под микроскопом, вы не выдадите своей тайны, вы, молчаливые животные! Уже тысячелетиями собаки и кошки живут под нашим кровом и все равно остаются загадкой, мучительной, почти трагической загадкой как для исследователя, так и для своего человеческого друга. Вот почему, например, ты, старая Гитта, соскальзываешь сейчас, точно тень, со своего места и, воспользовавшись тем, что я отвернулся, стараешься в свойственной тебе бесшумной манере зайти мне в тыл? Но Гитта, оказывается, просто хочет уйти, выбежать в проход, ведущий «домой». Она знает, что номер окончен после того, как они втроем (с Тибетом и Фатмой) отсидели положенное время на задних лапах. Еще несколько мгновений, и арена опустела, прожекторы погасли, а заспанный осветитель слез с верхотуры своей шаткой лестницы. Наступает тусклое, сумрачное утро. Но когда я, несколько прозябший, сажусь в вагон подземки и еду на работу, то чувствую себя очень храброй крысой. Я уже не сомневаюсь, что одолею это дело!

Не встретив ни единой души, я на следующее утро, в несусветную рань, открываю зеленую калитку, которая оказалась незапертой, и проникаю в цирковой городок. Мимо спальных фур-

гонов, из которых доносится могучий храп, я пробираюсь до шатра, под которым стоят клетки с хищниками, и проникаю внутрь. Не без удовольствия чувствую, как мне шибает в нос резкий дух, смешанный как бы из запахов зоопарка, конюшни и моей собственной «волчьей берлоги». Здесь царит полумрак, потому что полотна палаточных входов еще опущены. Наверху сквозь маленькие отверстия в брезенте просвечивает блеклое небо, напоминая звездный небосвод.

«Мои» шесть тигров еще лежат, лениво развалившись в своих отделениях. В самом дальнем углу стоит персональная клетка «недоступной» Гитты. Я окликаю ее, но, как это обычно бывает у долго живущих в неволе зверей, она не обращает ни малейшего внимания на возню людей за пределами своей клетки. Она не удостоивает меня ни взглядом, ни даже легким подергиванием черного кончика своего хвоста. А поскольку мы, люди, равно как и большинство обезьян, совершенно не переносим, когда нас не замечают, то меня подмывает желание просунуть руку сквозь прутья и погладить надменную Гитту. Но в последний момент я вспоминаю, какие ужасные шрамы остались на руках супругов Гаупт, на память о подобных «шутках», и отказываюсь от своей затеи...

Гитта, а также Тибет и Дейзи находятся в том возрасте, когда почти каждый тигр возводит вокруг себя как бы незримый круг, который никто, ни дрессировщик, ни сородичи, не имеет права переступить, если не хочет вызвать скандала. Тигры в каждой дрессированной группе составляют своего рода семейство со своей твердой иерархией, точно так же, как это наблюдается в любой своре собак или на птичьем дворе. Дейзи должна покоряться старшей — Тибет, Фатма должна уступать дорогу им обеим. Каждое отдельное животное из этих шести отвоевало себе свое место и зорко следит за тем, чтобы его сохранить, а при возможности и улучшить. И чем старше оно становится, тем болезненнее к этому относится.

Укротитель тоже входит в состав «своры» в качестве ее вожака. Сохранить за собой это место он может лишь при условии, если ежеминутно и беспощадно демонстрирует свое превосходство. Потому что в «своре» каждое животное зорко следит за любым проявлением слабости у вышестоящего, чтобы при удобном случае тут же продвинуться рангом выше. К счастью, и животные меж собой чрезвычайно редко путем настоящего боя решают, кто кому должен подчиниться. В большинстве случаев достаточно одного только решительного поведения, чтобы запугать соперника. Поэтому-то дрессировщику и удается удерживать за собой руководящие высоты. Даже если он физически слабый человек,

то мужеством и силой воли все равно обладать обязан — это безоговорочно. Иначе у него ничего не выйдет. Размахиванием руками и беспорядочным хлопанием бича ничего с хищными животными не добьешься. Я уверен, что звери обладают гораздо более тонким чутьем для определения фальши, актерства, чем большинство людей, именно потому, что природа их такова, что заставляет всегда искать слабинку у другого. Даже зубная боль у дрессировщика может отразиться на поведении его львов и тигров!

Вот именно эти тесные взаимосвязи между человеком и животным и делают цирковую дрессировку интересной с точки зрения психолога.

На заре зоопсихологических исследований ученые допустили ошибку. В опытах со «считающими» лошадьми, которые стучали копытом ответ на несложные арифметические задачи, не приняли во внимание эту тесную взаимосвязь между хозяином и его лошадью. Отсюда появились ложные утверждения об арифметических способностях у лошадей, в то время как на самом деле лошадь действовала исключительно по сигналу своего хозяина. После этого досадного промаха исследователи стали прямо-таки боязливо избегать какого бы то ни было участия человека в лабораторных опытах над животными. Наблюдатель сидел, незримый для ворона, за черной перегородкой, следил за ним в смотровую щель и гонял его с места на место сжатым воздухом из шланга. В таких условиях птица стучит клювом действительно по своему собственному разумению, а не соотносит свои действия с подмигиванием наблюдателя. Заслугой доктора Хедигера следует считать то, что он в тридцатых годах первым из зоопсихологов вновь обратился к цирку, к дрессировке диких животных и доказал, что взаимопонимание между человеком и животным и с научной точки зрения вовсе не всегда означает шарлатанство и преступление против истины.

Надо сказать, что сами тигры до обидного мало дорожат этой взаимосвязью с нами, двуногими. Вернее, это чаще односторонняя связь. Если мы не станем постоянно о ней заботиться, ручное животное очень быстро одичает, а дрессированное позабудет все свои с таким трудом усвоенные фокусы.

Зато в соседней с Гиттой клетке моя попытка «втереться в доверие» была встречена более милостиво. Одна из красавиц поднимается, потягивается, морщит нос и фырчит: это по-тигриному знак приветствия, нечто вроде «ух, ух, ух» у шимпанзе. Я не льщу себя надеждой, как это часто случается с любителями животных, что Дейзи оценила мои теплые чувства к тиграм; по-видимому, она просто благодушно настроена, потому что ожидает в это время прихода своего хозяина, Германа Гаупта.

Вот он уже и выходит из своего жилого вагончика, свежесбритый и подтянутый. Мне необходимо с ним кое-что обговорить. Дело в том, что у меня совершенно нет желания неделями жертвовать своим ночным сном, потому что я чувствую, что смогу добиться своей цели значительно быстрее, чем думал. Гаупт, пока я проводил свои первые две пробы, придерживался мнения, что я сначала должен привыкнуть к животным. Точнее сказать, преодолеть известное чувство страха и скованности в присутствии этих шести мощных кошек. Но я не чувствую никакой скованности. Ей же богу! Я ведь привык еще со времен своих волков обращаться с хищниками. Важнее, мне кажется, чтобы тигры привыкли ко мне. А это произойдет тем скорее, чем раньше я начну сам давать им команды, а не буду стоять рядом с дрессировщиком в качестве бесплатного приложения.

Мы подходим вместе к манежу. Пока цирковые служители смахивают пыль со скамеек и кресел в зрительном зале, разместившемся под этим огромным брезентовым шатром, я вношу Гаупту свое дерзкое предложение попробовать сегодня поработать с тиграми уже самостоятельно, без его помощи. Пусть он для подстраховки лишь постоит у меня за спиной. К моей радости, он неожиданно легко соглашается. Итак, мы начали.

Первая на очереди Тибет, которая должна с одной высокой тумбы перескочить на другую, а потом обратно. Но когда я подступаю к ней с палкой и хлыстом, она не желает слезать со своего места: она рычит, разевает пасть и замахивается на меня лапой. Я становлюсь между ее местом и Дейзи, чтобы освободить ей дорогу к высокой тумбе.

— Вы что? — тянет меня назад Гаупт.— Никогда не стойте так близко возле Дейзи, да еще спиной! Она вас схватит! Вы лучше щелкните пару раз посильнее бичом под носом у Тибет — она самая толстокожая, до нее медленно доходит!

Наконец-то Тибет соизволила сойти со своего «места», я гоню ее к высокой тумбе, она перепрыгивает с нее на другую, но, когда я хочу вынудить ее прыгнуть назад на первую (как положено в номере), она не желает этого делать. Она оказывает мне бешеное сопротивление, шипит, плюется и, кажется, вот-вот прыгнет мне на голову. Но поскольку я не отстаю от нее, она, вместо того чтобы прыгнуть, просто слезает с тумбы и направляется к своему месту. Я пробую все сначала, но она снова саботирует второй прыжок. Если такое допустить, то она уже никогда не согласится прыгать туда и обратно, а будет упорно прыгать лишь в одну сторону. Поэтому Гаупт берет бразды правления в свои руки и повторяет с ней «урок». И смотрите-ка! Тибет без запинки совершает два изумительных по красоте и грации прыжка! Я не-

вольно залюбовался этим зрелищем: огромное мускулистое тело, словно перышко, проносилось по воздуху! Но сейчас не время любоваться красотой этих замечательных зверей, их надо «укрощать». Я пробую еще раз с Тибет, на этот раз несколько иначе. Ей нельзя давать передышки, нельзя позволять опомниться, ведь недаром Гаупт называет ее «толстокожей». Нужно бежать за ней следом и щелкать бичом над самым ее ухом. Вот так! Как только она вскочит на высокую тумбу, она немедленно, не раздумывая, должна перемахнуть на вторую, иначе тигрица может испугаться и не одолеет этого пятиметрового расстояния. Обратный путь должен идти в том же быстром темпе, но тут важно (и в этом весь секрет), чтобы я был не у нее за спиной, а только сбоку, слегка приподняв руки и загоразживая ей таким образом путь к отступлению на свое место. Тогда она волей-неволей вынуждена совершить обратный прыжок на первую тумбу, а уж оттуда может удалиться «к себе». Но обо всем этом легко говорить, а вот когда действие разыгрывается за несколько секунд, да в то же время еще надо следить за угрюмой Гиттой, мимо которой приходится пробегать, то дело оказывается не из легких. Но, смотрите-ка, все в порядке: строптивая Тибет прыгает туда и назад! И вот она уже снова восседает на своем законном месте, правда злобно шипя в мою сторону¹.

Какие все же замечательные орудия кнут и палка против такого «до зубов» вооруженного тигра! Не то чтобы я ими причинял животному боль — я ведь почти не дотрагиваюсь до него; но главный секрет кнута в том, что кнут не чувствует боли... Это больше всего и удивляет тигра! Ведь животное, которое само никогда не пользуется орудиями, рассматривает палку и кнут как удлиненные руки человека. И то, что укротитель этими своими «паучьими руками» вообще решается орудовать в пределах досягаемости мощных тигриных лап, вооруженных страшными когтями, что он даже отваживается дотрагиваться ими до тигра — вот что его пугает и заставляет подчиняться, точно так же, как он подчинился бы другому тигру, выступающему столь же дерзко и бесстрашно. Тигр действительно рассматривает кнут и палку

¹ Четыре месяца спустя в газете появилась следующая заметка: «В конце января группа дрессированных тигров цирка Саррасани была передана знаменитому дрессировщику Т. Как известно, он ушел несколько лет тому назад на пенсию в расцвете своей славы и полный сил. Но теперь он решил снова выступить на арене цирка. И вот, когда он хотел принудить тигрицу Тибет к пятиметровому прыжку с одной тумбы на другую, тигрица внезапно перешла в атаку и нанесла дрессировщику несколько ужасающих ударов лапой, сильно поранив ему голову, плечи, грудь и спину. Т. в тяжелом состоянии был немедленно отправлен в больницу». (Примеч. перев.)

как живые конечности укротителя, потому что во всех случаях непослушания он неизменно вцепляется в палку, а не в держащего ее человека. Какие мне только не приходилось выдерживать некропролитные бои со своими волками! Длинные березовые метлы расщеплялись метр за метром этими роскошными белыми зубами... «Эх, если бы ты только догадался, что вместо палки надо вцепиться в ногу! Что бы тогда было?»

Но Гаупт доволен двойным прыжком своей Тибет.

— Ну а теперь сделайте свой «комплимент», — хватает он меня за рукав и тянет вперед, — кланяйтесь, кланяйтесь, а то публика и не заметит, что вы добились чего-то особенного!

И хочу я того или не хочу, но я вынужден раскланиваться перед пустым зрительным залом.

— Дрессировщик, которому в мое отсутствие в течение многих месяцев пришлось показывать тот же номер с тиграми, — рассказывал Гаупт, — так и не смог добиться этого от Тибет. У него она прыгала всегда только в одну сторону, а назад не желала и просто уходила на свое место. Ну ладно. Теперь займитесь-ка Гиттой!

В мои планы, по правде говоря, вовсе не входило всего лишь после третьего знакомства заставлять старую Гитту, эту убийцу, о которой даже служители цирка говорили, что она и «себя-то не любит, не то что кого-то другого», прыгать через мою голову... Но поскольку я сам настаивал на том, чтобы уже сегодня начать самостоятельную работу с тиграми, то отказываться было как-то неудобно.

Гитта тем временем уже неслышно соскользнула со своего места и в своей крадущейся манере приблизилась к высокой тумбе. Безо всякой на то команды. Она и так знает, что сейчас ее очередь. Я становлюсь между двумя высокими тумбами. Ведь подгонять Гитту сзади нет никакой необходимости, ее, наоборот, надо звать к себе, что я и делаю. Я уговариваю ее страшно умильно, но она смущена чужим, незнакомым голосом и прячется от меня за тумбой, не желая на нее вскакивать.

— Постучите кнутовищем сверху по тумбе, доктор!

Я стучу, я маню, Гаупт сзади легонько подстегивает ремешком, и вот она уже наверху, словно внезапное видение! Я поднимаю руки с согнутым над моей головой кнутовищем.

— Согните немножко коленки, станьте пониже, а то она не привыкла так высоко прыгать!

Я послушно приседаю и съеживаюсь. Гитта стоит всеми четырьмя лапами на маленькой площадке и смотрит на меня. Глаза ее на уровне моих глаз, она с легкостью могла бы достать меня лапой. Но она только смотрит на меня отчужденным взглядом.

Каким жутко неподвижным бывает порой взгляд этих желтых холодных глаз хищника! Тигрица смотрит на меня так, словно пронизывает насквозь. Я могу понять, почему некоторые люди утверждают, что такой взгляд обладает гипнотической и парализующей силой. Но это, конечно, сушная чепуха!

Я уговариваю ее:

— Гитта! Иди, иди же ко мне! Гитта, прыгай же! Прыгай!

Но она продолжает смотреть мне в глаза своим немигающим взглядом. Интересно, о чем думает животное в такие минуты? Вне всяких сомнений, тигрица могла бы сейчас, вместо того чтобы перепрыгивать через меня, прыгнуть прямо мне на голову. Но Гитта ведь уже сотни раз перепрыгивала через своего дрессировщика, она привыкла это делать. А привычка, как известно, вторая натура. Гаупт слегка угрожает ей сзади кнутом. Но она все еще не прыгает. Она только открывает пасть и шипит на меня, но не громко, а тихо и хрипло. Зубы у нее уже не такие красивые и белые, как у остальных, более молодых тигров. Они желтоватые, возле десен покрыты коричневым налетом. Большие клыки уже несколько сточены и притупились. Но именно этими клыками она, между прочим, загрызла того, другого тигра в узком железном проходе! Я продолжаю ее уговаривать, немного приподнимаю кнутовище, чтобы подбодрить ее... Наконец бесшумный прыжок — и огромное животное перемахнуло через меня. Я облегченно вздыхаю, потому что эта часть номера совсем особая: здесь ничего не добьешься ни нажимом, ни угрозами, здесь все зависит от доброй воли угрюмой Гитты, важно лишь не вызвать в ней неудовольствия или антипатии. А уж если она однажды прыгнула, то будет прыгать и все последующие разы.

Я перекидываю кнут в другую руку, сквозь прутья клетки мне протягивают обруч (на первый раз незажженный), и я снова становлюсь между двумя тумбами. Опять мне приходится довольно долго убеждать Гитту прыгнуть, даже похлопывать ее слегка сбоку кнутом, пока она наконец решается проскочить сквозь обруч.

Снова ее долгий, немигающий взгляд. Когда она наконец присела на все четыре лапы и приготовилась к прыжку, мне вдруг показалось, что она целится прыгнуть мимо обруча, и в последний момент я сдвигаю его чуть вбок. Но это я сделал зря: она прыгала правильно, и я напрасно помешал ей: во время прыжка она задела обруч и вырвала его у меня из рук. Но это ничего — важно, что она прыгнула! И вот она уже снова бесшумно заняла свое обычное место.

— Не правда ли, несколько чудное ощущение вот так, в первый раз? — спрашивает меня Гаупт.— Со мной однажды был такой

случай. В тот раз в Кёльне дрессировщик вдрызг разругался со старым Саррасани. Внезапно я получаю в Дрездене телеграмму, чтобы немедленно выезжал. Наутро была назначена репетиция совместно с бывшим дрессировщиком, который должен был ввести меня в курс дела, показать номер и познакомить с животными. Но когда я приехал, того уже и след простыл. Пришлось мне на свой страх и риск разбираться с тиграми, а я ведь не мог в этой группе даже отличить одного от другого! Я записал себе на всякий случай на бумажке, что они должны делать в этом номере, и вошел в клетку. А я, надо вам сказать, до этого всю жизнь работал только со львами, понимаете? Когда я сейчас об этом вспоминаю — жуть берет! Чувствовал я себя тогда, ей-богу, не слишком-то уютно! Мокрый был, как мышь, когда первый раз выходил из клетки по окончании номера!

Пока мы разговариваем, Дейли, эта маленькая избалованная особочка, вся подобралась, как это делают кошки, завидя покатившийся по полу клубок шерсти, и вот она уже соскочила со своего места и, словно поддразнивая меня, побежала на запретную, противоположную сторону клетки. «Ага! Надо запомнить, что у нее за ушами круглые белые пятна. По ним ее можно будет легко отличать от других тигров!» Цейлон сейчас же занимает освободившееся место Дейли и начинает шипеть на сидящую рядом Дейзи. Та тоже отправляется гулять по клетке. Еще минута, и на манеже создается непоправимая путаница! Несмотря на все свое возбуждение, я еще успеваю заметить, что и у всех остальных тигров за ушами те же забавные белые пятнышки, что и у Дейли, так что с отличительным знаком ничего не получится. Не додумав до конца эту мысль, я сосредоточиваю все свое внимание на том, чтобы не дать шаловливой Дейли приблизиться к Гитте и Тибет, которые шуток не понимают. Внезапно Гаупт в два прыжка появляется рядом со мной:

— Вы что? Если вы не хотите, чтобы на ваших похоронах оказалась только часть вашего трупа, то поберегитесь Дейзи! Нельзя же так легкомысленно выпускать ее из виду и разрешать бегать у себя за спиной!

Когда мы после пробы присели немного отдохнуть, Гаупт рассказал мне следующую историю:

— Не так уж они безобидны, эти киски, как многим кажется! Я всегда вспоминаю, как однажды с моей наставницей Клер дело чуть было не приняло печальный оборот. Это было в Монсе, в Бельгии. Львы каким-то образом раздобыли в своем вагоне лошадиную попону и дрались за нее, как дети. Несмотря на мое предупреждение, Клер Элиот разрешила животным выбежать в большую клетку на манеже вместе со злополучным одеялом,

более того, она решила его у них отнять. Тогда львы напали на нее — мне едва удалось с помощью еще одного подручного отбить ее у них. Она долго пролежала в больнице. А вот помощнику другой дрессировщицы — Тилли Бебе, тому пришлось совсем худо. Когда на него в клетке напали львы, служителям удалось вырвать его и, тяжело раненного, отнести в артистическую уборную. Но среди всего этого переполоха они забыли запереть дверь клетки. Когда же они вернулись с врачом, вся эта банда сидела в уборной, где окончательно и расправилась с бедным малым!

Я спросил Гаупта, приходилось ли ему когда-нибудь, не считая ужасного несчастья, происшедшего с его женой, присутствовать при нападении этих хищников, закончившемся смертью жертвы.

— Да,— ответил он,— в Англии. Они там одного не только прикончили, но даже наполовину сожрали. У нас тогда был ангажемент в Блэкпуле, в большом увеселительном Луна-парке, в котором помимо привезенных нами львов было еще несколько собственных, запасных. Животных этих содержали в клетках, за городом, на каком-то фабричном дворе. Рано утром в воскресенье, еще не было пяти, как сейчас помню, нас разбудил инспектор: «Ребята, одевайтесь-ка по-быстрому, говорят, что наши львы на свободе!»

Мы скорее поехали туда и осторожно заглянули через стену: так и есть — львы свободно разгуливали по фабричному двору. Это были совсем мирные животные — двух-трехлетки. Мы перелезли через стену, загнали их в сарай, где стояла клетка, и стали искать сторожа. Оказалось, что его жена вместе с детьми забаррикадировалась у себя в квартире. Внезапно кто-то крикнул: «Смотрите-ка, там кто-то лежит в клетке!»

И на самом деле, там лежал сторож, мертвый, один бок совершенно разорван, внутренности съедены... Ей-богу, зрелище было не из приятных!

После мы выяснили, как все это произошло. Поскольку тогда в Англии по воскресеньям все пивные были закрыты, сторож еще с субботы как следует накачался. Спьяну он и поспорил, что зайдет в клетку ко львам. По-видимому, он в темноте здорово напугал спящих животных, раз они его так отделали! А он в своем опьянении даже не смог оказать им никакого сопротивления.

Да, за все эти долгие годы немало происходило случаев с тиграми и львами! Трудно даже все это удержать в голове. А вот господин Штром, наш администратор, тот ведет картотеку несчастных случаев в цирке.

В своем «бюро на колесах» господин Штром поведал мне несколько дней спустя старые цирковые происшествия. Так в

ноябре 1886 года французскую дрессировщицу Нума-Суле в Вервьере разорвал именно ее любимец — лев Брут; двумя годами позже погибла Берта Баумгартен по вине бенгальского королевского тигра, Бетти Хемпель — в 1889 году, в Штирии, Вильгельм Шанда — в 1888 году, Эмиль Шлепфер — в 1886 году, Паулина Рассел — в 1910 году, в Нью-Йорке, была разорвана леопардом, Маргарет в 1912 году, в Берлине, Карл Тиманн — в 1894 году, в Сан-Франциско, Роберт Мюллер — в 1889 году, в Асти. Когда английская дрессировщица мисс Сенид, позируя для фотографа, сунула свою голову в львиную пасть, произошло короткое замыкание, погас свет, животное испугалось и сжало челюсти. И хотя ей удалось нечеловеческими усилиями вырвать голову из страшной пасти, тем не менее вся нижняя часть ее лица была полностью искромсана. В 1942 году в одной только Германии зафиксировано шесть несчастных случаев по вине хищных животных, некоторые со смертельным исходом. Шнайдер, работавший с неподражаемым юмором и безмятежно расхаживавший среди тридцати, а то и сорока львов, словно среди детей в детском саду, он, который получал баснословные гонорары за свои выступления... и что же? Умер, искусанный львами. Рональд Шуссер, который собирался перенять у Шнайдера его номер, тоже получил страшные ранения и вот совсем недавно скончался в больнице.

— Видите вот ту маленькую тумбочку? — сказал мне как-то Герман Гаупт.— Она частенько служила Шуссеру последним шансом спасения! Когда лев начинал на него наступать, он просто кидал ее ему прямо в голову. Я всегда вспоминаю о несчастном парне, когда беру в руки эту вещицу.

Теперь только мне стало ясно, почему моя работа с тиграми встретила такие затруднения по линии страхования, несмотря на то что я ведь на самом деле не собирался заниматься ничем более опасным, чем это делают остальные дрессировщики ежевечерне, выступая в цирках или варьете. Администрация цирка потребовала, чтобы я застраховал от несчастных случаев не только себя, но и дрессировщика и даже десять рабочих сцены. Рабочие должны были каждое утро воздвигать для меня круглую клетку на манеже, а затем снова разбирать ее после окончания номера. То же самое они делали ежевечерне во время каждого сеанса. Но эта внеурочная работа рассматривалась как не имеющая отношения к их профессии. Соответствующий профсоюз, чего доброго, не стал бы выплачивать им пособия в случае, если кому-то именно в эти утренние часы упадет на ногу железная решетка... Но ни одна страховая компания не желала принять от меня гарантийного письма, несмотря на то что один мой знакомый юрист вел переговоры с целым рядом таких компаний, взяв на

себя этот труд потому, что мне самому совершенно некогда было этим заниматься. Наконец нашлась одна компания, которая согласилась застраховать меня, дрессировщика Гаупта и рабочих цирка на четыре недели, но на совершенно ничтожную сумму при баснословных страховых взносах. Директора этой компании, собравшись на специальное совещание, сошлись на том, что мое мероприятие следует отнести к особо опасным, и, кроме того, еще предусмотрительно удвоили полисные взносы. Мне пришлось с одним из директоров вести длительную беседу, чтобы убедить его в том, что речь идет вовсе не о легкомысленной игре со смертью и что опасность ничуть не больше, чем в тех случаях, когда новый дрессировщик перенимает у старого уже готовый номер с хищниками. А поскольку этот чиновник уже в течение нескольких лет страховал меня во время моей работы с волками и знал, что со мной ни разу ничего не приключилось, то в конце концов дал свое согласие. Он тут же при мне подтвердил его по телефону администрации цирка. Страхование вступало в силу на следующее утро, ровно в шесть часов, как и требовалось. Так что и с этим вопросом все утряслось.

— Все же лучше перестраховаться, чем недостраховаться,— считал Герман Гаупт.— Правда, бывает, что приходится потряхнуть мощной даже тогда, когда ничего страшного и не произошло, во всяком случае ни с чьей головы ни один волосок не упал. Вот, помню, в Дрездене однажды во время представления выскочил у нас один лев из клетки (кто-то из подручных неплотно придвинул решетку «прохода» к дверям круглой клетки). К счастью, зверь угодил не в середину зрительного зала, а, перемахнув через барьер пустой ложи, примыкающей непосредственно к выходу за кулисы, притаился где-то позади дешевых верхних рядов, возле самой раковины для оркестра. Поскольку зрительный зал был полупустой, а основная масса публики увлеченно глазела на арену, где как раз появились все остальные львы, беглеца практически никто не заметил, кроме двух дам, которые, онемев от ужаса, кинулись к запасному выходу. Была еще и третья дама, увидевшая льва, но та тут же грохнулась в обморок. Что же касается самого беглеца, то он не проявил к публике ни малейшего интереса, а поплелся за кулисы, где отыскал свою открытую клетку и улегся в ней отдыхать. И несмотря на это, страховой компании пришлось выплатить упавшей в обморок даме десять тысяч марок в качестве компенсации за причиненный ущерб: она, видите ли, перенесла нервный шок!

Самому Гаупту как-то, при аналогичных обстоятельствах, удалось более дешево отделаться. Было это в варьете «Баттенберг». Клетки с его львами стояли в подвальном помещении. Чтобы

попасть на сцену, животным приходилось взбегать по лестнице наверх. В подвале имелась деревянная дверь, ведущая во двор. Помощник Гаупта не обратил внимания на то, что она не заперта, и, когда львов выпустили из клеток, одна из львиц надавила задом на дверь и в мгновение ока исчезла в темном дворе. А темень была такая, что ни зги не видать.

— Вот положеньице! Наверху остальные львы уже бегают в беспорядке по клетке, возможно, даже беснуются, публика нервничает и вызывает дрессировщика, а я торчу возле двери, а во дворе хоть глаз выколи — ни черта не видно! Наконец замечаю два светящихся глаза. Я начинаю уговаривать и упрашивать тем умильным тоном, которым обращаются обычно только к детям и животным. А у самого в голове лишь одно: что там наверху, на манеже? Кончилось тем, что я львицу буквально за хвост втащил назад в подвал (на какие только сумасбродства не толкает нас иногда растерянность и паника!). Но на этот раз все, слава тебе Господи, обошлось.

Возвращаясь в тот день назад через палаточно-фургонный городок, который в этот ранний час еще только начинал просыпаться, я никак не мог отделаться от мысли об убежавших из клетки тиграх, о подкрадывающихся людоедах и разных других взбунтовавшихся хищниках... Но дело было сделано: сегодня они работали первый раз по *моей* команде. И ни одному из них не удалось саботировать свой номер. Мне кажется, что я гораздо быстрее достигну своей цели, чем думал вначале.

На следующий день, на рассвете, мы вновь стоим в клетке с тиграми — Герман Гаупт и я. Гитта, Фатма и Тибет должны «служить», сидя на высоких тумбах. Тибет, эту упрямицу, приходится силком загонять на тумбу. Она не хочет, рычит и замахивается на меня лапой, как и в тот раз. Фатму, эту нежную, обидчивую, я умильно и ласково уговариваю, а огромная Гитта сама подбегает своей виляющей походкой, с видом полного безразличия, словно бы и не замечая моего присутствия: она и сама знает, что ей делать. Но я поднимаю руку, кричу «ап!» и пытаюсь заставить этих трех больших кошек подняться на задние лапы, щелкая кнутом у них под ногами. Но они почему-то не хотят как следует «служить», они рычат и сопротивляются. Тибет — та даже явно намеревается спрыгнуть со своего «пьедестала». Что делать?

А все объяснялось, оказывается, сущим пустяком: они не привыкли, чтобы их заставляли «служить», подгоняя кнутом снизу вверх и задевая при этом по лапам. Наоборот, Гаупт в таких

случаях, высоко подняв руку, размахивает бичом у них над самыми головами. Когда я, следуя его совету, так и поступил, они послушно, словно собачки, поднялись на задние лапы и застыли в этой позе на несколько минут.

Такое вот «служение на задних лапах» кажется весьма простым и примитивным фокусом, потому что какую-нибудь таксу Кляксу или фокстерьерчика Тимошку научить этому ничего не стоит. Но вот попробуйте-ка заставить это проделать вашу домашнюю кошку Мурку! Между прочим, молодые тигры сидеть на задних лапах вообще не в состоянии, сколько их этому не учи,— у них, по-видимому, еще слишком слабый позвоночник. Исполнять такой номер удается лишь взрослым тиграм. Цирк Саррасани очень гордится достижением своих тигров — его группа «служит» значительно дольше, чем аналогичные группы других цирков. А подобные, казалось бы, маловажные мелочи, такие, как способ держать кнут, то, в какой момент отступить на шаг в сторону, а в какой отгонять животное назад,— это, разумеется, привычки, присущие тому или иному дрессировщику, которые он порой даже сам не замечает. И тем не менее именно из-за них иногда может разладиться, не удаваться целый номер, когда животное попадает в другие руки. Особенно важно это при дрессировке лошадей, когда на манеже одновременно появляется группа из пятнадцати — двадцати лошадей, которые должны создавать живописные фигуры, разбегаться в разные стороны, а затем снова сходиться стройными рядами. Когда у такой группы меняется дрессировщик, номер, как правило, бывает безвозвратно потерян. Первые два-три раза животные при новом человеке еще работают по инерции, как прежде, но вскоре появляются ошибки, их становится все больше, и все идет насмарку. Поэтому во многих цирках теперь ведется тщательная запись, фиксирующая каждый шаг дрессировщика, каждое поднимание и опускание рук, всякую незаметную помощь ассистентов в нужный момент. Горький опыт научил администраторов цирка такой предосторожности, потому что они знают, что бывает, когда дрессировщик внезапно заболевает, умирает или, что случается еще чаще, разругается с директором.

На другое утро я предложил Гаупту, чтобы он не входил со мной в клетку, а оставался снаружи, заперев, как положено, дверь. Он сразу же согласился.

Тут я должен упомянуть, что Гаупт имел привычку собственноручно загонять тигров на манеж, следуя за ними по узкому туннелю и подгоняя сзади палкой. Другие дрессировщики этого обычно не делают, а предоставляют своим подручным гнать животных по туннелю на арену, тыча в них снаружи палками сквозь

прутья и подбадривая криками. Сами же дрессировщики входят в клетку на манеже сквозь узкую дверь. У Гаупта подобная привычка выработалась, видимо, с давних времен, когда еще не существовало составляемых из решеток туннелей и когда он подвозил своих львов к манежу в передвижной клетке, а сам бывал вынужден залезать в нее сзади и выгонять их оттуда на арену. Но поскольку он так делает, то и я вынужден был проделывать то же самое: согнувшись в три погибели (что при моем росте весьма затруднительно!), пробираться по узкому и низкому проходу вслед за полосатыми кошками.

Сначала выпускают пятерых тигров, и только после того, как они отбегут на достаточно большое расстояние, выпускают свирепую Гитту, чтобы ей никто не загораживал дорогу в узком туннеле, где не разминешься, и чтобы она из-за этого не учинила потасовку и смертоубийство, как это уже было однажды. Вслед за Гиттой втискиваюсь в туннель и я, но держусь на почтительном расстоянии от полосатой красотки, стараясь не «наступать ей на пятки», ей это может не понравиться... В руках у меня палка и кнут, которым я, к собственному удивлению, ухитряюсь еще и щелкать.

Гитта направляется напрямиком на свое законное место на правом фланге. Зато остальные пять устроили изрядную путаницу, так что первым делом надо рассадить их в надлежащем порядке: слева, как и положено, расположилась Дейзи со своими двумя великовозрастными чадами, а вот справа Фатма поменялась местами с Тибет. Но поскольку я это заметил и не потребую от Фатмы тех прыжков, которые должна совершать Тибет, то ничего страшного нет. С Тибет вообще лучше лишний раз не связываться. Она ведь и дрессировщика уже дважды «поцарапала», когда он, по ее мнению, слишком близко подошел к решетке ее спального отсека. Как выглядят такие «царапины», я хорошо разглядел на руке Берты Гаупт, жены дрессировщика, которой Тибет тоже оставила «на память» два глубоких кроваво-красных шрама. По-видимому, при этом была разорвана не только кожа, но и половина мускула.

Но артисты обычно честолюбивы: фрау Берта, вторая жена дрессировщика Гаупта, добилась разрешения выступить именно с теми львами, которые разорвали его первую жену. Вместе с мужем она подготовила оригинальный и рискованный номер — лев, скачущий верхом на лошади. Но мне-то кажется, что зрителям более или менее безразлично, что именно вытворяют львы или тигры на манеже — качаются ли на качелях, «служат» ли или образуют живописные группы. Зрителям важно видеть эти замечательные, сильные тела в движении, в стремительной дина-

мике, то, чего в обычном зоопарке никогда не увидишь. Я думаю, что сегодняшней зритель был бы не в меньшем восторге, если бы тигры вовсе не проделывали никаких трюков, а просто носились бы по клетке, громко рыкали, дрались и раздирали зубами брошенное им мясо — словом, вели бы себя так, как это наиболее свойственно их натуре.

Как только Цейлон пробалансировал по длинной узкой доске с одной тумбы на другую, я снимаю ее и переношу на другой конец манежа, где и бросаю на пол прямо перед Дейзи и Тибет. Агрессивную Дейзи это каждый раз возмущает до крайности. Она соскакивает со своего «места», делает два-три шага мне навстречу и злобно вцепляется в доску. Мне кажется, что такие вот естественные проявления звериной природы впечатляют зрителей не меньше какого-нибудь заученного трюка.

Что касается всего номера в целом, то все идет как по маслу, с первой до последней минуты, и Гаупту, стоящему снаружи, ни разу не приходится вмешаться. Гитта, которая сидит с правого края, знает, что для нее «работа» закончена. Подручный, придерживавший снаружи дверь, ведущую в проход, осторожно отодвигает ее вилами в сторону. И вот уже Гитта, словно тень, исчезла с манежа. Заслон снова задвигается, а я жду, пока мне из-за кулис прокричат, что грозная Гитта добежала до последнего отсека и там заперта на надежную задвижку. Теперь все в порядке — она уже ничего не натворит.

Наконец-то обезопасился и мой тыл: я не должен все время коситься назад, на эту свирепую старую тетку. Я перетаскиваю все тумбы на левую сторону и устанавливаю их в ряд на расстоянии трех метров от решетки. Ну и тяжеленные же эти штуковины! Поднять их невозможно, приходится кантовать; это и понятно: ведь нельзя же допустить, чтобы тигр прыгнул на такую тумбу, а она под его тяжестью опрокинулась! Он больше никогда не согласится иметь с ней дело.

Звери — жуткие педанты. Дрессировка только в том случае достигает своей цели, если изо дня в день пунктуально повторять всегда одно и то же, точно так, как это делалось вчера, позавчера, как все недели и месяцы подряд. Звери привыкают к определенной последовательности действий, они «работают» как во сне, машинально, так же как мы дома не считаем ступеньки своей лестницы, зная, что их двенадцать: мы бы тоже, несомненно, споткнулись, если бы за ночь кто-то пристроил к ним тринадцатую. Я никогда не забуду, как шаткий стул свел насмарку весь мой трехнедельный труд, потраченный на то, чтобы приучить моего первого волка Чингиса послушно садиться на него и протягивать мне лапу, чтобы получить лакомство. Все это время

стул стоял возле самой стены. Когда же его вынесли на середину комнаты, чтобы Чингис всем продемонстрировал свой фокус, стул покачнулся, опрокинулся, и с тех пор волк стал рассматривать его как опасную, зловредную штуку, так, как, например, дикий волк относится к капкану, который однажды захлопнулся у него перед самым носом. И даже после того, как я привинтил злополучный стул к деревянной подставке, с которой он уже ни на миллиметр не мог сдвинуться, мне пришлось волка совершенно заново к нему приучать. И на этот раз учение шло значительно труднее, чем тогда, когда у него еще не было этого горького опыта.

Точно то же самое произошло бы, наверное, и здесь, если бы какой-нибудь из тигров свалился с тумбы. Но это было бы еще не самое страшное. Ведь вполне возможно, что подобное происшествие выбило бы из привычной колеи и всех остальных участников номера, поднялся бы страшный переполох, а возможно, даже и бунт. Словом, тщательность до педантичности — вот неперемное условие успеха номера; это азбучная истина, которую должен усвоить каждый, кто решается войти в клетку с хищными животными. Мне даже трудно представить себе, что произошло бы, если бы я вдруг вздумал заставить сначала балансировать Цейлона, а потом уже прыгать Тибет, а не наоборот, как они привыкли. Даже если бы я захотел заставить Тибет прыгать не слева направо, а, наоборот, справа налево, то вышел бы из клетки мокрый, как мышь, и все равно ничего бы не добился.

Итак, надо очень внимательно следить за тем, как устанавливаешь тумбу: достаточно ли прочно она стоит на нужном месте. Сверху я нахлобучиваю на нее еще приставку наподобие ящика. Ассистент тем временем просовывает сквозь прутья клетки длинную четырехметровую железную палку, на которую намотана широкая вышитая ткань. Парень держит один конец там, снаружи, я кладу другой на тумбу, мы вместе раскручиваем и спускаем до самого пола синюю бархатную портьеру. Все, барьер готов. Высота его — два метра. Фатма уже начинает беспокоиться и ерзать на своем месте. Я становлюсь сбоку от нее так, чтобы ей оставался только один путь к выходу — прыжок через барьер из синего бархата. Она пятится от меня, я кричу и хлопаю бичом, она переходит в галоп, и вот уже ее прекрасное, гибкое и сильное тело взвивается в воздух и совершенно бесшумно перелетает через высокое препятствие. За ней следует Тибет, правда, не без того, чтобы предварительно меня обругать и чуть посопротивляться, но потом и она взлетает на двухметровую высоту, а следом за ней это проделывает и Дейзи.

Цейлон и Дейли, эти новички и «малютки», такого еще не умеют. Мы с Германом Гауптом решили провести с ними сейчас небольшой урок, чтобы постараться научить их этому трюку. Сбоку от высокого препятствия мы воздвигаем небольшое, а кроме того, еще и сами загораживаем им путь к отступлению, широко раздвинув ноги, чтобы Дейли, эта избалованная особочка, не могла прошмыгнуть мимо нас. Но никакое щелканье кнутом, никакое гоняние по клетке не приносят желаемого результата. Ведь эти двое выросли в обществе людей и нисколько нас не боятся. Дейли пытается просто-напросто проскакать у нас между ног, и нам приходится в последний момент поскорее отскакивать в сторону. Пробуем иначе: палку с бархатным занавесом кладем на пол. Дейли благоволит наконец через нее перешагнуть. Когда препятствие приподнимают на двадцать сантиметров, она тоже не проявляет страха перед ним. В последующих тренировках препятствие будет день ото дня подниматься все выше и выше, пока Дейли наконец не научится перелетать через него полосатой молнией, как и все остальные участники номера.

Но Цейлону не должна прийти в голову мысль перескочить вслед за сестрицей через синюю портьеру: для него задуман совсем иной трюк. Бархатное полотно чуть сдвигается в сторону, образуя узкую щель, через которую можно прошмыгнуть, чем Цейлон и не преминул воспользоваться. Щель эту день ото дня будут суживать, пока Цейлон не привыкнет своей мощной башкой просто-напросто отодвигать портьеру в сторону и убегать таким образом с манежа, не утруждая себя прыжком. Когда зрители это увидят, то будут покатываться со смеху над «находчивостью» этого «лентяя» и «манкировщика».

На следующее утро я снова в цирке и опять самостоятельно провожу весь номер от начала до конца. При этом мне бросается в глаза, как тщательно Гаупт каждый раз проверяет, хорошо ли скреплены цепями решетки прохода, ведущего из клеток на манеж. Он проверяет собственноручно — одну за другой. Меня это, признаться, удивляет — ведь для этой работы существует десяток подручных!

— Не-е, в этом деле ни на кого другого положиться нельзя! — сказал он в ответ на мой недоуменный вопрос. — Иначе может повториться то же самое, что было уже однажды в 1929 году, в Нюрнберге. Там до сих пор еще один ресторанчик носит название «У тигриного прыжка». Было это в шесть утра, вот как сейчас. В тот раз вырвалась на свободу наша тигрица Бетти. Быстрым аллюром она пересекла манеж и выбежала из цирка на улицу. На манеже как раз репетировал известный наездник Георг Буркхардт, так тот от неожиданности чуть не вывалился из седла. А

на улице люди вдруг увидели такую картину: идет женщина с хозяйственной сумкой, должно быть, с рынка, а за ней, принюхиваясь к сумке, плетется, словно послушная собачка, огромный тигр. Ей покричали, она обернулась и... шлепнулась в обморок. А Бетти наша испугалась еще побольше нее, да как сиганет напрямик через открытое окошко в ресторан гостиницы «Европейский двор», где она приземлилась прямо перед буфетной стойкой. Буфетчица завизжала как резаная и выскочила из комнаты, захлопнув за собой дверь. Очутившись одна, Бетти сразу же успокоилась и принялась со знанием дела обследовать помещение ресторана.

Тем временем в погоню за сбежавшей тигрицей бросились все циркачи, кто только был на месте. К сожалению, кинулись в погоню и индейцы (выступавшие в том же цирке), да притом в полном воинском облачении. Если бы дрессировщик был один, он наверняка тихо и мирно сумел бы заманить Бетти в подвешенную к гостинице транспортную клетку. Но возбужденные погоней индейцы подняли такой дикий шум и гвалт, что испуганная Бетти снова выпрыгнула через окошко во двор (притом на сей раз окно было закрыто и ей пришлось пробить головой стекло!). Осколки так и брызнули во все стороны, а обезумевшая от ужаса тигрица кинулась очертя голову бежать. Но когда она хотела перемахнуть через железную ограду, то напоролась на острие, которое, словно пика, пронзило ей бедро, и несчастная осталась висеть, точно жук на булавке.

Вот теперь дело становилось действительно опасным! Тем не менее дрессировщику все-таки удалось, всеми правдами и неправдами, высвободить беснующееся от боли животное из плена и привезти назад в цирк. И несмотря на то что через пару часов из Лейпцига на специальном самолете прибыл ветеринарный хирург, роскошную тигрицу спасти не удалось: к вечеру того же дня она скончалась.

Да, некоторые тигры остаются в памяти работников цирка навсегда! Так, Раджа, отец Цейлона, оставил своему учителю, Герману Гаупту, на память изуродованную правую руку: средний палец на ней больше не сгибается. Кроме того, Гаупту пришлось несколько месяцев пролежать в больнице с заражением крови. Раджа был потомком одного из тех пятнадцати уссурийских тигров, которых в 1912 году отловили по специальному заказу старого Саррасани. До тех пор на цирковых афишах фигурировали всегда только «бенгальские королевские тигры». Могучие «сибиряки» были в то время настоящей сенсацией, а поскольку кровь их и по сей день течет во многих дрессированных тиграх, то стоило заплатить те восемьдесят тысяч марок, которые Саррасани приш-

лось выложить тогда за свой экзотический заказ. Ведь отлов живых тигров — дело куда более сложное, чем их отстрел. Так, тигролов Дельмонт рассказывает об ужасном случае. Неосторожный юнец, участвовавший в операции, свалился в ловчую яму, в которой сидел тигр. Взбешенный зверь тут же на него набросился. В мгновение ока, раньше, чем присутствующие успели сообразить что к чему, отец парня прыгнул в яму вслед за ним. Вооружен он был одним лишь охотничьим ножом. У Дельмонта не было под рукой ружья, так что, пока этих двоих удалось вытащить из ямы, отец был уже мертв, а парнишка так тяжело ранен, что скончался через пару часов. Но и тигр пострадал не меньше: на шее у него зияла такая страшная ножевая рана, что его пришлось пристрелить.

Так что тигры — это дорогое удовольствие. Не то что львы. Но особенно тяжела потеря дрессированных, прирученных зверей. После того как цирку Саррасани удалось в течение Первой мировой войны сохранить в целости и сохранности всех своих хищников, они в 1918 году внезапно почти поголовно погибли из-за того, что им скормили мясо больной сапом лошади. К тому же еще и большая часть ценных породистых лошадей заразилась этой страшной неизлечимой болезнью, опасной и для человека. Подобное же произошло и у знаменитого дрессировщика Джулиуса Сита. Во время гастролей у него умерли одновременно все его двадцать пять львов, которым скормили мясо сапной лошади.

Итак, я дважды продемонстрировал весь номер от начала и до конца ранним утром перед пустым зрительным залом и пришел к выводу, что нечего мне больше вскакивать ни свет ни заря в пять утра, потому что то, что утром получается, получится и вечером, перед заполненным зрительным залом.

Администратор, господин Штром, пошел обговорить это дело с мадам Саррасани, но неожиданно вернулся с отказом: нет, я не буду в этом месяце выступать с тиграми на арене, а только в следующем, потому что в программе сейчас объявлены медведи, а тигры будут потом. Полдня я хожу подавленный и огорченный. Мое тщеславие задето. Шутка ли — я одолел дело за шесть дней, а теперь будут говорить, что мне понадобился на это целый месяц! Кроме того, кончится срок страховки, и придется заключать новый договор. Я решаю позвонить мадам Саррасани сам. Между нами происходит длинный нервный разговор, обе стороны не хотят уступать, каждый старается настоять на своем, но — ура! — я побеждаю. Мадам Саррасани сдалась:

— Пусть будет по-вашему, доктор. В субботу медведей, так уж и быть, заменим тиграми.

Ну что ж — день и время для меня вполне подходящие! Надеюсь, что зрители не будут разочарованы тем, что вместо медведей увидят тигров.

Несколько наших старых знакомых каким-то образом узнали о моих утренних «упражнениях с тиграми». Так, мне вдруг позвонил мой старый учитель английского, доктор Адам. Это ему я обязан тем, что знаю английский язык немножко получше, чем его знают обычно после окончания реального училища. И благодаря его стараниям я провел не одну бессонную ночь (а уж воскресных вечеров не счесть!) за зубрежкой английских слов и упражнений. И как часто я вместо того, чтобы заниматься любимым делом, например постройкой курятников или выведением карликовых пород кур, был вынужден читать английские книжки!

Он спросил меня, не испытываю ли я чувства страха перед завтрашней «премьерой». Я ответил:

— Гораздо меньше, чем тогда, перед вашими контрольными по английскому языку!

И мы пустились в воспоминания. Я стал убеждать его, как в корне неверно ходовое представление о «беззаботном детстве». Разумеется, в мальчишеском возрасте обычно не приходится заботиться о еде и одежде, но дети ведь и не думают никогда о подобных вещах. Зато мне кажется, что за все девять лет школьной жизни у меня не было дня, когда бы меня не отягощала хоть какая-нибудь забота, когда бы я не ожидал с тревогой завтрашнего утра... То контрольная, то учитель должен вернуть уже написанную работу, которую я, возможно, «запорол», то домашние задания, сделанные не так, то одолевают сомнения — вдруг не перейду в следующий класс? А какой гнетущий страх нагонял на меня экзамен на аттестат зрелости, который надвигался неумолимой черной тучей! Конечно, теперь, когда оглядываешься назад, все это кажется мелочью и чепухой, но для школьника подобные вещи представляют огромную важность. И если я сегодня мучаюсь с тиграми, то это ведь мое добровольное желание, если я захочу, я могу от всего этого предприятия отказаться. И мой старый учитель был вынужден со мной согласиться. Да, действительно, он и сам в свое время легко вздохнул лишь после того, как государственные экзамены были позади, а диплом в кармане.

Нет уж, дудки, я лучше соглашусь ежедневно входить в клетку с тиграми, чем снова писать контрольные по английскому! И даже если я перед «премьерой» и ощущаю волнение, то вовсе не из-за тигров, а оттого, что на меня будут смотреть несколько тысяч пар глаз, разглядывая, словно актера на сцене.

После обеда, в три часа дня, я сижу на одном из привилегированных мест первого ряда, на обтянутом красным бархатом кресле (где пена с лошадиных морд и пыль из-под слоновьих ног летит тебе прямо в лицо). Я наслаждаюсь программой первого отделения: тут и чистокровный скакун Орлик, и крошечный пони Беби, снующий у него под ногами, затем парад зверей, группа дрессированных лошадей вороной масти, которыми руководит мадам Саррасани собственной персоной; затем следует «прыжок смерти» из-под купола цирка, выполняемый акробатом Кюблером. Потом наступает антракт и под шутки клоунов на манеже водружается большая круглая клетка. Резкая трель звонка, и публика устремляется из фойе назад, в зрительный зал, шумно рассаживаясь по местам. Уже наброшена поверх клетки огромная сеть, и тут до меня доносится голос Гаупта:

— Доктор, ну где же вы? Сейчас ведь ваш выход!

Но он зря волнуется — видимо, позабыл, что мне ни переодеваться, ни гримироваться не надо, что я зайду в клетку так, как есть, в своем обычном костюме.

Я прохожу за кулисы. Пять тигров уже выпущены в «туннель», за ними следует Гитта, а за Гиттой залезаю туда и я. Все идет так, как и во время двух предыдущих проб. Я рассаживаю своих шестерых кошек по местам и раскланиваюсь так, как мне было велено, — это тоже входит в программу. Потом прыгает Тибет: туда и обратно, все в порядке, она даже не пытается увильнуть. Затем я притаскиваю третью тумбу, пробую, достаточно ли прочно она установлена, чтобы Фатма, не дай Бог, не скувырнулась! Все три тигра, сидящих справа, вскакивают на тумбы и «служат». Они сидят неподвижно, словно каменные изваяния, и публика аплодирует.

Гитта сама, без приглашения, подкрадывается к тумбе, с которой должна прыгать через мою голову. Но прежде, чем она решается на прыжок, мне снова приходится ее уговаривать, однако уже не так долго, как в первый раз. Вот она и перемахнула через меня. Публика опять аплодирует. Я не успеваю положенным образом поклониться, как ассистент уже сует мне сквозь прутья обруч. На сей раз он залит бензином и полыхает огнем.

«Не спалить бы костюма», — еще подумал я.

Гитта снова смотрит мне в глаза долгим, пронизывающим взглядом. Она опять целится прыгнуть мимо, но я уже спокоен: она прыгнет как надо, сквозь обруч. И вот она уже неслышно проскользнула на свое место, а я раскланиваюсь, стараясь держать эту горящую штукювину подальше от своих брюк...

Цейлон, этот избалованный и заласканный, выкормленный из рожка здоровенный «малыш», долго раздумывает, стоит ли

ему залезать на высокую тумбу и, балансируя на доске, переходить на другую сторону. Пока он, осторожно и преисполненный достоинства, шествует по доске, я поскорее бегу за ним, чтобы заставить проделать обратный путь, что он и делает. Но, достигнув исходного пункта, он почему-то не желает слезать. Он вошел во вкус, ему хочется повторить свою прогулку. Но этого допускать ни в коем случае нельзя. Я ведь хочу продемонстрировать весь номер без единой ошибки, хотя публика наверняка и не заметила бы эти маленькие отклонения. Так что я резко щелкаю кнутом перед самым носом Цейлона. Любой другой из четырех диких тигров, свирепых и хищных, при этом бы отступил. Но не этот, который еще недавно спал в постели своей хозяйки. На него такое щелканье не производит ни малейшего впечатления. Тогда я слегка провожу кнутовищем по его лапам. Это была ошибка, как я сразу понял, ведь тигры здесь не привыкли ощущать прикосновение кнута. Цейлон возмущен — он оборачивается, начинает рычать, я явственно вижу, как язык в его пасти приподнимается по краям, образуя «совок». Оскорбленный «паша» поднимает лапу и собирается дать мне затрещину. Это совсем коротенькая мизансцена, и зрители наверняка ничего не заметили, но меня тревожит только одно: лишь бы Гаупт не отпер дверь и не вошел в клетку! Но, к счастью, он придерживается нашей договоренности. Я продолжаю твердо стоять на месте и спокойным тоном уговариваю Цейлона. Наконец он смягчается, гнев его стихает, и он царственно отправляется на свое место.

Старая злая Гитта, как всегда, уходит первой с манежа, я составляю из высоких тумб барьер, нахлобучив сверху еще маленькую тумбочку (принадлежавшую недавно убитому тиграми дрессировщику Шуссеру); заставляю Тибет, Фатму и Дейзи перемахнуть в гигантском прыжке через синий бархат — все, как положено в этом номере.

Так. Манеж опустел. Я отбрасываю в сторону палку и кнут, раскланиваюсь и хочу уйти. Но тут Гаупт сзади кричит мне:

— Вернитесь! Сделайте еще один поклон публике!

Несколько растерявшись под взглядом тысяч глаз, я невольно подчиняюсь его окрику, и тут внезапно рядом со мной возникает девица, которая вручает мне неистово сверкающий лавровый венок, перевитый красной лентой. Вот тут уж я исчезаю почти что бегом...

На другой день после своего второго, воскресного выступления с тиграми я сижу в уютном жилом вагончике мадам Саррасани и пью чай. Из огромного шатра цирка доносится музыка — там продолжается представление. Директриса торжественно вручает мне красиво оформленное свидетельство, где удостоверяется,

что я после трех с половиной часов работы с шестью королевскими тиграми действительно повторил весь номер, причем один, без чьей-либо помощи и со всеми деталями.

— Вы действительно поставили настоящий рекорд! — сказала при этом Труде Саррасани.— Может быть, вам доставило бы большее удовольствие разъезжать с моими тиграми по белому свету, чем сидеть в Берлине за письменным столом? Если хотите, я готова заключить с вами контракт хоть сейчас же на четыре месяца.

Какой мужчина, мальчишкой увлекавшийся Карлом Мейем и приключенческой литературой, прокрававшийся безбилетным зайцем под брезентовый полог сказочного кочующего цирка, не ощутил бы в этот момент, что его давние голубые мечтания становятся явью? Но это ведь тайные, далеко запрятанные даже от себя самого движения души. Горше неисполненных желаний возможность их свершения, опоздавшая на двадцать лет. Как обидно, что такой шанс представляется тогда, когда уже ничего невозможно изменить...

Я уехал домой, увозя завернутый в бумагу лавровый венок, и написал профессору Кёлеру письмо: «Помните ли Вы еще, о чем мы с Вами толковали тогда, в метро? Мне удалось осуществить часть нашего плана». И приложил к письму маленькую газетную вырезку о «Докторе Икс», который в цирке Саррасани работал в клетке с тиграми».

Глава вторая

ОСТОРОЖНО: ТИГРЫ!

В редакционной статье, помещенной в журнале «*Illustriertes Blatt*» шесть недель спустя после появления серии сообщений о моем удавшемся эксперименте с тиграми, говорилось:

«Помещенные нами материалы о «тигровом эксперименте» вызвали поток писем в редакцию. Многие из них содержат осуждение подобных опытов: ведь удавшийся эксперимент доктора Гржимека незаслуженно подрывает авторитет профессиональных дрессировщиков в глазах публики. На это мы можем возразить, что работа Гржимека с тиграми Саррасани отнюдь не означает, что каждый, кому вздумается, может зайти в клетку и вместо дрессировщика демонстрировать номер с хищниками. Это (и без того само собой разумеющееся) утверждение неожиданно быстро получило свое подтверждение во время прискорбного происшествия, разыгравшегося на днях в Париже.

После того как доктор Гржимек закончил свои опыты с тиграми, сообщения об этом замелькали на страницах европейской печати. Однако в них умалчивалось, кто именно производил этот оригинальный эксперимент. Шесть недель спустя, в начале ноября, знаменитый парижский цирк Медрано известил публику о том, что собирается повторить подобный же номер. С королевскими тиграми на сей раз будет выступать тоже «непрофес-

сионал», а именно известная киноактриса Джина Манэ. Не прошло и нескольких дней, как страницы газет, в том числе и немецких, запестрели сообщениями, иллюстрированными наводящими ужас фотоснимками о страшной трагедии, разыгравшейся в Париже, в цирке Медрано. Поскольку читатели нашего журнала, знакомые с материалами об удавшемся эксперименте доктора Гржимека, могут питать особый интерес к этому вопросу, мы решили описать все случившееся во всех подробностях, собранных нами из газетных вырезок и писем, направленных в редакцию нашими парижскими читателями.

Итак, французский журнал «L'Illustration» писал 21 ноября 1942 года: «Цирк Медрано объявил о сенсационном зрелище, которым собирается удивить публику 13 ноября сего года: кинозвезда Джина Манэ выступит на арене с шестью королевскими тиграми, один из которых особенно опасен, поскольку уже не раз нападал на дрессировщиков». Ее первому выступлению, к несчастью, суждено было стать для нее и последним.

Джина Манэ появилась в клетке в исключительно элегантном белом костюме и высоких лакированных сапогах. В сопровождении постоянного дрессировщика этой группы тигров она бесстрашно расхаживала среди полосатых хищников, с необычайной лихостью давала им команды и стегала бичом. Вела она себя настолько уверенно и дерзко, что любой специалист по диким животным стал бы опасаться, что это добром не кончится, тем более что один из тигров уже начал оказывать ей ту молчаливую непокорность, которая говорит о нарастающей опасной ситуации. Когда примерно в середине представления Джина стояла перед этим тигром по кличке Ройал, не желающим идти на свое место, она с силой стегнула его кнутом. В мгновение ока разъяренное животное, широко разинув пасть, бросилось на обидчицу и схватило ее за голову. Актриса упала на землю, а публика подняла от страха дикий крик. Поскольку подоспевший дрессировщик тут же стал «обрабатывать» тигра ударами бича и палки, тот начал метаться по клетке, не выпуская свою жертву, которая вскоре потеряла сознание и перестала шевелиться. Остальные тигры подскочили к нему, чтобы вырвать у него свою часть добычи. С Джины был сорван сапог. Но наконец на тигров обрушилась мощная струя воды из брандспойта, а мужественный подручный Жозеф Кослар бесстрашно кинулся в самую гущу дерущихся за добычу зверей, лупя налево и направо дубинкой. Его тоже схватил один из тигров, и теперь вся эта сцена выглядела

так, словно тигры играют с двумя куклами в подкрашенной кровью, розовой воде...

Когда ничем другим уже нельзя было помочь, служащие цирка начали палить в животных из пистолетов. После этого тигры, один за другим, стали покидать клетку. Когда Ройал наконец выпустил свою жертву, другой тигр тут же схватил ее за руку и подтащил к самой решетке. Пока его отгоняли, несчастная актриса, к которой внезапно вернулось сознание, ухватилась за прутья решетки и даже нашла в себе силы подтянуться по ним кверху. Поддерживаемая господином Спессарди, она сделала несколько шагов. Потом ее унесли.

Благодаря присутствию в клетке дрессировщика, вынудившего тигра метаться из стороны в сторону, удалось по крайней мере воспрепятствовать тому, чтобы хищник разорвал свою жертву, а остальные тигры приняли бы участие в дележе. Джину Манэ отвезли в госпиталь Мармоттан, где она еще до сих пор находится в весьма тяжелом состоянии. Двух тяжелораненых тигров, Раджу и Цезаря, в тот же вечер осмотрели хирурги. Чтобы усыпить животных, им дали гарденал: одному — в молоке, а другому, более недоверчивому — в куске мяса. Когда реакции их стали замедленными, им вкатили еще по три шприца с морфием. Ветеринарный хирург, доктор Мартин, вытащил из тела Раджи пять пуль, одну из которых удалось обнаружить только с помощью рентгеновского аппарата, а из лапы Цезаря он вынул две пули. Операция длилась два часа.

На следующий день господин Спессарди, как обычно, выступал на арене цирка. Правда, на сей раз у него в номере участвовало только четыре тигра вместо обычных шести. Но среди этих четырех был и виновник вчерашнего несчастья Ройал, а также Арамис, в шее которого еще оставалась пуля...

Суеверные люди объясняют это ужасное происшествие тем, что представление состоялось в неудачный день: было тринадцатое число, среда. Нас же все это наводит на гораздо более серьезные размышления. Ведь профессиональный дрессировщик, работая годами со своими животными, приучает их к определенным жестам, командам, различным прикосновениям бича, смотря по обстоятельствам, к тем или иным частям тела. Он держит их в постоянном, привычном уважении, благодаря которому его превосходство над ними кажется им незыблемым. Даже в случае неповиновения, когда дрессировщик хочет подчинить зверей своей воле, он должен одной лишь непрекаемой интонацией своего голоса дать им почувствовать свою силу, свою волю, которая

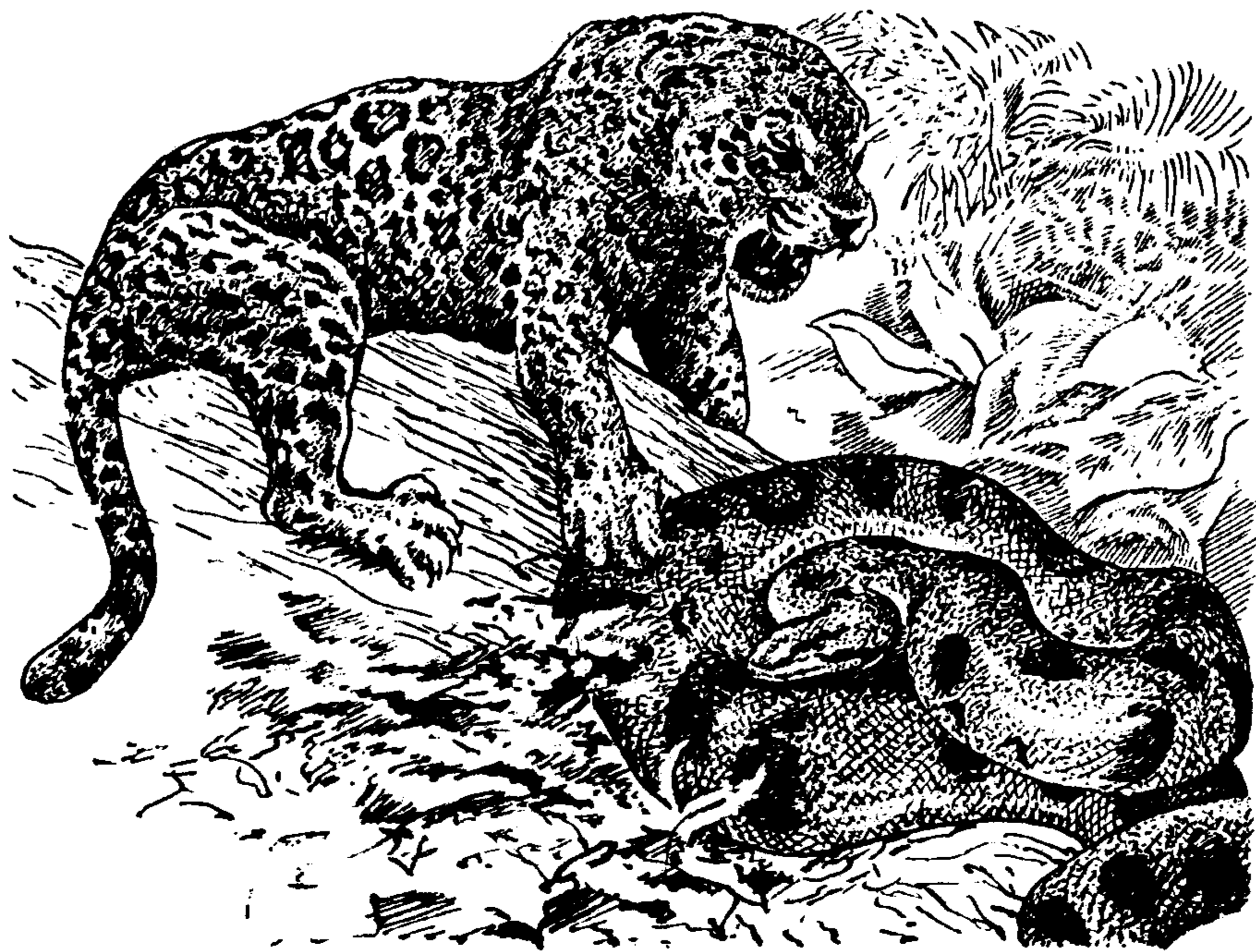
заставит их покориться. Криком и раздражающими зверей угрозами ничего тут не достигнешь. Даже лишнее, незнакомое слово может в такой момент помешать.

Нам хочется отметить, что, несмотря на свой бунт и на запах человеческой крови, тигры все же отступали перед своим укротителем, несмотря на то, что он не палил из пистолета. Разыгравшаяся на наших глазах драма свидетельствует о том, что в работе укротителя даже самая безудержная отвага в обращении с хищниками не может заменить профессиональных навыков, понимания психологии зверя.

Из других французских газет мы узнали еще некоторые подробности этого происшествия. Джине Манэ во время съемок одного фильма в 1929 году несколько раз уже приходилось заходить в клетку с хищниками. И несмотря на то что она тогда, по собственному признанию, не могла преодолеть в себе чувства страха, тем не менее этот небольшой опыт и подтолкнул ее на столь рискованный шаг с выступлением в цирке Медрано. Ведь свое мужество и отвагу она уже не раз доказывала в качестве летчицы и во время неоднократных прыжков с парашютом. Перед выступлением актрисы дрессировщик занимался с нею всего лишь пять дней. Несчастье произошло оттого, что она слишком сильно ударила тигра Ройала, который совершенно не выносил даже легкого прикосновения бича. К тому же Джина в этот момент отвернулась и наклонила голову, подставив таким образом раздраженному животному шею — наиболее излюбленное место для нападения. Не будь у Ройала обломаны передние зубы нижней челюсти, шейные позвонки жертвы оказались бы переломанными. Целых две минуты тигр таскал свою «добычу» по клетке, пока дрессировщик до хрипоты орал своим ассистентам, стоящим по ту сторону решетки, что им делать. К сожалению, его приказания не могли быть сразу же исполнены: сначала не шла вода, потому что заел кран, потом она вырвалась мощной струей и вместо тигра попала в лицо дрессировщику, ослепив его на несколько мгновений. Открыть дверь в туннель, ведущий за кулисы, он не решался, потому что Ройал непременно постарался бы захватить свою «добычу» с собой, и тогда в узком проходе образовался бы клубок из дерущихся тигров, распутать который было бы уже совершенно невозможно. Носить же при себе во время представления револьвер Спессарди не разрешалось. (В создавшейся суматохе, между прочим, шальной пулей ранило одну зрительницу.)

Эта группа тигров была собственностью дрессировщика Спессарди, который купил ее у Гагенбека. Одно из животных (кстати, непричастное к происшествию) погибло. Это был Раджа, у которого оказалась разорванной почка и прострелена брюшина. Что касается киноактрисы Джинны Манэ, то она после двухмесячного лечения вышла из больницы с глубокими шрамами на лице и шее. Ее левая рука осталась парализованной и безжизненно висела вдоль тела...»

Глава третья

КРОВАВЫЙ КАУЧУК, ИЛИ БИЗНЕС НА ИСКАЛЕЧЕННЫХ ИНДЕЙЦАХ

Людам, которым посчастливилось любоваться в Восточной Африке свободно живущими слонами, жирафами и львами или необъятными стадами зебр и гну, бредущих по степи Серенгети, всегда хочется узнать: а где еще на земном шаре можно увидеть нечто подобное? Такой вопрос задал себе и я. И именно затем, чтобы это узнать, я ездил в Австралию, на Новую Гвинею, в Советский Союз, в Канаду, в Индию и в разные другие места на Земле, где можно надеяться в наш технический век еще разыскать нетронутую, первозданную природу. И за тем же самым я недавно, второй раз в своей жизни, полетел в Южную Америку — на сей раз в Перу. Это двадцать часов лету от Франкфурта-на-Майне.

В столице страны — Лиме с ее трехмиллионным населением в августе уже прохладно: среднемесячная температура составляет пятнадцать градусов. Под зоопарк щедро отвели большую площадь, но она еще только начинает застраиваться. Вокруг же пустыня, голые, лишённые растительности горы. Тюленей на этой части побережья теперь уже не увидишь, говорят, что небольшое стадо их можно встретить лишь на отдельных, омываемых пенными бурунами скалах, далеко в море. Держатся эти последние представители прежде многочисленного вида весьма скрытно и

осторожно. Число птиц, производителей гуано, населяющих сорок восемь перуанских островов, по подсчетам, в 1965 году с двадцати одного миллиона голов упало до трех миллионов. Объясняется это, скорее всего, чрезмерным выловом анчоуса, особого вида сардин,— рыбы, служащей основным кормом для этих водоплавающих. Несмотря на то что «гуановые острова» опоясаны запретными зонами, рыбаки тем не менее продолжают непрерывно вылавливать огромные массы анчоуса, идущего в основном на переработку в рыбную муку. Они настолько подорвали этим кормовую базу птиц, что те просто вымерли с голоду. Перуанские крестьяне прежде удобряли свои поля исключительно одним гуано, который вывозили с островов, где эти птицы создавали свои гнездовые колонии. Теперь для того, чтобы обеспечить поля необходимыми ежегодно пятьюдесятью пятью тысячами тонн естественных азотно-фосфорных удобрений, а тем более химическими удобрениями, необходимо было бы затратить четыреста миллионов марок в год!

Подобное же происходит с викунями. Обитают они только близ снежной границы Анд, как правило, на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря, потому что нуждаются в более сочной и питательной траве, чем обычные ламы. Те ведь довольствуются желтой колючей травой ичу, произрастающей в пустыне. А поскольку за шерсть викуни выплачивают баснословные деньги, этих животных уже повсюду выбили. Истребили, невзирая на закон об охране. Практически сохранились они в одном-единственном месте — это на юге страны, в резервате, расположенном вдоль дороги, ведущей из Наски в Пукьо. Там иногда еще можно увидеть стадо викуний, превышающее тысячу голов.

Перу не присоединилось к Международной конвенции об ограничении вылова китов. Близ перуанского побережья промысляют даже гигантских серых китов, которых во всех морях земного шара осталось не более нескольких сот голов. Территориальные воды Перу простираются в море на двести миль. Поэтому чужие китобойные суда не могут приблизиться к основным скоплениям китов, которые держатся здесь обычно близ побережий. Зато перуанцы на своих утлых лодчонках бесстрашно выходят в море и охотятся возле своих берегов на кашалотов, которые сосредоточиваются здесь, привлеченные скоплениями каракатиц — основного корма этих китов. Загарпуненных животных весом до тридцати тонн затем буксируют в порты.

По сведениям, публикуемым перуанскими властями, таким способом ежегодно добывается свыше двух тысяч китов.

Я сажусь в самолет и лечу сначала над предгорьями Анд, склоны которых, обращенные к Тихому океану, совершенно пустынные и лишены какой бы то ни было растительности. Затем мы поднимаемся все выше, пересекаем гигантские горные массивы, а позже долго летим над бескрайними девственными лесами. Эти джунгли тут и там пронизаны извилистыми ниточками рек. И наконец, мы добираемся до верховьев Амазонки, где находится город Икитос. Длится такое путешествие всего три часа. А раньше, до изобретения самолета, на него уходило добрых сорок дней. При этом приходилось пешком карабкаться вверх и вниз через Анды, а потом неделями в утлых кану, на веслах спускаться вниз по рекам. Разумеется, проделывать такие путешествия могли лишь мужественные, сильные и решительные люди, к тому же в основном бедные. А богатые в прошлые времена из столицы страны — Лимы до главного города провинции — Икитоса добирались весьма сложным круглым путем: сначала на пароходе через Панамский канал, затем в Нью-Йорк, Англию и назад со стороны Атлантики входили в Амазонку и плыли вверх по течению до Икитоса. По времени это было не дольше, чем путешествие через Анды, но зато, разумеется, значительно удобнее и безопаснее. И именно от того, что путь от старого цивилизованного города Лимы до затерянного в глуши Икитоса был так долог и труден, здесь могли происходить такие чудовищные вещи, о которых дальше пойдет речь.

Четырехмоторный самолет, на котором я прилетел в Икитос, пошел на посадку, и, пока он несся по посадочной полосе, откуда ни возмись с обеих сторон к нему кинулись стайки детей на велосипедах, которые изо всех сил жали на педали, стараясь не отстать от грохочущей крылатой махины.

Меня встречают мой оператор Алан Рут и его жена Жоан, которые прибыли сюда с Галапагосских островов и живут здесь уже несколько недель. Я поначалу никак не могу привыкнуть правильно выговаривать название города «Икитос», с ударением на втором слоге, потому что для меня гораздо привычнее произносить Икитос. Так называется знакомый мне небольшой городок в Судане.

В городе Икитосе есть что-то нереальное. Это город с поблекшим, притом отнюдь не таким уж древним великолепием. Протекающая в трехстах метрах внизу Амазонка в этом месте делает крутой поворот. В результате одряхлевшая помпезная набережная в двух местах оказалась размытой. Каменные балюстрады вместе с бронзовыми дуговыми фонарями обрушились. Однако ремонтом их здесь так никто и не занялся. Довольствовались лишь тем, что отгородили оставшуюся часть набережной хлип-

кими деревянными планками и сняли с постаментов бронзовые бюсты испанских губернаторов и генералов. Интересно, доберется ли река до безвкусно-роскошного углового дома, облицованного португальским цветным кафелем? Сейчас это административное здание, но прежде здесь была частная гостиница, построенная в начале века за баснословные деньги: более миллиона долларов. Возле рыночной площади можно увидеть дом, облицованный металлическими пластинами, покрашенными в зеленый цвет. Построен он по проекту знаменитого парижского архитектора Густава Эйфеля, автора Эйфелевой башни. На широких просторных улицах стоят несколько церквей, множество памятников. Да, в этом городке, в котором уже в начале века было пятнадцать тысяч жителей, безусловно, можно было кое-чего достичь! В те времена здесь ходил даже трамвай. Повсюду видны старые внушительные буржуазные дома, построенные в испанском стиле. Но у некоторых из них провалились крыши — их никто не ремонтирует. Правда, уже выстроен новый отель для туристов, но желающих совершить увеселительную прогулку на океанском лайнере из Саутгемптона (Англия) вверх по всей Амазонке до этого городка пока мало. Далековато. И хотя туристам и не приходится дорогой пересаживаться с одного вида транспорта на другой, тем не менее одна поездка по Амазонке (по прямой) составляет 2600 километров (как от Парижа до Москвы), а на самом деле это целых 3700 километров, учитывая изгибы реки.

Здесь в отличие от Лимы в августе ощущается приятное тропическое тепло, но зато и довольно сыро. Немая тоска, поблекшее великолепие этого странного городка возбудили мое любопытство. Откуда это удивительное богатство здесь, в глуши верховьев Амазонки? Я стал расспрашивать, рыться в старых книгах, подшивках деловых бумаг. Оказывается, богатство это основано на резине, на каучуке. Но, кроме того, на крови, порабощении индейского населения, массовом истреблении людей. По чисто торгашеским подсчетам, добыча каждой тонны каучука стоила две человеческие жизни — жизни двух аборигенов. На самом же деле каждая тонна экспортируемого через Икитос каучука стоила жизни *восьми* индейцам, обитавшим по берегам реки Путумайо, притока Амазонки, причем добыча каучука вовсе не требовала этого. Просто выродки в человеческом облике устраивали здесь, вдали от посторонних глаз и какого бы то ни было контроля, эту беспрецедентную кровавую бойню. Здесь они имели возможность дать волю своему садизму, своему человеконенавистничеству и расизму. Ни правительство в далеком городе Лиме, ни тем более держатели акций и президенты компаний по производству резины в Лондоне никогда сюда не добирались. Только

поэтому и могло случиться, что за какой-нибудь десяток лет численность населения, состоявшего из миролюбивых индейцев, с пятидесяти тысяч сократилась до пяти тысяч человек.

То, что мировой общественности довелось узнать об этом страшном злодеянии,— заслуга одного американского инженера по железнодорожному строительству В. Е. Гарденбурга. Я раздобыл себе в одной из лондонских библиотек его пожелтевшую от времени книжку, изданную в 1912 году. Совместно со своим коллегой В. Б. Перкинсом он решил после окончания работ в Колумбии пересечь весь Южноамериканский континент. Путешественники перебрались через Анды, купили себе там за шестьдесят долларов выдолбленную из древесного ствола шестиметровую туземную лодку-кану и поплыли вниз по реке Путумайо, пограничной между Колумбией и Перу. Совершенно неожиданно их остановили какие-то уполномоченные фирмы «Peruvian Amazon Company», арестовали и, подвергнув унижительным допросам, потащили с собой в город Икитос для дальнейшего расследования. Остаться в живых им удалось только потому, что они сообразили заявить, что являются представителями американского акционерного общества, собирающегося вложить деньги в какое-нибудь предприятие на Амазонке. Во время своего вынужденного пребывания в Икитосе этим двум инженерам пришлось узнать и пережить нечто совершенно ужасное.

Мирные индейцы, населяющие берега Путумайо, были превращены служащими компании в дармовую рабочую силу. День и ночь они должны были трудиться, голодные, раздетые, получая столь скудный рацион, чтобы только не упасть и не умереть от истощения. Когда они приносили на приемный пункт добытый ими каучук, то со страхом следили за стрелкой весов. Если она не доходила до установленной цифры, несчастные в ужасе бросались вниз лицом на землю, после чего подвергались чудовищным истязаниям и увечьям. Их так бесчеловечно стегали кнутом, что кожа лопалась и наружу проступали кости. Многие индейцы были покрыты ранами и струпьями, в которых ползали личинки мух... Места, отведенные под приемные пункты каучука, время от времени приходилось менять из-за невыносимого трупного запаха, распространяющегося на всю округу, несмотря на то что собак специально обучали утаскивать трупы индейцев в лес.

Какие только бесчинства не творились в этом затерянном уголке света! Туземцев привязывали вниз головой к крестам, использовали их в качестве живой мишени для стрельбы. Эти чудовища в образе людей развлекались тем, что завязывали индейцам глаза, обливали керосином, поджигали и тренировались в стрельбе по убегающим в ужасе несчастным жертвам. Индейцам

отрубали руки и ноги. Убивали детей, разбивая им головы о деревья. Женщин отбирали в качестве наложниц. Как только они надоедали своим владельцам, их просто убивали. Молодых парней и девушек в Икитосе можно было купить по цене от четырехсот до восьмисот марок. По праздникам оголтелые пьяные убийцы развлекались тем, что подвешивали на деревья детей и отстреливали у них сначала ухо, потом руку, потом остальные части тела... Ошалелые «стрелки», завидя группу индейцев, стреляли наугад — в кого попадет — и радовались, когда все в ужасе разбежались в разные стороны. Тогда они старались догнать и уложить на месте как можно больше беглецов. Ни один муж и ни один отец не смел воспротивиться тому, чтобы кто-то из убийц забрал в свой гарем его жену или дочь, даже если этой дочери было всего восемь или девять лет.

Если случалось, что члены какого-нибудь индейского семейства убегали в леса, то задержанного в качестве заложника вождя или родственников подвергали страшным пыткам и истязали до смерти. Несчастных подвешивали на цепях к деревьям так, чтобы они могли лишь кончиками пальцев ног касаться земли, и оставляли их висеть в таком положении и днем и ночью, пока те не умирали от голода и жажды. Им отрубали пальцы, руки, ноги, а то и кастрировали. В доме одного «скупщика каучука» Гарденбург заметил, что принадлежащие хозяину собаки постоянно играли отрубленными человеческими руками и ногами, а случилось, что хозяин дома находил подобные «сувениры» по утрам возле своей постели.

Испанцы, живущие на Амазонке, которым Гарденбург, да и другие «гости» осторожно высказывали свой ужас от происходящего, часто отвечали на это так:

— *Son animales, senior, no son gentes!* (Это животные, сеньор, это ведь не люди!)

Зверство и надругательство над индейцами только ради потехи приравнивались этими бесчеловечными людьми к садистскому истязанию животных. Ведь подобное бездушно-спокойное отношение к мучительству животных знакомо нам уже по испанской корриде. Устраиваются эти недостойные зрелища ради потехи населения, а кстати, и для определенного сорта заезжих туристов, часто, между прочим, немцев, которые, внося валюту в качестве входной платы, способствуют процветанию подобных изуверских зрелищ.

Когда Гарденбург после возвращения в Лондон пытался опубликовать свои разоблачения, то поначалу ни одна газета не решалась принять у него такой скандальный материал, то ли сомневаясь в достоверности информации о подобных ужасах, то ли

опасаясь вызвать конфликт с перуанским правительством или с влиятельными английскими монополиями, ведущими с Перу свои торговые дела. Но наконец ему удалось пробиться на прием в «Общество борьбы с рабством» (Anti-Slavery Society), и уже в сентябре 1909 года газета «Тру» опубликовала первые сообщения о неслыханных кровавых бесчинствах, творящихся в Икитосе, а вслед за ней уже и остальные английские газеты перепечатали эти материалы.

Перуанский посол в Лондоне немедленно прислал опровержение, возмутилась и «Peruvian Amazon Company». Они утверждали, что все это преувеличения, а то и досужие вымыслы Гарденбурга и Перкинса. Тем не менее перуанское правительство под давлением США поспешило выплатить обоим по пятьсот долларов в качестве «компенсации за причиненный ущерб во время поездки по Путумайо и в Икитос».

Вопрос этот рассматривался в британском парламенте, и было решено направить в Икитос британского консула Роджера Дэвида Кейсмента (1864—1916) для расследования этого дела на месте. Основным поводом посылки консула в Перу послужил тот факт, что агенты каучуковой компании вынуждали негров с острова Барбадос работать в Икитосе в качестве надсмотрщиков за рабами. Эти негры родом с острова Барбадос, расположенного на западной окраине Антильских островов, были английскими подданными и умели читать и писать (в отличие от большинства своего перуанского начальства!).

Роджер Д. Кейсмент (который, между прочим, позже получил даже титул лорда) допросил в Икитосе массу свидетелей. Сообщения Гарденбурга и Перкинса были им полностью подтверждены, более того — выяснились и другие чудовищные злодеяния. Но несмотря на то, что крупные испанские газеты, выходящие в Лиме, тоже начали публиковать разоблачительные материалы, убийцы продолжали разгуливать на свободе, и никто не сделал ни малейшей попытки их арестовать или наказать.

Что касается донесений Кейсмента, то они были опубликованы британским правительством только в 1912 году, после тщетных дипломатических переговоров и попыток вынудить перуанское правительство принять решительные меры для устранения подобного живодерства и издевательства над людьми.

Мне было очень интересно найти в этом затерянном среди перуанских дебрей городке на Амазонке следы такого человека, как сэр Роджер Кейсмент. Ведь британское правительство направило в Перу именно его, потому что у него к тому времени уже был опыт в подобных делах: он проводил схожие расследования в Конго, будучи консулом в Бома. Это именно он первым

из европейцев обнаружил получившие печальную известность «конголезские ужасы», творившиеся при добыче каучука в районе верхнего течения реки Конго. Международное расследование, последовавшее за этими разоблачениями, привело к смене правительства в Конго. Однако происходящее тогда в Конго не шло ни в какое сравнение с тем, что вытворяли здесь, на Амазонке, с мирными, безобидными индейцами.

В 1912 году сэр Кейсмент ушел на пенсию и уехал на свою родину, в Ирландию. Решив, что Первая мировая война окажется удобным моментом для освобождения Ирландии от британской зависимости, он в 1914 году поспешно направился в Соединенные Штаты, а оттуда в ноябре 1914 года в Берлин. С целью поднять в Ирландии восстание против засилья англичан он в апреле 1916 года на немецкой подводной лодке направился к ирландскому побережью и благополучно добрался до берега на надувной резиновой лодке. Но вскоре его арестовали. Третьего августа того же года в Лондоне он был приговорен как изменник к смертной казни через повешение. И только много позже его прах был переправлен в Ирландию.

Мировая война и все, что последовало за ней, заставили международную общественность быстро позабыть ужасы, происходившие на Путумайо и Амазонке. В том, что они постепенно прекратились, заслуга, скорее всего, не правительства Перу, а изменившихся обстоятельств в резиновом бизнесе.

Несмотря на то что и в Африке, и в Индии, а также и в других тропических странах растут деревья и кустарники, из которых можно добывать каучук, все же лучшие его сорта получаются из двух пород деревьев, произрастающих в бассейне Амазонки: это *Hevea brasiliensis* и *Hevea benthamiana*. За них платили наибольшие цены.

Уже в конце прошлого столетия англичане делали попытки вывозить эти породы деревьев в другие страны и там их акклиматизировать. Но только в начале нашего века им удалось вырастить в английских теплицах из семидесяти тысяч семян дерева *Hevea brasiliensis* более двух тысяч молодых саженцев, которые почти все были вывезены на Цейлон. Там они хорошо прижились. А уже оттуда саженцы попали в такие страны, как Малайзия, Индонезия, страны Индокитая, и в различные части Африканского континента. И повсюду были заложены плантации так называемых каучуконосов. Если в 1910 году во всем мире было продано только одиннадцать тысяч тонн каучука, то в 1927 году — уже пятьсот шестьдесят семь тысяч, но только шесть процентов от этого количества составлял дикий каучук. Все остальное было

собрано с плантаций. Одновременно упала на него цена — по сравнению с 1910 годом примерно в двадцать раз.

Золотые денечки Икитоса миновали. К тому же к 1925 году немецкие ученые из «И. Г. Фарбениндустри» приступили к изготовлению искусственной резины; в 1939 году эту резину приняло на вооружение огромное предприятие «Буна-верк», и уже в 1940 году такие влиятельные американские «резиновые фабриканты», как Гудрих, стали выпускать резиновые шины для автомобилей, в которых примесь искусственного каучука составляла уже пятьдесят процентов.

Тем не менее город Икитос, который, как временами казалось, уже пришел в полный упадок, снова приободрился: в нем теперь уже шестьдесят восемь тысяч жителей. И хотя он перестал экспортировать каучук (то немногое, что добывается, используется в самом Перу), но зато вывозит древесину, хлопок и кофе. И еще кое-какие вещи.

И именно из-за этих «кое-каких вещей» разгорелся бум, подобный прежнему, «каучуковому». Снова развернулись бешеная гонка за прибылями и хищнический бизнес и снова, как в тот раз, в Европе радостно скупают присылаемое из Перу сырье, не задумываясь над тем, что происходит с его поставщиками в дебрях девственного леса.

Правда, на сей раз речь идет не об индейцах. Теперь очередь дошла до животных. У одного знакомого мне удалось узнать подробности о вывозе звериных шкур из Перу за последние несколько лет. При этом речь идет лишь о тех шкурах, за которые уплачены законные таможенные сборы. Но тот, кто знаком с условиями девственного леса, кто хорошо осведомлен о «неподкупности» маленьких государственных чиновников на местах, кому известно, сколь плохо охраняются границы, проходящие вдоль зеленого бассейна Амазонки, — тот легко может себе представить, как велико на *самом деле* число убитых и ошкуренных животных. В 1964 году из всего Перу было вывезено через таможни 678 шкур ягуаров, а в 1965 году уже из одного только Икитоса — 1113. Оцелотов в 1964 году из всего Перу было вывезено 11 496, а годом позже только из Икитоса — 12 189. Из-за того, что миллионерши в Европе желают во что бы то ни стало щеголять именно в желто-черных пятнистых манто, индейцам выплачивают хорошие премии, когда они убивают обладателей такого меха и приносят на заготовительные пункты. Так, в 1964 году из Перу было вывезено одних только шкур тигровых диких кошек маргай (*Felis wiedii*) 1037 штук. В 1965 году из одного лишь Икитоса их поступило 3106. В том же году из бывшего «каучукового города» было вывезено ровно 9000 выдровых шкур, 129 тысяч ошейни-

ковых пекари, 30 000 белобородых пекари, 10 500 капибар — этих огромных грызунов размером почти со свинью. Одних живых обезьян увезено отсюда 36 000 (почти все для медицинских исследований), свыше 2000 удавов, анаконд, черепах и ящериц, 32 000 птиц, множество попугаев.

На суперскоростном глиссере я поднимался далеко вверх по Амазонке и забирался в глубь таких глухих ее притоков, как Напо. И если уж не бегемотов, как в Африке, надеялся я увидеть здесь, то хотя бы каких-нибудь цапель, аистов, ходулочников, уток, поганок — словом, всю ту пернатую живность, которая водится на всех африканских водоемах. Неужели и за тем вот поворотом реки они не покажутся наконец на глаза? Но нет, не показались. Если не считать индюшачьих грифов (*Cathartes aura*), промысляющих на городских мусорных свалках, за все пять часов своего метания по Амазонке мне удалось увидеть всего одну птичку. Размером с воробья.

Некогда это выглядело совсем иначе. Так, Гарденбург, описывая свое путешествие на кану по Путумайо, большой судоходной реке, притоку Амазонки, упоминает о том, как питался черепашьими яйцами, которые всюду можно было выкопать из земли. Он встречал много удавов, сирен, охотился на пекари, диких индеек и диких уток. На прибрежных деревьях резвились обезьяны, а нутрии держались столь доверчиво, что не убегали даже тогда, когда к ним приближались на расстояние нескольких метров. Огромные стаи попугаев и других пестрых птиц пролетали над самой головой путешественников, и их резкие гортанные крики неумолчно раздавались повсюду и днем и ночью. Капибары, завидя кану, удирали, словно настоящие скалолазы, вверх по отвесным склонам, а аллигаторы грелись на прибрежном песке...

Сегодня можно, ничего не опасаясь, переплыть Амазонку, аллигаторов теперь здесь не увидишь, уверяют меня местные жители. Что-то не видно и пираний, этих опасных маленьких рыбок, которые, судя по многим книжкам и кинофильмам, так охотно откусывают у купальщиков пальцы на руках или ногах, а то и вовсе обгладывают их до скелета...

Теперь здесь стало очень тихо, в этом раю. И хотя большинство животных еще существует, тем не менее туристу они больше на глаза не попадают. Разве только в тех случаях, когда он согласится много недель плыть в маленькой лодчонке до дальних, узких протоков, уводящих в самую глубь девственного леса. Вот там их, может быть, еще увидишь. Да и то не наверняка. Они теперь и там стали очень пугливы из-за непрестанной охоты, и

наблюдать за ними крайне трудно. В отличие от обитателей обширных африканских национальных парков, которым нечего бояться людей. Но пока, к сожалению, ни одна южноамериканская страна не уяснила, какой приток валюты вызовет создание на этом континенте национальных парков, которые привлекут множество туристов из разных стран. Но национальному парку недостаточно обрести официальные границы, линии на карте. Для его устройства необходима действенная охрана из лесничих, охранников или егерей, к тому же неподкупных, которые не пойдут ни на какие сделки с торговцами пушниной и охотниками. Такому парку нужны удобные дороги, по которым можно разъезжать на джипах, посадочные площадки для небольших самолетов и авиеток, разумно оборудованные туристические базы и, разумеется, в первую очередь четкие законы об охране природы, которые должны неукоснительно соблюдаться.

Вот африканцам из многих развивающихся стран это удалось совместно с европейскими специалистами по охране природы. Удастся ли и южноамериканцам добиться чего-либо подобного на своем континенте?

Глава четвертая

ИНСТИНКТ ИЛИ РАЗУМ?

На заборе сидит скворец. Он непрерывно крутит головой, разглядывая небо в поисках летящих насекомых. Вот он что-то обнаружил, срывается с места, хватая клювом добычу и возвращается на свой наблюдательный пункт. Там скворец ударом клюва о деревянную планку умерщвляет свою жертву: несколько глотательных движений — и она исчезла в его зобе. Затем он немного распушает свое оперение и отдыхает. Скворец свое дело знает!

Но что вы скажете о другом скворце, на сей раз ручном, который, сидя на бронзовом бюсте в комнате, где нет ни одной мухи, точно так же «прочесывает» глазами пространство, замечает *несуществующее* насекомое, провожает его поворотом головы, срывается с места, «догоняет» его, «убивает» ударом о стол и, давась, «заглатывает»? То, что нам только что казалось таким осмысленным и целенаправленным, оборачивается полнейшим безрассудством: мы наблюдали инстинктивное действие, сработавшее вхолостую.

Серые гуси, находясь в комнате, способны упорно «щипать траву», в резервуаре с чистой водопроводной водой часами «вылавливать» несуществующий зоопланктон, в то время как наполненная кормушка — их единственный источник пропитания — стоит рядом. Мои зеленые попугайчики радостно таскают

по клетке веточки, старательно их расщепляют, но тем не менее не строят из них гнезда, потому что не наступил еще брачный период. Если наблюдать за подобными же действиями этих попугайчиков непосредственно перед откладкой яиц, то можно прийти к выводу, что они *знают*, для чего таскают и расщепляют веточки. А вот о чем они думают сейчас, когда работают явно впустую?

Когда мы замечаем, что цапля, которая только в конце весны начинает вить свое гнездо из хвороста, еще ранней весной, до начала брачного периода, облюбовывает себе веточки, затем их обламывает и небрежно роняет на землю, нам это кажется странным и бессмысленным. Но бессмысленным это кажется только потому, что мы привыкли думать, что веточки цапля таскает в клюве с одной-единственной целью — построить гнездо для своих деток. На самом деле все обстоит иначе. Цапля строит гнездо просто потому, что это доставляет ей удовольствие — она получает удовлетворение от исполнения этих инстинктивных действий. Пока брачный период еще не в полном разгаре, птица довольствуется и незаконченными операциями, не доведенными до логического конца. Инстинктивное поведение для животного — *самоцель*, а вовсе не полезное для природы деяние.

Обратите внимание, как воробьях настойчиво пытается накормить зернами выводок чужих птенцов. На самом деле им требуются только насекомые, которых им настоящие родители и приносят. Или, например, парочка крапивников выбивается из сил, стараясь накормить прожорливого, вечно голодного кукушонка. Почему бы им просто не выкинуть уродливого подкидыша из гнезда? Нас это удивляет. А дело в том, что само кормление птицам вовсе не в тягость, а, наоборот, им доставляет огромное удовольствие полностью предаться этому инстинктивному действию. Засовывать свою добычу в такой особенно широко разинутый клюв для них, по-видимому, даже приятнее, чем в маленькие клювики своих собственных детей. А как только кукушонок вытолкнет какого-нибудь птенца из гнезда, родители перестают обращать внимание на несчастного, даже если он, повиснув в развилке ветвей, жалобно пищит: инстинкт кормления вызывает у родителей только тот птенец, который сидит в гнезде с широко разинутым клювом.

Надо сказать, что у нас никак не уместается в голове, что гусыня не осознает, зачем шипя кидается на нас, когда мы отбираем у нее одного из гусят. Тому же, что олень не затем лишь спаривается с оленихой, чтобы произвести на свет потомство, — этому мы верим с большей легкостью. Ведь в подобном случае и человек движим вовсе не конечной целью, а соответствующим

инстинктивным поведением, ведущим к этой цели. В этом случае нам кажется вовсе не таким уж безрассудным (как в примере с цаплей) то, что Ханс целует свою Гретхен, не имея в виду построить с ней семью... Действие, которое по предназначению природы должно вести к продолжению рода, оказывается, и у человека превратилось в самоцель, его совершают ради него самого, ради собственного удовольствия.

Вон те молодые аисты на крыше соседнего сарая в один прекрасный день без чьей-либо помощи распластают крылья и в присущей этому виду планирующей манере поплывут по воздуху без чьей-либо подсказки. Никто их этому не обучал. Это врожденное, запрограммированное поведение присуще им точно так же, как то, что ноги у них неизменно красного цвета. Просто они, достигнув определенного возраста, уже владеют техникой полета — вот и все. А поскольку птенец поначалу неумело порхает, то многие думают, что ему приходится «тренироваться» в полете, учиться у родителей. На самом деле это совсем не так. Просто инстинктивное действие вызревает и усовершенствуется не сразу, а постепенно. Оно закрепляется после того, как у птенца окрепнут крылья.

Иногда бывает наоборот. Утки обороняются от противника сначала клювом, а потом уже наносят ему удары своими твердыми, сильными крыльями. Маленькие утята зачастую поступают аналогичным образом: хватают врага клювом и машут при этом своими смехотворно малюсенькими обрубками крыльев, которыми им и не дотянуться до противника! В этом случае инстинктивные движения вызрели раньше крыльев.

Если поднять неспособного к полету страуса и раскачивать его из стороны в сторону, он своими рудиментарными обрубками крыльев делает точно те же движения, что и курица в аналогичной ситуации. Здесь инстинктивное поведение, а именно летательные движения, унаследованные от летающих предков, сохранилось гораздо дольше, чем сами крылья.

То, что порхание является не тренировкой, а лишь постепенным созреванием запрограммированного поведения, можно легко доказать на следующем примере. Одному из двух молодых голубей, взятых из той же кладки, связывают крылья. Как только у свободного от пут братца полностью усовершенствуется полет, распутывают и второго, и — смотрите-ка! — он умеет летать не хуже первого! А ведь он ни разу еще не упражнялся, не «тренировался», как тот!

Молодые головастики, которых держали под наркозом все то время, пока их собратья «учились» плавать, после пробуждения плавали ничуть не хуже остальных.

Инстинктивное поведение настолько устойчиво, неизменно, что не меняется даже под влиянием опыта, научения. Точно так же, как отдельно взятая косуля не обретет защитной белой окраски даже в том случае, если мы будем ее со дня рождения держать в заснеженной местности. Веретеницу, прожившую в Гамбурге в неволе сорок шесть лет, последние тридцать один год кормили при помощи пинцета. И все эти годы она тупо хватала сначала поблескивающий металл пинцета, а уж только потом мучного червя или кусочек дождевого, которыми ее кормили!

В моем саду, за домом, дрозд свил прелестное гнездышко, круглое, аккуратное, обмазанное изнутри глиной — прямо заглядение! Такие же гнезда строят все дрозды, даже если бы мы вздумали выращивать их в инкубаторе и они никогда бы не видели чужого дроздиного гнезда, не говоря уже о технике его постройки. Способность безо всякого предварительного опыта, не вникая в суть собственных действий, лепить подобные круглые гнезда дрозд приносит с собой, что называется, «из яйца». В один прекрасный день он проявляет эту свою способность независимо ни от чего, точно так же, как в определенный момент меняет свой птенцовый пух на «взрослое» оперение с брюшком в темную крапинку. Вздумай какой-нибудь дрозд сострять неряшливое гнездо под стропилами дома, то, как выяснится, — это вовсе не дрозд.

В прежние времена зоологи относили животных к определенному роду в зависимости от строения их тела. Отличительным признаком, например, голубиных, включая субтильных китайских голубей, наших обычных домашних, а также вяхирей, должен служить их клюв со вздутыми ноздрями. Но вот у хорошенького зубчатоклювого голубка, обитающего на островах Самоа, совсем другой клюв, и тем не менее это настоящий голубь. И при всем хитроумии никому не удастся найти у голубя такого признака в строении тела или такого органа, который имелся бы у всех без исключения голубей и которого не было бы у других птиц. Но зато есть одно инстинктивное действие, общее и неизменное для *всех* представителей этого рода, будь это наши почтовые голуби или крупные зеленые японские голуби — разносчики семян: самец насиживает яйца только в «обеденный» перерыв, то есть примерно с полудня и часов до четырех, все же остальное время на кладке вынуждена томиться голубка. Кроме того, все голуби пьют, всасывая воду в клюв, а не запрокидывая голову после каждого глотка, как это делают куры, о которых говорят, что они «благодарят небо за утоление жажды». Помимо того, голуби отличаются еще и тем, что во время сна лишь втягивают голову в плечи, а не поворачивают ее на сто восемьдесят градусов

и не засовывают в оперение, как это делает разный другой птичий народец.

Когда чибиса одолевают заботы и он хочет почесать себе голову, то он заводит свою длинную ногу под крыло и, протянув ее вперед, чешет ею свою венценосную головку. Утка же чешется самым простым и обыкновенным способом. И даже самому опытному и заслуженному дрессировщику животных никогда не удалось бы добиться от чибиса, чтобы он чесался, как утка, а утка, как чибис. Да, запрограммированное поведение столь же неизменно, как части тела. Аист с подрезанными крыльями может годами жить в зоопарке и все равно каждый раз, когда мы хотим его поймать, пытается взлететь, падая при этом на землю. И никак ему не придет в голову, что он просто мог бы на своих длинных ногах от нас убежать...

Я знаю, что многие любители животных возмутятся, если я сейчас резюмирую: да, инстинктивные действия — вещь врожденная, животное проделывает их охотно, получая от этого чувство внутреннего удовлетворения. Смысла этого своего поведения животные не понимают. Все особи одного вида и рода (значит, все ласточки или все куры) совершают запрограммированные действия с фотографической точностью; ни один представитель вида не в состоянии путем осмысливания изменить или улучшить врожденное инстинктивное поведение.

Но, пожалуйста, прежде чем вы гневно отвернетесь от этой книги и откажете ей в своем расположении, послушайте меня до конца: я говорю ведь только о том, что *запрограммированное поведение* животного косо и неизменно, но вовсе не утверждаю, что животные ограничиваются одними инстинктивными действиями. Во все нет! Разумеется же, что ворон благодаря накопленному опыту может заметно поумнеть, а обезьяна, безусловно, очень часто отдает себе отчет, почему поступает именно так, а не иначе!

Скользкая зеленая лягушка увидела муху. Устрашающе-незаметными движениями лап она перемещает свое тело в направлении намеченной жертвы: прыжок, и — хап! — мухи нет. Пройдут десятилетия, но ни одна лягушка не догадается, что к несчастной жертве можно подкрасться и накрыть ее лапой. А вот незаметно повернуться в сторону жертвы, приготовиться к прыжку, а потом прыгнуть — это для них врожденное действие. А вот *насколько* именно повернуться в ту или другую сторону — это лягушка уже решает по обстоятельствам, в зависимости от нахождения объекта охоты.

Когда любитель палить из ружья подходит к болоту, все кряквы как по команде поскорее занырявают и скрываются из виду. Страх перед огнестрельным оружием им отнюдь не был заложен

«прямо в яйце», для этого чертовы ружья еще слишком недавно появились на нашей Земле. Страшиться стрельбы утки, безусловно, научились на собственном горьком опыте или запомнили неоднократные предупреждения своих матерей. А вот заныривание в момент опасности — это опять же инстинктивное действие.

Нанижем вплотную на веревку кусочки резины вперемежку с кусочками золота. Та часть, где резина, может растягиваться и сгибаться, а та, где золото, останется негнущейся, то есть растягиваться, гнуться или выпрямляться стержень может только за счет резиновых участков. Так и поведение животного состоит чаще всего не из одних только застывших, «золотых», то есть запрограммированных, поступков, а перемежается изменчивыми, гибкими, благоприобретенными и разумными действиями, что совместно с инстинктивными составляет некое единство. Вот именно тут-то в зоопсихологии и «зарыта собака», как показывает нам Конрад Лоренц в своих новейших исследованиях. Зоопсихологам, пытающимся разгадать, проникнуть в сознание и чувства «нечеловеков», придется еще не один годик попотеть и поучиться, чтобы выявить, что же в поведении кошки или ворона чисто инстинктивное, а что — разумное, где золото и где резина?

Вот, например, сороки и галки обожают утаскивать и прятать всевозможные предметы в самые укромные темные щели. Они проделывают такие фокусы даже тогда, когда в клюве у них ничего нет. Им просто доставляет удовольствие сам процесс запрятывания. Здесь чисто инстинктивное действие. Но галки прячут свои кусочки мяса у всех на виду, когда и другие галки, и люди явно видят их действия. Этим они подвергают себя постоянной возможности быть обкраденными. Вороны же в отличие от галок скоро соображают, что прятать что-либо на глазах у всех совершенно бессмысленно и что укрывать свои «сокровища» от людей надо как можно повыше, там, где их трудно достать... Таким образом, ворон к чисто инстинктивному, «золотому» поведению может подключать еще и гибкое, «резиновое», основанное на личном опыте или разуме. А вот галка — не может.

Ловкий сокол-сапсан действует разумно только тогда, когда обследует с воздуха свой охотничий участок, — он помнит, что ему уже прежде удавалось ухватить там жирный кусочек... Но как только он заметил голубя, то уже все его последующие действия — молниеносный бросок, удар клювом и заталкивание в зоб — сплошное устойчивое, неизменное запрограммированное поведение.

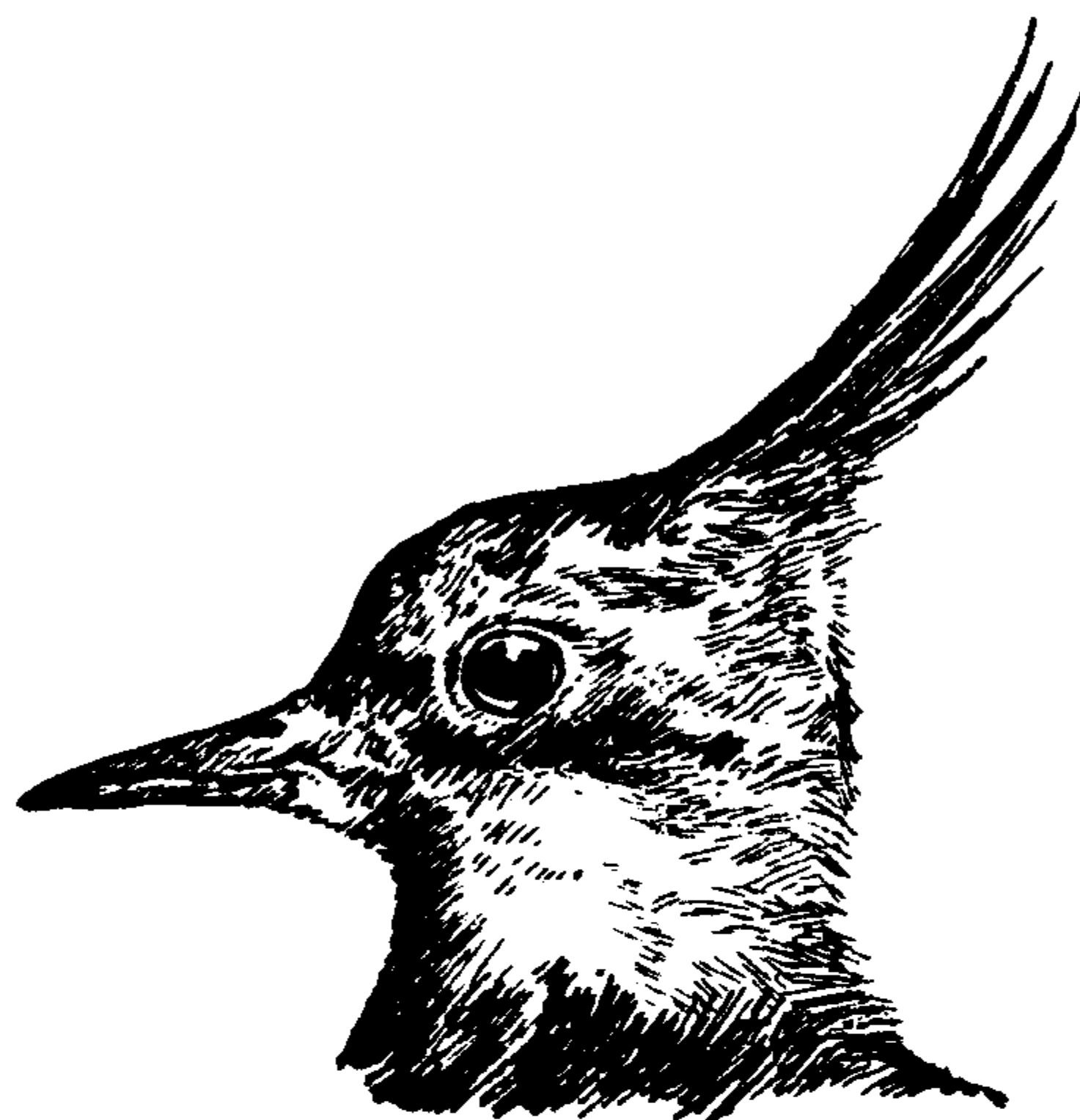
Но чем ближе животные по своему развитию стоят к человеку, тем меньше процесс добывания пищи у них носит характер ин-

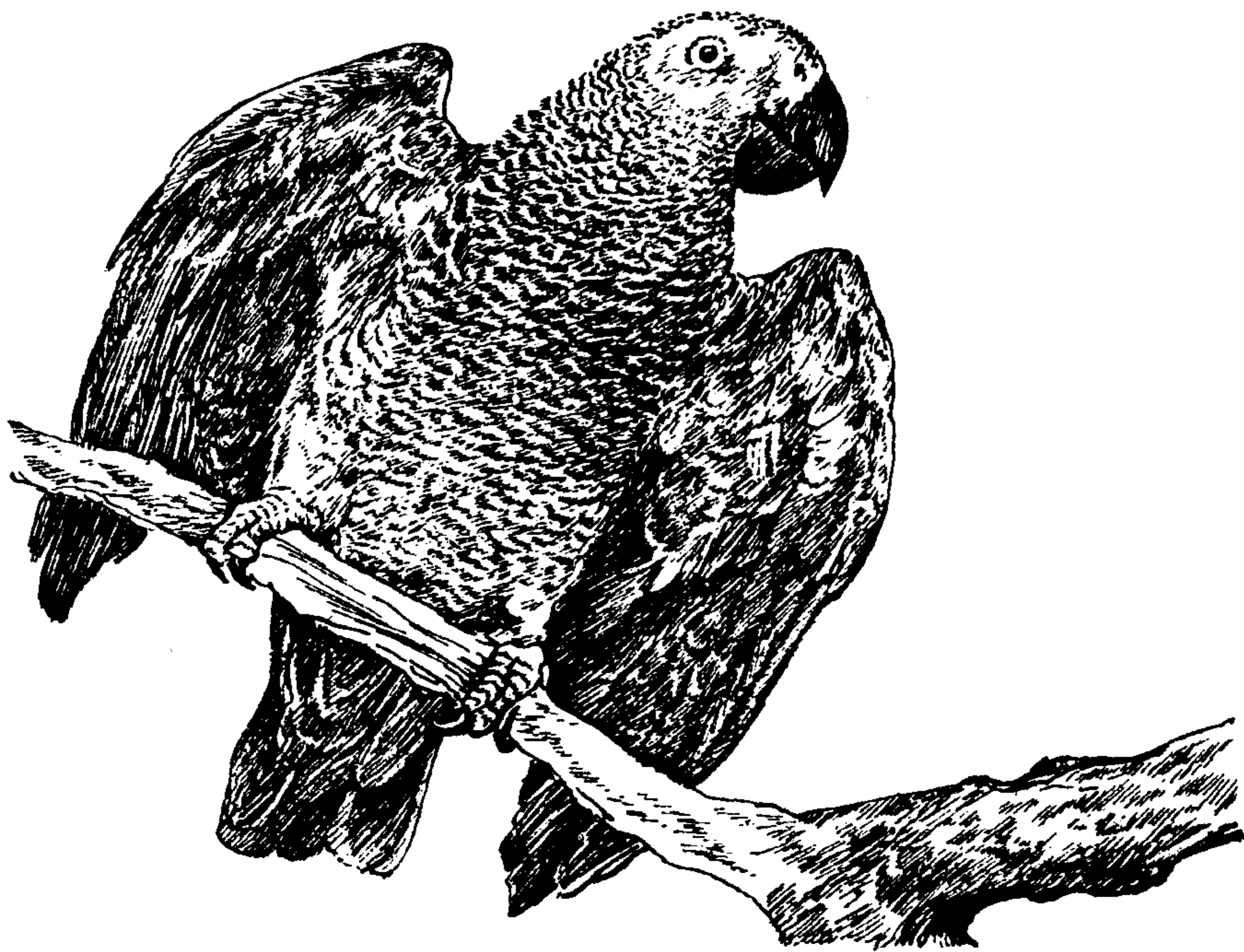
стинктивных действий, тем больше в нем элементов разумного и благоприобретенного. Что касается нас, то инстинктивным, доставляющим удовольствие остается одно лишь разжевывание и проглатывание пищи, а сам процесс добывания хлеба насущного для нас — одно мучение и хлопоты. Процесс еды у нас в большинстве случаев движим инстинктом, является самоцелью. Это видно хотя бы из того, что едим мы просто ради удовольствия, не задумываясь вовсе о том, что нам надо «питаться»; едим чаще всего не думая о необходимости поддерживать свое здоровье. Стали бы мы в противном случае есть лишнюю всяких питательных веществ подслащенную и подкрашенную замерзшую водичку — фруктовое мороженое или вливать в себя литрами пиво? Большинство же животных получает удовольствие не от заглатывания добычи, а именно от ее добывания, ее умерщвления. Не раз наблюдались случаи, когда пойманные хищники в неволе не притрагивались к предложенной пище только потому, что не сами ее добыли. Заставить такое животное есть готовое мясо — дело почти безнадежное, оно лучше умрет с голоду. Раздирание и заглатывание пищи для зверей, в отличие от нас, лишь второстепенный довесок к радости и азарту охоты и умерщвления добычи, то есть к раздобыванию пропитания. Собаки ведь, как правило, охотятся с диким воодушевлением даже тогда, когда они хорошо упитаны и вполне сыты. В таком состоянии их даже легче приучить не разрывать охотничьи трофеи.

Чем единообразнее инстинктивное поведение, чем меньше оно перемежается с эластичными способностями к обучению, тем больше ошибочных действий совершает животное в непривычной для себя обстановке. Так домашняя мускусная утка будет в бешенстве на вас бросаться, если вы держите в руках пищащего утенка кряквы. Но стоит ей только «отважно отбить» его у вас, как она почему-то тут же принимается его клевать и даже пытается умертвить. А объясняется все просто. Крик об опасности у крякв и мускусных уток звучит одинаково, поэтому он вызвал у утки соответствующую инстинктивную реакцию — материнскую защиту своего потомства. Но чужой рисунок оперения спинки у птенца кряквы немедленно заставил сработать другую инстинктивную реакцию — заботу о сохранении вида: чужих детенышей надо убивать, чтобы они не сжирали корм, предназначенный для своего собственного потомства.

Там, где имеет место чисто инстинктивное поведение, там кончаются рассудительность, благоразумие и обдуманность поступков. Это ведь и у нас, в особенности у представителей мужского пола, обстоит аналогичным образом (несмотря на то, что инстинктивного в наших действиях, к сожалению, осталось нич-

тожно мало и действия эти носят совершенно убогий характер). Тем не менее известно, что и наиболее серьезные и ученые мужи, безусловно способные критически мыслить, могут совершать самые невероятные ошибочные действия, когда дело касается таких инстинктивных проявлений, как выбор супруги, как ухаживание...

Глава пятая

КАК ПОПУГАЙ УЗНАЕТ СВОЕГО ХОЗЯИНА?

Скорый поезд мчался сквозь ночь. В спальном вагоне на месте под номером 15 спал адвокат, которому предстояло наутро вести в Берлине важный процесс, и во сне ему снилась, наверное, его заключительная речь. Над ним, на полке номер 16, лежал другой пассажир, уставившись глазами в синюю лампочку на потолке, и никак не мог уснуть. А не мог он уснуть оттого, что злился и недоумевал: что за попутчика Бог послал? Что за свинство такое? Ужасно неприятное ощущение вот так лежать, сознавая свою полную беспомощность, над совершенно незнакомым субъектом, который вечером лишь невнятно пробурчал свое имя, а сейчас лежит и непрерывно издает звуки, считающиеся, мягко говоря, неделикатными...

Пассажир номер 16 (а им был я) всю ночь возмущался беспардонным поведением своего попутчика, а наутро, выйдя в седьмом часу на перрон Ангальтского вокзала, от души смеялся, поняв, что источником неприличных звуков был вовсе не этот господин, а серый попугай, которого тот вез кому-то в подарок. Столь натуралистичная имитация подобных неприличных звуков — это было первое, с чего Агата (так звали попугая) начинала свою деятельность пародиста. Оказывается, попугая адвокату привезли совсем недавно, и он прожил у него в Штутгарте всего несколько дней, где временно был помещен в общую клетку с другим по-

пугаем. Но это было ошибкой: каждый раз, когда хозяин хотел погладить одного из попугаев, другой пребольно клевал его в руку. Адвокат предъявил мне два глубоких красных рубца в качестве свидетельства сварливого характера Агаты. Поэтому я не удивился, когда мой попутчик с такой легкостью согласился расстаться с этой птицей и отдал ее мне. Теперь я стал владельцем Агаты.

Иметь собственного настоящего большого попугая было голубой мечтой моего детства. Родовитая старая дева, живущая в то время над нами, имела такого попугая, а именно красно-зеленого, амазонского. Она мне твердо обещала, что после ее смерти я унаследую ее любимую Лору. В один прекрасный день моя мать куда-то уехала и попросила добрую фрейлейн фон Винклер уложить нас, детей, вечером спать. Каково же было ее удивление, когда она услышала, что я к привычной вечерней молитве добавляю еще и свою собственную просьбу к богу:

— Боженька, сделай, пожалуйста, так, чтобы добрая тетя Винклер поскорее умерла и мне достался ее попугай...

Фрейлейн была очень тронута. Хорошо, что не все светлые молитвы, возносящиеся к небу из тысяч сел и городов, исполняются. Зеленая Лора вскоре после этого скончалась и украшала, уже в виде чучела в клетке, старомодную комнату на Вокзальной улице, где мы тогда проживали, а добрая, старая фрейлейн фон Винклер здравствует и по сей день.

Но вот теперь, несколько десятков лет спустя, моя мечта все же сбылась — я стал обладателем настоящего большого попугая. На другой день, придя вечером с работы, я осторожно засовываю в клетку Агаты свою правую руку, одетую из предосторожности в кожаную перчатку. Она тут же вцепляется в нее клювом. Тогда я протягиваю ей деревянную поварешку. Агата поднимает свою серебристо-серую лапу, хватается за поварешку и после некоторого колебания все же решается на нее взобраться.

Но затем случилось то, о чем я не подумал. Попугай не остался сидеть на поварешке, а, быстро перебирая лапами, боком продвинулся к дверце и мигом перебрался на мою руку, а уже по ней на плечо. Я здорово струхнул, припомнив продырявленную ладонь штутгартского адвоката, но у меня не было ничего под рукой, чем бы я мог помешать Агате выбраться из клетки. А она, усевшись поудобнее, принялась легонько и нежно пощипывать клювом меня за ухо.

Прерывающимся от волнения голосом я начинаю разговаривать с ней, причем противно-подхалимским тоном, всячески ее нахваливать. И — смотрите-ка — она распушает перья и склоняет свою серебристую головку, чтобы ее почесали: дружба заключена.

На следующий день я уже без страха протягиваю ей палец — она больше не кусается. Зато старательно растрепывает воротник моей старой домашней куртки, пока я разговариваю по телефону.

За столом она желает сидеть только рядом со мной. Сидит аккуратно на листе бумаги и угощается маленькими ломтиками, которые ей дают. Любимое ее блюдо — картошка. Уважает она и кекс, если его предварительно обмакнуть в молоко или чай. От мяса и колбасы тоже не отказывается. Стоит мне выйти из комнаты, как она начинает свистеть. Я свищу ей в ответ, и так мы пересвистываемся через весь дом. Похоже, что ее прежний владелец был настоящим мастером художественного свиста, потому что научил ее целым ариям с замысловатым тремолированием и всяческим трелям. Не может быть и речи о том, чтобы я смог повторить за ней хоть одну из ее музыкальных фраз. Музыкального слуха я, к сожалению, напрочь лишен, так что боюсь, что, послушав мои музыкальные упражнения, она скоро позабудет многое из того, что знала, и начнет издавать такие рулады, от которых любители музыки будут приходить в ужас...

Вскоре мне пришлось на пару дней уехать. Когда я вернулся, к нам пришли в гости дедушка с бабушкой. Мы втроем стоим вокруг клетки, и Агата явно начинает волноваться. Внезапно она хватается меня за палец, не слишком больно, но все-таки... За ужином она хоть и сидит на столе, но весьма подавлена и смущена. В виде особого одолжения она идет на зов дедушки взять у него кусочек колбаски. На протянутую бабушкой руку она взбираться отказывается. А когда я вышел из комнаты, она укусила деда за ладонь, нанеся ему довольно глубокую и сильно кровоточащую ранку. Бедной бабушке сделалось дурно...

Двумя днями позже Агата кусает одного гостя в руку до крови.

Позже к нам приходят в гости два кинооператора. Они рассказывают, что в Южной Америке им частенько приходилось иметь дело с попугаями и пусть мы не беспокоимся, они с ней поладят. Агата вцепляется обоим в руки, а в одного из них прямо мертвой хваткой — едва удается ее отодрать. Мой лейкопластырь уже на исходе.

Агата целую неделю остается в доме наедине с девушкой, которая за ней ухаживает. Однако Агата ни разу не соглашается залезть к ней на руку. Когда я возвращаюсь, Агата по-прежнему доверяет мне. Несмотря на то что все с ней приветливы, она всех игнорирует. Еще и сегодня, по прошествии многих месяцев, она старается укусить каждого, кроме меня.

Такая исключительная любовь все же удивительна. У меня сейчас живут два старых волка, ставших совсем ручными. Но

ничто не говорит о том, что они ко мне относятся доверчивее, чем к другим людям. Вероятно, такая неистовая влюбленность и упорная верность, относящаяся к одной определенной персоне, свойственна только моногамным животным, заключающим единственный брачный союз на всю жизнь. Для Агаты я, безусловно, являюсь ее партнером. При этом я даже не знаю, какого она пола — женского или мужского, как это часто бывает с теми птицами, у которых оба пола носят одинаковое оперение. Даже возраст ее мне неизвестен.

Когда я чешу ей головку, то могу ее иногда обмануть, подсунув чужие пальцы вместе со своими и осторожно убрав затем свою руку. Но только очень недолго разрешает Агата чужим пальцам себя ласкать, потом она отворачивает свою красивую серебристо-серую головку: «не надо».

Мне хочется научить ее исполнять что-нибудь новенькое. И ничего глупее мне не приходит в голову, чем просвистеть ей популярную американскую песенку «Лили Марлин». Итак, двадцать, тридцать раз я насвистываю ей несложный мотивчик: «Перед казармой, прямо у ворот...» Когда она мне издали что-то насвистывает, я исполняю ей в ответ одну и ту же фразу: «Перед казармой, прямо у ворот...» Надо сказать, что у Агаты огромный набор разных свистов. Она никогда не свистит подряд одно и то же, а меняет свои позывные. Однако с «казармой» она заставляет себя долго ждать. Зато, когда до нее доносится свисток паровоза, резкий и переливчатый, она с восторгом ему вторит, да так, что закладывает уши. Будем надеяться, что она не научится подражать еще и звуку сирены!

До появления Агаты члены нашей семьи, чтобы общаться между собой в этом большом трехэтажном доме, выработали особую сигнализацию при помощи свиста. Теперь это стало невозможным: никто уже не может понять, кто кого и куда зовет!

Пришел в гости сосед. Пока он со мной разговаривает, из соседней комнаты внезапно раздается громогласный хохот — Агата демонстрирует его впервые, хотя находится в доме уже больше месяца. Сосед поднимается:

— Простите, я не знал, что у вас гости...

Я заметил, что охотнее всего Агата разговаривает и свистит, когда находится одна в комнате, за полузакрытой дверью. С маленьким Михаэлем она дружить не хочет. Когда она сидит на столе, а он бегаёт вокруг, она, наклонив голову вперед, как разъяренная наседка, бегаёт маленькими шажками по столу, преследуя его.

С некоторых пор Агата стала кричать «мяу», очень естественно и похоже — «ми-а-у», хотя в доме нет ни одной кошки и ни

одна к нам не навевывалась в гости. Через пару дней она начинает издавать свое громкое «ха-ха-ха» каждый раз, когда какая-нибудь из наших собак подходит к ее клетке. Когда я пересаживаю ее со стола в клетку, она неизменно произносит «гобо». Скажи она это с самого начала своего появления в нашем доме, я наверняка окрестил бы ее «Гобо» и считал бы, что это «он», а не «она».

Однажды я, поднимаясь по лестнице на второй этаж, насвистывал «Лили Марлин». Внезапно до меня снизу совершенно явственно доносится мотив: «Перед казармой, прямо у ворот...» Радостно бросаюсь вниз, как говорится, перил не касаясь:

— Хедвиг, это вы только что свистели?

— Нет.

— Ну значит, это она наконец-то выучила! — радуюсь я.

Но тут раздается довольное хихиканье из детской кроватки: оказывается, это Михаэль позволил себе со мной такую шуточку.

Но тремя днями позже Хедвиг начинает утверждать, что попугай на самом деле насвистывал «Лили Марлин». Но я стал недоверчив и сомневаюсь в этом. А ровно через месяц после того, как я начал насвистывать Агате этот мотив, я и сам услышал, как она его повторяет.

Я сижу за письменным столом и слышу, как внизу, на первом этаже, Агата несколько раз подряд насвистывает: «...прямо у ворот».

Днем она сидит в клетке на балконе и развлекается тем, что пугает прохожих. Люди начинают нервно оборачиваться, потому что кто-то их освистывает. Только немногие догадываются, что это проделки попугая. Потом она выступает в роли резкого звонка. Мое семейство, у которого от этого звонка закладывает уши, утверждает:

«Специально, чтобы нас позлить!»

Но вечером снова раздается: «...прямо у ворот», а когда собак зазывают со двора домой, Агата внезапно тоже кричит: «Иди, иди, иди!»

Я открываю дверцу и жду, пока Агата вылезет и переберется на крышу клетки. Она нацеливается головой на мое плечо, словно вот-вот перелетит ко мне. Однако до сих пор Агата только однажды решилась полететь в комнату, и то с испуга. Но когда я кладу свою руку на ее клетку, Агата делается внезапно совершенно другой птицей: она пригибается вниз и, полураскрыв крылья, кладет подклювье на мой указательный палец и имитирует, будто что-то пьет. Время от времени она засовывает клюв меж моих пальцев. Мне еще ни разу не приходилось видеть парочку флиртующих серых попугаев, но я не сомневаюсь, что Агата исполняет передо мной самый настоящий брачный танец. Она то влюбленно

покусывает слегка мои пальцы, то ставит свою левую ножку на какой-то момент на мою руку, каждый раз только на какой-то момент, чтобы сразу же отдернуть ее назад. На руку она не заходит, хотя обычно ее не надо об этом упрашивать. Агата явно кокетничает: даже от протянутой ей вишни, ее любимой ягоды, она презрительно отворачивается, находясь в состоянии экстаза.

Интересно, по каким признакам Агата, которая так злобно отвергает всех других людей и даже кусает их, узнает меня? По голосу? По лицу? По одежде? По запаху? Ведь далеко не все птицы в этом схожи между собой.

Так, один орнитолог вырастил у себя на балконе и в квартире ручную самочку-дрофу. Когда эта огромная птица гуляла по парку со своим хозяином, она каждый раз почему-то пугалась, когда тот надевал шляпу. Птица охотно бежала за своим хозяином, когда тот шел с непокрытой головой, и убегала от него, как только он надевал на себя головной убор. Попеременным надеванием и снятием шляпы можно было заставить эту птицу бегать взад и вперед. Кстати, прирученный самец того же вида очень быстро привык к головному убору хозяина и не обращал на него никакого внимания.

Большинство мелких певчих птиц пугаются, когда их хозяин появляется возле клетки в каком-нибудь ярком костюме, в пальто или голышом. Некоторые более смысленные виды тем не менее начинают догадываться (когда ухаживающие за ними люди часто переодеваются), что лицо — вот что остается неизменным в этом вечно меняющемся облике человека. Выпущенные на волю ручные вороны зоолога Хайнрота, например, узнавали своих приемных родителей независимо от того, был ли на его жене меховой воротник и шляпа или только легкая кофточка, а на нем самом металлический шлем и длинный офицерский плащ или обычный костюм. Часто их вороны, подлетая к ним на улице сзади, не узнавали их, но затем, перегнав хозяев и повернув в полете голову, возвращались назад и садились на руки. Молодой фазан преследовал Хайнрота своими любовными домогательствами, а жену исследователя ненавидел и злобно прогонял. Когда супруги Хайнроты обменялись одеждой, он все равно узнал их по лицу. Сестру мадам Хайнрот, нарядившуюся в ее платье, фазан тоже сумел распознать и оставил без малейшего внимания.

Интересно, как поведет себя наша Агата в аналогичных обстоятельствах? Когда я во время работы в саду подошел к ее клетке в одних тренировочных брюках и майке, она без колебаний пошла ко мне на руку. В другой раз я надел устрашающую маску и к тому же еще напялил на себя шляпу. Разговаривая с ней в таком наряде, я все же убеждаю ее подойти ко мне. Неуверенно

она ставит одну ногу на мою руку, водит клювом по пальцам и наконец решается залезть мне на руку; я вынимаю ее из клетки.

Переодевание продолжается. На сей раз я помимо маски надеваю женскую косынку на голову, наряжаюсь в цветастый дамский халат и пробую выступать в образе «дамы». При этом я еще и молчу. Агата не узнает меня, мое заигрывание отвергает и сильно кусает за палец — слава Богу, не до крови. Я ухожу и через некоторое время возвращаюсь вновь: Агата неумолима. На третий раз я начинаю с ней разговаривать, и, смотрите-ка, моя Агата разрешает себя почесать, любовно покусывает мои пальцы, но на руки не идет. Даже когда я снимаю маску, но остаюсь в халате и косынке, Агата не решается, несмотря на все мои уговоры, залезть на руку. Сбита ли она с толку предыдущим маскарадом? Я сбрасываю дамский капот — и Агата в тот же миг кидается ко мне. Когда я снова превращаюсь в ведьму (правда, без маски), Агата после долгих уговоров все же решается залезть ко мне на руку. Как видите, обучается она очень быстро.

Теперь попробуем поэкспериментировать с ней в обратном порядке. Несмотря на прекрасный теплый летний вечер, я надеваю зимний костюм: Агата безо всякого идет ко мне на руки — и почему бы ей этого не сделать? Когда я в придачу закрываю лицо маской и надеваю кожаную перчатку, ее это тоже не смущает. Так. Теперь быстренько снять костюм и надеть его на пришедшую к нам в гости даму. Ей надевают на лицо маску, напяливают на голову шляпу и на руки — перчатки (моим гостям немало приходится претерпевать у меня в доме, к тому же они впоследствии находят свои изображения в различных книгах и журналах, притом не в наилучшем для себя виде!). Итак, наряженная в мою шляпу, мою куртку, мои брюки и в моих перчатках, эта особа с чужим бумажным лицом просовывает руку в клетку, и Агата взбирается по ней, словно это в порядке вещей! Ну, так долой маску! Но Агата доверяет моей куртке и брюкам: она снова безо всякого стеснения залезает на чужую руку в перчатке. Мой двойник заговаривает с попугаем, но и чужой голос не производит на Агату никакого впечатления: она спокойно разрешает вынуть себя из клетки.

Что же это ты, Агата, обмишурилась? Или на самом деле задумала нарушить верность мне, своему господину?

Чтобы это проверить, моя гостья, уже в своем собственном летнем платье, но в моих перчатках, проделывает заново тот же опыт... Агата хотя и залезает на ее руку, но тем не менее ни за что не разрешает вынуть себя из клетки. Когда же подхожу я, она тут же радостно на это соглашается.

Итак, нам удалось установить: Агата обращает меньше внимания на лицо, она больше ориентируется на одежду и общий вид. (Однако такое утверждение было правильным только после трехмесячного знакомства с попугаем. Когда Агата семь месяцев спустя увидела меня в непривычной одежде, она уже ни минуты не сомневалась, что это я. Когда профессор Кёлер прочел сообщение о моих опытах, он решил испробовать то же самое на своем великовозрастном сером попугае Гайере. Но того нельзя было провести даже самым невероятным маскарадом. Он слишком хорошо знал руки самого профессора, его жены и домработницы, мог их распознать даже в том случае, если они высовывали их из-за портьеры, или когда персоны, которым принадлежали эти руки, оставались невидимыми. Даже если руки были засунуты в перчатки, он все равно их узнавал: по-видимому, одному ему заметные характерные движения знакомых рук имели для попугая решающее значение.)

В то время как я пишу эти строки, Агата сидит у меня на коленях в совершенно блаженном настроении. Она уютно устроилась, будто квочка на гнезде, распушила перья и дышит, громко постанывая от удовольствия. Я поглаживаю ее головку — провожу пальцами от самого клюва к макушке. Там, куда скользит мой палец, серебристые перышки уже заранее, на расстоянии двух-трех сантиметров, распластываются, как маленькие плоские щиты, прижимаются к телу, и светлый отблеск переливается по всей шейке птицы. О, Агате это нравится! Почти так же, как почесывание «за ушком». Но почесывать ее я стараюсь как раз пореже, потому что от этого перышки сминаются и растрепываются. Стоит мне в задумчивости перестать ее гладить, как Агата тут же издает громкий, напоминающий воркование звук, и, как только моя рука начинает к ней приближаться, она подсовывает мне свою головку. Но другие части тела Агата гладить не разрешает — это ей не нравится. Когда я, например, залезаю ей рукой под крыло, она осторожно хватает руку своим крепким клювом и вытаскивает ее оттуда. Особенно чувствителен у нее красный хвост: если за него немножко подергать, она начинает вертеться по кругу, словно девица, которой озорные ребята пытаются наступить на длинный шлейф.

Лежать вот так у меня на коленях Агата, эта удивительная кокетливая птичка, могла часами.

Между прочим, я согласен с теми людьми, которые пишут мне, что Агата — неподходящее имя для попугая. Но тот, кто был именно так представлен миллионам читателей, уже не должен менять своего имени.

Агата любит одного меня, а всех других людей без разбора щиплет и кусает, и в этом она не оригинальна. Многие любители животных сообщали мне то же самое о своих «попках». Так, Зеппель, синелобый амазонский попугай, привезенный много лет назад Ганной Рейч из Южной Америки, ведет себя точно так же. Но там предпочтение отдано хозяйке, а не хозяину. Тому снисходительно разрешается разве что почесать за ушком, но никак не брать на руки — это привилегия хозяйки. В Штутгарте одной почтенной старушке приходится откликаться на прозвище Миу, потому что так окрестил ее попугай. Теперь ее так называет все семейство. Взрослую дочь этой старой дамы попугай Коко люто ненавидит и преследует. Но стоит Миу уехать, как Коко сразу делается любезным и приветливым по отношению к ее дочери. Однако Боже упаси, если та вздумает и после возвращения Миу продолжать фамильярничать с Коко! Тогда он сразу же превращается вновь в драчливого беса!

Когда я уезжаю, Агата тоже меняет гнев на милость и соглашается залезать на протянутую ей хозяйкой поварешку. Наученная предыдущим горьким опытом, моя жена сначала берет Агату, только надев предварительно толстые кожаные перчатки, но уже через пару дней она торжественно пишет мне, что Агата сидит у нее на плече и любовно покусывает за ушко. Итак, мир восстановлен. Будь иначе, хозяйке было бы обидно пренебрежение попугая. Ведь она без конца возится с обезьянами и терпит волков, провонявших весь дом, а потому не может оставаться равнодушной к тому, что вредная птица упорно не желает ее признавать.

Гордо демонстрирует она после моего возвращения свою дружбу с Агатой: просовывает руку в клетку и, торжествуя, несет попугая к столу.

— Ай! Ах ты, чертова bestия! — так заканчивается эта сценка, и Агата совершает отнюдь не мягкую посадку на пол.

Хозяйка тут же впала у нее в немилость, как только «настоящий» господин ее маленького птичьего сердца снова появился на горизонте.

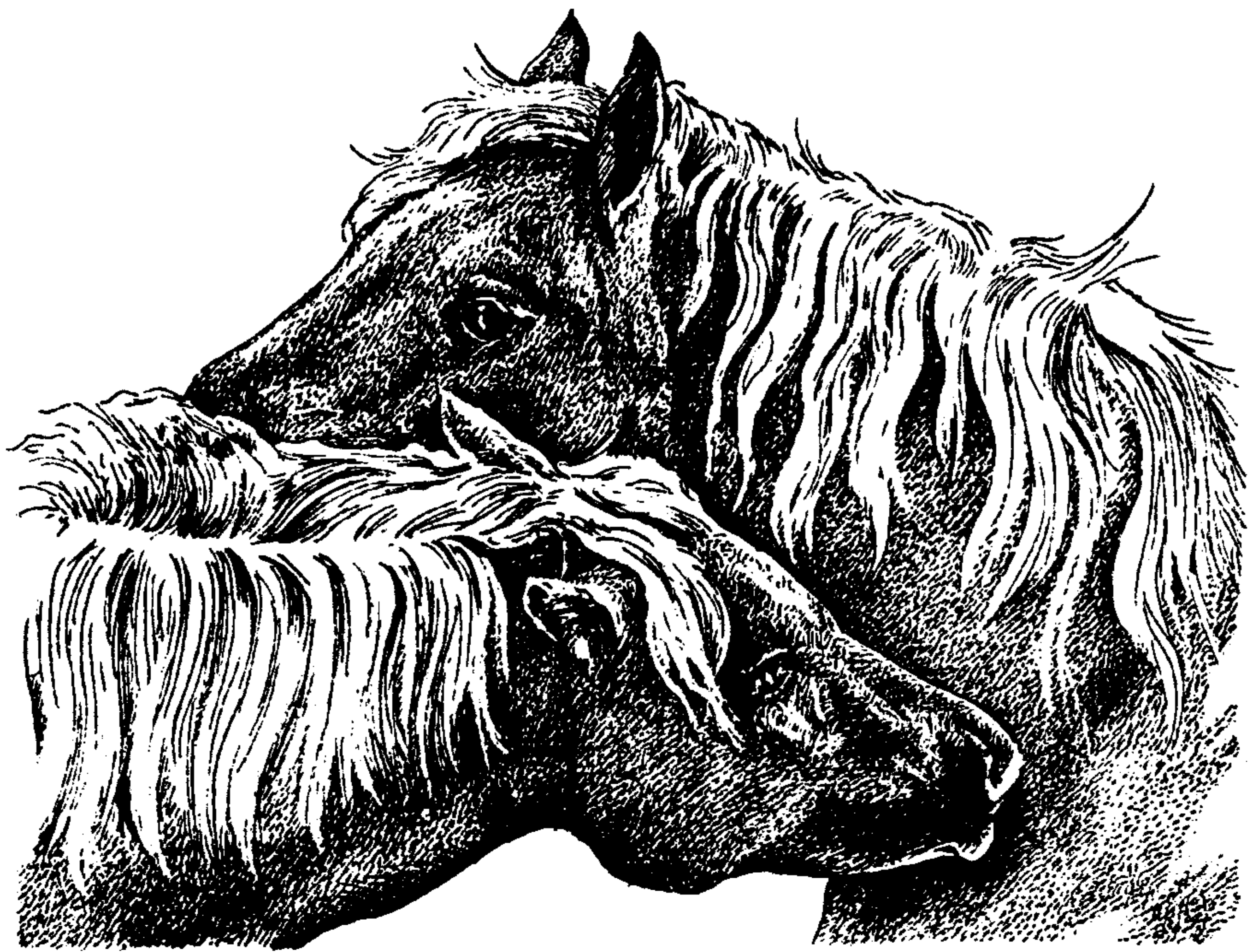
С тех самых пор Агата только однажды еще пошла на руки к своей хозяйке и даже разрешила себя погладить. Но это случилось с ней в состоянии крайнего смятения, когда за ней гнались два разъяренных зеленых попугайчика, стараясь ее заклевать, а хозяйка ее спасла.

Агата — страстная любительница картофеля, хотя самое лакомое блюдо для нее — подсолнухи. Семечки подсолнуха одна моя читательница время от времени присылает из Сарагосы. Там под горячим солнцем Испании они вызревают особенно боль-

шими и мясистыми — вдвое больше наших, немецких. По части же картофеля штутгартский Коко ее явно перецеголял — он оказался значительно более утонченным знатоком и ценителем этого блюда. Тот ест только свежееотваренный картофель в «мундире» или, в крайнем случае, соглашается съесть на ужин подогретый картофель, оставшийся после обеда. А вчерашний — и не пытайтесь предлагать! Коко с возмущением вышвырнет его вон из клетки, даже если его с обманной целью поджарили. Зато этот Коко очень чистоплотен — не гадит ни на столе, ни на плече. Если он сидит на этих священных для него местах и ему захотелось «по делам», то он начинает топтаться на месте, озираясь по сторонам, и, только усевшись на пальце, словно бы на жердочке, он решается уронить кляксу на пол.

Во время путешествий по квартире особым вниманием попугая пользуется почему-то ящик с углем. Он залезает в него и долго там роется, а потом появляется похожий на негра или трубочиста. Тем не менее он позволяет обтирать себя после этого мокрой губкой или тряпкой, даже с мылом. Он готов претерпеть это ради того, чтобы превратиться вновь в благопристойного серого попугая.

Глава шестая

ЛОШАДИНЫЙ ДАНТИСТ

Прежде чем перейти к рассказу о воробьях и слонах, надо начать, пожалуй, с наших собственных зубов, заглянуть, что называется, к себе в рот. Когда зубной врач вырвет наконец предмет ваших продолжительных мучений и страданий, то, рассмотрев его поближе, вы сможете убедиться, что ваш дырявый зуб состоит из двух различных слоев: наружной, очень твердой оболочки — эмали и гораздо менее твердой внутренней массы — дентина. И если эмалевое покрытие кое-как устояло против порчи (кариеса), то вот дентин разрушен до основания.

Но тут я должен упомянуть, что в расчеты природы вовсе не входило, чтобы зубной врач пломбировал человеку зубы или вырывал их у него из челюсти. Когда один исследователь спросил однажды у старого африканца племени балунда, в каком возрасте у них обычно начинают выпадать зубы, тот ответил, что они давно уже все выпали (имея в виду молочные), а те, что выросли после, уже до самой смерти. У некоторых негритянских племен (страшно даже подумать!) принято затачивать напильником зубы. У пожилых людей такие сточенные зубы от употребления бывают «съедены» почти до самых десен. У заточенного зуба наружный слой — эмаль, как более прочная, держится дольше чем внутренний — дентин. Поэтому у подточенных зубов получается ос-

трый, зазубренный край, состоящий из крепкой стекловидной эмали. Такие зубы очень остры.

Ну вот. А среди животных есть такие, которым подобные острые, зазубренные края зубов совершенно необходимы для того, чтобы нормально питаться. Вот, например, лошади. Им ведь приходится перемалывать своими зубами, словно жерновами, сухую твердую массу травы или сена и долго, старательно ее жевать. И в то время как у нас, равно как и у собак, кошек и хищников, жевательная поверхность зубов, как правило, находится постоянно под гладким эмалевым покрытием, то у лошадей и вообще жвачных все совсем иначе. У них зубы постоянно стачиваются друг о друга. Чтобы на таком лошадином зубе было как можно больше острых режущих зазубрин, наружное его покрытие образует много складок и вмятин. От этого жевательная поверхность зуба делается ребристой и шершавой, словно рашпиль. Все, что попадает меж таких зубов, перемалывается в порошок, даже если это старая, пересохшая солома!

Когда таксу Тимошку приводят к ветеринару с зубной болью, то с ним там поступают так же, как с нами самими у зубного врача, то есть его больной зуб можно либо удалить, либо запломбировать. А вот с жеребцом Вихрем это дело обстоит совсем-совсем иначе. Во-первых, не так-то просто разглядеть через его относительно небольшое ротовое отверстие сидящие далеко в глубине коренные зубы. Я как ветеринар во время таких осмотров полагаюсь на свои пальцы и действую на ощупь: залезаю рукой глубоко, буквально по локоть, в лошадиный рот и провожу пальцами сначала по нижней, а потом по верхней челюсти. Должен заметить, что это непросто и небезопасно. Лошадиную голову во время таких манипуляций должны держать по крайней мере два помощника. Если же жеребец Вихрь, которому такое беспардонное обшаривание рта, безусловно, не по вкусу, внезапно напряжет свои сильные шейные мускулы и рванет головой кверху, то он может шутя сломать мне руку. Помощники в таких случаях должны железной хваткой вцепиться в уши лошади и в недоуздок и не отпускать их даже в том случае, если лошадь оторвет их от земли.

Вздумай Вихрь сжать челюсти — от моей руки мало бы что осталось. Лошадиные челюсти сжимаются с гораздо большей силой, чем львиные или тигриные, потому что лошадям ведь приходится свою пищу перетирать, в то время как хищники ее только разрывают, а это происходит в основном за счет шейных мускулов. Поэтому я вставляю в рот животного специальную распорку, не позволяющую сжать челюсти.

Итак, мои пальцы скользят по лошадиным зубам. Я чувствую, что на верхних и нижних зубах Вихря образовались острые, как лезвия, края, о которые он уже не раз повреждал себе язык. Дело в том, что лошадиные зубы в отличие от наших растут в течение всей жизни. По мере стачивания они вновь выдвигаются из десен ровно настолько, насколько сточились. Таким образом, зубы жвачного всегда остаются одинаковой длины. Это весьма практичное приспособление, которому мы можем только позавидовать. С другой стороны, оно имеет и явные недостатки: если лошадь начинает жевать неправильно из-за больного зуба, например, то зубы стачиваются неравномерно и на них образуются острые зубцы, превращающие пережевывание пищи в сплошное мучение. Так что я вооружаюсь большим никелированным полукруглым рашпилем, накладываю его на зубной ряд и начинаю стачивать их поверхность с сильным нажимом. Вихрю это явно не нравится, но что делать! Я думаю, что сверление бормашиной у нас во рту гораздо хуже! Нужно лишь внимательно следить за тем, чтобы не поранить при этом десны (ведь лошадь может в любой момент дернуть головой), а это вызывает обычно сильное кровотечение, которое там, глубоко во рту, бывает трудно остановить.

Я снова ощупываю челюсть: острые зубцы исчезли. При этом мне удастся выяснить, почему Вихрь последнее время начал неправильно жевать. В одном зубе я обнаруживаю дыру. Изъятые оттуда остатки пищи издают специфический гнилостный запах. Значит, зуб надо удалять.

Удаление зуба у нас проще, чем у лошади. У этих жвачных животных каждый зуб накрепко скреплен с двумя соседними, он почти срастается с ними, и поэтому вырвать его бывает нелегко. Ветеринару в таких случаях обычно приходится усыплять своего пациента, чтобы избавить его от излишних мучений, а себе облегчить условия работы. Усыпляют лошадей совсем иначе, чем человека, а также большинство домашних животных, и другими наркотическими средствами, а именно: когда лошадь захочет пить, ей в поилку подливают хлоралгидрат. Иногда же предпочитают ввести им усыпляющее с помощью шприца прямо в вену на шее, следовательно, непосредственно в кровь. При этом я всегда строго инструктирую своих помощников, что надо делать, чтобы Вихрь не поранил себя, когда, полуголушенный, будет валиться на подстилку. Будучи неправильно стреноженным, он может устроить себе какой-нибудь перелом, так что надо проявлять величайшую осторожность. Стреноживать, однако, лошадь необходимо, потому что произвольными движениями во время сна она может опасно ранить врача или его помощников.

Сначала мы пробуем вытащить больной зуб обычным способом — через рот. Для этого мы берем щипцы с длинными рукоятками, служащими хорошим рычагом. Кроме того, мы накладываем на соседний близлежащий зуб треугольный металлический клин тоже с рукояткой, которую крепко держит в надлежащем положении один из помощников. Поверх этого клина кладутся щипцы: эффект от этого удваивается. Когда мы снаружи изо всей силы надавливаем на ручки, щипцы должны тянуть зуб кверху. Головка щипцов крепко-накрепко завинчивается, чтобы зуб не мог из нее выскользнуть.

Но несмотря на все наши усилия, зуб не шевелится. Он намертво заклинен, точно кирпич каменного свода между двумя соседними кирпичами. Тогда нам приходится прибегнуть к другому, не так уж редко применяемому по отношению к лошадям методу — выталкивать зуб со стороны надкостницы. Делается это так: сначала сбривают шерсть с соответствующего кусочка щеки, делают в ней надрез, сквозь который, отодвинув в сторону десну, на нужном месте просверливают тонкую челюстную кость и через образовавшееся круглое отверстие нащупывают корень упрямого зуба. В это отверстие вставляют стамескоподобный инструмент и, ударяя по нему молотком, выгоняют зуб наружу.

Наконец-то он у нас в руках, этот злобный зубище длиной со средний палец руки, но вдвое толще. В разрезе эта желтая штукovina представляет собой прямоугольник.

Но поскольку лошадиные зубы имеют обыкновение постоянно отрастать, то теперь возникает другая трудность, с которой мы ни у человека, ни у обезьяны, ни у собак, ни у многих других животных не сталкиваемся. У противоположного зуба теперь будет отсутствовать его партнер, о который он прежде постоянно стачивался и благодаря которому во время пережевывания пищи непрерывно вдавливался в челюсть. Теперь зуб в нижней челюсти противостоит пустому месту в верхней: он будет беспрепятственно расти в этом освободившемся пространстве и становиться все длиннее.

Мы начинаем подумывать о том, не вырвать ли заодно и этот, ставший ненужным, но абсолютно здоровый зуб?

Да, это совсем непросто, когда у жеребца Вихря разбалчиваются зубы! Но у него, слава Богу, в каждой половине челюсти по шесть коренных зубов, поэтому без одного из них он может спокойно обойтись. А вот для слона подобная потеря зуба граничила бы, наверное, с катастрофой, потому что у него и в верхней и в нижней челюсти в каждой стороне только по одному коренному зубу. По форме он напоминает лошадиный, с той только разницей, что размером он с добрую буханку хлеба. Когда

какая-нибудь дамская сумочка попадает меж двух таких жерновов (а такое иногда случается в зоопарках), то служитель через пару дней в состоянии выдать ее огорченной владелице разве что искореженный кусочек металла, оставшийся от пудреницы...

А теперь мы наконец добрались и до воробьев, о которых я упоминал вначале. Ну, так вот. Когда такой гигантский зуб у слона выпадает, потому что сточился или заболел, то первыми это замечают обычно воробьи, потому что тогда в огромных слоновьих «шарах» — этом гипертрофированном подобии конского навоза — внезапно появляется масса неразмолотых и непереваренных овсяных зерен. Настоящая благодать для воробьев! Поистине нет худа без добра, и один строит свое счастье на несчастье другого. Недаром же поется: «В жизни всегда это так происходит — кто-то теряет, а кто-то находит!»

Однако слону голодная смерть из-за потери зуба не угрожает. И хотя у лошади в каждой половине челюсти по шесть зубов, тем не менее когда они у старой клячи полностью выдвинулись из надкостницы и выпали, то больше уж ничего не вырастет. А вот у слона хотя только по одному зубу с каждой стороны, но тем не менее они у него пять раз в жизни меняются, то есть по мере стачивания, через каждые десять — пятнадцать лет, у слона вместо выпавшего вырастает новый зуб. Таким образом, девятилетний слон тоже может похвастаться шестью коренными зубами, только растут они у него не рядом друг с другом, а один вслед за другим...

Сочувствие к другому возникает обычно сильнее всего в тех случаях, когда тебе самому плохо. Так каждому зубному врачу следовало бы время от времени посидеть самому в своем «кресле пыток» и испробовать, каково это, когда у тебя в больном зубе сверлят и ковыряют или наматывают на тонкую проволочку и вытаскивают оттуда нерв...

Так один молодой практикующий ветеринар по фамилии Бекер, сидя с открытым ртом в зубоврачебном кресле в ожидании пломбы, по вполне понятным причинам задумался над душевспасительным вопросом: что могут ощущать его лошадиные пациенты в аналогичных обстоятельствах?

Потому что и у лошадей бывает зубная боль. Да еще какая! Правда, нашим бравым лошадам не приходится страдать от кариеса зубов, который в основном и обеспечивает постоянную работу и заработок стоматологам...

И не то чтобы лошадиные зубы не знали кариеса. Просто он у них не успевает развиваться и разрушить здоровый дентин:

как только гнильца появилась на жевательной поверхности зуба, она просто-напросто стирается вместе со всем верхним слоем. Редко кариесу у лошади удается проникнуть раньше в глубь зуба, чем он бывает сточен. Ведь начинается такой кариес обычно только с самых незначительных маленьких дырочек. Из ста лошадей только у одной встречаются гнилостные процессы в зубах. Так что это весьма полезное приспособление, когда у кого-нибудь зубы сверху стачиваются, а снизу вновь отрастают.

Но есть у этого приспособления и свои недостатки. Ведь только у самых старательных жевальщиков, которые энергично двигают челюстями взад-вперед и слева-направо, поверхность зуба стачивается равномерно. У диких жвачных — зебр, дикой лошади или кулана — никогда не обнаружишь неравномерно сточенных зубов. Что же касается наших домашних лошадей, то им ведь уже не приходится жевать ни чертополоха, ни полусохшего тростника, с тем чтобы превратить его в съедобную кашу. Им насыпают сено и солому мелкорубленными в кормушку да еще сдабривают отборным питательным овсом. Поэтому они стали лениво жевать, их нижняя челюсть уже не так энергично движется взад и вперед, влево и вправо. Таким образом, уже не вся жевательная поверхность зуба равномерно трется о свою визави, а только часть ее; самая наружная и внутренняя части вовсе не приходят ни в какое соприкосновение ни с чем. Следовательно, они и не стираются. А поскольку снизу зуб все время отрастает, то вскоре появляются нежелательные острые кромки и зубцы, травмирующие десну, язык или защечные полости. Но когда дело доходит до этого, то лошади уже и жизнь не мила, и овес не в радость!

«Если бы лошади умели кричать от зубной боли, многим фермерам по ночам не удавалось бы уснуть», — утверждает доктор Бекер. Из десяти тысяч лошадиных челюстей, которые ему пришлось осматривать за время своей практики, 80 процентов были дефектными. У большинства лошадей наблюдались именно такие вот неравномерно сточенные зубы с острыми, словно осколки стекла, краями. Можно только представить себе мучения, которые претерпевают такие лошади во время еды. Это все равно что набрать в рот осколки от разбитой пивной бутылки и стараться осторожно разжевать меж ними свой завтрак!

Но дело не только в этом. Вся эта история с лошадиными зубами имеет еще и большое хозяйственное значение. Когда лошадь испытывает зубную боль, она неохотно принимает пищу, порой вообще отказывается от нее и ест только в минуты самого отчаянного голода. От этого она, конечно, тощает и теряет силы. Притом она еще и плохо размельчает ее, а следовательно, и не

переваривает пищу. Многие зерна овса выходят из кишечника в нетронutom, первозданном виде, к вящей радости находчивых воробьев. Когда таким лошадям приводят челюсть в порядок, то их дневной рацион спокойно можно сократить на один или два фунта овса, и они все равно будут хорошо поправляться. А пока что на сегодняшний день площадь, равная по размерам всей области Саксония-Ангальт, засеивается тем самым овсом, который можно было бы сэкономить, если бы всем нашим лошадям регулярно осматривали и подправляли зубы. Так, во всяком случае, утверждает, согласно своим подсчетам, доктор Бекер.

Однако лечение лошадиных зубов было до сих пор делом не слишком-то приятным как для лошади, так и для ветеринара. Правда, отдельные острые зубцы и каемки можно было «откусывать» щипцами. Но для того чтобы «перекусить» лошадиный зуб, нужна недюжинная сила; для этого необходимо иметь еще и специальные щипцы с сильно удлиненными ручками, на которые надо давить что есть мочи. Кроме того, зачастую зуб не удается откусить ровно: та его часть, которая осталась в десне, растрескивается и крошится; может он и расшататься. Мелкие зубы можно, конечно, подпилить специальным стальным напильником, но поскольку они сами твердые, как алмаз, а лошадь во время столь малоприятной процедуры не желает держать голову смирно, то такой метод тоже не находка.

«А что, если попробовать обрабатывать лошадям зубы бор-машиной? Тогда ведь их с легкостью можно будет обтачивать и сглаживать, не применяя никакой особой физической силы», — так размышлял практикующий ветеринар доктор Бекер, сидя в «кресле пыток» у дантиста. Однако от его идеи до реального изготовления необходимой для этой цели аппаратуры оставалась еще дистанция огромного размера. И на пути его вставало немало сложных преград. Должно было пройти целых пятнадцать лет, тысяча и одна бессонных ночей и много напряженных рабочих дней, прежде чем идея Бекера воплотилась в жизнь. Но осуществления ее он добивался самым упорным образом — работал не покладая рук, отказываясь даже от таких заманчивых приглашений своих знакомых, как-то:

— Да будет вам возиться в мастерской! Приходите, сыграем в картишки. Неужели вам неохота посидеть за таким приятным занятием, как скат?

Поскольку ротовая полость у лошади значительно глубже, чем у нас, насадки для лошадиной бормашины должны быть гораздо длиннее обычных; так как лошадиные зубы гораздо крепче и больше наших, то и электромотор, приводящий в движение бормашину, должен быть мощнее. Изготавливаемые в наше время

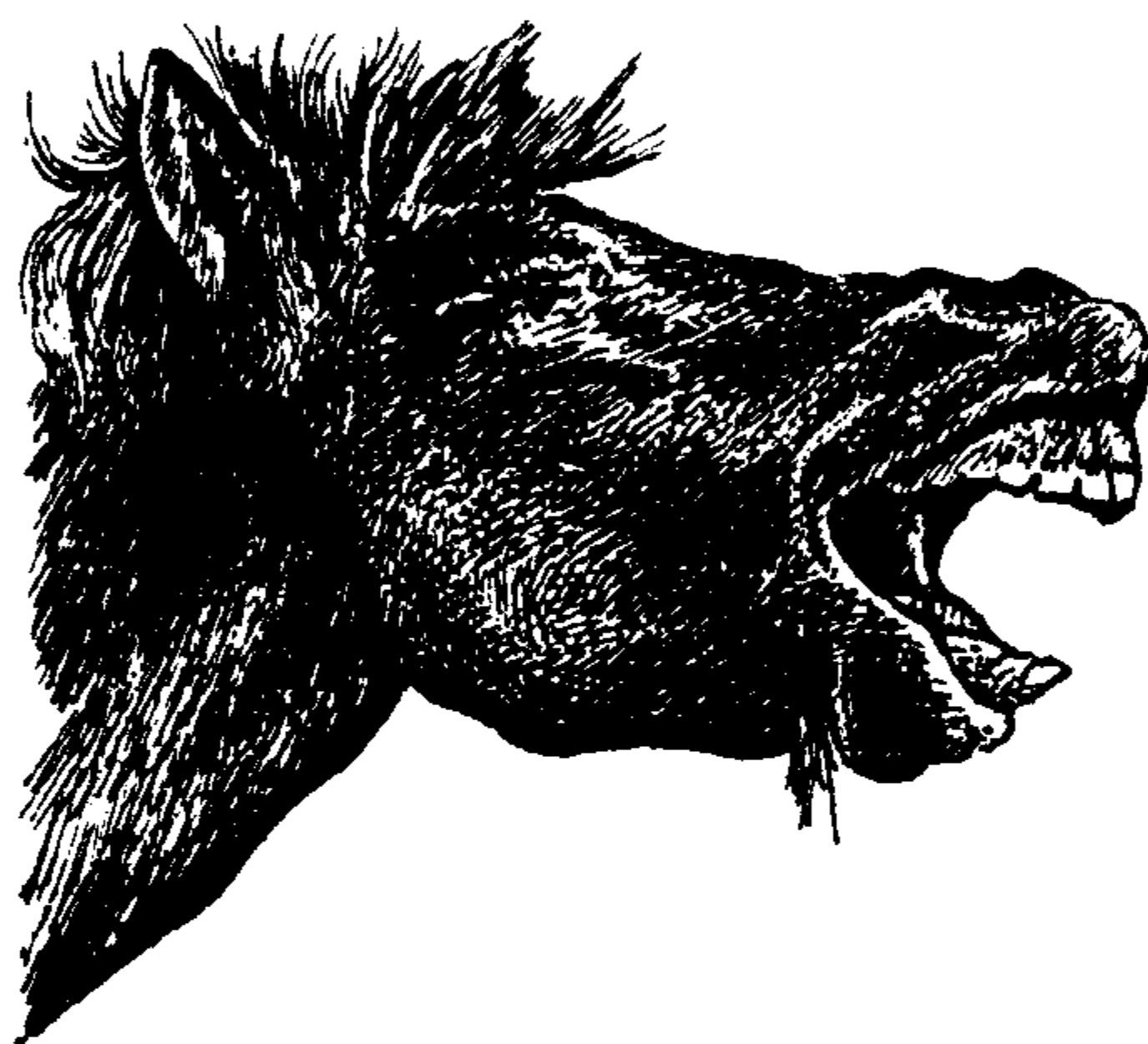
бормашины, предназначенные для лошадей, делают восемь тысяч оборотов в минуту, что соответствует скорости 60 километров в час, с которой крутится точило, обрабатывая зуб. Приятно смотреть, как неровный зуб быстро и равномерно стачивается в течение нескольких секунд! Буры, предназначенные для людей, делают лишь две с половиной тысячи оборотов в минуту. Когда мы во время сверления зуба ощущаем боль, то это обычно объясняется тем, что бур, да и сам зуб от интенсивного трения разогреваются. Зубной врач в таком случае опрыскивает его водой, смывая при этом с него «буровую пыль», мешающую работе. Для лошадей же устроено гораздо удобнее: к насадке лошадиной бормашины припаяна тонкая трубочка, через которую во время сверления непрерывно подается вода, смывающая с зуба «буровую пыль» и обеспечивающая хорошую видимость. А поскольку зубы у лошади, как правило, вовсе не больные, дырявые, а совершенно здоровые, только слишком длинные, то само сверление не доставляет пациенту никаких особо неприятных ощущений, и практически никогда не возникает надобности вводить обезболивающее средство. Сами буровые диски изготовлены из карборундовой крошки алмазной крепости, скрепленной меж собой цементоподобной мастикой. Затупленный во время сверления верхний слой острых карборундовых осколков постепенно сменяется следующими, все вновь и вновь выступающими из стачивающейся мастики. Таким образом, диск хоть и уменьшается по мере его использования, однако остается до самого конца острым и шероховатым.

Изобретательный «лошадиный дантист» на этом не остановился. Он придумал еще, как и из чего сделать пломбы и мосты для своих пациентов. Это тоже было непросто, потому что имеющиеся зубоорудные отливки не подходили для подобных размеров. Все нужно было переделывать, изобретать заново и конструировать.

— Я помню, мы провозились весь сочельник и все рождественские праздники, — рассказывает доктор Бекер. — Мы пробовали, мастерили; гостил у меня тогда мой покойный брат — золотых дел мастер. Как сейчас помню, было это 4 января 1933 года, когда у нас наконец получилась первая необходимая отливка. Такая вот лошадиная пломба гораздо совершеннее, чем у нас, людей. Ведь наша амальгамовая пломба — инородное тело, навечно засунутое в зуб. У лошади же пломбой заполняют кариесное отверстие лишь для того, чтобы не дать распространяться гнилостному процессу. Зуб же, постепенно отрастая, сверху стачивается, и пломба вместе с ним. Когда пломба окажется «сжеванной», то одновременно с ней исчезнет и дыра, и зуб снова стоит

целехонький как ни в чем не бывало! Поэтому-то лошадиные пломбы изготавливаются специально из мягкого металла — бронзы, чтобы они беспрепятственно стачивались вместе с зубом.

Изобретать новые инструменты дело отнюдь не легкое. Но, пожалуй, еще труднее поломать укоренившиеся взгляды и привычки и пробить это новшество, внедрить его в практику. В особенности если каждое такое изобретение стоит целого маленького состояния, а сам изобретатель к тому же не какой-нибудь университетский профессор, а всего лишь никому не известный ветеринарный врач из заштатного городка! Но в один прекрасный день счастье все же ему улыбнулось, и доктор Бекер стал почетным и высокооплачиваемым профессором Берлинского университета.

Глава седьмая
ЧЕРНО-БЕЛЫЕ

Не знаю почему, но я уже давно испытываю чувство симпатии к хорошеньким, забавным африканским карликовым козочкам. В один прекрасный день мой приятель обещал прислать мне такую парочку. А две недели спустя он сообщил, что уже отправил их, да еще в придачу большую красивую валлийскую козу.

С давно прошедших дней моего детства, когда я, будучи учеником четвертого класса, в Нейсе, сам растил, пас и доил красивую белую и безрогую козу, у меня сохранилась старая книжонка — «Коза, ее содержание, уход, кормление и разведение». Вот ее-то я и выгреб из дальнего угла книжного шкафа. Бог ты мой! Между ее страниц сохранилось еще несколько сухих травинок со старого гарнизонного кладбища, на котором я, будучи весьма предприимчивым малым, сумел арендовать угол для скашивания травы и сушки сена...

О, эти чудесные летние дни меж заброшенных, почти уже сравнявшихся с землей могильных холмиков, тихое перешептывание старых лип над головой, а рядом, над самым ухом, привычное хрупанье жующей белобородой козы...

Из этой полезной книжечки я и вычитал, что валлийские козы «в качестве молочного скота никакого значения не имеют

и используются большей частью в качестве экспонатов для зоопарка». Ничего себе новость! Интересно, что скажет на это старая фрау Вегман, живущая в моем домике, высоко в горах, куда я собираюсь поместить всех трех подаренных мне коз?

Что именно она сказала, я узнал в следующий же приезд в горы:

— Сатана это, а не коза! Крушит все налево и направо! О том, чтобы подоить ее, и речи быть не может! И вообще невозможно даже разобрать — коза это или козел?

Ну, ясно. Ведь она из зоопарка, а кому надо в зоопарке раздаивать козу? На это есть коровы и овцы.

Но красоты она была необыкновенной! Перед — густо-черный, потом по самой середке резкая граница, и вся задняя половина тела — снежно-белая. Действительно, настоящий экспонат для выставки! Глядя на нее, я невольно вспоминал ту сказку из «Тысячи и одной ночи», где в заколдованном замке сидят печальные люди, которые лишь до пояса состоят из плоти и крови, а все, что ниже, — из холодного, черного мрамора.

Эту валлийскую козу вскоре действительно пришлось отправить назад в зоопарк. Откровенно говоря, мне было неловко перед соседними крестьянами держать козу, на которую можно лишь любоваться, но не доить.

Но я не раз еще задумывался над тем, каким образом эти валлийские козы дошли до своей сумасшедшей расцветки. Родом они из Валлиса в Швейцарии, где обитают на уединенных и недоступных альпийских лугах, где молоком их практически невозможно воспользоваться. Там они наподобие серн или каменных козлов кое-как перебиваются в суровых условиях высокогорья. Считается, что это очень старая порода коз, потомки древнеримской козы, как утверждают «козьи» специалисты. Во всяком случае ни одному человеку, живущему там, наверху, в горах, в голову не придет путем кропотливой селекции выводить породу специально такой окраски: черный перед словно по линейке отделен от белой задней части. Кому это нужно?

Тут уж более ясен вопрос с голландскими черно-белыми кроликами. Они в прежние времена были обычными крупными откормочными кроликами, которых в изобилии продавали на рынках Брабанта. И хотя их шкурка и была черно-белой, тем не менее пятна на ней располагались как попало. До тех пор, пока в прошлом столетии ими не занялись любители-кролиководы. Десятками лет они трудились, подбирая нужные пары, пока не

добились того, что все черное сдвинулось назад, а все белое, в виде жакета, вперед со строгой границей на «талии». Никто уже не обращал внимания на размеры этого бывшего «жаркого», и длинноухие со временем становились все меньше — не важно... Лишь бы вокруг глаза было отчетливое черное пятно, а на черных задних лапках — белые манжеты. У немецких кролиководов допускалось, чтобы черные пятна вокруг кроличьих глаз растягивались назад, к затылку, и за ушами сливались вместе. Английский же стандарт, наоборот, требовал, чтобы эти пятна разделяла четкая белая линия. Как видите, кое-что все-таки застревает в голове, если ты, учась в четвертом классе, разводил кроликов!

Так что же — эта половинчатая окраска всего лишь взбалмошная причуда? Людской каприз? Ведь в планы матери-природы такая яркая и странная одежда вряд ли входила. Каково могло быть назначение подобного, бросающегося в глаза мехового наряда? Какое место отведено ему в разнообразном гардеробе матушки-природы, где даже самая пышная и красивая шкура служит всего лишь выживанию в борьбе за существование, а вовсе не тому, чтобы радовать чей-то глаз...

Но постойте-ка, что же это такое? На картинах венецианца Джокото де Понте, жившего с 1515 до 1592 года, мы внезапно обнаруживаем тех же самых «половинчатых» кроликов, которых наши кролиководы с таким трудом вывели в прошлом веке! По-видимому, маленькие четырехногие голландцы появились точно тем же путем, как и разные другие породы домашних животных: не в качестве чудачества изобретательного селекционера, а в результате того, что природа, перебирая время от времени запас своих моделей, бросает в борьбу за существование какую-нибудь новую наследственную «мутацию». А жестокая борьба за существование вскоре искореняет, убирает подобное ненужное новшество, например черно-белый мех для дикого кролика, поскольку он несовершенен и непрактичен для его образа жизни. Кроликовод же, найдя однажды такой голый и слепой «лотерейный билет природы» на мягкой подстилке в углу своего сарая, ради забавы и оригинальности спасет смешного «половинчатого» крольчишку от суровой выбраковки природы. Более того, он может постараться закрепить в следующем поколении этот случайный дефект и вырастить «новую породу».

Но и там, где никакой любитель-селекционер не простирает своей спасительной руки над черно-белым смешным созданием,

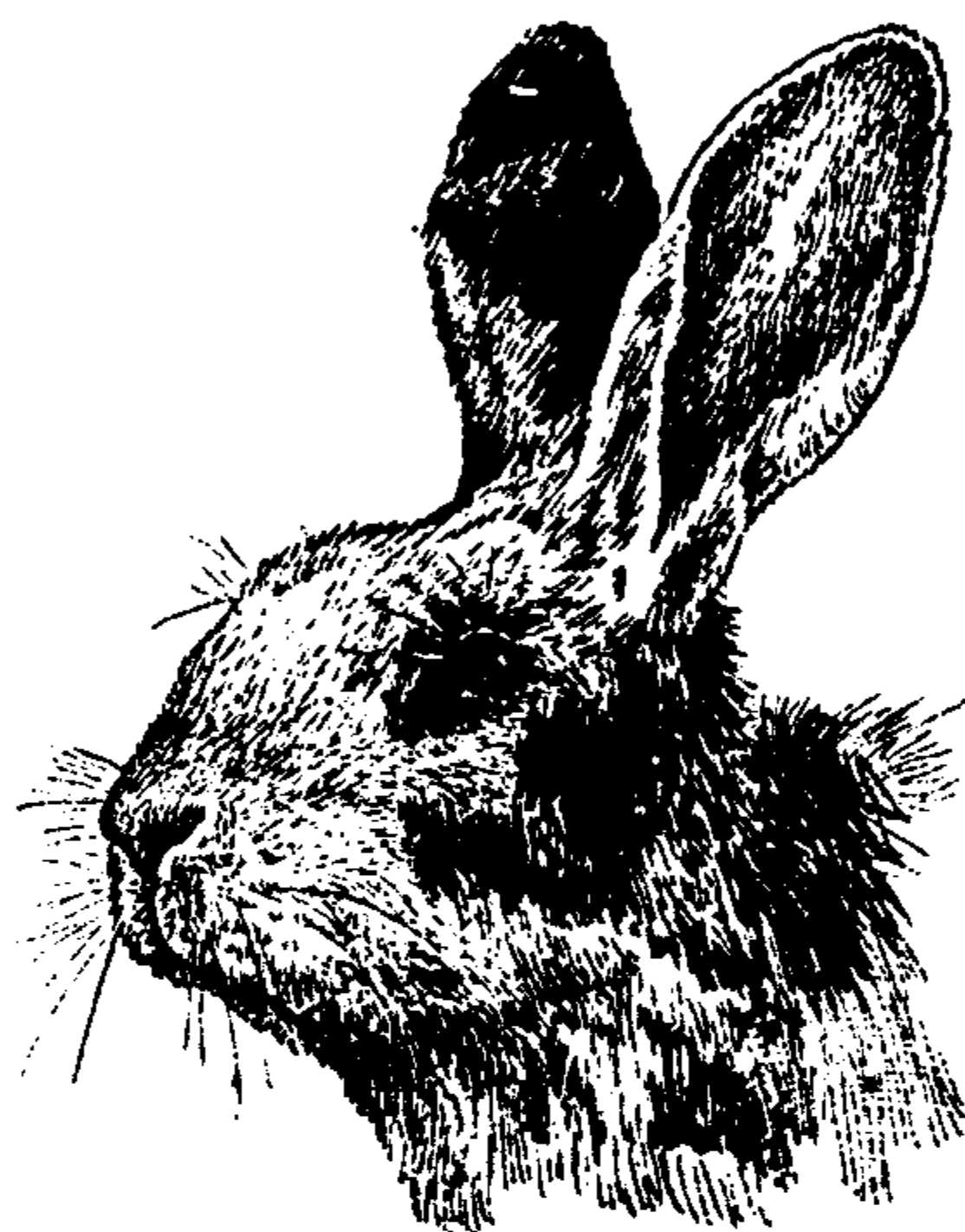
оно тоже может иногда утвердиться и не исчезнуть с лица Земли. Я это понял, стоя перед клеткой чепрачного тапира в Берлинском зоопарке. Животное это обитает в Юго-Восточной Азии и на Суматре. По внешнему облику и образу жизни оно напоминает свинью, но имеет небольшой хобот, сближающий его со слоном. И точно так же, как у слона, в грудной клетке у тапира отсутствует плевра, то есть легкие накрепко приросли к ребрам. Но, несмотря на все это, тапир сродни не этим животным, а кому бы вы думали? Лошади! Примерно так выглядели прадедушки наших прилежных лошадок — у них тоже было по несколько пальцев на ногах вместо копыт, и ростом они были гораздо ниже. Тапиры появились примерно в середине третичного периода, и если они сохранились в течение целых тридцати миллионов лет, претерпев столь малые изменения, в то время как большинство других тогдашних видов животных либо вымерло, либо полностью видоизменилось, эволюционировало, то это означает, что тапир прекрасно оснащен для борьбы за существование!

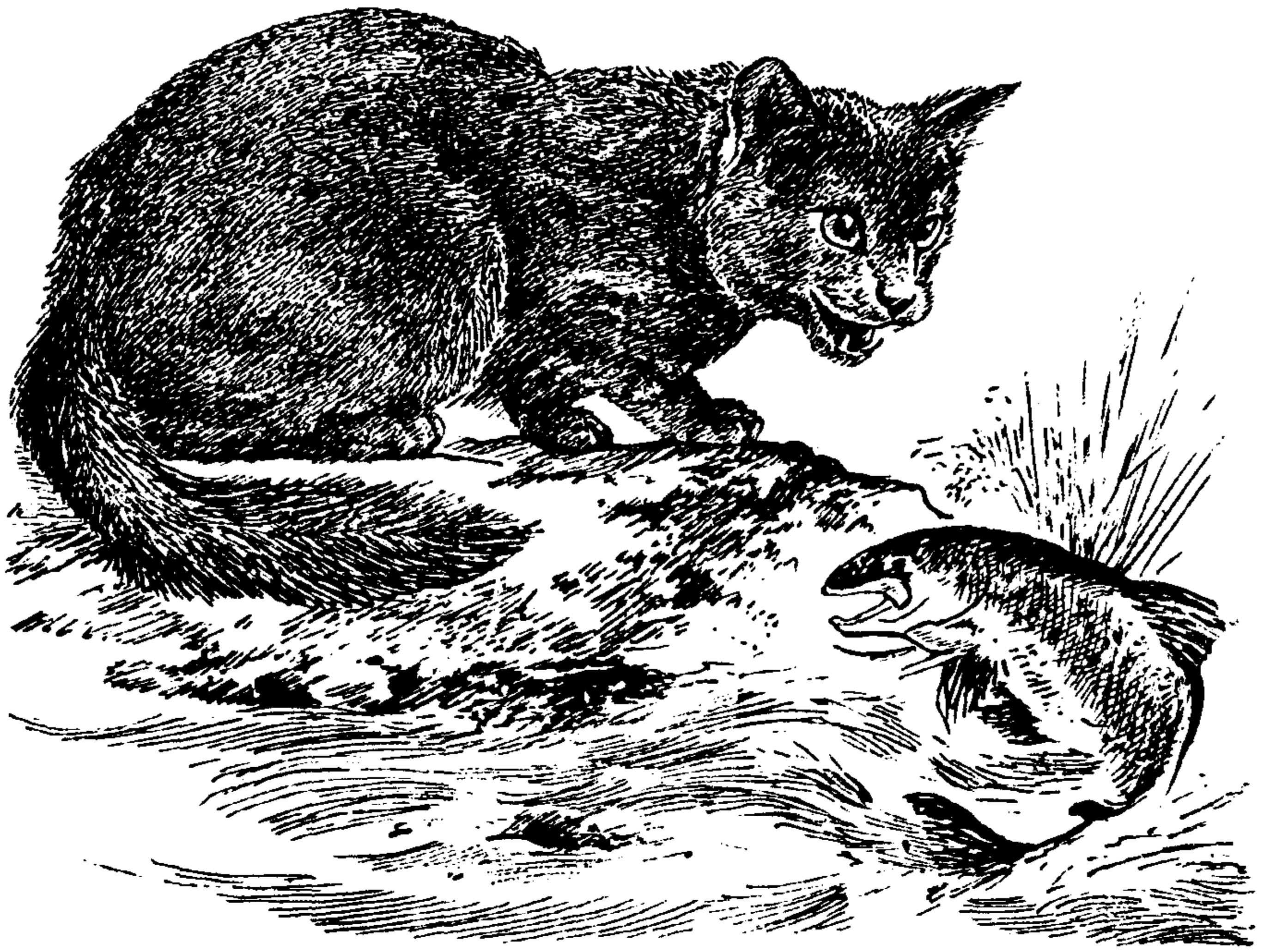
Так что белая «попона» на спине этого животного ему явно полезна, несмотря на то что не является необходимым атрибутом «одежды» любого тапира (американский тапир, например, одноцветен). И на самом деле, из рассказов исследователей Юго-Восточной Азии и охотников за тапирами мы узнаем, что яркая контрастная окраска издавна полностью искажает очертания этого крупного животного, она как бы разрывает его на части. Так, среди скал и в особенности при постоянной игре света и тени тапира практически невозможно различить на фоне окружающей обстановки даже тогда, когда он спокойно стоит, не прячась за укрытием. Более того, на детеныша тапира, темная шерсть которого испещрена яркими неровными полосками, вполне можно нечаянно наступить, когда он безмятежно спит под сенью лиственного полога!

Люди только во время Первой мировой войны убедились в том, что серый, так называемый «защитный» цвет отнюдь не лучшее средство и не последнее слово в искусстве камуфляжа. И уже во время Второй мировой войны пушки, газовые хранилища и военные корабли разрисовывали квадратами, кругами и различными другими фигурами желтого, зеленого, синего, серовато-синего или белого цвета. В таких случаях видно, что что-то есть, но не видно, что именно.

Разумеется, нельзя утверждать, что мы переняли такой новый способ камуфлирования у тапиров и валлийских коз, точно так

же как, изобретя парашют, отнюдь не скопировали летучие семена одуванчиков, а построив самолет, не повторили способ полета птиц. Просто дело в том, что на Земле все живое вынуждено подчиняться одним и тем же законам выживания; и те, кто хочет победить в жестокой борьбе за существование, невольно приходят к аналогичным решениям, будь то жираф, прячущийся под спутанными ветвями акаций, кажущийся невидимым в игре их желтовато-коричневых теней, или... «венец творения» собственной персоной!

Глава восьмая

ДВЕ РОДИНЫ КОШКИ

В один прекрасный день Леночка Пумпель, сидя у ручья, увидела трех крошечных голых зверюшек, медленно плывущих по течению ей навстречу. А причина, по которой Леночка выбежала с зареванными красными глазами из дома и спряталась у ручья, заключалась в том, что отец снова не разрешил ей поехать в город и поступить машинисткой в бюро. Она все еще всхлипывала, когда вдруг заметила качающиеся на воде трупки котят, которых слабое течение понемногу прибивало в маленькую бухточку у самых ее ног. Там они и остались лежать на отмели, чуть покачиваясь на набегающей волне.

«Сколько раз я пила воду прямо из этого ручья,— возмущенно подумала Леночка Пумпель,— а эти соседи, тьфу, черт бы их побрал, оказывается, топят в нем своих котят! И какая вообще это подлость — вот так просто вышвыривать в воду этих маленьких несчастных существ!»

Девушка сорвала растение с твердым стеблем и выудила с его помощью всех трех утопленников. Какая жалость! Двое котят были пятнистыми, черно-белыми, а третий совершенно гладко-серый от носа до кончика хвоста. Уши, лапки и хвостик казались слишком маленькими для кошки, а голова, наоборот, неестественно большой и бесформенной, как у неуклюжего «гурвинека» из кукольного театра. Леночка Пумпель содрогнулась, рассмат-

ривая жалкие, крошечные трупки: только что народились на свет и уже грубо вырваны из теплого материнского гнезда и безжалостно убиты! Леночка снова принялась всхлипывать. На сей раз уже не по поводу несостоявшегося бюро, а по поводу утопленных котят.

Когда же она попыталась все тем же стеблем столкнуть серого котенка назад, в воду, и нажала ему при этом на животик, он внезапно пошевелил лапкой. Может быть, почудилось? Может, это она сама задела за лапку стеблем? Но нет — серый котенок был еще жив! Он шевелился! Едва-едва, но шевелился. Однако Леночка не могла решиться дотронуться руками до мокрого и холодного тельца, поэтому она сорвала большой лист подорожника, задвинула на него маленького страдальца и, ухватив кончиками пальцев загнутые кверху края, отнесла свою находку к матери на кухню.

Пумпели сами прежде зачастую топили котят — невозможно же, в конце концов, разводить их дюжинами в доме! Тем удивительнее было видеть, какие только усилия ни прикладывала фрау Пумпель, чтобы вернуть к жизни именно этого маленького серого найденыша.

В коробке с ватой, поставленной у самой печки, котенок отогрелся и ожил, просох и стал снова пушистым. Но знаете ли вы, что гораздо легче выкормить десять телят, чем одного такого малюсенького котенка без матери? Из чего его, во-первых, поить? После нескольких неудач Леночка вспомнила о кукольном рожке с резиновой соской и принесла его с чердака, где он валялся вместе со старыми куклами. Но не сразу маленькая Муши, как нарекли котенка, научилась пользоваться рожком. Кроме того, новорожденному котенку нельзя голодать более трех-четырех часов. И вот фрау Пумпель пришлось дважды за ночь вставать, чтобы утолить голод кошачьего младенца, напоить его теплым молоком из игрушечного рожка. Вскоре она догадалась, что его мучают боли в животе. Перед тем как сделать свои делишки, он долго вертелся и пищал и успокаивался только после того, когда ему мизинцем массировали брюшко, так, как это проделывает кошка своим языком.

Леночка Пумпель, эта взрослая семнадцатилетняя барышня, играла в котенка так, как несколько лет назад еще играла в куклы. Она то хвалила его, то бранила за то, что не желает пить или еще за что-нибудь. Но поскольку котенок не реагировал на ее указания (точно так же, как в свое время куклы), Леночка заподозрила, что он глухой. И правда: можно было над самым его ухом с грохотом ударить двумя крышками от кастрюль друг о друга — котеночек даже не вздрагивал. Вкусовые ощущения у

него тоже еще отсутствовали: Муши было безразлично, что пить — разбавленное молоко или горький чай. А когда через некоторое время веки разомкнулись и показались невинные голубые кошачьи глазки, возникла новая забота: Муши явно была слепа. Она не следила за пальцем, если водить им перед ее носом. Более того, она не зажмуривалась от света карманного фонаря.

Но все эти страхи оказались напрасными. Муши научилась видеть, научилась слышать, научилась еще многому другому. Она научилась всем шалостям, которые так характерны для кошачьих деток (и даже солидных, убеленных сединами людей соблазняет поиграть с ними), научилась катать по ковру моток ниток, подкрадываться по всем правилам искусства к чьей-нибудь домашней тапочке с тем, чтобы одним прыжком напасть на нее самым потешным образом или, лежа на спине, всеми четырьмя мягкими лапами с втянутыми когтями воевать с пятью пальцами человеческой руки.

Однажды хулиганистый Леночкин братец запер Муши в свою клетку с белыми мышами. Возможно, он надеялся стать свидетелем кровожадного убийства. Но ничего подобного не произошло. Муши не обратила ни малейшего внимания на обитателей мышиной клетки и улеглась в углу спать. А мыши в свою очередь так осмелели, что доверчиво ползали по дремавшей в клетке кошке.

Малый даже не подозревал, что из-за этой его шалости Муши на всю свою кошачью жизнь станет безопасной для мышей.

Но только для мышей. А хищником она стала все равно. Каждый раз, когда Муши подходила к ручью, она видела, как под водой, меж прибрежных коряг, сновали быстрые серые полоски. А все, что снует, бегают, заставляет вздрагивать кошачьи когти, упрятанные в бархатные подушечки лап. С врожденным терпением всех кошек Муши часами сидела возле тех мест, куда прятались форели. Она сидела так неподвижно, что стрекозы беззаботно пролетали мимо самого ее носа, а осторожные рыбы принимали ее за камень на берегу. Вскоре форели одна за другой появлялись из своих укрытий и начинали резвиться на прогретом солнцем мелководье. Тогда следовал резкий бросок, Муши вонзала свои острые когти в гладкое рыбье туловище и мгновенно выбрасывала форель на берег, где она, описав великолепную дугу, приземлялась среди незабудок.

Фрау Пумпель застучала однажды своего наследника за тем, как он тайком жарил себе на кухне трех форелей.

— Вот погоди, придет отец, он тебе задаст! — принялась она ругать сына. — Ручей сдан в аренду, и если вы, мальчишки, таскаете из него форелей, то это самое настоящее воровство!

Но сын не воровал форелей. Он просто отбирал их у Муши. А та теперь приносила в день по четыре-пять штук!

— Мышей она не трогает,— вздыхала фрау Пумпель.— А вот форели — это пожалуйста. Именно форелями вздумала питаться.

Но единственный способ, которым можно было удержать кошку от рыбной ловли, заключался в том, чтобы запираить ее на целый день в доме. Стоило же ей вырваться из заточения, как она, невзирая на брань в свой адрес, с увлечением продолжала «рыбачить».

Однажды она оказалась запертой в чулане, где мышей было видимо-невидимо. Спустя четыре дня кошка была едва жива от голода, но ни до одной мышки не дотронулась.

Поскольку против упорного дочернего домогательства не может устоять ни «твердый отцовский запрет», ни материнское недовольство, то Леночка Пумпель все-таки попала в город. Правда, годом позже и в качестве медсестры. А поскольку отец тоже работал в городе, то семейство Пумпелей продало свой дом и переехало в городскую четырехкомнатную квартиру.

Когда подъехал фургон по перевозке мебели, фрау Пумпель посадила Муши в корзинку, обернула корзинку платком и понесла на станцию, откуда до города шел пригородный поезд. Ехать надо было девятнадцать километров.

Помню, как однажды в дни моего детства мы играли в жмурки. Я был простужен и должен был лежать в постели, но, поскольку мамы не было дома, я тоже принимал участие в игре, притом в одной ночной рубашонке. И вот я припоминаю: сколько бы меня ни крутили с завязанными глазами, пока я чуть не падал, я все равно знал, где дверь и где окно. Потому что ощущал, хотя и едва уловимо, с какой стороны мое тело овеивает приятное тепло, исходящее от нашей большой зеленой кафельной печки в углу. Аналогичное, видимо, произошло и с Муши.

Сопящий паровозик тянул за собой вагоны, в одном из которых в своей корзинке сидела Муши. Кошка ощущала во всем своем теле необъяснимый, глухой протест. И сколько бы поезд ни петлял и ни извивался среди лесов и полей, сколько бы фрау Пумпель ни гладила ее успокоительно, просунув руку под платок, невзирая на то, где стояла корзина — то ли на полу меж сапог деревенских пассажиров, то ли наверху, на полке среди чемоданов, все равно Муши не покидало странное, неясное чувство: твоя родина — там!¹

¹ Строго научного подтверждения такой способ ориентировки у кошек пока еще не получил. (Примеч. ред.)

Кошку выпустили из корзины, когда она снова оказалась дома: на привычном месте стоял диван с белыми пуговицами на чехле, где в правом углу с уже сильно вдавленными пружинами лежала вышитая подушечка — «кошкина подушка». Никогда в жизни она не ложилась на какую-нибудь другую, ни разу даже не позволила себе прыгнуть ни на один стул. Узкая портьера на двери отгораживала «парадную комнату», и кошка в новой квартире, как и в старом доме, не нарушала границ запретной зоны, несмотря на то что теперь эта комната находилась справа, а не слева, как прежде. Вскоре она отыскала и свою старую мисочку под скамейкой на кухне.

— Смотрите-ка, Муши чувствует себя совсем как дома, она, наверное, и не заметила, что мы переехали на новую квартиру, — радовались Пумпели.

Но радовались они рано. На следующее утро кошка пропала. Наверное, выпрыгнула из окна на балкон нижних соседей? Но нет — в нижней квартире ее не оказалось; не оказалось и в подвале. Тщетно ее искали по окрестным садам. Никто ее не видел. Вечером отцу пришлось сесть на велосипед и поехать на старую квартиру, за город. Увы! И там никаких следов Муши. За ужином фрау Пумпель уже сидела с мокрыми от слез глазами. На всю ночь она оставила распахнутым окно и спала беспокойно. Ей все казалось, что вот он раздался, этот привычный глухой шлепок, с которым кошка спрыгивает с подоконника на пол. Или характерная тихая дробь, словно кто-то мягкими кончиками пальцев без ногтей барабанит по столу. Но каждый раз, когда она вставала, на полу было пусто, и только ветер шелестел надутой, точно парус, занавеской...

Спозаранку, в половине пятого утра, фрау Пумпель была уже одета. Она без чьей-либо помощи извлекла из подвала свой велосипед, села на него и поехала на старое место жительства. Возле гостиничного двора дорогу ей перебежала серая кошка и скрылась за сараями. Не обращая внимания на неистово рвавшегося с цепи пса, фрау Пумпель проникла во двор и громко позвала:

— Муши, Муши! — Но серая кошка не вернулась. Видимо, это была не Муши.

Когда женщина добралась до своего бывшего дома, было семь утра. Время, когда Муши обычно возвращалась после своих разбойничьих налетов на речку. И правда — вот она! Прыгает на закрытое кухонное окно — раз, второй, третий!

— Муши! Иди же сюда! Муши, иди ко мне! — кричит, нет, скорее вопит фрау Пумпель от счастья.

И вот уже красивая серая кошка умиротворенно мурлычет у нее на коленях.

— Я уж ей вчера молочка наливала и собиралась ее назад отослать,— рассказывает старушка, живущая теперь в этом доме.— Но она только поначалу разрешала себя трогать, а потом уже в руки не давалась — все время убегала.

То, что кошка одна, совершенно самостоятельно, нашла дорогу на свою «родину», пробежав девятнадцать километров, было сенсацией для такого маленького городка. К Пумпелям пришел репортер, и на следующее утро их имена и имя кошки уже были обнародованы на страницах городской газеты. А через день даже в районной газете четыре строчки были посвящены героическому марафону маленькой Муши.

А «героиня» лежала на своей диванной подушке. Если дотрагивались до ее лапок, она переставала мурлыкать и начинала сердиться: на темно-серых подушечках просвечивало розовое — лапы были стерты до крови во время этого долгого путешествия по непривычным дорогам!

Соседи приходили специально полюбоваться на Муши, а одна женщина даже принесла ей оставшийся после обеда кусок торта. О, Муши стала большой знаменитостью!

Она была дома. И тем не менее ее не покидало необъяснимое чувство тоски по своему «настоящему» дому, ее прямо-таки тянуло к дороге, ведущей мимо старых высоких платанов, растущих там напротив. Так ведь бывает и с нами, людьми: когда мы, закрыв глаза, думаем о своей родине, она находится в нашем воображении не просто где-нибудь, а в совершенно определенном направлении. Мы могли бы рукой точно указать где. Но — увы! — это ощущение обманчиво. Наша «тоска по родине» играет с нами злую шутку. Это чувство, равно как и многие другие инстинкты человека, давно у нас притупилось, утеряно или пришло в полный упадок. Поэтому тяга к дому неминуемо заведет нас в обратную от дома сторону, и мы непременно собьемся с правильного пути. А вот тяга к родному дому в «душе» у Муши обязательно поведет ее в правильном направлении, напрямик туда, где находится ее родина, потому что кошка должна жить там, где она выросла, если хочет избавиться от гнетущей тяги по дому.

Спустя пару дней фрау Пумпель позабыла запереть на ночь кухонное окно. К тому же она думала, что кошка уже свыклась с новой обстановкой. Когда наступила ночная тишина, явственно доносившая журчание близлежащего ручья, серая кошка снова отправилась в путь. Она бежала обычной кошачьей подпрыгивающей рысцой, но напрямик, пересекая улицы, сады, перелезая через заборы,— в строго определенном направлении.

Каждый раз, когда ее что-то пугало, кошка забиралась на какое-нибудь близлежащее дерево и оглядывалась по сторонам. То же самое она сделала, когда две собаки из Бухенберга — Фокс и Ники — напали на ее след и, возбужденно принюхиваясь, погнались за ней. Правда, убежище ее на сей раз оказалось не слишком надежным: слабое, молодое деревце, котороегнулось и качалось от наскоков рассвирепевших псов, обнаруживших своего врага, затаившегося там, наверху, и с бешеным лаем подскакивающих и царапающих кору. Крона деревца состояла всего из шести-семи веток, и кошке приходилось судорожно вцепляться в них когтями, чтобы не свалиться вниз. Всю ночь несчастному животному пришлось просидеть на дереве, потому что собаки не уходили далеко, раскапывая кроличьи норы совсем поблизости от дерева. Каждый раз, когда они сколько-нибудь удалялись в сторону, кошка предпринимала отчаянные попытки бегства, однако это неизменно привлекало внимание собак и влекло за собой новую громогласную осаду. К десяти часам утра кобели наконец угомонились и поплелись опустошать свои домашние миски. Вся кора дерева была снизу изодрана в клочья от их неуклюжих попыток взобраться наверх. Крестьянин, владелец участка, удивленно покачал головой, когда несколько позже обнаружил следы этой баталии: «И с каких это пор косули в это время уже принимаются за свои ристалища?»

Что же касается Муши, то она, следуя своему внутреннему зову, уверенно бежала в течение целого дня, не меняя направления. Она была избалованной домашней кошкой, привыкшей в семь часов утра получать плошку молока, налитую заботливой рукой фрау Пумпель, а в час дня — свою долю от семейного обеда. Когда Муши пробежала мимо отдельно стоящего хутора, то заметила полную миску с едой, поставленную возле закрытой двери. Жадно, но в деликатной и благовоспитанной манере, свойственной всем кошкам, она принялась за еду. В тот же миг из сарая выскочил возмущенный хозяин миски — огромная взъерошенная овчарка.

Бедная Муши! Что теперь делать? Кто ей поможет? Рядом гладкая стена дома, вокруг ни единого деревца, да если и побежать, страшный пес все равно догонит и схватит! Так что Муши осталась сидеть на месте, невзирая на бешеный стук своего маленького сердечка. Уши прижались к голове, спина выгнулась дугой, поднятый кверху хвост метет из стороны в сторону и извивается как змея. Левая лапа грозно поднята и готова к молниеносному удару. Каждый раз, когда собачий злодей, нагавкав себе достаточно смелости, бросается ей навстречу, она, громко фыркая и плюясь, отвешивает ему молниеносную оплеуху. Собачья морда

искажена от бешенства, напоминая дик дьявола: десны обнажены, клыки щелкают, лоб собран в злобные складки: собака не только охраняет свою еду, она хочет еще схватить и разорвать этого нахального пришельца!

Наконец дверь отворилась, и в тот миг, когда мужчина перешагнул порог, кошке, воспользовавшись замешательством, удалось скрыться.

Вконец измученная и изголодавшаяся, она под вечер добралась наконец до старого дома. А туда как раз только что приехала Леночка, которую любезно подбросил на машине ее новый шеф. Вместе с нею увязался и братец. Увидев беглянку, все очень обрадовались, но Муши после волнений этого дня была в таких растрепанных чувствах, что не давала себя схватить и спряталась в кустарнике. После нескольких бесплодных попыток мальчишка, ликуя, появился с кошкой в руках.

Целых четырнадцать дней Муши оставалась запертой в новой квартире Пумпелей. Днем она и не делала никаких попыток сбежать, а оставалась самой что ни на есть послушной и примерной кошкой, но ночью... Ночью в нее точно бес вселялся! Она металась по подоконнику, жалобно мяукала и кричала до тех пор, пока сердце фрау Пумпель однажды не вынесло этих страданий, и она необдуманно выпустила свою любимицу «на волю». Только ее и видели!

В другой раз кошка ускользнула через парадную дверь в тот момент, когда господин Пумпель расписывался за заказное письмо.

Изловить беглянку становилось все труднее. Теперь Пумпелям приходилось вдвоем и даже втроем выезжать на старую квартиру, чтобы отыскать и поймать в кустах это «неверное создание». Когда она наконец уже сидела на коленях своих хозяев, то бывала счастлива безмерно и умела выразить это счастье громким мурлыканьем, ласкалась и жалась к близким ей людям. Бедное животное! Оно никак не могло совладать с раздиравшими его чувствами!

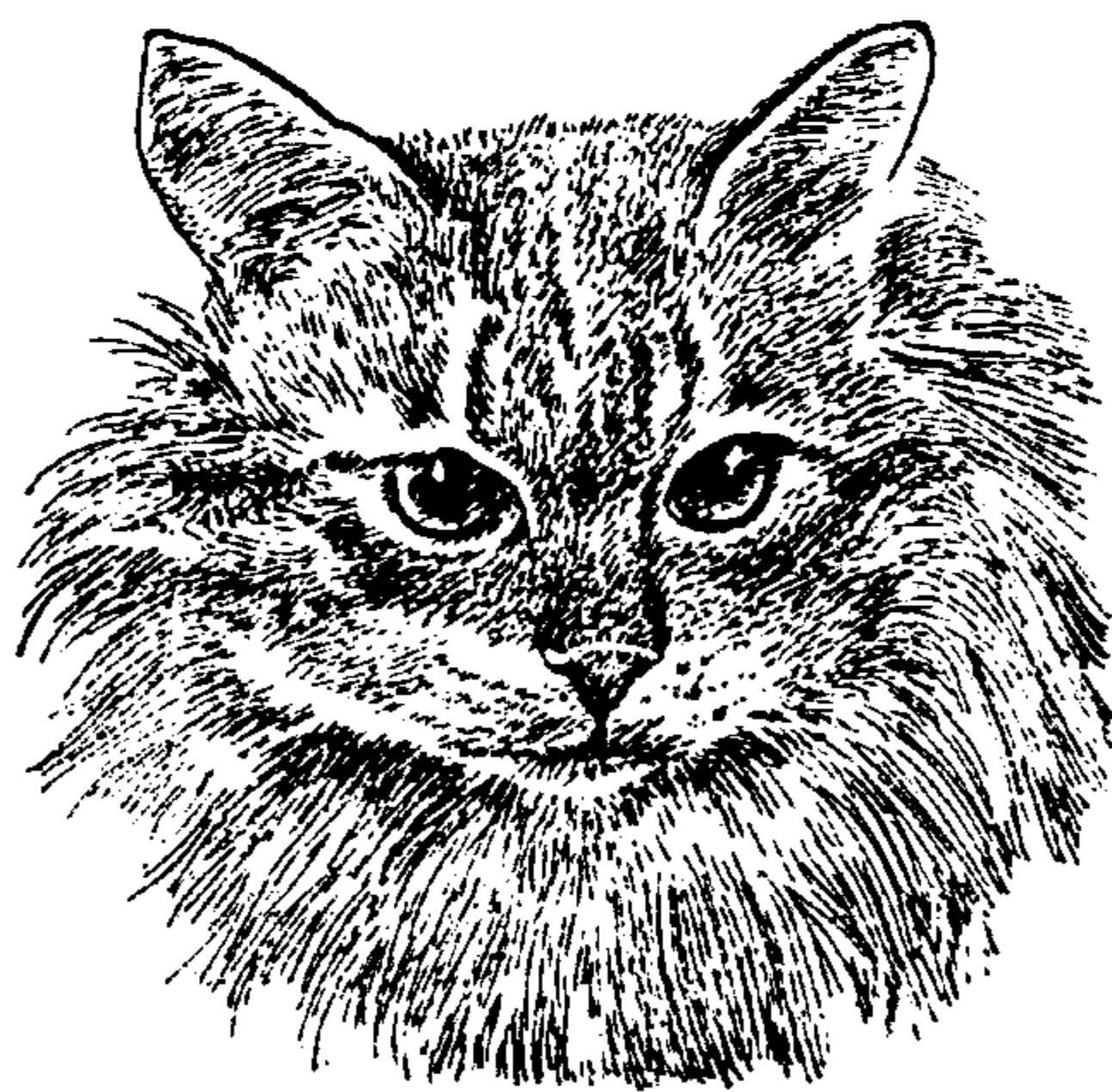
Однажды ее не было целую неделю. Найти кошку удалось только с помощью объявления. Ее держала у себя пожилая дама, которая подвязала ей на шею колокольчик и заперла в помещении вместе с восемью другими кошками.

Кошка постепенно дичала. Скоро поймать ее на старой родине становилось почти невозможным: Пумпели ездили за ней три-четыре утра подряд, и все без толку: она жалобно откликалась из кустов, но выйти не решалась и не давалась в руки. Однажды она оказалась искусанной и поцарапанной, потому что, изму-

ченая голодом, была вынуждена подраться с большой и сильной кошкой из-за ложки молока.

При этом надо сказать, что Муши была привязана к фрау Пумпель искренней любовью, гораздо более сильной, чем это бывает у других кошек по отношению к своим хозяйкам. Ведь, если вы помните, Муши не знала своей матери. Матерью ее была фрау Пумпель, которая выходила, выкормила и вырастила ее своими руками. Кошка всю свою жизнь прожила у одних и тех же хозяев. А фрау Пумпель в свою очередь так привязалась к найденышу, что не переставала горевать и плакать по поводу странного и необъяснимого вероломства этого ласкового и привязанного к ней существа. Знакомые уже начали пожимать плечами: ну можно ли так убиваться из-за какой-то кошки? Но фрау Пумпель знала, как трудно приходится ее несчастной Муши на старом месте, что она голодает, что собаки ее гоняют, а охотники того и гляди пристрелят. И в своем отчаянии решила написать мне письмо, умоляя посоветовать, что делать. Но, к сожалению, мы, казалось бы, такие умные, ученые люди, на самом деле знаем так позорно мало о наших четвероногих друзьях! И сделать можем ничтожно мало. Даже приучить маленькую кошку к новому дому и то не умеем. Так что бедной Муши предстоит и дальше вести свою бездомную, полную опасностей жизнь.

А мне осталось сделать только то, что я обычно делаю в таких случаях: рассказать своим читателям о несчастной кошке, мечущейся между двумя своими роинами...

Глава девятая

«ВИТАМИННЫЕ ФАБРИКИ» ЖИВОТНЫХ

Мой сосед держит козу, с которой всю последнюю зиму творится что-то неладное. Что, собственно, с ней такое, сказать трудно, однако он пришел ко мне с просьбой сделать ей пару инъекций аскорбинки: говорят, что очень полезно. И даже если козе мало поможет, все равно хорошо — в молоке, по крайней мере, станет побольше витамина С, детишкам это совсем не помешает! Так он думает.

Но я-то знаю, что козе такие инъекции совсем ни к чему. Вот будь это морская свинка — тогда другое дело. Потому что у этих смешных толстых зверюшек одно с нами, людьми, общее: они могут, как и мы, заболеть цингой. Правда, у себя на родине, в Перу, где разгуливает масса как диких, так и домашних морских свинок, они никогда не страдали от подобного заболевания. Это мы, люди, наградили несчастных подопытных животных такой болезнью.

А сами мы, двуногие существа, начали болеть цингой... из-за компаса. Да, да, именно из-за обычного компаса. Ведь большинство болезней столь же стары, как и само человечество. Но в то время, как нам прекрасно известно, что чума за какие-то несколько лет превратила некогда процветающие Афины — город государственных мужей, философов, ваятелей и поэтов — в незначительный заштатный городишко, мы напрасно ищем у древних

хоть какое-то упоминание о болезни мореплавателей — цинге. При этом ведь известно, что уже финикийцы добирались из Средиземного моря до Балтийского, да и греки были отважными мореплавателями. Но они не знали компаса и посему были вынуждены держаться близ берегов, а это позволяло им запасаться по мере необходимости свежим провиантом; да и что им оставалось делать, коли тушенка и маринованные селетки еще не были изобретены?

Но вот в XV столетии, когда испанцы и португальцы обошли на своих кораблях полсвета, эта болезнь подняла голову. Во время плавания Васко да Гамы в 1498 году в Калькутту погибли пятьдесят пять человек его команды, причем в страшных мучениях. И с тех самых пор пугающие вести об этом опасном заболевании, преследующем моряков в дальних странствиях, не прекращались. Когда сегодня читаешь подробные описания того, как у людей вываливались зубы, как кожа их покрывалась пятнами, а ноги сводила судорога, просто зло берет: ведь нам теперь хорошо известно, как легко можно было спасти этих несчастных!

А в те времена один гамбургский врач считал, что цингу может излечить кофе. Благодаря этому заблуждению Гамбург может похвастаться своим первым «кофейным заведением», открытым еще в 1680 году. Другой врач рекомендовал есть майских жуков. Так постепенно добрались до средств, на самом деле действенных против цинги. Балдуин Рус из Гента советовал людям есть ложечницу, а профессор Доель из Грейфевальда, наблюдая за тамошним населением, состоящим в основном из моряков, заметил, что от цинги хорошо помогает жерушник.

Особенное раздражение вызывают у нас сообщения о том, что люди мучились от цинги на одном из голландских кораблей, везшем лимоны! Все равно, как если бы кто-то умер от жажды, сидя возле ручья. Но, слава тебе Господи, наитие или счастливая случайность надоумили заболевших поесть лимонов, и — смотрите-ка — десны укрепились, они потеряли свою синюшную окраску, и ногами снова можно было пользоваться! Средство против цинги было найдено! Случилось это в 1564 году.

Но это еще не означало, что с цингой покончено. Только два века спустя на английском флоте была введена обязательная выдача команде лимонного сока, а капитанов, пренебрегавших этим законом и не запасавшихся на дальние плавания лимонным соком, облагали штрафом. Однако еще в 1866 году на испанском фрегате «Ла Бланка», шедшем из Сан-Лоренсу в Рио, из четырехсот пятидесяти человек заболело цингой двести семьдесят девять, из которых пятьдесят пять умерли.

Когда еще не существовало ни высших учебных заведений, ни научно-исследовательских лабораторий, ни современных клиник, новому лекарственному средству было трудно пробиться сквозь всяческие препоны и шарлатанство. Поэтому господину «кайзеровскому протомедикусу на Рейне», как именовался тогда Иоганн Крамер, в 1746 году еще приходилось напутствовать своих молодых коллег следующим образом:

«Не занимайся бесконечным смазыванием гниющих десен и парализованных коленей мазями, потому что это несколько не помогает без соответствующего «внутреннего» лечения; прием лекарств внутрь излечит эту болезнь безо всяких наружных смазываний. Необходимый целебный экстракт содержится только в свежих, сочных, то есть водянистых и одновременно довольно острых на вкус, овощах. Если у тебя их нет, то используй лимонный сок».

Опыт лечения цинги доктор Крамер, как ни странно, приобрел на суше. В те времена цинга разражалась еще довольно часто и среди сухопутных войск, в особенности во время длительной осады. В Нюрнберге, по сообщениям очевидцев, она встречалась еще в 1911 году, в особенности среди мужчин. В России того времени помимо тифа и других эпидемий свирепствовала цинга, унесшая колоссальное число жертв. В немецком флоте цинга тоже объявлялась не раз: так, с 1855 по 1875 год приходилось по 2,4 случая на тысячу человек. В 1847 году, когда юный Штраус уже прославился своими вальсами, на «прекрасном голубом Дунае» свирепствовала эпидемия цинги. По всей вероятности, только появление картофеля изгнало ее окончательно.

«Страшный скорбут» можно побороть употреблением в пищу лимонного сока и свежих овощей — это по прошествии трех столетий уяснил себе даже самый неопытный корабельный кок. Однако что именно в лимонном соке является целебным — об этом вплоть до Первой мировой войны распространялись самые нелепые представления. И лишь в 1913 году догадались, что цинга — болезнь, вызванная нехваткой витаминов в организме. А в 1920 году недостающий витамин, вызывающий цингу, впервые получил название — витамин С.

Тильманс добыл из тридцати пяти килограммов шиповника 5,7 грамма чистого витамина С, Сен-Жорж из десяти литров сока, выжатого из стручкового сладкого перца, получил 6,5 грамма, а Кинг из десяти литров лимонного сока — от 1 до 1,5 грамма чистого витамина С.

К концу 1933 года химический концерн «Мерк», в Дармштадте, добывал из свежего зеленого перца уже основательное количество

этого витамина для научных целей. Вскоре выяснилось, что шпак-ник содержит втрое больше витамина, чем перец. А затем уже витамин С стал появляться в виде таблеток на сахарной основе или в виде аскорбиновой кислоты, которую нам теперь так часто прописывают врачи.

Этот вопрос можно считать исчерпанным: цинги больше нет. Правда, еще в 1870—1871 годах, во время осады Парижа, она возникла вновь, но только в тюрьмах, больницах и домах для престарелых, постояльцы которых были вынуждены довольствоваться самой скудной казенной пищей.

А вообще-то тому, кто хочет в наши дни заболеть цингой, достаточно (из скаредности) целый год подряд ежедневно съесть по восемьсот пятьдесят граммов черного хлеба и запивать его черным кофе. Между прочим, не поручусь за достоверность, но мне рассказывали, что недавно в Берлине был зафиксирован случай заболевания цингой. Случилось это с одним пожилым господином, который, как выяснилось, питался лишь жареной ветчиной и больше ничем. Несколько инъекций, разумно составленное меню с салатами и картофелем — и мужчина снова был здоров. Так что с витамином С все как будто ясно. Стоит ли нам интересоваться им и дальше?

И все-таки стоит. Он остается необычайно интересным веществом, этот витамин С, или аскорбиновая кислота, как гласит его химическое название, даже несмотря на то, что цинга канула в прошлое. Цинга, о которой говорят, что «она нанесла флоту Великобритании больше вреда, чем флотилии Испании и Франции, вместе взятые».

Этот витамин интересен и удивителен хотя бы уже тем, что требуется человеческому организму в основательных дозах. Немало труда ушло на то, чтобы определить суточную дозу витамина С, необходимую человеку, чтобы он чувствовал себя прилично. Она равняется пятидесяти—шестидесяти миллиграммам, то есть пятой или шестой сотой грамма. И хотя это на первый взгляд выглядит очень скромно, тем не менее это большая порция по сравнению с другими витаминами, в которых нуждается наш организм. Витамин D (предохраняющего от рахита) нам требуется, например, в пять тысяч пятьсот раз меньше!

Для большинства животных аскорбиновая кислота не является витамином, потому что им не приходится, как нам, людям, принимать его с пищей. Для них это гормон, который они *вырабатывают сами в собственном организме*. Когда подопытных собак кормили специально лишенным витамином кормом, чтобы искусственно вызвать у них цингу, они, к удивлению экспериментаторов, не заболели и продолжали как ни в чем не бывало

выделять с мочой аскорбиновую кислоту! Доказательство того, что они вырабатывают ее где-то в собственном организме. Но где? Этого мы пока не знаем. А поскольку коровы и козы прodelывают то же самое, то мы, после длительного отступления от первоначальной темы, окольными путями, вновь вернулись к больной козе моего соседа. Ей не нужны инъекции «аскорбинки», потому что у нее есть собственная «витаминная фабрика».

А вот бедной морской свинке — той приходится, как и нам, старательно заглатывать витамин С, да притом еще в больших дозах, чем нам. Следовательно, если давать морским свинкам безвитаминный корм и добавлять к нему определенное количество, скажем, шиповника, то нетрудно вычислить, сколько аскорбиновой кислоты содержится в красном шиповнике. Это довольно долгое и нудное занятие, на которое уходят целые месяцы. Но зато оно дает гораздо более точные результаты, чем любое химическое исследование.

С помощью тех же морских свинок мы узнали, что установленная доза витамина, которую мы заглатываем, хотя и достаточна для того, чтобы не заболеть цингой, однако не спасает нас от «гиповитаминоза», проявляющегося в кровоточивости десен во время чистки зубов, весеннем переутомлении и в плохой сопротивляемости разного рода инфекциям. Значит, для того, чтобы быть абсолютно здоровым и работоспособным, необходима еще большая доза витамина С. А для лечения различных болезней, например туберкулеза, потребность организма в витамине С еще значительно увеличивается, как мы увидим несколько позже.

Ужасно не повезло нам с тем, что человеческий организм не в состоянии накапливать больших запасов аскорбиновой кислоты. В отличие, между прочим, от других витаминов. Запасы витамина С в нашем организме ничтожно малы. Если же мы попытаемся их увеличить, то золотой излишек витамина С выйдет вместе с мочой, и все. Следовательно, чтобы распределить эту благодать разумно и равномерно, в последние годы взялись тщательно изучать содержание витамина С в различных пищевых продуктах. При этом выяснились весьма удивительные вещи,

Главным кладезем витамина оказалась наша добрая старая *картошка!* В ста граммах свежего картофеля содержится в среднем тридцать три миллиграмма аскорбиновой кислоты; правда, в зависимости от сорта, возраста и способа приготовления содержание витамина в картофеле может колебаться от одного до пятидесяти миллиграммов. Свежий молодой картофель, который так и требует себе в придачу салат из огурцов, у того содержание

витамина в три раза больше, чем у лежалой, прошлогодней картошки. Во время варки (в зависимости от времени нахождения на плите) картошка теряет до половины содержания витаминов. В особенности много их теряется от последующего обжаривания, и тем больше, чем тоньше и аппетитнее нарезана вареная картошка на сковородке. Объясняется это тем, что кислород из воздуха вреден для аскорбиновой кислоты; именно поэтому так называемый «картофель в мундире» во время варки теряет лишь десять процентов витамина. (Вот почему так полезно есть его именно в холодные, бедные витаминами, зимние месяцы!) Так что накалывайте почаще горячий, вкусный картофель в мундире на вилку и спокойно обдирайте с него его серую одежду. Не бойтесь — не обожжетесь! Тем более что про картошку, в отличие от яблок и других фруктов и овощей, нельзя сказать, что «самое полезное у нее в кожуре»: у картошки, наоборот, наивысшее содержание витамина в самой середке. Плохо приходится витамину, когда хозяйка приготавливает пюре. Еще хуже, когда картошка часами подогревается в духовке, и смертельно для витамина частое разогревание уже зажаренной картошки (практикующееся обычно в гостиничных кухнях).

Между прочим, опыты показали, что химическое удобрение картофеля не снижает содержание в нем витамина по сравнению с картофелем, удобренным навозом.

В Финляндии с 1917 по 1920 год примерно 3,5 процента солдат ежегодно заболело туберкулезом. И вот что интересно: из гражданского населения заболело не больше 0,6 процента (а ведь именно солдаты, как известно, самые крепкие молодые парни, находящиеся под постоянным врачебным контролем!). Совершенно непонятная история. А в 1921 году во время модернизации казарм кухни были оснащены большущими котлами, в которых можно было зараз варить огромную порцию картошки; но вместе с тем и время варки удлинялось на полтора, а то и на целых три часа. Пару лет спустя финские армейские врачи с недоумением констатировали факт: заболеваемость туберкулезом среди солдат возросла до 6,1 процента, то есть в десять раз превысила заболеваемость среди гражданских лиц.

Тогда энергичный армейский врач, доктор Фёрланд (Voerland), занялся вплотную этим вопросом и выявил зависимость увеличения числа заболевших от содержания витамина С в картошке. Вступив в непримиримую борьбу с военным начальством, этот мужественный человек добился в конце концов того, что в 1924 году оснащение казарменных кухонь было изменено, продолжительность варки картофеля укорочена до одного часа, не

более, а сама картошка варилась в кожуре. Заболеваемость туберкулезом прямо на глазах снизилась до 0,6 процента. А с добавлением к рациону фруктов и ягод страшная болезнь отступила и исчезла совсем.

Надо сказать, что достаточное содержание витамина С обнаружено в помидорах, что особенно важно, поскольку их чаще всего едят сырыми. Совсем мало этого витамина в огурцах и моркови (зато последняя богата столь важным для нас витамином А). Шпинат почти может соперничать с картофелем. Ежели он законсервирован, то чаще всего витаминов в нем не остается. Даже если мы нарубленную зелень или нарезанные овощи надолго оставляем лежать на солнце, аскорбиновая кислота из них улетучивается как дым.

Но все же основными нашими кладовыми витаминов служат ягоды. Некоторые из них содержат больше аскорбиновой кислоты, чем апельсины и лимоны. Ежевика, земляника, малина, красная смородина, крыжовник щедро снабжают нас витамином С, а щедрее всего бузина и черная смородина. Но рекорд все же остается за шиповником. Сорок граммов конфитюра из шиповника полностью удовлетворяют нашу суточную потребность в витамине С.

И вот еще что. Наши четырнадцатилетние мальчишки стали по сравнению с мальчишками 1924 года рождения в среднем выше на целых семь сантиметров. Шведские новобранцы за последние семьдесят лет тоже выросли на семь сантиметров. Средний американец из США с каждым годом становится на миллиметр длиннее. Но наиболее тревожно то, что происходит сейчас в больших городах. Если еще в 1915 году половая зрелость у городских девушек наступала в среднем на пятнадцатом году жизни, то у дочерей этих девушек она наступает сегодня уже в неполных тринадцать лет. А это значит — за три года до возраста, узаконенного для вступления в брак! Появление коренных зубов, совпадавшее прежде с началом обучения в школе, теперь сдвинулось на время пребывания в детском саду. Наши мальчишки, у которых в начале столетия голос начинал ломаться к шестнадцати годам, теперь уже часто в тринадцать с половиной лет получают освобождение от уроков пения.

Некоторые специалисты по вопросам питания сводят это к богатой витаминами пище и вообще к теперешнему более разнообразному питанию, а также к более здоровому образу жизни. Современная раса людей в нашем климате якобы только теперь получила все возможности для своего полного развития, чего прежде, несмотря на обилие ветчины и сала, никогда не имела.

Таким образом, Старый Фриц (Фридрих Великий), который завез в страну картофель, значительно успешнее заботился о выведении «рослых парней», чем его отец, импортировавший их из самых различных стран.

Однако все это просто спекуляция, и никогда еще медицинская наука не продвигалась вперед за счет дискутирования, а только путем опытов и доказательств. Поэтому не скрою, что некоторые другие ученые рассматривают подобный сдвиг к «гигантизму» как некое деградирование. Вызвано оно тем, что мы, постоянно находясь под дымовой завесой большого города, живем фактически в условиях «ультрафиолетовой ночи», т. е. при таком освещении, из которого ультрафиолетовые лучи почти полностью отфильтрованы. Есть у ученых и другое мнение: самые энергичные, подвижные, раньше других созревшие — вот именно эти-то и тянутся в город, так что происходит как бы естественный отбор среди людей...

Что касается наших домашних животных, то нам не удалось при помощи витамина С ни повлиять на их рост, ни ускорить их созревание; и это понятно, потому что они не нуждаются в витамине С. Им он не нужен ни в кормах, ни в ампулах, ни в таблетках: они изготавливают его сами. А тот витамин С, который одно время впрыскивали коровам, они тут же выводили из организма, только, к сожалению, не с молоком, а с мочой.

Между прочим, содержание витамина С в коровьем молоке точно такое же, как и в материнском грудном молоке. Если же поставить стакан молока на короткое время на солнце, витамин С из него исчезнет. В масле совсем мало витамина С, в яйце его вообще нет. Даже в тех случаях, когда курам скармливают этот витамин, он в яйцах все равно не появляется. В мясе его тоже трудно найти.

Неожиданный сюрприз в этом отношении преподнесли нам наши старательные, трудолюбивые пчелы! И не только тем, как выяснилось, что мед содержит не меньше аскорбиновой кислоты, чем насыщенные витамином ягоды черной смородины. Это еще не все. Самое поразительное заключается в том, что витамин в меде сохраняется более пятнадцати лет, в то время как из всех других продуктов он постепенно, но неминуемо улетучивается. Так что пчел (которых в последнее время даже научились дрессировать, чтобы они опыляли только определенные виды растений), безусловно, можно считать наиболее удивительными домашними животными (хотя юридически их таковыми почему-то не считают).

Как раз в тот момент, когда я заканчивал эту главу, которую начал с соседской козы, а потом, отвлекшись, перешел к осаде

Парижа, а затем и к варке картофеля, ко мне подлетела пчела и, когда я хотел ее отогнать, ужалила в палец. Вот это номер! Такое не случилось со мной со времен моего детства! Я вытащил жало и, наблюдая за тем, как движения бедной пчелки, ползающей по оконному стеклу, становились все более вялыми, решил все же сказать вам следующее (несмотря на то, что палец на глазах распухал все сильнее): берегите пчел — они, безусловно, достойны всяческого нашего уважения...

Глава десятая

ОТ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Каждый из вас наверняка видел гигантский океанский лайнер и дизель-электроход. А вот заглянуть в глаза обыкновенной козе, наверное, мало кому из вас приходилось?

Для этого надо лечь навзничь в траву так, чтобы ничто вам не мешало: одни только сгибающиеся под тяжестью семян травинки склоняются вам на лицо да белые облачка стоят в синем небе над головой... А рядом пасется коза, и до вас доносится смачное похрупыванье.

Если ей что-нибудь сказать, даже просто пробурчать сквозь сон, она непременно вам ответит: негромко проблеет просто из вежливости, не открывая рта и не отрываясь от своего занятия...

Когда я был мальчишкой, то имел собственную козу, которую вырастил из маленького козленочка, сам пас и доил ее, когда она стала уже взрослой козой и у нее появились собственные козлята. Перед тем как идти в школу, я всегда с ней возился и частенько запрягал в тележку, которую мы затем вместе тащили до старого гарнизонного кладбища, где она паслась, а я косил траву.

Я испытывал нечто вроде затаенного трепета перед ней. Несмотря на то что я был гораздо слабее ее, она позволяла себя

привязывать и скрести скребницей, и мне всегда казалось, что делает она это из снисходительности ко мне, мол, «кто умнее, тот уступит»...

Да, ее превосходство надо мной было для меня абсолютно бесспорным: она ведь была уже взрослой, имела собственных детей. А я? Что я такое для нее собой представлял? И вообще она казалась мне удивительно сильной, даже таинственной. Когда она пугалась чего-либо, то бросалась бежать и тянула меня десять, двенадцать шагов за собой, а я беспомощно тащился за ней на веревке. Но делала она это редко, да и не нарочно.

Шея ее была такой матерински теплой и гладкой! При этом очень красивой и стройной. Когда я обнимал ее рукой, то шея эта казалась удивительно тонкой; странно даже, что она принадлежала животному значительно больше и тяжелее меня! Часто я при этом поворачивал ее голову к себе и заглядывал в ее большие, широко открытые зеленовато-золотисто-желтые глаза. Они смотрели на меня узкими щелями своих черных зрачков, ведущими в неизведанное. Было в этом неподвижном взгляде что-то жуткое и в то же время завораживающее, наводившее на разные странные мысли. Например, о страшных чертях и маленьких чертенятах из книги сказок, которых, вообще-то говоря, следует бояться, а на самом деле они выглядят такими забавными и веселыми, что охотнее всего сам бы с ними поиграл (правда, не без некоторого затаенного страха).

О, я много бы отдал за то, чтобы узнать, что скрывается за непроницаемым колдовским взглядом моей козы! И что, интересно, она обо мне думает?

Пастушки и подпаски три тысячи лет назад были точно такими же, как и сегодня. И козы тоже. И такой вот козий пастушок в веселой, немудреной старой Греции оставался наедине со своим стадом целыми днями и неделями, бродя с ним по ущельям и редколесью, в любую непогоду с ветрами и грозами; и потаенные мысли, которые ему тогда приходили в голову относительно своих бородатых подопечных, не разъяснялись в те времена на уроках естествознания, как сейчас, никем и ничем не опровергались. Поэтому игрой воображения бородатые козы морды приобретали человеческий облик, и возникали веселые, находчивые, всегда готовые к любым проказам полубоги: рогатые, бородатые, с копытами на ногах — сатиры. И нравом их награждали нахальным и похотливым.

В затерянных деревушках античной Греции молодые девицы иной раз просто не в силах были от них отбиться. Приходилось наливать вино в козьи поилки, потому что в опьяненном состоянии такой дикий малый становился миролюбивее и сговорчивее. Один такой сатир чуть было не изнасиловал нимфу Сиринокс, которая в момент крайней опасности превратилась в камыш. Ее сладкий, нежный голос до сих пор доносится из поющего камыша.

Когда другая нимфа, по имени Пенелопа, родила такое вот косматое, похожее на ягненка существо, она страшно перепугалась, завернула его в заячьи шкурки и отнесла на Олимп. Но веселые греческие боги были рады позабавиться потешным и занятным малышом и вырастили его у себя, на Олимпе. Это и был Пан, самый знаменитый из всех сатиров.

Они так и остались навсегда пастушьими и деревенскими богами, эти похотливые и озорные малые, в честь их не воздвигали благородных храмов и не создавали мест для паломничества. Нет, этого не было. Но изображения их часто можно было найти на грубых глиняных горшках, изготовленных греческими гончарами. И нельзя сказать, чтобы эти изображения были особенно приличными и изысканными...

И только один из этих полубогов достиг непонятной таинственной известности — это был Пан. Во времена правления римского императора Тиберия (с 14 по 37 год нашей эры) какие-то мореплаватели, проплывая в Ионическом море мимо острова Наксоса, услышали голос, возвещавший:

— Если попадете в Эпир, то сообщите всем, что великий Пан умер!

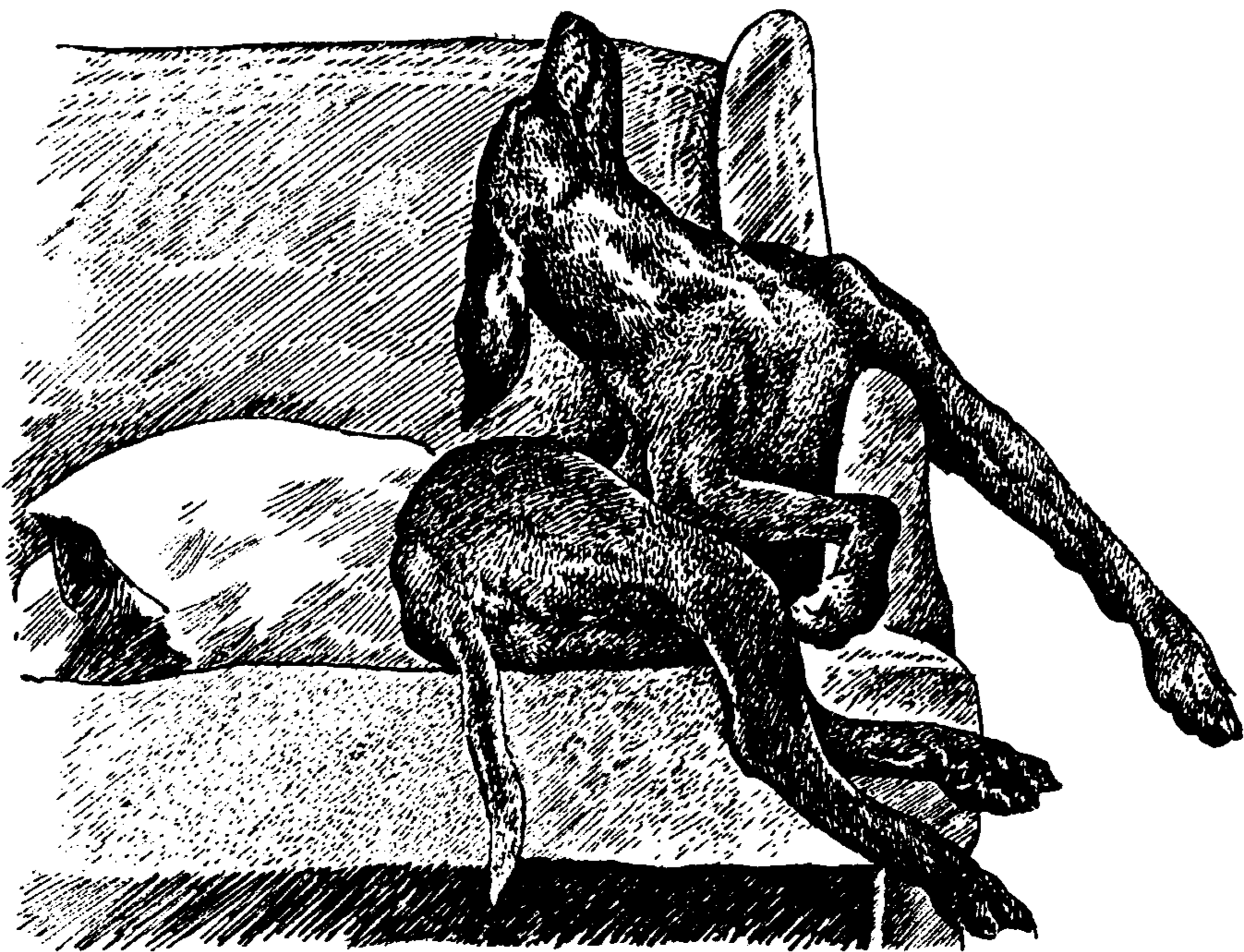
Когда же моряки прибыли в Эпир и поведали о том, что слышали, то скалы, деревья и животные принялись рыдать: вся природа безутешно горевала о великом Пане.

Тиберий поручил своим ученым мужам, как повествует Плутарх, разъяснить значение этого таинственного явления. Однако драматические последствия смерти великого Пана так и остались неразгаданной тайной. И спустя почти две тысячи лет, когда все остальные олимпийские боги уже давно исчезли и превратились в сказочных героев, христианская церковь еще долго и безрезультатно билась над разгадкой этой тайны.

Но тот, кто проводит свое время среди безлюдных горных лугов, где только травы да пасущиеся стада, и предается там своим мечтам, тот знает, что великий Пан, виновник всем из-

вестного «панического ужаса» и изобретатель сладкопевной, вырезанной из тростника «флейты Пана», вовсе не умер. Старый «козий бог» — это олицетворение вольной, необузданной природы. Он будет жить, пока останутся еще безлюдные равнины и глушь, не знающая фабричных труб и машин...

Глава одиннадцатая

СТАНОВЛЕНИЕ СОБАЧЬЕЙ «ЛИЧНОСТИ»

Как и всякий щенок, Шуфтерле, этот веселый, резвый песик, принадлежащий фрау Пардаутц, появился на свет не сразу со всем багажом знаний, положенным ему по его собачьей родословной: с готовым страхом перед лошадиными упряжками, ненавистью к почтальонам и многими другими атрибутами. Его маленькой душонке предстояло еще долгое развитие, прежде чем из беспомощного слепого существа, владеющего только обонянием и осязанием, вырастет самоуверенная четвероногая «личность», с достоинством метящая все углы своими пахучими метками.

Потому что Шуфтерле и на самом деле, подобно всем новорожденным щенятам, в первые дни своей жизни был лишен каких бы то ни было вкусовых ощущений: он соглашался пить из рожка все, что ему предлагали, лишь бы оно было жидким, включая горький чай и рисовый отвар. Даже слуха у этого маленького народца, так уютно копошащегося под теплым брюшком своей матери, еще нет — все, как один, глухие. Когда их хозяин совсем рядом с ними ударял молотком по железной двери, они и ухом не поводили, не вздрагивали даже! И так до двухнедельного возраста. И тот, кто воображает, что Шуфтерле на десятый день, когда у него прорезались его мутные синие глазки, увидел наконец белый свет, тот глубоко заблуждается. Ничего он не увидел. Мож-

но держать перед самым его носом все, что угодно, — блестящие предметы, зеркало, он не будет провожать их глазами, не проявит к ним ни малейшего интереса. И так примерно до девятнадцати дней. Даже в возрасте одного месяца он видит только то, что движется, а не стоит на месте; и только в два месяца начинает узнавать предметы, находящиеся от него на расстоянии более двадцати метров.

Как видите, новорожденные щенята не очень-то много что умеют. Вот, правда, запахи они способны различать сразу. Потому что щенок, лишенный обоняния, не в состоянии найти материнских сосцов. Более того, такие неполноценные щенята несколько позже, став уже зрячими, начинают заглатывать землю и фекалии вместо мяса. Их приходится искусственно вскармливать.

Однако в первую неделю своей собачьей жизни Шуфтерле обнюхивает только брюхо своей матери и шерсть своих собратьев. Несколько позже его маленький носик начинает интересоваться посторонними запахами, такими, как запах пола вокруг подстилки; лишь достигнув возраста четырех недель, он начинает обнюхивать материнский рот, рты своих братьев и сестер, а через пару дней и руки хозяина.

Помимо умения нюхать, новорожденный щенок, как и всякий новорожденный беби, умеет, разумеется, пить, вернее, сосать. Потому что умение лакать приходит значительно позже, позже даже, чем умение есть.

В возрасте двадцати трех дней от роду Шуфтерле впервые стоит, наострив ушки, возле матери, когда она ест из своей миски. А то, что мама при этом злобно рычит, на Шуфтерле не производит ни малейшего впечатления. В тридцать дней он уже пробует угоститься из маминой миски, но только одиннадцать дней спустя он научается лакать. А еще через десять начинает злобно отгонять от своей миски других.

Но самым первым делом Шуфтерле, как всякому новорожденному четвероногому, приходится учиться кое-чему более важному — передвижению. Первую неделю он только ползает на животе. Потом он начинает пробовать приподниматься, упираясь то задними, то передними лапами. Достигнув возраста примерно семнадцати дней, он бегаёт уже на четырех ногах, правда еще весьма неуклюже и неуверенно. Через каждые двадцать — тридцать сантиметров его задик заваливается набок. При этом умение бегать на всех четырех зависит, оказывается, отнюдь не только от ног, но и... от смелости. Когда Шуфтерле по достижении тридцати четырех дневного возраста выносили из дома, где он уже бойко играл и бегал вокруг подстилки, и опускали на землю

в незнакомой ему обстановке, выяснялось, что он... разучился ходить, а способен только ползать и жалобно скулить. Ему приходится постепенно преодолевать эту свою заторможенность и заново учиться ходить. Правда, теперь он овладевает этой наукой гораздо быстрее — в течение нескольких дней. Если же в помещение с незнакомыми запахами внести что-то привычное для щенка, например мамину попонку или тапочки хозяина, как тут же выясняется, что он вовсе и не разучился бегать!

А вообще-то собаки значительно позже овладевают искусством передвигаться на всех четырех, чем кошки и кролики.

Если Шуфтерле сегодня, будучи взрослой, солидной собакой, лежит в своей корзине и во сне повизгивает, лает и дергает ногами, то фрау Пардаутц готова поклясться, что ему снится его недавняя погоня за кроликом. Но он ведь и десяти дней от роду уже рычал и лаял во сне даже тогда, когда еще не умел этого делать наяву. Правда, несколько позже такие озвученные сны наблюдаются чаще всего после каких-то важных событий в жизни щенка, ну, например, после первого посещения соседней комнаты, где его сморило от усталости и он заснул возле печки.

Но многие способности приходят к Шуфтерле сами собой. Так, попытки почесаться сначала кончаются ничем, потому что лапы еще слишком коротки; однако к тридцатидневному возрасту задняя лапа уже достает до уха и ею можно почесаться. Махать хвостом пес умеет уже в возрасте четырнадцати дней, а сидеть — в три недели.

О том же, что на свете существуют и огорчения, Шуфтерле не подозревает почти до трех месяцев. Он самый настоящий невинный дуралей, и к нему абсолютно применима поговорка, что «на ошибках учатся». На материнское злобное рычание он начинает обращать внимание только после того, как она его пару раз основательно цапнет. Когда в собачью «детскую» впервые приносят кошку, та тут же старается удрать. Щенята бегут за ней, однако без малейшего намерения причинить ей зло — они просто хотят познакомиться с ней и поиграть. То, что киска шипит, плюется и выгибает спину, на них не производит ни малейшего впечатления. Они самым невинным образом обнюхивают ее, пока не получают пару ощутимых затрещин. Вот и первый неприятный опыт от знакомства с кошкой! Так что исконная вражда между кошкой и собакой отнюдь не такая уж «исконная», это не врожденное, а благоприобретенное поведение.

Когда мимо дома проводят Пикколо, маленького пони, Шуфтерле восторженно кидается ему навстречу, попадает лошади под ноги, она наступает на него копытом, и несчастный щенок, громко скуля, остается лежать на земле. Мы осторожно осматриваем и

ощупываем его лапы, но он даже не вздрагивает. Значит, Шуфтерле совершенно невредим, просто его парализовал испуг. Но зато теперь он уже всю свою жизнь будет избегать лошадей и удирать при их приближении. Более того, этот его страх перед лошадьми может передаться его братьям и сестрам, а затем, будь он сукой, а не кобелем, эта боязнь могла бы проявиться и в его потомстве.

Подобные вещи щенята запоминают, как правило, страшно быстро. Один мой знакомый развлекался тем, что предлагал своим двухмесячным щенкам понюхать зажженную сигарету. Они с интересом нюхали ее, но затем тут же обиженно убегали. И никакая сила не могла заставить их, даже спустя несколько дней, снова понюхать сигарету. Они совершали комичные прыжки вперед и назад, непрерывно при этом чихая. Даже когда им предлагали незажженную сигарету или протягивали пустую руку, сложив пальцы так, как держат сигарету, они все равно чихали! Вот как быстро, всего лишь после одного-единственного печального опыта, для них образовалась прочная связь: сигарета — страх.

Или такой вот вопрос. Можно ли Шуфтерле, который из-за ошибки в воспитании стал бояться выстрелов, все же приучить к грохочущему ружью и сделать из него порядочную, дельную охотничью собаку? Лупцовкой тут ничего не добьешься, угрозами — тоже. Как прочно, даже в нас, людях, сидит усвоенное с детства чувство страха перед чем-либо и как редко его можно устранить путем разумных доводов, легко продемонстрировать на следующем примере. Какой дикий крик поднимает большинство девочек и женщин при виде самой обыкновенной мышки! Точно так же и наша гадливость к змеям — чувство благоприобретенное, а не врожденное: маленькие дети без малейшей боязни играют со змеями.

Если маленький ребенок в какой-то момент был напуган кроликом, то никакой пользы не принесет ни высмеивание его как «трусички», ни наглядный пример того, как другие дети играют в его присутствии с кроликами, ни то, что ему длительное время не будут показывать кроликов вообще. Ничего это не даст. Самый лучший способ приучить его перестать бояться кроликов вот какой: проголодавшемуся ребенку во время поглощения вкусного блюда издали нужно показать кролика, притом очень издали, лучше даже из коридора, когда ребенок ест в комнате. На таком расстоянии предмет страха не производит на ребенка столь сильного впечатления, как вблизи. Важно, чтобы он не перестал при этом есть. Желание утолить голод вкусной едой превозмогает, как правило, опасливое чувство перед «злым» зайчишкой. На следующий день при тех же обстоятельствах кролика

подносят уже поближе, и так до тех пор, пока чувство страха уступит место явному интересу, и ребенок позволит посадить «зайчика» на стол или даже к себе на колени.

Таким способом можно у ребят, и точно так же у щенят, полностью ликвидировать чувство страха, связанное с каким-то определенным предметом.

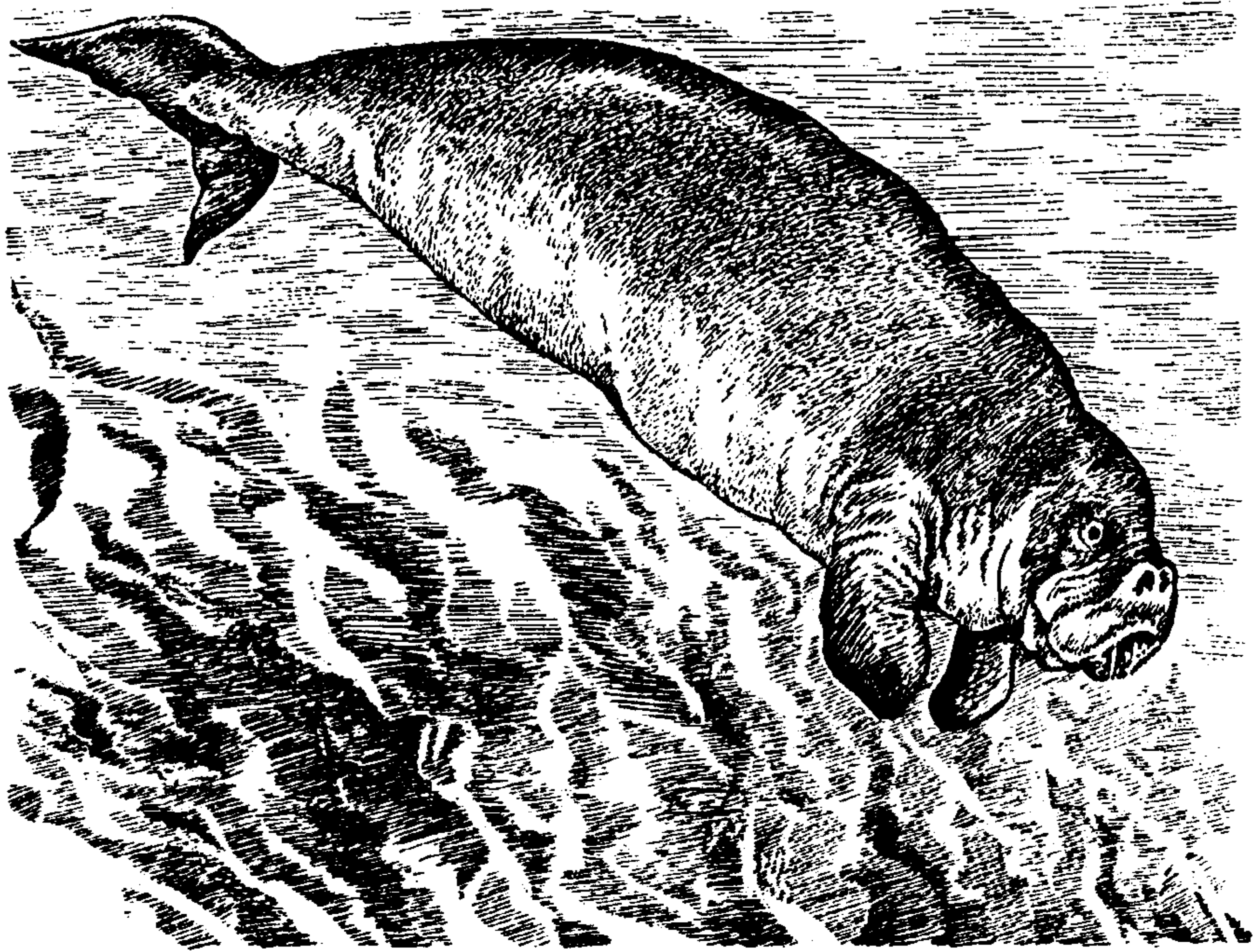
И наоборот, злоба у собак начинает проявляться прежде всего во время еды, в виде защитной реакции. Несколько позже она начнет проявляться и во время игр. Играть со своими собратьями щенки начинают только с двухнедельного возраста. Когда два щенка случайно натыкаются один на другого, то первым делом облизывают взаимно мордочки и затем стараются перелезть один через другого. Всего пару дней спустя они, играя, хватают друг друга зубами за голову. В возрасте четырех недель они нападают уже настойчивее, стараются ухватить братца за загривок и хорошенько потрепать. Затем игра постепенно переходит в серьезные потасовки. Маленьким задирам нет еще и двух месяцев от роду, а они все чаще во время игры впадают в раж, скалят зубы, взъерошивают шерсть на загривке и стараются ухватить «противника» за горло.

Точно так же, как это наблюдается у обезьяньих и человеческих детенышей, у собачьих деток мода на определенные игры тоже время от времени меняется. В течение восьми дней они будут самозабвенно возиться со старым веником, затем переключатся вдруг на перекатывание и подбрасывание засохшего конского навоза, а потом ухватятся с двух сторон зубами за пустую миску и будут яростно тащить ее каждый в свою сторону — получается нечто напоминающее «перетягивание каната». Вы, наверное, замечали, что и дети на улице целыми неделями способны играть в «расшибалочку», пока не увлекутся следующей вошедшей в моду игрой — запусканьем змея.

В «турнирных боях», которые у собак так часто переходят в злобные драки, выявляется, кто в своре может претендовать на место вожака и кто кому вообще должен подчиняться. Подобная иерархическая субординация сохраняется на всю собачью жизнь. И если такая вот низкорослая такса, вроде Шуфтерле, в подростковом возрасте содержалась вместе со щенками немецкой овчарки, то юные гиганты, без сомнения, будут признавать в таксе старшего по рангу и более умудренного опытом вожака. Очень потешно наблюдать, как через несколько лет такая вот выросшая громадная овчарка, повстречав на улице коротконового Шуфтерле, приветливо и подобострастно его приветствует, в то время как он не может узнать в этой махине бывшего беспомощного щеночка и удивленно принюхивается.

Но одно совершенно ясно: Шуфтерле отнюдь не только послушный и никем не замечаемый придаток своей хозяйки, фрау Пардаутц, сопровождающий ее во время прогулок. О нет! Он и сам по себе маленькая, но значительная «личность», которую в своем кругу уважают или ненавидят, любят или задирают. Это «личность», живущая своей самостоятельной жизнью, полной добра и зла, радостей и разочарований...

Глава двенадцатая

«ОДИССЕЯ» И ОХРАНА ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ

После того как греки взяли Трою, герой древнегреческого эпоса Одиссей, прежде чем попасть домой, еще долго скитался по чужим морям и странам. Но волшебница Цирцея, имеющая обыкновение превращать мужчин в свиней, прониклась к нему симпатией и выдала секрет, как справиться с одним из наиболее опасных испытаний, ждущих его во время трудного и полного самых невероятных приключений пути. Итак:

Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных Сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон уладил пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубу, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля, медвяного воску округ изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог-жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда я заклеил, меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.
Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.

Корабль Одиссея стал приближаться к острову Сирен, красивых молодых дев, сидящих на берегу, но Одиссей хорошо помнил предупреждение волшебницы Цирцеи:

Прежде всего ты увидишь Сирен; неизбежно чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных,
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приблизясь, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким Сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человеческих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.

Вот и сейчас, завидя Одиссея, сирены призывно запели:

К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахейн,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем Сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав...
Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои развязали; они же с удвоенной силой
Начали грести; а ко мне подошел Перимед с Эврилохом,
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья Сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты¹.

Так 2700 лет назад Гомер описывал в двенадцатой песне своей знаменитой «Одиссееи» соблазнительное пение прекрасных и коварных Сирен. Надо сказать, что у побережий многих морей, а также в некоторых больших реках и на самом деле водятся «сирены», несмотря на то что уже римский писатель Плиний, живший в 79 году нашей эры и погибший при извержении Везувия, писал, что не верит ни в каких сирен. Правда, настоящие сирены никоим образом не в состоянии завораживающе петь, а могут лишь сопеть и фыркать. Не обладают они и обворожительно стройным станом — чего нет, того нет. Но, между прочим, уже в нашем столетии один капитан, проплывая в Красном море, обманулся настолько, что принял сирен за купальщиц и подплыл поближе, чтобы получше их рассмотреть.

¹ Перевод В. А. Жуковского.

Заблуждения такого рода вполне объяснимы. Когда эти животные высовываются по плечи из воды, то издали они действительно могут сойти за русалок, потому что ростом они с человека, а у самок к тому же имеются две выпуклые грудные железы, напоминающие женскую грудь. Отсюда и все рассказы моряков. Так что во всем остальном сирены ничего таинственного и завораживающего собой не представляют. Им гораздо больше подходит название «морские коровы». Если исходить из этого названия, то разочарование будет не слишком велико, если представится случай их увидеть.

Однако такого случая не представится. Дело в том, что эти животные хотя и обитают в прибрежной зоне морей и даже в некоторых реках, но держатся они в местах, густо заросших водорослями, которые практически недоступны человеку, даже на лодке. И хотя предки тюленей, китов и дельфинов были когда-то наземными животными, тем не менее держатся эти теплокровные только или почти только на больших глубинах в открытом море. И хотя морским коровам, так же как и этим обитателям морей (в отличие от рыб), приходится время от времени выныривать на поверхность за новой порцией воздуха (потому что они дышат легкими, как и мы с вами), тем не менее уходить на большие глубины им незачем. Являясь мирными травоядными, они значительно медлительнее и пассивнее своих хищных родичей, напоминая поведением именно самых настоящих коров. А поскольку водная среда необходима им только для передвижения и пастыбы, а не для дыхания, то им, собственно говоря, безразлично, где именно пастись — в морской соленой воде, или в солоноватой устьев рек, или в пресной речной (в Амазонке и ее притоках).

Однако к воде сирены привязаны значительно сильнее, чем тюлени или морские львы, потому что не в состоянии, как те, подолгу без нее обходиться. Если во время отлива они случайно останутся где-то далеко на суше, то могут погибнуть, потому что их слабые передние лапы и горизонтально расположенный задний плавник непригодны для передвижения по суше. Кроме того, грудная мускулатура сирен вне водной среды не в состоянии обеспечить дыхательные движения такой махине, весящей до трех центнеров и достигающей в длину порой трех метров! Поэтому в таких случаях сирены, подобно китам, обсыхают и гибнут под палящими лучами солнца. Правда, они значительно реже попадают в столь опасную ситуацию, чем киты.

То, что предки этих водных животных много миллионов лет назад обитали на суше, выдают их «руки», которыми такая сирена в состоянии заключить в объятия своего супруга или прижать к себе детеныша. Каждая «рука», похожая на лапы, внутри сох-

ранила кости всех пяти пальцев. Задние же ноги срослись в один общий «плавник», который расположен не вертикально, как у рыб, а горизонтально, как у китов, и не имеет скелета.

Такая «подводная корова» съедает за день 25—30 килограммов морских водорослей, морской травы или пресноводных растений. Кишечник ее имеет в длину двадцать метров; это необходимо животному, чтобы переварить такую огромную массу зеленых кормов.

В ФАО (отдел при ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, находящийся в Риме) в последнее время стало поступать много заявлений из разных тропических стран с просьбой «снабдить» их морскими коровами. Дело в том, что внутренние озера и реки этих стран стали все сильнее и сильнее зарастать водорослями, мешающими нормальному судоходству и рыбному промыслу. А происходит это по той простой причине, что кто-то, истребив определенный вид животных, нарушил естественное биологическое равновесие в природе. В таких местах и мечтают теперь развести целые стада морских коров, чтобы эти травоядные пожирали подводные заросли.

Водяной гиацинт с его красивыми лиловыми цветками родом из Бразилии. Однако любители развезли его оттуда в разные места тропической зоны земного шара. Некоторые озера из-за этого заросли гиацинтом настолько, что рыба в них гибнет от недостатка кислорода. В США, в штате Луизиана, теперь вынуждены пускать в ход «подводные сенокосилки», чтобы таким образом освободить проход хотя бы для почтовых лодок. На озерах Сирии моторные лодки зачастую не в состоянии пройти и нескольких метров; то и дело приходится поднимать мотор и удалять накрутившиеся на винт растения. В Индии водяной гиацинт блокировал водные магистрали в Ассаме и в Западной Бенгалии. Поверхность водоемов одного из самых красивых птичьих заказников, Баратхпур, близ Агры, очень быстро зарастает.

Чиновник министерства рыбной промышленности из Гайаны заявил, что две морские коровы в состоянии за семнадцать недель полностью очистить от водорослей канал шириной семь метров и длиной 1,6 километра. Казалось бы, остается только заполучить этих животных. Но все упирается в проблему перевозки морских коров. Известно, например, что когда при транспортировке сирен их клали на спину в нечто напоминающее гамак, то тяжелые внутренности настолько сдавливали легкие, что животные задышались.

И что мы вообще знаем о сиренах? Об их образе жизни? Постыдно мало! Знаем только, что на морских побережьях и реках Флориды, а также Центральной и Южной Америки они

известны под названием «маната», на западном побережье Африки их называют ламантинами, а на берегах огромного Индийского океана, а это значит в Восточной Африке, Австралии, Индии и Индонезии, — дюгонями.

Спокойно и удобно понаблюдать за свободно живущими сиренами можно разве что в городе Майами, в Соединенных Штатах Америки. Тот, кто, находясь во Флориде, захочет набраться терпения и постоять на одном из мостов через реку Майами, сможет увидеть, как из мутной воды время от времени выныривают их крупные головы. Там же удалось выяснить, что взрослые крупные сирены способны находиться под водой до двенадцати, а то и пятнадцати минут, не поднимаясь за новой порцией воздуха.

А вообще-то надо сказать, что за последние сорок лет этих удивительных водных животных во всей Флориде значительно убавилось. Не назначь правительство за убийство сирены пятьсот долларов штрафа или три месяца тюремного заключения, они давно бы исчезли. В Южной Флориде, в Эверглейдсе, в 1948 году был даже образован специальный национальный парк с целью охраны этих животных. С наступлением похолодания сирены перекочевывают в изумительно прозрачный приток «Blue Spring» («Голубая весна»). Вода в этот приток поступает из теплых источников и сохраняет постоянную температуру не менее 21° С. Вот там, в городе Оранж-Сити, можно увидеть сирен во всю длину, плавающих на глубине трех метров.

А в обычных зоопарках и аквариумах сирен, как правило, редко увидишь. И не потому, что их так уж трудно содержать. В зоопарках Франкфурта-на-Майне и Антверпена, например, они жили годами. Франкфуртская морская корова погибла во время бомбежки, а в старейшем Гамбургском зоопарке у предшественника Гагенбека парочка пресноводных морских коров из Амазонки прожила целых тринадцать лет — с 1912 по 1925 год. Однако для посетителей это не очень-то интересные, скучные животные, постоянно замутняющие воду огромными массами фекалий и лежащие почти весь день без движения. Зато, правда, они неприхотливы и без особых трудностей переходят на другие, отнюдь не растущие в воде корма.

Так, самец морской коровы, по кличке Уинстон Черчилль, принадлежащий частному зоопарку во Флориде и весящий восемь центнеров, поглощает ежедневно сорок килограммов картофеля, бананов, салата, помидоров и дынь. А вот лука он терпеть не может. Как он, так и его супруга откликаются на свои клички, подплывают к своему служителю, переворачиваются на спину, чтобы им чесали брюхо, и по команде «дают ласту». Вот только за температурой воды в их бассейне приходится зорко следить:

если она опускается ниже пятнадцати—шестнадцати градусов, то дело может плохо кончиться. Однажды самец при таких обстоятельствах получил воспаление легких, и спасти его удалось только тем, что ему вкатили много миллионов единиц пенициллина.

Печальной известности *стеллеровы* коровы, которые вскоре после их открытия исчезли с лица Земли, были истреблены исключительно из-за человеческой глупости и алчности. А между прочим, именно они могли бы сейчас служить продуктивным источником питания для населения островов северных морей, живущего в весьма суровых условиях.

Стеллеровы коровы напоминали скорее слонов, чем коров. Выставленный в Ленинградском зоологическом музее скелет стеллеровой коровы (двухсотлетней давности) имеет в длину 7,5 метра, скелет южноамериканского манати рядом с нею выглядит как ее детеныш. Этот северный вид морских коров был поистине гигантским: охват груди такой махины составлял более шести метров!

Русский мореплаватель и открыватель новых земель Витус Беринг открыл этих поразительных животных совместно с естествоиспытателем и врачом экспедиции Георгом Вильгельмом Стеллером, уроженцем города Виндегейма во Франконии (ФРГ). Обнаружили их впервые у Командорских островов, расположенных в ста восьмидесяти километрах от побережья Камчатки, в море между Азией и Северной Америкой. Позже они были найдены и возле острова Беринга (длина которого составляет около девяноста километров, а ширина — около двадцати километров), и также у острова Медного, размерами вдвое меньше Беринга.

Георг Стеллер имел тогда достаточно времени для тщательного наблюдения за этими чудо-животными, общую численность которых он определил примерно в 1500—2000 особей; ему, как судовому врачу, пришлось в 1741 году перезимовать там вместе со всей командой, тяжело страдавшей от цинги. Жилось Стеллеру там, мягко говоря, не слишком уютно, потому что даже летом наивысшие температуры в этих местах достигают всего лишь шести градусов в июне и двенадцати градусов в августе.

«По несчастной случайности я получил возможность в течение целых десяти месяцев наблюдать за образом жизни и повадками этих животных,— писал Стеллер в своей книге.— Они каждый день появлялись практически перед самой дверью моего жилища».

Стада морских коров паслись на мелководье, охотнее всего в местах впадения рек. Впереди двигался молодняк, но в момент опасности взрослые окружали его плотным кольцом. Доверчивы они были чрезвычайно. Сверх всякой меры. Человека они под-

пускали настолько близко, что с берега их можно было потрогать рукой. Даже подраненные, они через какое-то время возвращались назад. Они только и делали, что паслись; голова их при этом всегда находилась над поверхностью воды, а на нее часто садились чайки. Зимой морские коровы сильно тощали; часто их сдавливало льдами, и они погибали.

Эти северные сирены были не только намного больше и мощнее своих сородичей, и по сей день обитающих в теплых водах. У них был и совсем другой кожный покров. Высушенные куски их кожи хранятся в русских музеях, а также в гамбургском. Кожа стеллеровой коровы была черной, неровной, сморщенной, притом жесткой, без какого-либо шерстного покрова, и сплошь пробуравлена мелкими вертикальными канальцами. Она скорее напоминала кору дерева, чем кожу животного. Один исследователь в Гамбурге несколько лет назад проделал следующий опыт. Он взял кусок этой сухой кожи (толщиной 6 — 7,5 сантиметра) и вновь размочил ее в воде. И что же? Оказалось, что одеяние северных сирен имеет неожиданное сходство с автомобильными покрышками по части эластичности и сопротивляемости! Такая кожа этим животным была совершенно необходима, иначе они, постоянно швыряемые волнами меж острых скал и льдин, слишком легко могли бы пораниться и погибнуть.

Уже Стеллеру удалось обнаружить, что в коже сирен поселяются какие-то «насекомые». Этих мелких ракообразных и сегодня еще можно найти в высушенных кусках кожи стеллеровых коров. Они сродни рачкам, паразитирующим на коже китов.

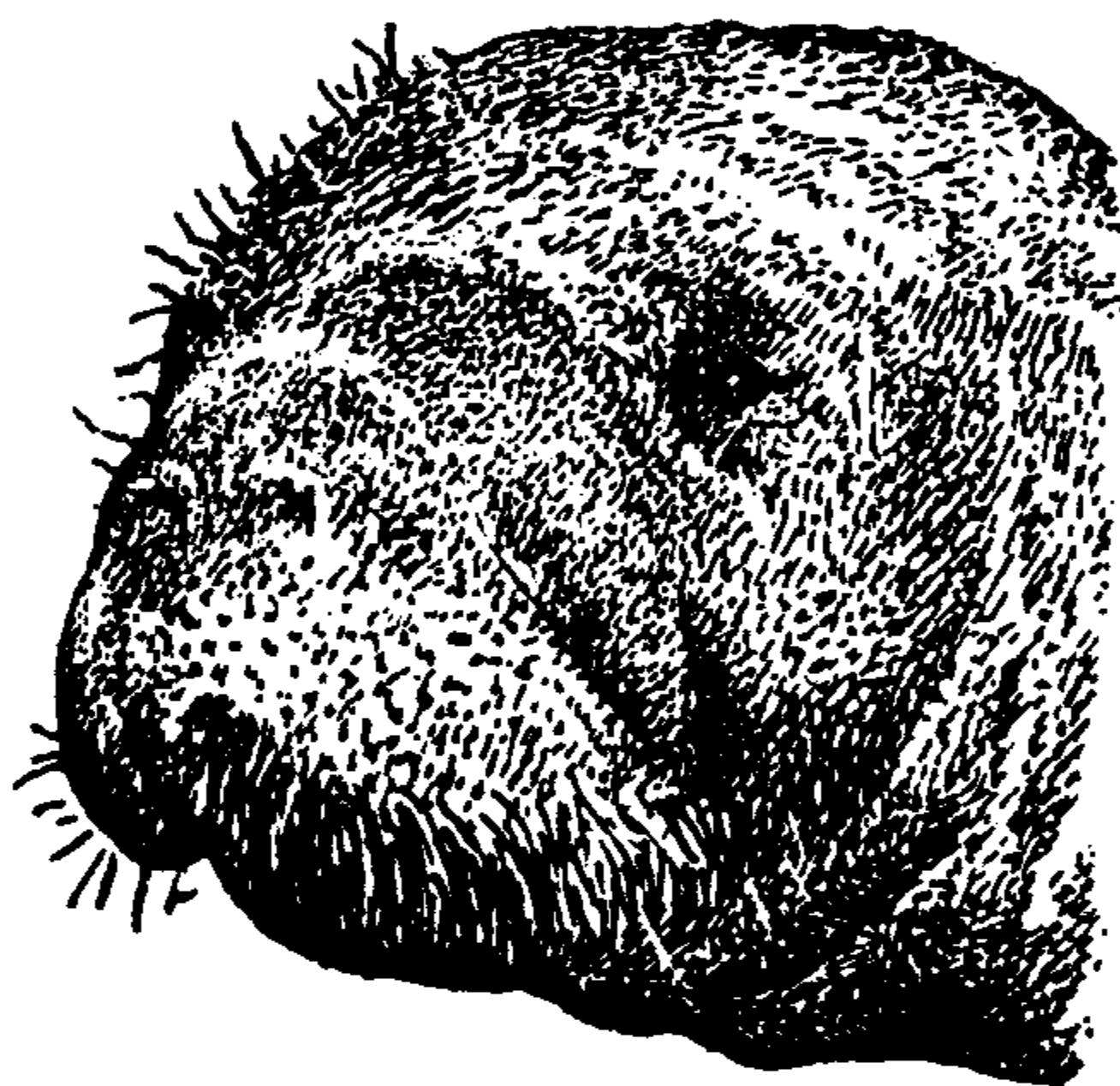
Мясо стеллеровой коровы было прекрасным на вкус. Его трудно было отличить от говядины. Вот что писал о нем Стеллер:

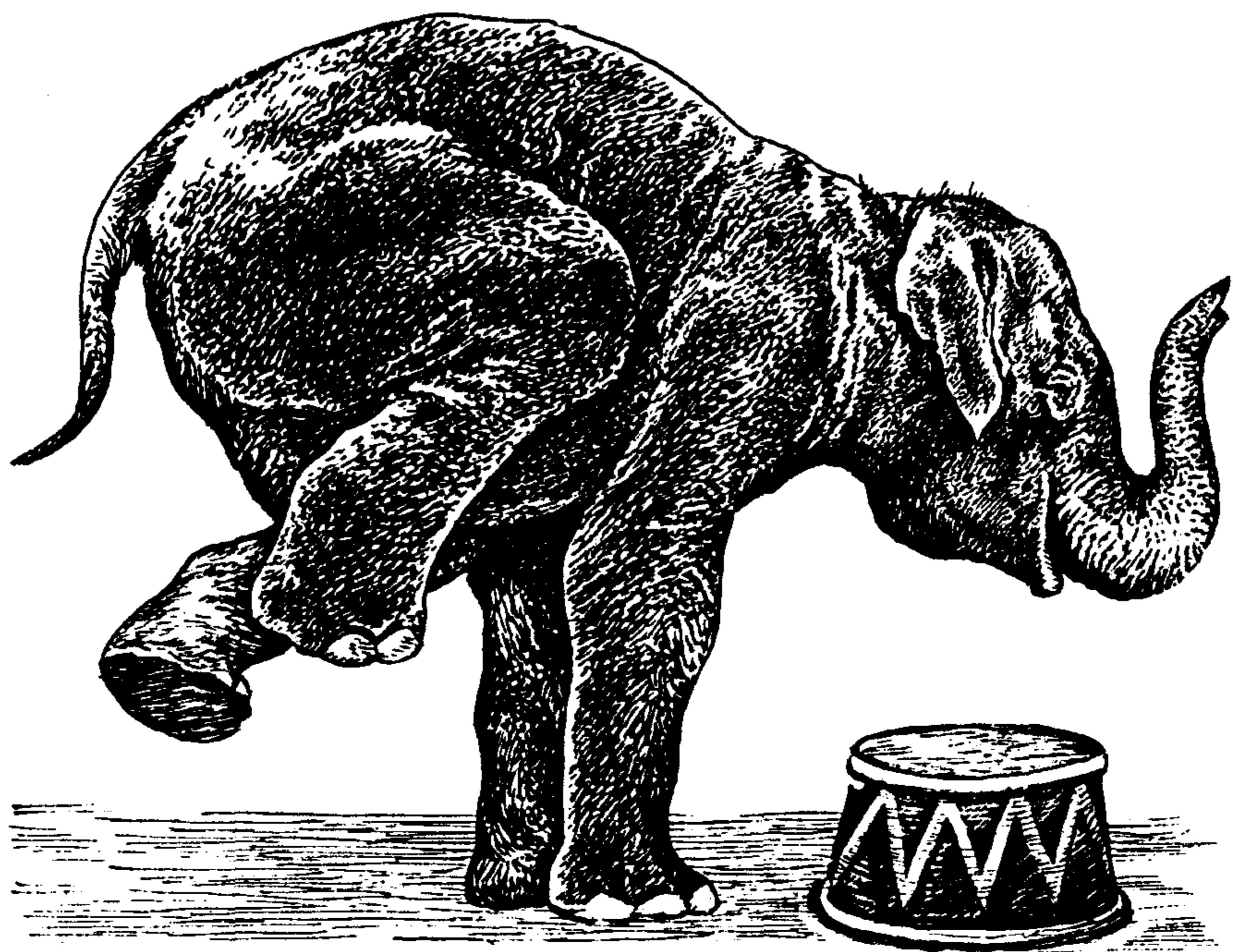
«Кишки, сердце, печенька и почки были жестковаты, и мы их выбрасывали; да мы в них и не нуждались, потому что у нас хватало мяса с избытком. Жир «телят» настолько напоминал свиное сало, что его просто невозможно было от него отличить. Но и у взрослых особей подкожный жировой слой, опоясывающий все тело, был «железистый», плотный, блестящий, белый, а если его подержать на солнце, становился желтым словно масло. Жир этот и на вкус, и на запах превосходен и совершенно несравним с жиром других морских зверей; даже сало наземных четвероногих во многом ему уступает. Помимо того, что оно не портится на солнце и его легко сохранять даже в самые теплые дни, оно и от времени не прогоркает и не начинает дурно пахнуть. Вытопленное, оно очень сладкое и приятное на вкус, так что сало нам всем вполне заменяло сливочное масло. По своему вкусу оно, скорее всего, напоминало миндальное масло, и его можно было

класть во все блюда, куда обычно кладут сливочное масло. В лампе оно горело ярко, без запаха и гари».

Подобные соблазнительные описания сыграли плохую службу северным сиренам.

С тех пор уже много воды утекло, и не только стеллерова корова, но и много других видов животных, живших до этого миллионы лет на нашей планете, были нами полностью истреблены и исчезли навсегда. Их больше уже *никогда* не будет. И если сейчас не вмешаются в это дело сознательные и энергичные люди, то в течение нескольких лет за исчезнувшими видами последует и много других замечательных и интересных диких животных, и их уже никто никогда не увидит на Земле, хотя нашим предкам, да и нам с вами, они были еще очень хорошо знакомы...

Глава тринадцатая
СЛОНОВЬЯ НОГА

Бывший директор Дрезденского зоопарка, доктор Инго Крумбигель, рассказывал как-то, что ему однажды, совершенно случайно, на ногу наступил слон. И что же? Оказывается, это вовсе не так уж страшно: ощущение такое, будто тебе опустили на ногу мешок с зерном.

Я вспомнил об этом, когда вместе с господином Прейсом, служителем слоновника, осматривал его подопечных. Взрослый слон весит добрых тридцать пять — сорок центнеров, а мешок зерна только около центнера. Разница довольно ощутимая, не правда ли?

— И тем не менее наступит, так почувствуешь, — сказал господин Прейс. — Очень даже почувствуешь! Тут у нас одному парню слон нечаянно придавил ногу, так он восемь недель в больнице провалялся!

Как же это понять? То больница, а то мешок с зерном? Тем не менее теоретически объяснить это совсем нетрудно. Слон при ходьбе наступает только на два передних пальца, снабженных «копытами». Третий «палец» и «ступня» при этом земли не касаются, примерно так же, как это происходит у свиньи: она ведь тоже ходит словно бы «на цыпочках». «Пятка» же у слона похожа на мягкую, эластичную подушку. Слоновья нога круглая и напоминает по форме трамбовку для мостовой. Если попасть под

передние «пальцы», то окажешься раздавленным в лепешку. Мягкая же «пятка» слона эластично «обтекает» неровности почвы: на попавшую под нее человеческую ногу ложится не целиком вес слона, а только небольшая его часть. Именно благодаря этим четырем мягким «подушкам» походка у такого колосса поразительно легкая и бесшумная.

Но теория теорией, а мне хотелось самому, на практике, проверить, как это получается.

Когда мы с господином Прейсом вошли в помещение со слонами, мощная индийская слониха послушно подбежала к нам на зов, словно собачка. Гораздо послушнее, чем любая лошадь на выгоне, подумал я. Ногу поднять? Пожалуйста! Слониха поднимала любую ногу, на которую мы указывали. Но стоило ей заметить, что я пытаюсь подсунуть ей под ногу свою, как она сделалась страшно осторожной и уже не опускала поднятую ногу полностью на землю, держа ее на весу. Никакие уговоры, ни нажимание, ни толкание не помогали: слониха просто не могла понять — чего этим людишкам от нее надо? Она с величайшей готовностью то скатывала, то расправляла хобот, чтобы продемонстрировать свое усердие. Пробовала даже встать на две передние ноги, подняв задние: вот смотрите, пожалуйста, что я умею!

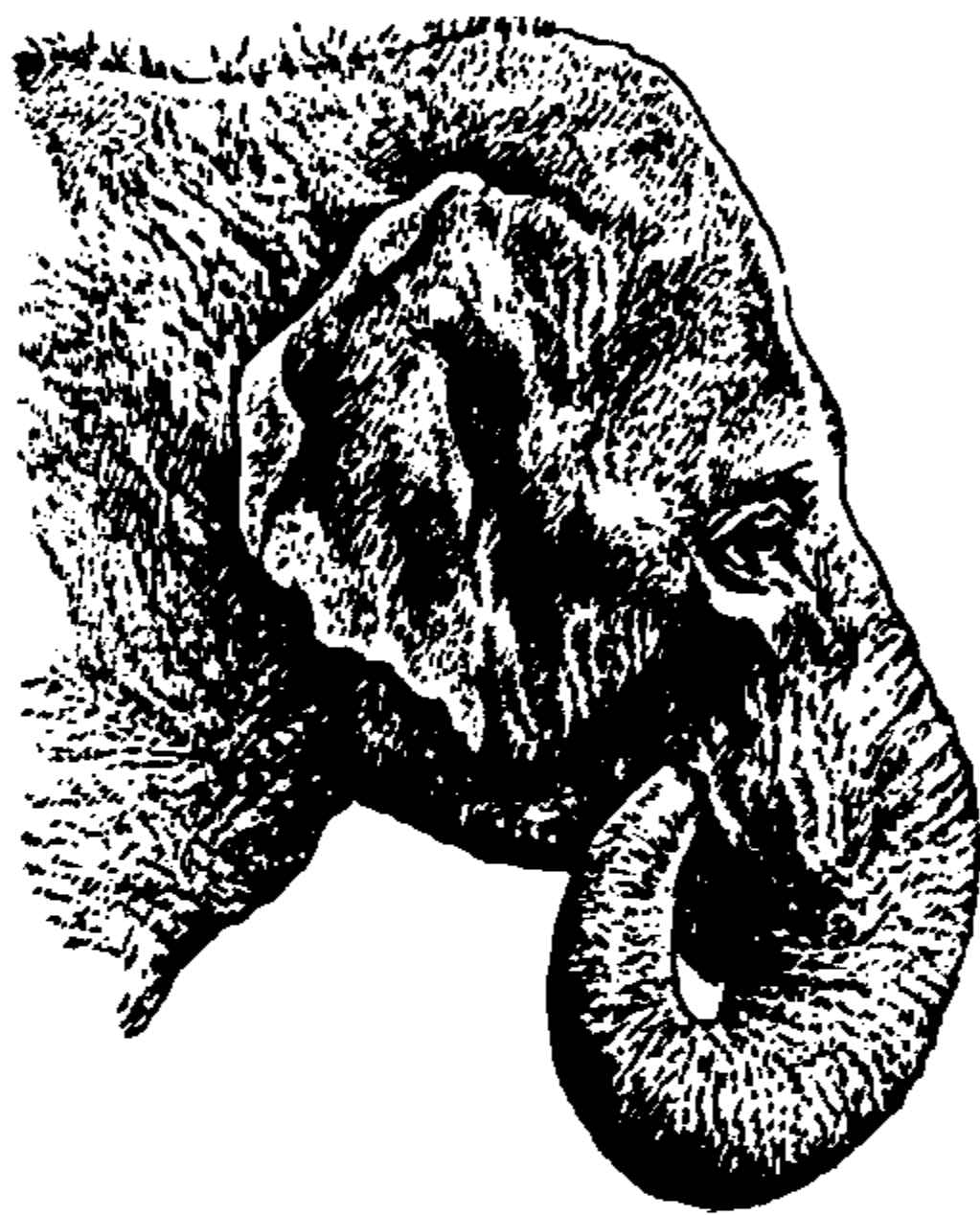
Тем временем, заинтересованные происходящим, к нам подошли оба молодых слоненка ростом уже примерно с меня.

— А вот с этими будьте поосторожнее! — предупредил Прейс.— Они хоть и родились в зоопарке и считаются вроде бы ручными, но я, ей-богу, предпочитаю иметь дело с импортированными, дикими. Ведь этих «малышей» здесь, в условиях зоопарка, воспитывать очень трудно. Они, как правило, бывают непослушные, дразнят и задирают служителей. Публике это страшно нравится: «Ах, какие прелестные резвые малютки!» Но на самом-то деле выступать в роли игрушки для молодых слонов — занятие не такое уж безопасное и безобидное. Даже в тех случаях, когда они не замышляют ничего дурного. Чтобы внушить уважение к своей персоне, разбушевавшимся слонятам надо дать ремня. Однако когда посетители видят нечто подобное, то среди них всегда оказывается несколько сердобольных, которые находят это «бессердечным», непедagogичным и т. д. Они тут же бегут жаловаться в дирекцию. Поэтому из таких вот «слоновьих беби», уже отлично понимающих, сколь слаб против них на самом деле человек, вырастают весьма и весьма малопрятные экземпляры.

— Случались ли у вас какие-нибудь неприятности со слонами?

— Да, однажды мне слон Ваств, вон тот, что в одиночном загоне, там, напротив, расшиб своим бивнем голову до крови. Но это еще ничего. Превжний наш самец имел такую неприятную привычку: с приветливым видом подпускал человека поближе, а потом внезапно кидался в атаку. Наш теперешний хоть не скрывает своих агрессивных намерений!

Служитель подозвал к себе крупного африканского слона, но и тот не пожелал мне как следует наступить на ногу. Стеснялся. Так мне и пришлось уйти домой «незатоптанным», но я утешал себя тем, что пополнил свой запас знаний новым опытом: оказывается, слон не так-то легко соглашается наступить на человека, разве что случайно. Но и в таком случае он постарается поскорее отдернуть ногу, прежде чем навалится на нее всей тяжестью.

Глава четырнадцатая

МУЗЫКАЛЬНЫ ЛИ ЖИВОТНЫЕ?

Несколькими годами позже я заинтересовался так называемыми «доильными концертами».

«Недалек тот день, когда мои предложения организовать трансляцию «доильных концертов» будут подхвачены и другими странами». Такими словами заканчивается изданная в Галле книга, принадлежащая перу дипломированного специалиста по сельскохозяйственным проблемам — инспектора по разведению домашнего скота. Называется она «Влияние музыки на повышение удоев молока у коров». Автор пытается в ней доказать на основе своих наблюдений, что некоторые, особенно «музыкально одаренные», коровы дают больше молока, если во время доения играть перед ними на скрипке или включать в коровнике патефон. Среди коров, которых он наблюдал в государственном скотоводческом хозяйстве Штровальде, по его словам, была одна, которая отдавала предпочтение пластинкам с ариями Карузо, а на частной ферме Билен была другая, которой больше всего нравилась ария «О, девушка, девушка!» из оперетты «Фридерика». Но при этом нельзя животным проигрывать несколько раз подряд полюбившееся им музыкальное произведение — это может притупить их восприимчивость и они перестанут внимательно прислушиваться. Вот корова № 9, к примеру, была столь музыкальна, что, услышав голос Карузо, даже переставала жевать; она поворачивала голову

в сторону источника звука и замирала в такой позе до самого окончания музыки. Разумеется, можно было бы возразить, что доярки при музыкальном сопровождении, да еще зная, что несколько заинтересованных лиц наблюдают за их работой, выдают коров тщательнее и усерднее обычного. Возможно, и это играет какую-то роль.

«Однако тот, кто хоть раз наблюдал,— пишет инспектор по разведению скота,— как внимательно коровы прислушиваются к музыке и сколь взыскательны они в выборе музыкальных произведений, тот не станет оспаривать утверждение, что на молокоотдачу в данном случае влияет не доярка, а именно сама корова».

Ну, скажем прямо, в то, что коровы в сопровождении оркестра будут давать больше молока, тем более в течение длительного времени, в это я, простите, не верю. Но все же ясно одно: к музыке они далеко не безразличны. Правда, проводя эти опыты, следовало бы в какой-то момент вместо музыки включить резкую трель свистка и посмотреть, будут ли коровы также поворачивать голову на этот звук и прекращать жевать, то есть выяснить таким образом, привлекают ли их просто посторонние, незнакомые звуки или они действительно «музыкальны»?

А вообще-то еще исстари утверждалось, что животные не безразличны к музыке: вот Орфей играл же так чудесно на лире, что усмирял этим диких зверей, и даже львы ложились смиренно возле его ног и роняли слезы умиления. А сказочному крысолову удалось заманить длиннохвостую рать своей игрой на флейте прямо в реку и утопить; и храбрый портной, попав в клетку к ворчливому медведю, так увлек его игрой на скрипке, что тот сам захотел научиться на ней играть и добровольно согласился засунуть лапы в тиски, чтобы ему укоротили когти... Да мы и по сегодняшней день верим в то, что индийские факиры «усмиряют» и «завораживают» кобр своей игрой на флейте, и те, сделав стойку и распустив капюшон, только покачиваются под музыку из стороны в сторону и не кусаются¹.

Уже у Брема можно прочесть, что в морской бухте Гой, на Оркнейских островах, тюлени, слышав звуки церковного колокола, удивленно высовывают головы из воды и, подплыв как можно ближе, с застывшим от восторга взглядом внимают зачаровывающим их звукам. Один исследователь, посетивший пингвиний остров в Южной Атлантике, выяснил с помощью грам-

¹ В то время как ученым уже давно известно, что змеи глухи и ориентируются при помощи тонко улавливаемого ими колебания почвы. Следовательно, никакой музыки они слышать не могут. (Примеч. ред.)

мофона, что «настоящая музыка вызывала у птиц нечто значительно большее, чем простое любопытство».

Так как же — музыкальны животные или нет?

Пение соловья и трели жаворонка, висящего высоко в чистом небе, уже столько раз были воспеты нашими поэтами, что мы не смеем и сомневаться в выдающихся музыкальных способностях этих птиц. Многие люди, знакомые с нашими певчими птицами только по стихам и книжкам, ожидают услышать и в природной обстановке настоящие симфонические концерты и поэтому бывают обычно разочарованы. Если обратить их внимание на песню зяблика, они будут недоуменно пожимать плечами: это чириканье и есть знаменитое пение птиц? И тем не менее кого не тронет за живое нехитрая песня черного дрозда? Только слушать ее надо не на городском бульваре под аккомпанемент скрежета трамваев, для этого надо углубиться в зеленые сумерки уединенной рощи, и вот тут оно застигнет вас врасплох, это нежное пение!

Надо сказать, что приятное мелодичное стрекотание умеют издавать даже самцы цикад. Еще греческий поэт Ксенархос подметил:

Счастливы живут цикады,
ведь у них немые жены...

Но, однако, никому не придет в голову назвать этих насекомых музыкально одаренными. И что вообще подразумевается под понятием «музыкальный»? Ведь даже в отношении человека это трудноопределимое понятие. Для этого необходимо иметь музыкальную память, то есть уметь запоминать определенные звуки, темп, ритм, тембр, отдельные мелодии и иметь представление о красоте звучания. И вообще испытывать интерес к музыке. Находим ли мы нечто подобное у животных?

Известно, что собаки Моцарта и Вагнера были отнюдь не безразличны к музыкальному творчеству своих хозяев. Правда, моцартовского пса лупили, когда он пытался своим вытьем вмешаться в создание очередного музыкального шедевра. Вагнер же, наоборот, признавал за своей собакой «право на критику». Он даже часто смягчал слишком громкие и возбужденные места в своих произведениях, раздражавшие собаку.

А вот у Бастиана Шмида была ручная лиса, имевшая обыкновение спать днем на коленях своего хозяина. Перед тем как заснуть, она, наподобие маленьких детей, делала глубокий вдох, заканчивающийся звучным протяжным вздохом. Когда хозяин молодого лиса (а это был именно лис, а не лиса) попробовал однажды подражать этому звуку, зверь поднял голову и удивленно на него уставился. Это побудило Шмида повторить звук, лис

ответил, и вскоре они уже всюю обменивались такими протяжными подвываниями. Это надоумило хозяина попробовать перевести звук в другую тесситуру. К его немалому удивлению, лис тоже перешел в ту же тональность, а час спустя уже усвоил целую октаву.

«Не то чтобы он сразу улавливал правильную высоту каждого отдельного звука; иногда он подвывал на полтона или на целый тон выше, иногда ниже, но интересно, что потом лис сам, один, повторял этот звук до тех пор, пока он не начинал соответствовать тому, что мычал хозяин. Через несколько дней лис начал сам воспроизводить от услышанного тона всю октаву и даже выходить за кварту через октаву. Он умел провить октаву от основного тона и наоборот¹. В общем и целом можно утверждать, что он владел почти двумя октавами, имитировал звуки, напеваемые хозяином, репетировал их про себя, а затем воспроизводил с большой точностью».

Ни одна из других двенадцати лис, содержащихся при доме, подобных способностей не проявляла. Когда же «поющему лису» привели самочку, то с пением было покончено; оно его совершенно перестало интересовать. Но как только самочка улизнула через дырку в сетке загона, лис охотно вернулся к прежним занятиям.

Владелец цирка Саррасани рассказывал, что в дни его юности в цирке выступал «поющий осел», пользовавшийся огромным успехом у зрителей и у него самого. Номер назывался «Ромео, единственный в мире поющий осел». Этот осел умел по команде издавать звуки, составляющие целую музыкальную фразу, чем и смешил публику до упаду.

Орнитолог Кунц еще много лет назад заметил, что если черному дрозду, живущему у него в клетке, проигрывать ре-мажорные и ля-мажорные аккорды, то это вызывает у него радостное, порой даже бурное возбуждение, в то время как на другие аккорды он почти не реагировал. Когда Кунц переходил на соль мажор и до мажор, ажиотаж у черного дрозда постепенно пропадал, но зато сразу же вступал сидящий в соседней клетке кенар (словно он только и ждал этой минуты) и сопровождал музыку своими раскатистыми руладами. Заунывные песни черный дрозд сопровождал сентиментальным, тягучим «аккомпанементом». Но стоило зазвучать жизнерадостным, веселым, маршевым мотивам, как он тотчас же оживлялся и начинал форменным образом ликовать, издавая какой-то восторженный писк. Больше всего ему, кажется, нравились вальсы, хотя ни о каком настоящем соблюдении ритма с его стороны не могло быть и речи.

¹ Речь идет о скачках в голосе, о варьировании одной и той же интонации в более высоком или более низком регистре. (Примеч. перев.)

Птицы поют иногда совершенно самозабвенно. Так, горихвостка-чернушка в течение одной минуты может издавать до десяти своих переливчатых трелей. Если птица за тот же промежуток времени пропоет только шесть раз, то у нее остается еще возможность в перерывах между пением погоняться за летающими насекомыми. Но и в этом случае она во время своего пятнадцатичасового «рабочего дня» ухитряется пропеть пять тысяч четыреста раз! Так что эту маленькую пичугу с полным правом можно именовать «выдающейся певицей».

То, что у птиц хорошая, музыкальная память, доказывают нам так называемые «пересмешники», встречающиеся среди пернатых не так уж редко. Это в первую очередь скворец, сорокопут-жулан, красноголовый сорокопут и камышевка болотная — рекордсмены по «передразниванию», то есть подражанию чужим голосам. Настоящие пародисты среди них — это наши волнистые попугайчики и, разумеется, крупные попугаи разных видов.

Доктор Зигрид Кнехт из Вены взяла на себя труд заняться пением птиц с научной точки зрения. Она проделывала с птицами те же опыты, что раньше с собаками, рыбами и другими животными. Исследовательница приучила своих канареечных вьюрков, волнистых попугайчиков, чижей, щеглов, канареек, коноплянок и клестов к тому, что каждый из них получал свой корм только при звучании определенного тона. Звуки эти производились с помощью камертона или специальных свистков. Вскоре птицы привыкли подскакивать к своей кормушке только при звучании сигналов соответствующей высоты, потому что при всех других сигналах крышка кормушек оказывалась закрытой. В этом нет ничего необычного, потому что каждый, кто содержал когда-нибудь кур, знает, как несложно приучить их прибегать со всех сторон на обычный зов «цып-цып-цып», которым сопровождают их кормление, а голубятники знают, как свистом созвать свое пернатое стадо из небесной вышины.

Некоторые птички выучивали свой «дрессировочный звук» уже с десятой пробы; другие, совсем «глупые», не могли ничего сообразить и после трехсот раз. Услышав похожий звук, но более высокой или низкой тональности, птицы поначалу пытались все же добраться до корма. Но, поняв безнадежность своих попыток, вскоре научились хорошо распознавать «чужие» тона и проявлять к ним полнейшее равнодушие (даже в тех случаях, когда высота производимых звуков постепенно все больше приближалась к их «кормовому»). Были отдельные экземпляры, которые могли отличить терцию, секунду, даже четверть и восьмую тона и даже еще меньшую разницу! Подобная способность птицы распознать нужную высоту тона весьма удивительна, потому что ей при

этом приходится сравнивать только что услышанный звук с тем, который она хранит в памяти. А это не так просто.

Следовательно, можно утверждать, что птицы обладают абсолютным слухом. Это значит, что они могут запоминать определенные звучания на более или менее продолжительное время. Такой способностью, как показали опыты, обладают также собаки, рыбы, саламандры и некоторые другие животные. У большинства же людей, как у музыкальных, так и немусикальных, такая способность утеряна. И только у маленьких детей, с которыми проделывали аналогичные опыты, оказывался абсолютный слух. Некоторые музыкально одаренные взрослые тоже могут его у себя развить.

Утверждалось, что певчие птицы не в состоянии повторить какую-нибудь мелодию в другой тональности, то есть выше или ниже пропетой. В музыке это называется транспонированием. Но Зигрид Кнехт доказала, что это не так. Ведь попугаям разные люди напевают одну и ту же мелодию отнюдь не всегда в одной и той же тональности хотя бы уже потому, что у всех людей разные голоса и нет абсолютного слуха. И тем не менее попугай воспроизводит этот мотив. Кроме того, уже не раз наблюдалось, как птицы начинали музыкальную фразу чересчур высоко, так что самые высокие тона выходили за пределы их голосовых возможностей. И что же? Они тотчас же прерывали пение и начинали сначала в нужной тональности.

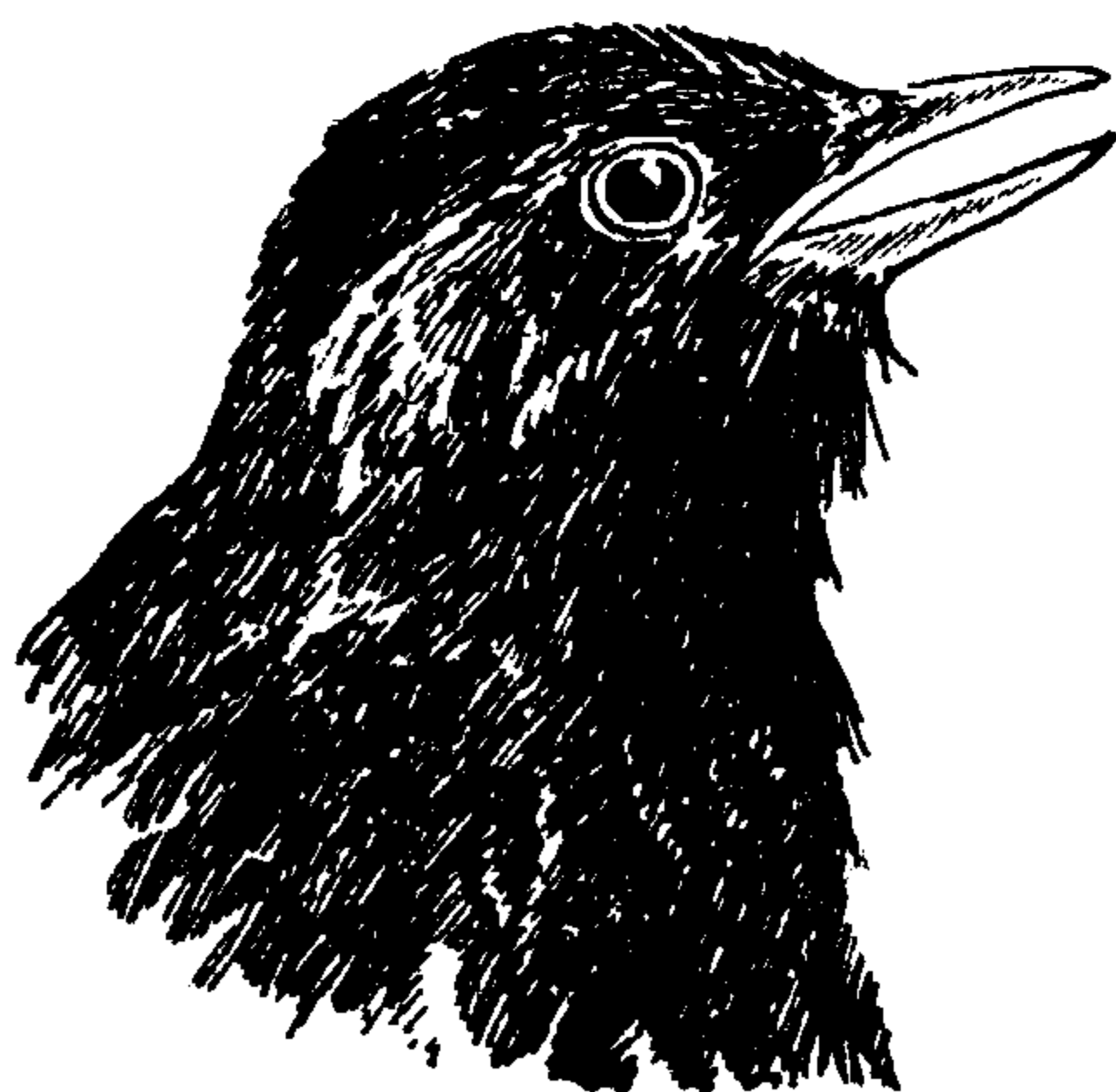
И на воле можно наблюдать отдельных синиц, иволгу и других птиц, поющих свою привычную песню в различной тональности. Подтвердить такую способность к транспонированию удалось и опытным путем. Волнистый попугайчик был приучен искать свой корм только при звучании определенной терции. Уже при кварте он оставался равнодушным, потому что ничего не получал. Вскоре птица сообразила, что получает корм только при терциях, независимо от тональности, и перестала обращать внимание на кварты той же тональности. Отсюда следует, что птицы вполне способны транспонировать, что у людей считается признаком «музыкальности». Просто они этим редко пользуются, потому что, в отличие от людей, обладают абсолютным слухом.

Как далеко заходит способность даже самых обычных певчих птиц имитировать чужие голоса, можно проследить на забавном примере с полевыми жаворонками, обитавшими возле шоссе между Кремлингенем и Ведделем, в Брауншвейге. Было это в 1922 — 1923 годах, когда многие автомобили имели модные в то время клаксоны, издающие протяжный, пронзительный звук. Живущие слева и справа от шоссе жаворонки вскоре начали издавать резкие, пронзительные свисты, абсолютно точно копирующие сиг-

налы автомобильных клаксонов. Но уже в отдаленной на два километра от шоссе деревне Веддель подобное звукоподражание встречалось значительно реже, а после того, как резкие звуковые сигналы у автомашин были заменены другими, оно совсем исчезло.

Еще на одном волнистом попугайчике доктор Кнехт проверяла, может ли он распознать свой «кормовой звук», исполненный на других инструментах. Свистки и камертоны были заменены инструментами с другой звуковой окраской, например скрипкой и гармонью. Птица узнавала привычный звук, но лишь в тех случаях, когда его издавал инструмент, почти лишенный обертонов и наиболее приближающийся по звучанию к привычному свистку. Больше всего этому соответствовали звуки концертной флейты или извлекаемые из щипковых инструментов. Звуки, производимые на гармонии и в особенности на виолончели или скрипке, узнавались с трудом, поскольку трение смычка о струны искажало звуковую окраску.

Отдельные мелодии, напеваемые певчими птицами, для нашего уха столь привлекательны, что Моцарт и Бетховен использовали их даже в своих музыкальных произведениях. И в то же время поразительный слух этих животных труднообъясним. Ведь строение слухового аппарата у птиц гораздо примитивнее, чем у человека. Да и части головного мозга, отвечающие за переработку воспринятых ухом слуховых раздражителей, устроены значительно проще, чем у нас. Базилярные волокна, которых в нашем слуховом аппарате двадцать четыре тысячи, действуют наподобие струн, и каждая такая струна колеблется в соответствии с определенным тоном. У птицы же только тысяча двести таких базилярных волокон. И тем не менее нет ни малейших сомнений в том, что птиц и в нашем понятии, безусловно, можно считать музыкальными.

Глава пятнадцатая

КАК ОТ НИХ ИЗБАВИТЬСЯ?

Клопы — это красивой формы и прекрасной расцветки насекомые; но, к сожалению, приятное впечатление от первого знакомства пропадает, как только узнаешь об их дурных повадках...

Доктор Мензе

Между прочим, поближе познакомиться с жизнью и повадками этого маленького красивого насекомого вовсе не так просто. Каждый, кого о нем не спросишь, начинает возмущенно отрицать, что когда-либо имел с ними дело... А между тем работники дезбюро утверждают, что до победного шествия инсектицидов эти насекомые сидели в каждой третьей квартире большого города. В 1934 году даже в верхней палате лордов дискутировался вопрос о клопах: дело было в том, что по их милости пришлось закрыть на три дня один из самых больших отелей в Лондоне. А епископ Винчестерский рассказывал, например, что святые отцы, обследуя кварталы бедноты в индустриальных центрах, обнаружили, что в теплые летние ночи по улицам слоняется масса малолетних — ребятишек. Будучи опрошенными, малыши заявляли, что на улицу их послали родители, потому что полчища клопов все равно не

дадут им уснуть... Когда однажды в Стокгольме планомерно были обследованы три тысячи фургонов для перевозки мебели, то оказалось, что не менее сорока семи процентов из них заражено клопами!

Правда, многое из того, что приписывают этим самым верным и постоянным из наших домашних животных,— злой вымысел. Например, то, что они якобы могут издалека «учуять» свою жертву и приползти с тем, чтобы кровожадно на нее наброситься. Когда это перепроверили, оказалось, что голодные клопы способны реагировать на запах человеческого тела лишь на расстоянии, не превышающем двух с половиной сантиметров.

По всей вероятности, они находят нас благодаря своей способности запоминать местность. Клопы ведь обычно следуют одними и теми же проторенными тропами к нашей постели, а иногда даже весьма окольными путями. Просто мы этого не замечаем, потому что нежимся в это время в безмятежных снах. Именно поэтому клопов довольно легко бывает «провести». Достаточно только передвинуть свою кровать в другой угол комнаты (разумеется, очистив ее предварительно от клопов), и тогда может пройти целых три недели, прежде чем они снова отыщут свои охотничьи уголья. Правда, к этому времени они бывают уже настолько изголодавшимися, что несчастной жертве тут уж недобровать! Голодного клопа невозможно отпугнуть даже включенной на всю ночь лампой, и ни «порошки от насекомых», ни втирания в кожу различных «отпугивающих мазей» не в состоянии усмирить их боевой дух.

Надо сказать, что клопы весьма выносливые ходоки. Ежедневный, вернее, еженочный марш на расстояние в двадцать метров — от места своего поселения под обоями до спящего человека — их несколько не утомляет. Хороший клопиный спринтер может пробежать четыре метра за минуту, в то время как вошка (для сравнения) за то же время проползет не больше тридцати трех сантиметров.

Неправда и то, что клопы способны голодать десятками лет. Если они предварительно досыта напьются крови, то в хорошо натопленной комнате могут просуществовать без еды в лучшем случае тридцать восемь недель. А вот в очень холодных помещениях они впадают в анабиоз и в состоянии спячки действительно способны прожить значительно дольше. Во время вынужденных голодовок клопы почему-то заглатывают воздух, и весь кишечник у них бывает наполнен воздушными пузырьками. Между прочим, такие вот «голодовочные пузырьки» могут служить важной уликой, когда квартиросъемщик судится с хозяином дома,

доказывая, что не он «затащил» клопов, а что они были тут старыми, давнишними постояльцами.

Правда ли то, что клопы «сознательно» вползают по стене на потолок, чтобы оттуда упасть на кровать (в тех случаях, когда ножки ее специально поставлены в плоски с водой), — об этом можно спорить. Иногда действительно наблюдается самый настоящий «клопиный дождь», падающий с потолка и состоящий обычно из недавно вылупившихся из яйца личинок, но приписывать это их особой «хитрости» не приходится. То, что клопы зачастую срываются с потолка, в особенности если внезапно зажечь свет, можно наблюдать и вдали от кровати. Просто их постоянное местожительство находится обычно где-то вблизи постели, и упавших с потолка насекомых бывает легче обнаружить на белом постельном белье, чем на темном ковре или полу. Следовательно, не смывленность или хитрость толкают их на такие головокружительные прыжки. Но одно совершенно верно: если хочешь спокойно спать в помещении, зараженном клопами, то недостаточно обезопасить себя снизу, поставив ножки кровати в воду, надо и сверху оградить себя от «парашютистов». Один находчивый человек приладил над кроватью каркас, обтянутый оберточной бумагой, края которого были смазаны клеем для мух. Таким образом ему удалось полностью избавиться от нашествия клопов.

Клопы далеко не всегда бывают цвета благородного красного дерева. После выхода из яйца их личинки (которые внешне выглядят совсем как взрослые насекомые, только намного меньше) прозрачно-белые, с темно-красными глазками. Но как только они насосутся нашей крови, то становятся похожими на странствующие красные ягоды. Среди взрослых клопов встречаются удивительно красивые, глянцевые, желтовато-коричневые, точно лакированные особи. А иногда, правда очень редко, восторженному исследователю клопов попадается экземпляр и с ярко-красными ножками. Если свежевылупившихся клопов поместить сразу же на холод, то они становятся иногда огненно-красными и потом очень постепенно и медленно приобретают свою обычную бордовую окраску.

Плодовитая самка клопа откладывает в день по два-три яйца, а за всю жизнь — триста пятьдесят. Эти маленькие белые яички покрыты особой слизью и легко приклеиваются к чему угодно. Если их соскрести, они упадут и будут свободно кататься по полу, но стоит их только смочить водой, как они тут же снова к чему-нибудь приклеиваются. Каждое двадцатое из яичек — пустое, неоплодотворенное. И хотя это обстоятельство волнует нас отнюдь не так остро, как неоплодотворенные куриные яйца,

энтомологам все же до сих пор не удалось выяснить причину, от которой это зависит. На каждом клопином яичке сверху маленькая аккуратная крышечка. Когда личинка выкарабкивается наружу, эта крышечка еще некоторое время остается у нее на голове в виде заливчатского берета или каскетки, которые прежде носили наши студенты. Эти клопиные студентки гонимы одним только желанием: как можно скорее напиться крови. Одной «заправки» им вполне достаточно, чтобы безбедно дожить до следующей линьки. Третий хитиновый панцирь не растет вместе с клопиным телом и поэтому лопаается, и его приходится сбрасывать. Такая линька для подросткового клопа — дело отнюдь не простое и не приятное. В какой-то определенный момент он накачивает в себя как можно больше воздуха, выгибает спину, а голову подгибает под себя. Старая кожа лопаается по совершенно определенному «шву», и клопик выползает из нее в своем новом, пока еще мягком панцире. При этом ему надо торопиться, пока новая «одежда» еще не застыла и не затвердела. Иногда случается, что с какой-то одной ноги никак не слезает «чулок», и молодой клоп либо становится инвалидом, либо вынужден таскать свою старую одежду повсюду за собой. То, что мы обычно принимаем за «мертвых» клопов,— это, как правило, лишь их пустые оболочки.

Пройдя через пять линек, клоп становится наконец взрослым и половозрелым. На спине у такого клопа можно разглядеть два рудиментарных крыла в виде едва заметных бугорков, абсолютно бесполезных для этого насекомого. Однако верная традиция природы оставила их на память клопу, чтобы не забывал, что когда-то и он, подобно другим насекомым, был способен летать.

Кстати, у наших «постельных» клопов есть много близких родичей, из которых большинство умеют летать, ярко окрашены, не воняют и не сосут крови.

А что касается линек, то для ученых-энтомологов уже не секрет, что именно побуждает клопов менять кожу. Если оторвать клопу голову, он будет спокойно и радостно жить дальше без головы. Более того, безголовый иной раз проживет дольше, чем его братья с головами. Но линять он уже не будет никогда. Почему, интересно? Может быть, для того, чтобы выбраться по всем правилам искусства из собственной шкуры, требуется хоть капля мозгов? Вовсе нет. Просто рядом с головным мозгом у клопа расположена специальная железа, вырабатывающая «линный» гормон, который через определенные интервалы времени выделяется непосредственно в кровь. Именно этого гормона безголовым и не хватает. Если же безголовому клопу ввести кровь

нормального клопа, то он тотчас же начнет сбрасывать свое одеяние. Более того: если молодого клопика, не достигшего еще и первой линьки, накачать кровью взрослого клопа, он буквально на глазах начнет превращаться во взрослого клопа-скороспелку, абсолютно схожего по форме с половозрелой особью. Даже обрубочки крыльев на месте!

А вообще-то должно пройти целых два месяца (летом иногда достаточно и одного), чтобы молодой клопик вырос и мог бы приступить к откладке яиц. Клопиная жизнь длится примерно три четверти года. Если клопу особенно повезет, он может прожить и полтора года, а чтобы эта жизнь могла считаться счастливой, она должна состоять только из двух вещей: сосания крови и сна.

Надо сказать, что такими уж кровожадными наших верных спутников не назовешь — это не комары. Кровь они сосут примерно только раз в десять дней. Но если уж они накачались крови и из плоских, словно бумажка, превратились в шарик, то это означает, что вес их удвоился, а у личинок увеличился даже впятеро! И тем не менее это только сотая часть грамма крови; так что такой «кровопивец» не больно-то много может ее у нас высосать! Как видите, и здесь ничего не сделаешь в одиночку — нужны объединенные усилия.

Один исследователь, самоотверженно предоставивший свою собственную руку ста голодным клопам, зафиксировал после этого у себя учащенное сердцебиение и нарушение зрения. Но это были последствия не потери крови, а вызывающего зуд клопиного яда, который эти маленькие противные вонючки впрыскивают в проколотую ранку. Сам укус практически неощутим, в особенности во сне, потому что хоботок клопа в пятьсот раз тоньше самой тонкой медицинской иглы для инъекций. Но привыкнуть к клопиному яду, в отличие от многих других ядов, по-видимому, абсолютно невозможно. Исследователь, проводивший эти опыты, давал себя кусать клопам сто тысяч раз, и все равно каждый раз на его коже появлялись неприятные красные зудящие волдыри.

И тем не менее есть люди, которые совершенно не замечают клопиных укусов. Примерно каждый пятый человек от природы совершенно невосприимчив к клопиному яду, а у кроликов и некоторых других млекопитающих никогда не бывает волдырей. Один биолог, находясь в комнате своих знакомых, поймал там в течение часа девятьсот восемьдесят клопов. Четыре человека, постоянно ночевавшие в этой комнате, уверяли, что они и понятия не имели о том, что помещение кишит клопами. И правда — ни малейших следов укусов на них не было обнаружено! Мне

кажется, что и сам я тоже принадлежу к этому «клопиноустойчивому» сорту людей. Мне ни разу еще не приходилось обнаружить на себе клопиного укуса, несмотря на то что я, вне всякого сомнения, не раз ночевал в квартирах, зараженных ими.

Но убеждение, что это кровожадное племя предпочитает людей со «сладкой» кровью всем остальным и тех, других, не трогает,— это самые обычные «клопиные сказки». (Нечто подобное известно о вшах и блохах.) И если в двухспальной постели по утрам только один просыпается искусанным, то это говорит лишь о том, что на второго клопиный яд не действует, потому что клопы — все что угодно, но только не привереды. И хотя существуют особые «голубиные» клопы и «свинычьи» клопы, тем не менее наши постельные постояльцы отнюдь не гнушаются голубиной кровью; в случае крайней нужды они могут перекочевать и в воробьиные гнезда, правда без особого удовольствия. Даже ящерицы, лягушки и змеи могут стать жертвами (или донорами) клопов и вынуждены снабжать их своей холодной кровью, в особенности когда эти холонокровные животные содержатся в теплых помещениях и температура их тела от этого повышается.

Откуда, собственно говоря, появились у нас клопы? Раньше подозревали, что это Индия нас ими «наградила». Но, оказывается, нет. Там они встречаются только в портовых городах, и прежде всего в европейских кварталах. То же самое можно наблюдать и в Японии или на Малайских островах. И вообще создается впечатление, что эти «бордовые конфетти», несмотря на всю свою теплолюбивость, избегают настоящего тропического климата. Это, разумеется, вовсе не означает, что в тропиках нам гарантирован не нарушаемый клопами ночной покой. Просто там другой вид клопов заботится о том, чтобы мы по ночам не скучали!

В Америку клопов затащили лишь в XVI веке; в Швеции они не были известны вплоть до 1807 года, а немецким домашним животным они стали примерно к 1100 году. Так, дочка пфальцского курфюрста, по имени Лизелотта, жена герцога Филиппа Орлеанского, брата Людовика XIV, описывала в своих многочисленных письмах домой обстановку, царящую при тогдашнем французском дворе, притом откровенно и со всеми подробностями. Она сообщала, например, что во дворце Сен-Клу не могла спать от нашествия клопов. И единственным утешением служило ей сознание того, что дочери ее, королеве Сицилии, в своей постели спалось ничуть не лучше.

Но настоящей прародиной клопов были, видимо, страны Средиземноморья, потому что там уже в Древней Греции лекарь

Диоскурид давал следующие рекомендации, предохраняющие от укусов змей: «Надо посадить семь клопов на бобовую пищу, а потом проглотить их перед восходом звезд». Однако еще раньше клопы были, по-видимому, паразитами летучих мышей, перешедшими затем на новых обитателей пещер — доисторического человека.

Исследователи, которым необходимо раздобыть побольше клопов, изобрели весьма коварный способ их отлова. Когда такая вот коричнево-бурая колония мирно поселяется где-нибудь на стене, хитроумный охотник расстилат возле нее на полу мокрую тряпку и куском твердого картона одним махом сгребает всю компанию со стены на пол. Попав на мокрое, клопы через короткое время становятся почти парализованными. И тогда их можно в спокойствии душевном собирать в банку. Дело в том, что клопы совершенно не выносят сырости. Попав на какую-нибудь сырую поверхность, они начинают ползать на высоко поднятых лапках, словно балансируя «на цыпочках», чтобы, не дай Бог, не замочить брюшка! Тот, кто хочет подольше сохранить клопов у себя в лаборатории, должен их аккуратно, пинцетом, брать за ножки, а не поперек туловища: нажатие на брюшко может нанести им непоправимый вред. Нельзя одновременно держать в банке более трехсот особей. Кормят их следующим образом: засовывают в стеклянную трубочку (предусмотрительно обернутую в черную бумагу для затемнения), открытый конец которой прижимают к руке. Через десять — пятнадцать минут клоп насыщается. Тот, кому неохота самому выступать в роли донора, может для этой цели приспособить мышей. На одном мышинном хвосте могут столоваться за один присест сразу сто клопов.

Разумеется, не из всеобъемлющей любви к животным ученые занимаются разведением клопов в лабораторных условиях. Делается это затем, чтобы как можно лучше изучить биологию и образ жизни этих узников и изыскать наиболее эффективные методы борьбы против их братьев, живущих на воле.

Так, удалось, например, выявить, что клопы довольно плохо переносят холод. При минус восемнадцати градусах они в течение пяти минут все до одного отправляются к своим клопиным праотцам. Несколько дольше остальных выдерживают холод «подростковые» клопики. Яйца же значительно чувствительнее как к холоду, так и к жаре. Таким образом, есть возможность очищать дома от клопов путем промораживания помещений. Однако внутри помещений температура редко может достичь минус восемнадцать градусов, тем более проникнуть при этом во все щели. Но выяснилось, что и жара противопоказана этим вонючкам.

Если продержат их при температуре 45° С в течение пятнадцати минут, то они все передохнут. Правда, у нас в стране почему-то редко используют подобную возможность испортить жизнь клопам. Во-первых, для этого надо плотно закрыть комнаты и нагреть в доме так, чтоб чертям стало тошно. Кроме того, нужно, чтобы горячий воздух не скапливался под потолком, а равномерно проникал во все закоулки. А для этого необходимы специальные переносные печки со встроенными вентиляторами. Такие «горячие воздушные налеты» на клопов — самый новейший метод борьбы с этими паразитами.

Дальше. Владельцам «клопиных ферм» удалось выявить, что у их шестиногого стада имеется целый ряд естественных врагов в природе. К ним относятся некоторые синицы, книжные ложно-скорпионы, но главным образом тараканы. Однако разводить тараканов для борьбы с клопами — это все равно что изгонять беса дьяволом. Да к тому же способ не слишком-то надежный. Вот клещики пузатые, к примеру, хотя и нападают на клопов, но на человека, к сожалению, тоже. В Греции, например, был случай, когда удалось расправиться с клопами при помощи определенного вида пауков. Между прочим, когда нашего обычного паука посадили однажды в банку с двумя клопами, он, ничтоже сумняшеся, тут же их высосал.

Энтомологи, изучающие клопов, долгое время придерживались мнения, что самцов у них бывает больше, чем самок. Но это заблуждение. Просто более подвижные клопиные «дамы» ловчее и глубже прячутся в щели, поэтому их и ловят реже. Но если подсчитать свежесвылупившихся клопов, то там на каждую клопиную «барышню» приходится по одному бравому клопину «юнцу».

Клопы пробираются практически повсюду, куда только захотят попасть. Даже по оконному стеклу, особенно загрязненному, они с легкостью способны проползти. Если им что-то помешает, они попросту отрываются и падают вниз. Правда, приземляются при этом, как назло, обычно на спину. Поэтому каждый клоп обязан постичь нелегкое искусство уметь переворачиваться со спины на брюшко. Для этого существует пять способов (которые один исследователь наблюдал уже двадцать лет назад и подробнейшим образом описал).

О, они неутомимы и бесконечно находчивы, эти насекомые, в своем стремлении проникнуть в наши мирные жилища! И ничего нет позорного в том, что у кого-то в квартире завелись клопы. Я вот сам готов честно признать, что въехал однажды в квартиру, зараженную клопами. Разумеется, все мы очень перепугались, обнаружив подобный сюрприз. Но еще хуже то, что

нам пришлось вынести обработку квартиры серным диоксидом, проделать которую заставили хозяина дома. Целую неделю вся квартира воняла этой мерзостью, и полмесяца все мы были вынуждены спать с открытыми окнами, хотя на дворе был уже ноябрь. Кроме того, выцвели некоторые скатерти и покрывала, потускнела обивка мебели. К счастью, на сегодняшний день помимо серного диоксида (которым, кстати, еще Одиссей после своего возвращения выкуривал настырных «женихов») появились гораздо менее едкие и неприятные для нашего носа газы, например этиленовый диоксид и другие. Но что совершенно неоспоримо, так это то, что против клопов следует пользоваться именно этими новейшими средствами (загазовыванием или горячей воздушной атакой), а не допотопными. А смазывание стен небезызвестным колоцинтовым соком или подмешивание его в клейстер для обоев помогает как мертвому припарки: он не отпугивает, не убивает и не привлекает клопов. И вообще все порошки и опрыскивания достигают своей цели только в тех случаях, когда попадают непосредственно на тело клопа. Но кто же способен разыскивать каждого отдельного клопа в его потайном укрытии?

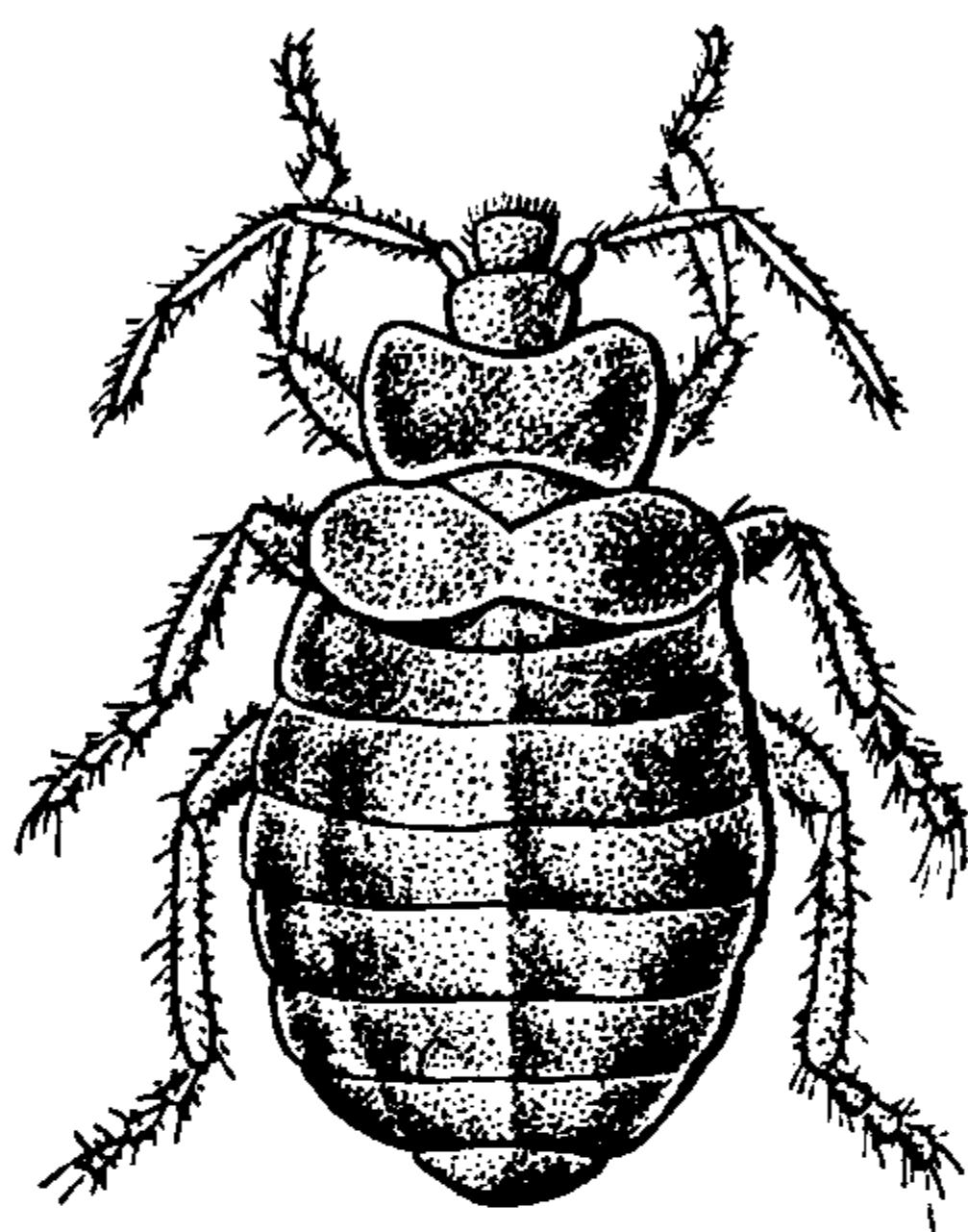
Клопы в квартире — это отнюдь не признак нечистоплотности хозяев. Клопы ведь не ищут грязи: они ищут крови. Поэтому никакая тщательная уборка, мытье полов, вытирание пыли, чистка и натирка мебели им нипочем. А что их в кварталах бедноты больше, чем в богатых виллах, объясняется не загрязненностью жилищ, а их ветхостью, обилием щелей в стенах и полу. Но прежде всего это объясняется скученностью, теснотой, тем, что в одной комнате спит сразу помногу людей и клопам, таким образом, предоставлен богатый и удобный выбор жертв. Являясь там постоянной помехой ночного сна, клопы усугубляют развитие многих болезней, и прежде всего туберкулеза.

Являются ли клопы переносчиками инфекционных заболеваний, долгое время еще не было доказано. Сам укус в этом отношении более или менее безопасен, страшнее гораздо микробосодержащие испражнения клопа, которые при расчесывании места укуса могут попасть в ранку.

Никто на свете не может гарантировать свое жилище от проникновения клопов. Их можно затащить в дом с любыми слесарными и плотницкими инструментами, со строительным материалом, оставшимся после разрушения старых построек, с антикварной мебелью; квартируют они и в мягкой внутренней обивке фургонов для перевозки мебели. Более того, если они голодны, они просто-напросто поднимутся по наружной стене дома и вползут к вам через окно. Однажды уже видели, как клопы, словно

канатоходцы, перебирались по телефонным проводам с одного конца двора в другой!

Как видите, действительно нельзя считать позором то, что в вашей квартире вдруг появились клопы. Надо только тотчас же браться со всей серьезностью за их выкуривание. Для этой цели необходимо обратиться в дезбюро, вызвать к себе специалиста с газовым баллоном или печью для прокаливания стен, а не стараться обойтись порошочками и мазилками.

Глава шестнадцатая

«МАРТЫШКИНА ЛЮБОВЬ»

Целых четыре недели детеныш шимпанзе виснет на теле своей матери, вцепившись в ее теплую шерсть и надежно укрывшись от посторонних взглядов. И несмотря на то что мамаша старается придерживать его рукой, малышу приходится изо всех сил цепляться, чтобы не упасть во время ее прыжков. (Известно, что и мы с вами сохранили по сию пору остаток этого обезьяньего искусства: уже пятьдесят лет назад ученым удалось установить, что мы сразу же после рождения способны намертво ухватиться за палку и повиснуть на ней, если ее поднимут кверху!)

На ночь шимпанзе Сюзи укладывается на спину и скрещивает ноги и руки на животе таким образом, что видна лишь одна головка детеныша. Когда Сюзи днем сидит в своем углу, маленькая детская пушистая белая попка тоже опускается на пол, но ручки все равно судорожно держатся за материнскую шерсть.

Потом Сюзи начинает понемногу приучать дочку к самостоятельности — чуть отодвигается в сторону, и той приходится без посторонней поддержки ползти к ней. Но мамаше этого мало. Вскоре она хватает своими длинными черными руками, такими страшными на вид, но в данном случае нежными и осторожными, своего детеныша за его тонюсенькие лапки и заставляет идти впереди себя. Может быть, ей, как и многим человеческим мамашам, не терпится дождаться, когда же малыш

самостоятельно встанет на собственные ножки? Во всяком случае, несколькими днями позже она держит его уже только за одну ручку, а он, неловко перебирая ножками, старается поспеть за ней. Картина необычайно трогательная для каждого, кому это удастся увидеть.

А упражнения в ходьбе продолжаются. Сюзи сажает своего детеныша посреди клетки, а сама отходит в дальний угол и манит его к себе. Малюсенькому существу ужасно страшно и хочется поскорее уткнуться в материнский «подол». Но проползти такое большое расстояние одному? Нет уж. И детеныш делает то, что делают все детки в подобных случаях: остается сидеть на месте и истошно вопит. Сердце не камень, и Сюзи, не выдержав характера, подбегает к крикуну, берет его на руки и быстро успокаивает. Но час спустя она пробует снова, и материнское терпение берет верх над нерешительностью маленького трусишки.

Какой-нибудь господин Майер, посетитель Франкфуртского зоопарка, стоящий в это время всего в каких-нибудь двух метрах от решетки и наблюдающий эти сценки семейного счастья, даже не подозревает, какая редкостная удача выпала на его долю (при том всего за две марки!). Ведь десяткам охотников, исследователей и ловцов диких животных приходится по целым неделям красться по чащобе девственного леса вслед за человекообразными обезьянами, чтобы получить возможность пристрелить одну из них или накрутить хотя бы пару торопливых метров киноплёнки. Наблюдение же, подобное этому, подтверждающее возможность размножения человекообразных обезьян в неволе и воспитания ими своего потомства, автоматически снимает все возражения, возникающие у отдельных лиц против содержания этих животных в зоопарках.

Лазить детеныш шимпанзе пускается более бесстрашно. Но тут Сюзи держится начеку, не отходит от него и не терпит никакого удалства: как только малыш залезает на высоту в полметра, она не долго думая сразу же хватается его и сажает на пол. Если же вылазки детеныша делаются слишком опасными, шимпанзиха кладет его на спинку, прижимает своими могучими руками к полу и, приблизив к его личику свой огромный рот, явно «страшает». Правда, маленький озорник быстро научается шлепать своими крошечными ручонками по материнскому лицу, хватать мать за нос и уши. Когда он при этом царапает ее своими отросшими коготками, она, невзирая на его отчаянное сопротивление, хватается эти ручки и заботливо откусывает ногти один за другим.

Но интереснее всего игра, которой забавляются мать и дитя, когда малышка уже начинает бегать. Детеныш подходит к матери,

дотрагивается до нее рукой и пытается убежать. Но шимпанзе протягивает свою длинную руку и успевает в последний момент ухватить беглеца за тонкую, брыкающуюся ножонку. Маленький шалопай до того бывает увлечен этой беготней, что оба смеются до упаду и ни один не согласен первым прекратить эту возню. А я-то думал, что игра в «салочки» или «пятнашки» — человеческое изобретение! Когда жившая у меня в доме «девочка»-шимпанзе Улла готова была часами самозабвенно играть в такую игру, я считал, что этому она научилась у моих ребят.

Посетители зоопарка, в особенности если среди них есть молодые мамы, наблюдая подобные сценки, часто восхищаются: «Ну прямо как у людей!»

Но если хорошенько подумать, то можно ли подобные действия причислять к «человеческим»? Ведь под это понятие подходят только те действия, которые свойственны одному лишь человеку, и никому больше. А такие явления, как перелом ноги, утоление голода, отнюдь не чисто человеческие особенности. Такой особенностью можно считать, к примеру, следующее: совершая какое-то действие, задумываться о его возможных последствиях. Животные же, в данном случае человекообразные обезьяны, хотя и способны действовать разумно, но это только самые первые, скромные зачатки разумной деятельности. И если мама-шимпанзе поначалу дает своему детенышу только крошечные кусочки банана, то делает она это не потому, что «знает», что он еще не в состоянии переварить такую пищу. Делает она это чисто инстинктивно, бессознательно.

Любители животных часто обижаются, когда утверждаешь нечто подобное. Но они забывают при этом, что и человек, слава Богу, не всегда и не во всем действует по велению рассудка. У нас тоже сохранились инстинкты, и нет ничего глупее считать их чем-то низменным и недостойным человека. Наоборот. Мне кажется, что именно эти древние, как мир, инстинктивные проявления и украшают по-настоящему нашу жизнь; это то, ради чего и стоит жить: любовь мужчины и женщины, влюбленность, супружеская верность, материнская любовь, дружба, защита семьи или общества, тоска по родине... Мы не потому встречаемся с любимой под черемухой, чтобы в будущем обеспечить себя хозяйкой для приготовления обедов, а потому, что нас тянет к ней неведомая сила. Мы не потому заводим детей и растим их, чтобы не платить налог за бездетность или обеспечить себе поддержку в старости. На это нас тоже толкает внутренняя потребность, и мы испытываем радость и удовлетворение от исполненного долга. А вот когда в эти инстинктивные чувства вмешивается холодный человеческий расчет, когда некий господин Шульце к влечению

своего сердца примешивает еще и заботу о хорошем приданом — вот тогда они, эти чувства, действительно лишаются всего того благородного, что первоначально было в них заложено. Так что заложенные в нас «животные инстинкты» отнюдь не самое плохое, что в нас есть! И даже в тех случаях, когда они выражаются не в самых изысканных и возвышенных проявлениях, таких, как ненависть, негодование или ревность, то все равно они дороги нам, потому что по крайней мере искренни!

По какому тогда, скажите, праву одна мамаша упрекает другую в том, что та «носитя со своим ребенком, как мартышка»?

Когда в Дрезденском зоопарке однажды пришлось временно разлучить самку орангутана с ее детенышем, произошел удивительный случай. Живущий в той же клетке самец, увидев лежащее на полу и кричащее что есть мочи существо, внезапно слез со своего спального балкона, подхватил орущий комок и исчез вместе с ним у себя наверху. При этом он даже не был отцом детеныша, его подселили к самке гораздо позже, и до этого случая он не обращал на малыша ни малейшего внимания. На следующее утро детеныш все еще продолжал висеть на его груди. Каждый раз, когда вернувшаяся в клетку мать пыталась отобрать у самца свое дитя, он злобно скалил зубы. В конце концов служителю пришлось хитростью выманить у него малыша. Но когда тот снова очутился на своем законном месте у матери, самец совершенно перестал им интересоваться. Он просто действовал согласно своей внутренней потребности, призывающей его защищать любого одинокого, осиротевшего детеныша орангутана, потому что в естественных условиях просто не бывает, чтобы мать-орангутан оставила своего детеныша в одиночестве, если она не ранена или не мертва. В описываемом нами случае самец бы и дальше продолжал защищать найденныша от любого посягательства, а следовательно, и от родной матери до тех пор, пока тот не умер бы с голоду.

Подобный случай описан неким Брандесом. Там шла речь о детеныше макаки-резус. Сильная и боевая «тетя» отвоевала новорожденного у слабенькой молодой мамы и не желала возвращать обратно. Она ласкала, тискала и обихаживала малыша до тех пор, пока он спустя двое суток не умер голодной смертью у нее на груди.

Вот такое и называют «мартышкиной любовью»: упиваться собственным удовольствием от удовлетворения материнского инстинкта, тискать и баловать ребенка, не задумываясь о том, как это отразится на самом ребенке. Случается, что и женщины, стремящиеся лишь к удовлетворению своего эгоистичного желания понянчить ребеночка, уподобляются по жестокости этой

«тете макаке». Совсем недавно я был невольным свидетелем такой сцены: возмущенная бабушка безапелляционно вступилась за внука, которого мать заслуженно отругала. Она начала в присутствии ребенка упрекать ту в том, что со вторым сынишкой обращаются куда мягче, что его больше любят... Может ли быть что-нибудь бессердечнее, чем сеять в детской душе недоверие к собственной матери, неприязнь к своему братишке с одной лишь целью проявить свой инстинкт защиты детеныша?

Другая женщина до того раскормила свою таксу, что она напоминала скорее ливерную колбасу, чем собаку. Несчастную душил астматический кашель, лестницу она одолевала с колоссальным трудом и с остановками для передыха. Но в ответ на советы поменьше кормить собачку ее хозяйка в течение нескольких лет отвечала одно и то же: «Бедняжка все равно больна, так пусть уж напоследок поест в свое удовольствие». И эта же женщина тут же бежит в Общество охраны животных, когда видит у кого-нибудь голодающего, неухоженного пса. Она, безусловно, возмутилась бы, если бы услышала, что обе собаки страдают в одинаковой степени — да, обе! Потому что хозяева их заботятся о своих питомцах не «по-человечески», а «по-мартышачьи», то есть эгоистично ублажают свои инстинкты: одни — материнское желание опекать и ухаживать, другие — свою жадность.

Но «мартышкина любовь» может проявляться и более миролюбиво. Так, павианья мамаша, жившая в зверинце у Дельмонта, не приняла своего новорожденного детеныша, зато весь жар материнского сердца отдала несколько дней спустя слепому еще котенку. Упрямо старалась она уложить его на спину, лапками кверху, и в такой позе носить на руках. И хотя котенок и старался уцепиться за «материнскую» шерсть, тем не менее во время ее лихих прыжков не мог удержаться и падал на землю. Павианиха каждый раз после этого старательно его осматривала со всех сторон: удивительный растяпа этот ребеночек! Позже она напрасно старалась вложить приемышу орехи меж лапок; правда, земляные орехи котенок ел, когда «мамаша» сама удаляла с них шелуху. Зато сырое и вареное мясо обезьяна ни за что не разрешала ему есть, и для того, чтобы накормить им котенка, его приходилось отнимать у «матери». Однажды настоящая кошачья мамаша пришла забрать своего котенка и, схватив его в зубы, побежала с ним прочь. С диким криком обезьяна кинулась с дерева за ней в погоню и наверняка разорвала бы ее на части, не подоспей к этому моменту ее хозяин.

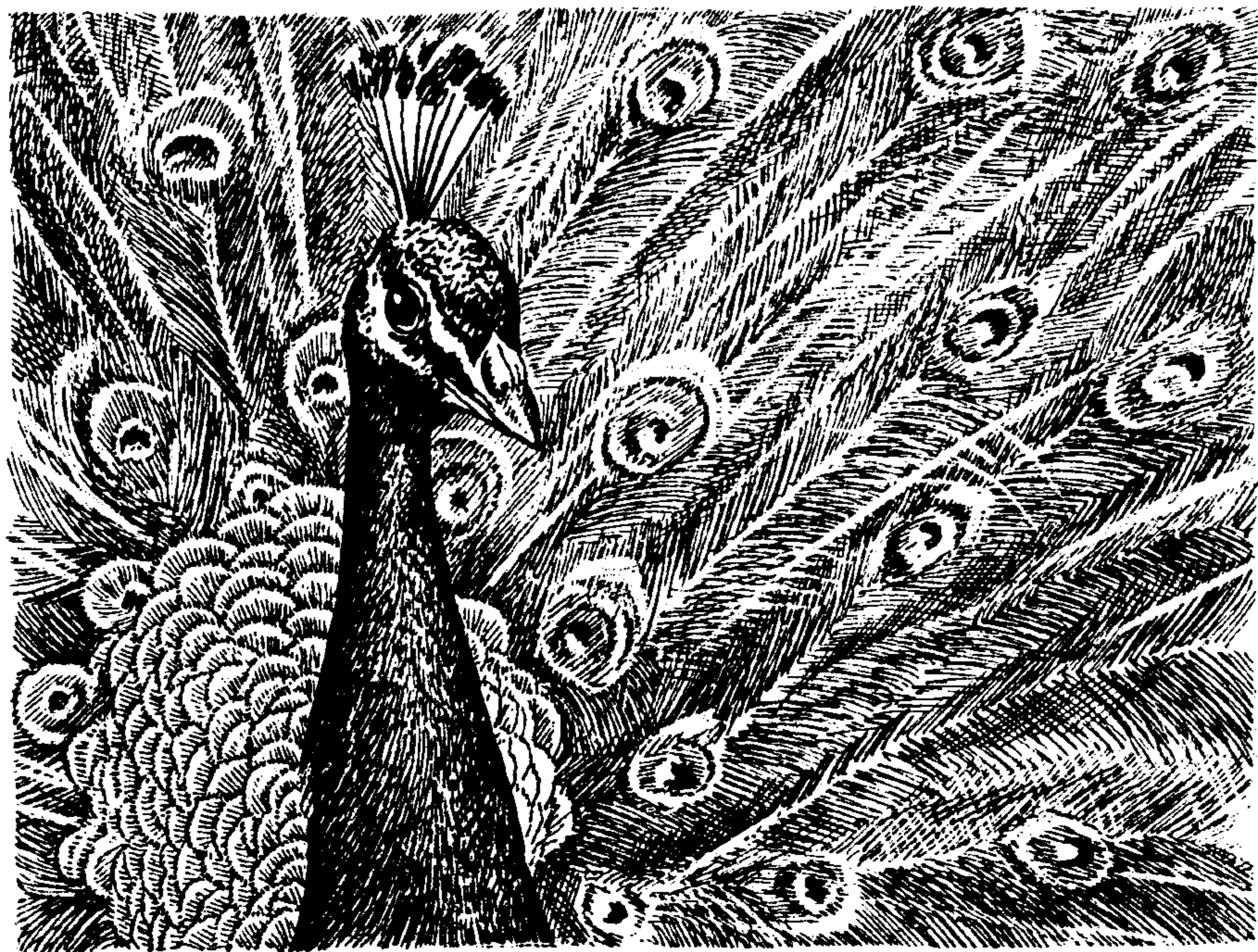
Подобные же ревнивые бои обезьяна устраивала позже с влюбленными котами, приходившими ухаживать за молодой кошеч-

кой. И если павианиха обнаруживала свою «гуляку-дочку» ночью праздношатающейся по двору, она с визгом и руганью затаскивала ее назад в свою спальную корзинку.

Временное отчуждение между двумя этими животными происходило только в те периоды, когда у кошки появлялись собственные котята. Но затем мир восстанавливался вновь, и оба животных продолжали жить вместе.

Так что приемная мать и приемыш стали пожизненными друзьями, и этой дружбы хватило на всю обезьянью жизнь.

Глава семнадцатая

МОЖЕТ ЛИ ПАВА УМЕРЕТЬ «С ГОРЯ»?

Когда в зоопарке лев или бенгальский тигр пробегутся по снегу, то в газетах тотчас же появляются снимки, зафиксировавшие эту сенсацию. А вот то, что павлины, которые, между прочим, тоже родом с Цейлона и из Индии, живя в наших широтах, даже в холодное время года избегают пользоваться утепленными птичниками и предпочитают сидеть где-нибудь высоко на дереве или на коньке крыши, где их засыпает снегом,— это почему-то никого не удивляет, и никто по этому поводу не поднимает особенной шумихи.

Содержать павлинов у себя дома, во дворе,— это радость для глаз, но никак не для ушей! Недаром старая пословица гласит: «У павлина перья ангела, голос дьявола, а походка убийцы...»

В некоторых районах Цейлона ночью невозможно уснуть из-за громких воплей многих сотен диких павлинов. Имеются сообщения, авторы которых утверждают, что им случалось видеть в Индии по тысячу двести, а то и по тысячу пятьсот павлинов зараз! Еще удивительнее тот факт, что солдатам во время последней войны удавалось на острове Крит охотиться за павлинами. Этих птиц завезли туда за двадцать лет до этого. И совершенно непонятно, как такие крупные птицы смогли так долго продер-

жаться на острове, где не существует никаких законов об ограничении охоты и где оружие носит каждый кому не лень.

Говорят, что когда на какой-нибудь уединенной полянке в лесу полдюжины павлинов одновременно распускают друг перед другом свои роскошные «веера», то получается зрелище неопи-суемой красоты. И ужасно чудно, когда, заподозрив что-нибудь неладное, все разом, как по команде, захлопывают свой «веер», и всего великолепия как не бывало!

С какой целью павлин, собственно говоря, распускает свой сверкающий всеми цветами радуги хвост? Разумеется, чтобы покрасоваться перед павами и произвести на них впечатление. Но поскольку павлин — птица не моногамная, то есть не придерживающаяся единобрачия, и, кроме того, вид, у которого самец не «гоняется» за самками, то он демонстрирует свою красочную приманку даже тогда, когда павы поблизости нет. Подобно тому, как табличка на двери кабинета врача привлекает внимание проходящих мимо больных и сулит им излечение от недугов, точно так же великолепный хвост павлина (по Хайнроту) означает нечто вроде: «Здесь празднуют свадьбы!»

Обычно в первую половину дня, до обеда, павлин занимается тем, что, стоя где-нибудь посреди открытой лужайки, распускает хвост и ждет событий, вернее, ждет самочек, которые должны приблизиться к нему, чтобы полюбоваться его красотой. Если самки сидят высоко на дереве, то павлин распускает свой хвост более полого, почти горизонтально, чтобы сидящие в «бельэтаже» и на «балконе» невесты тоже могли разглядеть блестящую приманку.

Самка, плененная роскошью павлиньего хвоста, приближается к брачному партнеру как бы случайно, делая вид, что вовсе и не замечает его. По дороге она наклоняется то влево, то вправо и небрежно что-то склевывает. Таков этикет брачного поведения у пав. Это небрежное склевывание, по-видимому, страшно возбуждает павлина, потому что в тех случаях, когда поблизости нет пав, он начинает «приставать» к курам, если только они, расхаживая поблизости от него, склевывают с земли зерна. Если же они этого не делают, он не обращает на них ни малейшего внимания.

Когда заинтересованная в брачном партнере самочка-пава подходит поближе, павлин начинает нервно топтаться на месте, хлопать крыльями, а затем... резко поворачивается к партнерше задом. Самка тотчас же обегает вокруг него, чтобы получше спереди разглядеть его невиданное великолепие. Павлин приветствует ее тем, что энергично потрясает всем своим огромным веером, а затем снова отворачивается. Самка опять обегает вокруг

него, а он снова поворачивается к ней спиной. И так до десяти — двенадцати раз, пока самка наконец не присядет; тогда павлин бросается на нее, издав при этом воинственный пронзительный клич. В отличие от кур спаривания у павлинов происходят столь редко, что некоторые владельцы этих птиц практически никогда этого не замечают.

Казалось бы, что павлины с их маленькой изящной головкой и метровым громоздким хвостом — птицы довольно неповоротливые и беззащитные. Тем не менее они весьма воинственны, и главным их оружием в бою служат шпоры. Так, в Берлинском зоопарке один павлин решил помериться силами с большим индюком. Когда противник начинал слишком на него наседать, павлин просто перелетал через него на другую сторону. Однако боевитый индюк в конце концов все же победил бы и разделал красавчика под орех, если бы в потасовку вовремя не вмешался служитель птичьего павильона: ведь разъяренный индюк может и убить!

И по отношению к людям павлин ведет себя отнюдь не застенчиво. Нет, скромным его никак не назовешь. Так, Вильгельм Буш¹ описывает забавную сценку, происходившую у него под окнами во дворе:

«Утром, в половине шестого, кормят кур, а заодно и красавца павлина с его изящной маленькой короной на голове и оперением, отливающим золотом и драгоценными камнями. Он здесь самый знатный. Клюет он мало и небрежно. А потом вдруг: тр-р-р — и роскошный веер из целой коллекции павлиньих «глаз» уже мерцает под лучами утреннего солнца. А какой танец он исполняет! Весь дрожит, топчется на месте, бьет крыльями! Но все напрасно — старые тетки-куры даже не смотрят в его сторону — знай долбят своими твердыми костяными носами утопанную глину! Я уверен, что павлины — это наверняка заколдованные олимпийцы; во всяком случае, когда на дворе появляется фрау Брюкнер — маленькая смазливая прачка, павлин проворно вскакивает ей на спину и по всем правилам искусства хватает клювом за косу. Боюсь, как бы она вскоре не начала откладывать яички! Во всяком случае кудахтать и трещать без умолку эта доморощенная «мадам Леда»² умеет превосходно!»

Благодаря чванству отдельных римских выскочек павлины уже издревле обрели особую известность. Так, Вителлий и Ге-

¹ Известный немецкий сатирик конца прошлого века. (Примеч. перев.)

² Имеется в виду известный сюжет древнегреческой мифологии — «Леда, целующаяся с лебедем». (Примеч. перев.)

лиогабал старались произвести впечатление на своих гостей тем, что подавали к столу большие миски, наполненные одними лишь языками и мозгами этих редких птиц. Когда кутилы нажирались настолько, что больше в них не лезло, они заставляли раба щекотать у себя в горле павлиньим пером, чтобы избавиться от поглощенных блюд и освободить место для новых. Считается, что к 1560 году павлинов в Риме было не меньше, чем перепелов.

Поэтому в первой средневековой зоологической книге, принадлежащей перу врача Конрада Геснера, умершего в 1565 году в Цюрихе от чумы, можно было уже многое узнать об этих птицах. Так, в ней утверждается, что если павлин слышит, как кто-то поблизости восторгается его красотой, он тотчас же распускает свой пышный веер. Но, увидя при этом свои безобразные ноги, он «становится грустным и опускает хвост к земле. Если ему случается ночью проснуться, когда в потемках невозможно себя разглядеть, то он кричит от страха, потому что ему кажется, что он потерял где-то свою красоту... Завидя художника, павлин всегда готов ему позировать и стоит совсем неподвижно, чтобы удобнее было рассмотреть его и нарисовать. Своим криком он может напугать змей и прогнать любых других ядовитых животных. Если павлин заметит, что ему дали отравленную пищу, он тотчас же с диким криком начнет разбрасывать когтями ее из лотка в разные стороны...».

В те же времена появились первые белые павлины, бывшие тогда большой редкостью. Считалось, что они происходят из Норвегии. Поскольку самки там во время насиживания постоянно видят перед собой снежные горы, то и из яиц вылупляются белые павлинчики!

Впрочем, именно в этой старинной книге я нашел объяснение существования столь многочисленных «павлиньих островов», таких, как, например, знаменитый потсдамский. В книге рекомендуется разводить павлинов именно на небольших островах, потому что иначе этих ценных птиц могут растащить (многочисленные еще в то время) лисы. Долгое время в Германии свидетельством богатства считалось, когда в доме гостям подавали зажаренного павлина, начиненного к тому же редкими еще в те времена сливами. В старой зоологической книге даются точные сведения, как для этой цели следует резать павлина и как готовить. Кожу вместе со всеми перьями и головой полагалось при этом стягивать с тушки, а затем после жарки снова надевать. Чтобы павлин мог стоять на блюде, в его ноги и шею просовывалась железная проволока. Кроме того, считалось очень элегантным подавать павлина к столу «огнедышащим», для чего ему в горло засовы-

валась пропитанная камфорой шерсть, которая в нужный момент поджигалась.

Об удивительном событии, участниками которого были павлин и пава, написал в редакцию нашего журнала «Das Tier» читатель Г. Бройкер:

«Тео, так звали павлина, был совсем ручным. Сразу же после своего прибытия (а прислали его в деревянном ящике двухметровой длины) он самостоятельно заявился на кухню, а несколькими днями позже уже каждое утро поднимался по лестнице на второй этаж, важно шествовал через всю квартиру, взлетал на открытое окно и там гарцевал, распустив свой шикарный веер. Но однажды утром его нашли мертвым в саду. Он налетел на провода и сломал себе шею. Единственная имевшаяся на птичьем дворе самочка-пава два дня безутешно просидела возле его труп. Перед тем как его похоронить, мы выдернули у него все его красивые хвостовые перья и поставили их в вазу. Пава целыми днями бродила по саду, втянув голову в плечи. Но однажды наша дочка поставила вазу с павлиньими перьями на закрытое в эту пору окно. И недаром в старину говорили, что павлиньи перья приносят несчастье. В тот же вечер паву нашли мертвой под окном в саду. По-видимому, она увидела знакомый веер своего друга там, наверху. И по царапинам на стене дома можно было догадаться, что она тщетно пыталась взобраться на окно. Много раз подряд она билась головой о стекло, пока не сломала себе шею».

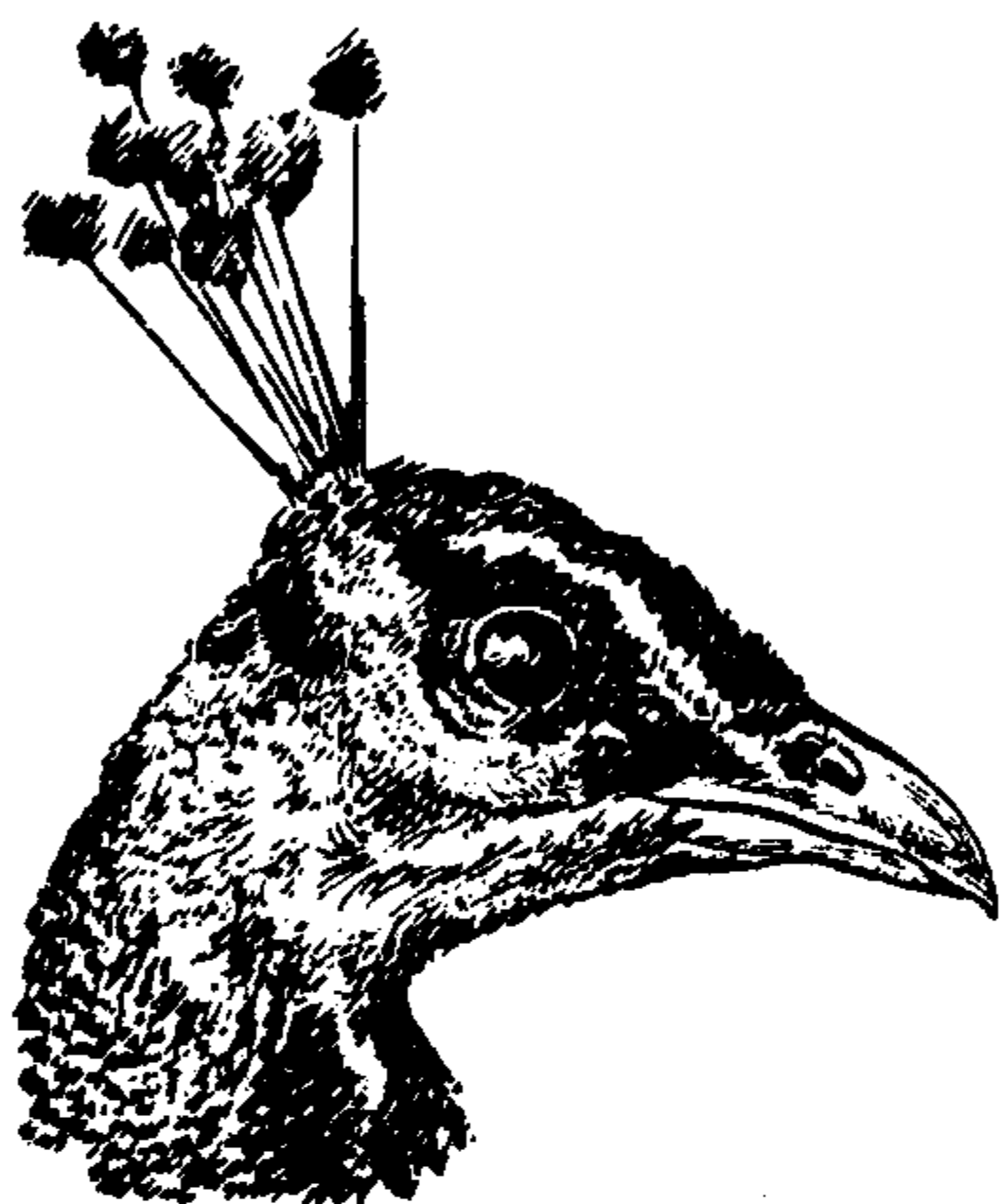
(Хочу добавить, что упоминание о царапинах на стене — деталь весьма важная. Не будь этого, я бы лично не принял всерьез рассказ об этой маленькой драме и не пересказал бы его вам, потому что в противном случае дело выглядело бы так, что несчастная пава, увидев в окне сверкающий веер своего погибшего жениха, не вынесла переживаний и умерла от несчастной любви...

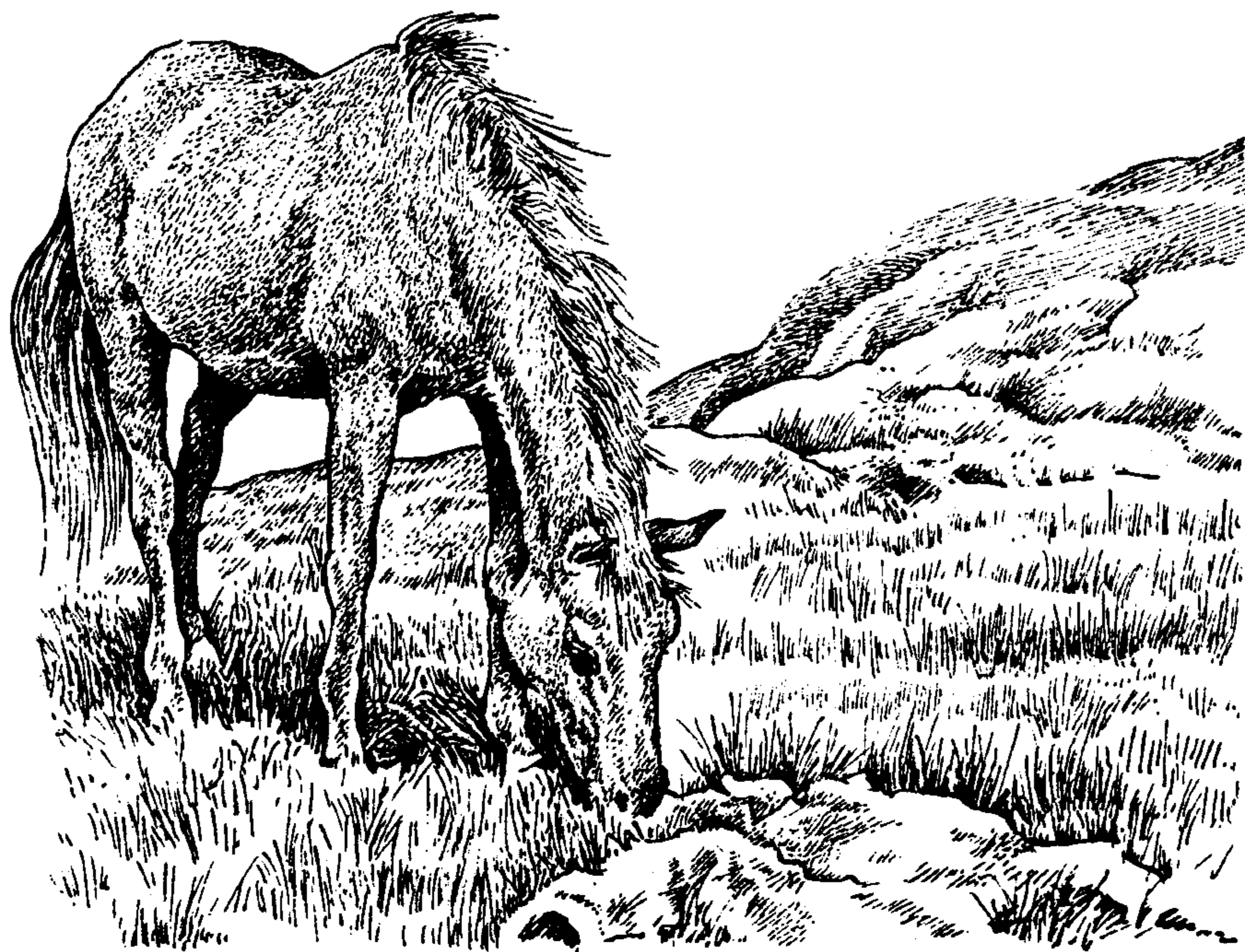
Но когда нечто подобное говорится о павлинах, птицах полигамных, не придерживающихся единобрачия, то этому верить нельзя. Я во всяком случае не поручусь за достоверность подобного сообщения. А вот в то, что пава, увидев в окне знакомый веер, налетела на стекло и разбила себе голову, я поверю гораздо охотнее. Это хоть и менее романтическое, но зато более убедительное объяснение происшедшей трагедии.

Ведь тот, кто действительно серьезно хочет разобраться в поведении животных, тот должен в первую очередь искать наиболее скромные и трезвые объяснения их действий. А чувствительные и фантастические объяснения некоторых загадок нельзя принимать на веру лишь потому, что «так могло быть». Поверить

в них можно лишь в том случае, когда все более простые и трезвые объяснения отпадают. Ведь даже самые скромные толкования поступков животных, как правило, бывают и так уже достаточно удивительными! Это я так, между прочим, по поводу царапин на стене.)

«В прекрасных перьях Тео,— пишет Г. Бройкер,— вскоре завелась моль. Но его красивая маленькая корона из ярких перышек еще сегодня, много лет спустя, украшает мой письменный стол».

Глава восемнадцатая

ЛОШАДИ И ГОРЫ

Было это в один из воскресных дней много лет назад. С только что приобретенной книгой под мышкой я лениво брел вдоль края долины, пока не достиг канатной дороги. Там я сел в вагончик, и меня плавно понесло вверх, на высоту семисот метров, вон из жаркой парилки Больцанской (Боценской) котловины. Крепость «Рукельштейн», только что горделиво и надменно взиравшая со своих высот на меня, жалкого, пропыленного путника, покачиваясь, двинулась мне навстречу, скромно присела и стала уползать вниз, все больше и больше съеживаясь. Через две минуты она превратилась уже в едва заметный игрушечный домик, спустившийся вместе с окрестной деревенькой на дно этого бывшего гигантского моря...

И вскоре я уже удобно расположился под дубом на бывшем берегу этого бывшего моря и разглядывал сияющие снежные вершины, высящиеся на противоположной стороне котловины.

В книжной лавке я раздобыл себе антикварную книжку — Джон Гагенбек «С кочующим народом Индии». Как истинный ценитель подобной литературы, я вскоре зачитался ею и мысленно улетел на берег Ганга, а когда отрывал глаза от книги, то задумчиво созерцал окрестные вершины, сложенные из хаотичного нагромождения доломитов.

Когда я полчаса спустя хватился своей куртки, то ее не оказалось. Ведь только что лежала возле самой моей головы! Вокруг ни души. Но внезапное озарение подсказало мне, кто мог ее стащить. И правда, скрытые от меня кустарником, на зеленом травяном ковре паслись три лошади. А в нескольких шагах от них валялась злополучная куртка.

При моем приближении все произошло именно так, как я и ожидал: молодой жеребец схватил куртку зубами и игриво поскакал с нею прочь. Я за ним через кустарники альпийских роз и по зарослям горечавки в яркую синюю крапинку... Началась увлекательная игра в «пятнашки». Вернее, увлекательная для жеребца и кобыл, но не для меня. Самый гвоздь заключался в том, чтобы подпустить меня на расстояние десяти метров, даже выронить как бы невзначай куртку, но в последний момент схватить ее зубами и ринуться прочь, да так, чтобы комья влажной земли из-под копыт летели мне прямо в лицо!

Как известно, кто разумнее, тот и уступит (в особенности если у него ноги покороче, да к тому же их вдвое меньше!). Поэтому я снова улегся на старое место и с безразличным видом раскрыл книгу. Вскоре и жеребчик мой потерял интерес к яркой куртке и, пощипывая траву, стал мало-помалу от нее удаляться. В тот момент, когда он исчез за живой изгородью, я, словно индеец, по-пластунски подобрался поближе и затем в несколько огромных прыжков снова овладел своей собственностью. Со стороны это, наверное, выглядело несколько странно.

Но откуда, спросите вы, я догадался, что именно лошадь могла утащить мою одежду? Зачем она ей понадобилась? Извольте, объясню. Это было одно из удивительных совпадений, счастливая случайность, которые порой происходят в нашей жизни: я как раз прочел в книге Гагенбека о трех суматранских пони, которые паслись совместно с индийскими овцами.

«У овец ежегодно появлялись на свет ягнята, и молодняк резвился тут же, возле взрослых, совершая свои потешные прыжки. Это почему-то особенно нравилось жеребцам-пони: они стремглав подскакивали к такому белому шерстистому комочку, хватили его зубами за спину и оттаскивали куда-нибудь в сторонку, в то время как овца, испуганно бляя, бежала за ними следом. Один такой жеребчик почему-то обнаруживал явное пристрастие к белым предметам. Он способен был часами развлекаться куском белой бумаги и доводил конюха до полного отчаяния тем, что срывал с веревки выстиранные им рубахи, утаскивал куда-нибудь подальше и там бросал на землю. В один прекрасный день он с самым невинным видом подошел к детской коляске, разрешил молодой мамаше угостить себя сахаром, а визжащему от восторга

ребенку позволил себя погладить, но потом... молниеносным движением вырвал подушку из-под головы младенца и был таков. Довольный, он гарцевал с подушкой в зубах по двору, и отнять ее у воришки удалось не без труда. Однако как только владелица коляски водворила подушку на место, он подскочил к ней и похитил ее снова».

Я повнимательнее приглядываюсь к пасущимся рядом ладным лошадам, которые здесь, наверху, сыграли со мной подобную же шутку. Они рыжей масти и, в сущности, довольно низкорослы. Внезапно меня осеняет, почему они кажутся мне столь знакомыми: таких же точно, только с султаном из разноцветных перьев на голове, я видел в прошлом году в цирке, на манеже, в ярком свете прожекторов. Это так называемые хафлинги — маленькие, невзрачные вьючные лошаденки, которых знаменитый цирк тогда впервые демонстрировал вместо обычных арабских скакунов или снежно-белых липицанских красавцев.

Я ведь сейчас нахожусь как раз на южнотирольской родине этих лошадок, которых отсюда последние десятилетия не только вывозили для показа в цирках, но и расселяли по разным другим горным и даже равнинным областям Центральной Европы.

У этих мелкорослых, чаще всего не превышающих в холке 1,55 метра, лошадок довольно своеобразная история. Родом они из высокогорья, расположенного северо-западнее Больцано (Болцана), где до многих хуторов и деревенок можно добраться только пешком по узким головокружительным горным тропам.

Счастливым случай, который в коннозаводческом деле встречается раз в несколько десятков, а то и сотен лет, свел пятилетнего благородного арабского жеребца Эль Бедави XII с тирольской крестьянской кобылой. От них в 1874 году в Тироле появился на свет прелестный жеребенок рыжей масти с темной полосой вдоль всего хребта. Нарекли его Фоли, и все сегодняшние хафлинги являются потомками этого знаменитого родоначальника. Если проследить родословную ныне здравствующих производителей этой породы лошадей, то легко заметить, что не менее двухсот сорока племенных жеребцов — внуки и правнуки знаменитого Фоли. Два сына этого жеребца выдались особенно удачными. Одного из них, по кличке Хафлинг, за его выдающиеся качества производителя австрийское государство дважды выкупило из частного владения; будучи уже поседевшим, пожилым, двадцатитрехлетним жеребцом, он на конезаводе «Кальванг» в Штейрмарке все еще продолжал производить на свет свое ценное потомство.

Энергичные тирольские конезаводчики пытались впоследствии повторить с помощью других арабских жеребцов скрещи-

вание, оказавшееся столь удачным для Эль Бедави. Но точно так же, как у родителей Моцарта среди всех их детей появился на свет только один Вольфганг Моцарт, так и среди всех последующих жеребят ни разу больше не удалось получить подобного Фоли.

А уж инбридинг, близкородственное размножение среди хафлингов, распространен настолько, что волосы встают дыбом! И то, что они при этих обстоятельствах все же остаются такими крепкими, здоровыми, с огромным запасом прочности, объясняется исключительно суровыми климатическими условиями их родины, в которых все слабое безжалостно выбраковывается, то есть происходит жесткий естественный отбор. Когда этих лошадей перегоняют на летние пастбища в Альпы, на высоту 2000 метров, дорогу туда зачастую приходится расчищать в глубоком снегу. Так, Ретийские Альпы, относящиеся в большей своей части к Швейцарии, столь неприступны, что пригодны для выпаса лишь со стороны Австрии. Домашний скот там в любую погоду, даже во время штормов, под снежной метелью и градом стоит не защищенный никакими навесами: зачастую рядом с выносливыми лошадками можно найти замерзших под снегом телят и овец. Здесь выживают только сильные и здоровые! Недаром у жеребят-хафлингов такая густая, лохматая шерсть, а материнское молоко они тут, наверху, сосут до полугодовалого возраста.

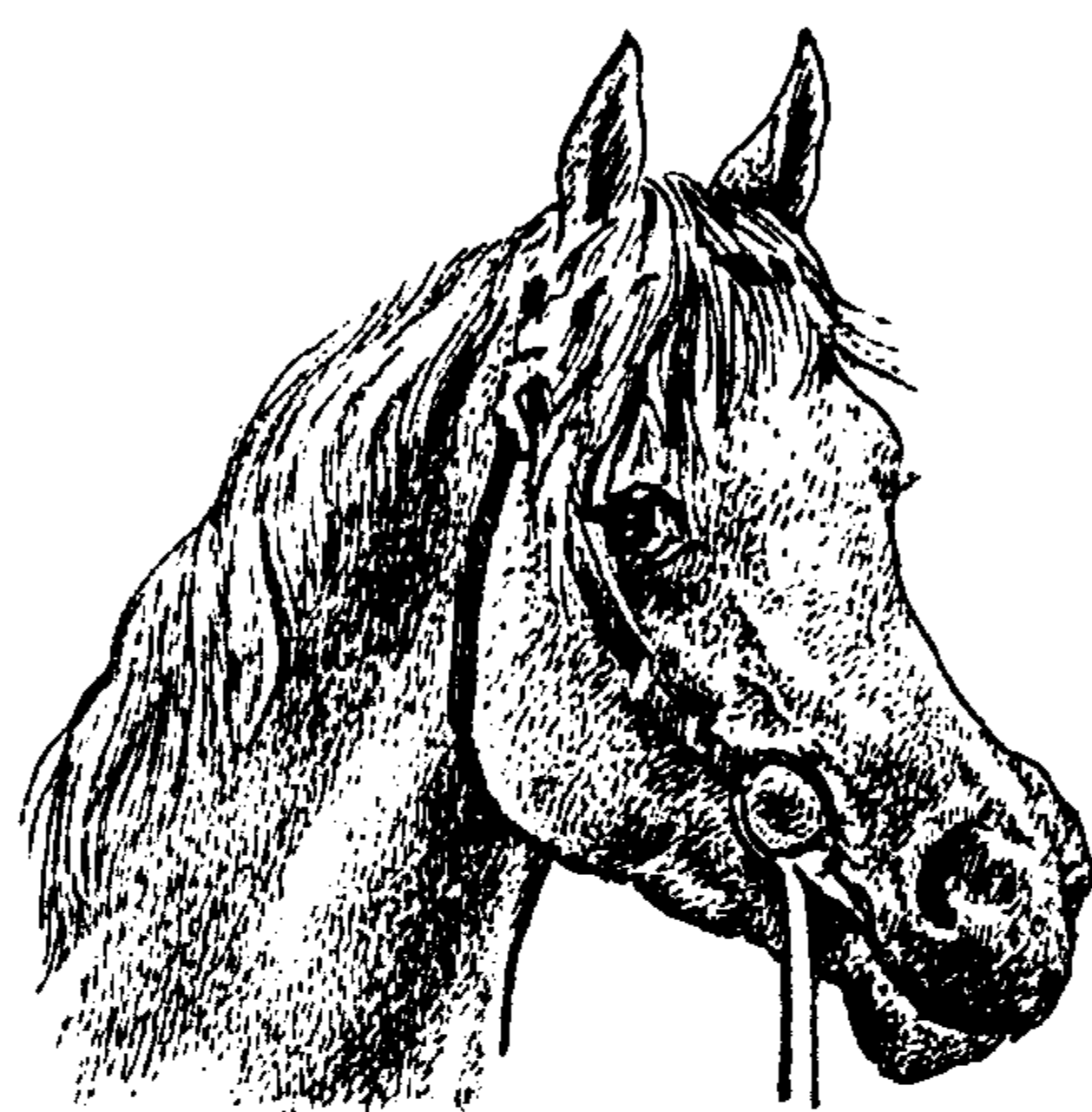
То, что хафлинги называются именно хафлингами, ничем не оправданно. Лет двадцать назад один знаток лошадей так писал об общинной земле Хафлинг (ныне Авеленго): «Там не удалось обнаружить ни малейшего намека на коневодство, более того — там вообще очень мало лошадей».

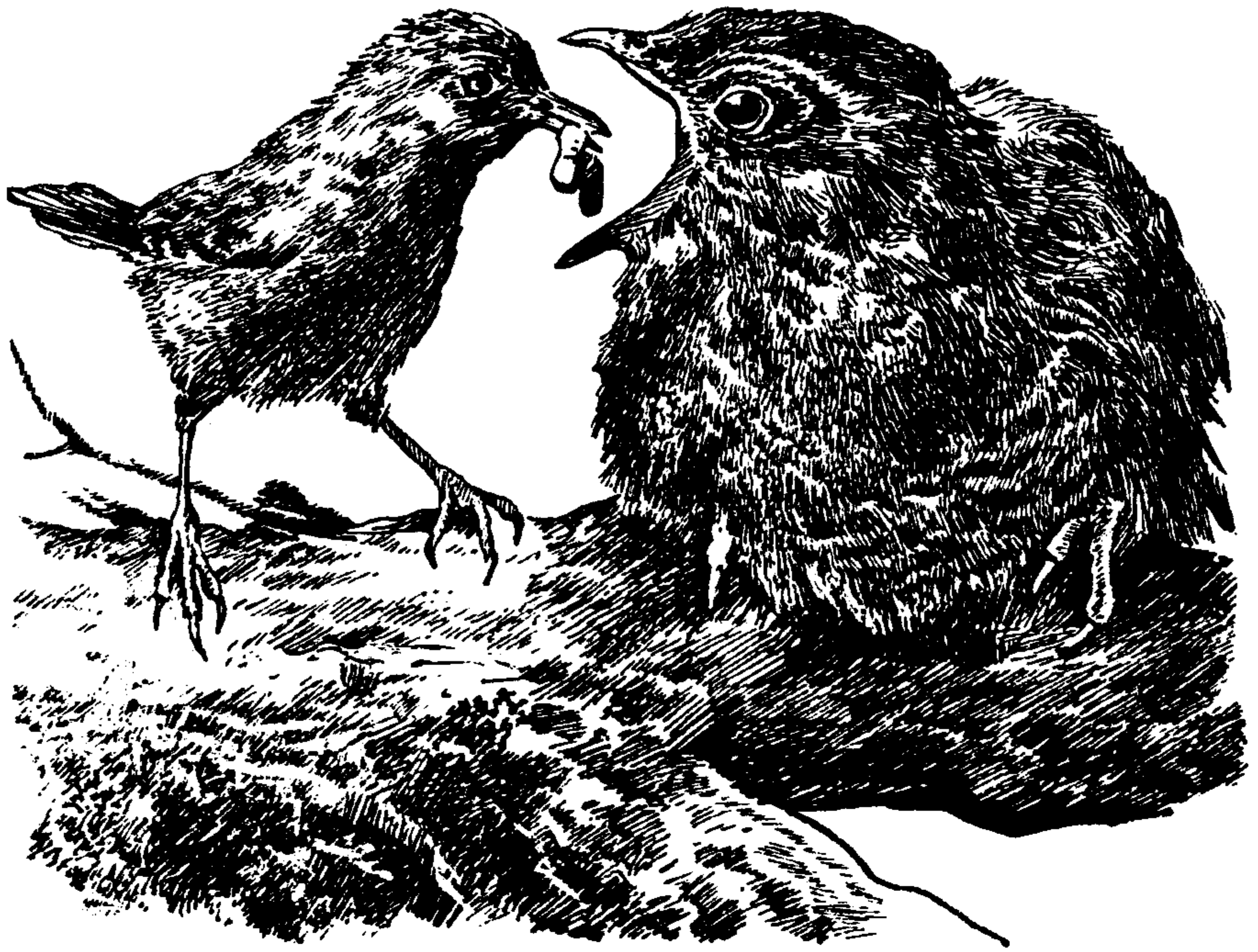
Но если эти лошадки даже не совсем по праву носят свое название, то во всяком случае вполне заслуженно пользуются славой добросовестных альпинистов, которые с тяжелой поклажей, иногда до полутора центнеров, на спине способны карабкаться на высоту до тысячи, а то и две тысячи метров.

На следующий день я взял у одного местного крестьянина напрокат кобылку этой породы и бодро пустился на ней осматривать Альпы. Порой просто хотелось зажмурить глаза от страха, когда она, ничтоже сумняшеся, топала вниз по невероятно крутым, растресканным или отполированным до блеска скалистым тропам или же в спокойствии душевном опускала свои копыта на самый край головокружительного обрыва...

А ведь лошади, между прочим, степные животные. Тем более удивительно, как инстинктивно-уверенно они ведут себя в условиях высокогорья. Известный исследователь Тибета Фильхнер стал однажды невольным участником подобного «опыта». На об-

леденелой наклонной плоскости лошадь под ним поскользнулась и упала. Оба они стали сползать в сторону глубокого обрыва, пока Фильхнеру не удалось всадить в лед свой кинжал. Лошадь вцепилась в смертельном испуге зубами в пальто ученого и лежала абсолютно неподвижно, словно бы знала, что от любого движения может снова начать сползать вниз. Она не шелохнулась и тогда, когда Фильхнер стал привязывать к ее уздечке толстую веревку, чтобы, забравшись на безопасное, необледенелое место, подтащить к себе лошадь. Как только он начал тянуть за веревку, лошадь мгновенно вскочила, и, хотя копыта ее то и дело срывались и скользили, она тем не менее благополучно сумела выбраться с коварной обледенелой поверхности.

Глава девятнадцатая

ПОДКИДЫШИ

Кукушку почему-то считают птицей больших крайностей. Одни полагают, что в ней сидит сам черт, другие — что она приносит прямо-таки лучезарное счастье. Даже в роли тайного судебного исполнителя ей приходится иной раз выступать! Ведь посылая кого-нибудь к кукушке, мы имеем в виду отнюдь не небольшую пеструю лесную птицу, а самого дьявола собственной персоной! А если мы пожелали кому-то, чтобы его «кукушка взяла», то это означает: «чтоб черти сволокли тебя в ад» или «провались в тартарары...»¹

Но стоит только в лесу закуковать кукушке, как мы уж тут как тут со своими настойчивыми пожеланиями, и давай скорее считать, сколько раз она прокукует, чтобы выведать, сколько же лет нам еще суждено прожить на этом свете. А поскольку мы всегда радеем о собственном благополучии, то заодно потряхиваем последней монеткой в кармане, надеясь, что при помощи этой маленькой хитрости поспособствуем тому, чтобы у нас весь год водились денежки. А вот четыреста лет назад кукушка помогала еще и против блох! В старой книжке о животных можно прочесть

¹ Речь идет о простонародных немецких ругательствах, синонимом которых в русском языке служат: «пошел ты ко всем чертям» или «провались ты пропадом». (Примеч. перев.)

следующее: «Когда услышишь ее крик, нужно поскорее правой ногой очертить на земле круг, и тогда ни одна блошка до тебя уже не доберется...»

Но это все вопросы, касающиеся скорее специалистов по народным поверьям, чем любителей природы. Но и нам, зоологам, кукушка до сих пор еще задает немало загадок.

Например: когда кукушки, собственно говоря, спят? Весной, до самой ночи, часов до одиннадцати, можно услышать их перекличку, перемежающуюся воплями филинов, а около часу ночи они уже опять на ногах!

Один орнитолог определил, при какой средней освещенности птицы просыпаются и начинают петь. Оказалось, что самый чуткий сон у черных дроздов и зарянок. Они просыпаются при 0,1 люмена (сила света одной свечи на расстоянии 1 метра). Но сразу за ними уже идет кукушка, просыпающаяся при освещенности в один люмен. Вчетверо светлее должно стать, чтобы проснулись иволга и славка-черноголовка. Зяблику для этого требуются двенадцать люменов, зеленушке — сто!

Влюбленный самец кукушки — настойчивый крикун. Он приподнимает свой хвост косо кверху, слегка распускает крылья, надувает зоб и выкрикивает свое «ку-ку» во все стороны иногда по шестьдесят — семьдесят раз подряд. На мелких птиц эти его крики производят странное и озадачивающее на первый взгляд воздействие. Они начинают пикировать на него с высоты, бьют крыльями, носясь вокруг его головы, и стараются долбануть его клювом. Кукушка не в силах прогнать эту назойливую мелюзгу, сколько бы она ни старалась ухватить своих преследователей, издавая при этом хриплое шипение.

Но стоит только явиться на его зов самке-кукушке, как тут же начинается бешеная погоня, в которой подчас участвует по два-три самца сразу. Кукушечьи обычаи не возбраняют самке осчастливливать нескольких самцов подряд. Единобрачия у этих странных птиц вообще не существует. Иногда какой-нибудь самец прочесывает участок, заселенный четырьмя-пятью самками, и добивается расположения каждой из них, а случается и так, что самка-кукушка посещает попеременно владения двух самцов.

Впрочем, кукушка-самка не издает привычного кукования, предвещающего, сколько лет кому еще предстоит прожить. Так кричат только самцы. Самки же издают лишь торопливое «вик-вик-вик». Тем не менее влюбленного самца-кукушку можно привлечь его собственным криком. Разумеется, для этого недостаточно просто прокричать «ку-ку», а следует более естественно подражать их зову. Тогда самцы воображают, что приближаются к ненавистному сопернику.

У мелких же пичуг есть все основания злиться на кукушку. Ведь это именно они, как известно, вынуждены играть роль приемных родителей для их подкидышей — печально известных кукушат. Сто шестьдесят два вида птиц кукушка «облагодетельствует» своими яйцами, начиная с крошечного королька и кончая крупными горлицами и вяхирями. Взрослая кукушка весит примерно столько же, сколько черный дрозд, а это значит около ста граммов. Тем не менее она откладывает яички, не превышающие размером воробьиные, а весом в три грамма, в то время как черный дрозд и другие птицы той же величины откладывают яйца весом в восемь граммов. Тому есть свои причины: ведь кукушка «осчастлививляет» ими в первую очередь мелких птиц. А те бывают отнюдь не в восторге от подобного наглого вторжения и защищают свои гнезда с бешенством и отчаянием. Поэтому кукушка вовсе не жаждет застать хозяев гнезда дома. В жульническом подбрасывании яиц самке отчасти помогают и самцы: они своим криком намеренно отвлекают на себя разгневанных маленьких родителей, непрерывно их атакующих, а самка тем временем крадучись, потихоньку подкладывает свое яйцо в кладки законных владельцев гнезда. По таким же причинам она старается откладывать свои яйца, в отличие от мелких птиц, не по утрам, а в послеобеденные часы, когда представляется наибольшая вероятность застать гнездо пустым.

С откладкой яиц кукушка не поспешает. Ведь ее яйца вовсе не предназначены для равномерного высидивания в одной общей кладке, как это имеет место у всех других птиц. Примерно через каждые два дня она неподвижно замирает на час, а то и на три возле облюбованного ею чужого гнезда. Выбирает подходящий момент, когда оно остается пустым, подлетает к нему, хватая в клюв одно яйцо из кладки, поспешно откладывает на его место свое и улетает с ворованным трофеем в клюве. Яйцо это, как правило, затем съедается. Чтобы проглотить его, кукушке приходится задирать клюв почти вертикально кверху, и если понаблюдать за ней в этот момент, то видно, что заглатывание его для птицы дело отнюдь не легкое и не простое.

Долгое время спорили о том, каким способом удастся кукушке подкладывать яйца в кладки дуплогнездников — птиц, строящих свои гнезда в дуплах деревьев. Ей ведь невозможно туда протиснуться. Однако теперь уже многократными наблюдениями установлено, что кукушка способна, в случае необходимости, отложить свое яйцо на землю, а затем, взяв его в клюв, водворить в дупло.

Иной раз в одном гнезде можно обнаружить сразу два, а то и три и даже четыре кукушечьих яйца. Но принадлежат они

всегда *разным* самкам. В случае если приемные родители поддадутся на подобный массовый обман, то после того, как вылупятся кукушата, будут разыгрываться настоящие трагедии.

Кукушечьи яйца могут выглядеть весьма различно, и распознать их в кладке приемных родителей способны иной раз только специалисты. И лишь у крапивника, пеночки и лесной завирушки это обстоит иначе: там кукушечье яйцо явственно отличается от основной кладки. Однако крапивники и пеночки слишком малы и слабы, чтобы выдворить чужака из своих глубоких гнезд. А вот почему лесная завирушка разрешает себя обманывать и не протестует против подлога — этого до сих пор выяснить не удалось.

А вообще-то только те виды птиц, которым не приходится иметь дело с кукушкой, бывают простодушны и доверчивы по отношению к чужим яйцам. Именно поэтому так легко удается подкладывать несушкам гусиные яйца: они охотно соглашаются сидеть даже на гипсовых, а то и просто на картошке; и уже бывали случаи, когда лебеди пытались высидивать пивные бутылки. Что же касается мелких птиц, то те разглядывают и проверяют свои кладки весьма внимательно, хотя и не в состоянии заметить столь тонких деталей в их различии, как человек. По всей вероятности, они не так уж точно знают, как должны выглядеть их собственные яйца, а больше следят за тем, чтобы в кладке все яйца были одинаковыми.

Один орнитолог проделал как-то такой опыт с малиновкой. Он забрал у нее из гнезда незаконченную кладку, а вместо нее этот «зловредный дядька» подложил туда то же самое число яиц славки-завирушки. Когда обманутая малиновка отложила свое следующее яйцо, то обнаружила, что оно отличается от всех остальных в кладке, и не долго думая выбросила его из гнезда. И села насиживать чужие яйца славки-завирушки. Следовательно, она приняла собственное яйцо за чужое только потому, что оно по форме и цвету отличалось от всех остальных.

Когда кукушка замечает мелких птиц, занятых постройкой гнезда, ее прямо-таки подмывает приступить к откладке яиц. Она старается поместить свои яйца именно в свежие, только что достроенные гнезда, с неполными еще кладками, потому что яйца в законченных кладках могут оказаться уже сколько-нибудь насиженными, и тогда кукушонок появится на свет позже положенного срока и не успеет вытолкнуть своих «братьев» из гнезда. Поэтому кукушка внимательно следит за намеченной жертвой, чтобы точно знать, близок ли конец постройки гнезда, дабы не пропустить начало откладки яиц. В то время как кукушки обычно держатся очень скрытно и осторожно, они в период

размножения становятся весьма беззастенчивыми и в поисках подходящих гнезд залетают даже в сараи и на сеновалы. Способны они подниматься и высоко в горы, когда обитающие там мелкие птицы поздним летом приступают к откладке яиц. Более того, кукушки порой доходят до того, что нарочно разрушают старые гнезда, чтобы заставить их владельцев построить новое...

Небезынтересен следующий вопрос: способна ли кукушка по своему усмотрению откладывать то голубые яички, требующиеся для гнезд горихвостки, то белые с полосками на тупом конце, необходимые для того, чтобы обмануть бдительность камышовой овсянки, а то крапчатые — для малиновки? И хотя жизнь и повадки кукушек достаточно удивительны, но все же не настолько. Просто самка-кукушка, вылупившаяся в свое время из голубого яйца, будет впоследствии и сама откладывать голубые яички и осчастливливать ими гнезда горихвосток, и лишь в том случае, если она не сумеет разыскать достаточное число гнезд горихвосток или почему-либо поведет себя по-глупому, то начнет откладывать свои яйца в другие гнезда, откуда они чаще всего незамедлительно бывают выброшены возмущенными хозяевами и, вписав крутую дугу в воздухе, шлепаются на землю...

Итак, выяснилось, что кукушки, внешне выглядящие совсем одинаково, делятся на различные расы, подбрасывающие свои яйца совершенно определенному виду птиц-хозяев. Будь это не так и подбрасывай они свои яйца, например, одним лишь крапивникам, то этим несчастным пришлось бы высиживать одних только кукушат и они скоро бы вымерли окончательно. Поэтому надо считать большим счастьем для мелких певчих птиц, что кукушки не составляют постоянных пар, а предпочитают свободную любовь. Таким образом, у них самцы и самки различных рас настолько перемешиваются, что в одной и той же местности появляются кукушечьи яйца самых разнообразных расцветок и распределяются более или менее равномерно по гнездам различных мелких птиц. Если же в каком-нибудь районе обоснуются кукушки, откладывающие специализированные яйца для гнезд тростниковых камышевок, то этим бедным птичкам придется плохо.

Нечто подобное было прослежено на одном из небольших озер. Там в 1919 году тростниковые камышевки вывели десять собственных выводков и четырех кукушат. Спустя год собственных выводков было девять, а кукушат — шесть, в 1922 году у этих птиц оставалось лишь три собственных выводка, зато подкидышей было уже восемь, а в 1925 году выжил всего один выводок тростниковых камышевок, в то время как в семи других гнездах сидели раскормленные кукушата с жадно раскрытыми

клювами. Так в какой-нибудь местности определенный вид птиц по вине кукушек может оказаться истребленным. Разумеется, впоследствии это неминуемо приведет к тому, что такая нацеленная на тростниковых камышевок кукушечья раса вымрет и сама. Например, на озере Мюггельзее, близ Берлина, за последние годы совершенно исчезли кукушки, которые прежде осчастливливали своим потомством гнезда малиновок. Остались там только кукушки, «опекающие» гнезда камышевок, в кладках которых и по сию пору находят чужие яйца.

Тем не менее подбрасывание подкидышей — дело не такое уж простое, как полагали прежде. Ведь подсчитывали обычно только число птенцов, выживших в гнездах, а не исчезнувших яиц. На самом-то деле только шестьдесят два процента подкинутых яиц бывают приняты приемными-родителями, а кроме того, еще тридцать процентов от оставшихся портятся во время насиживания. А из вылупившихся кукушат только сорок три процента становятся летными.

Неудобное, подозрительное яйцо птица обычно проклевывает, хватая клювом за край скорлупы и выбрасывает вон из гнезда. Однако проделать это с кукушечьим яйцом не так-то просто, потому что оно предусмотрительно снабжено гораздо более прочной скорлупой, чем равные по размеру яйца других птиц. Наиболее недоверчивыми проявляют себя пеночки: семьдесят семь процентов своих гнезд, занятых кукушечьими яйцами, они просто бросают и строят новые. А вот горихвостки, так те, как правило, никогда не отказываются от подкидышей.

Маленький кукушонок выбирается из яйца за день или два раньше, чем его сводные братья и сестры. И для этого у него есть серьезные причины. Появляется он на свет совершенно голым и с необыкновенно чувствительной кожей. Поэтому маленький крепыш весьма болезненно переносит любое, даже самое незначительное прикосновение. Если в первые четыре дня жизни до кукушонка дотрагиваться пальцем, он будет вести себя так, словно его колют раскаленными иглами. Все, что находится рядом с ним, причиняет ему боль и страдания. Поэтому еще слепой малыш начинает приседать, прижимаясь к самому лотку гнезда, и старается, чтобы находящееся по соседству яйцо или братишка перекатились ему на спину. На спине у кукушонка имеется специальная ложбинка, в которой он с помощью своих обрубочков-крыльев удерживает жертву, затем он с великим трудом подтаскивает ее к краю гнезда, и... вот она уже кубарем летит вниз, задевая за ветки. В отличие от своих братьев и сестер, отчаянно дрыгающих лапками и крылышками, этот увесистый молодец двигается по гнезду при помощи одной лишь головы. Поступай

он иначе, дом его приемных родителей, это рыхлое, непрочное строение, мог бы живо развалиться, в особенности если речь идет о хрупких гнездах малиновки. В течение последующих четырех дней кукушонок оперяется, и своеобразная удивительная «тяга к выбрасыванию» постепенно в нем угасает, но к этому времени вокруг него бывает уже пусто.

«Но в том, что он делает это умышленно, притом именно в первые два-три дня своей жизни, в этом я совершенно не убежден,— писал в прошлом веке орнитолог Науманн,— трудно поверить, чтобы такое маленькое, беспомощное существо могло бы действовать столь сознательно, настойчиво и эгоистично».

Зоолог Хайнрот возражает: с таким же успехом можно оспаривать тот факт, что младенец *знает*, что ему положено сосать молоко, в то время как ему ведь неизвестно, что для переваривания молока необходимо выделять сычужный фермент, пепсин и соляную кислоту...

Но плохо дело, когда в одно и то же гнездо попало несколько кукушечьих яиц, отложенных разными кукушками! Между вылупившимися из яиц крошечными созданиями тогда разыгрывается жесточайшая борьба не на жизнь, а на смерть. И заканчивается она только после того, как птенцы повыбрасывают друг друга за борт. В лучшем случае в гнезде остается один. Между прочим, кукушонок без разбора выкидывает из гнезда все, что туда положишь,— бумажные шарики и даже теплую крышку, которой стараются обогреть искусственно выведенных в лабораторных условиях кукушат.

В последующие за этим дни кукушонку остается только одно — попрошайничать. Поначалу он делает это молча — просто широко раскрывает клюв. И это опять-таки очень разумно, потому что его «чужой» крик будет сильно отличаться от писка других птенцов, возможно еще оставшихся в гнезде. Но как только гнездо опустело, кукушонок становится громогласнее и начинает издавать свой требовательный крик.

Можно сколько угодно ломать себе голову над тем, почему приемные родители терпят, что чужак безжалостно выкидывает из гнезда их собственное потомство. Они ведь вполне могли бы его заклевать насмерть, выкинуть самого или покинуть и обречь этим на голодную смерть. Но ничего подобного им почему-то в голову не приходит. Порой можно увидеть, как птенцы малиновки, жалобно пища, висят в развилке веток под самым гнездом, в то время как самка-малиновка, не обращая на них ни малейшего внимания, удовлетворенно пестует подкидыша. Более того, может случиться, что она унесет в клюве из гнезда свою собственную кладку как посторонний предмет.

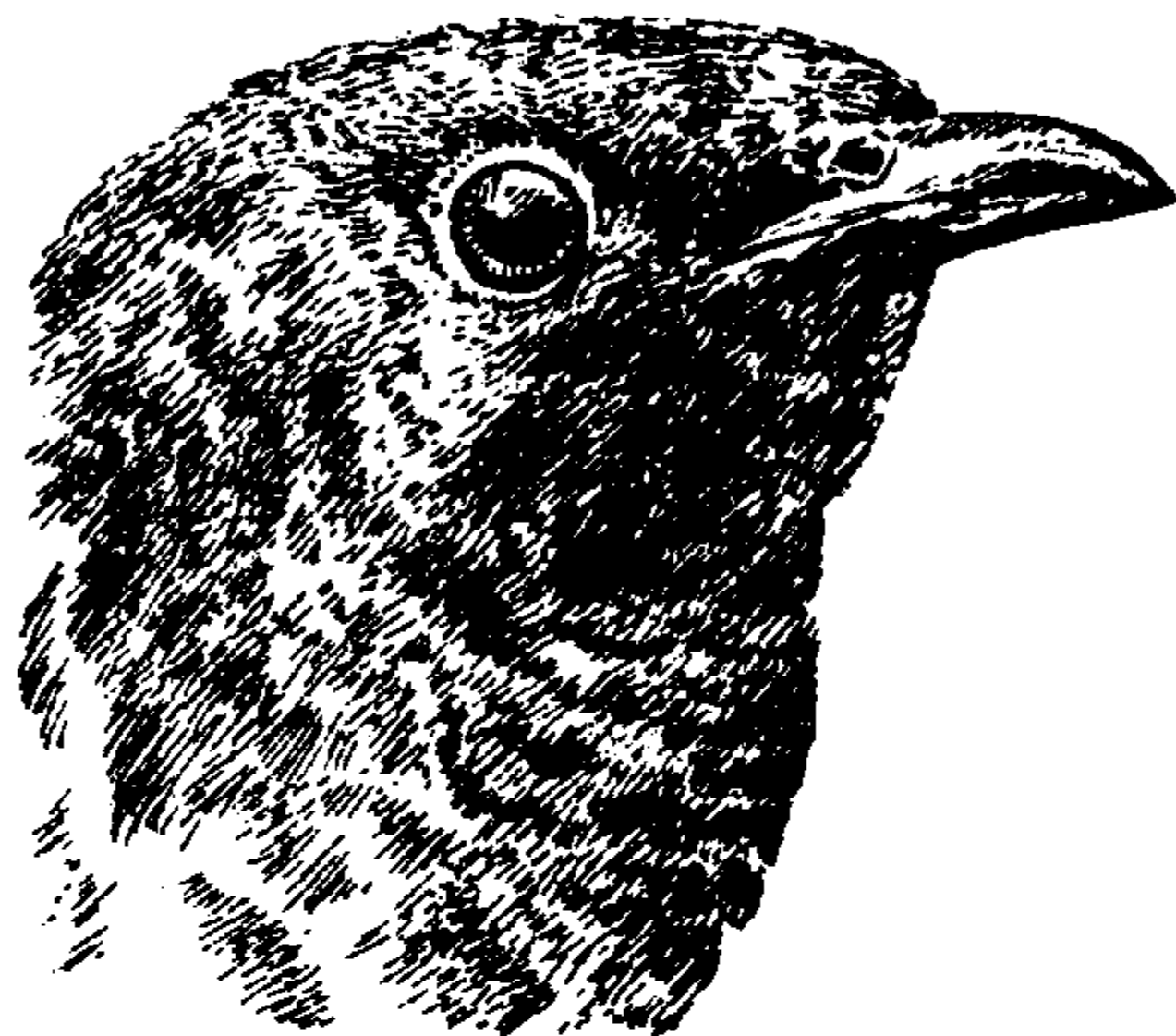
Понять подобное можно лишь в том случае, если полностью уяснить себе следующее. Птицы-родители выводят птенцов отнюдь не потому, что испытывают потребность вырастить себе потомство. Делают они это только потому, что сами получают колоссальное удовольствие непосредственно от самого процесса. Точно так же как многие другие животные, да и человек тоже, следуют зову любви не потому, что хотят завести детей, а просто потому, что удовлетворение этой потребности приносит им радость. Инстинктивную потребность «кормить и выхаживать» большущий подкидыш удовлетворяет ничуть не хуже, а то и лучше собственных мелких детей. Бывали случаи, когда содержащихся в неволе кукушат вдруг начинали подкармливать даже подростковые птицы других видов. И эти малютки старательно таскали корм попрошайничающим здоровенным обжорам! Иной раз этим крохотным птичкам приходилось садиться на голову своему питомцу, чтобы суметь засунуть корм в огромный, широко раскрытый клюв. Кроме того, один кукушонок причиняет своим приемным родителям не больше хлопот, чем собственный выводок из шести или семи голов. И хотя он такой огромный, тем не менее съедает не больше, чем все они, вместе взятые: ведь он отдает меньше тепла, чем мелкие птички. А когда он покидает гнездо, приемным родителям опять же удобнее разыскивать и кормить его одного, чем шесть или семь своих собственных деток, рассеянных по кустарнику.

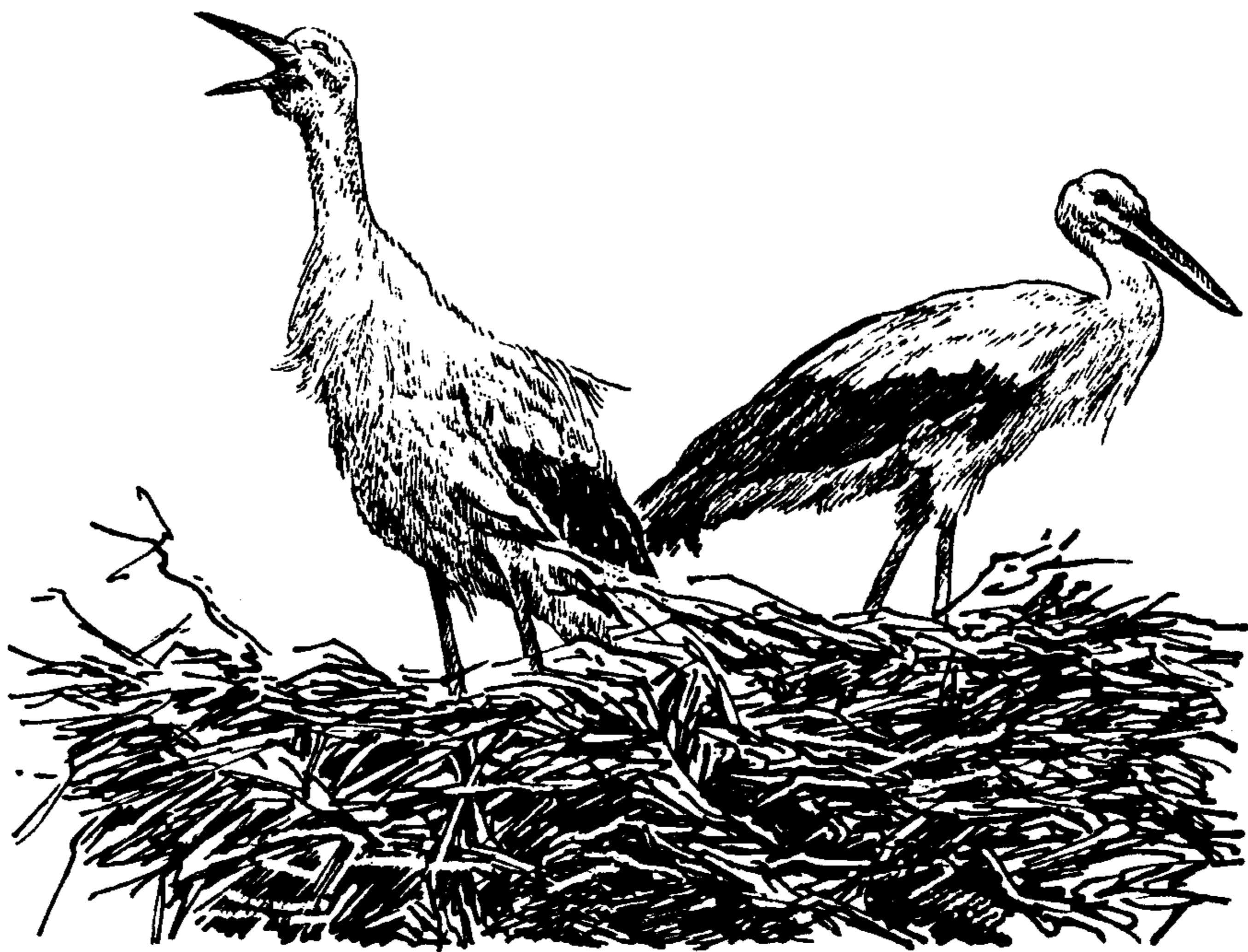
Конечно, нам представляется чудовищно жестоким, что кукушка хладнокровно убивает своих братьев и сестер. Но совместно с ними ей бы не вырасти. А вот хохлатой кукушке, обитающей в Испании и Африке, не приходится превращаться в убийцу. Она откладывает свои яйца в гнезда ворон и соек, и этим крупным птицам ничего не стоит выкормить кукушонка без особых хлопот вместе со своим выводком. И вообще не все кукушки ведут жизнь паразитов. В Америке, например, есть кукушки, у которых несколько самок собираются вместе и строят совместное гнездо, в котором и выращивают сообща свое потомство. И в то же время в Южной Америке встречаются утки, которые пристраивают свое потомство на кукушечий манер. Такие утки подкладывают свои яйца в гнезда других уток родственного им вида или даже в гнезда хищных птиц. (В подобных случаях вылупившимся из яиц маленьким «кукушечьим» утятам приходится сразу же удирать со всех ног от приемных родителей, спрыгивать вниз со скалы и пристраиваться к какому-нибудь чужому утиному семейству.)

Даже у шмелей встречаются отдельные виды, которые, подобно кукушкам, проникают в гнезда других старательных и до-

мовитых шмелей, беззаботно питаются накопленными там запасами, а личинок своих оставляют на попечение работниц-шмелей.

Но не всем плоха кукушка. Есть у нее и хорошее. Она, например, заглатывает вредных гусениц, сплошь покрытых ядовитыми ворсинками, которых другие птицы обходят стороной. Ее огромный желудок бывает сплошь набит этими ворсинками и выглядит так, словно бы имеет изнутри шерстный покров. Так что несмотря да всю свою «безнравственность», кукушки для нас, людей, привыкших рассматривать каждое животное с торгашеской точки зрения — а какой от него прок? — все же представляют некоторую ценность...

Глава двадцатая

ЕСТЬ ЛИ ЖИВОТНЫЕ С «ШЕСТЫМ ЧУВСТВОМ»?

Случилось это весенней ночью три года назад в Северной Канаде. Один мужчина вышел из лагеря набрать воды из ручья, протекавшего всего в каких-нибудь пятидесяти метрах. С тех пор его больше никто не видел.

«Год тому назад охотник за красной дичью решил как-то после обеда отправиться в одиночку в небольшой рейд по близлежащим окрестностям, и только одиннадцать дней спустя его нашел один из двадцати пяти человек, посланных на его поиски. При этом они прочесывали всю округу на расстоянии в тридцать километров», — так рассказывает Квоннесин — писатель-индеец, завоевавший, кстати, мировую известность.

Средний человек, по его утверждению, не способен запомнить пройденный им в лесу путь и выбрать нужное направление, чтобы вернуться назад. На этой неспособности и лежит основная вина за потери человеческих жизней в лесах Северной Канады, гораздо большая, чем выпадает на долю других опасностей и случайностей, не считая, конечно, лесных пожаров. Сплошь и рядом получается так, что кто-то сбившийся с пути начинает описывать самые настоящие круги, натывается в конечном счете на тропу, протоптанную (о, радость!), несомненно, человеком, и попадает — первый раз с огорчением, а в последующие уже с полным отчаянием — к собственному же костру, который только вчера или

позавчера покинул... Почти каждый человек, даже бывалые, опытные трапперы, впадает после этого в панику и, будучи не в силах совладать с обычным стремлением заблудившихся вырваться любой ценой из этого заколдованного круга, начинает, словно помешанный, не разбирая дороги, прорываться в каком-либо одном направлении. При этом он, не щадя ни одежды, ни собственной кожи, яростно продирается сквозь кустарник и заросли густого подлеска. Пение птиц начинает звучать для него издевательской насмешкой, и он уже не замечает красоты окружающей природы, ее удивительной гармонии. Человек, этот венец творения, оказывается вдруг самым беспомощным, самым неприспособленным созданием во всем этом прекрасном, величавом лесу...

Почти все заблудившиеся уже спустя пару дней теряют рассудок, перестают реально воспринимать окружающую обстановку: им чудятся то привидения, то огни лагерных костров. Одного старого траппера при подобных обстоятельствах нашли через шестьдесят два дня с помощью самолета. Он был почти голый, совершенно искусанный мошкаррой и предельно истощенный. Оказывается, солнце скрывалось целую неделю за облаками, а к тому времени, когда оно вновь появилось, его рассудок уже настолько помутился, что ему почудилось, что оно восходит и заходит с обратной стороны. Поэтому он упрямо продолжал следовать на север, углубляясь все дальше и дальше в бесконечные дебри. Заблудившихся обычно до самого конца не покидает надежда вырваться из леса — останки их, как правило, сохраняют позу ползущего человека.

Люди, привычные к лесу, например дровосеки, в случае, если они во время работы отклоняются в сторону от просеки, могут заблудиться не хуже горожан. Егери, инженеры, землемеры, сплавщики леса, как правило, носят при себе компас. И только расстановщикам капканов и золотоискателям, как белым, так и индейцам, присуще умение ориентироваться в незнакомой местности. Однако, как утверждает тот же индейский писатель Квоннесин, это отнюдь не врожденная способность. Просто эти люди умеют ориентироваться по незаметным для других знакам самой природы, например по тому, куда наклонены вершины елей; они никогда не забывают о том, что вода всегда стекает под уклон, что олени тропы в марте проложены непременно по южным склонам, что древесная кора всегда толще с северной стороны. Если одно лишь поколение индейцев изъять из их привычной обстановки, эти почти бессознательные способности будут безвозвратно утеряны, как они утеряны и у белых.

Итак, коль скоро его нет у человека, этого врожденного чувства направления, уверенной ориентации на местности, то, может

быть, оно свойственно хотя бы животным? Ведь в газетах часто мелькают подобные сообщения. Так, лишь позапрошлой зимой я прочел заметку о том, как молодая кошечка, которую крестьянин по фамилии Кишке, из деревни Аттерваш, продал жителю Губена (расположенного в девятнадцати километрах оттуда), прибежала назад и преспокойно улеглась на свое привычное место за печкой. Из другой заметки явствовало, что в прошлом году еще одна кошка, которую в картонной коробке увезли из Рупольдинга в Карлштейн, в Баварии, спустя четыре дня вернулась назад, на свою «родину». Но наиболее достоверно доказанным можно считать сообщение о трехлетнем кастрированном коте, которого его хозяева из Кёцшенброда подарили другой семье, проживающей в Дрездене-Лёбтау. Животное увезли на электричке и окольными путями доставили на новое место жительства. Весь путь составил не менее шестнадцати километров. Спустя два дня кот исчез и в тот же вечер появился на старое место, причем прибежал он совсем с другого конца и отнюдь не той дорогой, которой его увозили. Поскольку на нем был надет ошейник с голубым бантом, то путем опроса удалось проследить весь пройденный им путь, составивший одиннадцать километров. Следовательно, кот бежал домой кратчайшей дорогой.

То, что лошади удивительно уверенно находят дорогу назад, общеизвестно. Один немецкий золотоискатель, вернувшийся из Канады, рассказывал, как взял на одной почтовой станции напрокат двух лошадей, за пользование которыми надо было платить по три доллара в день. Прибыв на место назначения, ему надлежало лишь снять с них переметную суму и недоуздок, а потом просто отпустить. Прибыв ровно через два дня на следующую станцию, он снял с лошадей поклажу, разнуздal их, дал им шлепок по заду, и — эгей! — не успел он опомниться, как они уже переплывали назад реку. И потом еще долго раздавался удалявшийся топот их копыт.

На хуторе, стоящем у самой дороги, было совершено ограбление. Украли много продовольствия и одежды. Чтобы увезти украденное имущество, воры похитили у соседнего крестьянина двуколку, а затем бросили пустую повозку у дороги. Хозяин лошади предложил снова запрячь шестнадцатилетнюю кобылу в повозку и отпустить поводья. Лошадь неторопливо протрусила примерно шестнадцать километров по шоссе, а потом свернула на лесную дорожку. Вскоре она остановилась возле землянки. Там и нашли все награбленное. С помощью различных улик удалось впоследствии найти и самих грабителей. Вне всякого сомнения, основная заслуга здесь принадлежит хорошей памяти лошади.

Мне припоминается смешная история, случившаяся со шведским майором, купившим какую-то особенно спокойную и степенную лошадь. Каково же было его недоумение, когда на определенных улицах Стокгольма эта лошадь упрямо останавливалась у каждой второй или третьей двери. Идти дальше она соглашалась только после того, как выходила удивленная горничная и спрашивала, что угодно господину майору... Оказывается, прежде лошадь развозила по этим улицам молоко!

Еще более удивительную историю рассказывали еще до войны об одной гарнизонной лошади из первого гвардейского уланского полка, стоявшего в Потсдаме. Эту лошадь перевезли по железной дороге из Потсдама в Хиршберг, где она должна была участвовать в маневрах. Внезапно она вырвалась из рук коновода и убежала, и изловить ее не удалось. Спустя пять дней лошадь как ни в чем не бывало уже стояла в своей потсдамской конюшне. Правда, уздечки с набором на ней не оказалось, но седло было цело. Животному, следовательно, пришлось пробежать двести пятьдесят километров по совершенно незнакомой местности, пересекая железнодорожные линии, через несколько больших городов и густозаселенные пригороды Берлина; центр Берлина она миновала, по-видимому, глубокой ночью, когда на улице не было никакого движения.

Что касается лошадей, то похоже, что они действительно следуют иногда по какому-то наитию, руководствуются так называемым «шестым» чувством, которого у нас, людей, нет. Однако это еще не доказано. Возможно ведь, что лошади уже приходилось прежде когда-нибудь бывать в некоторых районах из тех, которые она пересекала, когда бежала домой. Научного подтверждения подобного умения лошадей и кошек ориентироваться в незнакомой местности пока еще не получено. Когда аналогичные опыты проделывались с животными, вся предыдущая жизнь которых была точно известна, результаты иногда получались совершенно озадачивающие.

Вот пчелам, например, в течение всей их жизни в улье приходится исполнять поочередно разные обязанности. На младших пчелках многие недели подряд лежит обязанность возиться с личинками, ухаживать за ними, кормить их, и только под конец своей жизни они становятся «добытчицами», то есть вылетают на сбор пыльцы и нектара. Если молодую пчелу, еще никогда не летавшую на добычу, вынуть из улья и выпустить на некотором отдалении от него, она не найдет дороги обратно, потому что, вылетая первый раз на добычу, пчела сначала продолжительное время летает перед ульем взад и вперед, внимательно его разглядывая. Глаза ее при этом все время направлены в сторону

улья. Таким способом в ее мозгу четко запечатлевается внешний вид и местоположение улья. Что это именно так, было уже доказано целым рядом экспериментов. Так что никакое ни «чувство направления», ни исходящие якобы от улья невидимые излучения не приводят пчелу обратно к родному улью, а только хорошая ориентировка в окружающей местности.

Очень красивым опытом удалось также установить, что ориентироваться пчелам помогает и положение солнца. Если пчелу, только что насосавшуюся нектара на цветке, накрыть черным колпаком и продержать в течение двух часов в полной темноте, то она, будучи выпущенной на волю, полетит не прямым ходом к своему улью, а под углом к нужному направлению; угол этот будет точно соответствовать смещению солнца за эти два часа, проведенные пчелой в темноте. Пролетев приблизительно двести метров в неправильном направлении, пчела явно замечает свою ошибку. Она начинает беспорядочно метаться из стороны в сторону в поисках знакомых ей примет и в конце концов натывается на окружающую улей местность, а потом уже находит и сам улей.

Зуек-галстучник, широко распространенная птица песчаных пляжей, заботливо закапывает свои яйца в песок, когда улетает на кормежку. Никакой человеческий глаз не в состоянии различить среди однообразия песчаной равнины место, куда закопаны яйца зуйка. И тем не менее птица находит его совершенно безошибочно. Объяснение этому тоже искали в каком-то не изученном пока «чувстве направления» или таинственной беспроводной связи между гнездом и мозгом птицы. Но когда однажды, во время отсутствия зуйка, подняли приметный красный камешек, лежащий в двадцати сантиметрах от гнезда, и отнесли в сторону на несколько метров, птица, вернувшись, начала шарить совершенно не в том месте, а именно в двадцати сантиметрах от этого камня! Значит, и зуек-галстучник ориентируется на местности лишь по определенным приметам.

А каким образом африканские пингвины, выращивающие свое потомство на острове, недалеко от Кейптауна, возле южной оконечности Африки, находят свой путь в бескрайних просторах океана? Ведь иногда на этих птиц можно наткнуться в открытом море, в заливе Мадагаскара, отдаленном от этого островка на целых три тысячи шестьсот километров, а то и совсем в другом направлении, недалеко от Южного полярного круга, в четырех тысячах восьмистах километрах от места их гнездовий. А это как-никак равно расстоянию от Гибралтара до Архангельска! И нам, людям, для которых водная стихия представляется лишь бесконечной и бескрайней пустыней, без каких-либо опознава-

тельных знаков, трудно представить себе, как миллионы пингвинов из года в год могут безошибочно находить в ней свой крохотный островок, даже если они на нем родились и выросли. Может быть, они все же обладают каким-то врожденным чувством направления? Во всяком случае, подобное решение этой загадки так и напрашивается само собой. Однако в научных исследованиях всегда следует держаться правила: сначала исключить возможность более простых, прозаических объяснений какой-либо загадки в поведении животных, а уже потом...

Так, например, удалось выяснить за последние годы, что многие животные способны ориентироваться по солнцу и даже более того — по звездам. Свежевылупившиеся черепашки находят дорогу к морю по его голубому отражению на небе.

Орнитолог Тинеманн проделывал следующие опыты с молодыми аистами, выращенными без родителей. Этим птиц отпускали на волю значительно позже, чем взрослые аисты улетали на юг. И, как это ни странно, молодняк без всякой указки со стороны старых, опытных птиц безошибочно направлялся по правильному, обычному пути пролета аистов! И не правда ли, удивительно, что аисты, возвращающиеся аж с Верхнего Нила, точно находят свое старое гнездо на крыше учительского сарая в каком-нибудь затерянном местечке вроде Швестервитца? А то, что другие птицы из года в год возвращаются к месту своего гнездовья под облюбованным ими кустом, хотя этот куст ничем абсолютно не отличается от тысячи других таких же кустов? Тут уж им не может помочь никакое врожденное «влечение». В подобной ситуации им приходится ориентироваться по прошлогодним воспоминаниям после того, как перелетный инстинкт приведет их назад, в знакомую местность.

И вообще я должен сказать, что о способе ориентации у перелетных птиц можно предполагать все, что угодно, но при этом ясно одно: этот вопрос не выяснен до конца. Вот посудите сами. Взрослых горихвосток, отловленных весной, непосредственно после их возвращения с юга, отправили по железной дороге на четыреста восемьдесят километров к северу. Там их отпустили. И что же? Через некоторое время все они заявили назад, в свой старый сад, несмотря на то что лететь им пришлось в направлении совершенно противоположном тому, куда их должна была вести «врожденная тяга» к перелетам. Орнитологи не раз проделывали подобные опыты и с другими птицами: отлавливали их, отсылали за сотни километров в разные стороны света и наблюдали, как они спустя некоторое время снова возвращались в свои старые, привычные места обитания. Похоже, что они все же обладают необъяснимым «шестым чувством»,

«чувством направления» или «тяги к дому» — как хотите, так и называйте.

И тем не менее в самые последние годы возникли известные сомнения по этому вопросу. Один исследователь вынимал птенцов аиста из гнезда и содержал их почти целый год в той же местности, но в просторной вольере. Аисты вырастали и сами благополучно приступали к размножению. Этих птиц, которым, естественно, никогда в жизни еще не приходилось обзирать свою родину с высоты птичьего полета, отвозили на несколько сот километров в сторону и там выпускали. Ни один из аистов не вернулся домой! Те из них, которых удалось поймать, обосновались где-то поблизости от места выпуска. Может быть, за время содержания в вольере эти птицы потеряли всякую способность к полету, в особенности к длительному, и потому были не в силах следовать своему «шестому чувству»?

Чтобы проверить это, тот же исследователь отловил большое количество старых скворцов, продержал их год в той же вольере, что и аистов, а затем отправил их туда же, куда отправлял тех. И что же? Более половины старых скворцов можно было спустя некоторое время увидеть на их родине. Следовательно, птицы, в памяти которых запечатлелся вид их родины сверху, те нашли дорогу домой. И здесь закрадывается сомнение в том, что птицы, столь удивительным образом находившие дорогу назад, руководствовались при этом особым «чувством дома», таящимся у них в груди. Скорее всего, они, подобно почтовым голубям, совершали свои поисковые круги, пока не натыкались на знакомую местность.

У Свена Гедина был необыкновенно преданный четвероногий друг — большая лохматая собака Таккар, проделавшая вместе с ним все долгое путешествие по Тибету. Когда исследователь наконец спустился из суровой горной страны в теплые, солнечные долины Индии, верное животное внезапно исчезло. Как впоследствии сообщали миссионеры из Поо, собака самостоятельно проделала весь долгий, нескончаемый путь назад, в Тибет, и в один прекрасный день вновь лежала на своем привычном месте перед воротами станции. Но эта собака ведь тоже уже проделала однажды этот путь пешком.

Более удивителен случай, происшедший в Англии в 1927 году. Там свору гончих продали из Камберленда в Суссекс, причем отвезли туда на поезде. Через несколько дней вся свора в полном составе заявила к старому хозяину. Расстояние по прямой составляло четыреста пятьдесят километров, а бежали ведь собаки отнюдь не по прямой! Другую свору охотничьих собак, прочно запертую в транспортные клетки, переправили через добрую по-

ловину Англии на юг. Телеграмма с места назначения подтвердила их благополучное прибытие, а вторая, высланная на следующий день, сообщала, что собаки вырвались из загона и бесследно исчезли. Уже на третий день все пять собак появились в своем старом питомнике, изможденные и изголодавшиеся — кожа до кости! У некоторых подушечки лап оказались стертыми, а одна из сук вскоре умерла.

Оригинальные научные опыты по проверке «чувства дома» у собак проводил и Бастиан Шмид. Он сажал кобеля Максея в корзину и отправлял его на грузовике, петлявшем разными окольными путями, в незнакомую псу местность. Пугливо и недоверчиво озираясь, покидала собака корзину. Но затем она поднимала голову, и взгляд ее скользил по небосклону — туда-сюда, а затем он стал все чаще задерживаться в том направлении, где находилась «родина» собаки. Казалось, что в ней включился какой-то никому не известный механизм. На обступивших ее чужих людей, равно как и на лай соседних дворовых собак, она не обращала ни малейшего внимания. Невольно напрашивалось сравнение с диким животным, ориентирующимся в незнакомых природных условиях — так это выглядело. Пес сначала беспорядочно кидался в разные стороны, возвращался назад, вновь отбегал и наконец спустя полчаса после выпуска устремился в правильном направлении, ведущем к его незримому дому. Он бежал весьма целенаправленно, но старался огибать встречающиеся на его пути рощи и держался подальше от всяческих средств транспорта. Когда это представлялось возможным, он старался обходить стороной и деревни. Добравшись до ближайшего к его родному городку предместья и выбежав на знакомое шоссе, пес галопом помчался вперед, высоко задрав от радости хвост.

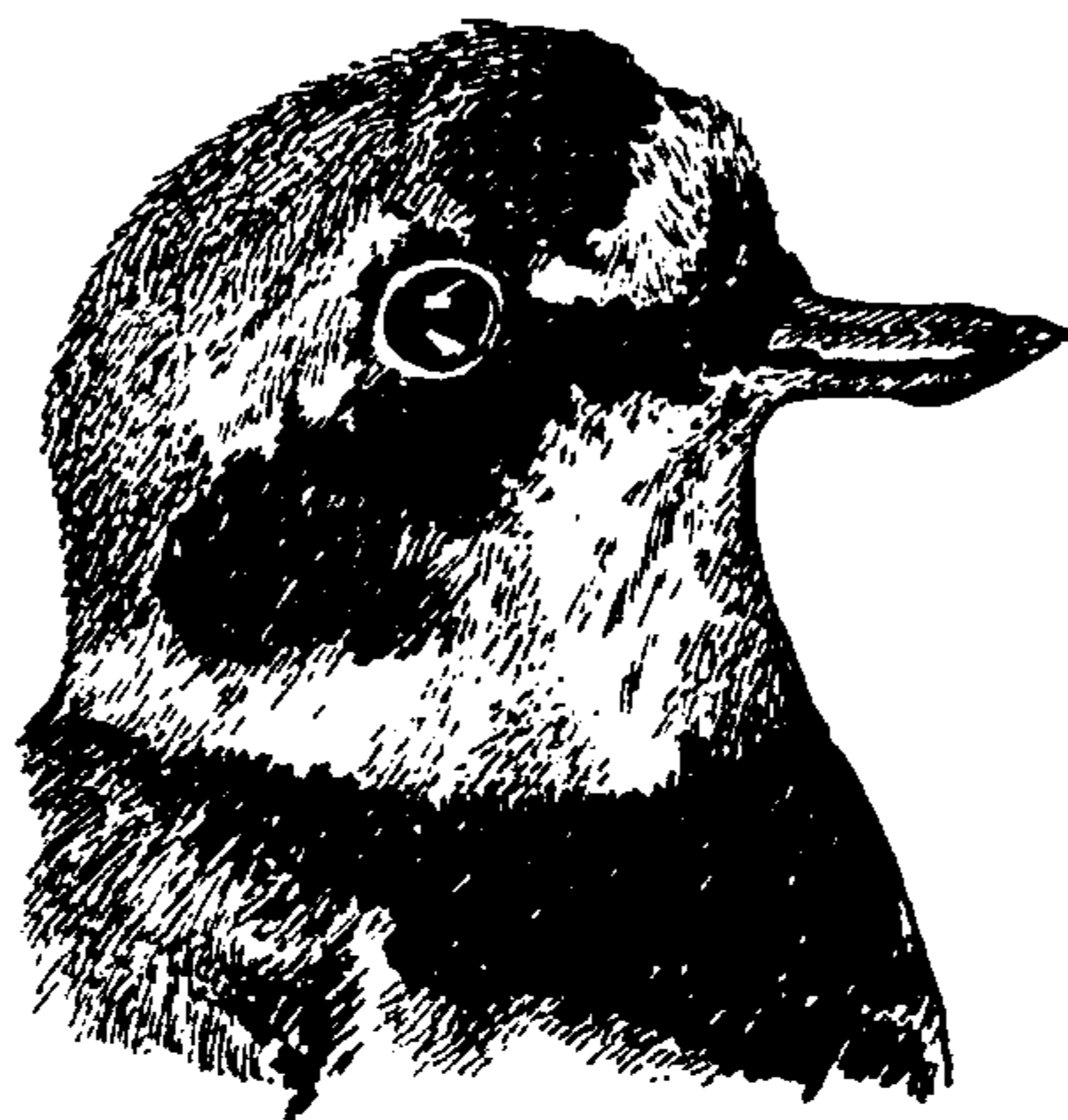
Первый раз ему потребовалось час и тридцать восемь минут для того, чтобы добраться до дому, при повторном опыте — только сорок три минуты.

Так же и сука, выпущенная в совершенно незнакомом ей месте города Мюнхена, за действиями которой наблюдало несколько велосипедистов, нашла дорогу домой, составлявшую восемь с половиной километров, за девяносто три минуты, при повторном опыте — за тридцать семь минут.

Следовательно, животные обладают врожденным умением ориентироваться на местности, которое помогает всем особям одного и того же вида добираться до совершенно определенных местностей. По всей вероятности, существуют еще и сверх того какие-то более узкие, специализированные механизмы, позво-

ляющие отдельным животным (как в случае с кобелем Макселем) находить дорогу к своему дому в маленьком городке.

Заинтересовавшись этим вопросом, я ставил подобные же эксперименты с лошадьми и описал их результаты в своей книге «Мы вовсе не такие». Я работал тогда с лошадьми, знавшими только свою конюшню и выгон, в отличие от обычных верховых и тягловых лошадей, знающих, как правило, все дорожки и стежки по всей окрестности. И мои лошади не были в состоянии найти дорогу к своей конюшне.

Глава двадцать первая

КТО СМЫШЛЕННЕЕ: ВОЛК ИЛИ СОБАКА?

Между прочим, в моем доме жил не один только волк Чингис. Уж не знаю, почему так складывалось — то ли киношники вечно ко мне приставали, то ли сам великий бог Маниту собственной персоной (известный покровитель волков, любивший принять волчье обличье и шастать по лесам) сыграл со мной такую шутку, но за те годы, что мне довелось прожить на свете, у меня перебивало уже четыре волка; некоторые жили по многу лет, а кое-кто живет и теперь.

Жить вместе с волком — это, конечно, не просто. Это значит на часок пораньше вскакивать с постели, размельчать лошадиные потроха, разрубать здоровенные кости, выметать и поливать клетки, играть в «салочки», гладить и рычать — словом, прежде чем приступить к своей служебной деятельности солидного делового человека, приходится каждый день поиграть в циркового дрессировщика или служителя зоопарка. Но потом уже, в течение всего рабочего дня, ведешь себя абсолютно степенно, и ничто не напоминает о твоей двойной жизни! Разве что какая-нибудь собака примется с особым интересом обнюхивать твою штанину...

Но любитель животных, содержащий у себя дома (все равно с какой целью) зверей, никогда не должен ограничиваться лишь получением удовольствия от общения с ними. Ведь если мы сами для себя загадка в этом мире, то еще загадочнее для нас

животные. Поэтому все, что нам удастся узнать о них — что думают и чувствуют эти наши братья меньшие, — поможет пролить хоть какой-то свет в кромешной тьме нашего раннего детства и детства всего человеческого рода вообще.

Вот я экспериментировал всегда со своим волком Чингисом, и мне даже удалось установить с ним новый научный рекорд «продолжительности памяти»: волк (без помощи обоняния) находил на другой день зарытое им самим накануне мясо. Но все же его волчья память оказалась короче памяти двух собак: те запоминали на полчаса, даже на целый час, под которой из трех мисок я прячу мясо, Чингис же путал миски уже спустя пятнадцать минут.

Значит, волки глупее своих потомков — собак? Становятся ли животные сообразительнее от одомашнивания? А что, если бы человеческий младенец из каменного века каким-то чудом очутился в современной детской коляске, а потом его стали бы в гимназии пичкать латынью, французским, алгеброй и естествознанием — что бы тогда выяснилось? Оказался бы он глупее своих цивилизованных собратьев? Ведь хорошая память — это отнюдь еще не доказательство ума. У человека, легко запоминающего телефонные номера всех своих знакомых, включая проходящую уборщицу, и надолго сохраняющего их в своей не слишком-то загруженной голове, может тем не менее оказаться гораздо меньше смекалки, чем у каждого из нас. Поэтому давайте попробуем подойти к конкурсу на большую смекалку — назовем его «Волк против собаки» — с другой меркой. Пока что счет 0 : 1. А теперь посмотрим, кто лучше и быстрее уловит взаимосвязь между вещами и быстрее сориентируется в обстановке.

Я привожу Инку, красивую темную матерую волчицу родом с Аляски, и запираю ее в клетку, стоящую в моем саду. Инка — животное противоречивое: то она приветлива и любезна, а то вдруг набросится на кого-нибудь и хочет его во что бы то ни стало разорвать на части. Меня, правда, она полюбила со второй нашей встречи и, по-видимому, навсегда. Мы, когда встречаемся, приветствуем друг друга обычно очень нежно.

Итак, я запираю темпераментную Инку в клетку, а сам беру шнур, привязываю один его конец снаружи к прутьям клетки, а другой оттягиваю подальше и прикрепляю к нему кусок мяса. Интересно, смекнет ли она, что к чему, и как поступит в такой ситуации? Догадается ли потянуть за шнур, чтобы втащить мясо в клетку? «Что за вопрос!» — воскликнет любой из вас. Но, помилуйте, бывали уже случаи, когда собаки умирали с голоду, но так и не могли додуматься до, казалось бы, такого простого решения подобной задачи.

Но только не Инка! К ней это никак не относится. Я еще завязываю узел, а она уже нетерпеливо скребет лапой, просунув ее меж прутьев клетки; потом она внезапно хватает шнур зубами, подтягивает «добычу» к самой решетке, а затем уже лапой подгребает ее к себе, вовнутрь. Спустя тридцать секунд после начала опыта — хап! И мяса как не бывало.

Пока я прилаживал к клетке пустой шнур, волчица не удаивала его даже взгляда. Следовательно, она не из озорства и желания поиграть со мной затыгивала его в клетку — нет: ее интересовало исключительно только мясо, привязанное на другом конце. Все снова и снова затыгивает она в клетку следующие приманки, которые я привязываю к шнуру. Но стоит мне захотеть подразнить ее и предложить ей пустой шнур, как она тут же презрительно отворачивается.

Теперь опыт усложняется. Вместо шнура в клетку всовываются две деревянные планки: одна — пустая, а на наружном конце другой заманчиво нанизан на гвоздь аппетитный кусок мяса. Не раздумывая Инка хватает зубами нужную планку, дергает и тянет за нее и добирается до мяса, несмотря на то что планка то и дело застревает и заклинивается меж прутьев решетки. Не буду долго распространяться на эту тему и скажу коротко: из тридцати четырех опытов Инка в двадцати двух случаях хваталась сразу же за нужную планку. А то, что она иногда обмишуривалась и тянула за пустую — ну, так это же надо знать Инку! С таким бурным темпераментом, суматошным характером это вообще не удивительно. Она рычит и ругается, и вообще никто, кроме меня, не имеет права вытащить пустые планки назад из клетки. А если кто и осмелится, то начинается бешеное состязание — кто перетянет, и человеку редко удается выйти из него победителем. Мы еще только нацепляем мясо на гвоздь, а Инка, вертясь возле самой решетки, уже всеми силами старается вырвать планку у нас из рук. Люди с таким нетерпеливым характером наверняка бы тоже ошибались в выборе нужной планки. Но тем не менее правильные решения явно преобладают над неверными: опыты показали, что волчица примерно в девяноста пяти процентах случаев явно улавливает ситуацию и действует весьма целенаправленно.

А вот как поступит Катя? Моя стройная, грациозная волчица Катя, которой разрешается лежать у меня в комнате, которая, словно воспитанная барышня, едет рядом со мной в трамвае, Катя, которая по отношению к людям, в особенности к детям, — нежный ангелочек, а к собакам и другим волкам — сущий дьявол. Как поступит она? Вот уже три четверти года как она у нас в доме, но держит себя со мной все еще так пугливо и подобо-

страстно, что можно подумать, что воспитывали ее с помощью побоев...

Катя поначалу не обращает ни малейшего внимания на мои планки с приманкой, несмотря на то что я позаботился о том, чтобы она была голодна и чтобы аппетит у нее был по-настоящему «волчий». Только когда я отхожу от клетки метров на двадцать, она начинает «работать». Иной раз мне приходится даже прятаться в укрытие или вовсе уходить домой и смотреть через полевой бинокль в окно. Ни разу Катя не ухватила за планку зубами, как это делали все другие волки. Она всегда роющими движениями передних лап затягивала ее к себе в клетку. Из пятидесяти четырех опытов Катя в тридцати четырех случаях избирала планку с наживкой. Из трех моих волков она оказалась самой внимательной. Как раз от этого робкого животного я меньше всего ожидал таких результатов. Это еще одно доказательство того, как легко можно ошибиться в оценке того или иного животного, руководствуясь лишь степенью его доверчивости или бойкости.

Липс же, этот трехлетний самец-производитель из Лейпцигского зоопарка, с его чудесными янтарными глазами и мощным лохматым черепом волка-вурдалака, а на самом деле с золотым сердцем добродушного старого морского котика, тот из сорока восьми проб в тридцати случаях делает правильный выбор, а в восемнадцати ошибается. «Работает» он как лапами, так и зубами. Случалось и так, что он стоял передними лапами на планке, а зубами тщетно старался оторвать ее от земли и втащить в клетку. Со стороны это выглядело предельно глупо. Но я не смеялся, потому что вовремя припомнил случай, как и сам однажды старался поднять ветку, на которую наступил ногой.

А теперь на очереди Фурба, ласковая и подхалимистая собачья «дамочка». И что же оказывается? Она побеждает всех моих красивых волков. Сначала Фурба делает вид, что даже не замечает всех моих приготовлений, несмотря на то что целый день перед этим постилась. Даже в тех случаях, когда разгрузочная диета продлевается на более длительный срок, она все равно садится с самым безразличным видом в угол клетки, и мне приходится разными уловками и уговорами ее подбадривать. Но начинает она всегда неизменно с того, что умильно «служит», исполняет испытанные «танцы» на задних лапах, с помощью которых привыкла выклянчивать подачки у гостей за столом, или садится и, сложив передние лапы вместе, энергично ими машет, что означает: «Дайте, дайте же, пожалуйста, собачке кусочек!» Но я умолим и не обращаю внимания на ее ужимки. Я даже поворачиваюсь и ухожу. И смотрите-ка, вдруг выясняется, что Фурба прекрасно знает, как это надо делать! Она принимается быстро

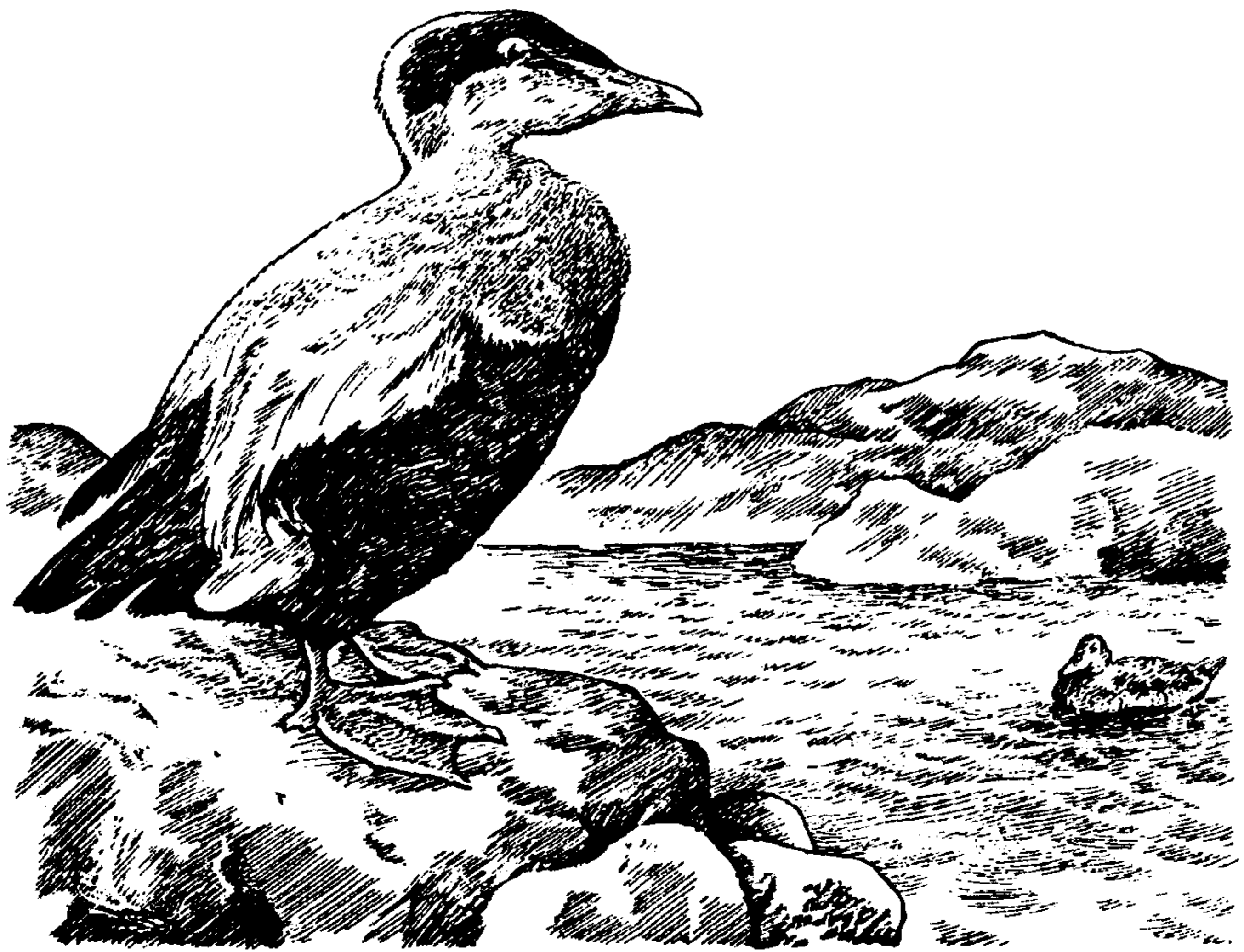
рыть передними лапами и затаскивает нужную планку в клетку. Работает она только лапами, зубы в ход не пускает, совсем как Катя.

А теперь пусть Вальдман, этот важный и степенный песик, который часто приходит к нам в гости, покажет, на что он способен. Вальдман — такса, причем длинношерстная. То, что память у него лучше волчьей, он уже доказал во время прежних своих посещений. А вот как с «сообразилкой»?

Но на сей раз Вальдман оскорблен. Как же я смею запира́ть его в клетку? Да еще такую, в которой так отвратительно пахнет волком! И невзирая на урчание голодного желудка, он горестно усаживается в угол, и никакие просьбы, никакая ругань не способны пробить его толстокожее упрямство таксы: нет, не просите, ничего мне от вас не нужно! На приманку он даже не смотрит. Он ее просто не видит! Но когда я отпираю дверцу, он спокойненько обегает вокруг клетки, бросается прямехонько к куску мяса, хватает его зубами и горделиво трусит с ним к дому: и не подумайте даже, что я стану есть его в вашей мерзкой клетке! Вот так.

Ну да. Мы ведь и без тебя, Вальдман, знаем, что этот раунд в конкурсе «Волчья смекалка против собачьей» волки давно проиграли. Недаром на одно неправильное решение у волков приходится 1,81 правильных, а у собак — 2,13.

Глава двадцать вторая

ГАГИ — ОБИТАТЕЛИ СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ

В магазинчике напротив ратуши в Копенгагене я увидел однажды одеяла и душегрейки, выглядевшие так, словно бы они изготовлены из тончайшего и мягчайшего меха. Но стоило взять их в руки, и они оказывались совершенно невесомыми, воздушными, как пух. Они и были из пуха — настоящего гагачьего пуха.

Я должен сказать, что есть вещи, названия которых весьма обыденны, о которых мы с легкостью привыкли говорить; упоминаются они постоянно и в различных общеизвестных историях и сказках, а на самом деле мы даже не знаем, как они, собственно говоря, выглядят. Вот взять, к примеру, амбру или мускус. Они всегда фигурируют в числе «арабских» или «персидских» благовоний, однако запах их большинству людей совершенно незнаком. То же относится и к гагачьему пуху. Всем вроде бы известно, что, утопая в перинах из этого пуха, «принцесса на горошине» не могла уснуть, все мы знаем, что это нечто самое мягчайшее. Но в руках держать его приходилось немногим. Поэтому я, не раздумывая долго, решил тут же приобрести себе кофегрейку — стеганый колпак на гагачьем пуху. Кофейник под ним совершенно не остывает, так что даже опоздавший гость, пришедший самым последним, воображает, будто кофе только что заварен специально к его приходу...

А когда уже становишься обладателем подобной замечательной кофегрейки, то сам собой напрашивается вопрос: а как,

собственно говоря, выглядит такая гага? Ведь увидеть живую гагу вовсе не так легко и просто, несмотря на то что в северных областях земного шара их не так уж и мало — наверное, несколько миллионов. Гнездится гага на побережье Англии, а также на островах Зилт, Борнхольм и Фюн и в некоторых других местах.

Однако в зоопарках их редко увидишь. Еще у Брема можно прочесть: «Здесь они регулярно погибают в середине лета, обычно в начале линьки. На размножение в неволе надеяться не приходится».

Но подобный укоренившийся взгляд на многих животных за последнее время совершенно изменился. А изменило его любовное и заботливое отношение к ним работников зоопарков. Так, в довоенном Берлинском зоопарке на пруду, рядом с павильоном Аквариума, годами жили гаги. И не только жили, но и приносили потомство. Правда, им повезло в том смысле, что непосредственно рядом с ними, на втором этаже здания Аквариума, жил в то время самый известный немецкий орнитолог Оскар Хайнрот, который их ежедневно собственноручно кормил. И хотя на воле гаги питаются в основном продуктами моря вроде мидий, морских звезд и мелких крабов, здесь они довольствовались хлебом, печеньем и мелко нарезанной рыбой. Но зато и голова у этих уток через несколько лет совершенно изменила свою форму. Дело в том, что у гаги, как и у всех других морских птиц, над глазами расположены огромные носовые железы, выделения которых предохраняют слизистую от раздражения, вызываемого соленой морской водой. При содержании птиц в пресной воде эти носовые железы постепенно уменьшаются в размере и в конце концов становятся совсем незаметными.

Для добывания мидий со дна морского гаги способны заныривать на глубину до ста восьмидесяти метров (по утверждению орнитолога Фейльдена). Но мне кажется, что тут кроется какая-то ошибка, происшедшая из-за недостаточно точного опыта, потому что английский ученый Девар, наблюдавший за их нырянием не менее трехсот раз, утверждает, что под водой гаги оставались, как правило, не больше полминуты и никогда не заныривали глубже чем на пять метров.

Возле Гренландии гаги столь многочисленны, что на особенно кормных местах буквально покрывают море на многие квадратные километры. Но на ее несчастье, человеку понравился не только прекрасный теплый пух, но и вкусные яйца. Именно поэтому жители многих северных побережий, например некоторых районов Гренландии, устраивают прямо-таки настоящие погромы в гагачьих гнездовых колониях. Однажды за один только год из Южной Гренландии было вывезено свыше двух тысяч килограммов гагачьего пуха; килограмм такого пуха даже далеко на Севере

стоит порядочных денег. Приступая к откладке яиц, гага безжалостно выщипывает у себя с брюшка огромную кучу пуха. Чтобы добыть один килограмм этого легчайшего пуха, надо разорить двадцать четыре гнезда. Следовательно, для того чтобы вывезти две тысячи килограммов гагачьего пуха, нужно было обокрасть сто тысяч гаг, лишить их гнезд — естественного утеплителя, а зачастую заодно и яиц!

Покидая на время гнездо, гага заботливо прикрывает кладку своим легчайшим теплым пухом. Счастье еще, что этот так называемый «живой пух», который утки сами у себя выщипывают, стоит значительно дороже пропитанного жиром «мертвого», то есть взятого от застреленных птиц.

Если собрать весь пух с гагачьего гнезда и сжать, то он уместится в кулаке, а если руку снова разжать, он тут же расправится и займет свой прежний объем.

Когда гагу вспугивают с гнезда, она, прежде чем улететь, постарается забрызгать кладку своим дурно пахнущим пометом. Профессор Леден, проживший долгие годы среди эскимосов, рассказывает, что и он, и его провожатые во время сбора пуха из гнезд получали от возмущенных птиц еще и дополнительные заряды подобного сорта на голову. Что касается эскимосов, то те не больно-то из-за этого расстраивались: просто срывали пучок травы и хладнокровно вытирали им себя и добытые яйца. Не отказывались они, между прочим, и от насиженных яиц: с удовольствием варили цыпленка прямо в скорлупе и съедали.

В тех местах, где гагу грабили и убивали столь хищническим и бездумным образом, жители вскоре стали замечать по собственному пустому кошельку, что они губят и теряют свою постоянную статью дохода. Там, где гнездились десятки тысяч гаг, оставались теперь лишь сотни (например, на Шпицбергене). Поэтому в последнее время для этих уток стали создавать искусственные гнездовья, вернее, удобные для этого условия: на прибрежных песках расставляют старые деревянные ящики или кладут на камни доски, на которых птицам удобно размещать свои гнезда. Там, где их опекают подобным образом, гаги становятся иногда почти ручными. Некоторые из них даже не сходят с кладки, когда к ним подходишь вплотную: они лишь прижимают голову к гнезду и слегка распластывают крылья.

Когда места гнездовий расположены далеко от моря, вылупившимся из яиц утятам всегда грозит опасность стать добычей хищных чаек во время своего марафона к спасительной воде. Нередко в подобных случаях озабоченный хозяин участка с гнездами складывает утят в корзину и несет всю эту щебечущую компанию к морю, а следом за ним поспешно ковыляет пере-

пуганная мамаша-гага. Но и там, в море, утят зачастую настигают большие морские чайки; когда им удастся схватить одного из малышей, они разбивают его о камень и заглатывают со всеми потрохами и перьями. Гаги выработали у себя нечто вроде коллективной обороны против этих дерзких разбойников. Как только большие морские чайки начинают планировать над молодняком, взрослые гаги — как утки, так и селезни — поскорее сбиваются на воде в тесную кучу, пряча меж собой утят так, что их практически становится не видно. Сами же взрослые гаги вытягивают шеи навстречу пикирующему агрессору, шипят, поднимают фонтаны брызг, а иногда вцепляются клювами в оперенье разбойника, да так крепко, что тому стоит немало труда вырваться и взмыть в воздух.

Относительно верности селезней своим «женам» не поручусь — нет, этого никак утверждать нельзя. Приходилось наблюдать, как один такой селезень в течение сорока минут справлял свадьбу с тремя молодыми уточками подряд. Разумеется, при таких условиях самкам приходится высидывать яйца в гордом одиночестве, без помощи самца. Однако материнская любовь не делает уточек ревнивыми по отношению друг к другу. Часто можно увидеть, как несколько самок совместно обихаживают целую группу утят. Нередко несколько выводков, принадлежащих разным самкам, объединяются вместе и пасутся под присмотром двух-трех «нянь». Так, приходилось видеть трех уток с восемнадцатью утятами. Когда слишком много деток бывает разворовано, осиротевшие мамы стараются примкнуть к чужому семейству. Случалось, что шестерых утят опекало одновременно тринадцать заботливых мамаш! По всей вероятности, подобный способ коллективного выращивания детей и есть единственная возможность вырастить хоть сколько-нибудь потомства, когда поблизости обитает множество хищных чаек.

На одном из островов в Балтийском море в 1906 году приступил к работе новый служитель маяка — Артур Тоом. Он был страстным любителем птиц. К сожалению, к этому времени все гагачьи колонии на острове и близлежащих рифах были уже полностью разрушены, и гагачьих гнезд там почти не осталось. Служитель маяка решил спасти положение. Вороватых ворон ему удалось отпугнуть натянутыми вокруг гагачьих гнезд яркими разноцветными нитками. Но благодаря этим ниткам гнезда с легкостью находили деревенские ребяташки. Однажды Артур Тоом стал свидетелем такой сцены: маленький мальчишка, обнаружив в гнезде вместо желаемых яиц уже вылупившихся утят, впал в дикое неистовство, схватил камень и размозжил головы всему несчастному выводку. В этот момент Тоому стало ясно, что начинать надо не с птиц, а с людей. Он принялся разъяснять и убеждать, и по прошествии тридцати лет, которые он проработал

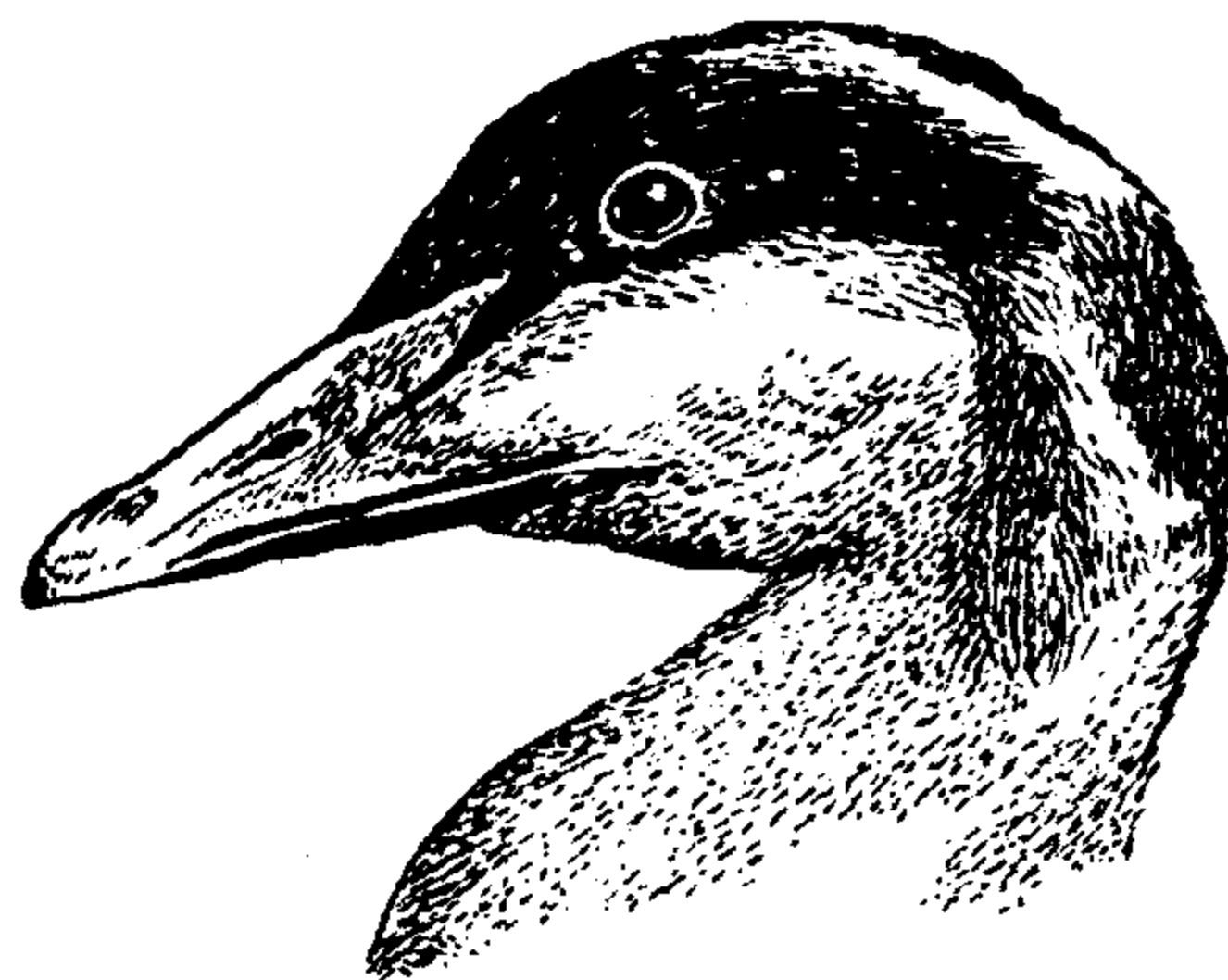
на маяке, ситуация заметно изменилась. Вместо двух гагачьих гнезд, оставшихся к моменту его поступления на службу, их стало уже шестьсот пятьдесят.

Герберт Эке посвятил этому никому не известному служителю маяка, живущему на затерянном в Балтийском море скалистом островке, маленькую книжицу, заслуженно увековечив память об этом достойном человеке.

Гаги — это утки, а никак не «гагачьи гуси», как их некоторые называют за их величину. «Крупная утка еще отнюдь не гусь», — говорит по этому поводу Хайнрот. На фоне невзрачных сереньких самок самцы особенно выделяются своим роскошным, ярким оперением: грудь у них розовая, резко очерченное черное брюшко, белая спинка, нежно-зеленый затылок и переливчатое темно-синее оперение лба. Видимо, из-за своей слишком бросающейся в глаза внешности селезни гораздо пугливее уток и при появлении человека поскорее уплывают подальше в море. Самочки же бывают порой весьма доверчивы, а то даже и просто любопытны.

Так, Пауль Рутке рассказывает, что во время своего путешествия по Северному Ледовитому океану они как-то шли вдоль берега одного скалистого островка. Вскоре они заметили, что целая группа гаг с явным интересом сопровождает их, плывя вдоль самой кромки воды. Сопровождающий эскорт становился все многочисленнее по мере того, как люди шли дальше, все новые и новые любопытные утки присоединялись к «свите», и под конец рядом с ними плыла уже целая стая. То и дело раздавались крики уток, что указывало на возбужденное состояние пернатых. Когда люди устроили привал и уселись на берегу, утки вышли из воды и, переминаясь с ноги на ногу, с совсем близкого расстояния разглядывали удивительных незнакомцев с явным интересом. То, что именно появление людей так заинтересовало и взбудоражило этих птиц, подтвердил и тот факт, что, когда путешественники повернули назад, утки тоже поплыли в обратном направлении.

Ничем, кроме любопытства, подобное поведение объяснить невозможно.

Глава двадцать третья

ПРО БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

Представьте себе на минуточку, что вы дрессировщик диких зверей и вам поручено выбрать себе из двадцати четырех молодых белых медведей группу для того, чтобы выступить с нею в цирке. Я не имею в данном случае в виду вашу естественную озабоченность — как бы они на вас не набросились и не растерзали. Сейчас речь пойдет о других трудностях вашего положения, о которых обычно даже не думаешь, находясь в качестве зрителя по ту сторону клетки: как различить двадцать четыре белых медведя меж собой — все белоснежные, у всех черные носы, четыре ноги, два круглых уха...

Между прочим, если вам придется иметь дело с террариумом, в котором живут двадцать четыре белые мыши, то вы окажетесь перед той же проблемой. Надо целыми неделями, даже месяцами ежедневно общаться с этими животными, чтобы научиться различать их по каким-то неуловимым отличительным признакам, каким-то персональным свойствам характера.

А вот директор цирка, по фамилии Клудский, сильно сократил время, необходимое для ознакомления с животными, причем весьма простым и элементарным способом. Он взял малярную кисть на длинной палке и, окуная ее в различную краску, просовывал сквозь прутья решетки и ставил медведям на спину синие, красные, зеленые или желтые кляксы. При этом он отмечал

у себя в блокноте: красная спереди — Пауль, желтая сзади — Неро, желтая сбоку — Калигула и т. д. Таким образом, и самим животным легче привыкнуть к своим кличкам.

Вторая сложность появится с наступлением брачного периода, когда молодые медведи подрастут. Приходится он у белых медведей, так же как и у бурых, на май. Тогда в группе дрессированных медведей могут начаться не только кровопролитные бои самцов между собой, но и нападения на своего укротителя; случается, что даже со смертельным исходом. Именно поэтому в каждой группе дрессированных медведей самцы всегда выступают лишь на ролях статистов. Они сидят по краям манежа на своих тумбах и в лучшем случае под конец номера вместе со всеми остальными съезжают вниз с деревянной горки. Не более того. А все сложные номера программы исполняют только медвежьи «барышни». Так что при наступлении брачного периода, когда медведей-самцов держат запертыми в их клетках и к работе на манеже не допускают, номер все равно не срывается, потому что все исполнители главных ролей на месте.

А вот интересно, как у белых медведей с их длинной, густой шерстью вообще узнают, кто из них самец, а кто самка? Для этого есть старый испытанный прием: подростковому медведю протягивают на палке кусок мяса так, чтобы он поднялся на задние лапы. У кого чисто-белый живот, тот «барышня», а у кого на десять сантиметров ниже того места, где у нас пупок, шерсть окрашена мочой и имеет слегка желтоватый цвет, тот «паренек».

Из-за хищнического истребления в прошлом это животное из многих северных полярных областей безвозвратно исчезло. В Антарктике же белых медведей, как известно, нет.

Первой из стран, взявших белого медведя под охрану, был Советский Союз. Позже этому примеру последовали и другие страны, граничащие с северной полярной областью.

Кинорежиссер Лени Рифеншталь рассказывала мне, с какими трудностями ей пришлось столкнуться, когда она около двадцати лет назад снимала в Гренландии фильм «SOS — айсберг». Согласно сценарию, в фильме имелся эпизод с белым медведем, а они водились только в самых отдаленных и недоступных районах Гренландии, куда киногруппе было не добраться; да и подкрадываться к этим зверям, чтобы заснять их на киноплёнку, дело отнюдь не простое. Поэтому было решено взять с собой на пароход, зафрахтованный компанией «Метро Голдвин», двух полуручных белых медведей из одного немецкого зоопарка.

Киношники разбили свои палатки в более обжитой части Гренландии, возле стойбища эскимосов. Там они отгородили скалистую бухточку от моря стальной сеткой, возвышавшейся

над водой на два метра и обвитой сверху колючей проволокой; внизу сетка была загнута и крепко-накрепко прижата ко дну громадными каменными глыбами. Потом в бухточку погрузили транспортные клетки, подняли задвижки и выпустили обоих медведей на свободу. Они принялись плавать по бухте, попытались вскарабкаться по стальной сетке наверх, но, наткнувшись на колючую проволоку, отказались от своего намерения, нырнули на дно, играючи приподняли головами край сетки, прижатый каменными глыбами, и... очутились на свободе.

Положение стало щекотливым. Будь это дикие медведи, они бы тут же уплыли куда-нибудь подальше, потому что боятся человека. Но зоопарковские медведи давно позабыли страх перед человеком, а от постоянного соседства с нами стали отнюдь не менее агрессивными. В любой момент кто-нибудь из них мог возникнуть в лагере и захотеть забраться в палатку!

Из эскимосов никто уже и понятия не имел, как охотиться на белых медведей,— они их никогда не видели. Кроме одного семидесятилетнего мужчины. Тот сел в свой каяк и, подплыв на нем к медведям, стал отгонять их от берега веслом. Так он и гнал их перед собой не спеша, словно бы пас уток. Известно, что в воде медведи, как правило, не нападают и ведут себя значительно сговорчивее, чем на суше. Старому эскимосу действительно удалось подогнать медведей к бухте, где они без всякого сопротивления снова поднырнули под сетку тем же способом, каким прежде из-под нее выбрались. Но, к сожалению, вопрос этим не был решен и опасность не миновала, потому что все (включая медведей) теперь знали, как просто и удобно можно выбраться из заточения. Не давали они себя и заманить куском мяса в свои транспортные клетки: каждый раз оставляли одну из задних лап снаружи и быстро отскакивали, как только задвижка начинала опускаться. Старый эскимос посоветовал применить мед. И действительно, именно эта тривиальная медвежья приманка, знакомая нам в основном по детским сказкам, помогла: благодаря меду удалось заманить и запереть обоих медведей в клетки.

Затем их погрузили на пароход, вывезли в открытое море, выпустили там на льдину и отсняли чудесные кадры, освещенные ярким полярным солнцем. Но после этого медведи слезли с льдины в воду и поплыли прямехонько назад, к лагерю киногруппы.

Летчик Удет, виртуозный исполнитель фигур высшего пилотажа, зарабатывавший в то время свой хлеб участием в съемках разных фильмов, пытался задержать беглецов, преграждая им путь на моторной лодке. Но все напрасно: медведи не давали сбить себя с курса. Все же на подступах к берегу кинодеятелям

удалось заманить их снова на льдину, бросив туда несколько огромных кусков конины.

Молодого легкомысленного актера уговорили облачиться в эскимосскую одежду и с копьем в руках подкрасться к пожирающим мясо медведям. Ведь киносценарии зачастую предписывают снимать такие головокружительные трюки, которые стоило бы разочек предложить исполнить самим авторам сценария!..

Итак, пока медведи разрывали мясо, новоявленный «эскимос» размахнулся и с близкого расстояния бросил в одного из них копье. И, представьте, попал ему в бок! Но, ко всеобщему недоумению, медведь не дал помешать своей трапезе. Он только обернулся, выдернул зубами копье,лизал немного рану и снова принялся за свою еду.

Этим «геройским поступком» и закончились съемки «эпизода с медведями». Удет, будучи прекрасным снайпером, пристрелил обоих зверей на месте. Таково было предписание датского правительства. Оно не разрешило отпустить медведей после съемок на волю, опасаясь, что такие полуручные животные представят слишком большую опасность для эскимосов.

Но самое неприятное ожидало съемочную группу впереди. Каким-то образом в прессу просочилось, что для съемок этого фильма были использованы медведи из зоопарка. И публика вообразила, что их чуть ли не на поводке привели на съемочную площадку и посадили перед кинокамерой. Во время просмотра фильма в Гамбурге в зале каждый раз раздавались взрывы веселого смеха, как только на экране появлялись медведи. А ведь на самом-то деле отснятые эпизоды представляли для их участников немалую опасность.

Мой знакомый датчанин Альвин Педерсен, будучи исследователем Арктики, провел не одну зимовку в суровых условиях Заполярья. Он рассказал мне, как однажды по милости одного белого медведя чуть не утонул. А дело было так. Он как-то раз подкрался по льду поближе к этому огромному зверю и только поднял ружье, чтобы получше прицелиться, как вдруг медведь начал вести себя словно безумный: он прыгал из стороны в сторону, изо всей силы сотрясая лед. И только в тот момент, когда льдина треснула и начала разламываться, Педерсен понял, чем ему это угрожает! Он очутился по пояс в воде и стал судорожно карабкаться на льдину, затем лег на нее и пополз на четвереньках. Потом ему пришлось совместно со своими собаками проплыть еще некоторое расстояние в ледяной воде, чтобы попасть на твердый припай. Забраться на него было делом отнюдь не легким, потому что края льда все время обламывались и крошились. К счастью, случилось все это недалеко от его палатки, и Педерсену удалось быстро сбросить с себя свою мокрую одежду и залезть

в спальный мешок, иначе он на тридцатиградусном морозе наверняка отморозил бы себе руки и ноги.

Как и всем полярным исследователям, Педерсену белые медведи часто досаждали своим любопытством и прожорливостью. Так, не было ни одного склада, ни одного домика, как бы крепко они ни были сколочены и укреплены камнями, которых бы медведи не взломали в поисках съестного.

Между прочим, я раньше считал, что качание головой из стороны в сторону, характерное для белых медведей,— привычка, выработанная в условиях неволи. И мне было весьма интересно узнать от Педерсена, что такая привычка свойственна и живущим на воле белым медведям.

В безлюдной местности медведь не знает врагов и поэтому спит совершенно богатырским, безмятежным сном. Педерсену не раз приходилось будить их окриками. У застреленных летом медведей в желудке находили одну лишь траву. Наши зоопарковские медведи ведь тоже охотно принимают зеленый корм и всякую растительную пищу.

Казалось бы, что именно белым медведям больше всего по вкусу холода, лед и снег, что именно в ледовых условиях они чувствуют себя привольно. Однако выяснилось, что они довольно быстро перестраиваются и приспосабливаются к иному климату. Во многих зоопарках уже замечали, что летом белые медведи купаются с большой охотой, а зимой заходят в холодную воду редко, а то и вовсе не хотят заходить. Что касается белых медвежат, то они чуть ли не самые теплолюбивые среди всех пород медведей. Объясняется это, по-видимому, тем, что свое потомство медведицы приносят в так называемых «родильных домах» — глубоких снежных берлогах. А снежные стены, как известно, отлично сохраняют тепло: недаром эскимосы в своих иглу, этих снежных домиков, бегают почти нагишом. Так что огромная медведица в состоянии своим теплом хорошо отапливать подобную небольшую берлогу.

Может быть, именно по этой причине белые медведи, в отличие от других медведей, не приносят в неволе потомства? Ведь бурые или гималайские медведи делают это регулярно каждый год. Тем не менее исключения не так уж невероятно редки, как это расписывали газеты, когда в Лондонском зоопарке впервые за всю историю его существования появился на свет белый медвежонок по кличке Брумас. Было это в сороковых годах, и надо сказать, что в то же самое время в Нюрнбергском зоопарке уже воспитывалась двойня белых медвежат, родившихся в неволе. Кстати, лондонская медведица, произведшая на свет медвежонка, и сама тоже происходила из Нюрнбергского зоопарка, где была конфискована после войны и вывезена из Ганновера в Лондон.

За короткий отрезок времени, с 1948 по 1951 год, в Нюрнбергском зоопарке увидели свет двадцать четыре белых медвежонка, значительную часть которых моему коллеге доктору Альфреду Зайтцу благополучно удалось вырастить.

Столь успешное «производство белых медвежат в условиях неволи» по-настоящему наладилось там благодаря счастливой случайности самым неожиданным и странным образом. Во время бури повалило дерево, и оно легло через ров, отгораживающий «горку белых медведей» от публики. Один из двух самцов этой группы перебрался по нему наружу, и его пришлось пристрелить. И после этого наладилось спокойное размножение белых медведей, потому что прежде самцы без конца боролись, мешая друг другу во время спаривания.

В давно уже не существующем Штутгартском зоопарке еще в семидесятых годах прошлого века неоднократно скрещивали белого медведя с бурой медведицей. Потомки их не раз экспонировались в том же Лондонском зоопарке.

А Пражскому зоологическому саду удалось вырастить осиротевшего белого медвежонка на коровьем молоке; это был действительно необычный успех! Несколько позже то же самое проделали супруги Фаусты, работающие во Франкфуртском зоопарке.

Белые медведи в зоопарках могут стать иногда опасными благодаря своему умению высоко выпрыгивать из воды, точно так, как это делают, например, тюлени. Плавая во рву, наполненном водой и отгороженном от посетителей каменной балюстрадой, они могут внезапно взвиться кверху и на какое-то мгновение очутиться в опасной близости от обступившей ров публики. Так именно и случилось недавно в Базельском зоопарке, где медведь тяжело ранил перевесившегося через балюстраду ребенка.

У нас, во Франкфуртском зоопарке, полгода назад молодая девушка-самоубийца прыгнула в ров к белым медведям, где они ее и убили.

Тем удивительнее выглядит событие, о котором рассказывает уже упоминавшийся здесь директор цирка и дрессировщик белых медведей Клудский. Случилось это во время его гастролей в Италии. Какой-то итальянец, по профессии парикмахер, заявился к нему в цирк и грозил пожаловаться куда следует, что за животными явно плохой уход, что у кенгуру недостаточно много сена в клетке, что у белых медведей желтая и грязная шкура и тому подобное. В заключение он предложил свои услуги в качестве служителя. Желая избежать скандала, Клудский скрепя сердце согласился, но в шутку ему сказал:

— Ну что ж, берите завтра утром ведро, мыло и щетку и продемонстрируйте на большом белом медведе свои парикмахерские способности!

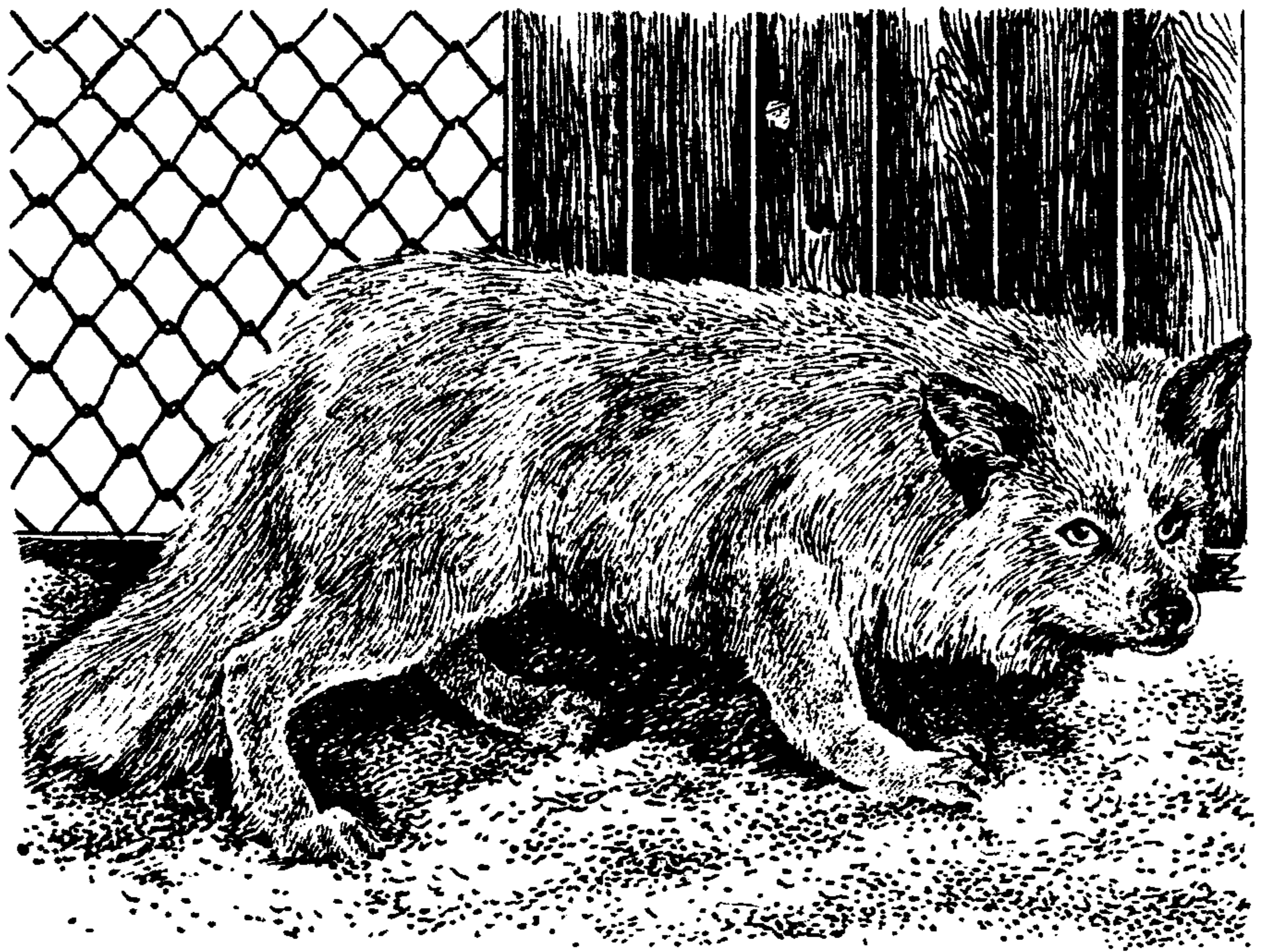
Как же он был на смерть перепуган, когда рано утром прибежал запыхавшийся конюх и сообщил, что новичок на самом деле залез в отделение к огромным злобным медведям и там «шурует»!

Полцирка собралось вокруг клетки и, не веря глазам своим, наблюдало, как парикмахер, в спокойствии душевном, намыливает и трет щеткой белого медведя. Он и не подумал выйти, несмотря на все увещевания, пока не довел своей работы до конца. Клюдский с удовольствием сделал бы из него дрессировщика, но парикмахер наотрез отказался уехать вместе с цирком из своей родной Италии.

По схожим причинам рухнул удивительный план, задуманный знаменитым исследователем Арктики Роальдом Амундсенем. Он решил использовать белых медведей вместо ездовых собак. С этой целью он раздобыл у Гагенбека двадцать молодых белых медведей и поручил дрессировщику Ройбену Кастангу выдрессировать их так, чтобы они ходили в упряжке, чего и удалось добиться после девятинедельных тренировок. Однако Кастанг ни за что не соглашался принять участие в опасной научно-исследовательской экспедиции на Дальний Север. А поскольку животные кому-нибудь другому, возможно, не стали бы подчиняться, пришлось отказаться от всей затеи и ограничиться показом группы «ездовых медведей» в цирке.

Между прочим, с белыми медведями мы, европейцы, знакомы довольно давно. В 880 году один норвежец в Северной Исландии изловил медведицу с двумя медвежатами, которых прибило к берегу на льдине. Он преподнес медведей в качестве ценного подарка норвежскому королю Геральду Гарфагару, который тоже не поскупился и подарил ему за это небольшое судно, груженное лесом. В 1056 году епископ Исландии подарил немецкому императору Генриху III живого белого медведя; а в 1250 году арабский летописец сообщает о том, что арабские торговцы, добравшиеся в те времена в поисках пушных товаров до Русского Севера, не раз привозили в Египет огромные белые шкуры.

Глава двадцать четвертая
НОРВЕЖСКАЯ СЕНСАЦИЯ

В апреле 1933 года у норвежского зверовода по фамилии Эвертсон, разводившего у себя на пушной ферме черно-бурых лис, появился на свет оригинальный лисенок, абсолютно не отвечающий мировым стандартам этой породы. Рядом со своими солидными, элегантными серебристо-бурыми родителями он выглядел легкомысленно пестрым: мордочка белая, светлые «сапожки» на всех четырех лапах, белый кончик хвоста и широкое светлое жабо вокруг шеи. Заметив нестандартного лисенка, владелец мог бы, покачав головой, тут же отбраковать его, то есть вынести ему смертный приговор. Ведь все, что не обладает прекрасным черным мехом с белыми кончиками ворсинок, присущим черно-бурым лисам, должно безжалостно выбраковываться. Все равно зимой на очередном пушном аукционе такая шкурка не принесет желаемого барыша: пойдет по цене обычных рыжих лис. А уж для последующего разведения подобные пегие экземпляры и вовсе не пригодны.

Однако господин Эвертсон не стал убивать пестрого уродца, а даровал ему жизнь и даже нарек кличкой Монс. А про себя сказал: «Там, где харчуются сотни лис, и для тебя, бедолага, уж так и быть, пара рыб найдется».

Надо сказать, что эта «пара рыб» вполне окупилась. Уже несколько недель спустя на ферму явился один из известнейших

звероводов Норвегии, некто Кяйер, который, увидев белонóсого оригинала, не торгуясь заплатил за него четыреста марок. Это было больше, чем стоила прекрасная «настоящая» черно-бурая лисица, и тем не менее Эвертсон впоследствии еще не раз сокрушался, что отдал его. Ведь Монс стал родоначальником всех платиновых лис на Земле, основателем «платиновой конъюнктуры», бешеной «платиновой спекуляции». Некоторых людей Монс сказочно обогатил, а его дети, наверное, кое-кого и разорили...

Но поначалу Монса «женили» на самой обычной черно-бурой лисице в ее исконном наряде. Его новый владелец исходил из того соображения, что уже не одна порода домашних животных была создана именно таким образом: кому-то захотелось сохранить непохожего на всех остальных уродца, а затем уж от него пошла новая, оригинальная линия. Так, черно-бурых лис с некоторых пор уже можно считать одомашненными животными. Но среди их потомства не раз возникали отклонения от нормы, которые пора бы уже признать за новую породу. И владелец оказался прав: черная супруга Монса осчастливила его основательным количеством деток, и все были в светлых папиных сюртучках.

Такие же «платиновые» отклонения от нормы возникали уже не раз и в Канаде, и в США, но там они, по-видимому, не нашли себе подходящего «антрепренера». Монс же в Норвегии попал в самую точку и был воспринят с полным восторгом. Дело в том, что в Норвегии в те годы точно из-под земли выросло множество пушных ферм, специализирующихся исключительно на черно-бурых лисах. И доходы, которые эти красивые шкурки приносили вначале на мировом рынке, стали понемногу, самым неприятным образом, ползти вниз... А этот новый, мерцающий платиновым блеском мех, безусловно, сможет затмить любую американскую, канадскую и русскую конкуренцию!

У Монса появлялись все новые и новые внуки. Начался настоящий «платиновый бум». За каждого детеныша Монса платили по восемь тысяч марок. Когда какой-нибудь зверовод привозил свою черно-бурую лисицу на случку к платиновому самцу, то это удовольствие стоило ни много ни мало три тысячи шестьсот марок!

Уже в ноябре 1939 года на выставке лис в маленьком городе Шиен, близ Осло, было выставлено сто восемьдесят платиновых лис. Пятнадцать самых лучших самцов было продано по пятнадцать тысяч марок за штуку. А на первой Международной выставке платиновых лис, состоявшейся в Осло, Монса чествовали так, как не снилось ни одному лису в мире.

«Перед публикой, обступившей клетки, в которых экспонируются его триста десять потомков,— писала тогда одна газета,— Монс предстал во всем блеске своей славы. Клетка его была высоко приподнята над другими для более удобного обозрения. У ног его в тесных клетках сидели, сжавшись в комок, две обычные черно-бурые лисицы — представители рода, из которого произошел Монс. Сам же он гордо и независимо взирал со своих высот на бесчисленное множество почитателей, шумно восторгавшихся его отливающим платиной, шелковистым прекрасным мехом».

К 1939 году в Норвегии насчитывалось уже 4100 платиновых лис, от которых в 1940 году рассчитывали получить тридцать тысяч лисят, а еще через год каждую норвежскую черно-бурую лисицу мог бы покрыть платиновый самец. Если бы в это время не началась война...

Но это потом. А поначалу «мягкая платина» оборачивалась «твердым золотом». На одной из ведущих лисьих ферм в провинции Хедмарк оборотный капитал увеличился более чем на миллион марок. Владелица другой фермы, которой «платина» принесла доход в двести шестьдесят тысяч крон, вынуждена была заплатить ровно 114 300 крон в качестве налога с оборота! Какое уж тут значение мог иметь тот факт, что среди платиновых детенышей смертность всегда была несколько выше, чем у обычных черно-бурых лисят, даже в одном и том же помете.

И тем не менее звероводы уже почувствовали какую-то неясную тревогу, слегка омрачавшую этот столь блистательный новый бизнес. Ведь мир хотел иметь самцов платиновых лис, чтобы получить возможность покрывать ими как можно больше черно-бурых самок и получать в результате этого целую кучу платиновых лисят. За самками платиновых лис никто особенно не гонялся.

А как обстояло дело со шкурками? Они-то хоть приносили столько же тысячемарочных купюр, сколько дорогостоящие самцы-производители? Ведь должен же был когда-то настать момент, когда придется продавать меха, а не только живых зверей для разведения! Когда таможня в Хапаранде пустила с аукциона десять шкурок платиновых лис, конфискованных ею при попытке контрабандного провоза, то они пошли по цене в среднем всего лишь в двести пятьдесят марок... В то же время в Нью-Йорке один из шикарнейших торговых домов по продаже готового платья заплатил на аукционе за наилучший платиновый мех 27 500 марок! Владельцы пушных ферм снова легко вздохнули. Но вскоре стало известно, что на том же пушном аукционе все остальные шкурки платиновых лис пошли в среднем всего лишь по 1500 марок.

Ведь такие вот единичные «суперцены» встречаются только в США. Покупатель сам взвинчивает цену елико возможно. Двадцать восемь тысяч марок за одну шкурку — это сенсация, которая пройдет по страницам всех газет, это замечательная реклама для фирмы, которая покупает подобные «люксовые меха» и пришивает их на свои пальто! А в самом Осло вскоре после этого события можно было купить те же шкурки по триста—четыреста марок...

Но если уж бизнесу не суждено навеки сохраниться, то пусть хоть он *подольше* продержится, подумали норвежские звероводы. Ни одного потомка Монса не выпускать через границу!

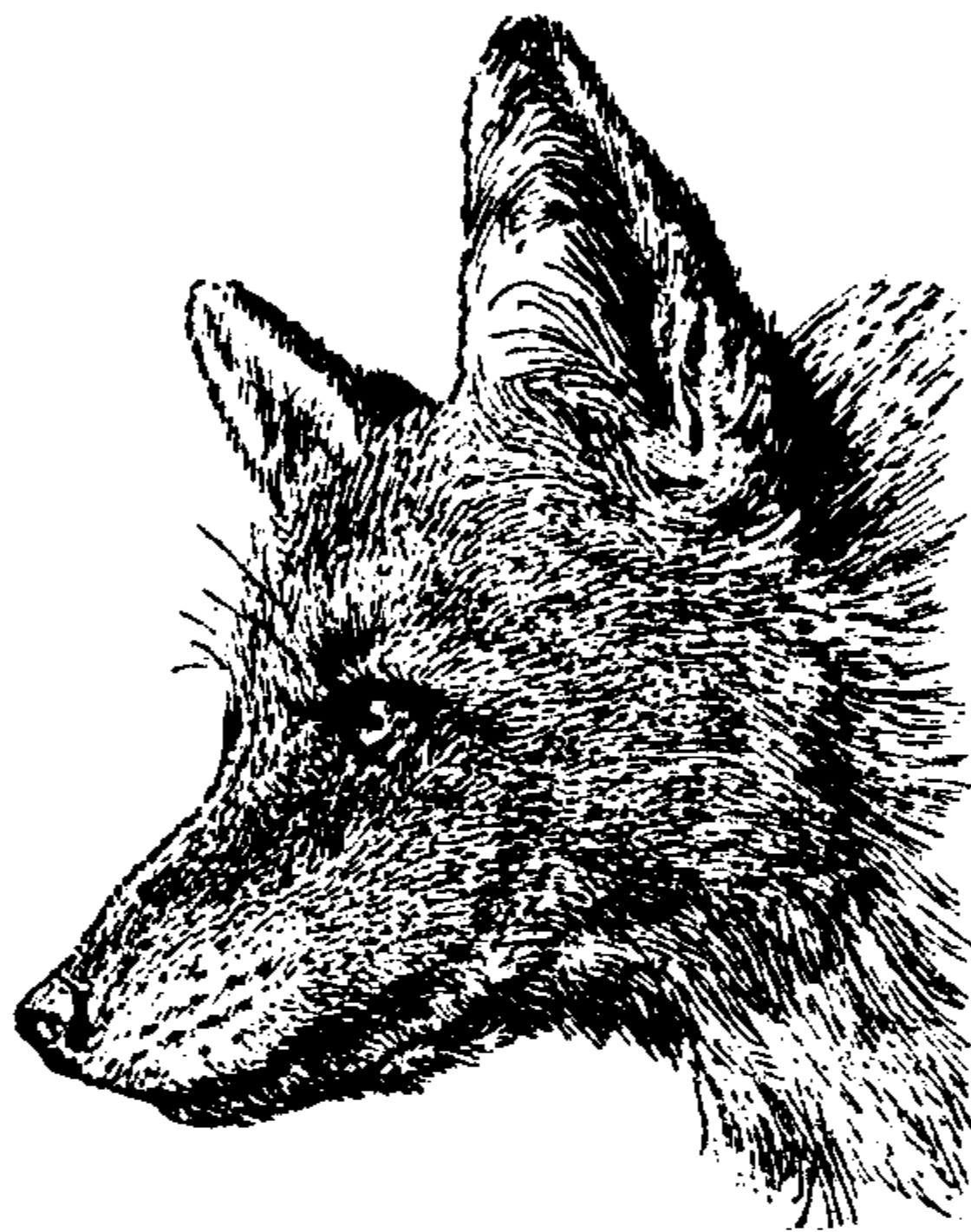
Но еще ни одной стране за всю историю человечества не удавалось сохранить для себя монополию на какой-нибудь вид животных и растений. Потому что ведь даже самая небольшая партия контрабанды по ту сторону границы начинает распространяться все дальше и шире. Если уж саженцы каучуконосов, невзирая на угрозу смертной казни, были переправлены через границу внутри чучела крокодила, а коконы шелкопряда не могла удержать в стране даже китайская стена, то что уж можно было ожидать от Норвегии с ее морскими границами большой протяженности и низкими штрафами за контрабандный вывоз пушнины? Правда, в 1939 году полиция после бешеной погони настигла моторную лодку, в которой везли трех лисиц. Это были самые обычные черно-бурые лисицы, причем все три — самки. Приветливо принявшись, они подошли к самой сетке своих клеток. Но весь секрет заключался в том, что предварительно они были покрыты самцами платиновой породы. Когда это выплыло наружу, норвежское правительство поспешно издало запрет на вывоз любых пушных зверей, включая норок и куниц. Но было уже поздно.

Вскоре всю датскую прессу обошло сенсационное сообщение о том, что на одной из пушных ферм появились на свет четыре платиновых лисенка. Каким образом — об этом владелец умалчивал. В Швеции в скором времени насчитывалось уже несколько сот платиновых лис, а уже оттуда они самым законным образом переправлялись в другие страны. В Германию они попали таким же образом. Поэтому норвежцы стали призадумываться над тем, а не стоит ли отказаться от запрета и самим снабжать все остальные страны производителями ценной породы? Может быть, это гораздо выгодней?

Да, какие только превратности судьбы не ожидают таких редких знаменитостей! Вот, по моему скромному мнению, например, селедка в пряном соусе значительно вкусней черной икры. У селедки только тот «недостаток», что она дешевле. А дешевле

она потому, что селедок пока еще больше на свете, чем осетров, и что их легче вылавливать. Будь это иначе, в меню самых шикарных ресторанов рядом с омарами и устрицами гордо красовалась бы селедка с картошкой в мундире.

Так и с платиновыми лисами. Судя по тому, что говорят, разводить их ничуть не сложнее и не дороже, чем черно-бурых лис. В тех же вольерах, в которых сейчас сидят черно-бурые, через год уже могут поселиться светлые платиновые лисички; причем даже состав кормов менять не придется. Следовательно, недалек тот день, когда наши модницы смогут приобрести себе за те же деньги вместо черно-бурого манто — платиновое. Только вот беда: тем временем в моду вошли уже норки...

Глава двадцать пятая

АСТЕР

Астер был ястреб, точнее говоря, ястреб-тетеревятник, но такой, о котором в Купферхаммере и окрестных хуторах еще долго будут рассказывать, до тех пор пока живы люди, которым самим пришлось пережить его террор и быть очевидцами его дерзких налетов. Когда ребяташки, мастерящие на лежанке, возле печки, человечков из каштанов, слышали эти рассказы, они до того пугались, что боялись после этого выйти на двор, чтобы добежать до уборной. Повсюду им чудился свист рассекаемого мощным крылом воздуха, в то время как это был всего лишь ветер, скребущий голыми ветками берез по крыше старого сарая...

Помню, как в тот раз настойчиво приглашал меня к себе Килиан. И хотя я отнюдь не сомневался в его дружеских ко мне чувствах, тем не менее понимал, что не одним желанием повидаться со мной объяснялось его приглашение. У него наверняка были и другие соображения практического характера.

У Килиана был обширный птичий двор. И вот за последнее время он то и дело стал находить мертвых несущек, лежащих где-нибудь в укромном углу курятника. Я должен был выяснить, в чем тут дело. Но потом все сложилось совсем иначе. У Килиана появились заботы посерьезнее.

Начались они с того, что Бруно, его помощник, стал приносить изорванных в клочья кур, найденных под одиноко стоящими на поляне деревьями. Килиан вечером, когда все его птичье племя расселось по насестам, провел «перепись населения». И что же он обнаружил? Не хватало целых восемнадцати штук! Восемнадцати его гордых итальянских несушек цвета серой куропатки! Стали подозревать подряд всех на свете: дворовых собак, лису, ежей, куниц, хорьков и даже ворон, пока в один прекрасный день на дворе не раздались оглушительные вопли и отчаянное кудахтанье. Килиан в чем был выскочил из дому и успел заметить лишь тень какой-то хищной птицы, с трудом оторвавшейся от земли с несушкой в когтях и тотчас растворившейся где-то возле опушки леса. Килиан схватил пистолет — единственное имевшееся в доме оружие — и кинулся вслед за разбойником. И он настиг его, как это не покажется странным! Действительно, там, на высокой коряге, сидело что-то темное. Килиан стал медленно приближаться, тщательно прицелился и выстрелил.

Единственным положительным результатом этого выстрела было то, что ястреб уронил свою добычу, а мы получили возможность поесть на ужин куриного рагу. А еще мы увидели, что на опушке повсюду валяются перья и другие остатки от по меньшей мере дюжины ястребиных трапез. Ну прямо хоть плачь!

Начиная с того дня этот наглец повадился залетать именно во двор фермы, вместо того чтобы довольствоваться курочками, разгуливающими на лугу. Разумеется, петухи Килиана тоже не дремали: они зорко следили за небом, накренив вбок свои головы, чтобы лучше видеть, и начинали истошно орать, как только где-нибудь в вышине показывалась хоть самая незаметная точка. Но ястреб и не собирался пикировать с высоты: он стлался в полете низко над самой землей, всего в каких-нибудь тридцати сантиметрах от земли, где ни одна душа не могла его заметить; затем он совершенно бесшумно появлялся из-за крыши сеновала или кустов бузины, а к тому моменту, когда куры с криком бросались врассыпную, он уже улетал, держа одну из них в когтях...

Тогда Килиан решил купить охотничье ружье. Он часами лежал в засаде. Лежал в засаде и я. Но нельзя забывать, что один час состоит из трех тысяч шестисот секунд, а день в свою очередь из четырнадцати часов. И только в одну-единственную из этих пятидесяти тысяч секунд, которую совершенно невозможно определить заранее, разбойник совершает свое нападение. Причем всегда так быстро, что следует считать

достижением уже тот факт, что мы один или два раза успели пульнуть ему вслед!

А в курятнике Килиана становилось все более пусто. Заметно это было и по убывающему количеству яиц, которые ежедневно отгружались в город. Но — тысячу чертей! — мы ведь имели дело не с орлом, не с беркутом же каким-нибудь! Трудно даже поверить, что такая не Бог весть какая большая птица — не больше полуметра в длину и с размахом крыльев, не превышающим одного метра, — в состоянии нанести человеку подобный урон!

Килиан отправился к лесничему. У того тоже были куры, да к тому же еще ярко-белые, заметные издалека, и тем не менее этот чертов ястреб ни одной-единственной курочки у лесничего еще не стащил.

— А вы уж небось заподозрили, — сказал лесничий расстроенному Килиану, — что ястреб заключил с нами, лесниками, пакт о ненападении, нечто вроде союза против вас, деревенских, так ведь? Напрасно. Просто у этой животины гнездо где-то здесь поблизости от меня. Это у них закон такой: там, где выводится потомство, там не грабят!

У лесничего хватало своих дел по горло. Он как раз был занят тем, что засыпал лесную дорогу шлаком, который привозили на двух баржах по каналу. Ему было недосуг возиться с каким-то ястребом. Но к нему каждый день стали наведываться возмущенные крестьяне с проклятиями и руганью, а некоторые даже с угрозами, что не будут давать ему подвод для нужд лесничества, если он не избавит их от обнаглевшего куриного вора.

Делать нечего — хочешь не хочешь, а пришлось лесничему отправиться на поиски гнезда ястреба. И вскоре он действительно услышал характерную переключку двух ястребов: один кричал «киау, киау», а другой отвечал «ги-ги-гик». Стараясь не показывать виду, что он интересуется семейной перебранкой ястребов, лесничий пошел вдоль просеки в ту сторону, откуда раздавались голоса. Но оказалось, что это всего лишь сойки, которые, черт бы их побрал, научились передразнивать ястребов! Нет, разыскать самих ястребов дело, по-видимому, абсолютно безнадежное — слишком они хитры и осторожны. А вот попытаться найти их гнездо — это еще куда ни шло. Стал искать. Но то и дело его вводили в заблуждение спутанные «мочалки» березы или густые переплетения ремнецветов (омелы), темнеющие в кронах деревьев. Наконец он все же нашел, что искал: вот она, мрачная разбойничья крепость, на краю заброшенной просеки, высоко на сосне, у самого ствола.

На другое утро он еще до восхода солнца прокрадывается к этому месту и, спрятавшись за куст, пристраивает на сук ружье, взяв его на изготовку. О, ему слишком хорошо известно, что у него не будет времени вскинуть ствол, он прекрасно знает, что застрелить старого ястреба — дело очень и очень непростое!

Постепенно солнечный свет начинает пронизывать густое переплетение ветвей и чуть освещает глубокую крепость из хвороста. Сверху она, по-видимому, для маскировки от ворующих яйца ворон прикрыта свежесорванными зелеными ветками. На яйцах сидит ястребиха. Она дремлет, и голова ее покоится на краю гнезда, так что сквозь растопорщенное шейное оперение просвечивает нежный серый пушок. Но, заслышав скрип телеги, проезжающей по просеке, птица сразу же настораживается. Какой-то легкомысленный и ничего не подозревающий зяблик опускается совсем рядом с гнездом на ветку сосны и принимается за свои ликующие песни любви, заливаясь и щелкая. Но насиживающая смерть даже не пошевелинулась: возле крепости всем даруется жизнь.

Потом вдруг самки-ястреба не стало. Она соскользнула с гнезда совершенно бесшумно, лесничий не заметил даже тени улетающей птицы. Десятью минутами позже самец-ястреб откуда-то снизу, как стрела, взметнулся кверху и тоже бесшумно исчез в спасительной крепости.

Лесничего постепенно начинает разбирать досада. Два дня сидит он в укрытии, а толку никакого. И дело тут в конце концов вовсе не в жалобах окрестных крестьян, а просто это уже стало делом его чести — перехитрить этих двух хитрецов там, наверху! За два дня, проведенных под деревом с гнездом, он проследил, что у этих птиц в воздухе имеются тоже совершенно определенные проторенные пути, как у зайцев во ржи. Вон там, между двумя верхушками сосен, они, неслышно прочертив воздух крылом, планируют вниз и летят точно вдоль просеки. Он уже знает, когда примерно супруги сменяют друг друга, и прицеливается теперь не в край гнезда, а несколько подалее, прямо на «взлетную дорожку».

В субботу он наконец является домой с мертвым ястребом. Это тот, что поменьше. Значит, самец.

— Ну, надеюсь, теперь фермеры будут довольны — получают то, чего хотели! Но меня больше не заставишь добровольно сидеть в кустах в бесплодном ожидании!

В воскресенье во время обеда Килиан вскакивает из-за стола: две тарелки с супом падают на пол и разлетаются вдребезги. Но все произошло гораздо быстрее, чем я это сейчас в состоянии

описать. По коридору с диким кудахтаньем неслась курица, одна из самых лучших и крупных несушек, и когда она вскочила в комнату, то все увидели, что на спине у нее, вцепившись когтями, сидит большая коричневато-серая птица, которая, распутив крылья, пытается затормозить эту бешеную скачку. Одной лапой она впиалась в спину курицы, а другой старается за что-нибудь зацепиться и поэтому притаскивает за собой в комнату половик, лежавший у входной двери... Процессию завершает пес Илло, бегущий с остервенелым лаем следом за птицами. Взбудораженный хозяин дома швыряет тарелкой в ястреба, тот отпускает свою жертву, опрометью бросается к окну. Стекло со звоном разбивается, и разбойник был таков...

А бедная старая курица все еще продолжает громко вопить, стоя посреди комнаты. Она разрешает взять себя в руки — не вырывается и не протестует. До самого вечера бедняжка так и не может прийти в себя от пережитого потрясения: куда ее поставишь, там она и стоит как вкопанная, словно неживая.

Карл, который был наполовину зоологом, прочел нам после этого целую лекцию о ястребах, упомянув их латинское название *Astur palumbarius*. Это и послужило поводом окрестить зловредную ястребиную самку Астер, и вскоре уже вся округа знала ее именно под этой кличкой. А ведь дикое животное должно прославиться какими-то уж очень впечатляющими «подвигами», чтобы люди начали выделять его среди прочих сородичей и дали ему собственное имя. Но именно этих-то «подвигов» ястреба день ото дня становилось все больше, и поведение его делалось все наглее. Прямо над самой головой Килиана, в каких-нибудь двух метрах от него, Астер хватала и утаскивала с чердака его голубей. Теперь ястребиха перестала обращать внимание на присутствие кого-либо из нас. Это выглядело, прямо скажем, весьма оскорбительно. Бруно уверял, что это месть за убитого супруга, и все ему верили, не слушая справедливых возражений Карла, что дерзкий грабеж объясняется совсем другим: птице приходится теперь в одиночку обеспечивать кормом свое потомство.

— От этих забот я ее скоро избавлю, — бормотал себе под нос Бруно.

Он одолжил у одного связиста пару железных «кошек», при помощи которых лазают на телеграфные столбы, взял мешок и дубину и отправился к ястребиному гнезду. А вдруг разъяренная Астер набросится на него, защищая свое потомство? Раздерет ему когтями лицо? Клюнет в глаз? Нет, ничего подобного не произошло; она лишь, крича, улетела прочь. Бруно убил дубинкой

трех птенцов, а четвертого захватил с собой. У него созрел план, как с его помощью заполучить старую самку.

Инго, как называли птенца-ястреба, которому было каких-нибудь четырнадцать дней от роду, был еще покрыт белым мягким пухом, хотя на спине уже пробивались серые перья. Бруно соорудил ему гнездо в чулане и ежедневно кормил. Это был прожорливый маленький гаденыш, который поначалу все кидался на спину и старался схватить человеческую руку своими уже сильными лапами, вооруженными крепкими загнутыми когтями.

Недели через четыре, когда Инго уже начал летать, в комнату случайно забежала молоденькая курочка. Но не успела она дойти до стола, как Инго моментально схватил ее и снова сел с умерщвленной добычей на свое обычное место. Все было сделано с такой молниеносной быстротой, что никто и опомниться не успел.

Килиан написал мне в город письмо, что, по всей вероятности, ему придется расстаться с фермой. Ведь разведение кур и продажа яиц были основной статьей его дохода на этой скудной, неплодородной песчаной почве, а теперь это дело все больше и больше приходило в упадок. И все из-за проклятого ястреба! Уж он пообещал триста марок за его голову; двое других крестьян от себя еще добавили по пятьдесят марок — получилось четыреста. На постоялом дворе повесили об этом объявление; такое же висит на общинной доске объявление в деревне — словно бы речь шла о поимке опасного преступника. Но кто? Кто окажется в силах заработать эти деньги? Ведь даже хитроумный расчет Бруно потерпел фиаско: он привязал Инго к колышку в качестве приманки и пристроил вокруг него ловчую сеть. Килиан уж даже и не знал, радоваться ли тому, как терпеливо Бруно часами просиживает с веревкой в руках, спрятавшись за дверями сеновала, или огорчаться, что тот почти перестал работать в поле? Что же касается Астер, то она на второй же день после устройства западни совсем рядом с ловчей сетью схватила и убила молоденькую курочку. На своего отпрыска Инго она не обратила ни малейшего внимания!

А с тем тоже уже стало опасно связываться. В чулан к нему можно было входить, лишь спрятав руки за спину, иначе он мгновенно вцеплялся в них мертвой хваткой. Стоило ему только поймать одну из рук, как он впивался в нее когтями, а если человек пытался освободить себя другой рукой, он хватал и ту второй своей желтой лапой: получалось нечто вроде весьма болезненных наручников. Тогда уж лучше было не шевелиться, потому что острые, как кинжалы, когти могли повредить сухо-

жилия и даже кости. Да, Инго был достойным сыном своей разбойничьей мамы! К счастью, он никогда не бросался в лицо, а только на руки и на ноги (на которых он продырявливал когтями брюки и впивался в голень). Тот, кто входил в комнату с зарезанной курочкой или кроликом, часто не успевал бросить эту добычу ястребу: в мгновение ока он кидался и хватал ее вместе с рукой! Но сам процесс поглощения пищи у ястреба происходил уже неторопливо и степенно.

Когда Инго сидел на своем месте для сна и слышал, как Бруно нарочно скребет пальцами ног внутри ботинка, он тотчас же настораживался и начинал от удивления поворачивать голову таким образом, что, казалось, вот-вот скрутит себе шею.

Что же касается Астер, то она продолжала оставаться какой-то необъяснимой загадкой. Лесничий утверждал, например, что видел своими глазами, как она убила и сожрала даже самку сарыча, которая осмелилась попытаться отбить у нее добычу. Обычной же пищей ястребу служили помимо домашних кур и голубей большей частью дикие животные, начиная с зайцев, кроликов, белок, из птиц — жаворонков, чибисов, сорок, дроздов, неясыти, зябликов, дятлов, вяхирей, большой синицы и обыкновенной овсянки и кончая лесными мышами.

В других местностях случается, что ястребы специализируются в основном по водоплавающим птицам. Но здесь были только искусственные пруды, и обитающие в этом районе ястребы не были приучены к охоте на воде. Поэтому на хороводы жирных уток они не обращали ни малейшего внимания: те для них просто-напросто не существовали. Не будь поблизости домашних кур, то живущих в округе мелких певчих птиц могло бы и не хватить на то, чтобы прокормить этих ненасытных «джентльменов удачи», несмотря на то что они в поисках пищи рыскали порой на расстоянии пяти километров от гнезда. Астер удавалось одолеть даже серую цаплю! Лесничий нашел бранные останки от ее трапезы и видел своими глазами, как эта бесстрашная разбойница нападала на следующую цаплю.

«Если уж она принялась зайцев убивать,— говорили испуганные деревенские мамы,— то не ровен час она может ухватить и маленького ребенка? Ведь он немногим больше зайца!»

На следующий день прибежал домой громко вопящий пятилетний мальчишка. Он утверждал, что за ним гналась большая темная птица.

«Господи, да что же это такое! — причитали женщины.— Нашу домашнюю птицу почти всю перетаскало это отродье, разорило совсем, окаянное, а теперь еще и за детей наших взялось!»

Встревоженные матери перестали отпускать своих детишек играть возле леса. Наконец людям стало ясно, почему никак не удается справиться с этой зловещей Астер: она заколдована. В нее вселился бес. Ведь известно, что он умеет перевоплощаться. Вот он и превратился сейчас в ястреба. Принял облик старой Астер! А от подобной адской скотины можно чего угодно ожидать, ведь ясно, что это никакой не ястреб, и силища у него похлеще, чем у орла или даже медведя...

Какой уж тут прок от того, что община увеличила размер премии за голову Астер еще на триста марок, так что теперь она стоила все семьсот? Все равно ничего из этого не получится! Зря только вывешивают подобное на доске объявлений.

Однако кое-кого объявление все же заинтересовало. Это был Леберехт Зидетопф, дачник, приехавший в эти места провести свой летний отпуск. Узнав, что объявлен розыск неуловимой Астер, он принялся насвистывать свою любимую песенку про красотку мельничиху. Он ее насвистывал всегда, когда ему подворачивалось выгодное дельце, когда он нападал на верный след удачного бизнеса. А вы ведь знаете, что для того, чтобы повернуть выгодное дельце, надо иметь только пару хороших идей в голове и уметь комбинировать. И хотя Зидетопф и понятия не имел, как выглядит такой ястреб, и тем более не знал, как его ловят, тем не менее он где-то прочел, что ворон, ястребов и других птиц можно привлечь живым филином, а затем спокойно пристрелить. Живого филина, даже почти ручного, содержал у себя дома чудаковатый любитель птиц, живущий в Котбусе. Не будем жадничать и предложим ему великодушно тридцать марок за прокат филина.

Там, где человеческий глаз не увидел бы ничего, кроме затянутого дымкой горизонта, там старая Астер заметила какое-то подозрительное оживление среди воронья — их явно что-то волновало. Астер осторожно подлетела поближе. Но когда она увидела сидящее на пеньке удивительное чудище — ушастое, шипящее во все стороны и щелкающее клювом, тут с ее хваленой воровской осторожностью было покончено. Кто знает, что привело ее в такую дикую ярость? Ведь филинов в окрестностях Купферхаммера не было уже десятки лет. Во всяком случае Астер явно никогда еще не приходилось их видеть. Могла ли она *знать*, что филин, этот зловещий владыка ночи, способен победить даже таких опасных дневных разбойников, как ястребы? Что он нападает в кромешной тьме на их гнезда, разоряет и пожирает целые ястребиные выводки, да и взрослых птиц способен умертвить и разорвать на части, пользуясь прикрытием темноты?

Но известно ведь, что можно десять поколений цыплят вывести в инкубаторе, и все равно одиннадцатое, когда вырастет, будет точно знать, как подзывать к себе свой выводок, как ухаживать за цыплятами, и станет проявлять по отношению к ним всю полноту материнской любви, которой сами эти птицы были начисто лишены. И точно так же, как любовь, многие животные наследуют в течение целого ряда поколений и ненависть. Во всяком случае, как только Астер увидела хлопающее глазами чудище, она тут же очертя голову кинулась на него. Воронам теперь пришлось поделить свое недовольство между филином и ястребом, но что уж такого особенного они могли бы сделать с этими двумя хищниками?

Астер облетела вокруг коричневатого-черного врага, а тот, привязанный за ногу к колышку, только поворачивал голову, следя за ее полетом. Но как только Астер собралась на него спикировать, из близлежащей засады, замаскированной травой, вырвалась яркая вспышка огня. И вот дерзкий ястреб, который с высоты своего полета мог обозревать озера и горы, все земли, протянувшиеся от Альтфатерфорста до самого Фюрстбишофсвальда, теперь дергался всем телом и беспомощно прыгал по траве. Он схвачен рукой в кожаной перчатке, связан за ноги, и его тащат, словно курицу, через всю деревню... А затем Астер запикивают в проволочную клетку и выставляют для обозрения. Она сидит, эта старая жестокая хищница, и ждет своей участи. Ждет конца. Ее неподвижные ярко-желтые глаза без выражения смотрят на зевак, которые ежедневно собираются вокруг ее клетки, разглядывают и дразнят ее. Тот, кто еще пару дней назад утверждал, что убить ее можно только серебряной пулей, что она неуязвима, сейчас находил, что она в общем-то самая обыкновенная и даже не очень-то крупная птица. Тот, кто еще воскресным вечером не решался пройти по лесной дороге, тот теперь, стоя перед клеткой, выторговывал себе ее тушку, из которой собирался сделать чучело и повесить в пивнушке «Золотая люлька». О, как их можно возненавидеть, этих людей, которые, стоя в зоопарке перед клеткой с гибкой, стройной, урчащей пантерой, мечтают только о меховом манто! Это именно они способны, стоя у постели умирающего, шепотом говорить о дележе наследства.

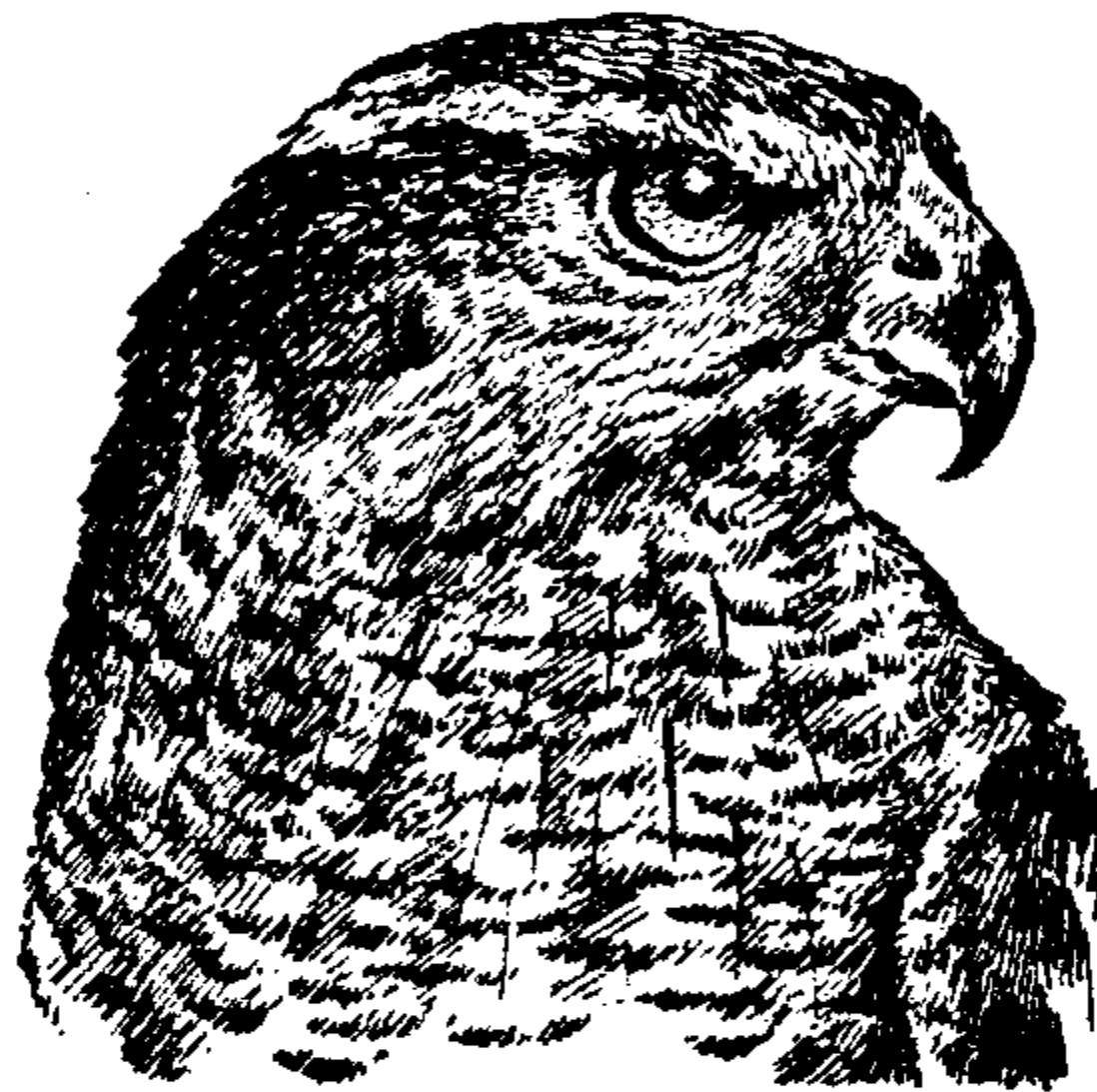
Вскоре некоторым из зрителей показалось слишком скучным смотреть, как Астер неподвижно сидит на перекладине. Хотелось как-то развлечься. Решили притащить Инго, ее детеныша, и посадить к ней в клетку. Но птицы лишь оглядели друг друга безразличным взглядом и уселись неподвижно одна против другой. Однако полдня спустя обнаружили Астер сидящей на ос-

танках Инго и судорожно заглатывающей добычу. Она осталась верна себе и после своего падения!

В нашей удивительной человеческой натуре заложено и то, что мы невольно, не признаваясь себе в этом, преклоняемся перед тиранами. Даже если они мучили и порабощали людей, лишали их покоя и благосостояния, мы желаем им, может быть, жестокой, лютой смерти, но не бесчестного, смехотворного конца, под злорадное улюлюканье толпы. Поэтому когда Астер день спустя удрала через отверстие, образовавшееся в оторванной проволочной сетке, я не один порадовался тому, что она не будет висеть в виде чучела в табачном дыму пивнушки «Золотая люлька».

Улетела ли она в какую-нибудь другую, отдаленную местность или ее, еще обессиленную и с перебитым крылом, сожрал филин, недавно поселившийся в этих местах?

Во всяком случае, ее уже больше никогда здесь не видели.

СОДЕРЖАНИЕ

МЫ ВО ВСЕ НЕ ТАКИЕ

<i>Предисловие</i>	7
<i>Глава первая. Ула</i>	9
<i>Глава вторая. Пурцель и ему подобные</i>	28
<i>Глава третья. Такса Никса — милая нахалка</i>	36
<i>Глава четвертая. Собака, которая сама выбрала себе хозяина</i>	42
<i>Глава пятая. Способен ли Штрупка считать и угадывать мысли?</i>	48
<i>Глава шестая. Про слонов</i>	55
<i>Глава седьмая. Нежданные постояльцы</i>	82
<i>Глава восьмая. Верны ли неразлучники?</i>	115
<i>Глава девятая. Мой друг Сента</i>	120
<i>Глава десятая. Волк Чингис</i>	130
<i>Глава одиннадцатая. Семейка резус</i>	177
<i>Глава двенадцатая. Туло, или Вокруг жирафа</i>	197

НАШИ БРАТЯ МЕНЬШИЕ

<i>Предисловие</i>	243
<i>Глава первая. Подопытное животное — тигр</i>	245
<i>Глава вторая. Осторожно: тигры!</i>	286
<i>Глава третья. Кровавый каучук, или Бизнес на искалеченных индейцах</i>	291

<i>Глава четвертая. Инстинкт или разум?</i>	302
<i>Глава пятая. Как попугай узнает своего хозяина?</i>	310
<i>Глава шестая. Лошадиный дантист</i>	320
<i>Глава седьмая. Черно-белые</i>	329
<i>Глава восьмая. Две родины кошки</i>	334
<i>Глава девятая. «Витаминные фабрики» животных</i>	343
<i>Глава десятая. От Древней Греции до наших дней</i>	352
<i>Глава одиннадцатая. Становление собачьей «личности»</i>	356
<i>Глава двенадцатая. «Одиссея» и охрана природных богатств</i>	362
<i>Глава тринадцатая. Слоновья нога</i>	370
<i>Глава четырнадцатая. Музыкальны ли животные?</i>	373
<i>Глава пятнадцатая. Как от них избавиться?</i>	380
<i>Глава шестнадцатая. «Мартышкина любовь»</i>	390
<i>Глава семнадцатая. Может ли пава умереть «с горя»?</i>	396
<i>Глава восемнадцатая. Лошади и горы</i>	402
<i>Глава девятнадцатая. Подкидыши</i>	407
<i>Глава двадцатая. Есть ли животные с «шестым чувством»?</i>	416
<i>Глава двадцать первая. Кто смысленнее: волк или собака?</i>	425
<i>Глава двадцать вторая. Гаги — обитатели северных морей</i>	430
<i>Глава двадцать третья. Про белых медведей</i>	435
<i>Глава двадцать четвертая. Норвежская сенсация</i>	442
<i>Глава двадцать пятая. Астер</i>	447

К ЧИТАТЕЛЯМ!
*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по «Зеленой серии»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА*

Гржимек Б.

Г 81 Наши братья меньшие: Мы вовсе не такие; Наши братья меньшие / Пер. с нем. Е. Геевской; Худож. А. Ермаков. М.: АРМАДА, 1998.— 458 с.: ил. (Зеленая серия).

ISBN 5-7632-0807-2

Животные зачастую совсем не такие, какими мы их себе представляем. Их поведение таит в себе много загадок. Автор подводит читателей к разгадке многих тайн в поведении и физиологии наших братьев меньших. Умеют ли собаки считать? Обезьянничать? Слоны запоминать? Как спят жирафы? Ответы на эти и многие другие вопросы — в чудесной книжке знаменитого немецкого писателя и журналиста.

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4)-44я5

РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

**БЕРНГАРД ГРЖИМЕК
НАШИ БРАТЯ МЕНЬШИЕ**

**МЫ ВОВСЕ НЕ ТАКИЕ
НАШИ БРАТЯ МЕНЬШИЕ**

Ответственный редактор

Е. П. Карезина

Художественный редактор

В. В. Голубева

Технический редактор

А. А. Ершова

Компьютерная верстка

И. В. Поддубный

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,15. Тираж 8000 экз.
Изд. № 2239. Заказ № 6068.

Издательство АРМАДА

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Изд. лицензия № 065874 от 06.05.98

Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01643.С.98

Отпечатано в типографии издательства

«Самарский Дом печати»

443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

